

**ЧОКАН  
БАЛИХАНОВ**  
СОБРАНИЕ  
СОЧИНЕНИЙ



ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ  
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ  
ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

**Ш. Ш.  
УӘЛИХАНОВ**

**Бес  
ТОМДЫҚ  
ШЫҒАРМАЛАР  
ЖИНАҒЫ**

**1 том**

ҚАЗАҚ СОВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЫНЫҢ  
БАС РЕДАКЦИЯСЫ  
Алматы 1984

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ  
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

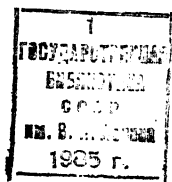
У 85-2  
91-1

**Ч. Ч.  
ВАЛИХАНОВ**

**Собрание  
сочинений  
в пяти  
томах**

**том 1**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ  
КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ  
Алма-Ата 1984



### РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ж. М. АБДИЛЬДИН  
З. А. АХМЕТОВ  
М. К. КОЗЫБАЕВ  
Б. Е. КУМЕКОВ  
А. Х. МАРГУЛИАН (ответ. редактор)  
Г. М. МУСРЕПОВ  
Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ  
Б. А. ТУЛЕПБАЕВ

### СОСТАВИТЕЛИ

В. Я. БАСИН  
И. В. ЕРОФЕЕВА  
Б. Е. КУМЕКОВ  
В. Н. НАСТИЧ

### Валиханов Ч. Ч.

В15 Собрание сочинений в пяти томах. Том 1 — Алма-Ата:  
Главная редакция Казахской советской энциклопедии,  
1984, 432 с., 21,5 см.  
В пер.: 1 р. 80 к. 15 000 экз.

Настоящая книга является первой из 5-томного Собрания сочинений выдающегося казахского ученого, просветителя-демократа Чокана Чингисовича Валиханова. В ней публикуются очерк о жизни и творческой деятельности ученого, его труды по истории, географии и этнографии, восточной фольклористике и языковедению, написанные в 1851—1856 гг. В издание включены ранее неопубликованные работы из творческого наследия Ч. Ч. Валиханова, оно снабжено обширными комментариями, иллюстрациями. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

63.3(2К) +63,5

0505040000—002  
В  $\frac{406(07)-84}{014.84}$

2-е изд. Доп. и переработанное.

## ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящее издание подготовлено к 150-летию со дня рождения выдающегося казахского ученого, просветителя и демократа Чокана Чингисовича Валиханова. Выходец из среды кочевого народа, он сумел подняться до вершин научного и общественного прогресса и занять почетное место среди востоковедов России XIX в. Его путешествия на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан, научные труды и исследования явились важным вкладом не только в русское, но и в мировое востоковедение. Он первый ознакомил мировую общественность с социально-экономической и политической обстановкой в Кашгарии, дал изумительный по глубине и оригинальности очерк этой страны, сообщил ценные сведения по истории, этнографии, политическому положению Киргизии, оставил значительные труды по истории Казахстана.

Тесно общаясь с передовыми людьми своего времени — Ф. М. Достоевским, С. Ф. Дуровым, В. Крестовским Ч. Валиханов стал убежденным сторонником прогресса, поборником просвещения и демократических преобразований. В своих печатных трудах, в записках по поводу реформ в Казахстане он обличает «бюрократический хаос» в управлении краем, выступает против насаждения ислама, засилия мусульманского духовенства, добивается приобщения казахского народа к передовой русской и европейской культуре, ищет пути преодоления отсталости народов Востока. Общественно-политическая деятельность Чокана Валиханова способствовала пробуждению самосознания казахского народа, его сближению с угнетенным русским народом и, в конечном счете, к объединению усилий в борьбе против самодержавия, феодальной и капиталистической эксплуатации, укреплению дружбы русского и казахского народов.

Научное наследие Чокана Валиханова велико и разнообразно. Разработка его ведется уже свыше 100 лет. Огромный вклад в изучение рукописного наследия Валиханова и издание его трудов внесли казахстанские ученые и прежде всего академик АН Казах. ССР А. Х. Маргулан, под руководством которого было издано пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова. Со времени издания этого собрания сочинений прошло двадцать лет. Совет-

ская историческая наука, в том числе ее казахстанская ветвь, шагнули далеко вперед. Решены многие научные проблемы, введен в оборот новый фактический материал, подтверждающий правильность тех или иных выводов и оценок деятельности Ч. Валиханова, уточняющих их или же отрицающих. Усилиями казахстанских ученых, писателей, краеведов — С. Бегалина, К. Бейсембиева, С. Муканова, С. Зиманова, А. Атишева, О. Сегизбаева, Н. Ивлева и других, по-новому прочитаны многие страницы жизни Ч. Валиханова, найдены новые документы, глубоко проанализированы и изучены различные аспекты его научной и просветительской деятельности, мировоззрения. Учитывая это, а также то, что Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова стало библиографической редкостью, Академия наук Казахской ССР подготовила к изданию пятитомное собрание сочинений казахского ученого. В основу настоящего издания положен хронологический принцип. В первый том вошли дневники и статьи Ч. Ч. Валиханова, написанные им в начальный период научной деятельности в 1853—1855 гг.; второй том составлен из работ периода 1856—1857 гг.; третий том охватывает наиболее плодотворный отрезок научной и просветительской деятельности Чокана Валиханова с 1858 по 1861 гг.; четвертый том составлен из статей и записок, датированных с 1862 г. до конца его творчества, недатированных публикаций и архива ученого; пятый том включает эпистолярное собрание и материалы биографии. Художественное наследие ученого — его рисунки, зарисовки и т. п. войдут, согласно хронологии, в соответствующие тома в качестве иллюстраций.

Издание пятитомного собрания сочинений Чокана Чингисовича Валиханова базируется на выпуске сочинений казахского ученого и просветителя, осуществленном в 1961—1972 гг. В настоящее издание включены ранее неизвестные статьи и письма Ч. Ч. Валиханова, уточнены комментарии, внесены некоторые поправки и уточнения в текст статей с учетом достижений современной исторической науки.

Тексты переданы с полным сохранением всех особенностей языка автора. Принятая для этого издания орфография и пунктуация приближена к современным нормам русского языка.

Географические названия, а также личные имена на казахском, киргизском и других тюркских языках даны в транскрипции Ч. Валиханова с сохранением всех встречающихся вариантов. Унификация и приближение к современной орфографии сделаны лишь в отношении слитного написания составных географических названий типа Аксу — Алатау, т. е. образованных сочетанием определения и определяемого нарицательного имени, воспринимаемых в качестве географического названия как одно словосочетание.

Раздельное написание оставлено за составными названиями, в которых первая часть — определение, а вторая — собственное имя. Раздельное написание сохранено также за составными наз-

ваниями, по-русски оформленными Валихановым в частично сокращенной форме.

Встречающиеся у Ч. Валиханова изречения, поговорки и отдельные слова на различных языках сохранены в тексте на языке оригинала, а перевод их дан в сносках. Все собственные имена, термины, географические названия оставлены в транскрипции подлинника («киргиз-кайсаки», «казаки», «киргизы» — вместо «казахи»; «буруты», «дикокаменные киргизы» — вместо «киргизы» и т. д.); эта терминология при жизни Ч. Валиханова бытовала и была широко распространена.

В первом томе произведения Ч. Ч. Валиханова публикуются по пятитомному изданию 1961—1972 гг. В этом издании тексты статей «Козы-Көрпеш и Баян-Сулу», «Географический очерк Запильского края», «О киргиз-кайсацкой Большой Орде», «Составные части киргиз-кайсацкого пороха», «О хлебопашестве», «Юрта», «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще», «Замечания на третью часть описания киргиз-казацких орд (А. И. Левшина)», «Об управлении казаками Большого жуза», «Образец причитаний», «Поговорки Большой Орды», «О формах казахской народной поэзии» подготовлены акад. А. Х. Маргуланом; «Тенкри (бог)», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» — Л. М. Ауэзовой; «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», «Письмо профессору И. Н. Березину», «Песни Урака», «Песня об Аблае», «Отрывок из дневника» — Дж. Х. Кармышевой; «Извлечения из جامع التواريخ» — М. С. Турсуновой. В проведении текстологической работы принимали участие П. Г. Галузо, А. Б. Никольская, Г. Валиханов и др.

Дополнительную работу над текстами сочинений Ч. Ч. Валиханова, вошедшими в том, выполнили В. Я. Басин, Б. Е. Кумков, И. В. Ерофеева, Н. Н. Мингулов, В. А. Моисеев, В. Н. Настич, В. К. Шуховцов. Именной, географический и этнический указатели составлены И. В. Ерофеевой, Т. П. Волковой, Л. И. Копыловой. Иллюстративный материал готовили С. К. Утениязов и К. А. Власов.

**ОЧЕРК ЖИЗНИ  
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА**



## ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

В 30-х годах XVIII в. начался процесс присоединения казахских земель к Русскому государству, длившийся более ста лет\*<sup>1</sup>. Добровольное присоединение Казахстана к России, вопреки реакционной колонизаторской политике царизма, имело большое прогрессивное значение. Передовая русская культура и наука стали оказывать плодотворное влияние на развитие казахской демократической культуры. Проникновение русской прогрессивной мысли в Казахстан положило начало глубоким изменениям в сознании казахского народа, вызвало его тяготение к русской культуре, к образованию. Появление на исторической арене Чокана Валиханова могло произойти только в результате экономического и культурного общения двух народов — русского и казахского.

Предки Ч. Ч. Валиханова принадлежали старинному султанскому роду. Его прадед, хан Среднего жуза Аблай, одним из первых принял русское подданство и на протяжении всей жизни поддерживал торговые и политические связи с Россией. Старший сын Аблая — Вали, последний хан Среднего жуза, развивал эти связи\*<sup>2</sup>. Вали, от которого Чокан Валиханов получил свою фамилию, приходился ему родным дедом.

Семейные предания Валихановых, записанные Г. Н. Потаниным во второй половине XIX в., сообщают: «У хана Вали были две зимовки — одна на ханском озере, на востоке от Кокчетова, другая на Сырымбете. Потомки от первой жены Аблая Сайман живут и теперь там (т. е. на Боровом). Дети Айганым (младшей жены хана Вали) на Сырымбете»\*<sup>3</sup>.

Главная ставка, перешедшая по наследству к Вали-хану и его потомкам, находилась на озере Боровом и была известна под

---

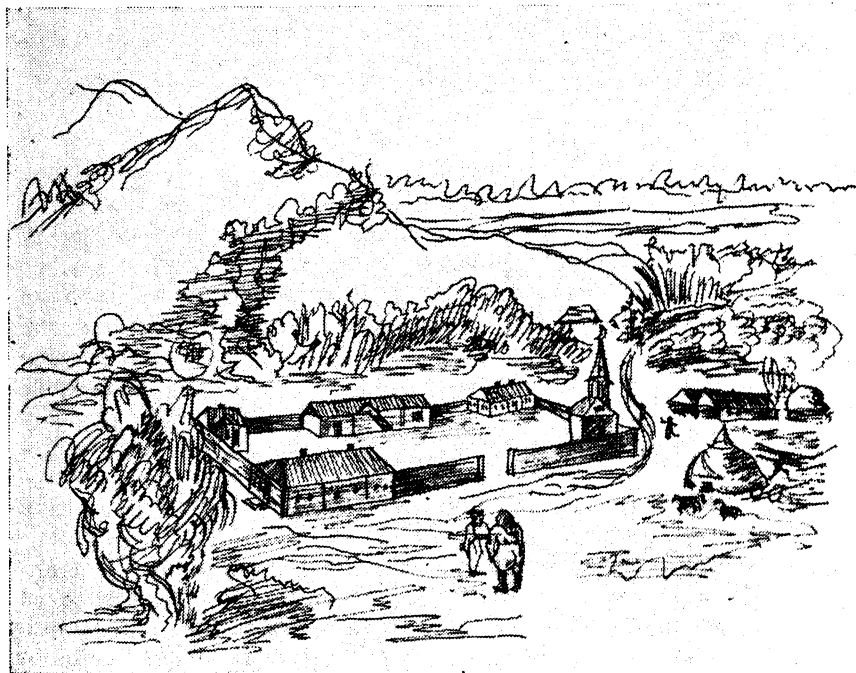
\*<sup>1</sup> История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 3, Алма-Ата, 1979.

\*<sup>2</sup> См.: *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.

\*<sup>3</sup> *Потанин Г. И.* Этнографические записки НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, л. 3144.

разными наименованиями (Урда, Хан-кон, Ханьын Кзыл-Агаши и т. д.)

После ликвидации ханской власти и принятия «Устава о сибирских киргизах» бывшие наследственные земли (имения) Вали-хана были разделены между его сыновьями. Его коренная юрт-ставка Кзыл-Агаш перешла к старшему сыну Губайдулле и



Усадьба Айганым в Сырымбете. Рис. Ч. Ч. Валиханова. 1853.

потомкам последнего,<sup>\*4</sup> а Сырымбет достался детям его от младшей жены Айганым.

Отец Чокана — Чингис Валиев, внук хана Аблая, родился в Кзыл-Агаше (по другим данным в Сырымбете) в 1811 г. Когда умер Вали, Чингису было десять лет. С юных лет Чингис тесно общался с русскими, окончил Омское войсковое училище, был одним из тех казахских феодалов, которые пошли на сближение с царской администрацией. Отцовское наследство должно было перейти к старшему сыну Вали — Губайдулле. Однако по политическим причинам Губайдулла не мог воспользоваться этой привилегией. Главой семьи стала вдова хана Вали — Айганым (1783—1853 гг.), бабка Чокана Валиханова.

<sup>\*4</sup> О разрешении султану Валиханову строительства домов на урочище Коп-Куль и Кызыл-Агач. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1918, л. 340.

Это была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Петербурге. Айганым пользовалась большим авторитетом у местного населения. Судя по архивным источникам, круг общественно-политических интересов Айганым был довольно широк. После принятия «Устава о сибирских киргизах» без ее участия не проходило ни одно сколько-нибудь важное событие в Центральном и Северном Казахстане.

Айганым стремилась к укреплению дружественных отношений между казахами и русскими. Она помогала русским ученым и инженерам, занимавшимся геодезическими исследованиями в Казахской степи. «Айганым, родная его бабка по отцу,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— вдова хана Валия со своими детьми осталась верной России, в то время, когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить ей в Киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов».\*<sup>5</sup>

Айганым хорошо понимала значение русского образования. В 1827 г. она отдала своего сына Чингиса, отца Чокана, в училище Сибирского линейного казачьего войска. Училище имело общеобразовательный уклон и давало среднее образование; при нем был специальный класс восточных языков для подготовки квалифицированных переводчиков и топографов. После семилетнего обучения Чингис вышел из училища достаточно образованным человеком, осведомленным в вопросах науки, литературы и искусства, а также истории, географии и статистики своей страны. Чингис был одним из первых казахов, хорошо знавших русский язык, и благодаря этому ему были доступны богатства русской культуры.

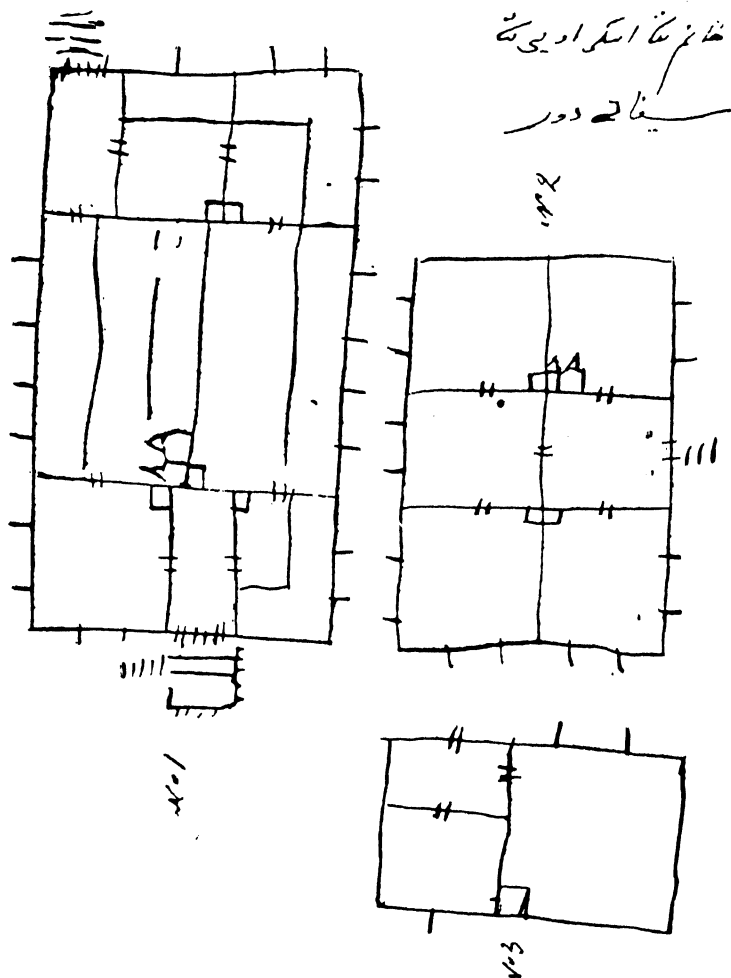
По окончании войскового училища Чингис, в возрасте 23 лет, назначается старшим султаном только что образованного Аман-Карагайского округа, с присвоением чина майора, а затем — полковника. В год окончания войскового училища (1834 г.) после переезда в Аман-Карагай Чингис женился на Зейнеп Чормановой, сосватанной, согласно обычаю, ему еще в детстве.

В ведении старшего султана находились многочисленные казахские аулы племен атыгай, караул, керей, кипчак и уак (онгит), живших по рекам Убагану, Кундузды, Терсбутаку и у оз. Кушмурун. Земля, занимаемая этими племенами, их зимние и летние стоянки впоследствии были запечатлены в зарисовках и чертежах юного Чокана, сделанных им во время летних каникул (1850—1852 гг.).

---

\*<sup>5</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, Мемуары, т. II. М., 1946, с. 54.

В 1835 г. центр Аман-Карагайского округа был переведен в Кушмурун и в связи с этим округ стал называться Кушмурунским. К этому времени заканчивается постройка Кушмурунской крепости со всеми жилыми и хозяйственными сооружениями и казармой для гарнизона. Семья Валиханова поселилась в ней. Неподалеку, в северо-западной дубраве, у Кушмурунского озера,



План усадьбы Айганым. Рис. Ч. Ч. Валиханова. 1853 г.

в широкой лесной тени была построена оригинальная летняя ставка, которую Валихановы назвали «Кун-тмес» — «Солнце не падает». На карте Чокана она названа «біздің үй» — «наш дом». Там Чингис собирал всех своих русских друзей, там с ним беседовали ученые, журналисты и многочисленные инженеры.

В Кушмуруне Чингис прожил двадцать лет. Здесь он обзавелся большой семьей. У него было семь сыновей и пятеро дочерей, из которых только Сахиб-Керей (Козыке), Апия и самый младший Нурмухаммед (Кокыш) родились в Сырымбете, все старшие — в Аман-Карагае и Кушмуруне. Кушмурун стал второй родиной Чингиса.

В 1853 г. по предложению генерал-губернатора Западной Сибири царское правительство издало распоряжение об упразднении Кушмурунского окружного приказа и «состоявших в оном пять волостей причислить к Кокчетавскому округу»<sup>\*6</sup>. В приказе говорилось: «Взамен упраздненного Кушмурунского приказа открыть новый окружной приказ при месте расположения Атбасарской станции, под названием Атбасарского окружного приказа»<sup>\*7</sup>.

Таким образом, вместо Кушмуруна новым административным центром стал населенный пункт Атбасар, расположенный на р. Ишим, к северо-западу от Акмолинского приказа. В июне 1853 года Чингис с семьей покинул давно обжитый берег Убагана и возвратился в Сырымбет, в усадьбу своей матери, где и провел большую часть своего детства Чокан Валиханов.

Описание фамильной усадьбы и обстановки в доме Валихановых наиболее полно представлено в записках офицера Генерального штаба А. К. Гейнса, принимавшего участие в исследовании Казахстана в качестве члена Степной комиссии в 1856—1867 гг. Он писал: «Зимовка Чингиса лежит от настоящего места кочевки в 10 верстах. Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посредине мечеть. В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещицкому. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, обшитые тонким, но широким аграмантом. В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинута тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. Общее впечатление приятно»<sup>\*8</sup>.

В Сырымбете Чингис жил только зимой, летом кочевал. Иногда вместе с Чингисом кочевали Чокан и Г. Н. Потанин, приезжавшие к нему отдыхать на лето. В 50—60-х годах XIX в. джайляу (летние стоянки) Чингиса находились далеко от Сырымбета, в верховьях Ишима, в нынешней Атбасарской степи. Его наиболее известные джайляу, по описанию Г. Н. Потанина, были Кулаайгыр, Калмакколь, Салкынкколь и Токты. Позднее

<sup>\*6</sup> ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4257, л. 13—30.

<sup>\*7</sup> Там же.

<sup>\*8</sup> Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, т. 1, СПб., 1895, с. 265.

маршруты кочевания сократились, и Чингис проводил лето недалеко от Сырымбета, на урочищах Саумалколь (Аиртау), Куйгенколь, Акжар, расположенных в Казанском районе. К концу XIX в. семья Валихановых перестала кочевать и жила в пределах Сырымбета.

О Чингисе сохранились данные в многочисленных архивных и литературных источниках, которые характеризуют его как

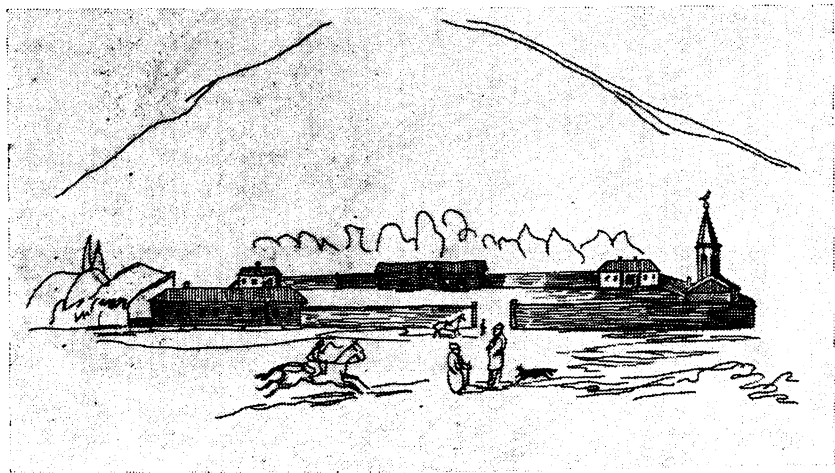


Встреча чиновника в ауле Сырымбет.  
*Рис. Ч. Ч. Валиханова. Перо. 1854 г.*

знатока быта, обычаев, экономической и политической жизни казахского общества той эпохи. Для своего времени Чингис был культурным и образованным человеком, ценителем науки, литературы и искусства. Своей деятельностью он немало способствовал приобщению казахов к передовой русской культуре. Чингис оказывал энергичное содействие ученым, приезжавшим в Северный Казахстан для проведения научно-исследовательских работ. К нему нередко обращались научные учреждения и отдельные ученые в надежде получить новые сведения о Казахстане. В таких случаях он всегда с большой охотой делился своими знаниями и тем обширным материалом, который имелся в его распоряжении.

Он часто помогал своими юридическими и статистическими сведениями С. Сотникову, И. И. Ибрагимову, А. К. Гейнсу, А. К. Крохалеву и другим исследователям, писавшим об обычном праве казахов. По просьбе научных учреждений и отдельных ученых он неустанно собирал материалы казахского фольклора и этнографии, которые передавал М. В. Ладыженскому, Н. Ф. Костылецкому, Г. Н. Потанину, Обществу антропологии и

этнографии при Казанском университете. Н. Ф. Костылецкий — учитель Чокана — в одном из своих писем к профессору И. Н. Березину в 1852 г. писал: «Хочу познакомить Вас с содержанием народной поэмы «Козу-Курпеч и Баян-Сулу», список которой доставлен был одному из покойных моих приятелей старшим султаном Кушмурунского приказа Чингисом, сыном последнего хана Средней орды Валия»<sup>\*9</sup>.



Вид на усадьбу с восточной стороны.  
*Рис. Ч. Ч. Валиханова. Карандаш. 1853 г.*

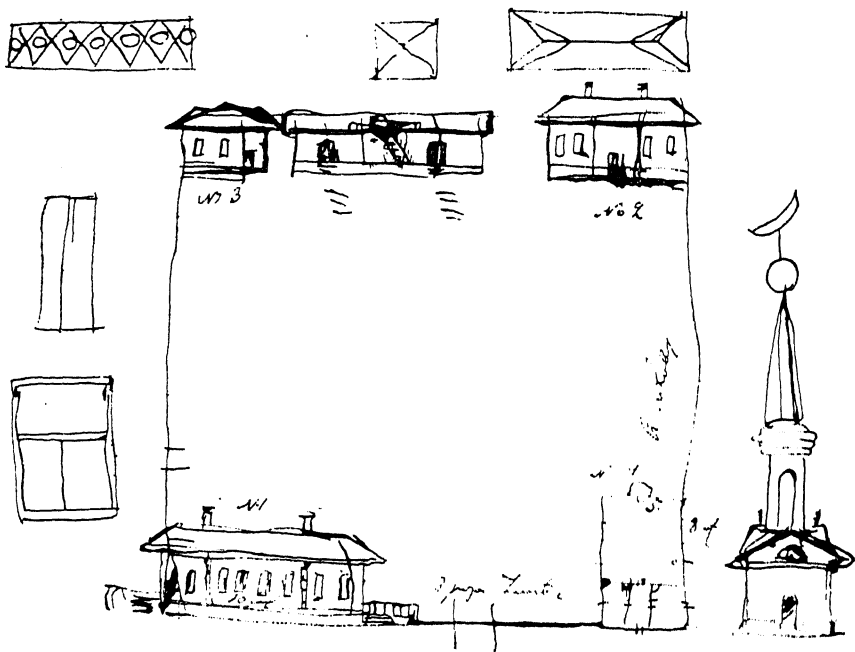
Чингиса, как отца Чокана и поборника русской науки и просвещения в Казахской степи, хорошо знали в Москве и Петербурге, особенно в Географическом и Антропологическом обществах, для которых он собрал редкие этнографические экспонаты из жизни казахов. Большой материал он передал Московской промышленной выставке, организованной после завершения присоединения Средней Азии к России. Отдельные предметы, собранные им по просьбе проф. В. В. Григорьева для этнографической коллекции, ныне хранятся в музеях гг. Ленинграда, Москвы и Гамбурга.

Прогрессивные устремления отца Чокана наиболее четко оформились после его ухода в отставку. Это обстоятельство нашло определенное отражение в событиях, последующих за политическим процессом над «сибирскими сепаратистами». В 1865 г. Чингису было предъявлено политическое обвинение, находившееся в прямой связи с распространением в Омском кадетском корпусе прокламации «К патриотам Сибири» и арестом друзей Валихановых — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядрищцева, Ф. Н. Усова

<sup>\*9</sup> НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, № 1296, л. 5340.

и других. В Омском архиве сохранилось дело под названием «О преступных мыслях против правительства, выраженных султаном полковником Чингисом Валихановым»<sup>\*10</sup>.

Кроме Чокана, у Чингиса Валиханова было еще несколько талантливых сыновей, получивших русское образование. Наиболее даровитым из братьев Чокана был Сахиб-Керей (Козыке),



Часть усадьбы Айганым. Рис. Ч. Ч. Валиханова. Перо. 1853 г.

умерший в молодые годы. Это был незаурядный поэт и композитор, доставлявший своими песнями немало радости ценителю искусства Чокану Валиханову во время пребывания последнего в родном ауле. Козыке находился в дружественных отношениях с народным композитором Ахан-Серэ<sup>\*11</sup> и вместе с ним сочинил ряд напевов и мелодий романтического склада. Из песен, созданных ими, наиболее популярны «Ай-кокек», «Толай-кок», «Сырымбет», и «Кокеннын аманаты». Последняя песня была посвящена памяти Чокана Валиханова, любимого брата Козыке.

Другой брат Чокана Мақы (Макажан) Валиханов (1844—1923 гг.) был художником. Получил образование в Петербурге в школе глухонемых, затем в качестве художника сотрудничал в

<sup>\*10</sup> ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 9.

<sup>\*11</sup> См.: Затаевич А. В. Тысяча песен киргизского народа. Оренбург, 1925, с. 326.



разных научных учреждениях и библиотеках. Чокан, обративший внимание на одаренность брата, помог ему устроиться в мастерскую Академии художеств, где он как вольноприходящий занимался живописью. Мақы прожил в Петербурге 11 лет<sup>\*12</sup>. Возвратившись в Казахскую степь занимался общественными делами и лишь изредка работал кистью. Через Чокана Валиханова Мақы познакомился со многими учеными и общественными деятелями в Петербурге и Омске. Г. Н. Потанин, хорошо знавший Мақы, писал: «Когда я ехал из Кокчетова разыскивать аул Валихановых, я думал, что если с кем из четырех живых братьев заведу наиболее откровенные связи, то именно с Мақы». По отзыву Г. Н. Потанина, Мақы сохранил глубокую привязанность к русскому народу и русской культуре, воспринятую им от Чокана<sup>\*13</sup>.

Из других сыновей Чингиса следует отметить Махмуда Валиханова (1848—1918 гг.). Он находился под сильным влиянием Чокана, с детства любил читать русских и западноевропейских классиков.

Подобно другим братьям, Махмуд с юных лет общался с русскими учеными, писателями и инженерами. Дружеские связи с ними он сохранил до конца жизни. К нему часто приезжали ученые из Западно-Сибирского отделения Географического общества, иногда и из Петербурга. В 1908 г. он через Н. Павлову передал в Петербургскую публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) письмо Ф. М. Достоевского к Чокану Валиханову, написанное писателем в Семипалатинске в 1856 г.

Такова была семейная среда, в которой родился и вырос будущий ученый-просветитель Чокан Валиханов.

\* \* \*

Чокан Валиханов (полное его имя — Мухаммед-Ханафия, а Чокан — прозвище, данное матерью) родился в ноябре 1835 г. в крепости Кушмурун. Об этом свидетельствует формулярный список о службе Ч. Валиханова, хранящийся в архиве Министерства иностранных дел СССР<sup>\*14</sup>.

Чокан провел свои детские годы сначала в Кушмуруне, а потом в Сырымбете — усадьбе своих предков. Это — красивейшие

---

\*12 См.: Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича, «Русское богатство», 1896, № 8, с. 76.

\*13 От Мақы сохранились альбомы рисунков, которые теперь хранятся у его внука архитектора Шота Валиханова. Часть этих рисунков, касающихся этнографии казахов, приложена к диссертации Г. Н. Валиханова и хранится в рукописном фонде Института этнографии Академии наук СССР (Москва).

\*14 Архив МИД, ф. Личные дела, оп. 464/3; д. 318, л. 78—79; там же, ф. IV—2, оп. 4457, д. 8, лл. 7—12; там же, формулярный список о службе штаб-ротмистра Валиханова, ф. IV—2, оп. 4493, д. 8, л. 13 об.



Чингис Валиханов.

места в Северном Казахстане, овеянные историческими легендами, с которыми связаны детские воспоминания Валиханова и которые запечатлены в его детских и юношеских рисунках. Еще совсем молодым Чокан производил первые записи казахского народного эпоса в Кушмуруне.

По воспоминаниям Валихановых, Чокан был очень живым и умным мальчиком. Его детство протекало в степи, среди народа, хранящего многочисленные легенды о своем героическом прошлом, и чуткий мальчик с ранних лет прислушивался к историческим преданиям, любил общаться с людьми из народа, слушать песни и рассказы простых людей. Уже в детстве определились основные черты духовного склада Чокана, он рано развился и порою рассуждал, как взрослый.

Значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым. Для впечатлительного, одаренного от природы мальчика бабушка была неисчерпаемым источником знаний, народной мудрости. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания, вспоминала исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала участие. Светлые воспоминания о бабушке — носительнице лучших народных традиций, обычаев — Чокан сохранил на всю жизнь.

Сначала Чокан учился в Кушмуруне в частной казахской школе. Здесь он овладел основами арабского письма и научился рисовать карандашом. В этой школе обычно занимались чтением на кыпчакском и чагатайском языках памятников средневековой литературы, упражнениями в разговорной арабской и персидской речи и декламацией стихов восточных поэтов.

Султанские дети, по традиции, должны были изучать несколько восточных языков или, как говорилось, «жеті жүрттын тілін білу» — знать языки семи народов. Этот обычай тогда еще соблюдался, и Чокан, как видно из архивных материалов, занимался восточными языками, хорошо усвоил арабскую, а позже и уйгурскую грамоту.

Одним из детских увлечений Чокана было рисование. Этому искусству он научился у русских художников-топографов и геодезистов, подолгу проживавших в Кушмурунской крепости, в семье Валихановых. Кроме того, в ауле Валихановых часто гостили русские ученые, инженеры и образованные офицеры, которые возбудили в восприимчивом мальчике интерес к искусству и литературе.

Большое удовольствие доставляла юному Чокану соколиная охота. Чокан обычно делал большие экскурсии по степи. Его привлекали бескрайние просторы степей, зеленые рощи, туган речных долин, высокие утесы, он наслаждался близостью родной природы. Такие поездки знакомили Чокана с родным краем. Еще в детстве он бывал в Акмолинских и Баян-Аульских степях, часто гостил у родных своей матери, живших около Баян-Ауль-

ских гор. Эти поездки надолго запечатлелись в памяти у Ч. Валиханова. Уже будучи воспитанником кадетского корпуса, он часто делился воспоминаниями о них со своим другом Г. Н. Потаниным<sup>\*15</sup>.

С ранних лет Чокан проявлял огромную любовь к казахской народной поэзии, записывал ее классические образцы и читал их вслух своим родителям. Уже в детстве им было записано несколько вариантов народных поэм «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и «Еркокше», которые позже он передал своему учителю Н. Ф. Костылецкому.

Немалую роль в пробуждении у Чокана интереса к народной поэзии сыграли частые посещения его семьи казахскими певцами и сказителями.

Чокан увлекался поэзией и других народов Востока. Еще в ауле он за поем читал стихи классиков восточной литературы. Как писал сам Чокан, любовь к восточной поэзии он сохранил на всю жизнь. «Чокан был человек с поэтической душой и восточным воображением,— писал один из его друзей, известный публицист Н. М. Ядринцев.— Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них»<sup>\*16</sup>.

Большое значение в формировании научных интересов Чокана имели связи его отца с представителями передовой русской интеллигенции, о чем уже говорилось выше. В ауле Чингиса бывали многие высокообразованные люди, как например, академик А. И. Шренк, декабристы С. М. Семенов, В. И. Штейнгель, Н. В. Басаргин, работавшие в областном правлении Сибирских казахов, студенты Казанского университета С. Сотников, Н. Ф. Костылецкий и Т. Сейфуллин<sup>\*17</sup>.

К сбору и подготовке различных материалов для русских ученых, исследовавших Казахстан, Чингис иногда привлекал и сына.

До нас дошло письмо декабриста В. И. Штейнгеля, написанное им от имени полковника М. В. Ладыженского, работавшего в то время начальником Пограничной комиссии, в котором он просил Чингиса собирать образцы казахской народной поэзии, сказок, легенд и преданий.

Выполняя просьбу М. В. Ладыженского, Чингис неоднократно приглашал к себе лучших акынов и сказителей и при помощи Чокана записывал казахские песни и легенды, которые затем отсылал в Омск<sup>\*18</sup>.

<sup>\*15</sup> См.: Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. В кн.: «Сочинения Ч. Ч. Валиханова», изд. под ред. Н. И. Веселовского ЗРГООЭ, 1904, т. XXIX, Спб., с. XVI.

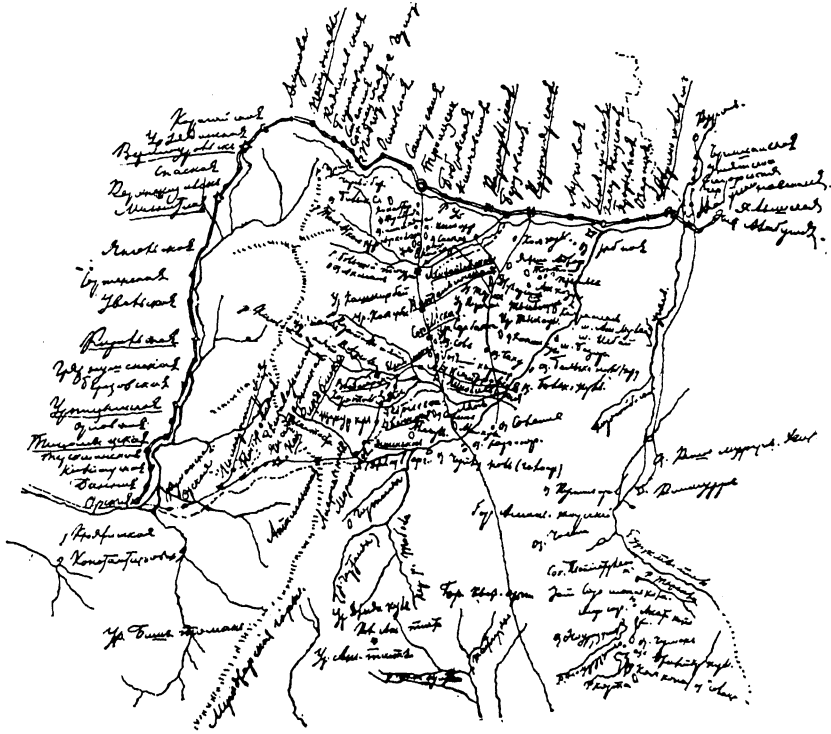
<sup>\*16</sup> Ядринцев Н. М. Воспоминание о Чокане Валиханове. Там же, с. XXXVII.

<sup>\*17</sup> См.: «Аул султана Чингиса Валиханова». «Одесский вестник», 1842, № 74; Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича, с. 60—88.

<sup>\*18</sup> Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 17, л. 1—2.

Жажда познания все сильнее охватывала Чокана. Он мечтает об учебе в большом городе. Чингис хотел отдать сына в такое учебное заведение, где бы он мог получить хорошее образование.

Осенью 1847 г. отец привез 12-летнего Чокана в Омск на учебу. Русские друзья Чингиса помогли ему устроить сына в



Схематическая карта Тургайской степи и Кушмурунского округа.  
Перо, 1852 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

Сибирский кадетский корпус, считавшийся тогда лучшим учебным заведением в Сибири.

Большой город, центр обширного края, произвел глубокое впечатление на восприимчивого мальчика, только что приехавшего из аула. С большим увлечением Чокан стал зарисовывать карандашом виды Омска. «Русский город поразил мальчика и он изображал карандашом один из городских видов», — вспоминает Г. Н. Потанин<sup>\*19</sup>.

<sup>\*19</sup> Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. VI.

Годы учебы Чокана в кадетском корпусе — это годы николаевской реакции и в то же время — годы усиления общественно-политической борьбы против феодально-крепостнического строя. Россия в это время стояла накануне больших исторических событий. До самых отдаленных окраин страны доносились отзвуки освободительной борьбы против царизма, доходили вести о пе-



Дом Чингиса Валиханова в Сырымбете, в котором жил Чокан.

трашевцах, письме В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, в котором со всей силой прозвучал призыв к борьбе с самодержавием.

Передовые революционно-демократические идеи В. Г. Белинского и А. И. Герцена стали известны по всей России, произвели переворот в умах лучших представителей русского общества, оказали глубокое влияние на развитие освободительного движения в стране, проникли в Сибирь и в далекий Казахстан, в Сибирский кадетский корпус, где в это время учился Чокан Валиханов.

Сибирский кадетский корпус был создан в 1845 г. на базе бывшего училища Сибирского линейного казачьего войска и считался одним из лучших учебных заведений того времени. По определению декабриста И. Завалишина, это «был рассадник просвещения и патриотизма». В. П. Лободовский, друг Н. Г. Чернышевского, читавший лекции в корпусе, говорил, что Сибирский кадетский корпус был одним «из первых рассадников военного и общего знания». Поистине культурное значение этого учебного заведения трудно переоценить. Из него вышли многие выдающиеся общественные и военные деятели, ученые и публи-

дисты. Некоторые из них прославились своими географическими открытиями и научными исследованиями. Здесь учился большой знаток Сибири В. И. Вагин, впоследствии ученый-просветитель, издатель и редактор первого в Сибири частного печатного органа газеты «Амур». Он оставил интересные воспоминания о своей учебе в корпусе.

Питомцем Омского кадетского корпуса был близкий друг Чокана Г. Н. Потанин, впоследствии выдающийся путешественник и исследователь Сибири, Казахстана, Монголии и Центральной Азии. С Сибирским кадетским корпусом была связана деятельность публициста Н. М. Ядринцева, одного из ярких представителей передовой русской общественной мысли прошлого века, исследователя истории народов Сибири и Казахстана. К выдающимся воспитанникам Сибирского кадетского корпуса относится и Н. Ф. Анненский, друг Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина, впоследствии известный ученый — статистик и публицист. Учеба в корпусе оказала большое благотворное воздействие на многих его питомцев в том числе и на Чокана Валиханова.

Кадетский корпус имел широкий общеобразовательный профиль. Учебная программа включала, помимо военных дисциплин, всеобщую географию, географию России, всеобщую историю, историю России, русскую и западноевропейскую литературу, основы философии, ботанику, зоологию, физику, математику, геодезию, строительное искусство с главными началами архитектуры и общие понятия о естественной истории; преподавались также черчение, рисование, каллиграфия, языки: русский, французский и немецкий. Кроме того, в корпусе был особый класс восточных языков<sup>\*20</sup>. Здесь преподавали тюркский, монгольский, арабский и персидский языки.

Обучение было восьмилетнее. Оно состояло из двух подготовительных классов, пяти основных и шестого — специального класса. В последнем преподавались военные науки (тактика, артиллерия, полевая фортификация) и основы сельскохозяйственной науки<sup>\*21</sup>. В подготовительных классах воспитанники штудировали русский язык, арифметику и рисование. В основных классах изучались иностранные, в том числе восточные языки, и среди них казахский, татарский и чагатайский. Преподавание языков состояло в чтении текстов, заучивании слов и декламации стихов и басен. По прохождении учебной программы воспитанники хорошо усваивали эти языки и могли сносно на них обясняться.

Весьма обширной была программа по истории, географии и литературе. Уже в первых классах кадеты проходили историю древних веков, географию Европы. В четвертом и пятом классах

<sup>\*20</sup> См.: Усов Ф. П. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, с. 44—45.

<sup>\*21</sup> ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 34, лл. 6—11.

преподавали теорию словесности, историю русской и западноевропейской литературы, историю и географию Российской империи. В географию как предмет входили также этнография и антропология, изучение различных человеческих рас, классификация языков, разделение языков на главные семейства, различия народов по понятиям религиозным и по образу жизни.

Большое место отводилось изучению стран Азии (Китай, Индия, Афганистан и Персия). Здесь рассматривались: народонаселение Азии, происхождение народов, вероисповедание, образ их жизни; Китайская империя, пространство, устройство и управление; земли, подвластные Китаю; земли, состоящие под покровительством Китая; географическое и политическое разделение Турана; ханства: Бухара, Коканд, Хива и Кундуз; государства Ост-Индии и Аравии\*<sup>22</sup>.

Не менее обширной была учебная программа по географии Российской империи. Она изучалась в плане экономической географии, статистики и включала вопросы о промышленности и сельском хозяйстве России.

Большое внимание уделялось географии Казахстана, но не с точки зрения изучения и освоения его природных богатств, а в военно-стратегическом аспекте. Здесь изучались: «Границы киргизских степей; пространство; характер местности, реки и озера; свойство вод, пути сообщения, горные проходы для караванов, замечательные урочища, климат и естественные произведения. Число киргиз; происхождение, язык и религия; начало подданства; время уничтожения ханской власти и происхождение Букеевской орды; число орд в настоящее время и географическое положение их; управление букеевскими, оренбургскими и сибирскими киргизами и внутреннее устройство последних; покровительство России Большой орде; укрепленные места в Киргизской степи и замечательные станицы»\*<sup>23</sup>.

Из области прикладных наук весьма широко были представлены начертательная геометрия, топографическое черчение и архитектура. Последняя преподавалась по программе гражданской архитектуры Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Учебная программа включала вступительные лекции о значении архитектуры и составляющих ее элементах.

Кроме прослушивания лекций, воспитанники должны были проводить практику на стройках, заниматься разбивкой планов строящихся сооружений, нивелировкой фундаментов\*<sup>24</sup>.

Из этих обширных курсов, которые читались в Омском кадетском корпусе, видно, что он далеко превосходил среднее учебное заведение обычного типа. Это был действительно рассадник знания. В его учебную программу были включены некото-

\*<sup>22</sup> Там же, л. 30—43.

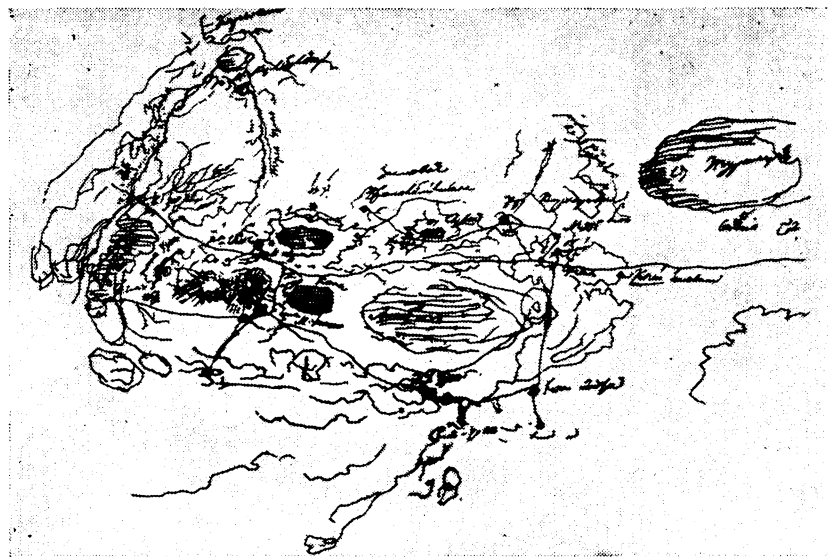
\*<sup>23</sup> ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 34, л. 43—44.

\*<sup>24</sup> Там же, л. 74—75.



рые дисциплины, преподаваемые только в специальных высших учебных заведениях (архитектура, начертательная геометрия, топографическое черчение и пр.). Корпус осуществлял подготовку высококвалифицированных и разносторонне образованных людей, в которых нуждались окраины России.

Кроме учебных предметов, в программу входили пение, гимнастика, плавание, танцы, фехтование и верховая езда. Во вне-



Схематическая карта осенних стоянок и зимовок казахов в районе горы Сырымбет. Перо, 1853 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

классное время кадеты должны были заниматься военной тактикой. В лагерное время они обучались рассыпному строю, топографической съемке, саперным и военно-лабораторным работам, стрельбе.

По внутреннему быту воспитанники кадетского корпуса были разделены на две части: роту и эскадрон. В роту были выделены дети крупных чиновников и высших офицеров, они размещались отдельно, в особых дортуарах. Эскадрон состоял из детей казаков и по рангу стоял ниже роты. Чокан был определен в эскадрон. Воспитанники роты и эскадрона хотя и жили в отдельных дортуарах, но во время классных занятий собирались вместе.

Согласно предписанию генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева (1803—1860), управлявшего тогда военно-учебными заведениями, начиная с 1851 г. преподавание некоторых предметов (политическая и новая история) в корпусе было ограничено для воспитанников-казахов, их стали выпускать годом раньше, не

переводя в специальный класс, где преподавали военные науки. Я. И. Ростовцев предложил приравнять казахских детей к положению горцев, которые «из столичных корпусов выпускаются офицерами по окончании ими курса четвертого общего класса»<sup>\*25</sup>.

После этого был составлен новый проект учебной программы корпуса.



Вид города Омска (1850). Рис. Померанцева.

Омский кадетский корпус отличался высококвалифицированным составом преподавателей, подобранных опытным педагогом, всесторонне образованным человеком И. В. Ждан-Пушкиным, инспектором классов, впоследствии начальником Московского кадетского корпуса. В числе преподавателей было много способных педагогов, получивших университетское образование.

Чокан пришел в кадетский корпус, не зная хорошо русского языка<sup>\*26</sup>, но благодаря незаурядным способностям сумел быстро преодолеть эту трудность. «Развивался Чокан быстро, — вспоминает его школьный товарищ и друг Г. Н. Потанин, — опережая своих русских товарищей... Им интересовались многие, он такой способный, уже рисует прежде, чем вступил в заведение»<sup>\*27</sup>.

<sup>\*25</sup> Там же, л. 14.

<sup>\*26</sup> См.: Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин, М.—Л., 1947, с. 23.

<sup>\*27</sup> Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. XII.

Уже через два-три года Чокан «не только обогнал идеями весь свой класс, но и тот класс, который был старше двумя годами»<sup>\*28</sup>.

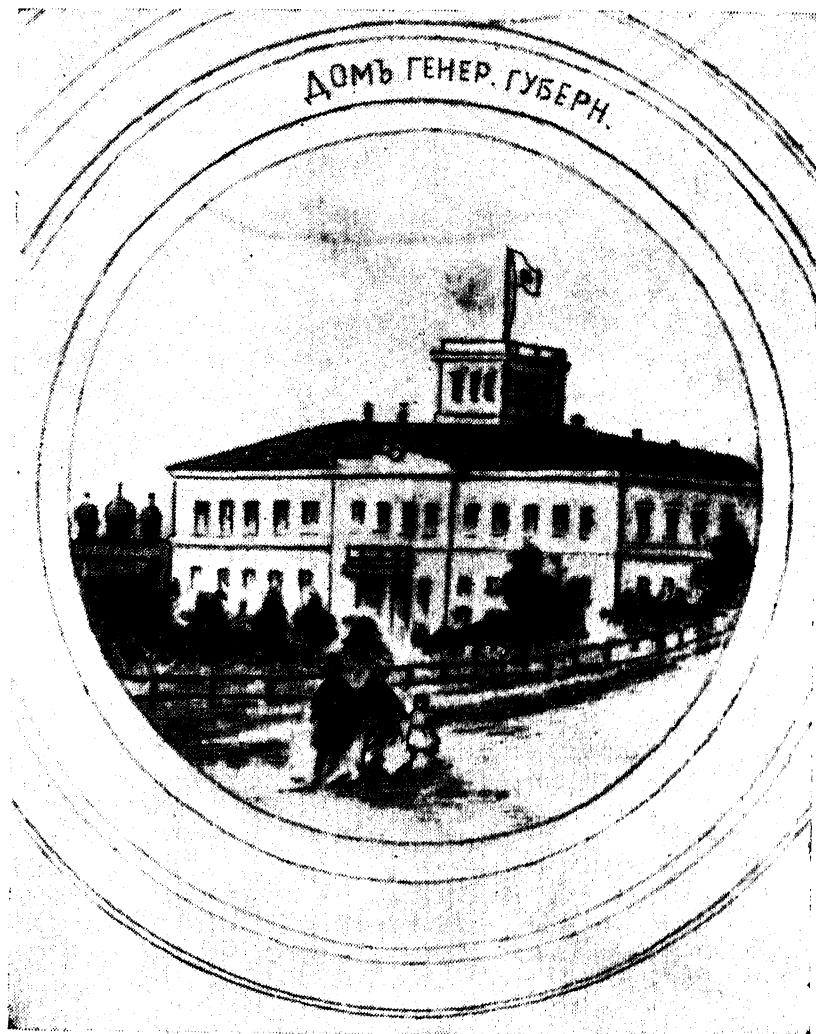
Начиная со второго курса между Чоканом и его наставниками возникают самые близкие и дружеские отношения.



После бала. Карикатурное изображение супругов и дежурных офицеров. *Перо и тушь. 1855 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

<sup>\*28</sup> Потанин Г. Н. Чокан Валиханов. ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 12—17.

Сильное влияние на развитие Чокана оказали П. Ф. Костылецкий (1818—1867 гг.) — литератор и ориенталист, окончивший восточный факультет Казанского университета и преподававший в корпусе русскую литературу; ссыльный ученый П. В. Гонсевский, читавший курс истории цивилизации; литератор В. П. Лободовский, друг молодости Н. Г. Чернышевского и последователь его идей\*<sup>29</sup>. Они принадлежали к племье русской демократической



Дом генерал-губернатора в Омске. Акварель, 1847 г.  
Рис. Ч. Ч. Валиханова.

\*<sup>29</sup> Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, с. 26, 64, 70.

интеллигенции и были воспитаны на революционно-демократических идеях В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

В архивах сохранились обширные эпистолярные и рукописные материалы, свидетельствующие о ранних научных и литературных связях Н. Ф. Костылецкого и Чокана Валиханова с одним из выдающихся востоковедов того времени И. Н. Березиным. Эти литературные связи приняли активный характер особенно в тот период, когда в Омске у Н. Ф. Костылецкого накопилось большое количество рукописей по казахской народной поэзии, в том числе и несколько вариантов известной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу», записанные Ч. Валихановым в Убаганской степи и впоследствии переданные ему Чоканом<sup>\*30</sup>. Стремясь как можно скорее сделать достоянием научной общественности сокровище казахской народной литературы, Н. Ф. Костылецкий отправил весь этот обширный материал в Петербург, проф. И. Н. Березину, и с тех пор он хранится в архиве этого ученого<sup>\*31</sup>.

Н. Ф. Костылецкий был лучшим наставником для юного Чокана. В течение ряда лет они с большой любовью занимались изучением казахского народного эпоса, и их совместная работа в этой области очень плодотворна. Они переложили на русский язык древний наиболее подробный вариант поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

В 1852 г. с помощью Н. Ф. Костылецкого установились прямые дружеские связи между Чоканом и И. Н. Березиным. Последнему потребовалась помощь в толковании некоторых терминов, встречающихся в ханских ярлыках. Но Н. Ф. Костылецкий ответил И. Н. Березину: «Что касается некоторых слов в «Ярлыке Токтамышша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь вашему горю я немогу»<sup>\*32</sup> и рекомендовал по этому вопросу связаться с Ч. Валихановым.

Так началась переписка между И. Н. Березиным и Чоканом Валихановым. До нас дошло ответное письмо Ч. Валиханова к И. Н. Березину. В этом письме Чокан дал обстоятельные ответы на все вопросы, сформулированные И. Н. Березиным<sup>\*33</sup>. Чокан писал: «Узнав от бывшего моего наставника Н. Ф. Костылецкого о предложении вашем — поискать в языке киргизском значение нескольких слов в ярлыке Токтамышша, не употребляющихся в нынешнем татарском языке, — я отыскал в языке нашем через распросы старых киргиз и нашел ряд слов, которые спешу послать к Вам»<sup>\*34</sup>.

<sup>\*30</sup> См.: Письмо Н. Ф. Костылецкого к И. Н. Березину, НБТГУ, архив Г. Н. Потанина № 1296, л. 5349.

<sup>\*31</sup> ЛОИВ АН СССР, ф. 5.

<sup>\*32</sup> Архив Потанина Г. Н. НБТГУ, № 1296, л. 5348; № 149, лл. 2—4.

<sup>\*33</sup> Письмо Ч. Валиханова к проф. И. Н. Березину публикуется впервые в настоящем издании.

<sup>\*34</sup> ЦГИА СССР, ф. 118, оп. 1, д. 469, лл. 10—14.

Быстрому развитию Чокана, как отмечал Г. Н. Потанин, способствовали его собственные большие дарования и исключительное внимание к нему, как единственному тогда в кадетском корпусе представителю казахского народа. Чоканом интересовались не только преподаватели корпуса, но и некоторые видные представители интеллигенции Омска. Обычно в праздники его всегда приглашал к себе кто-нибудь из этих людей, связанных дружескими узами с семьей Валихановых. В первые годы учебы Чокан посещал семью востоковеда Сотникова, потом преподавателя рисования Померанцева. В последние годы пребывания в корпусе он был частым гостем в семье образованного офицера К. К. Гутковского. Благодаря этим связям развитие Чокана шло быстрее, чем его сверстников, круг знакомств которых не выходил обычно за пределы кадетского корпуса. «Особенно важное значение в его развитии,— писал Г. Н. Потанин,— и вообще в его судьбе имело семейство Гутковского и родственное ему Капустиных...»<sup>\*35</sup>.

Вторым после Н. Ф. Костылецкого педагогом, во многом способствовавшим расширению кругозора Чокана, был преподаватель истории Гонсевский, человек весьма образованный, готовившийся к научной деятельности. В корпусе он читал историю общественных движений и «лекции его,— замечает Г. Н. Потанин,— имели для нас большое значение»<sup>\*36</sup>.

Эти лучшие преподаватели кадетского корпуса, передовые люди своего времени пробудили в юном Чокане интерес к знаниям, к науке, помогали формированию его демократических взглядов, воспитывали ненависть к произволу и насилию.

Молодой Чокан углубленно изучает философские трактаты и социальные романы, в которых правдиво изображалось буржуазное общество. Обличительные статьи В. Г. Белинского и А. И. Герцена, едкий юмор Н. В. Гоголя вызывают у Чокана живейший отклик, и он обращается к ним всегда, когда сталкивается с общественными пороками, с пошлостью в жизни. Главным образом из произведений великих русских мыслителей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, а позднее Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова черпал Чокан свои философские познания.

С интересом знакомился Валиханов с социально-философскими трактатами Т. Карлейля. На них Чокан иногда делает ссылки в своих статьях и записках.

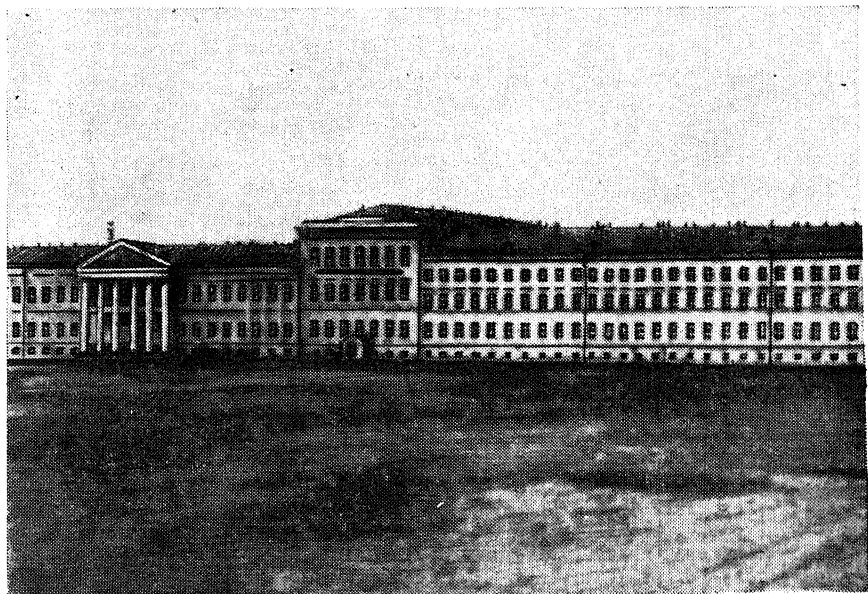
Огромное влияние на Чокана оказала поэзия А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, многие их стихотворения он знал наизусть. Из западноевропейских писателей Чокан с большим интересом читал Ж.-Ж. Руссо, Ч. Диккенса, У. Теккерея.

---

<sup>\*35</sup> Потанин Г. Н. Чокан Валиханов ЦГАЛИ, ф. 395, п. 1, д. 322, лл. 12—17.

<sup>\*36</sup> Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. VIII.

Правда, не всегда удавалось Чокану достать интересующие его книги. Начальство корпуса запрещало кадетам читать литературу прогрессивного направления, особенно сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена и философские труды западноевропейских материалистов. Но тем не менее Чокан за время учебы в корпусе успел прочитать многое из запрещенной литературы.



Здание Омского кадетского корпуса, в котором учился Ч. Валиханов.

В летние каникулы Чокан Валиханов уезжал в степь в свой аул Сырымбет. Эти поездки доставляли ему огромное удовольствие, давали возможность еще ближе присмотреться к жизни родного народа, производить записи народных песен, легенд и сказок и зарисовывать бытовые картины.

Для наблюдательного Чокана зарисовки с природы уже в то время являлись одним из лучших средств воспроизведения жизни народа. Находясь в ауле в окружении своих родных и друзей, он увлекался зарисовками Кушмуруна и Сырымбета, кочевков и мест стоянок аула. Этим зарисовкам периода 1847—1852 гг. Чокан дал общее название «Корпустен ельге, отпускеге барганда язмыш суреттер», т. е. «Зарисовки, сделанные во время каникул в ауле».

По-прежнему привлекала Чокана во время каникул охота с ловчими птицами. Однако на соколиную охоту Чокан смотрел теперь несколько другими глазами. Она стала для него не только увлекательным видом спорта, но и объектом изучения.

Интерес к изучению родного края и стран Востока у Чокана возник еще в стенах кадетского корпуса. Он уже мечтал о больших научных исследованиях на полях «неизведанной Азии». «Чокану было только 14—15 лет,— говорит Г. Н. Потанин,— когда преподаватели корпуса на него смотрели, как на будущего исследователя и может быть ученого»<sup>\*37</sup>. Он зачитывался историко-географической литературой, редкие издания которой в Омске достать было трудно. «Для меня было большим счастьем,— вспоминает Г. Н. Потанин,— когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища путешествие Палласа и дневные записки Рычкова. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины... С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места»<sup>\*38</sup>.

С. Ф. Дуров, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев высоко ценили эрудицию молодого Ч. Валиханова, особенно в области восточной литературы. Живя в провинциальном Омске, он уже тогда собрал богатую специальную библиотеку, состоявшую из книг по вопросам востоковедения, географии, истории и философии. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посетивший в 1856 г. квартиру Чокана в Омске, с восхищением отмечал, что подбор книг библиотеки делает честь молодому Валиханову.

Уже в кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают демократические взгляды. Он вышел из корпуса широко образованным человеком, на голову выше многих своих современников. Он сумел увидеть пороки существующего строя и стал на путь борьбы за прогресс родного народа, на путь научного творчества. «Чокан пошел в совершенно плебейскую среду...— пишет Г. Н. Потанин,— жизнь в плебейской среде, вероятно, не оставалась без влияния на образование демократических идей Чокана»<sup>\*39</sup>.

В 1853 г. в возрасте 18 лет Чокан окончил кадетский корпус и был выпущен корнетом «по армейской кавалерии»<sup>\*40</sup>.

\* \* \*

Общественная и литературная деятельность Чокана Валиханова началась сразу после окончания учебы. Формально он был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского каза-

<sup>\*37</sup> Там же, с. XVII.

<sup>\*38</sup> Там же, с. XVI.

<sup>\*39</sup> Там же, с. X.

<sup>\*40</sup> Об определении в корнеты Ч. Валиханова. см.: ЦГВИА, ф. 395, оп. 46/529, д. 525, л. 1. 1 об.: там же, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2, 2 об. ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2812, лл. 1—5.



чьего войска\*<sup>41</sup>, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Г. Х. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана. Одновременно по линии Главного управления края на Ч. Валиханова была возложена должность офицера особых поручений\*<sup>42</sup>.



Групповой портрет братьев Чокана. Карандаш и тушь, 1855 г.  
Рис. Ч. Ч. Валиханова.

Вступив на службу, молодой Ч. Валиханов сразу столкнулся с офицерской и чиновничьей средой, резко отличавшейся от той среды образованных и передовых людей, которую он знал в корпусе. В своем большинстве это были реакционные офицеры и чиновники, составлявшие колониальный аппарат царизма. Во гла-

\*<sup>41</sup> ГАОО, ф. 67, оп. 1, д. 19, л. 26.

\*<sup>42</sup> Формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова. Архив МИД, ф. Личные дела, оп. 464/3, д. 318, л. 64.

ве их стоял генерал Г. Х. Гасфорт<sup>\*43</sup> и его помощник фон Фридрихс, управлявший областью Сибирских киргизов.

Положение Чокана, который должен был работать под непосредственным руководством Д. Фридрихса, было очень тяжелым. Из писем Чокана к его петербургским друзьям видно, что Дюгамель Фридрихс и его подручные Кройерус и Кури постоянно преследовали и унижали его за то, что он упорно разоблачал их преступные дела, боролся с беззаконием, мародерством, лихоимством и всем тем злом, которое порождал царский колониальный аппарат. Царские чиновники всячески мешали научным начинаниям Чокана Валиханова, пытались приписать результаты Капгарской экспедиции, строили против него козни, чтобы помешать его избранию старшим султаном Атбасарского окружного приказа. Служба в этой обстановке стоила Чокану много здоровья. А. К. Гейнс в 1865 г. прямо писал, что бесконечные «оскорбления и придирки уложили Чокана в настоящем году в гроб»<sup>\*44</sup>.

Чокан с первых дней службы чувствовал себя одиноким в этой среде и искал выхода из окружавшей его пустоты и невежества царских чиновников, стремился заняться общественно-полезным трудом. В своем письме (1856 г.) к Ф. М. Достоевскому он жалуется на ту затхлую атмосферу, в которой ему приходится жить и работать: «Омск так противен со своими сплетнями и интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович. Как это устроить лучше?»

Чокан, жаждавший служить родине, стремился к деятельности плодотворной и творческой.

Такая возможность ему представилась очень скоро. Этому способствовала историческая обстановка, сложившаяся к тому времени в Казахстане в связи с добровольным присоединением казахов Старшего жуза и иссыкульских киргизов к России. В начале 40-х г. казахи Старшего жуза добровольно присягнули на вечное подданство России и в связи с этим в 1845 г. была заложена новая крепость Капал. Укрепления Верного тогда еще не было, и в Заилийском крае, и в горах Тянь-Шаня, а также в Чуйской долине предстояла большая и сложная работа. Здесь еще сильно было влияние Кокандского ханства, о чем можно судить по выступлениям семиреченского феодала Тоучубека<sup>\*45</sup>.

Чтобы пресечь влияние Кокандского ханства, в Семиречье необходимо было проводить осторожную и дальновидную политику, направленную на мирное присоединение этой территории. Решением поставленной задачи должна была заняться группа офи-

<sup>\*43</sup> См.: Воспоминания Г. И. Филиппова. «Русский архив», 1883, кн. III, № 5—6, с. 33.

<sup>\*44</sup> Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, т. 4, Сиб., 1895, с. 237.

<sup>\*45</sup> ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, л. 1—18; ЦГА УАССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, л. 153; Сулейменов В. С., Басил В. Я. Казахстан в составе России в XVIII—начале XX в. Алма-Ата, 1981. с. 126—130.

перов, в которой руководящую роль играли К. К. Гутковский, М. М. Хоментовский, М. Д. Перемышльский и Чокан Валиханов.

Царская администрация остро нуждалась в образованных людях из коренного населения, хорошо знавших условия жизни, быта и обычаи народов Средней Азии. В этом отношении Чокан Валиханов был незаменимым для нее человеком. Несмотря на молодость (18 лет), он лучше других офицеров знал быт, обычаи, особенности духовной и материальной культуры казахского народа; он знал ряд восточных языков. В силу указанных причин Чокан был привлечен к выполнению этой важной миссии.

К. К. Гутковский, М. М. Хоментовский и М. Д. Перемышльский — друзья Валиханова — были образованными офицерами, людьми с передовыми взглядами. М. Д. Перемышльский, товарищ М. Ю. Лермонтова по Московскому университету, выписывал из Петербурга журнал «Современник» и вместе со своими единомышленниками читал номера этого демократического органа русской печати. Г. Н. Потанин, работавший в это время (1854 г.) в Семиреченском крае, писал: «В отряде Перемышльского я впервые знакомился с русской журналистикой»<sup>\*46</sup>.

В 1854—1857 гг. Чокан принимает энергичное участие в решении вопроса о мирном присоединении казахов Старшего жуза и киргизских племен бугу, сарыбагыш и солту к России. Служебные поручения он успешно сочетает с научными занятиями: собирает разнообразные сведения по географии, генеалогии, истории, записывает обычаи, народную поэзию казахов и киргиз.

В 1855 г. Чокан принял участие в поездке генерала Г. Х. Гасфорта и совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Маршрут его пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Капал в Заилийский Алатау, где в это время происходила закладка укрепления Верного<sup>\*47</sup>. Это путешествие положило начало глубокому научному изучению Ч. Валихановым истории казахского народа и его быта. Чокан собирал материалы по статистике, обычному праву и древней религии казахов.

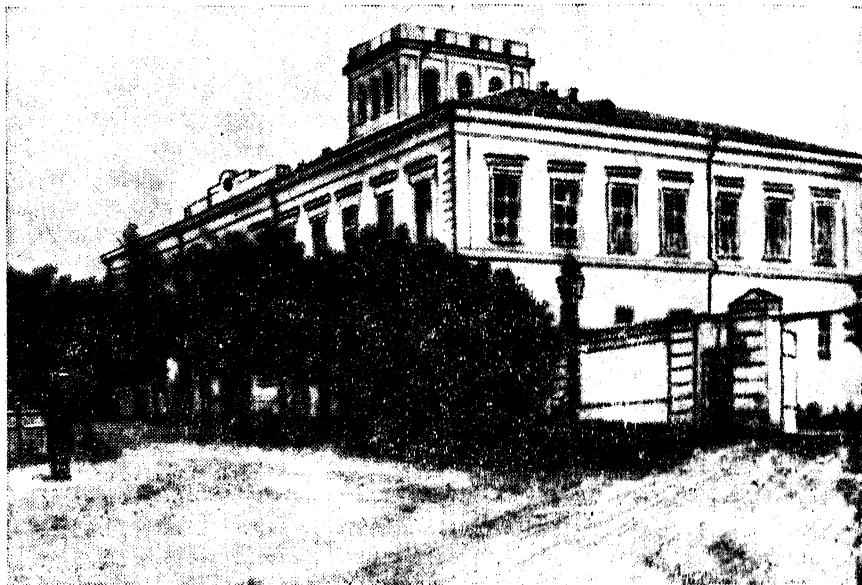
На обратном пути Чокан сопровождал Г. Х. Гасфорта только до Алтын-Эмельского хребта; оттуда он совершил поездку к Джунгарским Воротам, путешествовал в районе озера Алакуль и по Тарбагатаю, затем направился в Центральный Казахстан и, следуя через Каркаралы, Баян-Аул и Кокчетав, осенью вернулся в Омск. Эта поездка оставила неизгладимое впечатление у молодого Валиханова.

Даже Г. Х. Гасфорт после этой поездки не мог не воздать должного эрудиции и способностям молодого офицера-ученого. По возвращении из поездки он представил Чокана к награде, дав

<sup>\*46</sup> Потанин Г. Н. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1916, № 18.

<sup>\*47</sup> ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, лл. 1—18; См.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, СПб., 1912, с. 70—72.

ему самую лестную характеристику: «В числе представляемых,— писал генерал,— заключается, между прочим, состоящий при мне корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенном знании оной, киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в степь, принес большую пользу... Он получил основатель-



Бывший генерал-губернаторский дворец в Омске, где служил Ч. Валиханов в 1853—1859 гг.

ное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил в военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желанния к отдаче детей своих в нашу службу и через то большого сближения их с нами, я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между киргизами уважением»<sup>\*48</sup>.

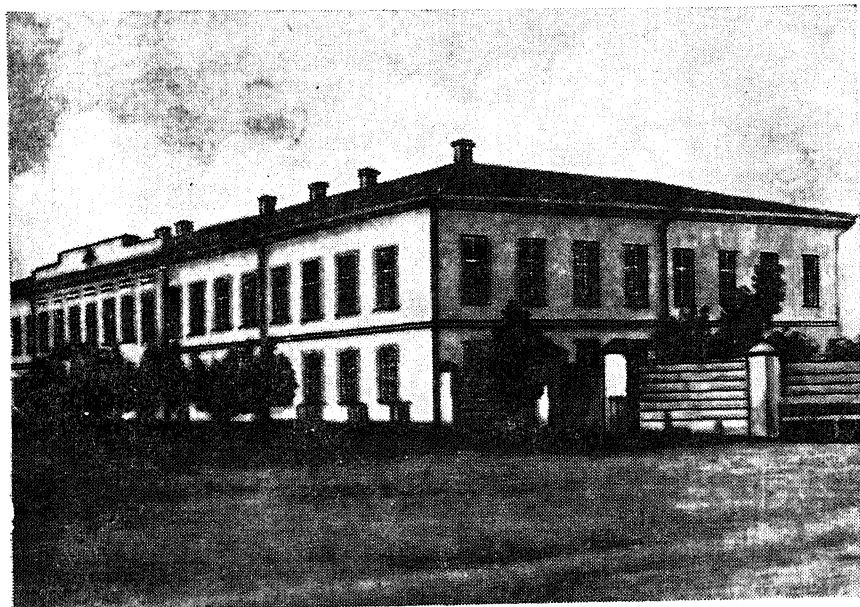
В начале 1856 г. Ч. Валиханову присуждается следующий чин поручика<sup>\*49</sup>.

<sup>\*48</sup> О награждении корнета Валиханова. ЦГАВМФ (Ленинград), ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 2—3; ЦГВИА, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2, 2 об.

<sup>\*49</sup> ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 10—15; См. также: Именной список генералам, штаб- и обер-офицерам, состоящим на службе в Отдельном Сибирском корпусе (ЦГВИА, ф. 395 оп. 49/554, лл. 43—48. Впоследствии в связи с успешным завершением экспедиционных работ в Киргизии и Восточном Туркестане ему присуждается чин штаб-ротмистра, а затем ротмистра. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 48/548, д. 70; ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 10—15).

По возвращении в Омск Чокан приступает к обобщению собранных материалов, на основании которых составляет официальные записки по вопросам землепользования, родовых и семейных отношений и древней религии казахов.

Широкое поле для развертывания научной деятельности открылось перед Ч. Валихановым в 1856 г. Он принимает участие в



Здание бывшего Главного управления Западной Сибири, где служил Ч. Валиханов в 1862—1864 гг.

крупной военно-научной экспедиции, организованной под руководством полковника М. М. Хоментовского. Целью экспедиции было ознакомление с киргизским народом и топографическая съемка бассейна Иссык-Куля. «Мы имели честь участвовать в этой экспедиции,— пишет Ч. Валиханов,— и, находясь два месяца среди дикокаменных киргизов, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык»<sup>\*50</sup>.

Об Иссыкульской экспедиции сохранилось дело, состоящее из официальных отчетов и донесений М. М. Хоментовского. Судя по стилю и манере изложения, значительная часть их, вероятно, была составлена Чоканом Валихановым и по содержанию в основных чертах совпадает с данными его иссыкульского дневника.

<sup>\*50</sup> См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1, Алма-Ата, 1961, с. 304.

Во второй половине мая 1856 г. Ч. Валиханов в составе экспедиции М. М. Хоментовского начал свое путешествие. Его маршрут лежал от Ала-Куля к Центральному Тянь-Шаю и на озеро Иссык-Куль. Вначале он посетил Заилийский Алатау и через его перевалы прошел на Кунгей, а затем на Терской Алатау, побывал на северном и восточном побережьях Иссык-Куля, затем по долине р. Джиргалан поднялся к вершинам Центрального Тянь-Шаня, откуда смог обозреть величественную панораму Хап-Тенгри. «Путешествие мое,— пишет Ч. Валиханов,— по свойству пройденной местности, можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгарии, т. е. в Семиречном, Заилийском крае и на озеро Иссык-Куль... Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 г. и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек от Ала-Куля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан»<sup>\*51</sup>. Во время этой поездки Чокан собрал орнитологическую и энтомологическую коллекцию<sup>\*52</sup>, составил гербарий, изучил флору и фауну Семиречья и Иссык-Куля, принял участие в съемке Иссык-Куля, в результате которой на новой карте были изменены форма и контуры его берегов.

Сильное впечатление на Ч. Валиханова произвели уникальные памятники древней культуры, встреченные им в Семиречье и на Тянь-Шане. Его особенно интересовали остатки древней городской культуры на озере Иссык-Куль, остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, эпиграфики и каменные изваяния. Изучение этих памятников позволило Ч. Валиханову как можно полнее восстановить картину жизни народов, населявших бассейн Иссык-Куля и всю территорию Семиречья в прошлом. «Русская Джунгария»<sup>\*53</sup>,— пишет он,— при сильном господстве кочевого быта, однако, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории — именно известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского кунми. В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Заилийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Хапакай и Кайпак (существующий и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по всей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану. Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много песторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские яковиты,

<sup>\*51</sup> Там же, с. 395—396.

<sup>\*52</sup> Там же, с. 396.

<sup>\*53</sup> Имеется в виду Семиречье и Северный Тянь-Шань.

по свидетельству каталонской карты, имели монастырь... Христианство здесь так сильно распространилось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали...» В эту поездку Ч. Валиханов нашел следы оседлости почти по всей русской Джунгарии и собрал народные предания, распространенные о них. Он пишет: «...мне удалось приобрести также несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах древнего Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье»<sup>\*54</sup>.

Путешествуя по Иссык-Кулю и Центральному Тянь-Шаню, Чокан посещал киргизские аулы, интересовался жизнью и бытом племен бугу, сарыбагышей и солту. Подолгу живя среди них, он часто беседовал со знатоками киргизской старины, слушал песни и рассказы киргизских ырчи (сказителей), без усталости записывал народные легенды, исторические и генеалогические предания, сказки и эпические поэмы киргиз.

В то время, когда Чокан проводил научные изыскания среди киргизов Тянь-Шаня и бассейна Иссык-Куля, в Петербурге решался вопрос об отправке в Кульджу «особого лица», для переговоров с китайскими властями относительно налаживания торговых отношений с Китаем, прерванных после того, как была сожжена русская фактория в городе Чугучаке. Для обоюдовыгодного решения этого вопроса китайскому правительству было предложено «назначить с обеих сторон доверенных лиц, которые в Кульдже обсудили бы предметы, требующие взаимных соображений»<sup>\*55</sup>. Предложение это было принято китайским правительством. В качестве представителя от России первоначально был назначен подполковник М. Д. Перемышльский, пристав казахов Старшего жуза, но впоследствии эта миссия была поручена Чокану Валиханову. В связи с этим генерал Г. К. Гасфорт дал экстренное распоряжение М. М. Хоментовскому немедленно завершить работы Иссыккульской экспедиции и вернуться обратно. В ответ на это Хоментовский писал: «Получив 27-го июня с нарочным повеление вашего высокопревосходительства касательно возвращения отряда с оз. Иссык-Куля, я сего числа выступил со всем отрядом с р. Аксу и отправился в укрепление Верное». 13 июля Чокан записал в своем дневнике: «Я решил оставить Иссык-Куль. Все, что нужно было мне видеть и знать уже было кончено»<sup>\*56</sup>.

Чокан вернулся в укрепление Верное в середине июля и оттуда направился в Капал, где ожидали его приезда остальные

<sup>\*54</sup> См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., Т. 1, с. 400.

<sup>\*55</sup> Отношение МИД генерал-губернатору Западной Сибири. ЦГА УЗССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, лл. 140—146.

<sup>\*56</sup> Там же, лл. 168—169, 177; Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения; Алма-Ата, 1958, с. 275.

Сара и Сара 25 8 | ... ..

... ..  
... ..  
... ..  
... ..

... ..  
... ..  
... ..  
... ..

... ..

... ..

... ..

... ..  
... ..  
... ..  
... ..

... ..

... .. - ... ..  
... .. - ... ..

Работа Ч. Валиханова над расшифровкой древних надписей на различных восточных языках. (Автограф).



участники миссии в Кульджу. Вместе с Чоканом отправился в Капал его друг М. М. Хоментовский.

В начале августа 1856 г. Чокан Валиханов направляется в Кульджу. По пути он посетил ряд пограничных пунктов Западного Китая. Чокан был снабжен инструкцией Министерства иностранных дел, в которой говорилось: «...Действовать, во всем совещаясь с консулом в Кульдже)..., «Главная цель наша добиться решения дела с Китаем дружеским путем и скорее восстановить прерванные торговые отношения...», «В случае требования китайцев — войти в переговоры и насчет границ наших с Китаем»<sup>\*57</sup>. Таким образом, Ч. Валиханову предстояло выполнить сложную дипломатическую миссию, связанную с решением спорных вопросов и установлением нормальных торговых отношений с Китаем. Это важное поручение было выполнено им превосходно. После ряда совещаний с китайскими сановниками в Кульдже правительству удалось упорядочить торговые отношения с Китаем и восстановить дружеские связи между обоими государствами. По авторитетному свидетельству А. К. Гейнса, поездка Ч. Валиханова в Кульджу заложила основу «Тарбагатайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке»<sup>\*58</sup>.

Ч. Валиханов пробыл в Кульджинском крае около трех месяцев, затем, с наступлением глубокой осени, вернулся в Омск.

В 1857 г. он вновь совершил поездку к алатауским киргизам, об этой поездке Валиханова генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт представил Министерству иностранных дел следующее донесение: «Состоящий при мне поручик — султан Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего наблюдения за ходом дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе — о движении кашгарского восстания — о мерах китайского правительства к подавлению оно и о духе народонаселения возле городов Кульджи и Аксу, а именно: китайского племени киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией»<sup>\*59</sup>.

Во время пребывания в горах Тянь-Шаня Чокан Валиханов продолжал сбор сведений о жизни и быте киргизского народа, глубже изучил его историю, этнографию и народную поэзию. В результате неумоимой работы он накопил обширный историко-этнографический материал о киргизском народе. «Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсун и Дикокаменной орды составляют несколько тетрадей в моих записках», — писал Чокан Валиханов<sup>\*60</sup>.

<sup>\*57</sup> ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, л. 184.

<sup>\*58</sup> Гейнс А. К. Указ. соч., с. 353.

<sup>\*59</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 114.

<sup>\*60</sup> См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1, с.



Особенно важно, что молодой исследователь впервые обратил внимание на знаменитый памятник эпического творчества киргизского народа «Манас», сделал его первую научную запись и осуществил частичный перевод на русский язык. Он впервые подвергает эпос «Манас» историко-литературному анализу, разбирает образ его легендарного героя Манаса и других персонажей киргизского фольклора. «У дикокаменных киргиз,— пишет Ч. Валиханов,— к ногайской эпохе принадлежит единственный эпос — «Манас». «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее... «Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса», и это — бурутская «Одиссея»<sup>\*61</sup>.

Из «Манаса» Чокан перевел интересный отрывок «Смерть Кукотай-хана и его поминки», поправившийся ему своей реалистичностью и большим количеством историко-этнографических, хозяйственно-бытовых и юридических сведений о киргизах, а также данных об отношениях между древними племенами, населявшими территорию Казахстана. Кроме того, в этом отрывке ярко описан древний кочевой путь киргизов из Южной Сибири в Тянь-Шань.

Научные результаты первых путешествий молодого Ч. Валиханова в 1856—1857 гг. отражены в его замечательных путевых очерках «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах». Эти ранние работы Ч. Валиханова написаны им в двадцатилетнем возрасте. Уже в них Чокан Валиханов проявил себя как наблюдательный и эрудированный ученый, имеющий глубокие познания в географии Тянь-Шаня и Семиречья, истории народов, населявших эти районы в древние времена. Представляют большой интерес его описания природы Тянь-Шаня и Семиречья, топографии местности, растительного покрова и животного мира.

Особенно интересен его кульджинский дневник 1856 г., в котором увлекательно и красочно описаны подробности путешествия в Кульджу, жизнь и быт народов, населявших пограничную Джунгарию (китайцы, сибиряки, солонья, калмыки и др.).

Чокан Валиханов интересуется древней историей киргизского народа. Особенно его занимает факт одновременного проживания киргизов на Енисее и в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Решение этого важного вопроса, выяснение истории кочевания киргизского народа между Саянским хребтом и Тянь-Шанем становится

<sup>\*61</sup> Там же, с. 420.



распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи»<sup>\*62</sup>.

Чокан Валиханов подвергает критике ошибки, допущенные в некоторых работах географов К. Риттера, А. Гумбольдта, востоковедов В. Шотта и Г. Ю. Клапрота в освещении истории древних киргизов.

Географические и исторические исследования молодого казахского ученого через посредство П. П. Семенова-Тянь-Шанского стали известны в научных кругах Петербурга. 27 февраля 1857 г. Чокана Валиханова избрали в состав действительных членов Русского географического общества. Устные рекомендации и отзывы о молодом ученом дали П. П. Семенов-Тянь-Шанский и В. И. Ламанский. Они рекомендовали Ч. Валиханова как талантливое исследование, могущее быть полезным особенно в изучении неизведанных доселе стран Средней Азии и Казахстана. В отзыве П. П. Семенова-Тянь-Шанского, сохранившемся в скрупулезной протокольной записи, сказано, что «Чокан Валиханов совершил путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи, которые готов сообщить»<sup>\*63</sup>. Избрание Чокана Валиханова в действительные члены Русского географического общества означало признание его выдающихся заслуг перед русской наукой.

\* \* \*

✓ Расцвет научной и просветительской деятельности Ч. Валиханова относится к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов XIX столетия.

В 1858—1859 гг. он совершает свою знаменитую поездку в Кашгарию, создавшую ему славу отважного путешественника. Изучив географию, историю, политическое устройство, особенности культуры и быта этой почти неизвестной тогда в Европе страны, Ч. Валиханов внес существенный вклад в научное исследование Восточного Туркестана. По сложившимся издавна в Кашгарии порядкам эта страна была закрыта для европейцев. Известный географ Адольф Шлагинтвейт, проникший в Кашгарию годом раньше Чокана, был обезглавлен ходжой Валиханом-тюре. Чокан привез первые достоверные сведения о трагической гибели ученого, судьба которого взволновала весь ученый мир. «Чокан Валиханов успел собрать драгоценные материалы о состоянии всего Алтышара, — писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — и между прочим разведал впервые о причинах и обстоятельствах гибели Ад. Шлагинтвейта»<sup>\*64</sup>.

<sup>\*62</sup> Там же, с. 416.

<sup>\*63</sup> Архив Всесоюзного географического общества, ф. 1, д. 7 (1857 г.)

<sup>\*64</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. 1, Спб., 1896, с. 276.

Поездка в Кашгарию была очень опасна. Весь Восточный Туркестан в то время охватили восстания местных народов (уйгуров, дунган, киргизов и др.).

Главными инициаторами поездки Ч. Валиханова в Кашгарию были замечательные русские ученые Е. П. Ковалевский и П. П. Семенов-Тянь-Шанский. К этому присоединилось горячее желание самого Ч. Валиханова изучить Восточный Туркестан.

Возвращаясь из экспедиции в Тянь-Шань, П. П. Семенов-Тянь-Шанский подал Г. Х. ГасфОРту мысль о необходимости снаряжения экспедиции в Кашгар и выполнение этой задачи советовать поручить Ч. Валиханову. «Само собой разумеется,— вспоминал позже ученый,— что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала ГасфОРта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировании Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом»<sup>\*65</sup>. Он указал Г. Х. ГасфОРту на то, что «Ч. Ч. Валиханов был единственным, из состоявших в то время при генерал-губернаторе, офицером, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы по своему развитию и талантливости собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане»<sup>\*66</sup>. При этом П. П. Семенов-Тянь-Шанский и К. К. Гукковский составили программу сбора материалов по изучению Восточного Туркестана. Г. Х. ГасфОРт, стремившийся создать себе репутацию покровителя науки, охотно откликнулся на это предложение, но просил у П. П. Семенова-Тянь-Шанского посодействовать организации такой экспедиции в правительственных кругах, без разрешения которых она не могла быть осуществлена.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский поставил этот вопрос по приезду в Петербург. Его поддержали ученые-ориенталисты, а также путешественник Е. П. Ковалевский, незадолго перед этим ставший директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

Получив одобрение в Географическом обществе, Е. П. Ковалевский уже весной 1857 г. составил докладную записку<sup>\*67</sup> на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова, в которой обобщал научное и политическое значение экспедиции.

В архивных фондах хранится обширное дело, содержащее не только документальные материалы Кашгарской экспедиции

<sup>\*65</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 54.

<sup>\*66</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, с. 275—276, 267.

<sup>\*67</sup> Авторство этой записки неправильно приписывалось Г. Х. ГасфОРту (см. ЗРГО ОЭ т. XXIX, Спб., 1904, с. 330—332; Стрелкова И. И. Валиханов («Жизнь замечательных людей»), М., 1933, с. 129.

Ч. Валиханова, но и яркие страницы его биографии. Оно известно под названием «Об отравлении в Кашгар поручика султана Чокана Валиханова»<sup>\*68</sup>.

Чокан Валиханов, давно мечтавший о путешествиях в далекие и малоизвестные страны, какими были тогда Восточный Туркестан и прилегающие к нему области Тянь-Шаня и Памира, с большой радостью принял предложение возглавить экспедицию в Кашгар.

Когда в Омске и Петербурге началась деятельная подготовка к экспедиции (конец 1857—начало 1858 гг.), Ч. Валиханов находился в горах Тянь-Шаня по делам киргизов и не выезжал из Семиречья до лета 1858 г., ожидая прибытия экспедиционного каравана.

Исходным пунктом экспедиции был назначен аул Сарыбаса у подножья хребта Карамула, в 30 верстах от Капала. Чокан прибыл в Карамулу 28 июня 1858 г. и присоединился к торговому каравану, пришедшему из Семипалатинска и состоявшему из 43 человек, 101 верблюда, 65 верховых и вьючных лошадей и 6 походных юрт (кошей). Чокан обрил голову, переделался в казахский национальный костюм и назвался Алимбаем, родственником караван-баши Мусабая, купца из Капала. Караван имел официальное разрешение правительства и был освобожден от всяких налогов и пошлин<sup>\*69</sup>.

Первого июля караван перешел через Алтын-Эмельский хребет и направился в долину р. Или. Переход через Или в то время был очень сложен: моста через реку не было, и переправа каравана производилась при помощи старых плоскодонных каюков, обслуживаемых казахами рода албан.

Отдохнув несколько дней в долине р. Или, караван двинулся дальше и 25 июля достиг живописного горного джайляу Каркары. Здесь Чокан Валиханов бывал не раз. Видя, что животные, пройдя длинный путь от Семипалатинска до Каркары, уже сильно истощены, он решил задержаться в Каркаре на две недели.

В начале августа караван двинулся к киргизским улусам племени бугу, незадолго перед тем добровольно принявшим российское подданство. В долинах Текеса, Каркары и Кокжара, где собралось много поколений рода бугу, Ч. Валиханов прожил весь август и наблюдал годовые поминки по верховному манану Буранбаю. В это же время здесь торговали приезжие кашгарцы. Чокан Валиханов и его спутники установили деловой контакт с кашгарскими купцами и договорились ехать вместе до Кашгара.

<sup>\*68</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695; Архив МИД, ф. IV—3, д. 1; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, 19, 20; ГАОО, ф. 336, оп. 1, д. 257.

<sup>\*69</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695; ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 15—37; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, лл. 463—466; Архив МИД, ф. IV—3, д. 1, лл. 8, 44, 60—64; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, л. 40.

С верховьев Текеса и Каркары в два перехода они миновали проход Санташ, перевал Кызыл-Кия и вышли на дорогу у р. Джиргалан. Далее путь лежал по ровной, плодородной долине Иссык-Куля. Ч. Валиханов обратил внимание на то, что вся эта обширная долина обработана киргизами под посевы.

Девятого сентября караван подошел к р. Зауке (Жууку). Здесь Чокану нужно было наметить наиболее удобный путь в Кашгар. Из долины Иссык-Куля в Кашгар вели три основные дороги: а) восточная, идущая через город Уч-Турфан, б) Большая Аксайская и в) через Атбаш-Арпу.

Чокан Валиханов и его спутники двинулись в Кашгар по Аксайской дороге, проходившей по Сырту Центрального Тянь-Шаня. Это был большой караванный тракт, с давних времен служивший важным путем сообщения между этими древними культурными областями. В Заукинской долине подъем по ущелью был очень труден. В день восхождения на перевал шел мокрый снег. Вьючные лошади и верблюды скользили по мокрым камням. Караван потерял пять верблюдов и две лошади.

«Сегодня мы перешли Зауку,— пишет Чокан,— и выступаем в страны неведомые и неизвестные. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный и правильный дневник. Караван наш только что успел разбить коши и шатры... Кругом видны белые вершины гор, внизу чернеет ущелье, в глубине которого виднеется небольшое озеро. Идет снег и холодно. Я пишу эти строки в коше при свете походного костра»<sup>\*70</sup>.

Чокан впервые дает географическое описание и характеристику общего Сырта, характеризует его природные и климатические особенности, орографию, флору и фауну. По его мнению, Тянь-Шанский Сырт расположен на высоте около 4000 м и этим определяется суровость его климата. По определению Ч. Валиханова, общий Сырт — это необитаемая высокогорная пустыня. Там господствует «постоянный холод, земля всегда мерзлая, воздух редкий. Это явление киргизы называют «тутек». Под словом «тутек» собственно понимается удущье, возникающее от разреженности воздуха и недостатка кислорода. От этого люди и караванные животные часто страдали и нередко погибали.

По существу Чокан с караваном путешествовал почти по гребням Центрального Тянь-Шаня, пересекая его по меридиану с севера на юг. Это путешествие длилось 12 дней и закончилось на южном склоне, на перевале Теректы-Давап, которого экспедиция достигла 26 сентября.

Двадцать седьмого сентября караван перешел границу Китайской империи и подошел к небольшой пограничной крепости, обнесенной глинобитной стеной с башнями. После осмотра и опроса пограничными властями он был пропущен в город. Чокан

---

<sup>\*70</sup> Валиханов Ч. Ч. Дневник во время поездки в Кашгар. Архив ВГО, разр. 64, оп. 1, д. 72.

и караван-баши были торжественно приняты кокандским аксакалом, устроившим их в своем караван-сараяе и взявшим под свое покровительство.

Чокан провел в Кашгаре около полугода (с 1 октября 1858 г. до середины марта 1859 г.). За это время он успел близко ознакомиться с городом и хорошо изучить страну Алтышара. Под названием Алтышара тогда были известны города Кашгар, Аксу, Уч-Турфан, Янысар, Яркенд и Хотан, окаймленные горами: на севере Тянь-Шанем и на юге Куэнь-Лунем.

С первых же дней Чокан заметил, что кокандцы здесь пользуются особыми привилегиями. Китайское правительство, например, предоставило им право собирать в свою пользу пошлину с товаров, прибывающих из других стран. Кокандский хан имел в Кашгаре особого чиновника, или так называемого аксакала, являвшегося одновременно торговым консулом и политическим резидентом.

В бытность Валиханова в Кашгаре аксакалом был Насреддин, а затем Нурмагамет-датха. Оба они приняли Ч. Валиханова и его спутников очень радушно, взяли их под свое покровительство. Это было очень важно. Если бы не защита аксакалов, с Ч. Валихановым могла произойти та же трагедия, что и с Ад. Шлагинтвейтом.

Благодаря аксакалу и его сыну Валиханов познакомился с купцами из разных стран, с политическими деятелями, учеными и поэтами Кашгара, от которых услышал самые достоверные сведения о прошлом и настоящем Алтышара. «Знакомства с купцами разных племен,— пишет Чокан,— и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах»<sup>\*71</sup>.

Исторические сведения он черпал также из письменных источников, местных официальных документов и книг, дополненных рассказами чиновников и купцов<sup>\*72</sup>.

Во время пребывания в Кашгаре Ч. Валиханов продолжал осваивать уйгурский язык. В его архиве сохранились записки, сделанные им в Кашгаре на уйгурском языке.

С помощью своих ученых друзей Ч. Валиханов приобрел ряд уникальных восточных рукописей, составил нумизматическую коллекцию, гербарий, коллекцию горных пород, в которой были и куски нефрита, добываемого в горах Мирджай и в долине р. Кара-Каш<sup>\*73</sup>. Он собрал также разные реликвии: древние грамоты, образцы прикладного и народного декоративного искусства, художественной керамики и т. д.

В конце февраля 1859 г. весна в Кашгаре была уже в разгаре, пора было подумать о возвращении, тем более, что в связи с

<sup>\*71</sup> Валиханов Ч. Сочинения. СПб, 1904, с. 53.

<sup>\*72</sup> Там же, с. 54.

<sup>\*73</sup> Там же, с. 56.



бегством Валихан-тюре кашгарцы вновь забеспокоились и в городе было объявлено тревожное положение. Ночью по городу разъезжали конные патрули, были усилены караулы у городских ворот, подступы к городу охраняли сторожевые отряды. Дальнейшее пребывание Чокана здесь становилось опасным. Необходимо было как можно скорее покинуть город. «В конце января,— пишет Ч. Валиханов,— приехало в Кашгар несколько кашгарских купцов из Кульджи и ташкентцев, выехавших из Семипалатинска после нас. Через них распространились слухи, что при караване есть русский агент... В Хокане между купечеством также поговаривали об этом предмете с добавлениями, что русский агент находится вне города на хуторе, где мы держали верблюдов, так что кокандский михтар поручил своему чиновнику, посланному в Кашгар, осматреть хутор и наших рабочих»<sup>\*74</sup>. Об опасности предупреждала его и чаукен. Поэтому Чокан вскоре распрощался с вновь приобретенными друзьями и 11 марта отправился в обратный путь. Его провожала толпа кашгарцев во главе с аксаклом.

Путь Чокана лежал через перевал Тургарт, южнее Теректы. В середине марта теректинский перевал был еще непроходим, там лежал глубокий снег. Чокан и его спутники решили двигаться через Южную Киргизию и по пути осматреть новые места, прилегающие к Ферганскому хребту.

От Тургарта они направились на замечательное по своей красоте высокогорное озеро Чатыр-Куль, о котором существовало много исторических преданий. До Чокана здесь не ступала нога ни одного исследователя. Оттуда через долины рек Атбаша и Узгена Ч. Валиханов и его спутники вышли на кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу Нарына.

Чокана Валиханова очень интересовали обширные долины Атбаша, Арпы и Нарына, представляющие собой оазисы со значительно большими хозяйственными возможностями, чем высокогорный Сырт. Путешественник не преминул определить, что эти долины имеют решающее значение в экономической жизни южных киргизов и являются центром этой горной страны. Наблюдательный ученый нашел здесь следы кипучей жизни прошлых времен, сохранившиеся в виде монументальных памятников архитектуры и богатой городской культуры.

«В нагорной Сырт,— отмечал Ч. Валиханов,— только на низменных и теплых долинах Атбаша, Арпы и Нарына произрастают пшеница и ячмень. Надо полагать, что в древние времена места эти были населены оседлым и полuosедлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Атбашу есть развалины большого города, а на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества»<sup>\*75</sup>

<sup>\*74</sup> Валиханов Ч. Дневник во время поездки в Кашгар. Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 20, лл. 139, об.—140.

<sup>\*75</sup> Валиханов Ч. Ч. Сочинения, Спб. 1904, с. 383.

Далее караван следовал в северо-восточном направлении, вверх по Нарыну, и шестого апреля в районе Джетым-Чоку пересек большую караванную дорогу, ведущую через Заукинский проход в Иссыккульскую долину.

Успешно окончив свое путешествие за десять месяцев и четырнадцать дней, 12 апреля 1859 г. Чокан прибыл в укрепление Верное (Алма-Ата), имея с собой «богатый запас интересных сведений о Кашгаре»<sup>\*76</sup>. Отдохнув здесь около полутора месяцев, он посетил город Семипалатинск, встретился с Ф. М. Достоевским и вернулся в Омск, где занялся обработкой собранных материалов.

В Петербурге с нетерпением ожидали как приезда Чокана Валиханова, так и отчета о результатах его экспедиции. Между Петербургом и Омском шла оживленная переписка, в которой требовали ускорить составление отчета и командировку Валиханова в Петербург. Генерал И. Ф. Бабков писал: «В Министерстве иностранных дел с нетерпением и живым любопытством ожидали сообщения подробностей о поездке Валиханова в неведомый дотоле Кашгар... Более всех интересовался этим Е. П. Ковалевский, как инициатор этого дела и ориенталист по призванию. Слух о пребывании нашего агента в Кашгаре и о собранных им любопытных сведениях о Восточном Туркестане, или Малой Бухарии, по близкому знакомству Е. П. Ковалевского с графом Блудовым, проник и в высшие петербургские сферы. Произведенное впечатление усиливалось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента, известного Адольфа Шлагинтвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре»<sup>\*77</sup>.

До глубокой осени 1859 г. Чокан находился в Омске, где напряженно работал над отчетом. Он стремился быстрее его закончить, чтобы с наступлением санной дороги поехать в Петербург, где собирался обработать накопленный за время путешествий богатейший материал. В конце августа его посетил Ф. М. Достоевский, возвращавшийся в Тверь. Чокан сообщил ему, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет<sup>\*78</sup>.

Результаты кашгарской экспедиции Ч. Валиханова были чрезвычайно важны. Они вызвали огромный интерес ученых.

Чокан привез из Кашгара ряд уникальных восточных рукописей. «Тазкирян Султан Сутук Бутра-хан» («История Сутак-Бутра-хана»), «Тазкирян Туглук-Тимур-хан» («История Туглук-Тимур-хана»), «Тазкирян Ходжагян» («История ходжей»), «Абумуслим Маурузи» и др., а также коллекции горных пород,

---

<sup>\*76</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, с. 276.

<sup>\*77</sup> Бабков И. Ф. Воспоминание о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912, с. 125.

<sup>\*78</sup> Письмо Ф. М. Достоевского к А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г. «Исторический вестник», 1885, январь.

образцы нефрита, гербарий, памятники нумизматики и многое другое.

Среди обширных материалов, собранных Ч. Валихановым, значительное место занимают его карандашные зарисовки, воспроизводящие типы жителей Восточного Туркестана и их занятия.

Главнейшим результатом поездки Ч. Валиханова в Кашгар явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана, написанный с учетом достижений современной Ч. Валиханову науки. По охвату новых материалов, а также по широте и глубине их анализа работа его явилась крупным вкладом в отечественную науку. Она не потеряла своего значения и поныне.

В этом замечательном труде проявилась огромная эрудиция молодого ученого, его талант исследователя, острый, пытливый ум; самое оградное впечатление производят чисто литературные качества этого произведения: образный слог, занимательность, тонкий юмор.

Этот труд Ч. Валиханова имел и большое практическое значение.

Современники Ч. Валиханова — ученые, писатели и военные специалисты — высоко оценили исследования Ч. Валиханова о Кашгаре, считая его подлинным географическим открытием, трудом «в высшей степени полезным для правительства и для наук», восполняющим пробелы европейских ученых-географов и востоковедов, — сведениями которых мы доселе руководствовались»<sup>\*79</sup>.

Отчет Ч. Валиханова был использован в дальнейшем при устройстве торговых факторий в Кашгаре, а также при установлении торговых и культурных связей России с Западным Китаем<sup>\*80</sup>.

Заслуги ученого-путешественника были отмечены переводом его в чин штабс-ротмистра, пожалованием ордена и денежной наградой. По представлению Ч. Валиханова были награждены его верные спутники по путешествию в Кашгар, всего 23 человека<sup>\*81</sup>. Награды получили также караван-баша Мусабай, семипалатинский купец Букаш, полковник К. К. Гутковский и другие<sup>\*82</sup>.

Ч. Валиханов приехал в Петербург в конце 1859 г. Русские ученые встретили его как отважного путешественника, замечательного исследователя, глубокого знатока жизни народов Средней Азии и Казахстана.

Будучи признанным авторитетом по вопросам Средней Азии, Ч. Валиханов пользовался особым расположением как со сторо-

<sup>\*79</sup> Доклад по Департаменту Генерального штаба. ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 14—15.

<sup>\*80</sup> ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 9, лл. 22—23.

<sup>\*81</sup> ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 170, лл. 3—4.

<sup>\*82</sup> Там же, л. 1—2; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 300.

ны Министерства иностранных дел, так и Генерального штаба. Оба эти учреждения поддерживали мысль П. П. Семенова-Тянь-Шанского об оставлении Ч. Валиханова в Петербурге для научных занятий и поставили перед правительством этот вопрос. Е. П. Ковалевский в письме от 3 апреля 1860 г. на имя военного министра просил причислить «штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту с тем, однако, чтобы независимо от жалования, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жалование и содержание по чину из сумм военного ведомства»<sup>\*83</sup>. Е. П. Ковалевский писал, что в случае надобности можно «возложить на штабс-ротмистра Валиханова какое-либо поручение со стороны Военного Министерства по предстоящей экспедиции против кокандцев и Министерство иностранных дел не встретит никаких препятствий к командировке его»<sup>\*84</sup>.

Министр иностранных дел А. М. Горчаков, ходатайствуя перед Александром II о переводе Ч. Валиханова из Военного Министерства в Азиатский департамент, дает ему следующую характеристику: «Штабс-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте Восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А потому по предварительному соглашению с Военным министром я полагал бы причислить Валиханова к сему департаменту»<sup>\*85</sup>.

Приказ о переводе Ч. Валиханова в Азиатский департамент был утвержден Александром II 15 июня 1860 г.<sup>\*86</sup> В нем говорилось: «Состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова назначить состоять при Азиатском департаменте, с оставлением по армейской кавалерии»<sup>\*87</sup>.

Пребывание Ч. Валиханова в Азиатском департаменте является одним из ярких периодов его биографии. Об этом сохранилось особое дело<sup>\*88</sup>, документы которого свидетельствуют о той важной роли, которую сыграл Ч. Валиханов в период присоединения Южного Казахстана и Средней Азии к России.

Ч. Валиханов прибыл в Петербург с огромным запасом знаний, обогащенный интересными наблюдениями, сделанными во время путешествий по горам Тянь-Шаня и Восточному Туркестану.

<sup>\*83</sup> Архив МИД, ф. П—344, л. 2; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 269—269 об.

<sup>\*84</sup> Там же.

<sup>\*85</sup> О штабс-ротмистре Валиханове. ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 3; Архив МИД, ф. 11—344, л. 4 об; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 276—276 об.

<sup>\*86</sup> ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, лл. 12—13.

<sup>\*87</sup> Архив МИД, ф. 11—344, л. 9.

<sup>\*88</sup> Это дело теперь хранится в архивах Москвы (Архив МИД, ф. П—344, лл. 1—30; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695; ф. 447, д. 4), Ленинграда (ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, лл. 1—35), Ташкента (ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1 д. 18, 19) и Омска (ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257).

Эти наблюдения явились предметом увлекательных научных бесед Ч. Валиханова с выдающимися русскими учеными и писателями.

О Петербурге Чокан много слышал еще в Омске от ссыльного поэта С. Ф. Дурова.

С. Ф. Дуров был революционером-демократом, борцом против царского самодержавия. 23 апреля 1849 г. его арестовали вместе с основной группой петрашевцев в числе 35 человек. После восьмимесячного заточения в Петропавловской крепости военный суд приговорил С. Ф. Дурова к расстрелу, который затем был заменен ссылкой на каторжные работы<sup>\*89</sup>.

Закованный в кандалы, С. Ф. Дуров вместе с Ф. М. Достоевским был отправлен этапом в Тобольск, а затем 23 января 1850 г. помещен в Омскую каторжную тюрьму<sup>\*90</sup>. Условия жизни здесь были невыносимы, С. Ф. Дуров вышел из тюрьмы с совершенно подорванным здоровьем. По окончании срока каторжных работ 11 января 1854 г. его определили рядовым на дисциплинарную военную службу и перевели в третий Сибирский линейный батальон в г. Петропавловске. Однако состояние здоровья не позволяло С. Ф. Дурову нести военную службу. Ему разрешили поступить на службу по гражданскому ведомству, определив в должности «канцелярского служителя четвертого разряда в Областное правление Сибирских киргизов»<sup>\*91</sup>. Одновременно по указанию Николая I за С. Ф. Дуровым был учрежден «строжайший секретный надзор и сверх того непосредственное наблюдение ближайшего начальства»<sup>\*92</sup>, в частности военного губернатора области Сибирских киргизов фон Фридрихса. Служа в областном правлении Сибирских киргизов, С. Ф. Дуров вскоре обратил на себя внимание гуманным отношением к людям, честностью, трудолюбием и деловитостью, и по настоянию К. К. Гутковского и Ч. Валиханова вскоре был переведен в третий разряд канцелярских служителей<sup>\*93</sup>.

Работа в областном правлении позволяла С. Ф. Дурову бывать в степи, знакомиться с жизнью трудящихся казахов. В 1855 и 1856 гг. ему разрешили жить в Кокчетавском округе «для поправления здоровья»<sup>\*94</sup>. Но и здесь он находился «под тайным полицейским надзором»<sup>\*95</sup>. По предписанию генерала Фридрихса Кокчетавский окружной приказ должен был ежемесячно доносить ему о поведении С. Ф. Дурова.

---

<sup>\*89</sup> Дело о доставлении сведений о политических преступниках титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском служителе С. Дурове. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, лл. 27, 71—72, 87; ГАОО, ф. 14, д. 231, лл. 12—13.

<sup>\*90</sup> Там же.

<sup>\*91</sup> Дело о приеме на службу в Областное правление С. Дурова. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541, лл. 1—2.

<sup>\*92</sup> Там же.

<sup>\*93</sup> Там же, л. 24.

<sup>\*94</sup> Там же, лл. 8, 27, 28, 29—30.

<sup>\*95</sup> Там же, л. 8.

26 августа 1856 г. С. Ф. Дурову было разрешено «возвратиться из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением С.-Петербурга и Москвы»<sup>\*96</sup>. Но его задержали в Западной Сибири еще на один год. Только в конце августа 1857 г. он покинул Омск и поселился в Одессе<sup>\*97</sup>.

Дружеские связи Ч. Валиханова с С. Ф. Дуровым установились сразу по освобождении последнего из Омской крепостной тюрьмы<sup>\*98</sup>. Раньше Ч. Валиханов слышал о нем через К. К. Гутковского<sup>\*99</sup>, интересовался его судьбой, горячо сочувствовал ему и искал случая, чтобы лично встретиться с ним.

С весны 1855 г. местом постоянных встреч друзей был дом Капустиных, а также квартира самого Ч. Валиханова. Во время встреч велись душевные беседы, обсуждались самые животрепещущие вопросы социально-политической жизни страны, волновавшие всех передовых людей того времени. Во взглядах С. Ф. Дурова и Ч. Валиханова обнаружилось много общего.

Чокан был близко знаком с русским писателем Ф. М. Достоевским, отбывавшим каторгу вместе с С. Ф. Дуровым в Омской крепости. О Ф. М. Достоевском Чокан много слышал в семье Капустиных и Гутковских. По свидетельству А. Е. Врангеля, первое знакомство Чокана с Ф. М. Достоевским произошло в 1854 г. в Омске, в доме Ивановых<sup>\*100</sup>, у которых часто бывал писатель<sup>\*101</sup>. Эта встреча выявила некоторую общность их взглядов и стремлений, и они стали близкими друзьями. Находясь в Омской каторжной тюрьме, названной им «мертвым домом», и по выходе из нее Ф. М. Достоевский еще не отказался от своих передовых взглядов, сложившихся у него в кружке петрашевцев. В беседах с Чоканом и в переписке с ним он проявил себя как большой прогрессивный мыслитель и обличитель пороков прогнившего помещичьего строя в России. Чокану было 19 лет, когда он стал одним из близких друзей великого писателя.

Дружеское общение Чокана с Ф. М. Достоевским, начавшееся со знакомства в доме Ивановых, было продолжено встречами в Семипалатинске и Петербурге и поддерживалось шестилетней перепиской (1856—1862 гг.).

Весной 1854 г. царские власти сочли необходимым удалить Ф. М. Достоевского из областного центра и отправить в глушь. Он был переведен в Семипалатинск на бессрочную солдатскую службу, в 7-ой батальон Сибирского линейного казачьего войска.

<sup>\*96</sup> Дело о доставлении сведений о политических преступниках титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском слуге С. Дурове. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, лл. 87—88.

<sup>\*97</sup> Там же, лл. 93—95.

<sup>\*98</sup> Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. XXV.

<sup>\*99</sup> ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541.

<sup>\*100</sup> Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, с. 13.

<sup>\*101</sup> Иванов А. Встреча с Ф. М. Достоевским. «Туркестанские ведомости» 1894, № 12.

В 1856—1858 гг., отправляясь в путешествия по степи, Ч. Валиханов неизменно заезжал к Ф. М. Достоевскому, подолгу беседовал с ним на политическпе и философские темы.

Встреча Чокана с Ф. М. Достоевским в Семипалатинске — одна из ярких страниц его биографии. Эта встреча запечатлена на фотографии, сохранившейся до наших дней. «Из немногих, посещавших нас последнее время лиц,— пишет А. Е. Врангель,— помню, между прочим, заехал проездом чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса Мухамед-Ханафия Валиханов... Он познакомился с Ф. М. Достоевским в Омске у Ивановых и очень полюбил его»<sup>\*102</sup>.

Ф. М. Достоевский прекрасно знал жизнь казахского аула. Пользуясь близостью к таким людям, как Попов, А. Е. Врангель и М. М. Хоментовский, занимавшими тогда видное положение, Ф. М. Достоевский мог вместе с Ч. Валихановым и А. Е. Врангелем посещать казахские аулы, бывать в Аркате, в Чингизских и Тарбагатайских горах для археологических исследований. Жизнь казахского народа явилась новой интересной темой бесед между Ч. Валихановым и Ф. М. Достоевским.

После встреч в Семипалатинске друзья расстались надолго, между ними завязалась переписка, представляющая большой общественно-исторический интерес и являющаяся примером близкого идейного общения замечательных представителей двух братских народов. В письмах Ч. Валиханова получили отражение его общественные взгляды, любовь к русскому народу и русской культуре.

Уезжая из Семипалатинска после временной отлучки знаменитого русского писателя в Барнаул, Ч. Валиханов писал Ф. М. Достоевскому: «После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно тосклив. Расстаться с людьми, которых я так полюбил, и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему: Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

В ответ на это письмо Ф. М. Достоевский открывает Ч. Валиханову свою душу:

«Письмо Ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич<sup>\*103</sup>. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам... Тут бы можно многое сказать в объясне-

<sup>\*102</sup> Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибирц, с. 95.

<sup>\*103</sup> Имеется в виду А. Н. Цуриков.

ние. но чего Вас хвалить! А Вы верно и без доказательства верите моей искренности, дорогой Вали-хан, да если на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь. Чувство и влечение дело необъяснимое... Когда мы простились с Вами извозка, нам всем было грустно на душе целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас<sup>\*104</sup>.

В своем письме Ф. М. Достоевский дает Чокану полезные советы, призывает его к служению родному народу, рекомендует попробовать свои силы на ниве публицистики. Он пишет: «Не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о степи... Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело растолковать в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России... Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дала Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать». Этими горячими призывами Ф. М. Достоевский побуждал Чокана действовать активно на поприще просвещения народа. Далее Ф. М. Достоевский пишет: «Я Вас так люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно в мечтах я устраивал и лелеял судьбу. Но среди мечтаний была одна действительность — это то, что вы первый из вашего племени, достигший европейского образования. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности... Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать 10 раз».

Ф. М. Достоевский и позднее следил за научными успехами Ч. Валиханова, живо интересовался его дальнейшей судьбой. В письме к А. Е. Врангелю из Твери Ф. М. Достоевский пишет: «Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я Вам об нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь»<sup>\*105</sup>.

Дружеская связь Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским продолжалась в течение многих лет. Она поддерживалась и в Петербурге (1860 г.). После реформы 1861 г. и знакомства с революционной литературой Ч. Валиханов стал критически относиться к деятельности и взглядам писателя, перешедшего на позиции мистицизма и отошедшего от борьбы с самодержавием. В своем письме к А. Н. Майкову Чокан пишет: «Будем говорить теперь о Вас. о Петербурге, о друзьях моих петербургских! Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем, впрочем, я сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря меж-

<sup>\*104</sup> Достоевский Ф. М. Письма, т. 1, М., 1928, с. 200.

<sup>\*105</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 88—90; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.



ду нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удается им это примирение. По-моему что-нибудь да одно, или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо использовать. Китайская середина не идет теперь к делу»<sup>\*106</sup>.

Ф. М. Достоевский на всю жизнь запомнил своего друга из Казахстана. Все предметы, полученные им от Чокана Валиханова, впоследствии стали для него самыми дорогими сувенирами. В 1866 г. после смерти Чокана он как-то сказал своей жене А. Г. Достоевской: «Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям»<sup>\*107</sup>.

Годы пребывания Ч. Валиханова в Петербурге представляют одну из ярких страниц его биографии. Находясь в окружении передовой русской интеллигенции, внимательно следившей за успехами молодого ученого-путешественника, Ч. Валиханов в эти годы с особой силой мог проявить свой незаурядный талант и знания. В периодической печати того времени встречались отклики о его пребывании в столице. Один из крупных ученых середины XIX в. П. И. Небольсин писал о Чокане: «В Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли и пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и, за исключением лишь одного, человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании. Этот один еще очень молодой кавалерийский офицер, ...султан Чокан Чингисович Валиханов». «С Валихановым... я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров,— говорил Л. Н. Плотников,— под мерку его способностей и знаний не только не придутся они (Мухамед-Гали Тяукин и Бабажанов), но, пожалуй, и мы с г. Небольсиным».

Деятельность Ч. Валиханова в Петербурге была весьма кипучей и разносторонней. Он работал в нескольких учреждениях: в Военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте, Географическом обществе и одновременно слушал лекции в университете. По поручению Военно-ученого комитета он составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана<sup>\*108</sup>. Под его редакцией были подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края» (1856 г.) «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» (1856 г.), «Карта Западного края Китайской империи» и т. д.

<sup>\*106</sup> Валиханов Ч. Избранные произведения, с. 568.

<sup>\*107</sup> Имеется в виду резной ящик работы брата Чокана Махажана. См.: «Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957, с. 4.

<sup>\*108</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 535—536; его же Соч., СПб, 1904, с. 54.

Им кропотливо изучались старинные карты на разных языках<sup>\*109</sup>.

«В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером, — вспоминает Н. М. Ядринцев, — как раз в пору его славы... Я его заставлял за разными восточными манускриптами и картами»<sup>\*110</sup>.

В Географическом обществе он принимал участие в подготовке к изданию трудов К. Риттера, составлял материалы по географии и этнографии Казахстана и Средней Азии, читал лекции для членов общества о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии. Его лекции были очень интересны и увлекательны, некоторые из них иногда публиковались в газетах в кратком изложении<sup>\*111</sup>.

В Петербурге Чокан постоянно общался с многими выдающимися русскими учеными и литераторами, устанавливал с ними дружеские связи. Тесные дружеские и деловые связи он поддерживал постоянно с вице-президентом Географического общества П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Неоднократные беседы с ним способствовали расширению научного горизонта Чокана и в значительной мере направляли его работу в области изучения Казахстана и Средней Азии.

Ч. Валиханов, еще учась в кадетском корпусе, мечтал об университетском образовании. «Чокан, беседуя с Потаниным, — пишет акад. В. А. Обручев, — часто говорил, что они должны поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествию»<sup>\*112</sup>. Эти мечты, когда Ч. Валиханов жил в Петербурге, были близки к осуществлению. В то время он часто посещал университет и всегда делился своими мыслями о лекциях с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским: «Самые юные, талантливые и чистые душой вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, — пишет П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — глубоко проникнутые своим стремлением и жаждой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете»<sup>\*113</sup>.

До приезда в Петербург Чокан предполагал слушать лекции на восточном факультете. Но там не читались курсы истории, философии и истории общественного развития, которые в то время больше всего интересовали Ч. Валиханова. Поэтому он посещал лекции на историко-филологическом факультете университета<sup>\*114</sup> и продолжал изучать иностранные языки.

Одновременно Ч. Валиханов готовил свои труды для публикации в изданиях Географического общества. Большую помощь и в этом оказывал ему П. П. Семенов-Тянь-Шанский. «Я присил

<sup>\*109</sup> ЦГВИА, ф. ВУА (492), оп. 1. д. 36, л. 75; д. 48, лл. 14, 48, 63.

<sup>\*110</sup> Ядринцев Н. М. Воспоминания о Чокане Валиханове, с. XXXV.

<sup>\*111</sup> См.: «Русский инвалид», 1860, 4 мая.

<sup>\*112</sup> Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин, с. 39.

<sup>\*113</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 248.

<sup>\*114</sup> Ядринцев Н. М. Воспоминание о Чокане Валиханове, с. XXXVII.

Гасфорта, — пишет о Ч. Валиханове в своих мемуарах русский ученый, — дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных, уже собранных им, этнографических и исторических материалов о киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества»<sup>\*115</sup>.

Ч. Валиханов установил тесные связи и с русскими учеными-востоковедами и, прежде всего, с профессором А. Н. Бекетовым, редактором «Записок Русского географического общества», в Азиатском департаменте он общался с Е. П. Ковалевским, Ф. Р. Остен-Сакеном, И. И. Захаровым, профессором Петербургского университета, бывшим консулом в Кульдже. Вместе с И. И. Захаровым он работал в высшей школе для ученых занятий при Азиатском департаменте, где преподавал тюркские языки для лиц, едущих в Среднюю Азию. У Ч. Валиханова на квартире часто бывали востоковеды В. В. Григорьев, В. П. Васильев, В. В. Вельяминов-Зернов и др.

Замечательную страницу петербургского периода жизни Ч. Валиханова составляет его дружеское общение с русскими писателями. В бытность в Петербурге он часто бывал у Ф. М. Достоевского, познакомился с его семьей, братом М. М. Достоевским, а также с поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, критиком Страховым и др. Особое значение имела его дружба с единомышленниками Н. Г. Чернышевского братьями Курочкиными. По исследованию В. Г. Баскакова, «Н. С. Курочкин завязал серьезные связи с Чернышевским осенью 1861 г. и с тех пор посещал его квартиру. Оба они присутствовали на похоронах Добролюбова, встречались в шахматном клубе»<sup>\*116</sup>.

В. С. Курочкин «посещал квартиру Н. Г. Чернышевского, неоднократно встречался с ним в шахматном клубе, принимал участие в работе тайного общества «Земля и воля». В ряде своих подцензурных статей В. Курочкин призывал бороться, не жалея сил, за то великое дело, которое начал Н. Г. Чернышевский»<sup>\*117</sup>.

Василий Степанович Курочкин (псевдонимы — Знаменский, Темный) был одним из известных поэтов-разночинцев 60-х годов. Брат В. С. Курочкина Николай Степанович — один из друзей Чокана Валиханова, поддерживал с ним связь до самой смерти. Он тоже был поэтом и журналистом (писал под псевдонимами Скорпионов и Преображенский). С 1861 г. братья Курочкины состояли членами общества «Земля и воля». С 1862 г. находились под надзором царской охранки в связи с делом «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. в связи

<sup>\*115</sup> Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 249—250.

<sup>\*116</sup> Баскаков В. Г. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с.

<sup>\*117</sup> Там же.

с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. После того, как произошло покушение на жизнь Александра II, братья Курочкины были арестованы и некоторое время находились в заключении в Петропавловской крепости.

В 1861—1862 гг. Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация», где поместил ряд рисунков из быта казахов, переданных ему Ч. Валихановым.

Повседневно общаясь с выдающимися русскими писателями и учеными, Чокан пробуждал у многих из них интерес к Средней Азии и Казахстану, способствовал укреплению дружеского расположения к народам этих окраин. Он давал некоторым поэтам темы из восточной жизни. Под влиянием бесед с Ч. Валихановым поэт А. Н. Майков написал стихи «В степях», «Альпийские ледники», «Емшан».

Его материалами и консультациями пользовались многие авторы, в частности, А. Ф. Голубев и Д. И. Романовский, офицеры Генерального штаба, писавшие об Иссык-Куле, Средней Азии и Казахстане. Материалы Ч. Валиханова использовали П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. И. Венюков, Ф. Р. Остен-Сакен, Е. П. Ковалевский, А. А. Татаринов, А. И. Лерх и многие другие.

Чокан любил острить, зло высмеивать пороки, которые он находил в окружающей его среде. Остроумие, блестящий полемический дар Ч. Валиханова приводили в восторг его друзей — ученых и литераторов, близко знавших его.

\* \* \*

Весной 1861 г. тяжелая болезнь заставила Чокана Валиханова оставить Петербург. По совету врачей он отправился в родную степь с надеждой поправить свое ослабленное здоровье.

В Петербурге Чокан пробыл полтора года. Жизнь в столице, проведенная среди друзей, оставила в его сознании неизгладимый след. Он уезжал из Петербурга идейно обогащенным.

Возвращение Ч. Валиханова в степь было радостным событием для его родных. Вместе с ним приехали его друзья — студент Московского университета (фамилия его не известна), татарский ученый-просветитель Хусайн Фаизхан, близкий друг Чокана И. И. Ибрагимов и другие.

К их прибытию аул Валихановых перекочевал на джайляу и находился на новом пастбище Бурулука. Здесь были все условия для отдыха, для улучшения подорванного здоровья Чокана — воздух, кумыс, баранина, которые Ч. Валиханов считал лучшими средствами от чахотки.<sup>\*118</sup>

По воспоминаниям местных жителей-казахов Кокчетавской области около юрты Чокана всегда было шумно, многолюдно.

---

<sup>\*118</sup> *Ибрагимов И. И.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО ОЭ, т. XXXIX, СПб., 1904, с. XIII.

Сюда стекались жители соседних аулов, желая увидеть молодого ученого, пожать ему руку. Многие из них приходили к нему за советами по различным вопросам.

В ауле Чокан находился в постоянном окружении народных поэтов, сказителей, музыкантов (кобызистов, сыбызгистов и домбристов), певцов, остряков, комиков, которые своими песнями, игрой, представлениями не только развлекали его, но и давали ему богатый научный материал. Такие представления (ойын-саук) иногда продолжались до поздней ночи. И. И. Ибрагимов вспоминает, что «Чокан вечера просиживал долго, слушая пение и рассказы киргиз»<sup>\*119</sup>.

Чокан особенно любил кобызиста Курумбая Кангожина, певцов Коке Альджанова, Шаена, сказителя Карьке, акробата Абе Тогжанова. Большое удовольствие Чокану доставляла игра его дяди — знаменитого кобызиста Кангожи, прекрасного исполнителя народных кюев и лирических мелодий на сыбызге и домбре. До сих пор сохранился афоризм, сочиненный отцом Чокана: «Счастье—мое, искусство—Кангожи (Бахыт менікі, өнер Кангожанікі). Чокан часто просил Кангожу сыграть кюи «Балбраун» («Нега») и «Таргыл бука».

Чокану Валиханову по душе был и другой музыкант — Топеберген, сын знаменитого кобызиста Тулака, жившего в районе оз. Турангуль, недалеко от Сырымбета. Это был одаренный юноша, замечательный исполнитель народных мелодий на кобызе и сыбызге. В народе существует легенда о том, что, когда отец и сын играли кюи на оз. Турангуль, мелодии их кобыза и сыбызги доносились до гор Сырымбета.

Из поэтов и сказителей у Чокана часто бывали Шоже, Тогжан, Орумбай, Арыстамбай, поэтесса Ажар (кыз), Соқыр Жырау — потомок известного певца Шала. В бытность Чокана в ауле его отец Чингис всегда приглашал к себе лучших певцов, чтобы предоставить возможность сыну записать их песни.

Живя в ауле, ученый-просветитель вновь столкнулся с тяжелой картиной отсталости, средневековья, страданий бесправных народных масс, томившихся под двойным гнетом. Он видел произвол и насилие чиновников-колонизаторов, деспотизм казахских феодалов. Он не мог мириться с этой тиранией. Отстаивая интересы народных масс, он выступал в защиту их прав, против угнетения и произвола. Но, увлекшись утопическими идеями, он пошел по неправильному пути, допуская возможность сверху, «от власти» создать «счастье народа». Об этом говорит атбасарский эпизод (1862 г.) — выставление Ч. Валихановым своей кандидатуры на должность выборного старшего султана. «Я думал, — писал Чокан в письме к Ф. М. Достоевскому, — как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При

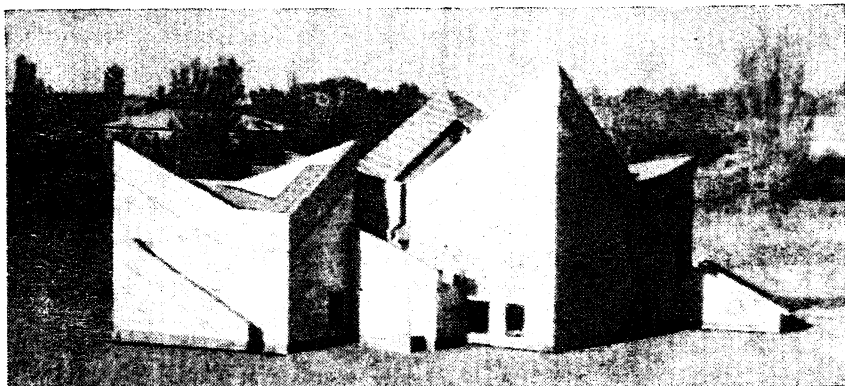
<sup>\*119</sup> Там же, с. XIII.



Мавзолей Чокана Валиханова. Рис. Г. Н. Потанина.

этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель»<sup>\*120</sup>.

Чокан, конечно, напрасно лелеял надежду на то, что он сможет облегчить участь трудящихся, оградить их от беззаконий и произвола, став султаном. Тем не менее в своей борьбе против угне-



Музей Ч. Ч. Валиханова. Колхоз им. Чокана Кербулакского района  
Талды-Курганской области.

тателей Ч. Валиханов выражал коренные нужды и чаяния бесправного тогда казахского народа. Ч. Валиханов энергично боролся с отсталыми взглядами, выступал против предрассудков и привычек, порожденных и поддерживаемых феодально-патриархальным укладом.

В письме к А. Н. Майкову Чокан писал: «Мои родные... имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств. Особенно выдается непомерное упорство и тщеславие. Понятно после этого, они имеют слишком высокое мнение о себе, о своем уме и проч. Понятно и то, что всякие советы или споры только раздражают их тщеславие и укрепляют упорство.

Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем»<sup>\*121</sup>.

Разногласия с родственниками привели к тому, что Чокан вскоре уехал в Омск. Здесь он принимал участие в работе юридической комиссии областного правления и занимался вопросами казахской судебной реформы.

Весной 1864 г. Ч. Валиханов был приглашен в военную экспедицию генерала М. Г. Черныяева, в задачу которой входило

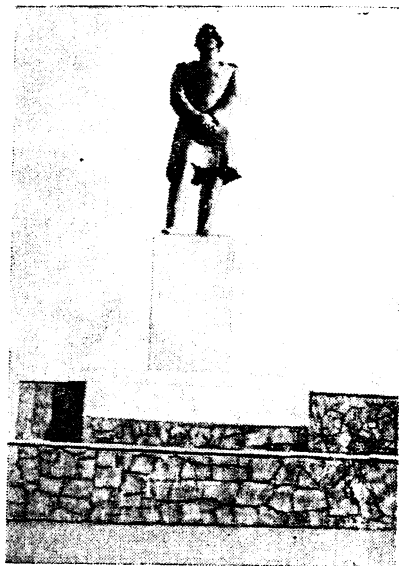
<sup>\*120</sup> Валиханов Ч. Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, с. 562.

<sup>\*121</sup> Там же, 566—567.

присоединение Южного Казахстана к России. Он принимал участие в военных действиях при взятии крепости Аулие-Ата. Ч. Валиханов считал, что присоединение Южного Казахстана и Средней Азии должно произойти мирным путем, без кровопролития. Он надеялся, что так и будет. Генералу Черняеву перед выступлением было предложено «не отвергать мирные пред-



■ Обелиск на могиле Ч. Ч. Валиханова (1958 г.).



Памятник Ч. Ч. Валиханову (1979 г.).

ложения, вступить с местными народами в предварительные переговоры». Для участия в такого рода переговорах специально и командировался «штабс-ротмистр Валиханов, весьма развитый азиатец, хорошо знающий русский и татарский языки»<sup>\*122</sup>. Однако генерал Черняев, будучи ярким проводником колонизаторской политики царизма, допустил ряд жестоких и бесчеловечных действий, приведших в негодование не только Ч. Валиханова, но и всех передовых людей России того времени.

Ч. Валиханов, естественно, не мог продолжать службу под начальством этого жестокого человека. В июле 1864 г. с группой офицеров, недовольных действиями М. Г. Черняева, он возвратился в г. Верный.

Архивные документы свидетельствуют, что в это время вообще усиливается политическое брожение среди офицеров Сибирского казачьего войска, недовольство мерами царизма. Для рас-

<sup>\*122</sup> Письмо А. О. Дюгамеля к Д. А. Милютину. ГИБ им. В. И. Ленина, ф. 169, д. 63/34.



следования политической благонадежности офицеров Сибирского казачьего войска из Петербурга была направлена в Омск особая комиссия, которой поручили, кроме применения жестоких мер и ареста, приводить офицеров к присяге.

В силу создавшейся тяжелой обстановки Чокан решил не возвращаться в Омск. Он выехал из Верного в аул Тезека — старшего султана казахов рода албан, где женился на его сестре.

Живя в ауле, он занимался изучением исторических преданий казахов Старшего жуза, интересовался ходом восстания дунган в Западном Китае, все время поддерживал связи с Петербургом и администрацией Западной Сибири.

До самой смерти он числился на службе по Генеральному штабу и по Азиатскому департаменту<sup>\*123</sup>.

Восстановить свое подорванное здоровье Чокан Валиханов не смог. Он скончался в апреле 1865 г. в ауле Тезека, в урочище Кочен-Тоган, недалеко от подножия Алтын-Эмельского хребта<sup>\*124</sup>.

Перед своей кончиной Ч. Валиханов написал отцу последнее письмо. В нем выражалась тоска по родным и знакомым, сожаление о неосуществленных мечтах. «Устал, нет никакой силы. — писал он, — весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех». Через некоторое время в Сырымбете было получено письмо от Тезека о смерти Чокана.

В своем последнем письме Чокан просил отца: «Презжайте в Джетысу, увезите к себе мою бедную Айсары (жену), не оставьте ее без внимания и заботы». Для выполнения этого предсмертного пожелания Чокана летом 1865 г. из Кокчетова в Алтын-Эмель был отправлен караван.

В ауле Тезека участники поездки построили в честь Ч. Валиханова сводчатую гробницу из жженого кирпича, с которой сохранились фотографии<sup>\*125</sup> и карандашный рисунок, сделанный Г. Н. Потаниным<sup>\*126</sup>. Обратный караван вернулся с женой Чокана.

Память о Чокане Валиханове верно хранили его друзья и товарищи: Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Г. А. Колпаковский, И. И. Ибрагимов, Н. Ф. Усов и многие другие. В ознаменование научных заслуг Чокана Валиханова они по поручению генерала К. П. Кауфмана и при содействии архитектора П. Зенкова установили в 70-х годах XIX в. на мавзолее Ч. Валиханова мраморную плиту с надписью на казахском и русском языках. Текст

<sup>\*123</sup> ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 33; Архив МИД, ф. 11—344, лл. 76—79.

<sup>\*124</sup> Архив МИД, ф. 11—344, лл. 80—81.

<sup>\*125</sup> По словам проф. М. Е. Массона, эта фотография хранилась в архиве быв. Туркестанского отдела Географического общества.

<sup>\*126</sup> НБТУ, архив Г. Н. Потанина, д. 21, № 2317.

надпись был составлен самим К. П. Кауфманом<sup>\*127</sup>, казахский перевод ее — И. И. Ибрагимовым (умер в 1891 г. в г. Хиджазе в должности российского консула). В задании К. П. Кауфмана было сказано: «...Поискать мастера дельного, который бы мог аккуратно и без ошибок вырезать надпись»<sup>\*128</sup>. Плиту заказали в Екатеринбургe и везли ее через Омск и Семипалатинск на Алтын-Эмель, где водрузили на могиле Чокана Валиханова. Надпись на плите гласила: «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 г. По желанию туркестанского генерал-губернатора Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881 г.»<sup>\*129</sup>.

В первой редакции надписи за этим текстом следовало: «Этот камень положен... в память уважаемого и любимого всеми покойного Чокана Валиханова»<sup>\*130</sup>. Потом эти слова были изъяты.

С тех пор прошло более ста лет и тот памятник Ч. Валиханову давно разрушен временем. Но благодарное потомство не забыло замечательного сына казахского народа. В 1958 г. советские люди поставили на могиле Чокана Валиханова высокий обелиск. В канун 150-летия со дня его рождения здесь, вблизи колхоза им. Чокана, построен мемориальный комплекс (музей, памятник, обелиск). Сюда приезжают деятели науки, литературы и искусства, туристы, чтобы почтить память великого казахского ученого и просветителя. Здесь побывал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев.

\* \* \*

Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов оставил после себя обширное литературное наследство. За свою короткую жизнь он успел написать ряд работ, посвященных истории, географии и этнографии народов Средней Азии и Казахстана; а также довольно значительное количество произведений на общественно-политические темы. Это был вполне сформировавшийся крупный ученый с энциклопедическим складом ума, сумевший поставить по-новому ряд вопросов в современной ему науке. «Большой охват фактического материала, широта раскрываемых вопросов, обоснованность многих решений побуждают современного исследователя обращаться к его работам как к разновидности первоисточников. В произведениях Ч. Ч. Валиханова мы находим и точные заключения, и непосредственные наблюдения, и сохранившиеся в народной памяти сведения о событиях прошлого. Знание народных традиций и преданий, а

<sup>\*127</sup> ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, лл. 1—5.

<sup>\*128</sup> Там же, лл. 3, 7—8.

<sup>\*129</sup> ЗРГО ОЭ. т. XXIX. СПб., 1904, с. XVII.

<sup>\*130</sup> Там же, с. XV; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 1.

ЗАПИСКИ  
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА  
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.  
ТОМЪ XXIX.

---

СОЧИНЕНІЯ  
ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА.

ИЗДАНЫ ВОЛѢ РЕДАКЦІИ

д. ч. Н. Н. Веселовекаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40  
1904.

Титульный листъ перваго изданія Сочиненій Ч. Ч. Валиханова.

## ОЧЕРКИ ДЖУНГАРИИ.

(Съ двумя портретами дикокаленннхъ Кыргнзъ).

Надъ Средней Азіей висѣла до сихъ поръ какая-то таинственная завѣса. Не смотря на близкое сосѣдство двухъ могущественныхъ европейскихъ державъ, Россіи и Англїи, большая часть ея все-таки остается для европейской науки во многихъ отношенїяхъ недоступною. Нашъ ученый товарищъ по обществу П. П. Семеновъ, издавая II томъ своего перевода Риттеровой „Erdkunde von Asien“ пришелъ къ тому заключенію, что центральная Азія изслѣдована никакъ не болѣе внутренней Африки. Дѣйствительно, сбивчивыя и противорѣчивыя данныя, существующія въ нашей географической литературѣ о Средней Азіи, дѣлаютъ эту страну, если не совершенной terra incognita, какъ говорилось въ старину, то по крайней мѣрѣ труднѣйшъ, научнымъ ребусомъ, а о среднеазиатскомъ человѣкѣ мы почти ничего не знаемъ.

Средняя Азія въ настоящемъ своемъ общественномъ устройствѣ представляетъ явленіе крайне печальное, какой-то патологическій кризисъ развитія. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не болѣе не менѣе, какъ одна громадная пустыня съ заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, устѣяная развалинами; пустыня занесенная пескомъ, заросшая урод-

Очерки Джунгарии (текст первого прижизненного издания).  
Записки Имп. Русскаго географическаго общества под редакціей  
А. Н. Бекетова. Кн. I, СПб., 1861.

также многочисленных документальных материалов дало ему возможность масштабно и глубоко осветить наиболее трагические моменты истории Казахстана»<sup>\*131</sup>.

Свою научную деятельность Ч. Валиханов начал еще будучи воспитанником кадетского корпуса. Заинтересовавшись работами востоковеда И. Н. Березина, Ч. Валиханов вступает в переписку с ним и по его поручению выполняет ряд разысканий в области казахского языка. Ч. Валиханов написал также рецензию на работу И. Н. Березина «Ханские ярлыки», которая явилась его первым научным трудом. Ч. Валиханов сделал обширные извлечения из «Джами'ат-таварих» Жалаири, впервые перевел на русский язык ее основные главы, комментировал и приобщил к переводу словарь восточных терминов. Он сделал обширные выписки из «Шейбани-намэ», «Шеджере-и тюрк» Абулгази (по изданию И. Н. Березина), на основе которых позднее составил важный в теоретическом отношении труд «Киргизское родословие».

«Джами'ат-таварих» Валиханов определяет как редкое историческое сочинение, как свод казахских народных исторических преданий XV—XVI вв. «Предания киргиз о своем происхождении,— пишет он,— оправдываются сказаниями «Шейбани-намэ» и «Джами'ат-таварих», которая написана киргизом Большой орды джалаирского рода».

Как уже отмечалось, Ч. Валиханов прекрасно знал несколько восточных и европейских языков. Это дало ему возможность изучить древние источники в подлиннике. Кроме русских, ему были доступны почти все европейские и восточные источники, касающиеся географии и истории народов Средней Азии и Казахстана. Ему были хорошо известны многие нарративные источники, написанные на персидском, арабском и тюркском языках, над текстами которых он долго и кропотливо работал. Впоследствии Ч. Валиханов изучал известные сочинения «Бабур-намэ», «Тарихи-Рашиди», «Тазкирия ходжаган», данные из которых он использовал в своих трудах.

В 1854 г., будучи участником экспедиции полковника К. К. Гутковского, Ч. Валиханов посетил Капальское укрепление, где произвел запись легенд и преданий казахов Старшего жуза. Еще раньше он изучал архитектурные памятники Бутагай (на р. Нура), Джубан-Ана и Аитбулат (на р. Сарысу) в Центральном Казахстане.

Особенно плодотворными в научном отношении были для Ч. Валиханова 1856—1858 гг. В Семиреченском крае он изучал древние городища Алматы, Койлык, Алмалык, собирал коллекции древних монет, делал зарисовки с натуры Тамгалытас (на р. Или), наскальных рисунков в горах Чулактау и возле Джун-

<sup>\*131</sup> *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971 с. 30.

гарских Ворот, каменных изваяний на северном берегу Иссык-Куля и на р. Аягуз.

К этому периоду относятся его замечательные дневники о поездке на Иссык-Куль, в Кульджу, в Кашгар, «Смерть Кукотайхана», «Заметки по истории южносибирских племен» («Записка № 1»).

Среди научных трудов Чокана Валиханова огромный интерес представляют его исследования, посвященные историко-географическому обзору Семипречья, Иссык-Куля, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана — «Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах», «О состоянии Алтышара или Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)».

Значительную научную ценность представляют исследования Ч. Валиханова по истории и этнографии казахского народа, а также статьи, касающиеся социально-политических отношений в казахской степи. Это — «Аблай», «Киргизское родословие», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Шуна-батыр», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «Следы шаманства у киргизов», «О кочевках киргиз» и другие.

В ряде работ Ч. Валиханов выступает не только как историк и этнограф, но и как литератор, публицист, замечательный художник слова. Весьма любопытны его незаконченные исследования по теории казахской народной поэзии и киргизскому эпосу «Манас».

Большое значение для истории казахской литературы имеет эпистолярное наследие Ч. Валиханова, его переписка с выдающимися русскими писателями и учеными. В этой переписке, как и в его дневниках, с большой силой выступает публицистическое дарование Валиханова. «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, — пишет Г. Н. Потанин, — он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единомышленников».

Дневники Ч. Валиханова написаны в стиле художественного очерка порою с большими лирическими отступлениями («Дневник поездки в Кульджу», «Дневник поездки в Кашгар»). Для этих дневников характерно сочетание живого и увлекательного описания природы с глубоким знанием народной жизни. В кульджинском дневнике отмечены вехи истории, культуры и быта народов Спнъязана, их культурные взаимосвязи с древних времен до XIX в. В нем запечатлены интересные наблюдения и живые восприятия картин народного быта Тянь-Шаня и пограничной Джунгарии.

Ч. Валиханов известен также как неутомимый собиратель изустных сказаний, редких рукописей, памятников нумизматики, сфрагистики, образцов прикладного народного искусства народов, населявших Казахстан и Среднюю Азию. П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Ф. Р. Остен-Сакен пишут, что «для собрания этих

материалов Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований, тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучая среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи»<sup>\*132</sup>.

Научные заслуги Ч. Валиханова как исследователя Средней Азии и Восточного Туркестана были признаны мировой наукой. Труды его печатались на русском, английском, немецком и французском языках. Они были достойно отмечены учеными и, прежде всего, П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, И. В. Мушкетовым, М. И. Венюковым и Н. А. Аристовым. По замечанию И. В. Мушкетова, труды Валиханова по географии Тянь-Шаня и Семиречья «имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе». По оценке М. И. Венюкова, действительно научные исследования Тяньшанской горной страны принадлежат Валиханову и Голубеву. «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чпнгисович Валиханов, — писал известный ученый Н. И. Веселовский. — Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов»<sup>\*133</sup>. Эти волнующие слова, высказанные одним из крупных ученых-востоковедов России, стали общепризнанной оценкой деятельности Ч. Валиханова.

\* \* \*

Общественно-политические и философские воззрения Ч. Валиханова формировались в сложной исторической обстановке. В 40—60-е годы XIX в. завершился длившийся более ста лет процесс добровольного присоединения Казахстана к России. Но этот процесс не был плавным, спокойным. Феодалная казахская аристократия, опасаясь за свои права и привилегии, оказывала упорное сопротивление присоединению к России. Одной из форм такого сопротивления было феодально-монархическое движение Кенесары Касымова, носившее ярко выраженный реакционный характер. В то же время широкие народные массы активно выступали за упрочение связей русского и казахского народов, понимая, что только при помощи русского народа, его передовой культуры можно преодолеть отсталость и невежество, освободиться от патриархально-феодальных отношений и добиться для себя лучшей жизни. Ч. Валиханов отмечал, что в «настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей Востоку, и русской»<sup>\*134</sup>.

<sup>\*132</sup> Отчет РГО за 1865 г., Спб., 1866, с. 10.

<sup>\*133</sup> Веселовский Н. Предисловие (к Сочинениям Ч. Ч. Валиханова). ЗРГО ОЗ, т. XXIX, с. 1.

<sup>\*134</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 389.

Вместе с тем и в самой России происходили важные события, оказавшие серьезное влияние на экономическое и политическое развитие национальных окраин. В середине прошлого столетия в стране обострилась политическая и идеологическая борьба в связи с кризисом крепостничества. Под воздействием растущей борьбы народных масс в повестку дня был поставлен вопрос об уничтожении в России крепостной системы и проведении демократических преобразований.

Острота и сложность политического положения как в Казахстане, так и в России в целом не могли не отразиться на мировоззрении Ч. Валиханова. В его сочинениях затрагиваются самые животрепещущие проблемы жизни казахского народа, он упорно ищет путей облегчения тяжелой участи народа. Его волнуют судьбы казахов, а также других народов России.

Социологический анализ опубликованных трудов, а также архивных материалов показывает, что Ч. Валиханов по своим социально-политическим взглядам примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю России, выступавшему против самодержавно-крепостнического строя, против колонизаторской политики царского правительства. Ч. Валиханов был убежденным сторонником прогресса, демократических преобразований, горячо стремился содействовать устранению пороков современного ему общества. Деятельность Ч. Валиханова носила просветительский характер, но и в ней были слышны элементы критики существующего строя, заметно стремление добиваться существенных изменений в социально-политическом устройстве казахского общества. Все это дает право назвать Ч. Валиханова просветителем-демократом, большим патриотом своего народа и России, гуманистом в самом лучшем понимании этого слова.

Мировоззрение Ч. Валиханова как просветителя-демократа сформировалось под воздействием лучшей, демократической части русского общества в лице декабристов и петрашевцев, сосланных царским правительством в казахские степи, а также в результате влияния на Ч. Валиханова великих русских революционеров-демократов — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Другим источником формирования мировоззрения Ч. Валиханова была многовековая культура казахского народа, его политическая история, борьба народных масс за свободу и независимость.

Красной нитью через многие произведения Ч. Валиханова проходит мысль о пути, по которому должно пойти дальнейшее историческое развитие казахского общества. Ч. Валиханов уже в юношеские годы пришел к твердому выводу, что только с помощью русского народа путем приобщения к передовой русской культуре казахский народ сможет вступить на путь экономического, политического и культурного прогресса.

Во многих своих произведениях он с болью говорит об отсталости своего народа, который еще пребывает в «безыскусственном



периоде» форм общественного развития<sup>\*135</sup>. Именно исходя из интересов народа Ч. Валиханов полагал, что дальнейшее упрочение связей с Россией открывает для казахов перспективы всеобщего экономического и культурного подъема. Он выступил как самый решительный противник национальной замкнутости и ограниченности и горячо защищал идеи дружбы народов, идеи заимствования отсталыми народами всего передового у более развитых наций.

Но признание решающей роли России для преодоления отсталости и бескультурья Казахстана отнюдь не означало, что Ч. Валиханов в этих целях допускал возможность потери национальной самостоятельности своих соплеменников. Как отмечает Н. М. Ядринцев, «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность»<sup>\*136</sup>.

Вместе с тем Ч. Валиханов выступил решительным критиком царских колониальных властей, чинивших произвол и беззаконие в казахской степи. Во многих произведениях, особенно в письмах к своим русским друзьям, он с крайним возмущением пишет о царских чиновниках, которые, пользуясь отсталостью и темнотой казахских трудящихся, подвергают их форменному грабежу. «Берут страшно и явно...»,<sup>\*137</sup> — с гневом пишет он о действиях степной администрации.

Однако Ч. Валиханов не смог подняться до понимания необходимости радикальных мер для коренного переустройства общества. Он ошибочно полагал, что зло заключается не в колониальной системе в целом, а в отдельных представителях царской администрации. Отсюда и его неоднократные попытки добиваться замены наиболее реакционных чиновников людьми, придерживающимися либеральных взглядов.

Хотя Ч. Валиханов в толковании общественных процессов оставался в целом на идеалистических позициях, в его произведениях содержатся глубокие и оригинальные мысли, которые можно рассматривать как материалистическую тенденцию в его мировоззрении. В этом отношении представляет большой интерес «Записка о судебной реформе», в которой он защищает интересы народных масс и ставит вопрос о сущности и природе реформ, проводившихся правящими классами.

Высказывая свое мнение о подготавливавшейся реформе судебного дела в казахской степи, Ч. Валиханов писал, что к реформам вообще нужно подходить с учетом особенностей общественно-исторического процесса, анализировать роль различных факторов в общественной жизни. Подчеркивая важность проведения общественных реформ, Ч. Валиханов указывает на необходимость

<sup>\*135</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 499.

<sup>\*136</sup> Ядринцев Н. Воспоминания о Чокане Валиханове, с. XXXIX.

<sup>\*137</sup> Валиханов Ч. Избранные произведения, с. 581.

критически относиться к различным теориям, лежащим в основе проводимых социальных мероприятий. Он пишет: «...нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность»<sup>\*138</sup>.

Говоря о природе реформ, Ч. Валиханов особое внимание обращает на «экономические и социальные» стороны этого вопроса, указывая, что они прямо касаются «насуточных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения, полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»<sup>\*139</sup>.

Указание Ч. Валиханова на первостепенную роль экономических, социальных факторов, как побудительных мотивов общественно-политических преобразований, свидетельствует о его догадках о том, что общественный прогресс в конечном счете обуславливается потребностями развития материальной жизни общества. Однако эти мысли не воплотились у него в стройную социологическую схему.

Определяя содержание понятия «прогресс» как улучшение материального благосостояния людей, Ч. Валиханова считал, что лишь распространение просвещения, «истинного знания», подъем культуры являются средствами, при помощи которых возможно достигнуть прогресса. «Для нормального роста и развития народа, — писал он, — необходимы прежде всего свобода и знание... Выходит, что прежде всего нужно учить»<sup>\*140</sup>.

Ч. Валиханов подходит к объяснению общественных явлений с просветительской точки зрения. В ту историческую эпоху такой взгляд объективно имел прогрессивное значение, ибо просветительство поднимало на борьбу с невежеством, содействовало распространению светского образования, проникновению на национальные окраины передовой русской культуры.

Вскрывая антинародный характер судебной реформы, Ч. Валиханов высказывает мысль о противоположности интересов бо-

<sup>\*138</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 495.

<sup>\*139</sup> Там же.

<sup>\*140</sup> ЦГИА, ф. 159; оп. 1, д. 179, л. 73.

гаты и бедных. Не поднявшись до понимания классовой борьбы как движущей силы общества, Ч. Валиханов все же ясно видел в казахском патриархально-феодальном обществе деление на классы: на привилегированные слои общества — султанов, биев, баев, ходжей, — с одной стороны, и бедняков, «степной пролетариат», по выражению Ч. Валиханова, — с другой. Интересы этих слоев совершенно не совпадают — «...интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большей частью враждебны интересам массы, большинства»<sup>\*141</sup>. Ч. Валиханов имел в виду такую форму организации власти, которая отвечала бы интересам народных масс, а не кучки казахских феодалов, «...мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения, — указывал он, — ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия»<sup>\*142</sup>.

Хотя в объяснении общественных явлений Ч. Валиханов стоял на идеалистических позициях, он тем не менее в ряде вопросов, как отмечалось выше, сумел подняться до материалистического понимания некоторых сторон современной ему действительности.

Большой интерес представляют философские взгляды Ч. Валиханова, в частности, его рассуждения о происхождении религиозных представлений у людей. Справедливо полагая, что религия является одним из серьезнейших препятствий, стоящих на пути распространения знаний, прогресса, Ч. Валиханов уделил много внимания разоблачению реакционной роли религии и мусульманского духовенства.

Объяснение Ч. Валихановым сущности религиозных представлений, в частности шаманства у казахов, показывает, что основной вопрос философии — об отношении материи и сознания — решал с материалистических позиций. Просветитель приходит к выводу, что природа, окружающая действительность существует независимо от сознания человека. Он не признает ни начала мира, ни его конца, считая мир вечным и бесконечным. Вместе с тем, возникновение религиозных представлений у людей Ч. Валиханов считает результатом воздействия сил природы, объективной реальности на человека, пытающегося понять мир, объяснить его явления, а также бессилие человека перед силами природы. В статье «Следы шаманства у киргизов» он пишет: «Природа и человек, жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследимой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе породили шаманство — обожание Вселенной

<sup>\*141</sup> Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 495.

<sup>\*142</sup> Там же, с. 497.

или природы и духа умерших людей. Так младенчеству человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной»<sup>\*143</sup>.

Попытки Ч. Валиханова дать научное объяснение причин, породивших религию, несомненно, являлись шагом вперед в условиях его времени. Вместе с тем следует отметить, что объяснение Ч. Валихановым гносеологических корней религии с просветительских позиций исключает анализ социальных корней религии. Как и другие просветители, Ч. Валиханов не понял того, что происхождение религиозных представлений явилось следствием не только темноты и невежества людей, их неумения объяснить тайны природы, но и общественных условий их жизни. Ч. Валиханов понимал и объяснял религию в духе домарковского материализма. Материализм Ч. Валиханова в понимании религии состоял в том, что он отрицал наличие сверхъестественной силы, бога, демиурга.

Особенно острой критике Ч. Валиханов подвергал ислам. В записке «О мусульманстве в степи» он с большой убедительностью разоблачает реакционную сущность ислама, смело выступает против мусульманского фанатизма и реакционного духовенства, в которых он видит одно из главных зол, тормозящих развитие казахского общества.

Ч. Валиханов рассматривал ислам как средство обмана масс, источник предрассудков и суеверий. Он видел, что мусульманская религия открыто отстаивает средневековье, защищает феодальные привилегии. Просветитель доказывал, что царское самодержавие нашло в мусульманском духовенстве опору для проведения своей колониальной политики, с негодованием осуждал идею использования ислама в целях разъединения народов, имея в виду, что народные массы под влиянием ислама могут отойти от передовой русской культуры. Он писал: «Мусульманство пока не вьелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем»<sup>\*144</sup>.

Передовые просветительские идеи Ч. Валиханова ярко отражены в его высказываниях о положении в среднеазиатских ханствах. Хорошо зная жизнь среднеазиатских народов, страдавших под гнетом феодальных ханов и беков, он в своих работах обличает феодальный застой и деспотизм, с сожалением говорит об отсталости народов Средней Азии: «В Маврельнагре..., — писал Ч. Валиханов, — в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока., теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы., Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибали под беспощадной рукою татарского вачдализма

<sup>\*143</sup> Там же, с. 471.

<sup>\*144</sup> Там же, с. 524.

и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного»<sup>\*145</sup>. Ч. Валиханов энергично выступал против консервативных форм жизни народов Средней Азии и Казахстана, обличал пороки общественного строя, порождавшие эту отсталость и застой. «...Передовые сыны России,— отмечал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев,— единомышленники Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина — всегда выступали в защиту угнетенных народов»<sup>\*146</sup>.

Мечты великого казахского ученого, просветителя Ч. Валиханова о просвещении и подъеме культуры родного народа, об избавлении от ига деспотизма и насилия, о счастливой и свободной жизни осуществились лишь много лет спустя после его кончины. В результате Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ под руководством Коммунистической партии сбросил с себя цепи классового и национального угнетения, создал свою национальную социалистическую государственность, плечом к плечу, рука об руку со всем советским народом стал творцом развитого социалистического общества. Благодарные потомки чтят память о Ч. Ч. Валиханове, деятельность которого сыграла выдающуюся роль в становлении дружбы казахского и русского народов. В честь Валиханова названы: район в Кокчетавской области, колхозы и совхозы в Кокчетавской и Талды-Курганской областях, педагогический институт в Кокчетаве; в Алма-Ате — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, средняя школа № 68 и одна из улиц столицы. Памятники Валиханову установлены в Алма-Ате и Кокчетаве. На могиле (урочище Алтынземель Талды-Курганской обл.) воздвигнут обелиск, сооружен мемориальный комплекс. В честь Валиханова учреждена премия АН КазССР, присуждаемая за выдающиеся достижения в области общественных и географических наук, а также Государственная премия в области изобразительного искусства и архитектуры. В честь Валиханова названа вершина, которая находится на северном склоне Заилийского Алатау в верховье Среднего Талгара. В Омске на здании бывшего кадетского корпуса (ныне Общевоинское училище им. М. В. Фрунзе), в котором учился Валиханов, установлена мемориальная доска. За последнюю четверть века дважды всенародно отмечается юбилей выдающегося просветителя (1959, 1985), издаются его избранные произведения (1961—1972, 1984—1985 гг.). Писатели Г. Марков, С. Муканов написали романы, И. Стрелкова — книгу «Ч. Валиханов» из серии «Жизнь замечательных людей».

Так имя и научное наследие Ч. Ч. Валиханова стало достоянием советского народа, строящего коммунизм.

*А. Маргулан.*

<sup>\*145</sup> Там же, с. 393.

<sup>\*146</sup> Кунаев Д. А. Избранные речи и статьи, М., 1978, с. 434.

**ВОСПОМИНАНИЯ  
О Ч.Ч. ВАЛИХАНОВЕ**

## МЕТЕОР

Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, обративший внимание на выдающиеся способности Валиханова, стал, насколько возможно, покровительствовать ему в ученых занятиях и выхлопотал для него поездку в Кашгар, ознаменовавшуюся важными результатами в научном отношении. Когда Валиханов вернулся из Кашгара, Гасфорт сам принимал участие в редактировании отчета об этой поездке и затем дал Валиханову командировку в С.-Петербург. Описание путешествия в Кашгар и составляет главную работу этого замечательного человека; другие его статьи, за ничтожным исключением, остались или необработанными, или в виде черновых набросков, но и эти статьи большею частью сохранились не в автографах, а переписанными другою рукою<sup>1\*1</sup>, причем переписчик не всегда справлялся со своей задачей; при чрезвычайно неразборчивом почерке Валиханова, он то оставлял пробелы в своем списке, то искажал слова, а сам автор почему-то не сделал исправлений. Тем не менее все изыскания Валиханова настолько важны, что совет И. Р. географического общества на заседании 24 апреля 1867 г. постановил издать в «Записках» общества все рукописи, оставшиеся после Ч. Ч. Валиханова. Это предприятие тогда не осуществилось, а некоторые статьи Валиханова, требовавшие обработки, разошлись по рукам. Так, в бумагах В. В. Григорьева я нашел две тетрадки Чокана, одна заключала киргизский текст сказания об Идиге, другая — сокращенный русский перевод его\*<sup>2</sup>.

<sup>1\*1</sup> Некоторые бумаги переписаны К. К. Гутковским, помощником военного губернатора в Омске, очень дружившим с Чоканом Валихановым. (Все примечания Н. И. Веселовского).

<sup>\*2</sup> Труд приготовить для печати киргизский текст сказания об Идиге взял на себя профессор Санкт-Петербургского университета П. М. Мелиоранский.

В 1887 г. Г. Н. Потанин вновь возбудил вопрос об издании сочинений Валиханова, причем степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский выразил согласие изыскать средства на это издание из местных источников\*<sup>3</sup>. Но Колпаковский вскоре был переведен на службу в Петербург, и дело издания опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанин обратился ко мне с просьбой при-



Миска, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областной музей).

нять на себя редактирование предполагаемого сборника сочинений Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложные занятия, я не решился уклониться от этого дела, находя его безусловно полезным и необходимым как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения, и принял на себя нелегкую обузу разобраться в его бумагах. Этот труд оказался гораздо значительнее, чем я думал. Г. Н. Потанин передал мне копии, к сожалению, не сверенные с оригиналами, а некоторые из них мне достать не удалось<sup>2</sup>.

Впоследствии при посредстве г. Потанина я получил еще связку черновых бумаг Валиханова от К. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковского.

\*<sup>3</sup> Тогда же Г. А. Колпаковский препроводил Г. Н. Потанину копию с докладной записки штабс-ротмистра Валиханова по вопросу об устройстве судебной части в Акмолинской области, составленной на основании собственных наблюдений и фактов, заимствованных из дел Областного правления и окружных приказов.



По просьбе моей Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев написали свои воспоминания о Чокане Валиханове; а кроме того, я получил заметку о нем, написанную его соотечественником И. И. Ибрагимовым, служившим в Туркестанском крае и скончавшемся в 1891 г. от холеры в г. Джедде<sup>3</sup> в должности российского консула. С. Я. Капустин, хорошо знавший Валиханова, независимо от задуманного издания задумал написать подробную биографию Валиханова, но все ограничилось лишь одним вступлением, в котором о самом Валиханове не имеется никаких сведений\*<sup>4</sup>.

Совет И. Р. географического общества по моему представлению признал возможным принять на средства общества расходы по изданию сочинений Валиханова, и я мог приступить к печатанию. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не мог получить того оригинала, с которого печаталось основное произведение Валиханова: «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858/59 году»; дело в том, что статья эта редактирована в «Записках» общества так небрежно, что она полна опечаток. Только по напечатании ее мне представилась возможность ознакомиться с тем отчетом Валиханова, который хранится в Архиве Министерства иностранных дел. Отчет переписан писарскою рукою и местами, но не везде, исправлен самим Валихановым.

Все разногласия этого текста с напечатанным в этом томе я поместил особо (стр. 398—403), а все прочие добавления представил целиком.

Относительно Восточного Туркестана наши сведения в нынешнем столетии собирались большею частью со стороны Сибири, от торговцев, которые проникали в Восточный Туркестан. Самым замечательным описанием этой области является труд киргизского султана Валиханова, состоявшего на службе в нашем казачьем корпусе. В каууп пятидесятих годов ему удалось проникнуть в Восточный Туркестан под видом торговца и собрать некоторые рукописи. Он составил описание Джунгарии и Алтышара (т. е. Шестиградия), под именем которого был известен Восточный Туркестан. Этот труд помещен в «Записках Географического общества» за 1861 год.

---

\*<sup>4</sup> Бумаги С. Я. Капустина поступили к Я. И. Смирнову, который с полною готовностью сообщил мне записку Капустина, но ничего оттуда я извлечь для дела не мог.

## О ЧОКАНЕ ЧИНГИСОВИЧЕ ВАЛИХАНОВЕ

Любопытное явление составляет биография киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединение азиатского и европейского. По рождению Валиханов принадлежал к киргизской аристократии, «белой кости», считающей себя потомками Чингисхана (род. во второй половине 1830-х годов)\*<sup>1</sup>, он был внук последнего киргизского хана Вали и правнук хана Аблая, при котором Средняя орда киргизов вступила в подданство России, и родился в киргизской степи, в урочище Кушмурун (к юго-западу от Петропавловска, Тобольской губ.). Мусульманское имя его было Мухаммед-Ханафия; Чокан — уличное имя. Он учился в Омском кадетском корпусе, переименованном в сороковых годах из войскового казачьего училища, где некогда учился и его отец. Чокан поступил в корпус, не зная ни слова по-русски, и выпущен офицером в 1853 г. (годом раньше сверстников, так как, будучи инородцем, не имел права слушать специальные военные науки). Он назначен был в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту. Развитию Чокана способствовали прежде всего собственные его дарования, а также особенное внимание к нему, как инородцу, со стороны нескольких образованнейших людей тогдашнего омского общества (Гутковские, Капустины, покойный С. Я. Капустин был ближайшим его другом), где он был принят как свой. Когда Гутковский сделан был товарищем губернатора, управляющим Областью сибирских киргизов, он еще более сблизился с Чоканом и поручал ему составление записок по управлению киргизами<sup>1</sup>.

П. П. Семенов, посетивший в те годы Западную Сибирь, был заинтересован Чоканом, как редким явлением, был удивлен его образованности и начитанности в литературе о Туркестане. В некрологе Валиханова (составленном на основании сообщений П. П. Семенова) говорится, что в 1858 г. (западносибирским начальством по случаю непрерывных смут и восстаний в Восточном Туркестане) «признано было необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар как для получения на месте достоверных

\*<sup>1</sup> Точнее: в 1835 г.

сведений о положении края, так и для исследования, насколько это было возможно, торговых путей в этих частях Средней Азии. Поручение было опасное, и для исполнения его нужен был человек с большою решительностью, наблюдательным умом и при этом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье. Нельзя было найти человека, который более соответствовал бы всем этим условиям, как Валиханов». В июне 1858 г. он отправился в путь в караване богатого сартского купца из Семипалатинска, приняв имя Алима, будто бы молодого сарта из семьи, некогда жившей в Кашгаре и давно переселившейся в Россию. Валиханов обрил волосы, оделся по-азиатски и выступил с караваном из Семипалатинска. Караван благополучно достиг Кашгара, а весной 1859 г. возвратился в нынешний город Верный. В некрологе читаем: «Поездка эта была географический подвиг. Со времен Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, кроме несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе». Чокан был принят родными Алима \*<sup>2</sup> (именем которого он назывался) за родного, ему обрадовались, устраивались пиры в честь возвратившегося; родственники подыскивали красавицу невесту и женили Чокана (по местному обычаю на время пребывания в городе).

Кашгарский край в это время только что вынес революцию, которую произвел повстанец Якуб-бек<sup>2</sup>, и следы погрома еще были видны. Валиханов видел пирамиду из человеческих голов на площади Кашгара, и жители говорили, что в числе их лежит и голова Шлагинтвейта. Кашгарские власти получили, наконец, известие, что под видом Алима скрывается русский офицер, но известие пришло слишком поздно: караван уже возвращался в Россию. Из Кашгара была послана погоня, но она не успела догнать каравана, — он перешел русскую границу.

Вероятно, еще жизнь в каменных стенах кадетского корпуса дурно повлияла на здоровье Чокана. Хотя каждое лето его отправляли на родину, в степь, но за эти поездки он не наверстывал того, что его организм терял за зиму. По окончании Кашгарской экспедиции он вызван был в Петербург, но климат и жизнь столицы еще больше расстроили его здоровье: у него обнаружались признаки чахотки, и доктора на другой же год выслали его в степь. Он после и жил в степи (в Кокчетавском округе), на зиму выезжая в Омск. Когда генерал Черняев предпринял первый поход на Ташкент, Валиханов был приглашен к участию в походе, но не вынес военных сцен и, кажется еще, расходился с генералом Черняевым во взглядах на ведение дела, и вернулся из похода в Верный. Болезнь его усилилась, и он умер в киргизском ауле (на границе с Кульджинским краем) в 1864 г., на 31-м году от роду<sup>3</sup>.

\*<sup>2</sup> То же и Алимбай.

Печатные работы Валиханова были немногочисленны, они нашли место в изданиях Географического общества: «Очерки Джунгарии» (в «Записках», 1861, кн. I—II), «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу в Малой Бухарии в 1858—1859 гг.» (там же, книга III); в «Известиях Географического общества» за 1868 год (т. IV, отд. 2) помещено было известие о поездке Валиханова в Кашгар\*<sup>3</sup>.

Но напечатано было далеко не все, что было собрано Валихановым. Рукописи его бесследно пропали<sup>4</sup>. «Для собрания материалов по истории, этнографии и географии Средней Азии,—говорится в некрологе,—Валиханов не щадил ни трудов, ни жертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, скупал древности и с опасностью для жизни добывал рукописи... Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России». Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления. Он увлекался движением шестидесятых годов. В религиозном отношении он был свободный мыслитель, но оставался мусульманином, чтобы не порывать связи со своим народом.

---

\*<sup>3</sup> Биографические сведения даны в некрологе Валиханова («Отчет Географического общества за 1865 г.»), в биографии Чокана Н. М. Ядринцева («Сибирский вестник», издававшийся Б. А. Милютиним в Иркутске, 1866, № 3); мы пользовались также сообщениями Г. Н. Потанина. (Прим. А. Н. Пыпина).

### [Ч. ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ]

В многоплеменном Петербурге, в котором Невский проспект старались выдавать нам, по [имеющимся на нем] нескольким иноверческим церквям, за осуществление провозглашенной у нас свободы вероисповедания, в Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и, за исключением лишь одного человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании. Этот один еще очень молодой кавалерийский офицер, кажется, штабс-капитан по чину, кавалер Св. Владимира по пожалованию, султан по происхождению, Чокан по имени, Чингисович по отчеству, Валиханов по фамилии (от деда, хана Валия, по происхождению султана). Г. Валиханов из сибирских киргизов, он совершил путешествие в Кашгар и нынешней зимой прочел на одном из заседаний Географического общества извлечение<sup>1</sup>, полное эрудиции самостоятельной и взглядов истинно гуманных.

## [ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ЕГО ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ]\*<sup>1</sup>

В 1858 и 1859 гг. Валиханов под видом купца с торговым караваном впервые прошел поперек всей системы Тянь-Шаня, от г. Верного и оз. Иссык-Куля через перевал Зауку, мимо оз. Чатыр-Куля в г. Кашгар<sup>1</sup>.

Г. Валиханов не успел издать всех результатов своего путешествия; он напечатал только несколько статей, которые, впрочем, имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе; киргиз по происхождению, он прекрасно знал туземные языки и, разумеется, лучше, чем кто-либо, мог собрать от туземцев самые разнообразные и полные сведения, поэтому несомненно, что результаты его были бы весьма плодотворны, если бы он не умер вскоре после возвращения из Кашгара. Ему принадлежит несколько статей<sup>2</sup> из которых последняя напечатана была почти через 10 лет после его смерти П. П. Семеновым. Первые из них имеют больше интерес исторический, нежели географический, а потому при всем их значении мы не будем останавливаться на них; заметим только, что, проходя поперек Тянь-Шаня от перевала Зауку, или Джуку, следовательно, продолжая путь Семенова, он собрал «коллекцию горных пород, встречающихся на пути; также куски нефрита, добываемого в горах Мирджай около Яркенда и в реке Каракаш, болорские яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото из реки Керия». К сожалению, эта редкая коллекция где-то затерялась<sup>3</sup>, не будучи обработана, по крайней мере, все мои поиски ее оказались тщетными.

При описании Алтышара г. Валиханов, между прочим, кратко сообщает о нахождении различных минеральных продуктов, которые, хотя еще очень мало исследованы, тем не менее известно, что золото вымывается в селенье Керия в таком количестве, что жители подать свою оплачивают (Китаю) этим металлом и имеют возможность продавать его в частные руки. Ежегодно ко двору отправляется из Хотана до 80 ланов золота. Но особенно много золота вместе с лазуритом, бирюзой и рубинами привозится с Памира, Каратегина и Болора.

\*<sup>1</sup> См.: «Очерки Джунгарии». «Записки РГО», 1861, кн. II. с. 49, 50, 54.

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ.  
А. А. ДОСТОЕВСКИЙ.

## [О ЗНАЧЕНИИ ПУТЕШЕСТВИЯ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В КАШГАР]

Путь к исследованию ближайших к нам частей Тянь-Шаня проложен.

Уже в 1858 г. русский офицер Чокан Чингисович Валиханов пробрался в своем национальном киргизском костюме с торговым караваном через Заукинский перевал в Ташкент\*<sup>1</sup> и собрал там весьма много интересных научных как этнографических, так и статистических данных, которые по приезде в Петербург разрабатывал с большим тщанием под руководством П. П. Семенова, пока болезнь, а затем и преждевременная кончина не прервали его интересные научные работы.

Чокан Чингисович Валиханов, сын одного из султанов Средней орды, был внук хана Валия, сына знаменитого Аблай-хана из рода Чингисханидов. Воспитывался он в Омском кадетском корпусе и по производстве своем в офицеры обратил на себя своею замечательною талантливостью особое внимание П. П. Семенова, познакомившегося с ним в 1856—1857 годах в Сибири; П. П. Семенов указал генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту на то, что Ч. Ч. Валиханов был единственным из состоявших в то время при генерал-губернаторе офицеров, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы по своему развитию и талантливости собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Восточном Туркестане, находивших себе отголоски и в русских пределах. Программа таких сведений была составлена в Омске совместно с П. П. Семеновым, опытным знатоком Киргизских степей полковником К. К. Гутковским. Командующий войсками Сибирского военного округа Г. Х. Гасфорт воспользовался первым удобным случаем для командировки в Кашгар Чокана Валиханова, благополучно добравшегося туда с купеческим караваном (в котором он находился под именем родственника караванного старшины) через Заукинский перевал в 1858 г. Здесь Чокан Валиханов успел собрать драгоценные материалы о состоянии всего Алтышара и, между прочим, разведал впервые

\*<sup>1</sup> Описка, нужно читать: *Кашгар*.

о причинах и обстоятельствах гибели Ад. Шлагинтвейта. Шлагинтвейт попал в Кашгар, к несчастью, в то время, когда случайным и притом кратковременным властителем его сделался ставший во главе народного восстания в Восточном Туркестане кровавый ходжа Валихан-тюре. Кашгарцы, осажденные в это время китайскими войсками, обрадовались прибытию ференга



Ваза, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областной музей).

(чужеземца), полагая, что он (т. е. Шлагинтвейт) может помочь им советами при их обороне и привели его к ходже Валихану, который всегда свирепый и кровавый, был, к несчастью, в то время в припадке умоисступления от хашиша. Когда ходжа потребовал у Шлагинтвейта его документы, а тот ответил ему, что он может вручить их только коканскому хану, которому они адресованы из Бомбея, то ходжа пришел в такую ярость, что приказал немедленно казнить чужеземца. Казнь была совершена за городом, куда Шлагинтвейта палачи повлекли через новую площадь с мечетью. Очевидцы, и в том числе кашгарка, которую Чокан Валиханов, как мусульманин, по местному обычаю, взял себе в жены, рассказывала, что чужеземец, которого вели мимо



нее на место казни, был значительного роста, одет был в туземную одежду, но голова его была не покрыта и длинные волосы развевались по ветру. Отрубленная голова Ад. Шлагинтвейта была поставлена на верху пирамиды, которую Валихан-тюре приказал соорудить из голов им казненных людей. Все это случилось в августе 1857 г. Но скоро после того кашгарский народ и войско убедились в невозможности выносить кроважадные наклонности ходжи Валиха... Валихан-тюре бежал в Кокан, а китайцы снова вступили во владение возмущившеюся странкою, ознаменовав свое владычество целым рядом казней и ужасных жестокостей. Пробыв около 5 месяцев в Кашгаре, Чокан Валиханов вернулся в Верное в апреле 1859 г. с богатым запасом интересных сведений, а в 1860 г. прибыл в Петербург, где, избранный членом Географического общества<sup>1</sup>, начал под руководством П. П. Семенова разработку обширных собранных им материалов по географии, этнографии и истории Киргизских степей, причем старался пополнить свои сведения слушанием лекций в С.-Петербургском университете. Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию по всему, что касалось Центральной Азии. Прекрасные статьи Валиханова «Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алтышара» были помещены в «Записках Имп. Русского геогр. общества» за 1861 г., но, к сожалению, слабое здоровье Валиханова не выдержало петербургского климата; в 1863 году<sup>\*2</sup> он вынужден был вернуться на родину, где и умер от чахотки в 1865 г. Окончание его поездки в Кашгар было напечатано бароном Ф. Р. Остен-Сакеном в «Известиях» Общества в 1868 году.

---

<sup>\*2</sup> Описка. Чокан возвратился из Петербурга в свой аул в июне 1861 г.

## ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ

(Род. 1835 г., ум. 1866 г.)\*<sup>1</sup>

Число инородцев, вышедших из среды некультурных рас и получивших образование в русской школе, к стыду русского просвещения, очень невелико; к числу этих редких исключений принадлежит Чокан Валиханов, первый по времени киргиз, вставивший свое имя в список русских писателей. Он был внук последнего хана Средней киргизской орды Вали; после смерти Вали-хана ханское достоинство в Средней орде русскою властью было уничтожено, семья старшей жены Вали-хана очутилась в опале, напротив, младшая жена, Айганым, была обласкана русским правительством в ее ставке; в урочище Сырымбет были построены для нее дом и мечеть, все урочище отдано было ей в беспорное пользование\*<sup>2</sup>, а старший сын Чингис был взят в Омск, помещен в русскую школу и занесен в список учащихся под именем Чингиса Валиевича Валиева, а не Валиханова, вероятно, чтобы не напоминать киргизам о ханской власти. Впоследствии Чингис Валиевич возвратился в степь и стал служить, занимая важные должности.

У Чингиса Валиевича было пять сыновей\*<sup>3</sup>, Чокан был второй по порядку рождения. Он родился в урочище Кушмурун (Птичий нос), где была ставка Чингиса Валиевича в то время, когда он был управителем одного из степных округов<sup>1</sup>. Так как Чингис всю свою жизнь вел кочевой образ жизни, то Чокан свои детские годы провел в юрте. Все потомки киргизских ханов носят титул «султан» и считаются белой, т. е. дворянской, костью в отличие от черной, простонародной; поэтому и Чокан принадлежал по происхождению к киргизской аристократии. До десятилетнего возраста он рос киргизским барчонком, т. е. сломя голову полкал верхом на лошадях по степи, принимал участие в соколиной охоте взрослых и требовал от прислуги исполнения разных прихотей. Затем он был отвезен в Омск и отдан в ту же самую школу, в которой учился и его отец и которая тогда была

\*<sup>1</sup> Неточно, ум. 10 апреля 1865 г. в ауле своего родственника Тезека Аблайханова.

\*<sup>2</sup> См. раздел «Усадьба Сырымбет».

\*<sup>3</sup> См. формулярный список Чингиса в этом издании.

преобразована в кадетский корпус. При зачислении в кадеты его назвали не Валиевым, а Валихановым. Здесь сразу обнаружили его способности; образованное общество в Омске заинтересовалось появлением способного киргизского мальчика; самые образованные лица считали своим долгом оказать ему покровительство. Будни мальчик проводил в дортуарах корпуса, а по праздникам всегда находился кто-нибудь в городе, который брал его в свой дом. Так, сначала он проводил праздники у Сотникова, чиновника, кончившего курс в Казанском университете на восточном факультете, потом у учителя истории поляка Гонсевского, у офицера Генерального штаба Померанцева<sup>2</sup> и, наконец, у полковника Гутковского. Все они были самые образованные люди в городе; вращаясь в их среде, Чокан быстро развивался и шел далеко впереди своих товарищей, в особенности в области политических идей и литературных новостей. Школьное начальство смотрело на него как на будущего путешественника по Средней Азии; Китай еще не был открыт для европейцев и представлялся таинственным миром, сдернуть завесу с которого был большой соблазн для европейца.

Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль, в закиргизские страны, к подошве Тянь-Шаня и Нань-Шаня, в Тибет, в страну ревеня, на плоскогорье озера Кукунор, обставленного патриархами — белками.

Уже на школьной скамье Валиханов стал готовиться к роли путешественника в Китай, тогда же он перечитал Палласа, Рычкова, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг. Когда нынешний вице-президент Географического общества П. П. Семенов во время своего путешествия в Тянь-Шань встретился с Чоканом Валихановым, который был тогда уже офицером и состоял в штабе западносибирского генерал-губернатора, он удивился, какой большой запас сведений по востоковедению мог накопить в своей голове этот юноша, никуда не выезжая из такого провинциального города на окраине, как Омск.

Местная высшая власть вскоре воспользовалась силами молодого человека. Валиханову было поручено инкогнито проникнуть в китайский город Кашгар и собрать там сведения о торговле, необходимые, чтобы судить, стоит ли хлопотать перед Пекинским правительством об учреждении в Кашгаре русского консульства. Помочь этому делу взялся богатый кашгарский сарт Букаш, несколько десятков лет проживший в Семипалатинске. Букаш вспомнил, что лет пятнадцать назад из Кашгара выехал в Семипалатинск один сарт с женой и малолетним сыном Алимом, но вскоре уехал в Саратов и потерялся из виду; Букаш наверно знал, что в Кашгар он не возвращался. Алим теперь должно быть 17 лет, возраст, в котором как раз находился Вали-

ханов. Вот Букаш и придумал отправиться с караваном в Кашгар, взять с собой Валиханова и выдать за Алима. Валиханов обрил волосы на голове, надел тибетейку, переделался из офицерского платья в бешмет и выехал из Омска в Семипалатинск. Поездка в Кашгар для Валиханова кончилась благополучно. Родственники Алима обрадовались мнимому Алиму; вся зима, которую Валиханов провел в Кашгаре, прошла в пирах по случаю его приезда, его водили в гости по родственникам и их знакомым, угощали и дарили его и, наконец, по тамошнему обычаю, соблюдаемому с гостями мусульманами, женили его. В Кашгаре в это время была только что восстановлена китайская власть после мусульманского восстания, во главе которого стоял Якуб-бек\*<sup>4</sup>, и Валиханов еще видел на площадях Кашгара пирамиды из голов людей, казненных Якуб-беком; может быть, рассказывал потом Валиханов, между этими головами была голова и немецкого путешественника Шлагинтвейта, казненного тоже Якуб-беком. В конце зимы Валиханов выехал в Верный без жены; он возвратил ее родителям, таков обычай, в Кашгаре, временных гостей женят, но жен с ними вон из города не отпускают. Китайцы узнали, что под видом Алима приезжал русский офицер, послали за ним погоню, но Валиханов успел уйти от нее за русскую границу. Он вывез из Кашгара много интересных статических и исторических сведений, которые потом обнаружил в «Записках Географического общества» в виде двух статей: «Очерки Джунгарии» и «Алтышар»; последним именем сарты зовут Восточный Туркестан. Обе статьи были напечатаны на немецком языке в Archiv'e Эрмана в Берлине<sup>5</sup>.

По выезде из Кашгара он был вызван в Петербург, но вследствие начавшей развиваться чахотки должен был вскоре уехать в степь, на родину. Завоеватель Ташкента Черняев пригласил его участвовать в походе; Валиханов принял предложение, по картины грабежа по взятии городка Пишпека\*<sup>5</sup>, который был разрешен солдатам, произвели такое удручающее на него впечатление, что он оставил отряд Черняева, вернулся в Верный и умер вскоре затем в ауле султана Тезека на китайской границе.

Чокан Валиханов принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, как метеор, являются в наш мир только на короткий срок, чтобы своей оригинальностью скрасить жизнь более или менее тесного круга людей, приходивших с ним в общение. Круг людей, для которых Валиханов имел значение, невелик, но при других условиях он был бы значительнее. Он имел нежное сердце и острый ум. Натура не шаблонная, избранная, он сразу производил впечатление на нового человека. По политическим взглядам

\*<sup>4</sup> Ошибка. Вместо Якуб-бек нужно читать: *Валихан-гуре*.

\*<sup>5</sup> Точнее: *Аулие-Ата*. Пишпек был взят не Черняевым, а полковником Циммерманом (1860). Во время взятия Пишпека Валиханов находился в Петербурге.

он принадлежал к крайним либералам. Критическое отношение к русской действительности он усвоил еще в Омске. Здесь было два дома, Гутковского и Капустиных, состоявших в родне между собою; в обоих Валиханов был свой человек, в обоих относились к нему с родственной заботливостью.

Дом Капустиных был литературным омским салоном, где собирались самые образованные люди в городе; здесь Валиханов встречался с петрашевцем поэтом Дуровым, с С. Я. Капустиным, который впоследствии приобрел известность в литературе, как поборник крестьянской общины, с художником Померанцевым. Из литературных имен наибольшее обаяние на него производили Байрон, Гейне и Лермонтов, с которым у него было кое-что родственное. У Валиханова была изощренная наблюдательность к мелочному, педантическому, и он любил преследовать пошлость в людях своими насмешками. Был в Омске генерал Волков, неравнодушный к титулам и орденам, и Валиханов сочинил про него, будто он, получив «Владимира», прицепил владимирский бантик к калошам, чтобы всякий входящий в прихожую знал, что здесь находится кавалер этого ордена. Некоторые свои жертвы он мучил сарказмами с турецкой жестокостью, и потому в Омске у него было немало врагов. Страдание человека вызывало в нем глубокую жалость, и он способен был на великодушные, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой. Что касается до постороннего мнения, он показывал, что он не дорожит им и иногда даже дразнил своих друзей — филистеров, рассказывая о себе небывлицы и приписывая себе глупые поступки, которых не совершал. «Перед вечностью все это ничтожно!» — эту фразу он часто любил произносить в шутку, но, кажется, она была для него самой властительной думой. О памяти в потомстве он не заботился. Его более удовлетворяла другая награда в жизни — сознание, что пошлое боится его сарказмов и прячется от них.

О выходцах из некультурных рас рассказывают, что они, получив европейское образование, впоследствии, попав в родные условия, часто возвращаются к первобытному образу жизни. От такого возврата к степному обычаю Валиханов был застрахован тем, что, вращаясь в русском обществе, он играл в нем далеко не заурядную роль, а в провинциальном обществе являлся даже первой скрипкой. Попадая в степь, он окиргизивался вновь только с внешней стороны; он валялся на бухарских коврах и пестрых подушках, в бешмете и казахских дамбалах<sup>\*6</sup>, но тут же вокруг него на ковре валялись и французские книжки Абель-Ремюза, Клапрота и Станислава Жюльена<sup>4</sup>. Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские, и потому никогда уже не мог

<sup>\*6</sup> Т. е. казахские широкие штаны. См.: «Сибирская жизнь», 1903, 22 июня.

сбросить с себя наложенную на него печать европейской духовной культуры и превратиться в номада.

Эта привязанность к Европе не отрывала его от его народа, напротив, европейский дух, в котором он воспитался, обязывал его смотреть на себя как на слугу своего киргизского народа. Он говорил про себя, что он любит свой народ и чувствует, что он любит также и Россию. Когда, — говорил он, — я слушаю рассказ, как киргизы дерутся с русскими казаками, я желаю победы киргизам, когда присутствую при споре сибиряков с расейцами, я желаю, чтоб сибиряки переспорили расейцев, а когда читаю о походах Суворова или об Отечественной войне, то желаю победы русскому солдату над французами. Он говорил, что у него одна любовь вставлена в другую, другая в третью, вроде того, как притские сундуки, маленький вложен в большой, а тот в еще больший.

Задачей своей жизни Валиханов считал служение киргизскому народу, защиту его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. Последнее было для него возможно только косвенным образом; он мог изучать свой народ и печатать свои труды на русском языке, но темперамент Валиханова не благоприятствовал усидчивым занятиям наукой. К науке он относился с азиатско-аристократической небрежностью. Прямое же воздействие посредством писания и печатания на киргизском языке было бы праздным делом, потому что киргизский народ безграмотен. Но если бы у Валиханова была киргизская читающая публика, может быть, в лице его киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне.

## ВОСПОМИНАНИЯ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

С Чоканом Валихановым я познакомился в Петербурге в 1860 г. через Григория Николаевича Потанина. Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать ему небольшие одолжения<sup>1</sup>. Знакомство мое продолжалось с ним и в Сибири<sup>2</sup>, в г. Омске, откуда он около 1865 г.\*<sup>1</sup> отправился в Туркестан с Черняевым, но затем возвратился в степь, к родным, и умер. От Г. Н. Потанина я узнал, что Чокан Валиханов был его товарищем по Омскому корпусу; в 1860 г. обоим им было около 25 лет. В корпусе Чокан Валиханов обнаруживал любознательность и недюжинные способности, он много читал и в корпусе еще его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей. Эти авторы в особенности были по вкусу Валиханову, так как он сам обладал замечательным юмором, о чем скажу ниже.

В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером как раз в пору его славы, он только что совершил путешествие в Кашгар, ориенталисты с ним заводили знакомство и я его заставлял с разными восточными манускриптами и картами. Тем не менее я скоро заметил, что он не был усидчивым ученым и тружеником, все ему давалось по части тюркской литературы легко потому, что он владел киргизским языком в совершенстве. Китайского он не знал, хотя и интересовался китайскими авторами в переводах. Он часто посмеивался над своими познаниями и говорил, что он ставит один китайский знак для счастья, когда играет в карты. Любил он представлять из себя делового человека, но скорее рисовался. На Невский в известный час он выходил гулять непременно с портфелем. На самом деле он вел весьма рассеянную жизнь, как я заметил, и рядом с интеллигентностью в нем был лоск и шик гвардейского офицера.

С киргизским лицом и тонкими чертами, небольшими усиками он не представлял монголообразного безобразия, лицо его напоминало милостивого, образованного китайца. Зато стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения его придавали ему вид

---

<sup>1</sup> Точнее, 1864 г., ибо поход генерала Черняева (в Ташкению) был организован весной этого года. (Прим. Ядринцева).

европейского сибарита и денди. Все это производило впечатление, узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто Лермонтовское и Чайльд-Гарольдовское. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность (киргизы большие насмешники), под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет. Она получила характер сатиры и гейневского юмора. Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком.

Всех острот его не помню, да и трудно передать соль их, так как они соответствовали своему времени и обстоятельствам. Знаю, что раз на обеде в Омске, у Капустиных, кажется, появился изящный франт, который, слыша за обедом разговор о Теккерее, просил Валиханова представить его этому господину. После обеда Валиханов подвел его торжественно к портрету Теккерея, объяснил серьезно окружающим, что франт просит представить его Теккерею. В том же Омске был старый генерал штатский<sup>3</sup>, довольно ограниченный человек, но до смешного тщеславный. Он был неистощимым источником для юмора Валиханова. Входя, например, в дом и, встречая в гостиной генерала, он сообщал, что сейчас догадался о присутствии его п-ства, так как в прихожей видел калоши, обшитые орденой ленточкой. Иногда Валиханов выдумывал, но в этих выдумках являлось еще больше злости.

В то же время это был человек с поэтической душой и восточным воображением. Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим, Костылецким, приходил в восторг от них. Как работало его собственное воображение, можно судить по тому, что он давал темы для восточных стихотворений, и Крестовский среди дружеского разговора немедленно воспроизводил их. Правда, темы были большею частью фривольные, но и в них сквозили находчивость и остроумие Валиханова.

В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы, Костомаров был тогда любимым профессором, и Валиханов заходил в университет слушать его.

Точно так же с интересом Валиханов следил за тем, что делается в Русском географическом обществе, и помогал своими сведениями по географии киргизской степи, приготовил этнографический материал о киргизах и т. д.

Петербургская светская жизнь дорого стоила Валиханову, хотя отец его был богатый султан. В Петербурге Чокан Валиханов был прикомандирован к Азиатскому департаменту. Не помню, сколько пробыл он в Петербурге, но 1862 г. и 1863 г. я его там не видал, он уехал в Омск по месту своего служения. Слышал я, что, пользуясь расположением сородичей киргиз и будучи их гордостью, он рассчитывал быть выбранным султаном. Конечно лучшего представителя трудно было желать. Это был человек



вполне образованный, без предрассудков, и в то же время не питавший высокомерного презрения к своим сородичам, стоявшим на ступени дикарей. Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации.



Н. М. Ядринцев.

Это был новый коран его жизни. Приведу следующий эпизод, характеризующий взгляды и чувства этого просвещенного киргиза. Когда мы с ним встретились вновь в Омске в 1863 г., в это время воротилась из путешествия экспедиция Струве, в которой участвовал и Г. Н. Потанин.

Празднуя эту встречу, мы сидели в благородном собрании на одном из вечеров. Чокан был в той же компании. Эдуард Струве начал речь о том, что киргизы ненавидят казаков. Вдруг губы Валиханова передернуло, он взглянул нежно на своего друга и школьного товарища Г. Н. Потанина, бывшего казачьего сотника, затем встал перед Струве и сказал: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую моего друга казака!» И он горячо поцеловал Г. Н. Потанина.

В 1863 г., возвратясь в Сибирь, в Омск, я несколько раз еще встречал Валиханова и поддерживал с ним знакомство. Он был такой же грациозный, остроумный; приобретенные привычки столичного денди сохранились в нем. Комплекция его была слабая, он был, несомненно, чахоточный. Столичная жизнь, развлечения ее вредно повлияли на него. Тем не менее он собирался вновь в Петербург. Однако почему-то это расстроилось. Он уехал в степь, а после слышал, что отправился в отряде генерала Черняева к Ташкенту; здесь ему могла предстоять блестящая карьера адъютанта и переводчика, но у них с Черняевым произошла размолвка, и Валиханов возвратился в степь, к родным. Не сошлись ли эти два деятеля или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство ввиду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным. Только Валиханов возвращается и удаляется в аул. Здесь он женится на киргизке и ведет жизнь с родными по-киргизски. Злой недуг — чахотка, давно гнездившаяся, здесь сламывает его, и он умирает молодым.

В этом возвращении в юрту даровитого и образованного инородца есть что-то драматическое. Цивилизация и культурный блеск для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и больную сторону. В минуту разочарований он идет, как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище.

Джентельмен, денди женится на киргизской девушке, как будто он ищет простого детского чувства после всевозможных обольщений столицы и света, в которых он много видел. Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу, и его окружает та же торжественная тишина степи. Это первая судьба инородца, испившего чашу цивилизации, получившего образование, под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности сказывается недоверие, опасение инородца к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения. Мы еще не подготовили почвы, чтобы инородец вступил в нее смело. Под влиянием этого инстинкта, вероятно, и Чокан Валиханов сделал последний шаг назад, опять в родную юрту. Старая среда, привычки, привязанности, дом, старое отечество не отрывается от

сердца легко, Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность.

Много лет спустя мы видели двух стариков киргизов, родственников Чокана, один из них был султан Муса Чорманов, они приезжали поговорить о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова. Это желание высказывал какой-то из генерал-губернаторов<sup>4</sup>. Путешественник в Джунгарию, член Географического общества, конечно, был достоин этого.

Беседуя со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы. Чокан — это была гордость и любимое дитя своего племени. Таким он и остался в воспоминаниях.

## ПЕРЕВОД ПРЕДИСЛОВИЯ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ ТРУДОВ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА, М. И. ВЕНЮКОВА И ДРУГИХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ценным вкладом в географию и политическую историю Средней Азии являются повременные издания, предпринимаемые в С.-Петербурге. К сожалению, эти издания не используются у нас вследствие того, что опубликованы на русском языке.

Большой интерес, вызываемый за последнее время в Средней Азии в связи с недавними политическими событиями в Кокандском ханстве<sup>1</sup>, и известное невежество, имевшее место в Англии относительно истинного положения России в этих отдаленных районах, побудили нас собрать самые важные русские материалы по этому вопросу и представить их на английском языке. Несколько глав, составляющих этот том, при первом появлении в С.-Петербурге вызвали значительный интерес, их авторами являются хорошо известные русские путешественники и географы, специально изучавшие Среднюю Азию.

Среди отчетов о путешествиях в Средней Азии, представленных здесь, выдающееся место принадлежит сообщениям капитана Валиханова о Джунгарии и Восточном Туркестане. Со времени Марко Поло и иезуита Гоеса ни один европеец, за исключением А. Шлагинтвейта, как нам известно, не проникал в эти страны. Страх и подозрительность к европейцам, а также религиозный фанатизм населения сделали эту страну совершенно недоступной для современных исследований, а печальная участь предприимчивого путешественника в Кашгаре служит иллюстрацией опасности, которая может повториться при попытке туда попасть.

Путешествие Валиханова по Джунгарии и Восточному Туркестану совершалось при исключительно благоприятных обстоятельствах. Он и офицер русской службы, и хорошо образованный человек, он сын киргизского султана и уроженец степей. Поэтому он прекрасно знает языки и обычаи народов Средней Азии и его не могли заподозрить в связи с Россией. Ему удалось доехать до Кашгара с кокандским караваном под видом маргеланского купца. Его описание Кашгара и политического положения Восточного Туркестана являются важным вкладом в скудные сведения, которыми мы располагаем об этой стране.

Главы, в которых описываются политические отношения России с разными ханствами, и то, как укрепились власть России

в Киргизской степи и на линии Сыр-Дарьи, или Яксарта, дают возможность англичанам составить правильное представление о теперешнем положении России в Средней Азии; сообщая нашим читателям эти рассказы и описания, нельзя не указать, что их авторы, будучи учеными-географами, выполняли свои работы беспристрастно и без всякой политической цели.

Недавний захват некоторых коканских городов и крепостей и образование новой провинции под названием Туркестан увеличили подозрения, которые имелись у известной части английской общественности в отношении враждебных намерений против Британской Индии. Соединение линии Сыр-Дарьи с линией Восточной Сибири<sup>2</sup> добавило значительную территорию к границе России, по которой теперь можно начертить отчетливую военную границу от р. Амур к устью Яксарта в Аральском море. До того, как произошло это соединение вследствие захвата Туркестана и Чимкента, возникли военные колонии на Сыр-Дарье, которые не имели никакого сообщения с гарнизоном форта Верный, самой южной точкой на границе Сибири, кроме кругового пути через Оренбург.

Без сомнения, Бухара и Хива, а также Кокан — полностью во власти России, и, вероятно, с течением времени подчинятся ей, но чтение этой книги покажет, что в настоящее время бесполезны такие завоевания для империи, и без того слишком большой и недостаточно сильной, слабо заселенной в центре и вступающей в длительный и беспокойный процесс политической реорганизации. Планы относительно Британской Индии можно осуществить с Каспийского моря так же, как и с помощью армии в Бухаре. При вторжении [русских] войск в Афганистан нужно будет пройти такое же расстояние и подвергнуться тем же опасностям со стороны британской армии, передвигающейся по железным дорогам и рекам и хорошо снабженной всем необходимым.

С другой стороны, безопасность и развитие русской торговли со Средней Азией должны быть полезными Англии. Сейчас Бухара снабжает Россию хлопком, сухими фруктами и другими товарами, а на половину их стоимости ввозит изделия тяжелой промышленности, деревянные ящики, дешевый ситец, а также специи. Эти специи — единственное, что Средняя Азия может предложить в обмен на английские промышленные товары, которые они высоко ценят, но не могут купить за свои низкосортные продукты. По мере того как процветание, идущее медленными шагами, распространяется по равнинам Туркестана, спрос на английские промышленные товары и средства покупки их, теперь почти отсутствующие, станут распространенными. Между тем помимо всех политических соображений непрерывные усилия русских ученых пролить свет на страну, так мало известную и такую интересную, не могут не вызвать симпатии к анализу и не заслужить горячего одобрения. Гравюры в книге представляют фотографии, снятые на местах во время последней миссии гене-

рала Игнатъева в Хиву и Бухару<sup>3</sup>, а прилагаемая карта была тщательно составлена по последним русским источникам; введением мы обязаны покойному мистеру Хьюму Гринфильду, бывшему заместителю секретаря Королевского географического общества, чья ученая помощь по изданию и печатанию книги очень велика.

## НЕКРОЛОГ<sup>1</sup>

(дополнение к некрологам за 1865 год)

**Чокан Чингисович Валиханов**, известный своим путешествием в Кашгар. Он происходил из рода султанов Средней Киргизской орды, но получил воспитание в Сибирском кадетском корпусе в Омске, в 1853 году поступил на службу в Сибирскую казачью линию, а в 1854 г. стал адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири. Для выяснения общего состояния и торговых путей в одной из частей Центральной Азии он по заданию правительства предпринял в 1858 г. путешествие в Кашгар и в 1859 г. после многих приключений и опасностей благополучно возвратился в укрепление Верное. Со времен Марко Поло он был первым европейцем, посетившим Кашгар, — на счисая Адольфа Шлагинтвейта, о смерти которого он собрал более точные сведения. «Очерки Джунгарии» и «О состоянии шести больших восточных городов китайской провинции Нань-лу» (Записки Имп. Русск. географич. общества, 1861) далеко не исчерпывают тех важнейших материалов — особенно этнографических, — которые он привез из этого путешествия. Климат Петербурга, где он жил после этого, стал причиной легочной болезни, которая погубила его после возвращения в степь, где он тщетно искал исцеления, в возрасте 31 года\*<sup>1</sup>.

*Перевод выполнен В. Н. Настичем.*

---

\*<sup>1</sup> Чокан умер в возрасте 30 лет. *Прим. сост.*



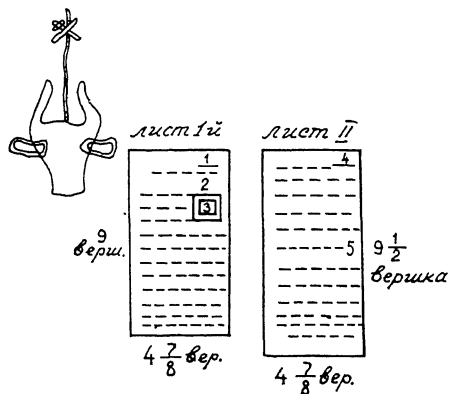
**ТРУДЫ**  
**Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА**

[ЗАМЕТКИ  
ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ] ПРОФ. И. Н. БЕРЕЗИНА  
«ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ»

|| I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу, Казань, 1850.

Ярлык этот был найден в 1834 [г.] князем М. А. Оболенским<sup>1</sup> в Главном архиве Министерства иностранных дел, в числе бумаг, находившихся некогда в Краковском коронном архиве и бывших в руках польского историка Нарушевича<sup>2</sup>, и в 1850 году был издан им в Казани, с верным снимком с подлинника (fac-simile) и с замечаниями ученых ориенталистов Френа<sup>3</sup>, Шмидта<sup>4</sup>, Ковалевского<sup>5</sup>, Казем-бека<sup>6</sup> и Гаммера<sup>7</sup>. При этом же издании были приложены снимки с русского перевода, найденного вместе с грамотой, и арабская транскрипция, сделанная г. Казем-беком. Грамота Тохтамыша писана от 795 [г.] гиджры, следовательно, в 1392—1393 г. от рождества Христова 8 числа месяца Раджеба<sup>8</sup>.

Ярлык писан на двух листах лощеной бумаги, из которых первый длиной в 9 вершков<sup>9</sup> и другой в  $9\frac{1}{2}$  вершка; ширина того и другого в  $4\frac{7}{8}$  вершка. В обоих находится знак бычачьей головы.



Ярлык писан на древне-тюркском языке уйгурскими письменами. Первая строка, означенная № 1, писана золотом и значит, по чтению Казем-бека «Тохтамыш мое слово», а по чтению господина Березина «Тохтамыш ево слово», как бы ни было в подлиннике: по монгольской транскрипции Банзаро-

*тохтамыш*  
*ево слово*



ва<sup>10</sup> и по арабским транскрипциям Казем-бека и Березина: по первому *توختاميش سوزم*, по второму *توختاميش سوزوم*; 2-я — печать золотая с надписью кувфическими буквами на арабском языке, по чтению Григорьева<sup>11</sup> в середине *السلطان العادل* *بسم الله الرحمن الرحيم لا اله الا الله محمد رسول الله* и вокруг [легенда] *لا اله الا الله*, т. е. правосудный султан Тохтамыш. Во имя Бога всемирносердного и проч. Гаммер переводит так: *Le sultan, le juste Toktamisch; au nom de Dieu le clement et etc.* и после фразы *لا اله الا الله* — *Dieu est le maitre de l'Empire* и замечает, что последняя фраза была, вероятно, девизом этого султана, ибо встречается в его монетах.

2 об. || Для сличения привожу тексты транскрипции Казем-бека и Березина.

### Березин

### Казем-бек

توختاميش سوزوم  
ياغايل اغا

توختاميش سوزم  
ياغايله خان

اولوغ اورنغا اولستورغان  
يركاي ين انكلاتو قوتلوبوغا  
اسان باشلى ايلچى لار ايتوك  
ايردى سن داغى كلچينك نى  
بيزكا ايتنك اردى بورونغو  
ييل بكبولات خوجامدين باشلى  
بير نچه اوغلان لار بکيش  
توردوچاق بردى داود باشلى  
بكلار ادكو اتلى كيشى نى  
تيمركا الديردين چيقاروب  
ايمش لار اول تيل بييل اكلدى  
اردى الارنينك ال اكونكول  
بييل اتيل اينيب ايل غارى  
قيغان يدا كلكان دا انكلاب  
يىغليب سانچيش ماغا تورغان  
دا اول يمان كشى لار بورون  
تيمركان دن ايل تارييب اول  
ايش داغى اول چاقلى بولغان

اولوغ اورداغه اولتورغان  
ايركانين انكلاتو قوتلوبوغا  
اسن [حسن] باشلى ايلچيلار  
يورتوب ايردق سان داخى  
كيلچينك نى بيزكا يوروب  
ايردن [ايردنك] بورونغو ييل  
بيكبولات خوجه مادين باشلى  
بيرانچه اوغلان لار بکيش  
توردوچاق بردى داوود باشلى  
بيكلار ايتوكو اتلى كيشى نى  
تيمركا ايلدرديب چاغريب  
ايرمش لار اول تيل برله كلدى  
ايردى الارننك الاكونكول بيله  
تيل اينيب ايلقارى كيچكاننده  
كيلكانده انكلاب يىغليب  
ساچيشماغه تورغاندا اول يامان  
كشى لار يوروب تابار اكاندان  
ايل تارياب اول ايش داخى اول

یرکای ی اول اردی تگری  
 بیزنی یارلیغاب دوشمان لوق  
 // قیلغان بکبولات خوچامدین  
 بکیش تورдоچاق بیردی داوود  
 باشلی اوغلان лар بکلارنی  
 مونغانал دی امدی بو یرکانو  
 انکلлатو اسан توولوхоچа باشلی  
 ایلچларنی ایتتوک امدی داغی  
 بولسا بیز کا باقار ایل ларنینک  
 چیقیш ларین چیقارоб بارغان  
 ایلچлар کا بیر کیل خزینه غا  
 تکورس ون лар بس [بورونغو  
 یوسونجا بیزیرکان اورتاق лар  
 ینک داغی یوروش] سونлар  
 اولوغ اولوس نینک توروس ونغا  
 داغی یاخشی سی اول بولغای  
 تیپ التون نشان لیق توتوق  
 تغغو ییل تاریخ یتی یوز  
 دوқсан بیشی да رجب ای ی  
 نینک سکزیнкی да اورдо дан да  
 ارورداب یتکولمیш.

چاقلی بولغان ایرکانی اول  
 ایردی تنگری بیزنی یارلاغاب  
 نوشمان لیق قیلغان بیکبولات  
 خوچа مادین بیکیش تورдоچاق  
 بیردی داوود باشلی اوغلانлар  
 بیکларنی موغا قیلدی ایمدی  
 بو ایرکانی انکلлатو اسن تولو  
 خوچه باشلی ایلچیلارنی یور  
 یدیб ایمدی داخی بیلسه بیز  
 کا باقار ایل ларنینк چаخیш  
 ларین چیقارоб بارغان ایلچیلار  
 کا بیر کیل қасин خان تکور  
 سون лар баха بورونغو یوزدنлік  
 بازیرکان اورтақларинк даخی  
 یوروش سینлар اولوق اولوس  
 نینк دوروس баха даخی یاخشی  
 سی اول بولغان دیб айлтдк  
 айسن لیق یرلیқ товоқ динған  
 айл تاریخ یتی یوز توقсан  
 بیش ده راجаб ایی نینк  
 سکزیнкی ده اورдо дан ده  
 ایردکه دید ктміш.

3 об. || О. М. Ковалевский к Н. А. Полевому<sup>12</sup>. Ярлык писан [в] 1392 году<sup>13</sup>, когда Тохтамыш, лишенный престола могущественным разрушителем царств Тимуром, бежал на Дон.

30 об. || Слово Тохтамышево к королеви польскому.

Ведомо даем нашему бра(ту) аж есмь сел на столе великого царства. Коли есмь первое сел на царском столе, тогда есмь послал был к вам Асана и Котлубугу<sup>14</sup> вам дать ведание и наши послы нашли ва(с) под городом, под Троки<sup>15</sup> стоячи вы па послалие есте к нам посла вашего Литвина на имя Невоиста Оу другом пак лете стала межи на замятня наш племеньни (к) Бекбулат и Хожа Медин<sup>16</sup> бучинился нам ворог и оуста на на(с) и еще к тым Бекгич и Турдучак Берди Давыд Тикня<sup>17</sup> головнии

мой были слуги и ти и стали нам ворог и оу мене служаче и почали коромолити на мене послалися одного на имя Идикгия до Аксак Темиря<sup>18</sup> на мене лиго мысляче. По тых посланию по Идикгиеву посольству вышел на мене Аксак-Темирь Железная нога от Чорного Песка<sup>19</sup>. Тогда Аксак пришел так тайно на нас аже не было нам никакое вести а ни слова алиж озрели есмо его оу нашей державе Мы па не успели есмо и спрятати всеи силы нашеи только што около на наш двор есть и стыми стали есмо против того Аксака. Тыи исныи Бекбулат наш ворог нас выдал и побегл о нас. Коли тои лихий Бекбула[т] побегл тогда вси люди вся рать на бег повернулися. То дело потом стало. Бог нас пожаловал опя[ть] наши неприятели ворози дал нам всих оу наши руки. Мы их сказнили так что опячь не будут нам пакостити. Ныне послал есмь к вам слуги наши Асана и Тулу-Очжю<sup>20</sup> то поведати вам нашему брату абы то ведали вы што межи твоее || земле суть княния волости давали выход Белой Орде то нам наше дайте, а што будеть вашеи державы под нами а мы за то не стоим вам ищите своего а мы вам дамо. А еше что было межи нас как здавна гостем путь чист и вапим и нашим торговцам. Без приим без пакости всякому члвку и чорным людем промьсл. На то все послали есмо сеи наш ярлык и с нашею печатью золотою, абы то крепко было. А тои ярлык писан оу Орде на устьи Дону курячьего лета а месяца причепа<sup>21</sup>. Как отць наш, как отци ваши были заодно. послы сылали межи собою, а мы такоже хочем с вами быти. Аже будет ва(м) надобе помочь на кого ворога вашего. яз сам есмь готов за того тебе на помочь всею моею силою, а только весть нам дайте. А коли па потом коли нам вы надобе вы нам таковы же будьте.

На обороте первого листа русской грамоты Тохтамыша (эта грамота писана так же на двух листах хлопчатой бумаги, из коих каждый длиною  $6\frac{3}{4}$  вершка<sup>22</sup> шириною, подобно татарскому, в  $4\frac{7}{8}$  верш[ка]). На первом из них виден ясно знак бычачьей головы) находится польский перевод: № 3.

I nasi posłowie naleśli was pod miastem iednym stoiących (Имя посла Литвина не означено). Teraz posłałem do was sługi nasze Asana y Tochtuluczca, oznaumuiąc wam, naszemu bratu, abyście o tym wiedzieli. A co między ziemią, twoie są Książęcie włości dawasz dzierzawie pod nami, my o to stać nie będziem: szukajcie w sobie, a my wam damy. I co było między nami zdawna gościoni gościnięc wolny y etc.

8 об. || В примечаник ярлыку Темир-Кутлук а<sup>23</sup> (стр. 23).

Деления на *قول* *اونك* и *قول* *سول* существуют и у буротов.  
قرغز.

مشايخ (стр. 27), по переводу автора, духовный судья, у киргизов машаих однозначнее с *اوليه واليه* — святой *اوليه*<sup>24</sup>, например река Сыр имеет гробницу 40 покровителей-святых, которые называются *سرننك قرق مشايخي*. Сырнын керк машаих<sup>25</sup>.

از غانه بو كاول توتقاول (стр. 29). У киргиз есть поговорка *از غانه بولمه، ايلگه بولمه* — не будь беком бедному народу и не будь букаулом малому обеду. Следовательно, букаул значит разноситель блюд на ханском обеде<sup>26</sup>.

شوسون (стр. 31. № 13— напиток, *شوسون بر* — дай пить.

قوشچی (стр. 32, № 14). Автор перевел птичник, сокольник. В Средней Азии и у киргиз сокольник и знающий это дело называется *قوش بكي* или *قوش بكي*; под именем *قوشچی*<sup>27</sup> разумеются прислужники во время похода, род нукеров (*قوش* — кош, кошевой).

قلا или *قلا\**<sup>1</sup> (стр. 36, № 25). Киргизы [теперь так именуют] все русские деревни и крепости, а все туркестанские города, напротив, именуют *كنت* [кент].

### Замечания к книге г-на Березина «Ханские ярлыки»

#### 7 || Ярлык пятый \*2

Стр. 41, № 34. Киргизы тоже делятся на белую и черную кость; белое означает все высокое и благородное, а черное принимается в смысле черни, простой киргиз называет себя кара-казак (простой киргиз).

ساليق или *ساليغ*<sup>28</sup> (стр. 43). У киргизов-барантовщиков называется место, где оставляют скarb свой и лошадей перед нападением на аулы, род лагеря.

ايلىدىن *ايلىدىن*<sup>29</sup> *يىل سانى* (стр. 47, № 49). У киргиз есть слово *سايىن*, что значит ежегодно. Принимая слово *سايىن* за *سانى*, можно это перевести так: от народа ежегодно...

اوسال<sup>30</sup> (стр. 47, № 57) в киргизском языке значит слабый, небрежный, не надежный, худой, *اوسال كسى* — нехороший, не надежный человек, *اوسال ايشلامك* — сделать небрежно, не крепко.

*رينجتمك* (стр. 48, № 62) — опечалить, оскорбить, обидеть.

*ارينه* (стр. 49, № 63) — выговаривается киргизами *ارينه* и значит: конечно, *ارينه سولاي* — конечно так.

\*1 Точнее, *قلعه* — в традиционной орфографии, воспринятой во всех языках, пользовавшихся арабской письменностью.

\*2 Тарханский ярлык Тохтамыша от 1391 г.

يولاوچى (стр. 51, № 45), по объяснению автора: всякий посланный за чем-нибудь. يولاوچى [у киргиз—всякий путник и путешественник.

Имена собственные قوجوق، ايتق، تنكرى بردى (№ 79) существуют у киргиз и в настоящее время.

اقتاچى على بى (стр. 54, № 99) в киргизской саге Чора (таминец Чора-батыр) есть Актачи-Али-бий, называемый иногда — *актачинский Али-бий*. Этот Али есть бий, по поэме, родоправитель отделения актачи в орде уральских или сарайчикских ногайцев; его род разорен героем поэмы киргизом Малой орды таминского рода, Нариковым сыном, батыром Чорой. Чора — современник Кучума и взятия Казани. Слыша о намерении урусов взять правоверную Казань, Чора отправился на помощь падающему царству; дорогой пирует у Кучума, хана Истекского (киргизы башкир зовут истеками или остяками<sup>\*3</sup>) и, не доезжая 12 верст до Казани, пускает стрелу, которая страшным визгом своим ужасает русских и дает знать мусульманам о приближении богатыря кайсацкого.

اوندر — \*4 سبا — большой мех с кумысом.

3 ارکه [эрке] — монгольское — власть, сила; у киргиз означает

человека, которому мы из любви предоставляем над собою власть. Так называют эрке любимых детей.

توساميش — распоряжение [ведение, управление].

Чингис-хан был у Ван-хана<sup>32</sup> названным сыном — укыли бала или укыли куду. Рашид-эддин<sup>33</sup> говорит, что Эке-Бисур يکه *из племени хорлас состоял с Чингис-ханом в отношениях друга молодости بقا خونى* (по чтению Березина, багаши-хони).

Рашид-эддин говорит, что уйгуры и множество племен уважали и помнили Туку-хана *توگو خان*, который был в древности великий государь, родился, по преданию, от дерева. Один из найманских ханов Инак-хан-эке<sup>\*5</sup> в честь его носил имя Туку-хан.

<sup>\*3</sup> Во всех преданиях киргизских Кучум есть хан башкирский, а не султан киргизский. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*4</sup> *Саба* — большой кожаный мех с высокой горловиной (өндір), в котором приготавливают кумыс.

<sup>\*5</sup> Против этого на полях рукой Валиханова даны: *بوکا، اقا، اکه* — бука, ака, эке — титулы древних племенных вождей; несколько ниже: *فوجين، بيکن* бикен.





Прозвища цецен *ساجان*, *سجان*, *سجانك*, *باهادر* Бахадур, *بۇيرۇق* Буйрук, мерген, бахши, *تيكىن* Текин. Титулы хан, гурхан, ван, гован, нойон, тайши и бек.

|| Имя одного бека сунитского, состоявшего при Гулагидах<sup>34</sup> было *جغتای كوچك*. Когда со смертью Джагатая имя это сделалось заповедным *قوريق*, его стали называть Сунтай, потому что он был из племени сунит.

Когда заболел брат жены Кабул-хана *قبل خان* монгольского, то был приглашен татарский шаман. Когда же больной умер, то родственники больного убили шамана.

Слово бай — прозвание тюркское, очень древнее. Первый уйгурский владетель был *منكو باى* Монкобай. Один из современных Р [ашид ад-Дину] уйгурских беков назывался *باى ايغور* [Уйгурбай].

Идикут уйгур, вероятно, знал лучше, чем господин Березин.

Под именем *انغرجاق* и *ارغمچى* аргамчи надо разуметь не повинность и дары, как думает господин Б[ерезин], а седло и веревки, т. е. [то, что] столь необходимо для степного воина.

Шусун — букв [ально] напиток.

*اولاغ* — подвода.

Эпитет золотой был в большом употреблении у монголов для обозначения величия, блеска, силы и знатности [например, Алтан хан<sup>35</sup>] — золотой царь, алтан дептер [золотая книга], золотое лицо — *التون جوز*.

Ярлык<sup>36</sup> Давлет-Гирей-хана<sup>37</sup>

*اولوغ اولوس ينك اولوزنك قول ينك وسول قول ينك // تومان مينك يوز اون بلكان اوغلانلر بى لرینكا ايچكى كنت لرینك وشهر لرینك داروغه بکلرینكا مفتى ومدرس لرینغه قاضى ومحتسب لرینغه مشايخ صوفى لرینغه امام ومؤذن لرینغه كمى جى وكوبرجى لرینغه قوشجى بارسجى لارينغه اعمل متصرف لارينغه ديوان بتكاجى لارينغه يورور اشار يولجى يولاجيلرینغه كوب ايلكا بارجا توزنجا بلكا بلكان لار كا بوكاويل ويساويل لرینغه قيوما ايش اوزره تورغانلرغا بان بو يرليغ بليغ سعادت تيليع خاقانى وتوقيع رفع عظمت ترصع ممالك جهان بانى حكى اولدركى اوشبو دارنده فرمان همایون مثال بتمثال فرخنده فال دولت منوال قدوت الامائل والاقران تايغان! حمد بى ينك على پاشا اولان برله دعوالو ونزاعلو بولغان يرلرى اوزرينه يرليغ شريف واجب التشریف موجبنه قدوة العلماء المتورعين*



57 وفضل الفضلاء المتشرعين مولانا محمود دام فضله // وزاد افضاله واروب بحسب الشرع كوروب سيزوب انه سجل صورتى ويروب حدود اربعه سى بو در كه ذكر اولنور قره صودن صورت ويريلوب قبله طرفى مونكال باى ينك قره اغاچ و طرفى شرقى على پاشا اوغلان و طرفى غربى ارقا يولينه منتهى طرفى شمالى عبد السلام بى يرينه منتهى بو حدود برله محدود بولغان يرلرينه ومزبور منلا محمودك سجلاتينه كوره وسيزوغى موجبجه بزدن داغى ال نشانليغ وكوك مهرليغ نامه يرليغ اوتول قيلوب ات تارتوب دولت اشكمزدين اتى اوزوب دخى اول حدود ايله ذكر اولان يرلرى انعام وسيورغال ايدوب قولينه بو ال نشانليغ وكوك مهرليغ بو ملك نامه نى ويرديم ويوردوم كه بعد اليوم مزبور احمد بى اول يرلر كا متصرف بولغاننده كيم كيمرسه دخل وتعارض ايلميه لر الوغ كيچك سلطانلر بولسونلار واوغلانلر بى لر بولسونلر واوزه كه يضاويل قوللريمز بولسونلر دخل وتعارض ايلميه لر رنجيده ورميده بو جانب خاقانمزدن سيورغال وعنايت اولنمش در الار بلكاي لار وجه من الوجوه وسبب من الاسباب ونوع من الانواع مانع ودافع ومنازع اولميه لر ودخل وتعارض ايليانلرى حاكم الوقت اولانلر منع ودفع قيلغاي لار انچ كوكل برله تينچ اولتوروب بزكا وبزى اومروغ اوروغلريمزغه دعا والقيش ارتوره تورغايلار ديو قولينه طوته تورورغه يوزوك نشانليغ يرليغ ويريلدى محرما شهر محرم الحرام سنة ٩٧٧ [قره صو]

55 || Слово Давлет-Гирей-хана\*6

Великого улуса уланам<sup>38</sup> и биям<sup>39</sup> правого и левого крыла, начальствующим тьмой, тысячью, сотней, десятком, даругабекам<sup>40</sup> внутренних селений и городов, законоведам, наставникам, судьям, ведателям метрик<sup>41</sup>, набожным старцам, отшельникам, священникам, муэззинам<sup>42</sup>, ладейщикам, мостовщикам и письмоводителям, проходящим и едущим путникам и путешественникам, многому\*7 народу, всем сущим властям, букаулам<sup>43</sup>, ясаулам и всем причастным к какому бы то не было делу. Далее, повеление великого и могущественного владыки мира в этом всеспльном хақанском ырлыке таково:

\*6 ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, лл. 55, 57—57 об.

\*7 Т. е. многочисленному.

вследствие спора и тяжбы за земли владетеля сего августейшего фирмана знатного в роде Тайган Ахмет-бия с Али-Паша-уланом, был послан по священному и обязательному ярлыку знаменитый из скромных ученых и превосходнейший из законовевов Маулана Махмуд (да возвысится его добродетели), который осмотрел все по законам, сделал чертеж и дал ему (Тайган Ахмет-бию) в руки копию с составленного им акта. По чертежу, сделанному в Карасу, границы с четырех сторон определяются так: на юге — Караагач, принадлежащий Мунал-баю, на востоке — земли Али-Паша-улана, на западе границей служит Степная дорога (Аркаялы), а на севере земли Абу-Салям-бия<sup>44</sup>.

Основываясь на удостоверении и на чертеже известного мурлы Махмуда, поднес (Тайган Ахмет) к нашему счастливому порогу лошадь и испрашивал от нас ярлык с красным знаком и голубою печатью на земли, определенные вышеупомянутыми границами. Приняв благосклонно лошадь, я наградил и пожаловал ему земли в описанных выше границах, дал в руки это царское письмо с красным знаком и голубой печатью и приказал: дабы на будущие времена никто, не исключая больших и малых султанов, уланов и биев и других, не чинили насилия и обид вышеупомянутому Ахмет-бию, когда он будет владетелем пожалованных земель. Ясаулы и слуги наши также да не делают ему притеснения, обиды, беспокойства и страха, ибо он нашей ханской милостью обласкан и пожалован. Да будет так ведано всем. Воспрещается им под каким бы то ни было видом, на каком бы то ни было основании и какими бы то ни было средствами и путями заводить споры и причинять ему [обиды].

Тех же, которые нанесут ему оскорбление и обиду, местные власти обязаны останавливать, обуздать и удалять.

Пусть он, сидя спокойно, с чистым сердцем воссылает молитвы и благословления за нас и за род наш. Так говоря, для держания в руках дан ярлык с приложением перстеневого знака.

Писано в благословенном месяце Мухаррам лета 977.<sup>45</sup>

Карасу<sup>46</sup>.

## ҚОЗЫ КӨРПЕШ—БАЯН СҰЛУ

[*Кушмурунский список*]

Жоғартыннан көрінген сары ноғай,  
Еділ суға таласқан мұ не тоғай?  
«Қозы Көрпеш» дегенің біраз өлең,  
Ептеп айтқан кісіге тым-ақ оңай.

Жігіттер, кісіге\*<sup>1</sup> сөзді кен етелік,  
Жер ортасы жекенді\*<sup>2</sup> белгі етелік.  
Жақсының аруағы қалмай ма екен,  
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік.

Еділ-Жайық бойында жолдас болды,  
Бірін-бірі екі бай танымайды.  
Ат сұрамақ бұрынғыдан қалды дейді,  
Сарыбай Қарабайға кімсің?— дейді.

Қарабай мен Сарыбай аңға келді,  
Алдынан буаз марал душар болды.  
Екеуі бір-бірінен өтінгенде,  
Сарыбай атайын деп тұра келді.

Қарабай, Сарыбаймен аңға шыққан,  
Екеуінің дәуірлеп даңқы шыққан.  
Екі бай қосылған соң, келе жатса,  
Алдынан буаз марал тұра қашқан.

Жақсы, жаман болмағы құдайдан-ды,  
Бір бұлт жауайын деп шыр айланды.  
Алдына буаз марал келгеннен соң,  
Атқалы Қарабай мылтықпенен оңтай-  
ланды.

---

\*<sup>1</sup> Кісіге сөз — жасырын сыр, құпия сөз.

\*<sup>2</sup> Жекен — қопалы көлдер жағасында не қарасу манайында шығатын жойқын өдемі қара қамыс. Мұның сабағы жәй қамыстан бүтіндей жұмсақ келеді. Жекен — халық әдебиетінде жиі кездесетін, дала ландшафтын суреттейтін бейне.

Мекен іздеп, жігіттер, кел кетелік,  
Ортасында Көктөбе белгі етелік.  
Азаматтар, ерінбей тыңдасаңыз,  
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік,

Қыл-көпірден\*<sup>3</sup> адамдар жүрер еміс,  
Әмме жаңды сиратқа\*<sup>4</sup> айдар еміс.  
Тыңдай тұрған ерінбей ерлер болсаң,  
Ерте заман бір, екі бай болған\*<sup>5</sup> еміс.

Сол екі байдың жайлауы Түмен еміс,  
Киік атып аң етін жеген еміс.  
Екі байды сұрасаңыз, азаматтар,  
Қарабай мен Сарыбай деген еміс.

Бай да болса көңілі тар секілді,  
Тәңірі берген дәулеті бар секілді.  
Малды беріп құдайым басты бермей,  
Бір шыбындай перзентке зар секілді.

Қарабай мен Сарыбай аңға шықты,  
Екі байдың мергендігі, даңқы шықты.  
Екеуінің зайыбы күмәнді екен,  
Ғайып жерден алдынан аң қашыпты.

Қарабай мен Сарыбай аңға барған,  
Буаз марал алдынан душар болған.  
Атамын деп Қарабай оғын салып,  
Үйімде зайыбым буаз деп атнай қалған.

Көксеңгірден\*<sup>6</sup> екі бай бөкен тосқан,  
Буаз марал алдынан душарласқан.  
Буаз марал алдынан душарласып,  
Атпаймын деп Қарабай қайта қашқан.

Жасағанның қазынасы көпті дейді,  
Киік атып, аң етін жеңті дейді.  
— Буаз марал алдыңнан душарласты,  
Неге атпадың Қарабай?— депті дейді.

---

\*<sup>3</sup> Қыл-көпір — мұсылман діні аңыздары бойынша ол дүниеде (тергеу күні) жазалы адамдарды өткізетін көпір-міс.

\*<sup>4</sup> Сират — арабша қыл-көпір.

\*<sup>5</sup> Ұйқасымды бұзып тұрған кейбір сөздердің орнына келтірілді.

\*<sup>6</sup> Көксеңгір, Ақсеңгір, Қарасеңгір дейтін жер аттары Арқада бірнеше жерде кездеседі, оның ішінде Ереймен тауының алдында, Сілеті өзенінің бойында. Мына Көксеңгір Аяқоз өзені бойында Жорға, Жауыр тауларына көрші тұратын Көксеңгір болуға тиісті.

— Жата-жата үйімде ішім пысты,  
Жігіттікте көп қылдық мұндай істі.  
Атамын деп үйімнен шығып едім,  
Атар жерде көңіліме бір хиял түсті.

— Мергендікті қоймадық тамам дейді,  
Душар келді бір марал саған дейді.  
Душар келген маралды атпай қалып,  
Хиялыңды айтсаңшы маған дейді.

— Әлде қалай болады заман дейді,  
Буаз марал атпағым қалай дейді.  
Менің зайыбым үйімде күмәнді еді,  
Сол еске түскен соң атпағым обал дейді.

— Талай қызық көрерміз аман болса,  
Мергендікті қоярмыз жаман болса,  
Құда болар меніменен бар ма жайың?  
Құдай перзент көрсетер заман болса.

Мұнан былай көрінген қарағайың,  
Қолыңдағы балтаның сабы қайың.  
Үйіндегі қатыны буаз еді,  
Бұл маралды атпай тұр, Сарыбайым.

— Өзен судың бойында саға дейді,  
Бұ тіліңді алайын аға дейді.  
Менің дағы қатыным буаз еді,  
Бұл маралды атпайын, баба, дейді.

Екеуміз бір-бірімізді сыналық-ты,  
Қатынның буаздығын сұралық-ты.  
Сіздің қатын біздің қатынмен буаз екен,  
Екеуміз бір құдайға жылалықты.

Ереннің\*<sup>7</sup> үстіндегі сеңді дейді,  
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.  
Анда жүріп а, баба, жолдас болдық,  
Тамыр болсақ қайтеді енді дейді.

Екеумізді таптырған анамыз да,  
Бір құдай барша жанға панамыз да.  
Сіздің қатын біздің қатынмен буаз екен,  
Дос та, тамыр қылалық баламызды.

---

\*<sup>7</sup> Ерен — қазір ұмытылған Ереймен тауы сияқты бір таудың аты.  
Сең — тау басындағы көк толқын, қауырт мұз, сеңгір — қия тас.

Қыз болса қырық жеті болар дейді,  
Шырағымыз бір құдайдың құлы дейді.  
Екеуімізден екі қыз туар болса,  
Бір елге берелік мұны дейді.

Қарабай енді сонда күлді дейді,  
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.  
Екеуімізден екі ұл туар болса,  
Ақыреттік\*<sup>8</sup> дос болсын енді дейді.

Екеуіміздің шешеміз ана дейді,  
Үстімізде бір құдайым пана дейді.  
Біреуі ұл, бірі қыз туар болса,  
Құдай қосса, біз қосалық және дейді.

Аттан түсіп, сол маралды алмай қалды,  
Оның айтқан сол сөзді күдекең\*<sup>9</sup> [қабыл]  
алды.

Торсықтағы малтаны шайып ішіп,  
Іште жатқан балаға бата қылды.

\* \* \*

Жиырмада жасым бар жылым тауық,  
Екі бай құда болып, қылды сауық.  
Алыстан кім екенін танымаймын,  
Бір адам елден шықты, қатты шауып.

Қарабай, Сарыбай мен аңға желген,  
Бір адам шыбын болып үйден келген,  
Ол адам келді-дағы үндемеді,  
— Неге асығып жүріпсің жаным деген?

— Үйіндегі мал-жаның аман дейді,  
Қуантқалы келіп едім Қарабайды.  
Қыз тапты қатыныңыз бүгінгі күн,  
Сүйіншіге шапқылап келдім дейді.

Қарабай мен Сарыбай бата оқыған,  
Бата оқыған жерінде хате оқыған.  
Қосқанының белгісі сол емес пе,  
Түсе қалып сол жерде жата оқыған.

Жиын қылып Қарабай бие сойған,  
Бір биенің етіне жұрты тойған.

\*<sup>8</sup> Мәңгілік, не замандық.

\*<sup>9</sup> Құдакең (қабыл) алды — анттасқан құдасы қабыл алды.

Қарабайдың зайыбы қыз тауыпты,  
Баян сұлу болсын деп атын қойған.

Аякөздің бойынан ел ауыпты,  
Қылады екен Сарыбай бек қауіпті,  
Үш күндейін толғатып азаматтар,  
Сарыбайдың зайыбы ұл тауыпты.

— Сарыбай қайсы жаққа кетті дейді,  
Бір тазша сүйінші тілеймін депті дейді.  
Елден бұрын сүйінші тілеймін деп,  
Сарыбайдың алдына келті дейді.

Қарабай мен Сарыбай аңға желген,  
Бір адам тұра шауып елден келген.  
Шауып келген кісі кім болады деп,  
Сарыбай мен Қарабай тура жүрген.

Сарыбайдың дәулеті шеннен асқан,  
Шапқан кісі бұларға жақындасқан.  
Сол кісінің кім екенін сұрайын деп,  
Сарыбай оған тамам қадам басқан.

— Аман ба екен үйдегі малым дейді,  
Мұнша асығып, қай жаққа барасың,  
залым, дейді.  
Атың арып, өзің сондай болдырыпсың,  
Не жаймен жүріпсің тазшам дейді.

— Жол болсын деп сұрайсыз ба біз-  
ден, — дейді.  
Келгенімді білдіңіз бе, мырзам, дейді.  
Қатыныңыз бүгінгі күн бір ұл тапты,  
Сүйінші сұрай кеп тұрмын сізден дейді.

Жаңа жақсы болды ғой көңілім дейді,  
Үшбү\*<sup>10</sup> сөзің көңіліме мәлім дейді.  
Ондай атты күн туса, жаным тазша,  
Төрт түлік мал берейін саған дейді.

Адамдардың таразасы теңде дейді,  
Патшалардың алдары кеңде дейді.  
Біреуі ұл да, біреуі қыз болыпты,  
Қозы Көрпеш, Баян ат қойды дейді.

Екі бай бір-біріне қадам қойды,  
Қатыны ұл тапқан соң көңілі тойды.

---

\*10 Үшбү — осы мына, бұл.

Біреуі ұл, біреуі қыз болғаннан соң,  
Екі мырза елге таман жарыс қойды.

Қарабай Сарыбаймен желген екен,  
Марал қағып бір тауға келген екен.  
Қарабай мен Сарыбай жарысқанда,  
Сарыбай елге жетпей жығылып өлген  
екен.

Қарабайдың мінгені ақтан кер-ді,  
Жол үстінде өліп қалған қайран ер-ді.  
— Қасыңдағы жолдасың жығылды-ай  
деп,  
Шауып барып Қарабайға хабар берді.

Қарабай келе жатып бір қара көрді,  
Өліп жатқан жан жолдасын жаңа көрді.  
Өліп қалған кісіні нетейін деп,  
Елге қарап Қарабай жүре берді.

Қарабай қартайғанша бой бойлайды,  
Жер жүзіне сыймаған мал айдайды.  
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,  
Өз үйіне келген соң ой ойлайды.

Сарттар сауыр басады талқыменен,  
Ерге жабдық жарасар нарқыменен.  
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,  
Қарабай көшіп кетті халқыменен.

Өлеңімнің басы еді Ғабділбаһар\*<sup>11</sup>,  
Құдайым қуат берсе, жолымды ашар.  
Қарабайдың елдері көшкенінде,  
Қозы Көрпеш бала еді жалғыз жасар.

Сарыбайды, жігіттер, құдай алды,  
Ақырзаманды құдайым бұлай салды.  
Көше қашып Қарабай кеткен екен,  
Жесір қатын, жетім ұл білмей қалды.

Тамам молла жиылып оқыр хатым\*<sup>12</sup>,  
Жеткізіпті Сарыбай жұртқа датын.  
Сарыбайдың қатыны ұл ташқан соң,  
Қозы Көрпеш қойыпты оның атын.

\*<sup>11</sup> Ақындарды шабытқа келтіретіп сәуегейі ата.

\*<sup>12</sup> Хатым оқу — өлген кісіге арнап құран шығару.



Сол екі байдың ауылы көшкен екен,  
Бір перзент көкейлерін кескен екен.  
Қатынымыз қыз тапса екеуі де,  
Қол боқшасы бір болсын дескен екен.

Екі байдың ауылы көшкен екен,  
Бір перзент көкейлерін кескен екен.  
Зау заман\*<sup>13</sup> екеумізден екі ұл туа қалса,  
Таң қалғандай дос болсын дескен екен.

Сол екі байдың ауылы көшкен екен,  
Бір перзент көкейлерін кескен екен.  
Біреуі ұл, біреуі қыз болғанда,  
Құдай қосса, біз қостық дескен екен.

Ақ хан өліп, Қара хан босқан екен,  
Көксеңгірден киікті тосқан екен.  
Қозы Көрпеш құрсақта, Баян іште,  
Іште жатқан екеуін қосқан екен.

Көшіп кетті Қарабай оған көнбей,  
Сол кеткеннен кетеді, қайтып келмей.  
Айтып қосқан қосағын Қозыкенің  
Сол Қарабай кетеді-ау қайтып бермей.

Қозы Көрпеш жерінде ойнайды-мыс,  
Дегеніне бір жетпей қоймайды-мыс.  
Бір, екі [жыл] болған соң Қозы Көрпеш,  
Тамам бала жиылып ойнайды-мыс.

Жасы кіші, ағаға іні болды,  
Жігіттің өз бойына міні болды.  
Екі жасқа келгенде Қозы Көрпеш  
Шешесіне тамақ берген күні болды.

Үш жасында ештеме ойламайды,  
Төрт жасында дәнеме болжамайды.  
Бес жасқа келген соң Қозы Көрпеш,  
Кісілерге бір ауыз сөз айтып, ойнамайды.

\* \* \*

Айтайын Қозы Көрпеш өлең жаттап,  
Алты жаста тұрады-ау халқы мақтап.  
Жеті жасқа келгенде Қозы Көрпеш,  
Өз ауылын қондырады өзі бастап.

\*<sup>13</sup> Зау заман (эауде) — егерде, мәселен (см.: Киргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с. 90).

— А, шешекке, көрсеткені құдайдың  
жөн-ді дейді,  
Моллалардың салғаны дем-ді дейді\*<sup>14</sup>.  
А, шешекке, ойнарға жолдасым жоқ,  
Маған жолдас тауып бер, енді дейді.

— А, балам, күліп ойнап қала көр дәр-  
менсіз боп,  
Есебі жоқ, сансыз сенің дәулетің көп.  
Саған қайдан табайын мен жолдасты,  
Өзіңменен бір туған бауырың жоқ.

— А, шешекке, мен бір жарлық сұрайын  
ба,  
Бермесең де сертіңде тұрайын ба?  
Бөле тазша мұнда бір жақында бар,  
Тазшаменен ойнауға барайын ба?

— Мен едім сені тапқан анаң дейді,  
Бір қолымда қағаз бен қалам дейді.  
Адыра қалғыр тазшаны не қыласың,  
Ұрыспасаң ойнай бер, балам,— дейді.

Қозы Көрпеш жүреді екен сөздің түбін  
болжай,  
Сұлулықтың белгісі шаңқан боздай.  
Онбір жасқа келгенде Қозы Көрпеш,  
Келген екен тазшамен ойын ойнай.

— Ай, тазша, сенің атың малай дейді,  
Айтатұғын сөзім бар талай дейді.  
Үйімнен сені тазша іздеп келдім,  
Асық ойнар ауқатың\*<sup>15</sup> қалай дейді.

— Ай, Қозы Көрпеш сен өзің нұрлы дейді  
Үйімде бір қарам жоқ, сорлы дейді.  
Сен үйіңнен бізді қалап келген болсаң,  
Асық ойнар көңілім бар-ды дейді.

Қозы Көрпеш сол күнде малды дейді,  
Ақылы жоқ тазшаны — жарлы дейді.  
Қозы Көрпештей ойынның жайын біл-  
мей,  
Тазша ұтылып асықтан қалды дейді.

\*<sup>14</sup> Дем салу — үшкіру, ауруға су бүрку.

\*<sup>15</sup> Ауқат — қуат, күш, мерей, хал-жай.

Қозы Көрпеш саған не керек дейді,  
Жауған қардай бораған қызық дейді.  
Ақылы жоқ сұм тазша ойнағанда,  
Өз сақасын өзі сыйлап берді дейді.

Қозы Көрпеш, мен бір жауап айтайын  
саған дейді,  
Түрлі болған халықта заман дейді.  
Мұнан былай сенімен ойнамаймын,  
Өз сақамды беріп кет, маған дейді.

— Қолыңа ұстағаның бақан ба еді,  
Тазшам саған бір өлім тақалды енді.  
Өз қолыңнан өзің сыйлап бергеннен соң,  
Қайта неге сұрайсың сақаңды енді.

Өлең айтып жүремін ертеңді-кеш,  
Саған қылған Қозы Көрпеш еңбегім еш.  
Қайыныңа бармай жүрген жаман мұндар,  
Өз сақамды беріп кет, Қозы Көрпеш!

Өштес қылған екеуін құдай ма екен?  
Жаман сөзді Қозыкем тыңдай ма екен.  
— Қатыныңа бара алмай маған келіп,  
Асығымды алды деп жылайды екен.

— Сен тұра-тұршы, а, тазшам, қан  
қылғандай  
Ақылымнан адастым дал қылғандай.  
Сақа түгіл, а, тазша, ат берейн,  
Менің қайным кім деген жан болғандай.

— Садағым салғаным қайыңнан оқ,  
Қозы Көрпеш бұ күнде дәулетің көп.  
Наразы болдым сақамды бермеген соң,  
Өтірік айттым, құда болған бұ жерде  
тірі адам жоқ.

— А, тазша, мен әлі қарап тұрмын кө-  
ңіліңе,  
Кел, қоярмын жұдырықпен тас төбеңе.  
Қайының бар деп сен өзің маған айттың,  
Енді сені қоймаймын өз еркіңе.

— Қозы Көрпеш қорықпаймын ақыр-  
саң да,  
Өтірікті, сірә, айтпаймын бақырсаң да,

Ойлап тұрсам, сенің қайның тіпті де  
жоқ,  
Басымды ала кесіп өлтірсең де.

— Құдай қосқан қосақтан қалмаймын  
ғой,  
Жамандықты, сірә, есіме алмаймын ғой.  
Өтірікті айтасың сәрсең қылып,  
Тазша сенің тіліңе, сірә, нанбаймын ғой.

— Құдай саған бермеген сана деймін,  
Ештемені білмеген бала деймін.  
Менің айтқан тіліме нанбасаңыз,  
Үйіңе барып шешеңнен сұра деймін.

— Жүруші едім [еш] нәрседен көңілім  
қайтпай,  
Сен қайтардың көңілімді рас айтпай.  
Кішкенедең қостырған қосағымды,  
Шешем өтірік неге айтсын, рас айтпай.

Қозы Көрпештің мінгені қарагер-ді,  
Құдай тағала сол жерде ақыл берді.  
Сол тазшадан үмітін үзгеннен соң,  
Есігін сарыт ұрып үйге кірді.

Қозы Көрпеш келе жатып көзін сүзді  
дейді,  
А, шұнақ тазша, оның ойын бұзды дейді.  
Тазшадан наза болып\*<sup>16</sup> келе жатса,  
Байқамастан бір өрмекті үзді дейді.

— Алдыңдағы құрылған мынау ормек,  
Өрмектей өтірікші қыла бермек.  
Алдыңдағы өрмекті неге үздің  
Қатыныңнан айрылған сұм жүтірмек.

— Ай, енеке, маған қылған өрмегің де,  
Естірші мен жамайын өрмегіңді.  
Менің қайным қай жақта, жан енеке,  
Үшбу жерде төлеп кетейін өрмегіңді.

— Садағыңа салғаның ақ қайың оқ,  
Екі қайтып келмейді дүние боқ.  
Өрмекті үзген соң кейіп едім,  
Ойлап тұрсам а, балам, қайының жоқ.

\*<sup>16</sup> Наза болу (назалану)— кейю, қамығу.

— Сауыр етіктің табаны талда болса,  
Қырық кісінің ақылы ханда болса.  
Сірә еркіңе қоймаймын, жан енеке,  
Қайынымның турасын айт, әлде болса.

— Барша жанның сыйынғаны бір құ-  
дайым,  
Құлағың сал, а, балам, кеп қылайын.  
Тоқсан қабат айтсаң да қайының жоқ  
Тынышымды ала берме сұмырайым.

— Адамды сөйлеттірген тіл менен жақ,  
Кемпір саған байладым бір аруақ.  
Сірә тынышыңды қоймаймын, ай енеке,  
Ашуланбай жылдам-ақ қайнымды тап.

— А, балам, енді саған қайрылмаймын,  
Бұ сөзіңнен еш қорқып қайғырмаймын.  
Қалай айтсаң, солай айт, сұмырай ба-  
лам,  
Не қылсаң да сол сөзден айрылмаймын.

Қозы Көрпеш атқа мініп желген екен,  
Сұм кемпірдің тіліне ерген екен.  
Қу тазшадан бірдеме есіткен соң,  
Ашуланып үйіне келген екен.

\* \* \*

Қаратаудың бетінде қара тас-ты,  
Жығылғанда сүйегей қарындас-ты.  
— Кіріп келсең шошыдым сенен балам,  
Шырағым, саған не болып мұнша өңің  
қашты?

— Шешеке, бір сөзім бар айтатын са-  
ған дейді.  
Қырлы болған халықта заман дейді.  
Асық ойнап, қарным ашып келді,  
Бидай қуырып өз қолыңнан маған  
берші,—дейді.

— Баланың қасын-көзін көрсем дейді,  
Қасыма шырағым, келсең дейді.  
Қарның ашып, өңің қашып [қайдан  
келдің],  
Қолымнан бидай қуырып берсем дейді.

Баласының көзінен аққан жасы,  
Бауыры жоққа еш қайғырмайды жал-  
ғыз басы.

— Шешеке, қосқан жарым қайда дейді,  
Қалыңдығым атын айт, кім әкесі?

Қозы Көрпеш мінгені көк-ті дейді,  
Сөйлеуге қызыл тілім епті дейді.

— Күйінгеннен айтамын жалғыз балам,  
Қосқаны рас еді депті дейді.

— Әуелгі моллалардың жазған хаты,  
Бұзылмас патшаның шарифаты.  
Қосқаны бір сұлуға рас болса,  
Кім екен маған қосқан жардың аты

— Кішкенеңнен жүруші ең көкше қоян,  
Жақсы-жаман екені өзіме аян.  
Алыс кеткен немені іздей көрме,  
Қосқаныңның аты еді сұлу Баян.

Қозыкенің көңілі тынбайды-мыс,  
Жаман-жақсы адамды сынайды-мыс.  
Бұған бидай қуырды шешекесі,  
Салып берсе табақтан жемейді-мыс.

Менің айтқан Қозыкеме бұ бір кеңес,  
Қозыкеге шешесі ләм деп айтушы емес.  
Қозыкенің көңілінде әлде не бар,  
Қазанымен берсе де тағы жемес.

— Қаз келеді, ай, шешеке, атайын да,  
Ұйқым келді төсек сал жатайын да.  
Еңбекпенен өсірген, жан шешеке,  
Қолыңменен берсеңші татайын да.

Не жамандық Қозыке көрді дейді,  
Баласының тіліне ерді дейді,  
Алдағанын Қозыке қайдан білсін,  
Қолыменен шеңгелдеп берді дейді.

— Шеше, сенен көрмедім пайда дейді,  
Мың жылқыңды өзің ал, енді дейді.  
Ыссы бидай қолына басып алып,  
— Құдай қосқан қосағым қайда дейді?

— Қолым күйді, ай балам, қайтейін мен,  
Қайның жоқ өтірік немді айтайын мен.

Тілі күйгір кім еді мұндай қылған,  
Сәрсең қылған кім еді жоғалтайын мен.

— Тазша бір сөз айтты ғой маған кеше,  
Қолың күймек түгіл, бүріссін, маған  
десе.

Кішкенедең қосылған қосағымды,  
Енді қалай айтпайсың, маған шеше?

— Бұ жалғанда еш көзі ашылмасын,  
Іздеймін деп сұрайсың жолдасың [ды]  
Телі\*<sup>17</sup> өскен көңіліңді тентек қылып,  
Ау, естірген кім еді, еш оңбасын.

\* \* \*

Оғың жондыр Қозыкем тазқарадан\*<sup>18</sup>,  
Жасынан-ақ тілейді азғанадан.  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Тұрып кеңес сұрайды-ау бозбаладан.

Есітіпті Баянды көңіліне тоқ,  
Бір ойнаса жарымен арманы жоқ.  
Кеңес сұрап тұрады бозбаладан,  
Оңды кеңес айтпайды бозбала боқ.

Ақ сақалды бір үйге төрелегіпті,  
Алып келіп тазшаны жырлатыпты.  
Алып келіп тазшаны жырлатқан соң,  
Құлақ салып ақсақалдарға тыңдатып-  
ты.

— Дүниеден осылай [мен] өтейін бе?  
Құдай қосқан қосаққа жетейін бе?  
Құдай қосқан менің сол қосағыма,  
Іздейін бе, яки іздемей кетейін бе?

— Қозыкем сен тәубеңді жаңылыпсың,  
Еш көрмеген Баянды сағыныпсың.  
Сондай жақсы қалыңдық алып берсек,  
Ерте кеткен Баянды не қыласың.

Тамам қызды бір үйге салды дейді,  
Ағаларға көңілім қалды дейді.

---

\*<sup>17</sup> Телі өсу — екі ананың ортасында тәрбие алу, әлпештеніп ерке өсу.  
Теліден тентек шығады (халық мақалы).

\*<sup>18</sup> Тазқара — қара құс, оның қауырсынынан жонып оққа сап жасайды.

Енді қыздан бір кеңес сұраймын деп,  
Жүгіргеннен қыздарға барды дейді.

— Суға біткен солқылдақ жекен деймін,  
Құдай қосқан қосағым екен деймін.  
Құдай қосқан қосақты сағынамын,  
Ал, апалар, іздесем бе екен деймін?

— Қартайғанша ер жігіт «қыз» дер бо-  
лар,  
Жасы үлкенді өзінен «сіз» дер болар.  
Ол айтқаның жарықтығым рас дейді,  
Құдай қосқан қосағын іздер болар.

— Ондай кеңес сайтандық көнбегейсің,  
Өз ойыңдай Қозыкем көрмегейсің.  
Өз ақылың өзіңе болатұғын,  
Ұрғашының тіліне ермегейсін.

— Көргенім жоқ Баянды, өзі қандай?  
Беті айдай деседі, бойы талдай.  
Ерте кеткен Баянды іздемейің,  
Баяндай қыз бар ма екен, сірә, сондай?

— Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,  
Ондай ойды көңіліңе ала көрме.  
Телі өскен көңіліңді тентек етіп,  
Сен Баянды есіңе сала берме.

— Жүруші едім адамнан көңілім қал-  
май,  
Енді қайтіп жүрейін есіме алмай.  
Көңілім менің таразы тымық тапшас,  
Әкем қосқан Баянға сірә бармай.

— Мен бір сөзді айтармын көңілің қа-  
лар,  
Қодар деген бір құлы ғаяр\*<sup>19</sup> болар.  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Бір шыбындай жаныңа зиян болар.

— Үй деменіз, сынады сағым дейді,  
Қарабайда кетіпті-ау ақым дейді.  
Қарабайдан ақымды ала алмасам,  
Мұнда жүрсем тең құрбым «қатып» дейді.

\*<sup>19</sup> Ғаяр — қу, арам ойлы, сыйқыршы.



— Айтса-дағы Қозыкем тіл алмайсың,  
Барғаннан соң сен қайтып келе алмай-  
сын.

Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Енді қайтып бұл жұртты көре алмайсын.

— Есен болсам, мен қайтып келейін де,  
Келе алмасам, сол жолда-ақ өлейін де,  
Құдай қосқан қосағым сұлу Баян,  
Қодар құлға не қылып қияйын да?

— Құрт алайын жол азыққа төрт-бес  
аяқ,  
Бөлініп қалған жылқыдан бұ бір саяқ.  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Қодар атты құлыңнан жесем таяқ.

Айтып салды бірнеше «әлде қалай»<sup>\*20</sup>,  
Өзің онда жасаған, аллатағала-ай.  
Алла бұйырса, жұртым, мені жіберіңіз,  
Құлдан таяқ жегенше алсын құдай.

— Не табасын Қозыкем онда барып,  
Қодар құлдар алмасын жүрегің жарып,  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Тентек Қодар қоймасын басыңды алып.

— Қалдырмай айтып жіберіңіз енді ғана,  
Мұнда қорқытып тұрсын жұртым ғана.  
Менің әлім жоқтығын қайдан білдің,  
Құлдан өлсем жатайын тұрмай ғана.

— Еш басыңа жамандық келтірмесін,  
Кім табады<sup>\*21</sup> құлдардың білдірмесін  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Қисық еді Қодар құл өлтірмесін.

— Қодар, Қодар дегенің кімге сірә,  
Құлдан өлсем жатайын құным сұрама.  
Екі сөздің ішінде, өлімді айта бердің,  
Жорығаның қалай еді жұртым сірә.

— Мақтана тұр Қозыкем мұнда тұрып,  
Қайтіп алар екенсін Баянды, құлдарды  
ұрып.

<sup>\*20</sup> Әлде қалай — күдіктену, қобалжу.

<sup>\*21</sup> Кім табады — кім біледі.

Сол алпыс құл ортаға бір алған соң,  
Өлмек түгіл, қаларсың оба тұрып\*<sup>22</sup>.

— Жан болмаймын жарымды құлға  
берсем,  
Сөйлетпес те құрбыларым мұнда жүр-  
сем,  
Не болса да, а, жұртым, жіберіңіз,  
Жатқанымнан тұрмайын құлдан өлсем.

— Талай кеңес үйреттім енді, ботам,  
Кеңесімді алмайды сондай адам.  
Кеңесімді алмадың кері барғыр,  
Білгеніңмен бола көр енді, ботам.

\* \* \*

— Қаз келеді, ай шеше, атайын да,  
Бидай қуыр қолыңнан татайын да.  
Атымды өрттеп, ай шеше, азық берші,  
Әкем қосқан Баянға кетейін де.

— Ойбай, балам, ай балам, кете алмас-  
сын,  
Аякөздің бойынан өте алмассын.  
Телі өскен көңіліңді тентек етіп,  
Ерте кеткен Баянға жете алмассын.

— Ойбай, шеше, ай шеше, кетерекпін,  
Аякөзден құдай жол берсе өтерекпін.  
Сол Қарабай кеткелі жиырма жыл,  
Жиырма жыл қусам да, соңынан жетерекпін.

Көздің жасын көл қылып токті дейді,  
Бір тазша не қылса да түбіме жетті  
дейді.

— Көзім жасы көл-дария болды, балам,  
Онан қайтіп өтесің депті дейді.

Қозыкемнің мінгені көк-ті дейді,  
Жасағаннан тілегім көп-ті дейді.  
Көзің жасы көл-дария болса, шеше,  
Көпір салып өтермін депті дейді.

Көздің жасы көл болып тағы толды,  
Бір тазшаны жұрт жиылып сөкті дейді.

---

\*<sup>22</sup> Оба тұрып — обаға айналарсың, көміліп қаларсың.

Қайғылының қырық бөрі бар-ды, балам,  
Онан қайтіп өтерсін тағы дейді.

— Алдыңда дауылдаған қау бар, балам,  
Аспанменен сөйлескен тау бар, балам.  
Онан қайтіп өтесің жолдасың жоқ,  
Қылышынан қан тамған жау бар, балам.

— Мені де Қозы Көрпеш деп мақта-  
май ма,  
Қай-қайдағы жарлылар бұ үйді жақтамай ма,  
Қылышынан қан тамған жау болса да  
Бір құдай онда бізді сақтамай ма?

— Той сайын айтушы едім өлең бастап,  
Үнімді тұрушы еді халқым қостап,  
Тәңіріден тілеп алған жалғыз едің,  
Шешенді кетемісің жалғыз тастап.

— Әуелі сыйынғаным бір құдайым,  
Ақыл үлкен болады күн-күн сайын.  
Әкем қосқан Баянға жетейін де,  
Әзір, шеше, сені мен не қылайын.

— А, балам, мен кісіге қимаймын көй-  
легінді,

Қарашы, қара құл тұл күнде-күнде,  
Кімге қиып кетесің, жалғыз балам,  
Тоқсан қопа толулы жылқыңды енді.

— Қарағайлы бел шоқы кеткеннен соң,  
Жақсының аруағын тербеткен соң,  
Пайдасы жоқ жылқыңды не қылайын,  
Сансыз жауға жолықсын мен кеткен  
соң.

— А, балам, айтпаймын мен оңайды  
енді,  
Көрсетейін тал шыбықтай бойыңды енді,  
Барма десем, болмадың байғұс, балам,  
Кімге қойып кетесің, отыз қопа қойың-  
ды енді.

— Әкем қосқан жарыма жетейін мен,  
Қайтіп бармай жатайын, терезең тең.  
Пайдасы жоқ қойыңды не қылайын,  
Апн бөріге жолықсын мен кеткен соң.

— Сен кеткен соң таянайын бүйірімді,  
Құдай білер бұ жерде жүреріңді.  
Оны қайтіп қиясын байғұс балам,  
Он бес өлке толған сиырыңды.

Қарайын мен найзамды қолыма алып,  
Отырамын қолымды балға малып,  
Пайдасы жоқ сиырыңды не қылайын,  
Мен кеткен соң жолыңсын аусыл мө-  
лік\*<sup>23</sup>.

— Ондайыңды көп айтпа маған дейді,  
Аллам оңды жасатқан тобам дейді.  
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,  
Қырық кез оғым жалынсын оған дейді.

— Ойлай берсе, ой түбі қайда кетпес,  
Жұртын тиган Қодарға әлің жетпес.  
Тілімді алсаң, Қозыкем бара көрме,  
Асқаралы таулар бар адам өтпес.

Айнай шеше ай шеше жетерекпін,  
Құдай қосқан жарыма жетерекпін.  
Асқаралы тауларың душар болса,  
Қылышпенен жол салып өтерекпін.

— Айнай балам, ай балам, барасың ба,  
Менен кетіп барқадар\*<sup>24</sup> табасың ба?  
Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,  
Қырық күншілік шөлі бар, өлесің бе.

— Алдыңа мен енді кірмен, шеше,  
Өзге қызбен дәуренді сүрмен, шеше.  
Құдай қосқан жарымды естіген соң,  
Адам болып жүре алман енді, шеше.

— Барамын деп, ай балам, бара алмассын,  
Ерте кеткен Баянды таба алмассын.  
Елі-жұртың қақсайды бармасын деп,  
Жұрттың тілін алмасаң оңалмассын.

— Қалтақ балам жүрмісін кетейін деп,  
Кетіп мені сергелдең етейін деп.  
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,  
Ажалыңа асығып жетейін деп.

\*<sup>23</sup> И. Н. Березин хрестоматиясының 105-бетіндегі бұл жолдар ауысып жазылған. Бұл жерде өзінің орнына қойылды.

\*<sup>24</sup> Барқадар — қызық, қуаныш, жетіскендік.

— Айһай шеше, ай шеше, кетейін де,  
Құлдан өлсем жан болып нетейін де.  
Мұндай бізді қақсатқан әркез оқбас  
Қарабайдың түбіне бір жетейін де.

— Асқан тауы бір қиын белді, балам,  
Мұнша неге қақсаттың мені, балам.  
Айтсам тілім алмадың ей жүгірмек,  
Ажал айдап жүр екен сені, балам.

— Шеше, мұнша мұқаттың қажырымды,  
Мен білгемін аллаға жазарымды.  
Енді бұлай болған соң кеткенім [жөн],  
Құлдан салса көрермін ажалымды.

— Жайып қойған түсерсін торға, балам,  
Бір шыбындай жаныңды қорға, балам.  
Арасында аңдыған жауы көп-ті,  
Өлім іздеп жүрмесең барма, балам.

— Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,  
Тірі болсам кешікпей келем, шеше.  
Құдай қосқан жарымды іздемесем,  
Не қылайын жан болып өлмей, шеше.

— Қақсап қалсын Қарабай мұндай, балам,  
Сонан әрі кетерсін келмей, балам.  
Айтсам, тілім алмадың, ей жүгірмек,  
Қайтып сонан келмессін өлмей, балам.

— Ажалды құл әр жерде өлмей ме екен,  
Тірілер күн, тірі кісі көрмей ме екен.  
Ай, шешеке, бұ дегенің, не дегенің,  
Қайнына барған кісі келмей ме екен.

— Қопаға бөлек біткен қарағым-ай,  
Дөңгелек жылқыдайын тұяғым-ай.  
Көзімнен таса болсаң өлмеймін бе,  
Келмес деп шошимын шырағым-ай\*<sup>25</sup>.

— Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,  
Тірі болсам кетпен-ді, келмей, шеше.  
Сәрсең қылған сол мені Қарабайды  
Қара жерге қойман-ды енбей, шеше.

---

\*<sup>25</sup> «Ажалды құл...» деп басталатын бұл екі шумақ И. Н. Березин хрестоматиясында (106-бет) ауысып басылған, бұл жерде орнына қойылып түзетілді.

— А, балам, қысамысың көтіңді енді,  
Сен тұрғанда дүнием бүтін еді,  
Барма десем болмайсың жалғыз, балам,  
Кімге қиып кетесің сүтіңді енді!

— А, шешеке, күміс қостың айылыма,  
Қазақ қарап тұрады қайырыма.  
Барма дейсің байғұс шеше [ұзын жолға],  
Қайтіп бармай жатайын қайыныма.

— А, балам, саған айттым базынамды,  
Шешесі [іздер] сен кеткен соң тірі жанды.  
Он лавке толған, сорлы балам,  
Кімге қиып кетесін қазынамды.

— А, шешеке, не болады жігітті еңірет-  
кен соң,  
Немене айтып айтпай күн өткен соң.  
Ол он лавке бұйымыңды не қылайын.  
Талаулы орынға жолықсын мен кеткен соң

— А, шырағым, жылап тұрмын күнімен  
Көңілімді уатайын кіміңменен.  
Болмайсын барма десем, жалғыз балам,  
Шешенді тастамаймысын шыныңменен.

— Мен қайтейін [тіл алмай] кеткеннен  
соң,  
Жалғыз қалған шешедеп [безгеннен] соң,  
Емшек берген әрі жат,— дерсіп балам,  
Баян сұлу жарыңа жеткеннен соң.

— Айыр емшектен сүт берсең емейін де,  
Емген сүтім татыпты көмейімде.  
Ондай атты күн туса ай, жан шешеке,  
Емшек берген, әрі жат, демейін де.

— Сен кеткен соң, ай балам, мен өлермін,  
Кеткеннен соң ішімнен күңдіренермін.  
Еңбекпенен өсірген жарықтығым,  
Сен кеткен соң мен қайтіп күн көрермін.

— Сен өлмессің, ай шеше, мен өлермін,  
Қыса болып, бармасам, енді өлермін.  
Өледі деп жылама, мені шеше,  
Есен болсам, мен қайтып бір көлермін.

— Асқан тауы бір қиын белде, балам,  
Ерте кеткен таппасын елді, балам.  
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,  
Кетсең сірә [сен] жоқсын енді маған.

— Бармай осылай дүниеден өтпен, шеше,  
Қалай құсам мен соған жетпен шеше  
Қарабайдан ақымды алғаннан соң,  
Қайтып саған бір келмей кетпен, шеше.

— Тәңірі шешер көңіліңнің ағын, балам,  
Жарна болар малыңды бақсаң, балам.  
Тілімді алмай барасың, ей жүгірмек,  
Енді маған сен жоқсын кетсең, балам,

— Артылған соң тоқтамас қосым, шеше,  
Еш қайғырар жоқ менің достым, шеше.  
Енді былай болған соң кеткенім жөн,  
Көріскенше күн жақсы болсын, шеше.

— Айһай, балам, ай балам, кетемісін,  
Кетіп [мені] сергелдең етемісін.  
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,  
Мұнан кетіп мұратқа жетемісін.

— Ақылымды аузыма салар, шеше,  
Баяндай қыз алашта бар ма, шеше.  
Жақсы жолға барайын деп [мен] тұр-  
ғанда  
Жаман сөзді аузыңа алма, шеше.

— Ала тұрған Баянды сен бе, балам  
Сенің жұртың бұл сенген ел ме, балам.  
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,  
Барғаныңнан қайтып енді келме, балам.

— Санаменен сарғайып іші толсын,  
Естірткен сол тазша байғұс болсын.  
Ақ сүтімді емгенмін сенің шеше,  
Маған деген қарғысың алғыс болсын.

— Айһай, балам, ай балам, менен кет-  
тің,  
Телі өскен көңілімді тентек еттің.  
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,  
Еш қызығың көрмейінше өнер бастың<sup>\*26</sup>.

<sup>\*26</sup> Өнер басу — өз ойымен кету, тыңдамау.

— Қақылдайды, қақсайды жазған ба-  
лаң,  
Қақсасаң да, ай шеше, жоқпын саған.  
Осы жолда сен мені қарғай бердің,  
Емшегіңнің ақ сүтін аруланбай.

\* \* \*

— Құдай маған қоймады ата дейді,  
Қылған екен атам маған бата дейді.  
Құдай қосқан жарымды іздер едім,  
Қандай атты мінемін апа дейді.

— Есен-аман Қозыкем жүре көрші,  
Жарыңменен бірге ойнап күле көрші.  
Жүгенінді сылдырат жаным, балам,  
Қарағанын бетіңе міне берші.

Қонған жері аулының көп қараған,  
Мың жылқыны шұбыртып ат қараған.  
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,  
Қозы күрең жаман тай жалт қараған.

Қозы күрең жаман тай қарап тұрды,  
Ұстай алып мойнынан жүген ұрды.  
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,  
(Ат) тоқымы (бұлайша) қайда құрыды\*<sup>27</sup>.

Жүгендесе жаман тай құнан болды,  
Ақырзаман қараңғы тұман болды.  
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,  
Не басыңа сенің [балам] ылаң болды.

— А, шешеке, менің сөзімде болмас қата,  
Әкеміз қайныңа бар деп қылды бата.  
Шешеке, қайныма баруға мойын қой-  
дым.  
Менің мінер жылқымның түсін ата.

— Үйімде мен отырған адам дейді,  
А, балам, сенен кетті мазам дейді.  
Жүгіріп жүген алып барғаныңда,  
Бетіңе қараса, соны мін, балам, дейді.

Жайлауы Сарыбайдың Шатқара еді,  
Қозы Көрпеш сан жылқыдан ат қарады.

\*<sup>27</sup> Тоқымы құру — мінетін ат таба алмау, жаяу қалу.



Жылқыдан ат мінгелі барғанында,  
Жабағы күрең бетіне жалт қарады.

Қонғаны ауылының сай болады,  
Ондағы жұрт толықсып бай болады.  
Құрықты бисмилла\*<sup>28</sup> деп салғаннан соң,  
Жабағы қозы күрең тай болады.

Жердегі жорғалаған жылан болды,  
Ауыздағы әр сөзім елең болды,  
Арғымаққа лайық қозы күрең,  
Жүгендеп жатқанында құнан болды,

Молланың оқығаны кәләм\*<sup>29</sup> болды,  
Жаман малың түгелімен ешкі болды.  
Арғымаққа лайық қозы күрең  
Жайдақ жортып жөнелгенде дөнен бол-  
ды.

Қигені кедейлердің ескі болды,  
Арғымаққа лайық қозы күрең,  
Үйінен жөнелгенше бесті болды.

Ерттегенде құнаны дөнен болды.  
Құдай оңдап, сақтағын деген болды.  
Ерте кеткен Баянды іздемейін  
Баяндай қыз бар ма екен, мұнда өңді.

Өзі мінсе дөнелі бесті болды,  
Санаменен сарғайып іші толды.  
— Ей, жасаған, бір құдай өзің оңда,  
Көргенім жоқ бұрын-ау еш мұндайды.

Алты жасар бестісі ат болыпты,  
Бір сөз айтса түге жұрт мат\*<sup>30</sup> болыпты.  
Қозыкемнің соры ғой азаматтар,  
Бірге жүрген Қарабай жат болыпты.

\* \* \*

Қозы күрең астына мінді дейді,  
Құрсай садақ беліне ілді дейді.  
Періштелер түсіне аян\*<sup>31</sup> беріп,  
Қосыларын Баянға білді дейді.

---

\*<sup>28</sup> Бисмилла — алла оңғар.

\*<sup>29</sup> Кәләм — сөз; кәләм шариғ — дін сөзі (құран).

\*<sup>30</sup> Мат болу — аузын ашпау, қарсылық көрсете алмау.

\*<sup>31</sup> Аян беру — көрініп білдіру, хабарлау.

Қозы күрең мінді де кетті дейді,  
Көл-дарияның бойына жетті дейді,  
Көл-дарияның бойына жеткеннен соң,  
Көпір салып үстінен өтті дейді.

Жүреді екен Қозыке сөзге қанып,  
Құдай қойды көңіліне қайғы салып,  
Енді іздемек болыпты сол Баянды,  
Арымас ат, таусылмас азық алып.

Қозыкеме жиылды жұрты дулап,  
Азаматым тұра тұр, мұны тындап.  
Күн көремін деп жүрген жалғыз ұлдан,  
Қайран ана, айрылып қалды жылап.

Әуре сәрсең құдайым нетіп едім,  
Әурешілік жолменен кетіп едім.  
Жүрген сайын жолыма кесір қылып,  
[Ей], жасаған құдайым, нетіп едім.

Жолдан бұрма, Қозыкем атың суар,  
Баянға қыз алаштан қайдан ұқсар.  
Бір бөгеуден құтылып бара жатса,  
Қиқулының қырық бөрі болды душар.

Үш уақытта аллаға жүрдім жылай,  
Әуре сәрсең қылдың ау [мені] былай.  
Бір бөгеуден құтылдым деп едім ғой,  
Тағы да аңдып жүр ме едің, мені құдай.

Жұрт жақтырып сөзімді қалқалаған,  
Қайғырмаңыз өткен соң енді оған.  
Қайтатұғын бір амал болар ма деп,  
Қасқыр болып шешесі доталаған.

Ғазрайыл<sup>\*32</sup> келіпті жәббәр пәрмән<sup>\*33</sup>,  
Бір саған зор келе қалса жаның қар-  
ман.

Мен де өзіңнің жаратқан бендең едім,  
(Бір) жасаған болмаса кетті дәрмен.

Кете алмайды Қозыкем үйге қайтып,  
Сәрсең қылды сол Тазша қайдан айтып.  
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,  
Қырық кез оқпен кетіпті бір-бір атып.

<sup>\*32</sup> Ғазрайыл — ислам дінінің аңызы бойынша жап алтыш.

<sup>\*33</sup> Жәббәр пәрмән — жаратушының жарлығы.

Қозы Көрпеш іздейді ауған елді,  
Аллатағалам жаратты асқар белді.  
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,  
Асқарлы бір тауға тағы келді.

Арымас ат, таусылмас ас болыпты,  
Таусылмастай азығын мол алыпты.  
Асқарлы сол тауға жетіп келіп,  
Қылышпенен шапқылап жол қылыпты.

Жалғыз туған бір ұлдан ел қашыпты,  
Асқарлы сол таудан бел асыпты.  
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,  
Он екі айлық, қырық күншілік жол ба-  
сыпты,

Сәрсең болды Қозыке үйден кетіп,  
Он екі айлық, қырық күншілік жерге  
жетіп.  
Он екі айлық, қырық күншілік жолдан  
өтіп,  
Ел шетіне Қозыкем келді жетіп.

Үш уақытта сыйындым алла саған,  
Мұндай қатты азапты қылдың маған.  
Әрбір жерде сақтаушы бір өзіңсің,  
Ендігіден сақтай көр, құдай тәубәм.

\* \* \*

Қозы күрең асыпты белді дейді,  
Жаңа тапты Қозыкем елді дейді.  
Айдалада қаңғырып бара жатып,  
Бір кемпірдің қасына келді дейді.

Сол кемпірді көрген соң желді дейді,  
Нақ қасына кемпірдің келді дейді.  
Әлде қалай бұ да бір адам да,— деп,  
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

Қозыкенің сәлемін алды дейді,  
Ол бір сана көңілге салды дейді.  
Қол қусырып Қозыкем сәлем берсе,  
Таң тамаша сол жерде қалды дейді.

— Көкірегің қайғылы, көңілің жарық.  
Қай бір жақтан келесін атың арып?  
Атың арық, өзің аш, жаным балам,  
Не ғып жүрген адамсың жүзің сарық?

— Мен алыстан келемін қиуадан\*<sup>34</sup>,  
(Бір) құдайын білмеген болдым надан.  
Хал-жайымды сұрайсыз, ау енеке,  
Әуре қылған құдайым мен бір адам.

— Хас\*<sup>35</sup> мырза Қозыкем депті дейді,  
Кіік атып, аң етін жепті дейді,  
Атың арық, өзің аш, қаңғып жүрген,  
Жаным қандай адамсың, депті дейді.

— Мен үйімнен шыққалы алты ай болды.  
Мінген атым астымда тайдай болды.  
Естіп, біліп көргенің бар ма, енеке,  
Қарабайдың ауылы қайда болды?

— Жалғыз адам білмейді келгеніңді,  
Мен де айтармын есітіп білгенімді.  
Қарабайдың ауылын көрсетейін,  
Бастап, балам, айт сана, бір жөніңді.

— Талай неме түседі көңілімізге,  
Көп кейітпей айтсаңшы, енді бізге.  
Атым арып жолаушы кейіп келдім,  
Қарабайдың ауылын көрдіңіз бе?

— Көрсетейін саспай тұр, елді балам,  
Расыңды айтсаңшы енді маған.  
Қарабайдың ауылын сұрай беріп,  
Мұнша сұрап, Қарабай нең-ді, балам?

— Қамшыласам жүрмейді атым тосаң,  
Ене менің сорыма болдың қасаң,  
Көп кейітпей айт сана, енді бізге,  
Қарабайдың ауылын көрген болсаң.

— Біле алмадым Қарабай әлде қайда,  
Әлде болса атың мен тоның пайда,  
Арып, ашып ей, балам, мұнша іздеп,  
Қандай қатты ісің бар Қарабайда?

— Кең құдайдан жоқ екен тым-ақ тәтті  
Іздеймін деп, енеке, діңкем қатты.  
Білмесеңіз, енеке, енді айтайын,  
Қызы бар ма үйінде Баян атты?

---

\*<sup>34</sup> Қиуадан — қиыр шеттен, алыстан.

\*<sup>35</sup> Хас — (қас) — нақ, нағыз, анық, шын мағынасында.

— Алыс жерде көрінген ел ме, балам,  
Қатты жүріп атыңмен жел ме, балам.  
Қарабайдың ауылын сұрай берген,  
Сарыбайдың жалғыз ұлы сен бе, балам?

— Аякөзді жағалай бітер қайың,  
Оқып болған Баянды уатайың.  
Қарабайдың ауылын көрсет сана,  
Біротала атымды суытайың.

— Жер дүниені сен келдің бәрін құртып,  
Қарабайды қалыппым мен ұмытып,  
Жаным балам, бұ жаққа қарай түспі,  
Көріне ме ешнеме қарауытып?

— Ініңізді жамандап табалама,  
Құдай әуре қылған соң оңала ма?  
Қарауытып бір нәрсе көрінеді,  
Қарабайдың ауылы сол бола ма?

— Қарабайды сұрадың мұнда келе,  
Тұр деп әуре қыласың мені неге?  
Әбдеп болжап қарашы, жаным, балам,  
Қарамола, Қараадыр көріне ме?

— Қарамола, Қараадыр көрінеді,  
Қарауға да енекем ерінеді.  
Қарамола, Қараадыр көріп тұрмын,  
Қарабайдың жайлаған жері ме еді?

— Қарамола, Қараадыр көріне ме,  
Сен тұр деп әуре қыласың мені неге.  
Қарамола көрінсе бойы соның,  
Қараадырдан қой-малдар біліне ме?

— Қарамола көрінген түйесі ме оның,  
Қараадырда жайылған қойы ма оның?  
Қарамола, Қараадырды көріп тұрмын,  
Қай жағынан жүрейін енді соның?

— Қайдан тауып сен келдің мұнда ғана,  
Жайлаушы еді сол жерді жылда ғана.  
Қараадырды қақ жарып, жаным балам,  
Сол молаға барғайсың тура ғана.

— Сізден басқа жұрт маған ел емес-ті,  
Қарабайдың қылығы жөн емес-ті.  
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,  
Ей, енеке, тауып берші бір кеңесті.

— Сүйгенінен айрылған жер таянды,  
Қылған ісің Қозыкем жұртқа аян-ды.  
Алтын күйме ішінен шығушы емес,  
Енді қайтіп көресін сол Баянды.

— Мың жылқыдан ат міндім мен жа-  
панда  
Құдай сірә қоспасын жар жаманды.  
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,  
Сен таба көр, енеке, бір амалды.

— Қозы Көрпеш құл болып түсер қойға,  
Сүйтер ме деп жігіттікте келеді ойға.  
Жұмыршақты\*<sup>36</sup> басыңа кие салып,  
Тазша болып барғайсын Қарабайға.

— Тауды, тасты күнренте жел ескенде,  
Баян қайда жүреді ел көшкенде?  
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,  
Не деп жауап берейін, сөйлескенде?

— Жасағанның ісіне жоқ-ты шараң,  
Мен қайтейін оңдасын аллатағалаң,  
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,  
Кісілікке жүрмін де, байғұс балам.

Тартады екен Қозыкем күйді дейді,  
Енді қайтып көрменді үйді дейді,  
Бір тоқтышы сол жерде соя салып,  
Жұмыршағын басына киді дейді.

— Есен-аман баламды келтіргейсің,  
Қодар құлды амалдап жітіргейсің.  
Зиян келсе, а, балам, сонап келер,  
Ебін тапсаң Қодарды өлтіргейсің.

— Енеке, Қодар бізді нетер дейсің,  
Осылай етіп дүниең сенің өтер дейсің.  
Өзгесінен сақтасын бір құдайым,  
Есіктегі Қодар құл қайтер дейсің.

— Барар болсаң сен енді жылдам жөне,  
Қарабайдың құлдары талай неме,  
Қисық құлын ол кәпірдің не деп болмас,  
Асы болып\*<sup>37</sup> құдайға олай деме.

\*<sup>36</sup> Жұмыршақ — іші қызыл құртқа толған жылқының таз қарыны. Ер-те кезде таз кісіні емдеу үшін соны басына тартатын.

\*<sup>37</sup> Асы болу — жазып-жаңылу, жазықты болу, төңіріден жазу.

Тазша болып Қозыкем кетті дейді,  
Аякөзден сал байлап өтті дейді.  
Әншейін-ақ қолаңдар адам болып,  
Қарабайдың қасына кепті дейді.

Қарабайдың қасына келді дейді,  
Тәңірі салған ісіне көнді дейді.  
Қарабайдың қасына келіп тұрып,  
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

— Әлейкім, Қарабай, сәлем дейді,  
Мен көрмеген бұл қалай адам дейді.  
Атың арық, өзңі аш, қайдан жүрсің,  
Жаным қалай адамсың, балам дейді.

— Ел ішінде қаңғырған мен бір ғарыш,  
Келген едім алыстан атым арып,  
Күн көрермін деп жүрмін, жан атеке,  
Сіздей ғана біреудің малын бағып.

— Ақылыңа жетпеген баламысың,  
Енші бөліп берейін аламысың.  
Мен де өзіндей біреуге кем-тар едім,  
Маған бала, жарқыным, боламысың?

— Ай, атай, жаңа келді менің бағым,  
Жоқ үйде меніңдағы аға, інім,  
Енді сізге мен байғұс мойындадым,  
Сізден артық адам табылмас маған адам.

— Жылқы бақсаң, міне көр қара жалдан,  
Еш зиян көрмессін кемпір-шалдан,  
Өз еркіңе салайың, жаным балам,  
Сүйгеніңді баға көр, мынау малдан.

— Келе жатып мен өзім ойлағанмын,  
Ойлап-ойлап ой түбін қоймағанмын.  
Өз еркіме салсаңыз, ей, атеке,  
Жанға тыныш, әйтеуір, қой бағамын.

— Қартайғанда мен қойды бақтым  
дейді.  
Тазшам жаңа жанымға жақтың дейді.  
Үйге барып Қарабай қуағады,  
Мен бір қойшы жігітті таптым дейді.





Қозы Көрпеш көңіліне қайғы салды,  
Бір Баянның зауқынан бақты малды,  
Көтере алмаған тоқтыны кісі болып,  
Оң жағының санынан шымшып алды.

— Асықпай тұр, бәдірек қаның тасса,  
Қымыра қыл да іше бер, қарның ашса.  
Қойға келген жерімде ондай етіп,  
Менің теңім сен бе едің, шұнақ Тазша?!

— Мұндай тиіп жұмсама құлды Баян,  
Құдай әуре қылды ғой бізді Баян,  
Ай аулақта сұрайын, осындайда,  
Құдай қосқан қосағың кім-ді Баян?

— Баян әрмен жөнеліп кетті дейді,  
Сірә қалай осы адам депті дейді,  
Сол Тазшаның сол жерде айтқан сөзі,  
Көкейінен Баянның өтті дейді.

Қозы Көрпеш құл болып қойға түсті,  
Жасағанның қылығы сондай күшті,  
Бұрын сірә ештеме білмейді екен,  
Енді Баян ішіне пікір түсті.

Амал тауып Баянға бара алмайды,  
Жақындатып қасына ала алмайды,  
Алты ай қойын бақса да Қарабайдың  
Сонан артық ештеме таба алмайды.

Қойды тастап Қозыкем жылқы бақты,  
Қарабайдың жанына жаңа жақты.  
Көгел жерге желіні тартып барып,  
Жұмырықпен қазықты бір-ақ қақты.

Жер дүниеге кетеді жылқы түнде,  
Қайтара көр, Қодар құл шапшаң мұнда.  
Қарабайдың жылқысын сол алпыс құл,  
Өзер түгелдеп болады алпыс күнде.

Тазша байғұс кетеді ерте тұрып,  
Айғай салып тұрады иттей ұлып.  
Баға алмаған жылқысын алпыс құлдың,  
Жалғыз өзі келіпті түгел қылып.

Жылқы жияр Қозыкем айғай салып,  
Құрығына жидесін\*<sup>40</sup> байлай салып,

---

\*<sup>40</sup> Жиде — жейде (Ішкі) көйлек.

Жалғыз жылқы қалмастан жиылыпты,  
Келді дейді ауылға айдап алып.

Оны естіп алпыс құл арланады,  
Жылқы баққан бір Тазша зарланады.  
Ол Тазшаның, жігіттер, қылығына,  
Үйде отырып, Қарабай таң қалады.

Қозы Көрпеш бір нәрсе ойлайды-мыс,  
Құрығын Қодар құл да қоймайды-мыс.  
Қозыкемен жылқыға бара жатып,  
Аударыспақ алпыс құл ойнайды-мыс.

Қозыкені әпкеліп, мал бақтырды,  
Мал баққанын Тазшаның жұрт жақ-  
тырды.

Аударыспақ алпыс құл ойнаған соң,  
Әрқайсысын әр жерге (бір) лақтырды.

Өткен іске өкініп біз кетелі,  
Біраз айтып мұратқа бір жетелі,  
Ат үстінен Қозыке лақтырса,  
Алты құлаш түсіпті құл көтені.

Қозы Көрпеш жарына жаңа жеткен,  
Арасында Қодардың несі кеткен?  
Түсіп қалған көтенді саламын деп,  
Ептей алмай құлдардың есі кеткен.

Қозыке мен Қодар құл жақындайды,  
Жақындасып Қодар құл тақымдайды,  
Суға апарып батырса Қозы Көрпеш,  
Мен өлдім деп Қодар құл ойбайлайды.

Айдалада алпыс құл арланыпты,  
Қодар батыр сол жерде қорланыпты,  
Айдалаға шыққан соң тамам құлдар,  
Бір Тазшамен алыспақ ойнасыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың мөлдір көзі,  
Сірә хате кетпейді айтқан сөзі.  
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң  
Алпыс құлды басыпты бір-ақ өзі.

Қозы Көрпеш сол құлдан жас-ты дейді.  
Арақ ішкен Қодар құл мас-ты дейді.  
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң,  
Алпыс құлды бір Тазша басты дейді.

Тұс-тұсынан алпыс құл алаң қылды,  
Бір Тазшаның жанына жаман қылды,  
Алпыс құлдың бәрін де жығып тұрып,  
Ең үстіне салыпты Қодар құлды.

Бұл Тазшада қайғы бар мұңды дейді,  
Бір-ақ өзі басыпты құлды дейді.  
Пәле болған қу Тазша, тұршы жылдам!  
Түгел менің қабырғам сынды дейді.

Сірә Қодар жүрмейді көтін қысып,  
Мақтанбандар, барыңды мықты басып.  
Қодар екем тұрайын деген болса,  
Басып-басып жіберді нықтай түсіп.

Тазша бала болар ма мұндай мықты,  
Алпыс құлды бір өзі басып жықты.  
Жығылғандар астан, үстен қышқырады,  
Ойбай, менің көтімнен боғым шықты.

Тазша байғұс үстінен тұрды дейді,  
Қыран-топан сол құлдар болды дейді.  
Ең үстінде Қодар құл күрсінеді,  
Құдай мені, жігіттер, ұрды дейді.

Тазша тұрып армаған кетті дейді,  
Қыран-топан құлдарды етті дейді.  
Бір айналып Қозыкем қайтып келсе,  
Қодар үйге күрсіне кетті дейді.

— Мынау Тазша бұ маған қылған сөйді,  
Құдай мені, жігіттер, ұрған сөйді,  
Бір отырған орнымнан қозғалтпайды,  
Түгел менің қабырғам сынған сөйді.

— Ыдқылдайсың, бір жаман дерт бол-  
ды ма,  
Саған қарар сұмда бет қалды ма,  
Бір отырған орныңнан қозғала алмай,  
Қодареке, бір жерің мерт болды ма?

Тұр десем де жатасын сірә тұрмай,  
Айтса, тілді алмайды Тазша сұмрай.  
Түгел менің қабырғам қиратылды,  
Жазылмаса, ау, мені ұрды құдай.

Тазша бізге бір неме нетер дейсің?  
Әлі қайтіп Тазшаның жетер дейсің?

Қалжа жесең жазылар, жатып тұрып,  
Қодареке, қабырғаң нетер дейсің?

\* \* \*

Онсан ноғай бір жиын етті дейді,  
Сол жиынға жұрт жиылып кетті дейді.  
Өкпе-бауыр ап келіп берейік деп,  
Тазша малға қала көр, депті дейді.

Адам қалмай жиынға жұрт кетіпті,  
Ала тайға жігіттер тіл бітіпті.  
Күн жайлатып бір амал таба көр деп,  
Қозыкеме сол жерде үйретіпті.

Алып келіп бесін байлатыпты,  
Қара боран соқтырып жайлатыпты.  
Тағыдағы бір амал тауып бер деп,  
Ала тайды сол жерде ойлатыпты.

— Астын-үстін бұлан қыл, ойран-топыр,  
Андамаса, Қозыкем өзің білдір.  
Мынау малың қырылды, жаным Баян.  
Елден бұрын кел-дағы мені сыпыр.

Сүйдеді де ала тай қалды дейді,  
Жүгіріп үйге Қозыке барды дейді.  
— Шашпаңырақ тұра көр, жаным бике,  
Мынау малың қырылып қалды дейді.

Сол Баянды оятып алды дейді,  
Ала тайға жүгіріп барды дейді.  
Ала тайға жүгіріп барған екен,  
Қос аяқтап жүректен салды дейді.

Ала тайға жүгіріп барды дейді,  
Қос аяқтап жүректен салды дейді.  
Қос аяқтап жүректен салған екен,  
Алтын айдар жарқырап қалды дейді.

Ұйықтап жатқан сол Баян ояныпты,  
Жүгірерге табанынан аяныпты.  
Алтын айдар шумақтап келе жатса,  
Түбі келіп Тазшаға таяныпты.

Баян жетіп жылқыға келді дейді,  
Бұған енді не амал болады дейді,  
Баян жетіп жылқыға жақын келсе,  
Жарқыраған айдарды көрді дейді.

Болған боран болды да тына қалды,  
Құдай қайдан Тазшаны ұра қалды.  
Айдар келіп Тазшаға таянған соң,  
Ішін тартып сол жерде тұра қалды.

Жау айдағыр бұ шіркін малды дейді,  
Тазша мұнда жоғалып қалды дейді.  
Жерден Баян көтеріп алды-дағы,  
Аулақ үйге апарып салды дейді.

Қозыкені сол жерде білді дейді,  
Жақсы көріп бетінен сүйді дейді.  
Аулақ үйде екеуі сөйлескен соң,  
Сонда айқасып екеуі қалды дейді.

Боран борап түгел мал ықты дейді,  
Өз ісіне Қозыкем мықты дейді.  
Өз жарымен ойнасып Қозы Көрпеш,  
Бір құмардан екеуі шықты дейді.

Қарабайдың құлдары көпті дейді,  
Келе сала бір нәрсе етті дейді.  
— Торғай жырлап тұрады сұлу Баян,  
Таң атыпты түрегел депті дейді.

Адам қалмай жиынға кетті дейді,  
— Жата тұршы, аһ жарым, нетті дейді.  
Таң атбақтан күн шықсын шырағым-ау,  
Тар төсекте жан шықсын депті дейді.

Қодар енді жиыннан қайтар дейді,  
Тазша келіп Баянмен жатыр дейді.  
Екеуінің жатқанын көре салып,  
Қайтып барып жиынға айтты дейді.

— Айдалаға Тазша екең құрар шатыр,  
Қызыңызды құшақтап Тазша жатыр.  
Қарабайым той тойлап мұнда жүрсің,  
Қызыңызды тойлатып онда жатыр.

\* \* \*

Қарабай жиын тастап келді дейді,  
Жиын қылып жиыпты елді дейді.  
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,  
Бұған не амал болады енді дейді.

— Сол Тазшаны әрманырақ жытырыңыз,  
Жытырмасаң шақырып келтіріңіз,

Бір Тазшаға түгел жұрт қысым қылып,  
Соны араққа мас қылып өлтіріңіз.

Бір тазшаға түгел жұрт қысым қылды,  
Алып келіп тамам жұрт аяқ ұсынды,  
— Шанап қылып берейін тамағыңа,  
Енді сенің аһ, байғұс, (мысың) құрды.

Қылды дейді бір ұшын балағына  
Тоғыз бегі қарайды қабағына  
Ішкен кісі бол-дағы құя бер деп,  
Шанап қылып беріпті тамағына.

Босағада құл отыр екі жақтап,  
Арақ ішпес Қозыке әлін шақтап.  
Жүгіре шығып Қозыкем кеткен екен,  
Бірін-бірі қалыпты (құл) пышақтап.

Жүгіріп атқа Қозыкем барды дейді,  
Үзеңгіге аяғын салды дейді.  
Қафияда түгел жұрт қайдан білсін,  
Апыр-топыр адасып қалды дейді.

Жүрген екен Қозыкем сөзге қанып,  
Бал ашады қолына кітап алып.  
Қозы Көрпеш құтылып сала берді,  
Алдын ашық, артына тұман салып.

Анау әрмән құтылып кетті дейді,  
Жібермеймін осы жерде көпті дейді.  
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,  
Оған не амал болады депті дейді.

Қала жаздық осы жерде қанға батып,  
Бір кеткен соң сол келмес енді қайтып.  
Пышақтасып осы жерде өле жаздық,  
Қаңғырып жүрген немеге қайдан қалдық.

Ол басында Қозыкем өзі сұм-ды,  
Шоқ теректі барды да мекен қылды.  
Мұндай сәрсен етерін білер болсам,  
Баяғыда-ақ қырмас па едім мұндар  
құлды.

Боз бұшыққа мінді де кетті қашып,  
Баян үйден қарайды жапсар ашып.  
Шоқ еректің түбінде торғай көріп,  
Боз торғайы береді мейіз тасып.

Боз торғайды жіберер біліп кел деп,  
Есен болса сол жарым көріп кел деп.  
Бес бауырсақ, бір күлше арқалатты,  
Азық қылсын жарыма беріп кел деп.

Қалған екен Қозыкем түзде жүдеп,  
Торғай ғарып қайтыпты бір күн түнеп,  
Қуанғаннан боз торғай келе салып,  
Қуантыпты Баянды сүйінші тілеп.

Күнде барып боз торғай келеді екен,  
Баян азық жасырып береді екен,  
Боз торғайдың келгенін, азаматтар,  
Аңдып жүріп жеңгесі көрген екен.

Боз торғайы бір жырлап келді дейді,  
Жеңгесі тыстан тыңдай қалды дейді.  
Жаңа Баян жіберіп жатқанында,  
Сол жеңгесі мойынан ұстап алды дейді.

— Жеңеше, торғайымды жібер,—  
дейді.

Осы торғай ерімді білер,— дейді,  
Осынша мойын салып тілесе де,  
Құрыш қалғыр жеңгесі жібермейді.

Баян жылап ішінен күңреніпті,  
Ерте кеткен Тазшаны кім көріпті.  
Мойны үзіліп торғайдың бара жатса,  
Жазған Баян аяп та, жіберіпті.

Баян жылап сол жерде тұрды дейді,  
Торғайды әуре сол жерде қылды дейді.  
Көріп жүрген Тазшаны айтпайсың деп,  
Түгел жүнін торғайдың жұлды дейді.

Мен не қылам тәңірге жоқ дегенде,  
Ештемені көргенім жоқ дегенде.  
Өзге жұлын жұлғанда үндемейді,  
Төбе жүнін жұлғанда «шоқ» дегенде.

Торғай ғарып бір жақтан келді дейді,  
Аңдып жүріп жеңгесі көрді дейді.  
Төбе жүнін жұлған соң боз торғайдың,  
«Шоқ» деді де, боз торғай өлді дейді.

Етін асып, торғайды қайнатыпты,  
Сауын етіп, биесін байлатыпты,

Боз торғайы Баянның «шоқ» деді деп,  
Жұртын жиып Қарабай ойлатыпты.

Алыс болып Баян қыз бара алмайды,  
Жыты\*<sup>41</sup> хабар жарына бере алмайды.  
Жұртын жиып Қарабай ойлатса да  
Сан кісіден бір кісі таба алмайды.

Асықпаңыз, жігіттер, келсін Қодар,  
Қарай-қарай Қодарға көзі талар.  
Сан кісіден бір кісі таба алмады,  
Мұны ақыр, жігіттер, Қодар табар.

Жоғын қарап Қодар құл келді дейді,  
«Шоқ» деді де боз торғай өлді дейді.  
Сан кісіден бір кісі таба алмады,  
Сен таба көр, Қодарым, енді дейді.

Кім ап кетті осы жұрттың ақыл-есін,  
Таба алмайды еш ойлап мұның несін,  
Боз торғайы Баянның «шоқ» деп өлсе,  
«Шоқ теректің» түбінде жатқызған сол.

Мінді дейді Қодар құл көк серекті,  
Өлтірермін ол тазша бәдіректі.  
Елін-жұртын Қарабай жиып тұрып,  
Енді іздемек болыпты Шоқ теректі.

Бұрын құлды Қозыкем боқтайды екен,  
Ояу болса, Қодарды мықтайды екен.  
Бір ұйықтаса, жігіттер, Қозы Көрпеш,  
Күні-түні он төрт күн ұйықтайды екен.

Елін-жұртын Қарабай алды дейді,  
Баян жылап үйінде қалды дейді.  
Басын алмай мен сірә келмен-ді деп,  
Шоқ теректің түбіне барды дейді.

Айдалада құрулы шатыр дейді,  
Алтын айдар жарқырап жатыр дейді.  
— Әлде болса Баянға қосалық деп,  
Мұнан артық табылмас батыр дейді.

Көңілім менің бұзылды әлде неге,  
Жағып жүрген неме еді ата-енеге.

---

\*<sup>41</sup> Жыты — тез, шашпаң, қолма-қол. Жыты қара — тез хабар алатын қараул орны (см. Кипргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с. 89).



Әлде болса Баянға қосалық біз,  
Мұнан артық берерміз қай төреге?

Көргеннен соң Қарабай қыя алмайды,  
Көздің жасын сол Баян тыя алмайды.  
Ажал жетсе, жігіттер, амал болмас,  
Қан тартып тұр, Қозыкем оянбайды.

Сүйдеді де Қарабай қайтты дейді,  
Қайтыңыз деп Қодарға айтты деді,  
Басын алмай мен сірә қайтпаймын деп,  
Қамыс оқпен жүректен атты дейді.

Бәсі\*<sup>42</sup> тым-ақ Қодардың қатты дейді,  
Қамыс оқпен жүректен атты дейді,  
Қамыс оқпен жүректен атқан екен,  
Оғыменен айқасып жатты дейді.

Өлген соң Қозыкемнің әлі нешік,  
Барады енді Қодардың көңілі өсіп.  
Бұл Қодардың қылығын қайтерсің,  
Бара салып алыпты-ау басын кесіп.

— Еш декбірің жоқ екен әлі де ата,  
Ақша бетім сарғайды жалғыз жата.  
Атың арық, өзіңнің жүзің сарық,  
Қайда барып келдің-ау, айт сана, ата

— Бір жаман ат қайтейін бодды маған,  
Жүр, деді-дағы қоймады Қодар ағаң.  
Өткендердің соңынан өкінбеңіз,  
Қозыкедей мырзаны таптым саған.

— Тілімді алмай сен қайда кетіп келдің,  
Менің немді бітіріп жетіп келдің.  
Тілімді алмай сен сонда кетіп едің,  
Құдай қосқан жарымды нетіп келдің

— Мен біреудің тіліне сеніп келдім,  
Алла оңғарса, сіздерді беріп келдім.  
Өткен ердің соңынан өкінбеңіз,  
Қозыкедей мырзаны көріп келдім.

— Алжып жүрсің, ай ата, өлейін деп,  
Ойлаушы едім өнерін көрейін деп,

---

\*<sup>42</sup> Бәс — талас, күншілдік, күндестік.

Күйеуіңді өлтіріп азған қақбас,  
Қодар құлға келдің бе берейін деп.

— Елден елді қыдырып барайын да,  
Емен таяқ қолыма алайын да,  
Елден елді қыдырып, жаным балам,  
Бір теңдесіңді мен іздеп табайын да.

— Енді не деп барасың елге ата,  
Мен бейбаққа қыламысың екі бата?  
Елден сәуірік жиярға байтал емен,  
Төсек салып жатағын өзің қайта.

Сірә, маған жақпайды сенің сөзің,  
Қарай-қарай төрт болды екі көзім,  
Ақ шимайлы, ақ отау бер тіктіріп,  
Мені алып жата қал, атам, өзің.

Қодар түзден бір ойды ойлап келді,  
Мойнын созып Баянға бойлап келді.  
Бұ Қодардың мінезі тым-ақ тентек,  
Басын кесіп жанына байлап келді.

Қырық құлаш Баянның шашы дейді,  
Бұ Қодар құл құдайға ғасы дейді.  
Алып келіп Баянға тастай берді,  
Ал, басты қара, байыңның басы,— дейді.

Бәрекелді Қодардың тентегіне,  
Баян сұлу жүрмейді жетегіне.  
Ал, байыңның басы,— деп тастай берсе,  
Баян тосып алыпты-ау етегіне.

Құлдан өлген болар ма мұндай ғайып,  
Үндемеді ол бастан бабам Қайып\*<sup>43</sup>.  
Алған байы өлген соң жазған Баян,  
Бетін жыртып жылайды-ау шашын  
жайып.

— Өлгендердің соңынан өлме сана,  
Өзге адамға көңіліңді бөлме сана.  
Мына жалған дүниеде кім қалмайды,  
Ақша бетке дақ сала берме сана.

— Қодареке, қай жақтан келдің жетіп,  
Енді мені кім алар сенен өтіп.

---

\*<sup>43</sup> Баба Қайып, Қайып-ерен — халық жырында қамыққан жолаушыға көмек беретін оның досы.

Енді мені сен алмай кім алады,  
Сол жарымды кел сана, бір көрсетіп.

Баянды ертіп алып кетті дейді,  
Көрсетейін жүріңіз депті дейді.  
Алған байын өлтіріп бәдірек құл,  
Бұлай әуре Баянды етті дейді.

Сол Баянды Қодар құл көзден салмас,  
Бәдіректің қылығы естен қалмас.  
Өлген ерін сол Баян іздеймін деп,  
Бара жатып Қодармен болды жолдас.

Қылшадайын Баянды құл жақтайды,  
Аламын деп Қодарқұл ыржақтайды,  
Қодар құлдан бір зиян келе ме деп,  
Баян сұлу бетіне бөз қаптайды.

Қодар зиян Баянға тидіріпті,  
Көңілін бермей Қодарды күйдіріпті,  
Алдап қана Қодардың көңілін аулап,  
Шүберектің сыртынан сүйдіріпті.

Он екі айдың жақсысы жаз болады,  
Жаздың алды үйрек пен қаз болады.  
Шүберектің сыртынан сүйдіргенге  
Көкірегі қош болып, Қодар құл мас бо-  
лады.

Сол Баянның тазасы аққудан ақ,  
Жаны шықпай құр пысып жүр Қодар  
құл-ақ.  
Шүберектің сыртынан сүйдірген соң,  
Ақ бетіне түсіпті Баянның дақ.

Құлға Баян тие ме қазақ құрып,  
Құлға не деп тисін-ау құдай ұрып.  
Ойнағандай ойпат жер, жаным бике.  
Баянменен келеді әзіл құрып.

— Қодареке, жүре бер жөніңменен,  
Құдай енді қосты ғой сеніңменен.  
Сол жарымды бастап бір көрсет сана,  
Ойнарыңыз қашама меніңменен.

— Сенің жарың емес пе анау жатқан,  
Қодарекең жүректен мықтап атқан.  
Мақтап жүрген байың ба мынау Баян,  
Бір-ақ тартып Қодекең ыңқылатқан.



Шығамын деп аяғы тая берді,  
— Тарт сана, деп құшағын жая берді,  
Тартып тұрып құдықтың жағасына  
Шапсын кесіп шыңырауға қоя берді.

Қодар құлдың ажалы жетті дейді,  
Бұйда пышақ өкпеден өтті дейді.  
— Ойбай, Баян, сен маған бұлай қыл-  
дың,  
Мені тентек Баян жан, құдай қылды.

Қозыкеден аһ Баян онда айрылдың,  
Мұнда тірі байыңнан тағы айрылдың.  
Қозыкенің алдың қой (өлі басын),  
Екеуімізден айрылып қараң қалдың.

— Құл да бұлай болар ма, сірә ғана,  
Ажал айдап жүр екен сені ғана.  
Баян сұлу керек пе шетемір құл,  
Алатұғын неме екен мені ғана.

Енді өмірді тілеймін көбірек күн,  
Ақылыңды мен білдім өзімнен кемірегін.  
Сен қылғанды, а Қодар, мен де қылдым,  
Соныңменен жаға тұр бәдірегім.

\* \* \*

Қодар өліп, құдықта қалды дейді,  
Баян жары қасына барды дейді.  
Баян жары қасына барып тұрып,  
Басын бұрып, мойнына салды дейді.

Қырық күн жауын жауыпты бір жел  
тұрып,  
Баян келді құдықтан құлды өлтіріп.  
Қодар құлды өлтіріп келгенен соң,  
Алған жарын жоқтайды енді өкіріш.

Жоқтағанда не дейді енді Баян,  
Салғанына алланың көнді Баян,  
Кішкентайдан бір өскен құдайым-ай,  
Өзі жоқтай басыңа келді Баян.

— Жатырмысың ей, жалғызым, жер  
бауырлап,  
Қарға жүні қамыс оқ оны ауырлап,  
Құдай қосқан қосағың Баян келді,  
Тұра келсең негеді күліп-ойнап!

Кішкенедең атадан жетім едің,  
Тілін алмай жұртыңнан кетіп едің,  
Сан кісіге болармын деуші едің ғой,  
Есіктегі Қодардан нетіп өлдің?

Байғұс сені не қылып қара басты,  
Қодар оғы шырағым араласты.  
Жасағаным, құдайым жан беретін,  
Құшақтасар күн бар ма қойындасып?

Жатырмысың ей, жалғыз, жалғыз оққа,  
Жанбасыңа жер өтті, жаның жоқ па?  
Әзер\*<sup>45</sup> жақсы болса да қайғырмаңыз,  
Інісі жоқ артында жалғыз боққа.

Кішкенедең атадан қалдың жетім,  
Күнге күйіп сарғайды ақша бетім,  
Құдай сені көзіме көрсеткен соң,  
Көрмей қалдың дүниенің өнер бетін.

Құлдан қисық болар ма мұнан асқан?  
Жаным жалғыз қан тартып қара бас-  
қан.

Көрсетпесі бар екен өнер бетін,  
О бастан-ақ құдайым неге қосқан?

Ақылы азған, ей қақбас, о бастан қос-  
пасаңшы,  
Қосқаннан соң сөз бұзып қашпасаңшы!  
Кімнің құлын аядың жалғыз байғұс,  
Баяғыда қырып-ақ тастасаңшы!

Алтынды ер, ақ боз ат міне алмадым,  
Мен бүйтерін Қодардың біле алмадым.  
Өзің қостың а, тәңірі, өзің алдың,  
Бір армансыз мен ойнап күле алмадым.

Бір пәледен құтылып қаша алмадың,  
Қара басып ұйқыңды аша алмадың,  
Ояу болсаң, ол итке қылар едің,  
Ұйықтап жатып Қодарды ата алмадың.

Сені естісе жұртыңыз жылар ма екен?  
Атың тұлдап\*<sup>46</sup>, қараңды қылар\*<sup>47</sup> ма екен?

\*<sup>45</sup> Әзер — тіпті сонша.

\*<sup>46</sup> Ат тұлдау — тұл қалған аттың құйрығын кесіп (тұлдап), оны өлген іесіне арнап жіберу.

\*<sup>47</sup> Қара қылу — қара жамылып, аза тұту.

Жасағаннан жаныңды тілеп тұрмын,  
Баяғындай ойнар күн болар ма екен?

Бү Баянның ойлаған ойы дейді,  
Басын оңға қаратып қойды дейді.  
Құдайынан сол жерде жан тілейді,  
Астындағы ақ боз ат сойды дейді.

Жылайды екен сол Баян сана қылып,  
Құдай қойды көңілін ала қылып.  
Алған жары өлген соң жазған Баян,  
Күні-түні жылайды-ау налы болып<sup>\*48</sup>.

Қозыкеме тұлдайды қара көкті,  
Әулиеге сыйынып көп түнепті.  
Ақ боз атты құдайға айтып сойып,  
Құдайынан сол жерде жан тілепті.

Баянның барады енді дәурені өтіп,  
Құдай қойды байғұсты әуре етіп.  
Күні-түні зар қылып тілегенде,  
Бабай түкті шапты Әзиз келді жетіп.

Ақ шалмалы біреу келді аты ақсаған,  
— Қаңдай адам далада зар қақсаған?  
Тілегіңді тілеші, жаным балам,  
Бір тілекті берейін енді саған.

— Налыс қылсам һауадан пірім келер,  
Таяғы бар түбінде аса темір.  
Тумай тұрып қосылған жарым еді.  
Енді бұған тілеймін жеті ай өмір.

— Салғанына алланың көндің дейді,  
Дауысыңа шыдамай келдім дейді.  
Тілегенің сол болса, жаным балам,  
Жеті ай өмір мен саған бердім дейді.

Жер дүниенің бәрі де күңреніпті,  
Мұндай ақырзаманды кім көріпті?  
Өліп қалған, жігіттер, Қозыкеме  
Бабай түкті шапты әзиз жан беріпті.

Жасағанның қылығы күшті дейді,  
Сырлы аяққа бал құйып іпті дейді.  
Үш күндейін ойнасып жарыменен,  
Баяғыдай тербене түсті дейді.

<sup>\*48</sup> Налы — налу, күйіну, зарығу, зарлау.

Мінді дейді Қозыкем көк серекті,  
Мекен қылды сол жерде Шоқ теректі.  
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,  
Кезді дейді шарық ұрып төңіректі.

Өз жұртынан Қозыкем безді дейді,  
Дүниеден күдерін үзді дейді.  
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,  
Дүниенің төрт бұрышын кезді дейді.

Ердің жасы екі төрт бел-ді дейді,  
Салғанына алланың көнді дейді.  
Жеті ай түгел қыдырып, Қозы Көрпеш,  
Төрт бұрышынан дүниенің келді дейді.

— Кесір құлдан құдайым жасқана ма,  
Жақын келші, Баян жан қасқанама.  
Еңсем түсіп барады, алла менің,  
Жастық қойшы, а Баян басқанама.

Әр тарапты қыдырып келді дейді,  
Бармаған жер қалмаған енді дейді.  
Шоқ теректің түбінде күні бітіп,  
Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді.

— Қалған жаным не болар мұнан аяп,  
Ақша бетін салыпты қанға бояп.  
Құшақтасып сол жерде жата қалды,  
Бұйда пышақ ұшына ішін таяп.

Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді,  
Үш жылдан соң бір адам көрді дейді.  
Көрген адам сол жерде танып тұрып,  
Екі айырып екеуін көмді дейді.

Қалған екен Қозыкем сағынысып,  
Бір жатыпты қара кіс жамылысып.  
Ақ жұмыртқа болысып жерден шығып  
Жер жүзінде ойнайды шағылысып.

Ата, анасы Баянды қарамайды,  
Балам қайда кетті деп сұрамайды.  
Ақ жұмыртқа болысып жерде ойнаса,  
Қоңыз болып Қодар құл аралайды.

Қозыкемнің түбіне Қодар жеткен,  
Екі айырып екеуін көміп кеткен,  
Баян менен Қозыкем тек емес-ті,  
Екі жерден байтерек болып біткен.



Қозыкемен Қодар құл атысыпты,  
Бірге барып жарымен жатысыпты.  
Екі жерден байтерек болып бітіп,  
Басы барып бірігіп жабысыпты.

Дәрі құяр сол Баян жарасына,  
Қодар құлдың қылығын қара сана.  
Қозыкені өлтірген анау Қодар,  
Шеңгел болып бітіпті арасына.

Құл өлтірген мырзаны қай халықта,  
Сол Қодарды Баян да жай қылыпты\*<sup>49</sup>  
Қозыкені өлді деп естіген соң,  
Сонда жүріп сол Айқыз қайғырыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың жалғызы еміс,  
Баян сұлу сіңлісі Айқыз еміс. .  
Қозыке өлсе қайғырған Айқыз сұлу,  
Қозыкеңнің туысқан балдызы еміс.

Алпыс құлдың Қодар құл басы дейді,  
Қозыкемен өштескен қасы дейді.  
Қозыкені өлді деп есіткен соң,  
Тамағынан өтпейді Айқыздың ішкен  
асы дейді.

Құл көрінсе жарайын бәрін де деп,  
Бұ қайдан келген шұнақ құл, жерінде  
деп,  
Айқыз солай зар қылып жүргенінде,  
Қозыкені есітті тірілді деп.

Бір қылмысты айтады мен Аймын деп,  
Тәңірі салса, әрине, көнемін деп.  
Жүгіре шығып сол Айқыз кетті дейді,  
Жездем менің тірілсе көремін деп.

Ғажап тарих құдайым істепті,  
Қодар құлға Баянды көрсетіпті.  
Айқыз жолда жете алмай бара жатса,  
Қозыкені өлді деп тағы есітті.

Қозыкемен Қодар құл қас болыпты,  
Алпыс құлға Қодар құл бас болыпты.  
Қозыкені өлді деп естіген соң,  
Тұра қалып сол жерде сынтас бопты.

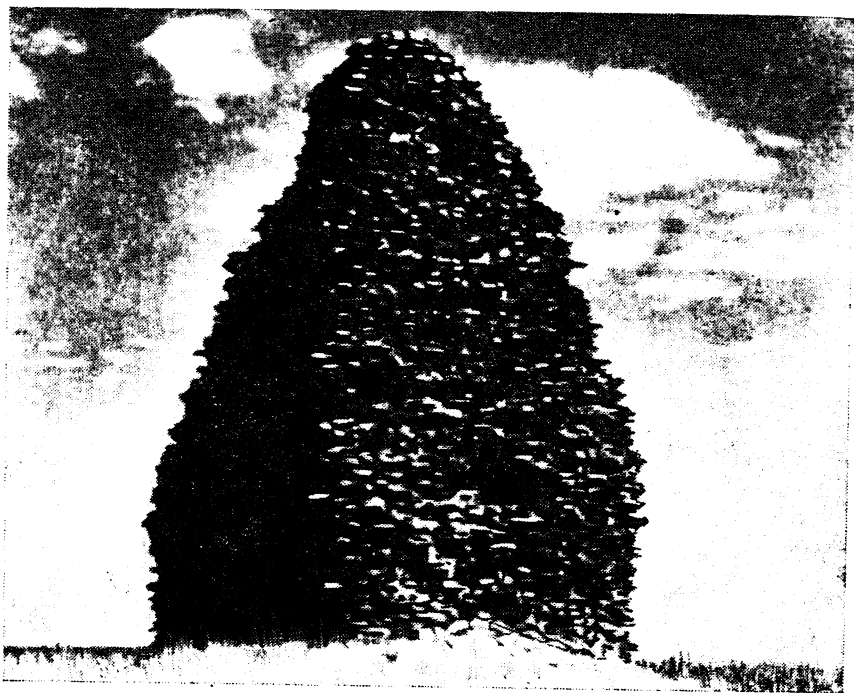
---

\*<sup>49</sup> Жай қылу — жайын табу, жытыру, жоқ қылу.

Қозы Көрпеш Баянның болған шағы,  
Таза гүлдей аршылып солған шағы.  
Қозы Көрпеш өлген соң Баян да өлген,  
Сондай болсын әркімнің алған шағы.

Қозы Көрпеш атанды мөлдір көзге,  
Қосылады әр жерде айтқан сөзге.  
Өлсе-дағы Қозыкем арманы жоқ,  
Сурет болып бітіпті Аякөзге.

Жан біткенді жалмаған қара жерсің  
Жалғыз туған Қозыкем сен бір ерсің,  
Жебеп-жылап жүре көр, есіңе алып,  
Ақыретке барғанда біздерді бір көрерсің.



Надгробные сооружения Қозы-Көрпеш и Баян-Сұлу на р. Аягуз.

## ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И. Н. БЕРЕЗИНУ<sup>1</sup>

10

|| Прочитав издания Ваши: Ханские ярлыки и Библиотеку восточных историков и узнав от бывшего моего наставника Николая Федоровича Костылецкого<sup>2</sup> о предложении Вашем, — поискать в языке киргизском<sup>\*1</sup> значение нескольких слов в ярлыке Тохтамыша<sup>3</sup> не употребляющихся в нынешнем татарском языке, — я отыскивал в языке нашем через расспросы старых киргиз и нашел [ряд] слов, которые спешу послать к Вам.

Прочитав Ваш перевод ярлыка Тохтамыша к Ягайлу<sup>4</sup> и перевод тарханных ярлыков Тимур-Кутлука<sup>5</sup> и Саадат-Гирея<sup>6</sup>, я нашел несколько слов, [которые] употребляются до сих пор у киргиз Средней [орды], и решился сообщить Вам их современные значения у нашего народа. Если замечания мои будут несколько [полезны] Вам, то цель моя достигнута.

По [преданиям] своим, киргизы почитают себя [потомками] татар Золотой орды<sup>7</sup>, которая в героических поэмах — джиграх — называется *نو غايلى ننگ اوز يورت*<sup>\*2</sup>, а героем всех их поэм — золотоордынских ногаев: Идигей<sup>8</sup>, его бегство к Тамерлану<sup>9</sup> и изгнание им. [Песня о] Тохтамыше составляет огромную и любимую [поэму], и могила его [находится] на горе Улутау; сказание о Уракмирзе<sup>10</sup> из рода [караул], Ир-Кокше и Ир-Кушай<sup>11</sup> — богатыри времен [Золотой] орды, суть герои их поэм<sup>\*3</sup>. Все дан-

---

\*1 [казахском]

\*2 Край рукописи оторван.

\*3 Многочисленный ногайский народ.

10 об. вые. собранием которых и теперь занимаюсь, если не<sup>4</sup> || но зато подтверждают<sup>5</sup>, что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека<sup>12</sup>, а не народ древний, о котором писал Фирдоуси<sup>13</sup>. Каждый потомок Батия хотел быть ханом и иметь народ: так я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская, союз узбеков — шейбанов и казаков<sup>6</sup>. Предание киргиз о своем происхождении оправдывается сказаниями Вашей Шейбани-нама<sup>14</sup> и جامع التواريخ, которая написана киргизом Большой орды джалаирского рода, имеющего гребенчатую тамгу<sup>15</sup>. Автор говорит о себе: (см. стр. 169) *بو توارىخ قه اوراز محمد خان* حضرتلری ننگ انا اناسیدین قوللوق قیلا کیلگان جلایر تراق تمغالی ایردی؛ جنکز نامه کتابیدین فارس تیلیندین [ترك تیلیگه او کوردی. قایوسن سونک زماندا بولغان لارنى اوز استنباطیندین تصنیف قیلدی]<sup>8</sup>.

Ураз-Мухаммед<sup>16</sup>, к которому он приехал для службы от отца и матери его, был киргизский султан (стр. 50, ч. II История. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, Левшин<sup>17</sup>); в Сибирских летописях он называется казачьим царевичем Солтаном (см. «Сибирские || летописи», приложение к статье П. И. Небольсина<sup>18</sup> «Покорение Сибири». Спб., 1849; Отеч. Записки, 1848, том LX, LXI, кн. октября, ноября и декабря).

11 [Там говорится:] «По наипозех днях князь Сейдяк<sup>19</sup> изыде из града Сибири<sup>20</sup>, с ним же царевич Казачьей орды Солтан<sup>21</sup>, да царя Кучюма<sup>22</sup> думный карача<sup>23</sup>, с ним же воинских людей 500 человек; доидоша же до места, иже именуется Княжей Луг, и начаша пущати ястребы за птицами». (Летопись Саввы Есипова)<sup>24</sup>.

Родословная Ураз-Мухаммед-хана в جامع التواريخ (стр. 140—145, داستان اوراز محمد خان بن اوندان)<sup>9</sup> чрезвычайно верна с родословными таблицами киргизских султанов, собранными здешним пограничным начальством. Привожу для примера и сличения:

<sup>4</sup> Против этих слов на полях Ч. Валихановым написано: Кучум был султан киргизский.

<sup>5</sup> Поврежден край листа.

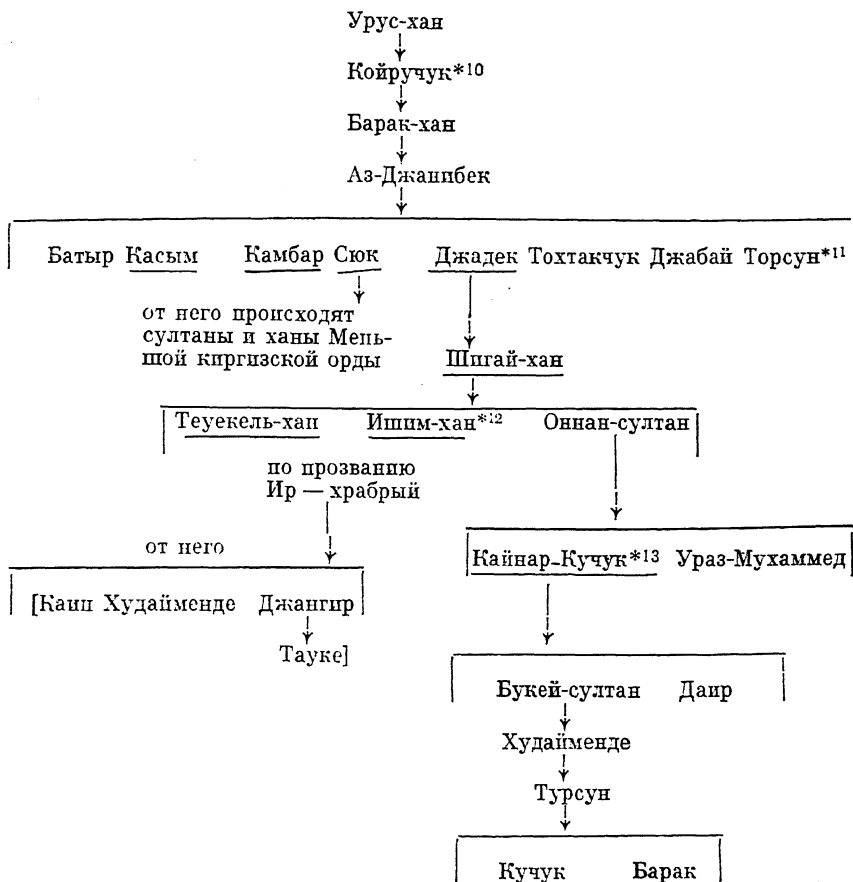
<sup>6</sup> Как думает Геродот нашего народа Левшин. [без] сомнения, слово казак и может казачество [сход]но, но кейкабадовские казаки, полагаю, [не] имеют никакого отношения с нашим казаком. (Примечание Валиханова).

<sup>7</sup> Не достает какого-то слова. (Примечание Валиханова).

<sup>8</sup> Обстоятельства появления этих летописей таковы: был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана; он эту книгу по «Чингис-наме» перевел с персидского языка. [а события, случившиеся в последующее время, описал на основании собственных исследований]. «Сборник летописей» (Жалаири). с. 169-170.

<sup>9</sup> «Рассказ о Ураз-Мухаммеде, сыне Ондана», с. 162—165.

Родословная султанов киргизских



11 об. || Посланный царя Иоанна [в] 1569 году к ногаям говорит о нападении на улусы<sup>25</sup> их казацкие орды Акназара<sup>26</sup> царя, Шигаи<sup>27</sup> царевича и Челыма царевича. По «Сборнику летописей» جامع التواريخ, Акназар *حق نظر* был сын Касыма<sup>28</sup>, Шигаи был сын Джадека<sup>29</sup>, Джадек и Касым дети Джанибека<sup>30</sup>, но имени Челыма там нет — не Тугум ли? Этот Акназар известен притеснениями своими башкир [в] 1556 г. Англичанин Дженкинсон<sup>31</sup>, бывший в

\*10 Точнее *Кюорчук*.

\*11 Подчеркнуты те, которые есть в *جامع التواريخ* (Примечание Валиханова).

\*12 В *جامع التواريخ* Ишпим назван султаном. (Примечание Валиханова).

\*13 В *جامع التواريخ* назван просто Кучук. (Примечание Валиханова).

Бухаре [в] 1556—59 [гг.], говорит о войне ташкентцев с казаками<sup>\*14</sup>. Не война ли Бурундука<sup>32</sup> с Шейбани-ханом?<sup>33</sup>

Автор *جامع التواريخ*, описывая избрание Ураз-Мухаммеда в касимовские ханы (стр. 168) [и] представляя форму престола ханского, говорит о правой и левой руках. На стороне *ميسر* [майсара] показаны два бека — один из рода аргын, другой из рода кипчак<sup>\*15</sup>, на левой [ميدنه — маймене]<sup>34</sup> джалаирец Кадер-галибек<sup>35</sup> и [Саманай]бек из рода манкут.

Автор, как джалаир<sup>36</sup>, подробно говорит об этом племени, начиная его с времен Огуз-хана<sup>37</sup>, и в конце книги подробно [излагает генеалогию своего рода, начиная от Чингиса до времен Кадер-гали]<sup>\*16</sup>.

14 || Во всех ярлыках Золотая орда называется *اولوغ اولوس*<sup>\*17</sup> и у тюркских историков и <в преданиях> народных она означает [часть] целой страны или народа и никогда не называется ордой; киргизы говорят<sup>\*18</sup>: *اور دو اولوغ اولوس* <где *اولوغ اولوس* заменяется тяжелым юртом>. Мне кажется, слово орда *اور دو* имело и прежде в Золотой орде такое же значение, как [теперь] у киргиз и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном — его ставку. Золотая орда — золотой шатер и юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название всех ставок городских, где жили ханы. Так что слова ак орда, кук орда, сары орда нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов. При отправлении этого ярлыка Тохтамыш был, как видно это из ярлыка, на летних кочевках у Дона и жил в юрте, в том смысле, как полагаю я. В подлиннике и в современном переводе орда разумеется в смысле: во-первых, *اور دو دان دا* — орда на Дону, во-вторых, а той ярлык писан оу Орде на устьи Дону. Да и самые слова современного перевода: «давали выход белой орде, те нам наше даише»<sup>\*19</sup> доказывают, что и здесь под белой ордой разумеется юрта хана, место, где сосредоточены все власти, и единственное место, куда собирались все доходы. «Те нам наше даише» доказывает, что все доходы поступали самому хану; [так] как ханы беспрестанно сменялись одни другими, а потому слово орда и особа хана означали одно и то же. Мои воззрения показы-

<sup>\*14</sup> [казахами]

<sup>\*15</sup> Средняя киргизская орда делится на пять главных родов: аргын, кипчак, конрат, найман и уак-кирей. Большая орда состоит из рода собственно уйсун, дулат, джалаир, чапрашты, албан и в совокупности под одним именем уйсуну. (*Примечание Валиханова*). В «Сборнике летописей» (Жалаири) сказано: Чипбек из аргынов и Ногай-бек из кипчаков.

<sup>\*16</sup> «Сборник летописей» (Жалаири), с. 171.

<sup>\*17</sup> *Улуг улус (тюрк.)* — великий улус.

<sup>\*18</sup> Далее два слова не разобраны.

<sup>\*19</sup> Кавычки наши.

вают, что они общего народного названия, как можно догадаться, не имели; каждое племя сохраняло свое название, например, кун-раты<sup>38</sup>, найманы<sup>39</sup>, || кипчаки<sup>40</sup> и проч. (см. جامع التواريخ).

В جامع التواريخ русская Золотая орда соответствует ادليل\*<sup>20</sup>; для выражения заволжского улуса говорится Синяя орда, Кук-Дениз, или больше Сыр-Куван.

Черный песок قراقوم, как можно полагать из слов современного перевода: вышел на мене Аксак Темир — Железная нога с Черного песка.

Пески Каракум лежат в Киргизской степи в пространстве от устья реки Сыр-Дарья до реки Сарысу. Все пути из Средней Азии на Оренбург, Троицк и Гурьев идут через него.

Глагол توتماق [тутмак] употребляется у киргиз именно так, как здесь. Они говорят [и] пишут вместо пишу, извещаю توتتوم — держу.

Деление на سول قول, اونك قول\*<sup>21</sup> существует и теперь у дикокаменных киргиз — ун киргиз и сул киргиз. К главным представителям первого принадлежит племя бугу, второго — солту. جامع التواريخ делению на правую и левую руки дает древнейшее начало — шесть сыновей Огуз-хана, родоначальника тюркских племен, управляли правым и левым крылом в таком порядке (см. جامع التواريخ, стр. 14):

* <sup>23</sup> دست چب		* <sup>22</sup> دست راست	
سول قول		[اونك قول]	
<u>تاق خان</u>	<u>كوك خان</u>	<u>اي خان</u>	<u>كون خان</u>
سالور ايمور	ايدور، چينه	يازر دوکار	قائبي بايات
اويونتلى،	جاولدور، چش	ياپارلى	القراولى،
اوکوز			قراولى
<u>دينکيز خان</u>		<u>يولدوزخان</u>	
يندو، يکدر بوکدور		اوشر، قريق، بکدلى، قارقين	
قنيق			

Здесь видно, что племена разделялись во всем порядке на два крыла и каждое крыло имело свой арьергард.

[И до сих пор] на Востоке и Бухаре беки всегда по значению родов, которых они представляли, имеют места по правую и левую

\*<sup>20</sup> Едиль — Джаик — Волга и Урал.

\*<sup>21</sup> Правая и левая рука.

\*<sup>22</sup> دست (перс.) — рука; راست — правая.

\*<sup>23</sup> چب — левая.

сторону трона царского; через это очень часто происходят споры между беками. Это что-то в роде русского || местничества.

- 12 об. || [Автор] جامع التواريخ, описывая трон царя Ураз-Мухаммеда  
12 об. в Касимове, приводит план трона, || [на котором] обозначены места *ميسره*, *ميسره* — правая и левая руки, и приводит имена беков, занимавших [стороны] *ميسره* [правую] и [ *ميسره* левую]. Чтобы доказать значение и влияние беков джалаирских при потомках Урус-хана, он показывает место их при троне на стороне *ميسره* — левой. Джалаиры, по словам автора, сильнейшие между *الاج منكى ار اسندا*<sup>41</sup>, занимают левую руку, а канглы в 200 человек стоят на стороне *ميسره* — правой. Это доказывает, что и у народов, образовавшихся из Джучиева улуса, левое крыло было старше и почетнее.

Но [так] как нет никаких данных, которые бы допускали в политическом устройстве Золотой орды такого деления, то обращение Тимур-Кутлука, лучше его ярлык, обращенный к угламам правого и левого крыла, можно понять именно в смысле угламам стороны *ميسره* и угламам стороны *ميسره*.

[Теперь о некоторых словах, встречающихся в ярлыке Тохтамыша к Ягайлу\*<sup>24</sup>].

- 14 об. || ... глаголам *تيلانمك* желать и *تيلانچى* просить как нищий; от него *تيلامак* просящий, т. е. нищий. [В ярлыке сказано]: по их изменническим просьбам вперед пришел.

28. Что касается до *قىغان يدا*<sup>42</sup>, то я не знаю и не слышал подобного слова и в татарском (сибирском), и в киргизском [языках], и едва ли [оно] существует. У киргиз есть слово *قىماق* — оставлять без жалости, без внимания, *قىغاننك موچندنك منان منى* — вправду ли [ты] меня оставляешь? — говорит киргизка-жена, раздражая свое лицо, при смерти мужа.

*قىر بامак*<sup>43</sup> — у киргиз означает непрерывное качание и употребляется больше в смысле качания колыбели *قىر باتمك* — *بالا تيم* — значит разойтись, разбиться. *توزماق* — употребляется для выражения нестройного бегства народа, как слово *بوسماق*.

*تارپمق* — ударить копытом, лягнуть. Говоря о лошади, нельзя употреблять этого глагола (нужно непременно *тепмек* *تىپمك*).

34. Слово *мунга алды* я, несмотря на все усилия и расспросы между киргизами, найти не смог. У них рабы, как и у татар, называются *قول* [құл], но, так же как и у калмыков, разделяются на военнопленных *قول اولجالاسقان* قول, или более употребительно *джесыр*, на купленных, благоприобретенных, которые называются *джетым* «сирота». В таком народе, как наш *قىزاق*

\*<sup>24</sup> Начало отсутствует: утерян один лист рукописи.



[казак], где господствовало право сильного, безродные, бессильные люди не могли иметь самостоятельности и делались рабами султана или бия, и от этого могло произойти слово *جَنِيم* в смысле раба<sup>44</sup>. Даже ничего похожего на *مونغانالدى*<sup>45</sup>, на банзаровом он ханиула не нашел. Есть глагол *مونكلق*, от него *مونكلى* — несчастный, печальный, *مونك* — печаль, одинакового значения с *قايغولى*, *قايغو*. Постараюсь справиться об этом слове у дикокаменных киргиз и если найду, тотчас уведомя Вас.

*اولجا* в техническом языке барантовщиков значит добыча, от него *اولجالاس* — артельный. *بس* — монгольское бся еще.

В Енисейской губернии говорят языком тюркским, [в частности] карагасы — бродячее инородческое племя. В языке этого народа деньги называются *мунган*, а серебро — *ак мунган*. Может быть, это слово имело и должно иметь другое значение. Мунгимо у тунгус золото м[ожет быть] сравнено [с] славянским языком и примерно к значению денег. Уже в позднейшие времена прилагательное *ак* — белый, подтверждает это мнение, — не имеет мунган — в значении денег и серебра. [В] отношении к банзарскому монханиулу бэдэргэ — закабаленный раб, но не купленный. Бог нас пожаловал: враждовавших угланов и беков всевышний нам продал, т. е. дал в нашу полную власть... в кабалу. (См. Вестник Императорского Русского Географического общества, 1854, книжка VI).

39. Не знаю, почему *بازارگان*<sup>46</sup> должно означать одних тохтамшыевых негодяев? *اورتاق*<sup>47</sup>, как мне кажется, выражает часть общего, компанейство, а не компанейцев; в последнем смысле оно было бы *اورتاقچی* и, кажется, что частица родительного падежа *نك* стоит по ошибке писца вместо *ن*, ибо окончание на *نك* делает как *بازارگان* купцов, так и *اورتاق* компанию ягайловскими, а между тем как последующее *يوروش سونلار* «пусть ходят» выражает взаимность действия (или отношения). Если читать *بازارگان اورتاقلارين داخی يوروش سونلار* — [пусть] по прежнему порядку пробродят на удовольствие наши негодяевы или компании, в современном переводе — гости пусть одни с другими компанию имеют, отправляются, — и будет согласно современному переводу: гостям путь чист, и вашим и нашим торговцам.

12 об. || [Касаясь ярлыка Тимур-Кутлука], почему бы не читать *تومان باشلیق* — начальник тумана, ибо *باشلیق* употребляется и теперь между сибирскими татарами и *باشتیق* между киргизами в смысле главного начальника. Всякий чиновник русский у них называется бастык. По употреблению этого слова в двух ярлыках Тохтамшы

к Ягайлу и Темир-Кутлука, оно стоит в смысле главного визиря, приближенного или русского темника, а потому *تومان بکی*, *تومان باشلیق*, *تومان باشلی* означает темник, первый при хане вельможа. Мне кажется, что Джучиев улус, как кочевая орда, никогда не имел правильного административного устройства и никаких постоянных чинов, кроме свиты ханской, как-то: *یساول*, *قوشچی*, *پارسچی* и прочих чинов, постоянность которых требовал интерес ханский, как: даруги, баскаки, битиги, и, тамгачи, тартнакчи и т. д. (см. стр. 11. Ханские ярлыки, III)<sup>\*25</sup>. Были угланы, принцы, потомки ханов. Были беки или бии — родовые представители племен. До Чингис-хана каждый род, каждое племя монгольское имело своих ханов; Чингис-хан, соединив все племена под свою власть, мог не уничтожить совершенно значение этих ханов, которые иногда даже обращались в беков, но, напротив, вступал с сильными из них в родство и даже поддерживал их родовые права, например, — конратов, джалапров и пр. (см. Абулгази<sup>\*26</sup>, Шейбани-намэ, *جامع التواریح*). Нет сомнения, что относительно других покоренных народов он держался<sup>13</sup> этого же принципа. || Следовательно, уланы и беки были достоинства, получаемые по происхождению, а не чины.

Разделение угланов на великий, средний и нижний можно объяснить тем, что и в государствах Мавераннахра до сих пор при обнародованиях ханских ярлыков пишется *اولوغ كچوك لارغه*, а *اولوغ كچوك* большим и малым, разумея под ним возраст управляющих войском, которые собираются на случай нужды и становятся по сторонам он *اونك* [и сол]<sup>\*27</sup>. Один или два из этих беков всегда был при хане, в частности в должности визиря, и управлял улусом [в качестве] министра; или один был *امراء بك*, а другой управлял волостями в звании... Как можно полагать разное: в первом случае *اولوغ امراء بك*, а в другом — *تومان باشلی* и туман башлык. Таковы Кутлубуга<sup>48</sup> Асан при Тохтамыше, Едгу при Темир-Кутлуке и его преемниках (см. *جامع التواریح*). Целый ряд таких временщиков, начиная с хана Тогтагу, назывался *داستان اولوغ امراء بك* (см. стр. 100 *جامع التواریح*, главу *اوروس خان*). Таковы были беки улусные или удельные. Мне кажется, бек ордынский, князь людской *اييل بکی*, *اولوس بکی*<sup>49</sup> были разные выражения одного того же достоинства, ибо *اولوس* — удел и *اييل* — племя должно быть одно и то же; под именем уделов

<sup>\*25</sup> И. Н. Березин. Ханские ярлыки. т. III. Казань, 1850.

<sup>\*26</sup> *Abulghasi Bahadur chani Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia illustrissimi Comitum Nicolai de Romanzoff Imperii Russici Cancellarii Supremi. Casani, MDCCCXXV ex Universitatis Imperialis Typographio.*

<sup>\*27</sup> Край листа оторван.

можно разуместь *ایل*, пбо этот \*28 же управлял в войне людьми всего *ایل* и по числу управляемых *نفر*<sup>50</sup> назывался тысячник, сотник, десятник, полным ратным; управляя каким-нибудь городком, он назывался городный.

[О слове *машаих*]. В киргизской степи много гробниц, каменных мечетей, называемых *стан* или *там*, [которые] носят названия по именам своих основателей и над чьим телом поставлены [эти памятники]. Такие места называются: *аулие* — святой и *машаих*. Эти тамы служат местом для их религиозного зиярета\*29, и они обращаются к этим авлие и *машаихам* как [к] патронам своего народа и т. д. *یا سیرنینک قرق مشایخ، یا جان انا*\*30.

*Букаул* употребляется в степи и теперь. У киргиз [-кайсаков] есть поговорка *از غانه اسقا بوکاول بولما، از غنه ایلگا بیک بولما*\*31; здесь *букаул* в смысле разносителя блюд. Глагол *بوکام* у киргиз в большем употреблении и означает делать препятствие, останавливать (*توقناتمق*). От него *بوکاو* — препятствие, *بوکاو* — [соорудить плотину, задержать] и т. д.

Сообщая значение некоторых слов, сохранившихся в языке киргизском [казахском], прошу извинения Вашего, что в число этих замечаний ввел несколько своих гипотез. Если это письмо удостоится Вашего внимания, то я с величайшим удовольствием готов сообщить Вам песню о *قاراول*\*51.

13 об. || Занимаясь собранием\*32 известий о народе казак, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если Вам случится при разборе и чтении разных восточных историков встретить что-нибудь о слове казак<sup>52</sup>, о казачестве *قزاقلقد*<sup>53</sup> и о народе казак, сообщить Вашему покорному слуге. Этим обязали бы как нельзя более. Не имея никаких других источников под рукою, кроме истории Абульгази<sup>54</sup> (Румянцевское издание), Вашей Шейбаниады и *جامع التواریح*, чрезвычайно важной в этом отношении, я не имею никаких средств проверить отрывочное указание Левшина при его «Описании Киргиз-кайсацких орд». В известиях арабских историков, как я полагаю, не должно быть ничего о казаках, ибо, я уверен, народ этот образовался не ранее XIV [века]<sup>55</sup> при распадении Джучиева улуса. Кятиб Челеби<sup>56</sup>, как видно из истории Левшина, говорит кое-что о казаках татар-

\*28 Описка, следует: бек же.

\*29 *Зиярет* — посещение могил предков.

\*30 О, сорок святых [отцов] Сыр-Дарьи, о Жан-Ана!

\*31 «Азгана асқа букаул болма, азгана елге бек болма» — «Не будь букаулом (распорядителем) малого угощения, не будь беком малочисленного народа.

\*32 В левом углу листа рукой Валиханова сделана пометка: *يورتول، اقطاعی (اقتاجی)*.

ских. Интересно знать когда жил этот географ и интересно знать это известие на языке турецком.

Клапрот<sup>57</sup> в *Magasin Asiatique* напечатал перевод описания киргиз-кайсаков из китайской географии Дай-цин-И-тун-чжи<sup>58</sup>, но, к несчастью, здесь нельзя достать этого журнала. Левшин на основании утверждения нашего знаменитого ориенталиста Сенковского<sup>59</sup> говорит, что Фирдоуси в истории Рустема упоминает о народе казак и о ханах казацких: на стр. 42 Левшин, как видно, приводит слова Сенковского: «Народ сей весьма» и прочее; но странно, где это удалось видеть им народ казак до Чингисхана и в числе чингисовских племен; по крайней [мере], Абульгази, Шейбани-намэ, جامع التواريخ для тех периодов не упоминают о казаках, даже не употребляют слова قاز اقلق دا, которое употребляется от... и было [в употреблении во время] Шейбанихана. Бабер<sup>60</sup> в своих «Записках» говорит о хане казак-Арслане, имевшем 400 000 воинов. Любопытен текст этого места из записок этого государя-писателя. И нет ли что-нибудь о них в записках Тимура или в его историях?

## ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАПЛИЙСКОГО КРАЯ

22 об. || Так, [Заплайским краем] при первом знакомстве русские назвали длинную полосу земли, лежащую между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау<sup>1</sup>, слегка к западу расширяющуюся. Расширение это начинается с устья Каскелена — небольшой речки, впадающей в Или при среднем течении последней. Полоса эта имеет большой склон к северу и прорыта множеством рек, сбегających с Алатау; все они, без исключения, впадают в Или, одну из самых больших рек в Киргиз-кайсацкой степи.

23 Или (по-китайски Или, по киргизски Иле, Ле) составляется из трех истоков: || Токес, Хашгол и Кунгес; из них первый есть самый главный, вытекает из хребта Музтаг или Ледяные горы, и имеет до соединения с Кунгесом течение на восток; уже по соединении всех их Или принимает направление на запад, орошает китайскую область Или и большой город Кульджу, принимает в себя множество горных речек с обеих сторон и под тем же названием вливается несколькими рукавами в Балхаш, из которых самый главный и глубокий есть Бурлю.

Протяжение Или едва ли не более 800 верст, ширина у русского пикета, близ устья Талгара, около 200 сажен, течение ее очень быстро || вследствие большого склона к Балхашу и избытка вод Алатауских гор; вода в ней [исключая какие-нибудь два-три месяца зимы] очень мутная, дно неровное, изрытое ее беспокойным течением, берега глинисты, в некоторых местах высоки и круты, особенно правый берег. На всем протяжении своего течения она образует множество незначительных островов, покрытых тополем, мелким кустарником и изобильных хорошим подножным кормом.

Левый же берег Или большею частью низменный, иногда песчаный, солонцеватый и покрыт камышами и кустарниками джигды, тополя, чингиля, ветлы, вербы, сексеула и карагайника. Ниже пикета, при урочище || Капчагай, на протяжении слишком тридцати верст, Или сперта высокими, неприступными скалами гор того же имени; далее она вырывается в песчаную степь и течет между песками, в густых и огромных камышах. Это одна из всех рек Киргиз-кайсацкой степи, которая так полноводна, что,

проходя слишком 200 верст глубокими песками, достигает самого Балхаша с неизменным своим изобилием вод. При впадении своем она раздробляется на мелкие рукава, разбитые на небольшие лужицы\*<sup>1</sup>, теряющиеся в песках дельты, состоящей из множества больших островов, называемых у киргиз-кайсаков *камау*<sup>2</sup>,  
24 об. покрыта тополем и другим мелким лесом; здесь, отличные выгоны и превосходное киргизское хлебопашество.

Рыбы в Или мало; подобно другим рекам, принадлежащим бассейну Балхаша, она изобилует во множестве только маринкой и двумя другими родами мелкой рыбы: османами (форелью) и судаками. Кайсаки говорят, что в ней водятся сомы, но едва ли это справедливо. Зимой на Или бывает много дичи и зверя, которые сходятся туда с гор. Гуси, утки, драхвы зимуют на Или. Большие серые коршуны также проводят там зиму. Осенью появляется множество пеликанов; в камышах по берегу обитают тигры и леопарды, а также кабаны, дикие кошки и др.  
25

Весенний разлив Или бывает не ранее марта месяца; осенью же она так мельчает, что в сентябре и октябре образуются броды, удобные для прохода скота, так, известны три брода: Огузуткель, между устьями Чилика и Тургена, Кыз-кечу, или Кызуткель, между Иссыком и Талгаром, немного ниже впадения с правой стороны р. Чингильды, и Тамгалы-уткель, при урочище Тамгалы-Тас. Через последний идет караванный путь из Ташкента в Кульджу и на Семипалатинск и называется Джанайджол (Джанаевский путь); второй замечателен исторически проходом бежавших из России калмыков\*<sup>2</sup>.  
25 об.

В русских пределах, т. е. начиная от цепи китайских пикетов, Или имеет справа только два притока: Усек и Кушмурун\*<sup>3</sup>, берущих начало из гор Уч-Куянды и Чингильды\*<sup>4</sup>.

С левого берега, со стороны Кунгей-Алатау, который тянется параллельно Или с востока на запад, вливаются в Или следующие речки: Чарын, Чилик, Чабдар, Турген, теряющийся в солончаках, песках и камышах около Или, и Иссык (60 верст), // Талгар, Каскелен с притоками слева\*<sup>5</sup>. Большая, Малая и Средняя Алматы (Яблонная), Аксай и Чемолган, Курту, не доходящая до Или и теряющаяся в песках, и Кура. Курту принимает в себя Джирень-айгыр, Каргалы; Чарын принимает в себя справа две Баркары, Кегень и Темирлик, а Чилик слева — Асы.  
26

Почти все из сказанных речек до середины своего течения имеют направление на северо-запад, а потом делают поворот к Или. Все они обильны османами, отчасти маринкой, а Талгар,

\*<sup>1</sup> Т. е. маленькие плесы.

\*<sup>2</sup> Против этого на полях пометка. *Ниже есть еще брод Уч-арал.*

\*<sup>3</sup> Иначе: *Борохуджир.*

\*<sup>4</sup> Точнее: с *Джунгарского Алатау.*

\*<sup>5</sup> Описка, следует: *справа.*

26 об. кроме того, — судаками. Течение их до поворота чрезвычайно быстро и следует по каменному руслу, но далее, в глинистых и возвышенных берегах, они становятся более спокойными; вода вообще мутная; в горах нередко [эти реки] образуют красивые водопады, особенно р. Иссык, имеющая великолепный сорокапятисажженный || водопад. Талгар и Иссык, и вероятно все прочие, по словам кайсаков, берут начало из ледников. Последний из них по выходе несколькими ключами из-под льда образует горное озеро, имеющее версты три в окружности и составляющее резервуар этой речки.

Берега некоторых [речек] сопровождаются лесом, который в нижних частях перемешивается с большим непроходимыми камышами.

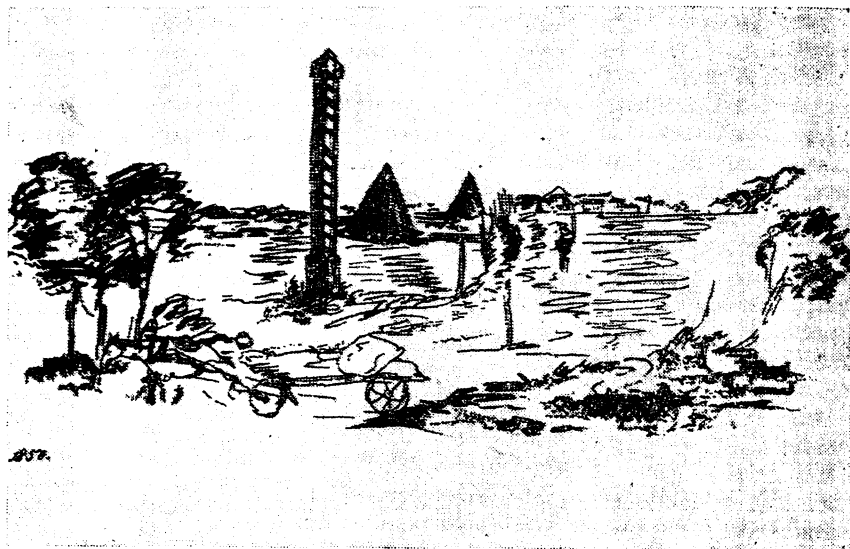
27 Горы Кунгей-Алатау, называемые также Большим Алатау<sup>3</sup>, в отличие от Малого, лежащего к северу от Или, отделяют бассейн Или от бассейна озера Иссык-Куль; высшая точка его находится у верховьев р. Талгара и называется Талгарнын-талчоку\*<sup>6</sup>. Она видна верст за 300. // Горы эти гораздо выше Малого Алатау<sup>4</sup>, не так каменисты, покрыты толстым слоем чернозема, богаче растительностью и, как следует думать, произведениями царства ископаемого. Узкий хребет этот не шире пятидесяти верст, потому он очень крут и имеет мало удобных проходов; впрочем алатауские киргизы проходят его через верховья Алматов (Средних) в один день; восточная оконечность его более отлога и образует удобный проход на Иссык-Куль и в Кашгар, называемый Сантас. Кроме того, есть еще малые удобные проходы для всадника через верховья р. Тургень.

27 об. На запад же он разветвляется на множество отраслей, из которых одна гибнет оз. Иссык-Куль с юго-западной стороны и примыкает к Запсыккульскому || Кыргызнын-Алатау<sup>5</sup>, а другая уходит в Бетпак-Далу (Голодную степь) между Чу и Балхашом, а третья занимает пространство между верхними частями рек Чу, Сыр и Аму-Дарьей до самого Коканда. Самая западная ее ветвь между Чу и Сыром есть горы Каратау, оканчивающиеся над песками Каракум<sup>6</sup> крутым мысом Кушмурун.

28 Воды с Кунгей-Алатау скатываются на север, в Или, а на юг — в оз. Иссык-Куль; северная его сторона лесиста, южная — безлесна; это же явление заметно и в Малом Алатау. Причиною тому, я полагаю, [является] направление дождевых ветров, дующих преимущественно с запада, с Балхаша. В ущельях этого хребта || заключается все растительное богатство Заплайского края, но оно и не выходит из этих пределов. Яблонные, абрикосовые деревья, клен, ягодные кустарники: малина, барбарис, смородина и другие украшают собою горные речки только до выхода их из гор, а вслед за тем сменяются сначала мелким

\*<sup>6</sup> Точнее: *Талгарнын Тау-Чоку* — Талгарский пик в Заплайском Алатау.

березняком, а потом тополем, ветлой, талом, к которым на Или присоединяется еще джигда; зато в горах нет этого последнего красивого дерева, чисто степного, из-под коры которого, особливо в подрубах, сочится клей. Точно таким же образом к Или постепенно исчезают и разнообразные цветы гор, а вместо них виден там и сям простой тростник — || чий, курац, да повилика на камышах.



У верстового столба. Перо, 1860. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

Яблоки здешние в диком состоянии мало уступают садовым кульджинским как на вкус, так и величиной своей; урожая на урюк (абрикосы) летом 1853 года вовсе не было: сильные весенние ветры и холода уничтожили цветы; урюка вообще повсюду много; самое плодородное и обильное место есть источники Алматов. По обе стороны этих урочищ лес так разнообразен, что эти места получили название у кайсаков *Чубарагац* (чубарый — лес), т. е. разнообразные деревья. Здесь есть и малина, и черная смородина, дикая роза, черный барбарис. || Выше яблонь и абрикосов начинается хвойный лес: ель и пихта, также осина; еще выше ель мешается изредка с березой и степными кустарниками, отличающимися твердостью — таволгой и ргаем. Засохшие стволы ели и можжевельник — самая крайняя растительность. Еще выше [находятся] камни и, наконец, снег. На главных высотах камни рисуются отвесными и дикими скалами очень значительной высоты. Иногда на значительной же высоте этого хребта находятся порядочные озера, которые служат ре-



зервуарами бегущих с гор рек. Так, близ истоков Иссыка находится озеро Джасылкуль<sup>7</sup>.

Пахотные места киргиз-кайсаков лежат в десяти верстах от гор, где берега речек не так круты, позволяют им удобно выводить воду арыками из быстрых речек по своим пашням, и грунт // земли более плодороден. Кроме этих пахотных мест, киргиз-кайсаки сеют просо и пшеницу в нижних частях почти всех речек, где, несмотря на глинисто-песчаный грунт, урожай бывает все-таки хорошие. Здесь урожаем бывает еще более, чем на Копале. Колос проса достигает высоты трех футов. Сенокосные места здесь также богаты; подножный корм и сенокосы на сазах\*<sup>7</sup> сохраняют свою свежесть до исхода сентября и вновь зеленеют с половины марта месяца. *Джунурчка* (мусюй), или, как зовут кайсаки, желтик, составляет в горных ущельях непроходимые сети, в которых запутывается лошадь. Повилика и хмель вьются по древесным стволам и растут // по крутым ска-там. Здесь природа гораздо богаче цветами, чем в Малом Алатау, и потому можно угадывать, что здесь возможно развести с успехом пчеловодство, если только не будут иметь влияние вечные белки гор. Мы находили здесь диких пчел, вырабатывавших свой мед в коробочках, образованных из плевы и подвешенных на стволы курая или другой травы, имеющей толстые стволы.

В горах пасутся маралы, тау-теке и дикие козлы, называемые киргиз-кайсаками *аккуйрук*, архаров меньше, а сайги живут в долине; куланы, которые есть в степи по правую сторону Или, здесь не видны. В чаще, в глубоких ущельях водятся медведи (муровятники), тигры (только летом), барсуки, красные лисицы 30 об. и др.; // волков здесь множество; попадалась даже черная лисица. В речках живут выдры, а по камышам — большие кабаны, которые вследствие изобилия в этой стране солодкового корня бывают чрезвычайно жирны. В долине водятся зайцы, куницы, лисицы, кролики, ежи, дикие кошки, черепахи и др. Киргиз-кайсаки внизу Или находили даже дикобразов.

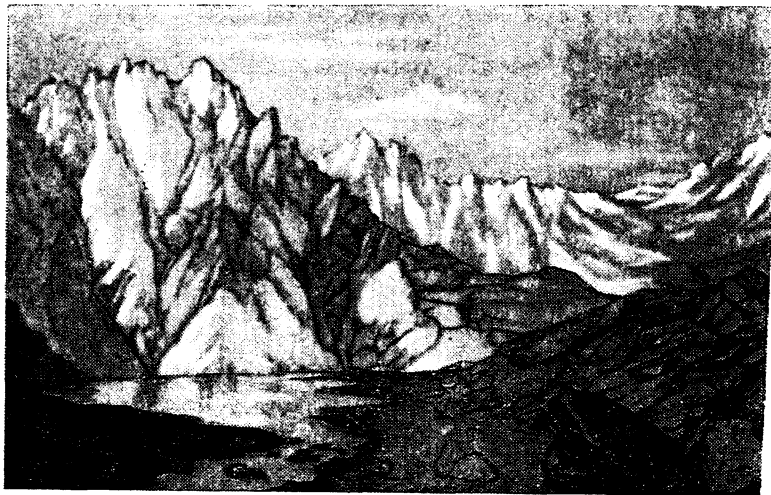
В больших и густых камышах по Или водятся, и не в редкость тигры, рыси, нередко леопарды и другие хищные. Они нередко посещают киргиз-кайсацкие табуны и держат иногда в осаде аулы. Кайсаки отваживаются вступать с ними в борьбу и убивают их, а шкуры продают русским за 20 рублей серебром.

Птицы здесь бесчисленное множество; из дичи известны гуси, утки, турпаны, драхвы, рябки горные и долинные, голубки дикие и другие. Зиму здесь проводят // лебеди и журавли; на Или живут пеликаны; на сухих тополях вьют свои гнезда апсты; в густой листве малакитника или жимолости поют соловьи и славки, а в долине — певучие жаворонки, щелты и др. В горах, около больших утесов, в лесу вьют гнезда большие орлы, карагуши, серые коршуны, ястребы, а по камням видны каменные

\*<sup>7</sup> Саз — влажные луговые места.

рябки и куропатки. По Или и другим речкам, поросшим камышом и кустарником, водится множество фазанов.

Овода, комаров и мошек на Или бездна в продолжение всего лета, все это от сырости, которая удерживается в камышах: к этому еще присоединяются ядовитые: каракурт (род большого паука), тарантул, фаланга и скорпион (бузаубас — телячья голо-



Оз. Джасылкуль (Иссык). Акварель художника П. Кошарова.

31 об. ва). // Эти насекомые водятся на всем пространстве от левого берега Или почти до самой караванной дороги, проходящей верстах в двенадцати от подножья хребта гор. Змей также много, но они невелики и длиною не бывают более 1,5 аршина. Они больше пресмыкаются по солончакам, где ужасно ядовиты; горные змеи менее ядовиты. Здесь мы встретили особый и новый род змей, доселе нам неизвестный в степи.

32 Кажется, чем далее к востоку, тем земля становится плодороднее; сами кайсаки очень хвалят земли к востоку. Среднее течение Или совершенно открыто сибирским северным ветрам, и только незначительный хребет // Чолак, да горы Аркарлы и Малай-Сары видны за нею; но выше Алтын-Эмеля Или заграждена с севера снежным хребтом Малым Алатау и его восточными отрогами.

От р. Каргалы, впадающей в Курту, к западу грунт заметно переменяется и вместо плодородного чернозема идут солонцы вплоть до Чу, а по направлению к Или — глубокие пески Муюн-Кум. На всем этом пространстве, исключая берега некоторых ключей, увлажняющиеся маленькой водой, грунт едва и с большим усилием производит жесткий кокпек и ниблек (травы, из-

вестные только в степи), да мелкую полынь. Горы становятся голы, бесплодны.

32 об. Так начинается в этом краю Голодная степь, или Бетпак-Дала. Грунт ее серый, выгорелый, солонцеватый: // устье Или и берег Балхаша окружены на большое пространство убродистыми\*<sup>8</sup> холмистыми песками или камышами, которые перемешиваются между собою. Около берега Балхаша и в низовьях Или рассыпаны мелкие озера с солью и с пресной водой (изобилующие карасями). Больше по Или нет нигде соли, и киргиз-кайсаки зимою, во время бессолицы, вываривают соль из солончаков, которая, как и вываренная соль, называется *чилама*. Этой последней, мало годной в пищу солью, обильны окрестности горок Бурулдай, между Чиликом и Кум-Кечу.

33 Климат Заилийского края общий — степной, крайности и непостоянства погоды — его отличительная черта; зимою бывают морозы, хотя, считая средним числом, и гораздо умереннее, чем в северной части степи; летом жара доходит до 40° по Р. Холода редко спускаются ниже 5° по Р. Вообще климат благоприятный, здоровый, летом дневной зной отраднo заменяется ночной прохладой, навеваемой с вершин гор. Весна чрезвычайно дождлива и ненастна.

33 об. Зима 1853 года, первая зима, проведенная русским отрядом за Или, была самая жестокая, какой не припомнят киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее с собою, куда ни придут. Они говорят, что со времени основания // Копала там зимы стали холоднее и снега глубже. Все-таки и в эту зиму на Или снег был не глубже 1,5 аршина; ближе к горам — более 2,5 аршина; посреди зимы в горах были такие оттепели, что снег таял и показывалась на тропинках грязь. В год, нами проведенный на Иссике, мы сделали следующие заметки: Или стала 8 ноября\*<sup>9</sup>, на Или сошел снег около 13 февраля, Или вскрылась ото льда 8 марта, разлив воды был в июле. Осень так же, как и весна, очень дождлива, но осенние дожди поливают одни горы.

34 В Заилийском крае дуют два ветра: северо-западный, с Балхаша, и восточный, сверху, называемый у киргиз-кайсаков *эбиджелъ*, и дует [он] исключительно весной. Последний теп//лый и сухой; первый всегда несет дождевые тучи и гонит впереди себя стену пыли, поднятой с сухой Бетпак-Далы и с прибрежных песков Балхаша. Постепенно стена эта приближается и вдруг пригибает камыш, роняет некрепкие юрты и мигом же проносится — наступает тишина и крупный дождь поливает землю. С какою быстротою несется эта буря, следует только заметить, что признаки ее на западе появляются не раньше,

\*<sup>8</sup> Т. е. рыхлыми, глубокими.

\*<sup>9</sup> Здесь, как и ниже, время дано по старому стилю.

как за час, а, может быть, часа за три уже весь Заилийский край бывает орошен водою. К концу июля месяца уже вся трава в долине Или выгорает, камыш сохнет и только по речкам // и влажным местам (по сазам) и в ущельях гор растительность еще сохраняет свою свежесть. Яблоки созревают здесь в начале августа, абрикосы — в половине июля. В летние месяцы воздух редко охлаждается дождями.

34 об. Параллельно хребту через Заилийский край проходит караванная дорога из Ташкента, в недалеком расстоянии от гор; все речки, через которые она пролегает, удобно переходятся вброд; по речкам к Или и по горам пробиты тропинки, а иногда и большие кочевые дороги, по которым двигаются аулы во время своих перекочевков.

35 С октября месяца по всему протяжению Или на том и // другом берегу ее останавливаются на зимовку кайсаки, занимающие, сказать положительно, оба берега, начиная от цепи китайских пикетов до русского пикета при устье Талгара. Ниже в песках и сексеулах зимой пасутся их лошадиные табуны, и аулы стоят почти до Камау. По сходе снегов у подножья Алатау волости кайсацкие выступают на эти урочища и начинают пахать пашни<sup>8</sup>.

У подошвы гор, около берегов речек разбросано множество курганов (насыпей) различной величины; я заметил, что некоторые из них, расположены по два; вершины у всех опали и образовали глубокие впадины, углубления. Об одном из них, заросшем уже лесом, нельзя // не упомянуть. Он находится под самыми горами, где вырывается в долину р. Талгар, обнесен глубоким рвом, поросшим уже яблочником, имеет от основания рва в высоту сажень 15, в окружности — не менее версты и называется *Курган-гюбе*<sup>9</sup> (Курган-сопка). На вершине его, которая имеет усаженную кустарником и яблонями негладкую плоскость, есть еще развалины древнего укрепления<sup>10</sup>. Обе эти древности кайсаки относят к временам Тохтамыша, но кому принадлежат действительно эти древние насыпи и курганы, неизвестно, а между тем много народов прошло через эту страну. Кроме этих древних развалин курганов, есть еще новейшие.

## О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ БОЛЬШОЙ ОРДЕ

// Заилийский край занят двумя главными родами Большой орды: албанами и дулатами с частью чапраштов, никогда отсюда не выходивших на правый берег Или. На востоке в Илийскую долину иногда выходят дикокаменные киргизы из рода бугу, родовые кочевья которых находятся на юго-восточной стороне Иссык-Куля, а на западе — из родов султы и сарыбагыш, чьи кочевья находятся также на юго-западном берегу того же озера

4 об. п в окрестностях Пишпека (укреп//ления, находящегося за Чу и принадлежащего ташкентцам). Западная граница кочевьев албанов есть р. Турген; они кочуют даже и в китайских владениях, платя последним ничтожную дань. К западу от албанов, т. е. от Тургена, кочуют дулаты и чапрашты (смежно) до истоков р. Чу и далее за ней через р. Талас из ташкентских городов и укреплений.

Дулатовские кайсаки превосходят все другие роды [Большого жуза] как своею многочисленностью, так и воинственностью и богатством. Их в пять раз больше, чем албанов, в три раза, чем джалаиров, не говоря уже о других незначительных родах Большой орды. Некоторые поколения дулатов, албанов и большая часть чапраш//тов кочуют и на правой стороне Или. Оба эти рода еще делятся на несколько отделений и подразделений, но об этих подразделениях будет подробнее объяснено в своем месте<sup>1</sup>.

Зайлийские кайсаки больше других находились под влиянием ташкентского владычества и, находясь в близком соседстве с отдельным независимым народом — киргизами (бурутами), принуждены были вести с ними борьбу, а потому до вступления русских войск за Или эти киргизы Зайлийский край считали местом укры//вательства и оставались безнаказанно. Ныне, с занятием пункта за Или, вследствие преследования за преступления эти буйные племена сделались более спокойными.

Древние насыпи и курганы в Зайлийском крае свидетельствуют о древнем присутствии каких-то народов. Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое<sup>2</sup>. Последний народ был завоеван китайцами в 1755 году<sup>3</sup>, // а все владения этого народа Китайская империя включила в свои пределы.

6 об. // Большая орда, кочевавшая по Таласу и далее к Ташкенту, под начальством Аблай-хана двинулась на восток и после удачной и продолжительной борьбы вытеснила их за Малый Алатау и заняла свои давние места. Итак, эти места, по сказаниям кайсаков, вновь заняты Большою ордою у калмыков, и, следовательно, притязания китайцев на эту страну несправедливы, [так как] с появлением исконных жителей она стала независимой. Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России // с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Зайлийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., в который они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек.

Отряд состоял из трех тысяч китайцев и, собрав ясака, намеревался пробраться к ташкентскому аксакалу для переговоров. Еще до сих пор китайцы не могут забыть этого поражения и с глубоким негодованием отзываются о всяком кайсаке чапраштинского поколения.

7 об. // В это же время с запада с еще большим корыстолюбием беспокоили Большую орду их единоверцы — кокандцы, собиравшие с них зякет (подать). По всему видно, что это обременяло кайсаков и кокандцам нелегко было принудить ордынцев к добровольному платежу зякета. Они употребляли для этого военную силу. Равномерно кокандцы хотели военной рукою заставить и алатауских киргизов платить им зякет, но последние сильно сопротивлялись и, имея неприступные горные кочевья, остались независимыми. Я говорю это о бурутах, кочующих в верхних частях Иссык-Куля.

// Кушпек, знаменитый и умный наместник Ташкента, сам ходил с большими отрядами в Большую орду и к киргизам. Он построил несколько укреплений; впрочем еще до него в Заилий-



Казахи племени дулат рода каскарау проводники экспедиции П. П. Семенова (1857 г.). Рис. художника П. Кошарова.

ском крае около р. Каскелен ташкентским минбаши (тысячником) был построен в 1778 году ташкентский курган, но известнейший здесь варвар — султан Рустем<sup>4</sup> изменнически перерезал воинов, и курган их разрушен был до основания. Развалины всех сих курганов до сих пор живо видны в Заилийском крае.

Впоследствии осталось только // одно Тойчубеково укрепление<sup>5</sup>, возобновленное в новейшее время, и через него действовали на сбор зякета. Но и оно в 1851 году под начальством казачьего полковника Карбышева [было] разрушено русскими войсками. После этого сбор зякета продолжался уже отрядами и то только около Чу.

До разрушения Тойчубековского замка в нем находилось постоянно человек 50 сартов\*<sup>10</sup>, которые вместо охранения спокойствия и сверх своей обязанности сами занимались грабежами караванов.

9 Прочное занятие пункта за Или в 1853 году русскими навсегда прекратило здешние беспорядки, и можно надеяться, что страна эта, через которую идут важнейшие // пути в Кульджу, Кашгар и к горным киргизам, в скором времени зацветет своею торговлею и богатством.

## СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

// Составные части киргиз-кайсацкого пороха суть селитра (сор), уголь (кумур) и сера (кукурт).

Селитру киргиз-кайсаки собирают или с навоза давнишних зимовок или из земли старых «калмыцких» курганов<sup>1</sup>, уголь употребляется исключительно из талового дерева, а сера употребляется русская, получаемая через торговцев татар, хотя и привозят сюда серу с ташкентского базара, но она признается слабою.

1 об. Положительно предполагая, что в «калмыцком» кургане в древности жили люди, кайсак берет // мешок и наполняет его землю, испытав предварительно через брошенную в огонь горсть земли из второго слоя, заключается ли в ней селитренное начало<sup>2</sup>, которое узнается по вспышке.

Набрав земли, он ставит казан (котел) на огонь, наполняет его, сколько нужно, водою, всыпает в него собранную землю и кипятит до ключа. Земля остается на дне казана, а вода принимает желтый цвет. Вскипятив таким образом, он снимает котел с огня и дает устояться, отчего земля, само собою разумеется, отделившись от воды, садится на дно котла; после этого желтая жидкость // тщательно процеживается один раз через чистую кошму, чтобы земля не оставалась в воде, а после этого вода легко кипятится в чистом казане еще раз и выливается в чистое корыто или другой сосуд и прикрывается накладываемым крестообразно на поверхность жидкости тонким тростником (чием) с оставляемыми небольшими клеткообразными отверстиями. Селитра сама кристаллизуется, приставая к чию, и образуется много гвоздеобразных сосулек длиною в вершок и менее, а толщиною в гусиное перо. Оставшаяся вода снова кипятится и 2 об. снова выливается в корыто, что повторяется раз семь; от // каждого приема кипячения и выстаивания желтой жидкости получается селитры всякий раз не менее одной глубокой тарелки.

\*<sup>10</sup> В черновом списке вместо сартов: было кипчаков. Это более правильно.

Получив требуемое количество селитры, ее высыпают в чугунный котел и трут беспрестанно целые сутки булыжником или другим твердым камнем.

Приготовив селитру, смолотую до чрезвычайной мелкости, приступают к приготовлению угля, который исключительно выжигается из тала — дерева, признаваемого кайсаками самым мягким и годным для пороха.

Точно так же и уголь растирается в самый мельчайший, как селитра, порошок, на растирание которого, по словам кайсака, нужно пять // человек, которые бы работали до усталости целый день.

Берут вески или меру и весят или меряют селитру, уголь и серу. Так, для получения двух с половиной фунтов пороха кладут один фунт селитры, полфунта угля и один фунт серы.

3 об. Вывесив эти составные части, их все вместе высыпают в котел, нагревают его до такой степени, чтоб высыпанный состав не мог воспламениться, и трут его целые сутки, поддерживая через легкое вспыскивание водою постоянную влажность. Истерев все это в мельчайший порошок, который уже принимает цвет пороха, берут из гривы или хвоста лошади порядочный пук волос, которым и продолжают тереть состав // до тех пор, а пока не образуются крупинки величиною в просяное зерно, а во все время [порошок] слегка вспыскивают для влажности состава.

Образовавшийся требуемой величины порох отбирают от слишком крупного, который снова растирают камнем, снова вспыскивают и опять трут волосом до тех пор, пока получат порох требуемой величины крупинок. Оставшуюся мякоть, если не хотят выкинуть ее, орошают слегка водою и потом также трут волосом. В заключение для очищения всего пороха от мякоти в хороший сухой день провеивают его на легком ветру, и порох уже делается годным к своему назначению и употреблению.

## О ХЛЕБОПАШЕСТВЕ

42 // Находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не черпать у них хлебопашества, промышленности столь полезной и мирной для них<sup>1</sup>.

Несмотря на неусовершенствование у киргизов пахотных орудий, совершенно почти несоответствующих своему назначению, плодородный грунт почвы в Большой орде всегда вознаграждает труд пахаря и вознаграждает удивительным урожаем. Многочисленность речек, вытекающих из главных хребтов гор: Кунгей-Алатау, Малого Алатау, Алтын-Эмеля и других, очень способствует орошению полей посредством водопроводов, или, так сказать, ирригационных каналов (арыков), совершенно неизвестных в // России. Здесь летом бывает очень мало дождей, а при жаре,



доходящей в июле до 40°R, киргиз-кайсацкие пашни непременно выгорят без искусственного орошения их через арыки, которые здесь благодаря природному положению мест доведены до той степени совершенства, что при трудолюбии и старании кайсака-пахаря он, несмотря на жару, верно рассчитывает урожай на сам сорок (урожай баснославный). С первого раза трудно поверить иногда, не удостоверясь лично, на какую высоту выводятся арыки, просеченные по уступам больших увалов, сопок и возвышенностей. Сметливая на этот раз рука киргиз-кайсака очень хорошо проведет арык из реки, текущей в чрезвычайно глубоком рву, и трудно поверить, когда даже убедишься, что на одной версте вода своим непринужденным и свободным течением выведена кверху саженой на тридцать. Вывести ее из рва, какой бы он глубины ни был, для кайсака ничего не значит.

44 Мягкость грунта и в самом деле не требует здесь такой сохи, какая употребляется у нас в Сибири. Довольно куска железа очень малого размера, чтобы вспахать землю на такую глубину, от которой можно надеяться на урожай. Железо сохи (сошники) скорее походит на здоровый и массивный железный гвоздь, чем на соху. К дереву приделывается // только одна часть сошника, а пахание производится двумя быками. Устраивать соху, как устраивают ее наши сибирские казаки, киргиз-кайсак не умеет и боится колес, с которыми он совершенно не знаком. Прилагаю здесь рисунок этого орудия.

В Большой орде сеют преимущественно просо<sup>2</sup>, употребляемое киргиз-кайсаками зимою, когда они не имеют молока. Посев пшеницы китайской недавно введен<sup>3</sup> здесь, но с некоторого времени киргизы, а особенно зажиточные, сеют пшеницу в достаточных размерах для своего существования.

Вообще хлебопашество появилось в Большой орде со времени *Байкабыла*, одного из главнейших родоначальников в роде джананис в начале XVII столетия. Он первый начал пахать среди киргиз-кайсаков с помощью одного калмыка, бежавшего к нему от своих родовичей. Род джананис и по настоящее время признает себя первым по открытию хлебопашества и более других родов занимается этой промышленностью.

По рассказам почетных и пожилых ордынцев, пшеница привезена сюда из Кашгара через дикокаменных киргизов (бурутов), знакомых с пашнею с начала XVII века.

45 В Большой орде известны следующие семена: пшеница, просо, кунак, употребляемый осенью для закармливания // лошадей, мусюй (джунурчка), вывезенный в последнее время из Китая, горох, ячмень, джасмык<sup>\*1</sup>, зыгыр (лен), кукуруза (джугара) и кунджут из Китая.

Разведение ржи и хлопчатой бумаги также занимало некоторых старательных и богатых киргиз-кайсаков, но эти растения,

\*1 Джасмык (*казах.*)— чечевица.

как показали опыты, не могли созреть вовремя и были застигаемы холодными пнеями августа месяца.

Из Ташкента завезено сюда искусство строить простые (без колес) мельницы; древности также оставили между кайсаками немало понятий об устройстве их, а два жернова, найденные в ущельях Большого Алатау, откуда вытекают рр. Алматы и Талгар, суть не что иное как остатки древних мельниц.

Кайсацкий серп немного согнутый, походит скорее на ножик; один кайсак при хорошем и густом урожае хлеба выжинает в день самое большее 25—30 снопов, величины три четвертых в округности.

Молотьба хлеба производится волами\*<sup>2</sup>, которые гоняются целый день по хлебу, уложенному на земляном гумне.

46 Гумно устраивается на глиняном грунте, для чего предварительно орошается то место водой, утаптывается, а потом просушивается. // Смотря по средствам, кайсак заводит на гумне [определенное число] волов, но я не видал меньше шести.

Вытопанный хлеб при легком ветре провеивается обыкновенным образом. Если ветра нет, то кайсак прибегает к своему подручному средству: один взбрасывает кверху зерно, а двое, трое или более машут мешками и производят движение в воздухе, через которое зерно провеивается. Но это редкие случаи, к которым кайсак прибегает в крайности, когда ему нечего есть, а то он терпеливо дожидается ветра, который здесь дует, не скупясь.

Рассчитав количество проса или другого хлеба, нужного киргиз-кайсаку на зиму, он везет в аул это количество, где просо поступает в распоряжение его жены, которая обязана все очистить от шелухи. Для этого просо [недолго] жарят в чугунной котле, толкут в ступке и потом очищенное и поджаренное [зерно] складывают в кабы (особые для этого [сделанные], крепкие шерстяные мешки).

Остальной лишней запас сырого проса на пашне же зарывается в ямы и засыпается землей, где хранится или всю зиму или до первой надобности зимой.

47 // Заканчивая кратким обзором эту статью, можно заметить, что в Большой орде, более чем где-либо, развиты понятия о садоводстве и огородничестве.

Разведение виноградников, урюка, яблонь\*<sup>3</sup> и других фруктовых деревьев, конечно, передано кайсаку или из Ташкента, где эта промышленность развита хорошо, или из провинции Западного Китая, как-то: провинций Кульджинского и Кашгарского округов.

\*<sup>2</sup> В других районах хлеб молотили с помощью в ряд поставленных лошадей, а нередко и верблюдов.

\*<sup>3</sup> Во всем почти Семиреченском крае растут яблоки и в диком состоянии, а урюк только в ущельях Большого Алатау, за Илею. (*Примечание Валиханова*).

Нельзя сказать, чтобы садоводством уже занялись киргиз-кайсаки теперь только, начали заниматься этим некоторые ташкентские выходцы, именующие себя чала-казаками<sup>4</sup>. Кайсаки охотно дают им свои земли и учатся искусству разводить сады.

48 Огородничество, можно сказать, и между кайсаками уже развито. Оно тоже перешло от ташкентцев. Гряд в огороде не делают таких размеров, как у нас, но делают маленькие, имеющие в длину два аршина, а в ширину полтора аршина. Полив гряд производится, как и на пашнях, арыками, [по] которым пускают [воду] по бороздкам огорода, огибающим зигзагом каждую грядку. // На грядах, где сеют огурцы и арбузы, навоза не употребляют, а сажают простым способом, как морковь и бобы, с тою только разницею, что огурец и арбуз рассеивают редко.

Из огородных семян известны: *огурец* из Китая, входящий длиною вершков до семнадцати и имеющий всегда не прямую, а неправильную форму. Семена в нем здесь редко созревают; он тонок по длине и не будет так вкусен, как наш огурец. *Дыни* из Ташкента, Яркенда, Коканда; они очень вкусны, чрезвычайно большого размера и имеют форму огромной тыквы. *Арбузы* также хороши, их семена вывезены из Ташкента и частью из Китая. Здесь я не видел розовых арбузов. Они очень вкусны, сахаристы, желты и весят от 15 до 45 фунтов. Величина необыкновенная и походят по грубой коре также на тыкву.

Из других семян известны: тыква китайская, похожая на большую бутылку; эта тыква имеет длинное горло и киргиз-кайсаки употребляют ее как посудину, в которой можно возить жидкости; бобы, брюква, морковь желтая, репа, горох, табак китайский и многие другие.

49 Я не лишним нахожу здесь в заключение сказать несколько слов о пахарях и возделывателях пашен и огородов [игинчи] — классе киргиз-кайсаков, промышляющих целое лето и трудящихся до кровавого пота.

// Игинчи никто иной как дневной и ночной работник, не знающий покоя. Днем он ходит по полосе, гоняет воробьев, а ночью караулит свою пашню или огород от скота. Он никогда, кажется, не прикрывает своей жалкой наготы, и тело его от сильного летнего зноя доходит до невыразимой черноты и грубости.

Пища, разумеется, еще хуже, чем имел или имеет он в ауле; он терпеливо и безропотно довольствуется в день двумя небольшими чашками айрана (простокваши) — и другого кушанья вовсе не имеет.

Поливая через арыки пашню, он ходит по полосам ее с железною лопатою или киркою и на его обязанности лежит полить одинаково все точки пашни, для чего он, где вода не может зайти свободно, заплескивает ее туда лопатою с терпением, занятым едва ли не у китайца.

Его летний труд признается окончанным уже тогда, когда хлеб будет вымолочен, сложен в мешки и им же перевезен в аул. Только в сентябре этот жалкий работник спит спокойно, забыв все лишения, какие претерпел он в продолжение лета.

## ЮРТА

15 об. // Юрта [ее устройство и убранство]. Дом киргиз-кайсака приспособлен к его кочевому быту; юрта, говоря о средней величине и тяжести ее, может поместиться на одном верблюде. Она состоит из тонких решеток и палок и нескольких войлоков. Первые служат ей основанием (остовом), вторыми она закидывается от дождя и мороза.

16 Деревянная часть юрты состоит из трех частей: *кереге* (решетка), *уука* (стрелок) и *чангарака* (круг). Нижняя часть, или *кереге*, есть решетка, слегка скрепленная в перекрестках ремнями так, что удобно // складывается, когда нужно взять юрту, и раздвигается, когда юрту ставят. Окружность юрты состоит от двух до восьми решеток<sup>1</sup>, связанных вместе и называемых *канат*.

*Ууки*, или выгнутые стрелы, составляют свод юрты, нижние концы их привязываются к кереге, а верхние, заостренные, запускаются в дыры, пробитые на боку чангарака, составляющего самый венец юрты.

16 об. *Чангараком* называется деревянный круг, скрепленный несколькими выгнутыми кверху поперечинами. Он служит в юрте отверстием для прохода дыма и света и закидывается отдельной квадратною кошмою, по // нужде снимаемой и закидываемой.

17 Войлоки, которыми закрывается юрта сверху, имеют различный вид и потому носят разные названия. Нижние кошмы, закрывающие кереге, называют *туурлык*; верхние, лежащие на стрелках, — *узюк*; кошма, имеющая четырехугольный вид с удлиненными концами, накидываемая на чангарак, называется *тюндюк*. Для выхода дыма из юрты в ненастную погоду тюндюк поднимается на *бакан*, т. е. жердь, которая зацепляется за угол его изнутри и подымается против ветра, чтобы заградить его<sup>2</sup>. Особенный небольшой продолговатый войлок, подшитый чием, закрывает дверь. Для большей теплоты кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще *чием* — тонким тростником, обмотанным разною цветною шерстью.

Ставить юрту — дело кайсацких жен. Да и нетрудно ее поставить: связать кереге, поднять чангарак на ууки, накинуть кошмы, обвязать все это двумя арканами, да вставить и привязать к краям кереге бруски дверей — и вся работа.

Окраины войлоков для прочности обшиваются *джеком*, т. е. вязаною шерстяною кромкою, а нижние края узюка — особыми шерстяными, иногда суконными, разною цвета с фигурными клапанами, пришиваемыми за оба конца к кошме<sup>3</sup>; под эти клапаны, отстоящие один от другого во всей окружности юрты на

аршин\*<sup>1</sup> продевается особая широкая, красная шерстяная тесьма, называемая *баскур*, которая и укрепляет плотно узюк к дереву юрты<sup>4</sup>. Иногда косяки дверей с обеих сторон убираются косячными резными фигурными изображениями или обиваются тонкими [пластинками] меди с выдавленными украшениями. Внутри богатые кайсаки юрту украшают шелковыми ташкентскими материями; такие чистые юрты обыкновенно изготавливаются в приданое дочери и называются *утау*\*<sup>2</sup>, их не выставляют зимой, чтоб не задымить, а можно видеть только летом и то [ставят их только] для дорогих гостей. Сред//няя цена юрты такого достоинства от 200 до 400 баранов. Белая кошма, употребленная на юрту, предпочитается другому цвету.

Кереге, ууки и чангарак красятся пережженною охрою (джу-са). В бури юрта под чангарак подпирается изнутри высокой палкой и сопротивляется напору. Палка\*<sup>3</sup> эта называется *бакан*.

Взглянем теперь внутрь юрты. Супружеское ложе в юрте помещается от входа или направо или прямо против дверей; все богатства и имущество помещаются в коврах и русских красных 18 об.ящичках\*<sup>4</sup> по правую сторону кровати и при посе//щении любимым гостем накрываются большим шелковым ковром. Почетное место, где усаживают почетных гостей,— около изголовья постели.

*Саба* с кумысом и вычурным [поставленным] в нее *писпеком*, т. е. палкой, употребляемой для взбивания кумыса, ставится немного поодаль, в ногах кровати; домашняя утварь направо от входа загораживается отдельным чием. Оружие вешается над постелью. На чангараке, особенно осенью, вы увидите коптящуюся конину, баранину, казы, о которых в своем месте будет сказано, новые турсуки под кумыс, подошники, шкуры под ай-ран и пузыри под масло.

// На кереге встретите русский медный таз с приделанным к нему уродливым железным кольцом, рядом с ним нагайку и за ууком шапку или чашку. У простых и бедных киргизов беспорядок еще больше; там нет почетного места для кунака, по крайней мере его нельзя заметить как замечается это у порядочного кайсака, в юрте которого постланы на землю кошмы, а на почетном месте — сверху ковер. У бедняка везде видно верящество, начиная с почерневшего от дыма чангарака до прогоревшей на земле ямы от постоянного огня.

19 об. // К окончатальной и полной картине юрты присоединяется еще чайник для чая или кувшин (куман) с водою для омовений, никогда не сходящие со своего обычного места, на котором разводится огонь.

\*<sup>1</sup> Расстояние между клапанами меньше аршина—30—40 см.

\*<sup>2</sup> Точнее: *отау*.

\*<sup>3</sup> Точнее: длинный шест.

\*<sup>4</sup> Т. е. сундуках русской работы.

У киргиз-кайсаков существует еще другая юрта, называется *кош* (кош), или *джулум-уй*. Она употребляется у них для табунщиков лошадей или во время походов и в этих случаях для перевозки // выючится на лошадей. Кошей немного, и если в ауле иногда и встретится кош, то он, вероятно, принадлежит торговцу. Кош отличается от юрты прямыми ууками и отсутствием чангарака, вследствие чего имеет коническую вершину, нижние концы ууков вместо завязок заменены короткими петлями, которые скоро надеваются на головки кереге; кош редко бывает больше двух отделений решеток.

Этот кош перешел к торговцам, которые признали его удобным // во время хода караванов.

Есть еще третий род юрты, которая называется *калмак-юй* (калмыцкий дом). По значению названия уже видно, что этот дом перешел от калмыков-торгоутов. Этот *калмак-юй*, или иначе *торгоут-юй*, от кайсацкой юрты отличается только тем, что ууки его длиннее и менее выгнуты, чангарак в диаметре не более пяти четвертей, и вообще эта юрта имеет более коническую форму.

## О КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ МОГИЛАХ (МОЛАХ) И ДРЕВНОСТЯХ ВООБЩЕ

// По всей степи разбросано множество древних и новых могил, курганов, насыпей и пр. Эти немые памятники кайсацкого быта гораздо важнее в географическом, чем в историческом отношении, потому что имена погребенных остаются навеки в устах народа и кайсак сообщает свой путь с положением этих могил.

Мола — неопределенное название, под этим именем смешивается и древняя и новая могила<sup>1</sup>, но по преимуществу *молой* 36 об. назыв//вается простая, неизысканная насыпь, куча из щебня или какой-нибудь уродливый монумент, слепленный из глины. Этой простотою, безыскусственностью и отличаются новые могилы от старых, только некоторые следует исключить из этого числа, как, например, могилу Кулан-хана<sup>2</sup>, могилы Сюка<sup>3</sup> и Абулхайр-хана<sup>4</sup> (Младшей орды).

Не менее примечателен материал, из которого строятся мола, за исключением тех, которые выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими)<sup>5</sup>. В кайсацкой моле и около нее выражается весь вкус кайсака, его искусство в архитектуре, его резьба и живопись.

// Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразную<sup>6</sup>, при последнем условии могила представляет небольшой ташкентского типа курган, т. е. укрепление с небольшими дверьми на запад, укрепленными наружным траверзом<sup>7</sup>.

Вообще могила эта составляет квадрат, стороны которого равняются саженям тридцати, высота аршин в шесть или семь, а

толщина стенки вершков восемь\*<sup>1</sup>, но некоторые из них так обширны, что в них может укрыться от нападения человек до ста. Закладывая по сходству этих курганов с ташкентскими укреплениями и по прочности, должно приписать // постройку их чаказакам.

Эта форма более других нравится кайсаку, потому что громадность у него — первое условие величия предмета, и могилы таких форм поэтому устраиваются над прахом важных и богатых киргиз-кайсаков. Подобного рода могилы есть на татарском кладбище в Семипалатинске; в степи же они встречаются в Большой орде у подошвы обоих Алатау.

38 Большая орда кочевала за р. Чу и имела сильные сношения с Ташкентом, а потому и не мудрено, что эта форма заимствована у ташкентцев и мастера // для первоначальной постройки вызывались оттуда.

Самая большая могила, какую я встречал в Большой орде в этом роде, построена для Кулан-хана на р. Талгар по кашгарской караванной дороге. Эта могила состоит из двух частей: ограды и самой гробницы. Ограда имеет вид кургана\*<sup>2</sup> с башенками на углах и с простым украшением над дверьми. Гробница стоит внутри ограды и имеет вид купола\*<sup>3</sup> на кубическом пьедестале. Эта могила так обширна, что в ней могла бы поместиться вся ханская фамилия.

38 об. Менее важные могилы делаются сплошной массой в виде // конусов, четырехгранных пирамид и иногда сверху приделывается какой-нибудь отросток, или пирамида устраивается с уступами, которые украшаются ломаной линией; словом, виды этих могил неисчислимы.

39 Повсеместный материал для постройки есть земля. Здесь она заслуживает названия более употребительного материала. Многие могилы первоначальной формы сделаны из земли и // только снаружи укреплены глиною или вымазаны ею, или обложены необожженными кирпичами. Где заняли кайсаки это искусство, неизвестно, но положительно можно сказать, что обожженный кирпич нельзя назвать редкостью в степи вообще, он нередко встречается на древних постройках.

39 об. Кайсацкий кирпич отличается прочностью глины и неровною отделкою; он очень тонок и различной формы, судя по потребности: для круглых [сооружений] — округленный, для пирамид — квадратный и прямоугольный. Около развалин // могилы султана Сюка я видел кирпичеобжигательные печи — произведения рук одного ташкентского выходца. Печи эти отнюдь не уступят русским.

\*1 Т. е. около 24 см.

\*2 Т. е. крепостного сооружения.

\*3 Т. е. купольное сооружение с кубическим основанием.

Курганообразные могилы почти всегда строятся из сырого кирпича, а не лепятся из глины, как настоящие курганы в Ташкенте. Диким камнем, щебнем обкладываются могилы только небольшие и второстепенные, например, вокруг могилы Сюка погребено несколько задавленных разрушившеюся гробницею — они просто закиданы землею и сверху уложены щебнем. Вокруг Козу-Курпеча также много таких могил. К числу их принадлежит могила Капал-батыра, давшая название речке и укреплению. Из дерева очень мало встречается могил. Я видел такую только одну; она поставлена из тонкого тополя срубом суживающимся кверху.

Могила Сюка (сына Аблая) в Большой орде, как замечено выше, строил ташкентский чалаказак. Квадратную комнату должен был покрывать монастырский свод; высота ее была аршин в пятнадцать, но чалаказак, вероятно, видел только, как кладутся своды, и не успел его замкнуть, все здание рухнуло и задавило его и девять рабочих-кайсаков. Сын Сюка — Барак едва был спасен. Развалины этой новейшей могилы, разрушившейся в 1853 году, в год ее построения, лежат в десяти верстах от р. Каратал к северу, у подошвы горы Бураной. Аблай-хан похоронен в Азрет-султане.

40 об. // Могила Абулхаир-хана (Малой орды) находится на р. Ул-кояк, впадающей в Тургай справа. Она описана у Рычкова, который видел ее в 1771 году во время бегства калмыков. Мы заимствуем описание ее из энциклопедического лексикона (том первый, стр. 54): «Памятник Абулхаира сложен из сероватого кирпича и имеет вид усеченного конуса, накрытого полушаром. Вышина его аршина четыре, поперечник при основании аршина три. В вершину полушара воткнуто по обыкновению копьё, обвешанное разными доскутями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном».

41 дв. Судя по описанию этой могилы, я встретил в Большой орде две//, похожих на нее, похожих по крайней мере по наружности, это могилы Атач-батыра и Байгазы.

На кубических основаниях обеих поставлены полушары готической формы; внутри полушара пустота и с боков отверстия: два больших при основании, одно вместо окна — небольшое; чтоб подняться к куполу, с одной стороны сделаны ступени. С южной же стороны отгорожено отдельное место невысокою стеною, примыкающей к главному строению. Оно, верно, назначено для родных этих батыров, которые погребутся с ними вместе. Кубическое же основание могилы Байгазы имеет внутри пустоту, и могила, обнесённая глиняною стеною вокруг памятника, // 41 об. обсажена таловым лесом, приятно зеленеющим на безлесной долине. В куполы обеих воткнуты короткие копы с пучками конских волос.

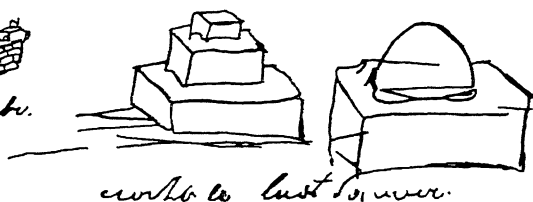
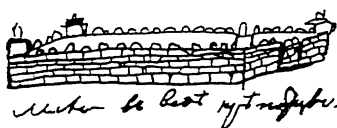
Могила всегда устраивается на возвышенных местах, караванных или кочевых дорогах и около речки или озера. Это дела-



ется с целью, чтобы проезжий мог прочесть особенную над пра-  
хом молитву (бату — благословение).

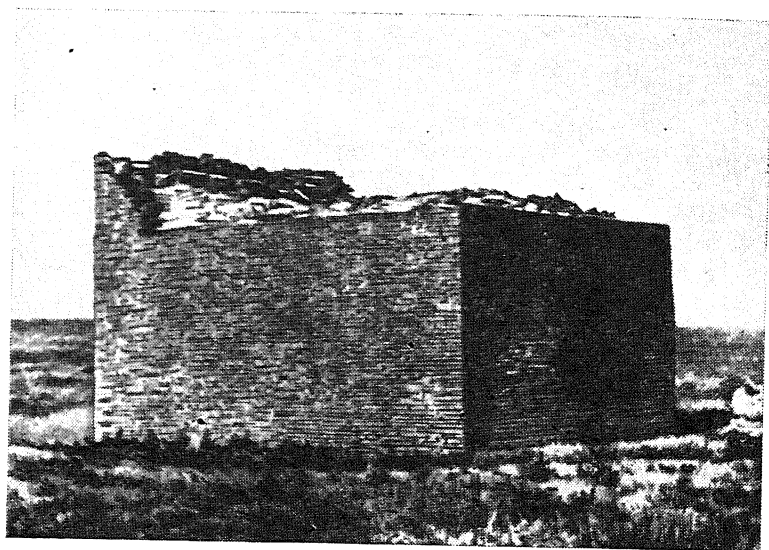
42 Древние надгробные памятники отличаются большим разно-  
образием форм, лучшей отделкой материала, употреблением  
прочных сводов и добавочными украшениями резьбой. ПUTE-  
шественник, про//ходя мимо, замечает в своих записках, что эти  
здания суть произведения народа не дикого, а образованного. Но  
когда цвело просвещение среди этой пустыни? Постараюсь это  
дело [довести] до той степени ясности, до которой позволяет ис-  
торическая истина.

Первоначально следует заметить, что древние могилы по  
простоте и искусству в строении должно разделить на два раз-  
ряда: на *народные могилы* (насыпи) и на *могилы почетных*  
(палаты).

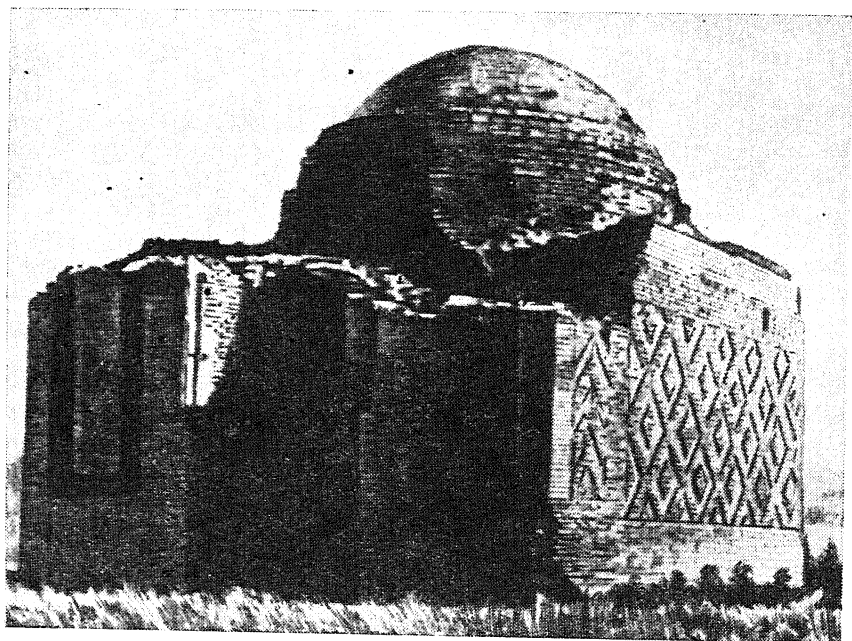


Типы казахских надгробных сооружений. Перо, 1854. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

42 об. Страна эта, наши степи, были заняты до монгольского перио-  
да истории тюрками коренными; четыре племени, участвовав-  
шие в защите Огуз-хана против своего отпа: // уйгур, каладж,  
канлы и карлык, составляли основу тюркского союза. Были  
народы, которые по происхождению принадлежали к другому  
поколению, но подчинялись тюркскому языку и тюркским нравам.  
Таковы были болгары, хазары, башкиры, мадьяры и др. Нашест-  
вие монголов совершенно изменило население этой страны, са-  
мые имена племен потерялись и только некоторые остались  
именами кайсацких родов; старое население, без сомнения, сли-  
лось с новым, и здесь на законах монгольских нередко возникали  
орды, отдельные от Золотой или Волжской орды: Ногайская, или  
Мангытская, орда на Урале, Синяя орда до Сейхуна и Тюмен-  
ская орда в роде шейбанидов. Вероятно, ханы всех этих орд  
завещали хоронить себя в глубине // степей, так мы находим  
43 могилу основателя Мангытской орды Эдигея на одной из Улутав-  
ских вершин, которая и носит название этого военачальника<sup>8</sup>.  
Могила его — простая груда щебня, вероятно, она прежде имела  
определенную фигуру, но разрушилась; достоинство ее поддер-  
живается очень удачно неприступностью горы, на которой она  
стоит.



Мавзолей Камыр-хана.



Мавзолей Алача-хана.

Итак, относя постройку древних могил к монгольскому периоду, нужно требовать от монголов больших сведений в строительном искусстве этого рода, тогда как тюрки были гораздо образованнее их, имели города и оставили в них памятники своей оседлости, богатства и торговли.

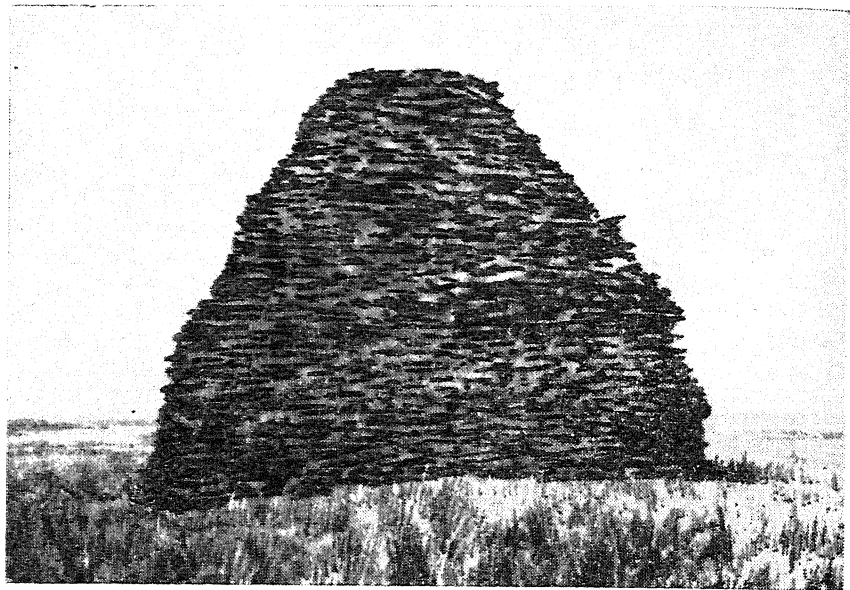
43 об. // Так, например, болгарская столица Болгары, в 60 верстах от Казани, и донныне сохраняется в развалинах. На другом крыле тюркского союза уйгуры были не менее образованы, жили также городами, имели грамоту и исповедовали даже несторианскую секту христианской религии. Эти два народа, вероятно, поставили для монгольских властителей порядочных мастеров. Итальянец Платано-Карпини описывает изящество хаканского трона в Каракоруме<sup>9</sup> с четырьмя фонтанами, один из которых был кумысом.

44 устроением: Камыр-хан, Алача-хан, Домбаул (аулие), // Булган-Ана и другие, все они складены из кирпича, снаружи облиты финифтью разного цвета. Булган-Ана, находящаяся при устье Кара-Кенгира, на Кара-Джаре, белого цвета; это небольшое здание с куполом<sup>10</sup>, такого же устройства и все прочие. Алача-хан несколько отличается: основание купола меньше самой гробницы, а потому вокруг него обведен потолок, а стены, продолженные вверх, образовали ряд балкона, на который с внутренней стороны ведет винтовая лестница.

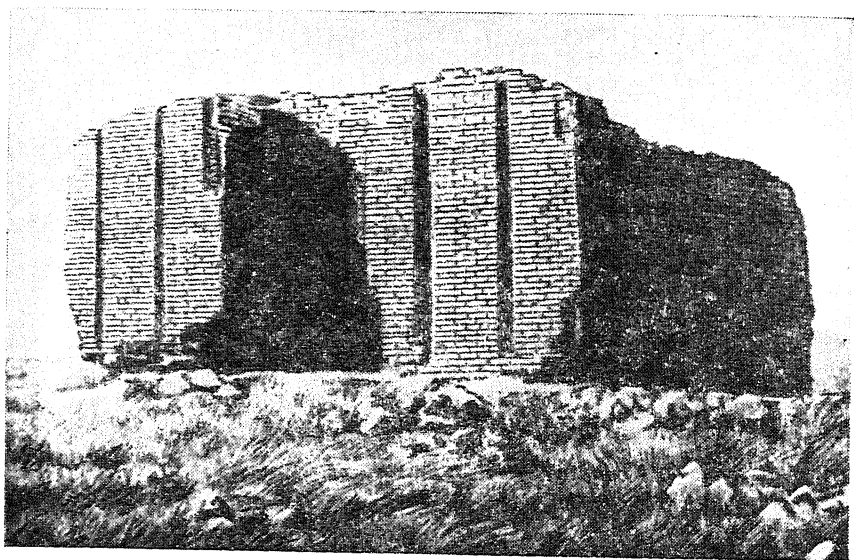
Особенно замечательны в этих сооружениях прочное устройство сводов и кладка кирпичей накосом: один ряд кирпичей положен правыми концами вниз, другой левыми. Эти могилы такая редкость, // 44 об. // какая во всей степи уже не повторяется, кроме Нуры, недалеко от устья которой лежит могила *Ботагай*; о ее устройстве я ничего положительного не имею.

[Развиваясь] от этой формы, древняя могила, превращаясь в пирамиды, некрытые галереи и в плиты с отверстиями доходит до простых столбов.

45 Пирамидальные могилы с пустотой внутри обыкновенно воздвигаются из дикого камня; гробница эта принимает пирамидальную форму не прямо с земли, первоначально возвышаются отвесные стены, а потом уже начинают суживаться. Я знаком только с тремя такими // могилами; *Кашана*<sup>11</sup>, которая описана у Палласа, близ р. Тугызак, впадающей в Уй, на Оренбургской линии; *Урдабай*<sup>12</sup>, между истоками рек Аксу и Баскан, в 12 верстах от пикета Карасу по тракту из Аягуза в Копал; внутри ее стоит гранитный истукан; наконец, самая важная *Козу-Курпеч*. Она стоит на берегу р. Аягуз, в [90] верстах от Аягузского укрепления. К стене [сооружения] приставлены четыре гранитных истукана с азиатскими физиономиями, с ожерельями на груди и с какими-то брусками, которые они держат в обеих ру-



Гробница Домбаул.



Мавзолей Булган-ана.

45 об. ках на животе\*<sup>4</sup>. Эти истуканы, как говорят, изображают // героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По герою поэмы называется и могила *Козу-Курпеч*. В версте по направлению к Аягузу находится могильный столб и около него безобразный истукан соперника Козу-Курпеча — *Кодара*. Еще есть столбы, водруженные в землю. Они находятся у подошвы гор Кызыл-Рай. Описание их можно найти в записках одного есаула, ходившего в Коканд<sup>13</sup>. Вершины 46 этих столбов украшены человеческими образами. Тут же он видел косвенно поставленные плиты с отверстиями, которые он считает за двери или окна в общем здании<sup>14</sup>.

// На пути из Каркаралов в Актав встречается множество гробниц, составленных из плит<sup>15</sup> вертикально и плотно сжатых между собою, с одной стороны находятся двери. Подобные галереи есть в Большой орде.

Все остатки древностей кайсаки приписывают ногаям, которые кочевали здесь после монгольского ига, другие (в восточной части степи) — калмыкам, некоторые остатки в западной части — башкирам, или, как следует полагать, народу с ними соплеменному.

К этим остаткам относятся: старые разрытые рудники, ныне брошенные (медный — около Джебды-Кенгира), брошенные 46 об. пашни (на урочище Тюндюкюр), // покинутые жернова (в ущелье Алматы) и старые насыпи, вроде валов.

В Большой орде часто встречаются развалины отдельных квадратных укреплений с валом и рвом, но самый замечательный остаток древности есть ров, прорытый от верховьев речки Кору в Малом Алатау до истоков р. Чу. Ров этот прорыт по всем высотам гор, глубинам рвов и едва ли не будет длиною верст на 900; глубина его и в настоящее время не менее полутора сажень. Киргизы имеют об этом рве предание, что у одного хана дикие куланы увлекли сына в поле, где он пропал без вести. 47 Чтобы удержать куланов, когда они по//бегут обратно, он велел вырыть поперек степи ров. Но, вероятно, можно предположить, что это граница темучиновых улусов<sup>16</sup>. Около Копала, на р. Биень, есть старинная крепостца с гранитными столбами вокруг нее.

---

\*<sup>4</sup> В Малороссии истуканы называются бабами, они также изображаются с подобными брусками и, как полагают, это книги. (Энциклопедический лексикон, т. IV). Но другие вероятнее называют это кувшинами. (Примечание Валиханова).

## ЗАМЕЧАНИЯ НА ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ОРД [А. И. ЛЕВШИНА]

229

// На странице 9, внизу, в выноске, слово акбура переведено неверно: акбура значит нелегченный\*<sup>1</sup> белый верблюд, а не белый волк, что по-кайсацки будет акборе, или каскыр.

*Стр. 11.* Кайсаки ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата, и как потомков пророка. Вообще кайсаки очень уважают людей грамотных.

*Стр. 31.* Кроме сластолюбия, заставляет киргиз предпочитать калмычек своим женщинам еще то, что будто бы через спешение рождаются хорошие дети.

*Стр. 42.* Кайсаки зимою для питья употребляют напсток, приготовленный из муки, разведенной горячею водою, сквашенной в кадушках, и именуемый коджою; для улучшения вкуса еще прибавляют молоко. Саумал есть не вполне снисшее кобылье молоко.

*Стр. 47.* Девушки прежних конусообразных шапок не носят теперь, а обвертывают голову разноцветными платками, опуская один конец на спину. Замужние женщины плетут волосы только в две косы, которые в концах соединяются и опускаются по спине.

229 об. // *Стр. 46.* Этот головной убор, называемый саукелою, женщины носят только в первое время после замужества, около года, а потом снимают и надевают только на больших праздниках и то в продолжение четырех или пяти лет.

*Стр. 52.* Два киргиз-кайсака, которых А. И. Левшин спрашивал: «Какой они веры?» — вероятно, [те] не вникнули как-нибудь в смысл вопроса и озадаченные новизною его не нашлись что отвечать, кроме легчайшего в подобных случаях: «Не знаю». Всякий кайсак знает, что он последователь Магомета и что он мусульманин; быть может, он не понимает смысла этого слова, но все-таки оно составляет его гордость перед иноверцами. С самого детства он то и дело слышит, что он мусульманин, а «все прочие, кроме мусульман, кафиры, осужденные богом на вечное

\*<sup>1</sup> Т. е. некастрированный.

наказание на том свете». После этого можно ли допустить, что кайсак не знает своей веры?

Стр. 52 и 57. Шайтан есть олицетворение всех более или менее пагубных страстей в нас, управляющих почти всеми нашими поступками и до того сильных и властных над нами, что помраченный ими ум и волнуемый ими человек нередко впадает в самые ужасные грехи. Хотя преобладание сих страстей над нами признает каждый // из нас, но мы не даем им никакого олицетворения, а кайсаки говорят, что это — шайтан — ослушник божьей воли и вечный враг мусульманства, который всякое мгновение старается совратить правоверного с пути истины.

Следовательно, они, кайсаки, никак не признают шайтана за божество, никогда ему не поклоняются и против нечистого его замысла всегда вооружаются различными молитвами. Для умилоствления его никакой жертвы ему не приносит и до того строги кайсаки в отношении к шайтану, что, даже бросая объедки и кости, они произносят «бисмилла», т. е. во имя бога, в той уверенности, что «бисмиллованные» кости не доступны злому и нечистому духу.

Стр. 65. А. Левшин слишком увлекся невежеством описываемого им народа, говоря, что колдовство, обман и ворожба составляют часть религии киргиз-кайсаков; они не суть части религии, а только суеверие, которое есть у народов всех вероисповеданий.

Кайсак верит колдовству, гаданию и прочим в одном случае: именно, когда предсказывают ему что-нибудь доброе или хорошее; поэтому он всегда предсказывает доброе, а как из тысячи предсказаний хоть одно да сбывается, то этим только и поддерживается значение колдунов, ворожеев и т. д.

Стр. 76. Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы. Можно сказать, что это единственная добродетель, которую нужно искать в кайсаках. Участие сие видно из следующего: нищий, куда бы он ни пришел, // в кибитку ли богача или в хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого выходит он с какою-нибудь даянкой, а у последнего напьется по крайней мере или наестся тем, чем тот богат. Словом, нигде и никогда не говорят ему и не отделиваются от него голым пожеланием: «бог подаст!». Кроме врожденной чувствительности, кайсака заставляет быть сострадательным еще то понятное всякому опасение сегодня или завтра обнищать самому через барангу или падеж, столь частые в степи. Взаимная друг другу помощь, оказываемая кайсаками в последнем случае, достойна подражания и просвещенному европейцу. Потерпевшие от баранты или падежа пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родовичам со смелым требованием так называемого *жлу*, т. е. вспомоществования, едущего со всего благополучно пребывающего общества, которое

или из сострадания или побуждаемое каким-либо иным чувством действительно делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование *жлу* для кайсак<sup>а</sup> столь же священно, сколь священно для него право на *кунакасы*, т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику.

*Стр. 94.* При обрезании родители назначают мальчику в его собственность некоторое количество скота, которое составляет его *инчу*; впрочем он при разделении наследства отца имеет право требовать себе часть наравне с прочими наследниками.

*Стр. 98.* Не совсем верны справки А. Левшина о ценности кайсакских жен, [которые] вызывают сказать ему в возражение, что величина калыма зависит и определяется богатством невесты или вообще большим или меньшим ее значением в свете, а не от того: первую или вторую жену берет кайсак.



## اوراقنك جىراغانى

ارتودا ارتو تاو كىلسە  
اتاندا تارتار بوگىلب،  
الس تان قارا كورنە  
قراقولام جىتار اوگىلب،  
جتايندىب اونكلب  
ايچ مرالدای بوگىلب  
سول قرا قولانك اوستونده  
ايدونده اوراق سنده (اوراق)  
ايردار كىتار چويلب،  
عزرايل كىلگانده  
چين اجانك جيتكانده  
اوچكتدار كىتارده سونده  
بر چىنداى جاندان تونكلب.  
كوكتنك قوسى\*1 كوگاچين  
كوچراب اوچار جىم اوچون،  
كوگالا قامقا جاملوب  
اوراق جورتار\*2 مال اوچون.  
تىم-تىم اوچون تىم اوچون  
تىنكزدار كىچتم مال اوچون،  
تىنكدار مېنان كىم اوچون  
كىم دار مېنان تىنك اوچون.  
ويگەدا كىلب قراسام  
تورت بورچن (بارلاسام)  
قرادا سابام جوق اوچون،  
قاتاردان كىلب قراسام  
قاتاردان كوچىم كىم اوچون.  
ويگەده كىلب قولاندرم

\*1 Вместо зачеркнутого جاسى ايردونكده

\*2 Вместо зачеркнутого ايردار

توزگه ده باروب زارلاندوم،  
 تورده تورغان ساي جيبه  
 سيلمكب الوب بايلاندوم.  
 الستا جاتقان دوشمانك  
 جيل جاغندان ايلاندوم.  
 سيركه سانده قوستادوم،  
 تيل ساره نه بوستادوم.  
 قومغه بتكان قوبارچين  
 سيركه ساننك جاله جوق  
 تيل ساربتنك قونكي جوق.  
 كيسوب الوب سال ايتدوم،  
 الستا جاتقان دوشپانك  
 كوگا اله له كوب جلقى  
 ايداب الوب مال ايتدوم.  
 جلقه ايباسى كيلماك جوق،  
 جلقى ايباسى كيلسه ده  
 بيلمه نسباي يرماك جوق.  
 او جگتدار، (جگتدار)،  
 جالانكغاچ جورده جاوغه چاب.  
 اوستاوا جالغان دنيا دا  
 اجال جيتماي اولماك جوق.  
 قانكله دان التاو كيلدوم ديب  
 اوراقغه زورلق قيلماكتى-  
 قايراتنه منگان سونك  
 بوره لا كيتسه جات بولار  
 قليچ چاپسه ميرت قيلار.  
 سويراي- سويراي كوچار گه  
 سويرو تاو لار بولسه ايگه،  
 سويرو تاو لار بولسه ده  
 اونان سويراپ كوچرگه  
 سويرو اتان بولسه ايگه،  
 سويرو اتان بولسه ده  
 اوننك باسين جيتال  
 قويان قولتوق كييرما قاس  
 ارو چيچاي بولسه ايگه.  
 ارو چيچاي بولسه ده  
 سونكگوله اولدار توسه ايگه،  
 سونكگوله اولدار توسه ده  
 بيساوا- التاو بولسه ايگه.  
 بيساوا- التاو بولمه سه،

المانتك اغتئانده كو كى ايگه.  
جالغزده توغان سوم باسم  
بارومنان جوغم كوب ايگه.

### قارا باترنك تولغاغنى:

مىن تولغا ديسانك تولغايىن،  
اوراق سغان تولغايىن.  
قايقايداغه مجيد\*<sup>3</sup>  
وتير كمان كورچانه،  
تيران بويله\*<sup>4</sup> ايستاكته،  
مناراسى بيوك مسكوده،  
اوزه توكته اوروسته،  
باسى چوقتە قالماقتە،  
چولدورلاگان چورچوتتە  
اوزمه قاراتدوم.  
كاپر بولسانك اوق اتتوم  
مسلمان بولسانك جان تارتدوم.  
اون ايگه جاسقه كيلگانده  
اوچار جوپروك جباروب  
اون سان قولغا باش بولدوم.  
اون سكر جاسقه كيلگانده  
ايسان اوله بولايدي،  
ايسكه اوله جولايدي  
قرا باتر اتومده انكراتدوم،  
اغتقان قويداي مانكراتدوم.  
تورده جاتقان اوراقده  
او كبه گه تيوب اوياتدوم.  
اله نك اوله اي اوراق  
قايداردا قايدە جوروب تينكلدونك.

### اوراقتنك تولغاغنى

مىن تولغان ديسانك تولغايىن  
قرا باتر سغان تولغايىن.  
مىن سيننك توپ توبنكده ايتايىن.  
سین مشاقر ديگان شهردين  
ازوپ چققان يالغز اوپلى ساربايدونك،

\*3 По-видимому, тжик — таджик.

\*4 Опска, следует тирак бويلы — высочий, как тополь, башкир.

اكنك قرا كيسه ده  
 اس برگاننك قولی ایده،  
 چیچانك قرا كيسه ده  
 مال برگاننك كونكى ایده.  
 قرا قولام جالسز، ایر مالسز،  
 اللهنك قايرانان  
 مال برار كونی بولجالسز.  
 قرا قولام جالده جابلر،  
 ایزدیسه اوراق سنده میرزاغه  
 دوشپانتنك مالی تابلر.  
 قرا قولام جالی چینگالده  
 ایدونده توغان اوراقغه  
 ماتروشكه قلننك بالاسی  
 مالی منان تینك گالده.  
 یای بالاسی بایغه اوسار،  
 بایلانمغان تایغه اوسار،  
 قل بالاسی قلغه اوسار  
 قلاغن کیسکان ایتکا اوسار.  
 بوگوندین سونك بو توینك  
 ایرلداسقان ایتکه! اوسار.

### قیلچین ماقتاب بر سباغه قیلغانی،

سول کومرون جاغزده  
 سونده (سیکسان) سیکرت موغان.  
 باسونه چیدامای بالواندار جیلغان،  
 تویتارونه چیدامای  
 توقسان سیکرت موغان.  
 سوارونه چیدامای  
 ایدون کولدار قورغان.  
 ایدونینه چیدامای  
 ای بولتقه سینغان،  
 کورونه چیدامای  
 کوز قاباققه سینغان.  
 قینغه سالسه قیلت ایتکان،  
 سوروب السه جیت ایتکان  
 ساغهسی التون نور بولات.  
 او جگتتار، جگتتار،  
 بول سوزمده بلنکز—  
 جالغزده توغان اوراقغه  
 مونه ده بر سباغه قیلنکز.

## ПЕСНИ УРАКА<sup>1\*1</sup>

Через высокие, высокие горы верблюд пройдет принатужась.  
До дальней точки добежит быстро Каракула<sup>2</sup> мой, подобно  
тощему оленю, расстилаясь и пзгибаясь;  
На этом-то Каракуле понесется богатырь, подобный гроз-  
ному Ураку.  
Когда придет Азраил<sup>3</sup>, когда настанет час смерти, о молодцы!  
оставит тогда Вас единая пылинка — душа.  
Птица божья — голубь, по высоте небесной парит для пищи;  
Полосатую цветную камку<sup>\*2</sup> накиннув, рыщут храбрые за до-  
бычей;  
Вот почему, почему *تم اوجون تم اوجون* через моря бродил<sup>\*3</sup>  
По морям бродил, я, ища добычи.  
Был равен я с низшими себе, не равен с равными себе.  
Смотрел ли я в свою юрту, нет у меня ее украшения, полной  
черной сабы с кумысом.  
Посмотрел ли на длинные ряды<sup>\*4</sup> в кочевке: не видел я своих  
рядов.  
Сидел я дома не печален, выходил на свет я угрюм.  
Тогда-то снял я меч обоюдоострый, висевший в юрте, встрях-  
нулся и опоясался;  
Серкесана взял в повод и Тельсары<sup>4</sup> тоже.  
Серкесан мой не в теле, Тельсары мой без икр.  
Нарезав [кубарчина], на // песке растущего, я сделал себе  
плот и перешел большую реку.  
И дальнего врага против ветра обходил, и у дальнего врага,  
угнав огромные многопегие стада, сделал свое богатство.  
Владельцам стада нет прихода, если бы и пришли, без драки  
нет отдачи [скота].  
О! Молодцы, молодцы! нагие отправляйтесь в наезды;  
В этом обманчивом мире до предопределения нет смерти.

<sup>\*1</sup> Заголовок дается по казахскому оригиналу: *اوراقنك جولاغاني*

<sup>\*2</sup> *Камка* — шелковая ткань с рисунком в виде разводов.

<sup>\*3</sup> Метфорическое выражение море печали. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*4</sup> Длинные ряды верблюдов. (*Примечание Валиханова*).

\* \* \*

[Не пугайте], что Вас из канклинцев шесть,  
Не делайте насилие Ураку:  
Если он раз войдет в гнев.— он бешен,  
Вынет он саблю — смерть повсюду.

\* \* \*

Чтобы, длинно извиваясь, кочевать, хорошо, если есть высокие хребты гор. Если есть высокие горы, хорошо, чтобы по ним тянулась волнующаяся цепь верблюдов; чтобы вести волнующуюся цепь, хорошо, если есть старушка-мать; если она есть, хорошо, если есть дети копыеносцы; если есть дети копыеносцы, хорошо, если их пять или шесть, если нет того, то лучше, когда нет плода, нежели зелень<sup>5</sup>. О! Лучше б было единойродная моя, злосчастная голова не была бы вовсе на свете<sup>6</sup>.

\* \* \*

26 об. || Карабатыр говорит<sup>7</sup>

Если хочешь, то буду говорить я и скажу тебе, Урак: 1. О далеких маджид<sup>\*5</sup> и торкоманах<sup>\*6</sup> и грузинах; 2. Глубоко лежащих башкирцах<sup>\*7</sup>; 3. Высокобашенной Москве; 4. Мохнаторотых русских; 5. Хохлатоголовых калмыках; 6. Дикоговорящих чурчутах<sup>8</sup>— я одному себе обратил<sup>9</sup>. Если ты неверный,— стрелы обращаю, м-лим<sup>\*8</sup>,— душу мою к тебе располагаю. Когда мне было 12 лет, стрел-бегунцами владел, десять тысяч рати я был голова. 18 лет когда мне было (подобно Булаю, сыну Есена, подобно Джолаю, сыну Эсеке), имя Карабатыра повсюду пустил и славил; подобно баранам после доения, заставил блеять (и тогда) беспечно лежащего Урака, под пояс пнувши, разбудил; Сын Алия Урак! Когда и где будучи со мной был равен?

Ответ Урака<sup>\*9</sup>

Я, если хочешь, скажу, Карабатыр, тебе, скажу я твой корень и происхождение скажу. Ты был из города Машакр, выбежавший единойдомный выходец (сарт). Отец твой был простой человек, хоть давшего был слуга<sup>\*10</sup>, мать твоя была простая бедная

---

\*5 В казахском оригинале: *مجيد*, вероятно, надо читать: *تجيك* таджик.

\*6 То есть туркменах.

\*7 В казахском оригинале: *تيران بويلی* — опска; следует *تيراک بويلی* — высокий, как тополь, башкир.

\*8 То есть муслим, мусульманин.

\*9 Подзаголовок в казахском тексте: *اوراقنسک تولغاغنى*

\*10 В смысле: жил на подачках.

женщина п рабыня всякого, давшего деньги. Каракула мой без холки, не в теле и молодец без скота — богатства. Но божия милость велика, день когда дает мне богатство, — неизвестно. Но дни божия || (может) Каракула [мой] будет в теле. Если (захочет) поищет, мирзе, подобному Ураку, вражие табуны найдутся. [У моего] Каракула холка с горсть, грознородившемуся Ураку. Раба Матрушки сын через скот свой сравнялся. Сын богача на богача похож, на невязанного жеребенка похож, раба сын на раба схож, на собаку с отрезанными ушами схож. После этого дня этот праздник твой на драку собак будет схож.

### Хвалебные песни своей сабле

При зажигании угля 80 учеников устали\*<sup>11</sup>. Для раздувания [меха] богатыри собирались. Ковку не выдержав, 90 учеников измучились. При погружении [закалке] и огромные озера иссушились. От блеска его луна за тучи укрылась и глаза под веки бежали. В ножны — гром, вынул — молния. Золото — эфесный сверкающий булат. О! Молодцы, молодцы, в эти слова вникните и единорожденного Урака в товарищи примите\*<sup>12</sup>.

---

\*<sup>11</sup> Точнее: *умаялись, выбились из сил (мольган)*.

\*<sup>12</sup> Точнее: *и единорожденному Ураку их посвятите*.

## ТЕНКРИ (БОГ)

199 || Огонь почитается за аулие (святой) ... Проклятие ...\*<sup>1</sup> В огонь нельзя плевать, нельзя наступать на очаг. Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца [мужа], принести в жертву огня ложку масла\*<sup>2</sup>, делает салем (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь), приговаривая: «аруах разы болсын» — аруах (дух предков), будь доволен! Во время горения жертвы мать или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь огня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом: будь мягка, как кожа. Для того, чтобы дать джан\*<sup>3</sup> (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек<sup>1</sup>.

Лечат огнем так: из семи частей тела скота вырезают куски, бросают в огонь и греют больное место (преимущественно в ревматизмах). Очищают от болезни в этом жертвенном огне, бросают в огонь жестяной ковш, раскаляют его до красна, потом кладут в него масло и синюю тряпку; когда это загорит, то подносят его под самый нос больного и наливают холодную воду — выходит ужасный пар. Способ лечения называется джеллашук\*<sup>4</sup>.

Когда увидят новую луну, то три раза прискакивают и три раза делают поклон, потом срывают траву и, принеся домой, бросают в огонь.

199 об. || А р в а х — дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, говоря: «аруахи, держите меня за руку и поддерживайте под мышки»\*<sup>5</sup> и приносят жертву; из коров, такую корову: с рогами наподобие луны и копытами наподобие аша\*<sup>6</sup> (юрту поддерживает); из баранов — белого с полоской на

\*<sup>1</sup> В рукописи оставлено место, очевидно, для казахского слова *қарғыс* — проклятие.

\*<sup>2</sup> По-казахски: *Отға, май құю*.

\*<sup>3</sup> То есть *жан беру* — принять присягу, клясться душой.

\*<sup>4</sup> Искажение переписчика, точнее: *джеллушик* — заклинание ветром.

\*<sup>5</sup> По-казахски: *Аруақ қолдай көр, қолтығымнан жебей көр*.

\*<sup>6</sup> *Ай мүйізді, аша тұяқты*.



лбу\*7 и белого с желтой головой\*8, синего барана с ушами наподобие баурсаков — с раздвоенными ушами и двумя зубами, и совершенно белого, как снег, с полоской на лбу — и также первенца в стаде. Если пожалеют первенца\*9, то вымазывают слюной обещанного животного голову другого барана и приносят в жертву. Когда умирает человек, то его аруаху — духу — зажигают по одной свечке каждый день до сорокового дня, или только четыре дня. Свечи ставят у право[й стороны] порога. Потому [что] полагают, что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту и узнает о расположении детей; для того каждый день до зажжения свечи в сумерки отворяют дверь, напольняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав коран, выставляют чашку аруаху и зажигают свечку.

При выносе покойника говорят: «от бога целым телом далек» и обводят около него домашнюю утварь, съестное<sup>2</sup>.

Земля не имеет почтения, не ходят по месту, где была стоянка аула, почитая его местом собрания духов, боясь арвахов, и вообще болезни ревматизма, которые приписывают неосторожному походу. Только не рвут первую траву.

200 Звезды почитают душами людей, если видят падение звезд, то говорят: «моя || звездочка стоит еще!» и делают два раза воздушное [движение], думая, что одна душа ...\*10 и, следовательно, индивидуум должен умереть. Часто приходится слышать [от] отца при входе его вечером в юрту: «Сегодня двое должны умереть». «Как?— Две звезды пали».

Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (мухаммеданского [святого]); все курганы называются *оба*, что значит куча. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и чочевок. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей.

Соленое озеро тоже называется *кен*, место, куда брошен взгляд аруахов или аулии.

Вообще скот, как единственное средство народа, ведет к разным поклонениям к нему: не наступают на кости животных; если прольется молоко, киргиз все [очищает], чтобы не оставить их [в осквернении]\*11 и чтобы умплощить..., делая крест и поклон\*12..., [поднося] правую руку к лбу, подбородку, правому

\*7 Бозқасқа.

\*8 Ақсарбас.

\*9 Тұмса мал.

\*10 В рукописи оставлено место. очевидно, для казахского выражения *жан біреу-ақ*.

\*11 Кесір.

\*12 Тәу ету.

плечу, потом левому. То же делают, когда переходят через конские джели, говоря, что джели имеют кие и делают таут<sup>\*13</sup>...

200 об. Если увидят кузнечную наковальню, || то тотчас подходят и делают крест. Не переходят через укрюк, топор и бакан<sup>\*14</sup>, говоря: переступивший через бакан не разбогатеет<sup>\*15</sup>, переступивший через топор никогда не будет довольствоваться<sup>\*16</sup> ...лошади<sup>\*17</sup>, верблюды, бараны, коровы. Последнее животное, если попадает ночью, то киргиз должен ударить плетью, ибо это есть седалище злых духов. Козы также не уважаются. Если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют аулие<sup>\*18</sup> и почитают выражениями счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям киргиз, злые духи-шайтаны, почитаются также за предмет счастья, таких животных никому не отдают: «счастье уйдет»<sup>\*19</sup>, если отдают — только берут так называемый слекей — слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту<sup>\*20</sup>. Не стреляют лебедей, боясь кие, и называют его<sup>\*21</sup> царем птиц. Не бьют сову, филина, дятла, кокарга (синяя ворона) и кукушку. Последнее был человек. Приехал жених, у него потерялась лошадь, сестра невесты отправилась в поиски и второпях надела один сапог жениха, другой свой; это было весной, вот отчего у кукушки одна нога красная, другая синяя и вот почему кричат аты жок көкек<sup>\*22</sup> (нет лошади, ку-ку). Кукушка имеет хасиет (священное). Берут ветку, на которой сидела кукушка, и бросают в сабу с молоком<sup>\*23</sup>, говорят, что даст обильное масло.

203

|| Мухаммеданская вера..., [соединяя с] единобожием веру в тангриев и допуская существования бесплотных душ, джин, периев и шайтанов, не могла уничтожить злых духов шаманских. Перп бывают мусульмане и кафиры; неверные пери всегда делают зло и бывают в образе коршунов, орлов; вторые делают зло тогда, когда человек сам [провинится], они кочуют, как киргизы, делают так и... бывших в их аулах.

Д ж и н — это дух, к которому обращаются баксы, это бес, который имеет свои имена; они бывают мужчны и женщины,

\*13 От казахского: *тау егу* — народный обряд посвящения или предназначения (жеребенка, коня и т. п.).

\*14 Бакан подпирает чангарак — круглый свод (юрты). (Примечание Валиханова).

\*15 По-казахски: Бакан аттаган байымайды.

\*16 Балта басқан жарымайды.

\*17 На полях карандашная пометка: *джилки аулие* (лошади святые).

\*18 Собственно: *құт* — счастье.

\*19 *Құт кетеді*.

\*20 То есть в карман.

\*21 То есть лебедя.

\*22 Аты жок көкек — удод (буквально: безымянная кукушка).

\*23 Предназначенное для масла и сырников. Это молоко называется эркыт. (Іркіт). (Примечание Валиханова).

молодые и старые, и, по уверению баксов и народа, они имеют образ человеческий, об них скажем в статье о баксах.

А л б а с т ы — дух, вредящий при родах. Их называют также джезтырнак — с медными когтями. Их глава — сорель\*<sup>24</sup>, вышины 3 сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта очень тонкие.

Болезни у мусульман назыв[аются] джин. Он имеет вид рослой девки, с распущенными волосами, с грудями такой величины, что всегда бросает на плечи.

С о р е л ь — это леший, по некоторым сказкам муж албасты; по некоторым сказкам он принимает всевозможные формы; говорят, что он живет в дремучих лесах, имеет вид человека; обыкновенное человеческое туловище его так длинно, что он бывает равен с лесом. Убивает человека, измучив еще щекотаньем, это — русский леший.

263 об. К о н - а я к — это человек, вместо ног имеет ремни, живет в лесах и [на] островах. || Призвав неосторожного путешественника, садится на него, обвязывает его ремнями и ездит на нем до тех пор, пока [тот], выбившись из сил, не падет.

Д ж е з т ы р н а к — медные когти. Это дух в образе женщины, живет также в лесах. Предание о джезтырнаках.

В сказках существуют людоеды: предание о Батыр-хане. При рождении дитяти бросают жертву в огонь, бросают сало, говоря: «у белого верблюда брюхо распоролось»\*<sup>25</sup>.

Если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком ой баурум (о, мой родственник, баурум [моя] печень), устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить дерево юрты<sup>3</sup> (босаги-косяки).

Есть жертва круговая — айналмак, жертва три раза обходит существо\*<sup>26</sup>, для которого люди [это] делают. Так, схватывают птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все мое несчастье и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят а й н а л а н — обойду вокруг. Нежная мать говорит любимому сыну: а й н а л а н к а р а г ы м (зрочок), ш ы р а г ы м (светильник), т. е. обойду вокруг зрочок, светильник [мой].

204 || Все предсказатели у киргиз называются баксы\*<sup>27</sup>..., и все предсказания свои они говорят от лица своих духов, которых они, применяясь к настоящему мусульманству, называют п е р с т е\*<sup>28</sup> — ангелами, а народ, как правоверные, хотя и не верует в священность их... и хотя называет их джинами, но верует в их могущество, в могущество творить зло, — следовательно, все

\*<sup>24</sup> Мифическое существо, обитающее на высоких деревьях.

\*<sup>25</sup> По-казахски: «ақ түйенің қарны жарылды».

\*<sup>26</sup> В частности, тяжелобольного.

\*<sup>27</sup> Иногда: *бакшы*. В тексте далее оставлено место, очевидно, для слова *бағы* в арабской транскрипции.

\*<sup>28</sup> То же: *перште*.

болезни и напасти суть влияние и порча духов; а баксы, их любимцы, могут упросить своих патронов оставить особу, которую он берет под свое покровительство. Впрочем, много еще таких, которые безусловно верят в сверхъестественность и божественность баксыев. Духи эти бывают... великие, средние и мелкие, отчего баксы... и их силы бывают разные. Великие лечат всех больных..., режут животы, помогают при родах, заставляя своего духа угнать албасты, гадают, призывая духа своего и грою. Признаки большого баксы суть следующие: во время игры кладет саблю в живот, выпускает до эфеса в горло, лижет раскаленное железо, бьет из всей силы себя в грудь топором, и все это сопровождается игрою на кобызе, инструменте, принадлежавшем

204 об. аулие Коркоту, и || пением, которое называется с а р н. Игра — это призывание духов, кличка<sup>\*29</sup> их; во время игры [баксы] все более и более дурет, делается неистовое и падает. Через несколько времени он встает и говорит то, что сказал ему во время этого обморока его дух... Это — пророчество. У некоторых [баксы] еще во время игры [по]являются на лбу, на щеках железные иглы и на руках вместо ногтей — ножи. Духи эти имеют имена, как отдельные индивидуумы повсюду и представляются своим баксыям в виде бабы, стариков, ходжей и девок — сары кыз — желтая девка.

Гадатели. Все баксы суть гадатели на собственном их способе гадания — игрой с плетью, держа ее между двух пальцев... равновесия.

Женщины, имеющие духов, называются ильты<sup>\*30</sup>. Это тоже баксы.

Гадатели: д ж а у р у н ч и<sup>4</sup> — по бараньей лопатке, к у м а л а к ч и<sup>5</sup> — раскладывают известным образом круглые шарики. Число шариков — сорок один. Эти два рода общеупотребительные. Шарики, говорят, употреблял пророк Даниил<sup>6</sup> (Даниер). Первое основывается на наблюдениях линий, которые образуются от линий при ее обжигании. Баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей... и судьбы путешественников.

201

Сильные те, которые гадают по необожженной лопатке. || Для гадания употребляется лопатка; выварив, мясо съедают, но до кости не должно касаться зубами; когда бросают в огонь, то около не должно быть железа. Анекдот о предсказании одного кумалакчи и об объяснении джаурунчи.

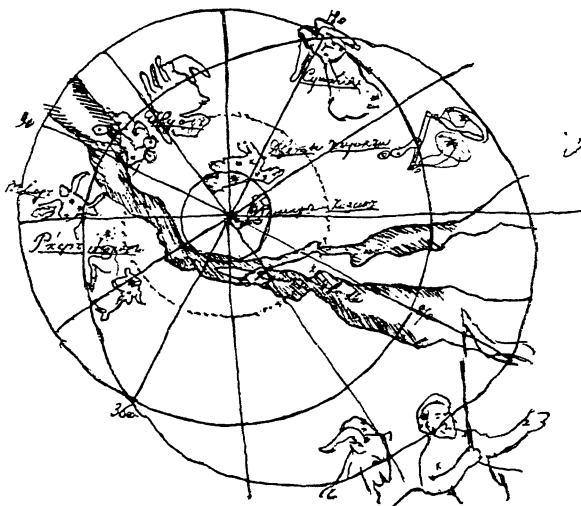
Ильты гадают обыкновенно по цвету пламени, бросая в огонь жир: если горит светло — значит предзнаменование хорошее, темно и красно — нехорошо. При этом джин требует какой-ни-

<sup>\*29</sup> То есть выкликание.

<sup>\*30</sup> Ильты — состояние полного опьянения или экстаза. Происходит от казахского слова елту — опьянеть (от курения гашиша или опиума).

будь эксцентрисности от бакши. Она все время пьет воду — ведро, или [употребляет] целый рот табаку<sup>7</sup>.

Предсказатели метеорологии называются и себчи — числитель. По их мнению, и погода имеет известный оборот, смотря по созвездию: так, берут всегда за альфу саратан, апрель, и созвездие джауза (рак), его первое число соответ-



- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл
- Қызыл — Ақпан — Қызыл

Зодиакальный знак казахского народного календаря. Рис. Ч. Валиханова.

ствует первому числу месяца карача (октябрь) и созвездию каус (август).

Из бакшеев прославились баганалинец Койлубай, это патрон всех баксы. Еще Балакай, баганалинец, и в настоящее время в Кокчетавском округе баксы Чумен. Кокаман и Ир-Чойлан — это его духи. Ир-Чойлан, главный Надыр-Чулак. Рассказывают, что он [Койлубай] на одну байгу поставил свой кобыз, предварительно с места приказал его привязать. Когда показалась далекая пыль байги, Койлубай с саблею в руках начал свою игру и пение сарн, || вдруг со стороны байги показался страшный ураган и подул порывистый красный ветер, наконец, в хаосе пыли и тьмы показались первые лошади и впереди саксауловое дерево с огромным корнем, задевая то одним концом, то другим землю и волоча за собой длинный аркан. Это был кобыз Койлубая. Ветер и ураган это были силы его духа Кокамана. Приз был получен.

201 об.

Ни один дух баксы из албасты, давителя при родах, не имел власти [при присутствии] Койлубая: для албасты следовало Койлубая послать только плеть или шапку, тотчас [албасты] оставлял. В народе до сих пор есть сказание об одном случае,

когда на лбу [Койлубая] появились морщины...<sup>\*31</sup>  
Глава духов его из периев был Надыр-Чулак, из джинов —  
Кокамани из пайтанов — храбрый Чойлан. Духов своих  
он держал в строгом порядке: они составляли три куряна<sup>\*32</sup> и  
по его требованию обязаны были выставить хорошо воору-  
женный отряд.

Все это сказание из уст народа.

Однажды во сне по обыкновению с докладом будущего явил-  
ся Надыр-Чулак, глава периев, и объявил ему, что через не-  
сколько дней при родах одной женщины будет сам царь албастыев и советовал ему туда не ездить, говоря, что уже довольно  
202 мы восстали на себя собрание духов ради прихотей челове-  
ка. || Вставший наутро Койлубай, при разговоре сообщил поверх-  
ностное замечание, что на днях будут страшные роды. Действи-  
тельно, через два дня явился гонец от такого-то бия, прося по-  
мощи Койлубая. Все киргизы были уверены, что пока есть  
Койлубай они защищены от всех напастей, кроме смерти, тагды-  
ра (судьбы) и гонец явился очень веселый, в полной надежде  
на могущество Койлубая. Не ехать — значит потерять авторитет  
и показать свое бессилие против таких ничтожных чертей, ка-  
ковы албасты, ехать — значит не уважать просьбы и советов Нады-  
ра и рисковать собой. Но честолюбие, великий двигатель народа  
киргизского, взяло верх. Койлубай отправился в путь, отпустил  
гонца вперед и приказал ему собрать двести человек около юрты  
большой, отворить в юрте двери и тюндук (верх юрты). Два вто-  
рых куряна в полном вооружении под начальством Кокамана и  
Чойлана, при нем Надыра не было: он был оскорблен и не по-  
ехал. Подъезжая к юрте, поднял гвалт и, размахивая саблей,  
въехал в юрту, и устремил глаза, полные гнева и бесстрашия,  
на чанарак юрты, размахнул саблей, сабля ударила обо что-то,  
звон был металлический... Койлубай крикнул и упал бездыхан-  
ный с лошади, терзаемый ужасными конвульсиями. Из рта и  
ушей струилась черная запекшаяся кровь. Большая, лежавшая  
202 об. прежде в самоунынии, || упала в обморок. Когда Койлубай уви-  
дел на чанараке царя албастыев, на черной, как черный бархат,  
закованного с головы до ног в синее железо, [с] одним глазом,  
огромным, как чашка для кумысу, торчавшим на середине ши-  
рокого лба, — он злобно улыбался на Койлубая и говорит: «Тебя  
мы уважали и дали много, но дай же хоть раз нам» — и в руках  
держал огромное красное знамя — атрибут своей победы. Метал-  
лический звон был звоном его панциря, он победил Койлубая.

Народ был в ужасе: Койлубай лежал, как издохшая лошадь  
среди степи, в юрте; какой-то туман покрывал юрты, и страш-  
ный сверхъестественный шум и гул смущали души людей. Это

<sup>\*31</sup> В рукописи оставлено место, очевидно, для казахских слов *маң-  
дайды тыжырылып*.

<sup>\*32</sup> Собственно, *күрен* — войско, дружина.

была ужасная битва между курянами духов койлубаевских и одноглазым царем албастыев<sup>8</sup>. Черный скакун пргиво вертелся под духом, и он твердо стоял на своем месте. Вдруг вдали подул страшный ветер, огромная черная туча с страшным громом, с ужасной быстротой неслась по воздуху и над юртой вдруг спустилась: мрак покрыл воздух, шум усилился, раздался треск, туча быстро направилась на запад. Это был Надыр-Чулак, он не мог перенести беду своего любимца, с отборной дружиной, с коротким сосновым копьем, грудоломом явился и вонзил копье в самую грудь одноглазого шайтана. Албасты бежали. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочил с места, крича: «Айна-лаин (буду кружиться) Надыр-Чулак, я твоя жертва!»— Схватил кобыз, начал играть, крича во все горло: «Схвати его живого и приведи его ко мне». Большая тоже вошла в себя: «Иншаллах, тауба» (слава богу, прости, боже!). Албасты были разбиты наголову, царь их полонен и связанный представлен к Койлубаю: его принял в службу, назначив начальником албасты.

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII в.

1. Аблай-хан<sup>1</sup>, в одном набеге на джунгаров<sup>2</sup> отправил вперед для разведывания 1000 ч[еловек], разделив на два отряда под начальством двух храбрых батыров: карабужур канджигалинца Джанатай<sup>3</sup> и из того же рода Богенбая<sup>4</sup>—старшего<sup>\*1</sup>. Батыры долго не возвращались; Аблай начал беспокоиться не на шутку; о судьбе этих батыров спросил у барда (певца) своего Бухарджирау<sup>5</sup>, «Что сделалось с моими молодцами и отчего они так долго не возвращаются?» Бухар отвечал:

«Джанатай пройдет через Талкын,<sup>6</sup> Богенбай пройдет Кульджаном<sup>7</sup>. А Хан-Баба<sup>8</sup> назад прибежит. У Джанатаева Талкына проходы тесны и опасны». Джанатай мой в беду попался, думает Аблай. «Джанатай пойдет, пройдет в улусы и возьмет, от края оторвет. Джанатаем взятую белолицую девицу хан Аблай-султан да возьмет». Сам Аблай говорит, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказание, ему казалось, что от радости макушка его задевает небо<sup>\*2</sup>.

2. Однажды Аблай должен был ретироваться от отряда кытайцев и был ужасно печален и сердит, зная, какое может иметь влияние на легкомысленных киргиз эта маленькая неудача. Тогда один из бардов его Татикара-джирау<sup>9</sup>, для одобрения<sup>\*3</sup> бегущих кайсаков и для самого Аблая пел так:

«Бежавшие китайцы снова начали движение, натянулась тетива из куланьева хребта. Крепкороберный и широкожелудочный Аблай, перенеси это одно дельце. У врага-китайца клячи как колчиги изловчились, нет — хан Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал», — он двигался только косо. Басетинец Серымбет<sup>10</sup>, стрелы бросая, бился. Не ищи ума при бегстве! Нет хладнокровия при торопливости! Баян<sup>11</sup> уаковцев<sup>\*4</sup>, да мы и это видели! Когда он, поворачиваясь назад, копьём работал».

<sup>\*1</sup> В смысле старейшего в народе.

<sup>\*2</sup> Задевать небо — «тубеси-кокке жетер» — выражение, означающее верх радости, чести и славы. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*3</sup> Искажение переписчика, следует: *ободрения*.

<sup>\*4</sup> Это любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из рода уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сары: отчего часто называют их вместе Сары-Баян. (*Примечание Валиханова*).



3. Аблай собирал народ, чтобы предать на разграбление (чапу)<sup>\*5</sup> аул одного уйсунского бия Эрденэ-батыра за какой-то относительно его проступок. Хан был на этот раз [так] недоступен, что никто не решился вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-певец решился и затрубил так:

«О Аблай! Аблай! Подобно ари и гури<sup>\*6</sup> возносится и соперничает с горами твоя слава; не помещаются в пяти воротах отпущенники-рабы твои<sup>\*7</sup>. Перейдите за Алатау, потушите гнев, если потушите, то не придет ли с 80 выюками вещей<sup>\*8</sup> Эрденэ называемый, твой пестрохалаточный раб».

4. По преданию, Аблай, выехавший из Туркестана в степь к Абулмаммет<sup>12</sup>-хану, как к самому близкому родственнику, приехал с дядькой своим Уразом на одной лошади и обстоятельства заставили его жить несколько времени инкогнито у одного богатого киргиза караульского рода, отделения якшилык Даулетбая, где он, как говорят некоторые, был при табуна лошадей. Жена Даулетбая не без удивления заметила, что молодой иностранец никогда не просит пищи, пока не дадут, и что тогда берет очень неохотно; а из нечистых чашек совершенно не пьет. Это совершенно не киргизское поведение: эксцентричность обратила внимание хозяина, который тогда через расспросы у Ураза узнал о его происхождении, тотчас увез его к хану Абулмаммету, одарив его лучшей лошадейю из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук (пламя-хвост), первый сподвижник похода молодого султана, Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз.

5. Плен Аблая у Галдан-Черена<sup>13</sup>. В одном из нашествий джунгаров на киргиз Аблай убил на единоборстве сына Галданова Чарча. Галдан, узнав о смерти любимого сына своего, приказал виновника его, кто бы он ни был, где бы он ни находился, схватить.

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплох на охоте, схватили с несколькими биями, с знаменитым батыром Худайберды атыгаевского рода Джапеком<sup>9</sup> и привели к Галдану.

На вопрос, где ты убил моего сына, Аблай отвечал: обвинение пало на меня, а был убит народом, через меня исполнилась воля народа над сыном твоим Чарчем. Галдан был так доволен этим ответом, что несколько раз повторил: мён, мён, остановил палачей и велел запереть в юрту и иметь строгий

<sup>\*5</sup> Собственно: *шабу* — нападение, атака.

<sup>\*6</sup> *Ари и гури* — сфера абсолютного пространства, что за 7-м небом. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*7</sup> Отпущение рабов есть на востоке одна из первых добродетелей и есть первый признак великодушия. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*8</sup> Штрафу (апб). (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*9</sup> Искажение перепсчичка, следует: *Джапаком*.

надзор. Тогда-то начались мучения Аблая: мать Чарча каждый день ходила смотреть на уби́йцу сына казаков (киргизов), каждый день исправно мучила их угрозами и проклятиями, отпускала изрядную порцию энергического проклятия, сопровождала их не менее энергическими жестами и приговаривала: «Как ты мог убить его? Разве можно было убить его?» Аблай не вытерпел и однажды, когда по обыкновению после предварительных сентенций, [она], скрежеща зубами, поднесла кулак свой к его лицу, сделала обычный свой вопрос, он отвечал: «Где же умирал такой блудный раб, как твой сын, старая калмычка!». Она бросилась к мужу, требуя смерти дерзкого казака, и Галдан, боясь чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его<sup>14</sup> и Джапака-батыра, взяв в аманаты (заложник) сына последнего, который по ловкости своей на охоте и храбрости прослыл под именем Рыжего киргиза (Сары-казака)<sup>15</sup>.

6. Когда спросили у Аблая, кого он из батыров более уважает из всех 3 орд, он отвечал: «Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек<sup>16</sup> каракесековец, который возвратил от Галдана 90 своих пленных, и Дерсалы уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрасил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малайсары<sup>17</sup> по богатству, храбрости и по характеру уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех».

7. Байгозы<sup>18</sup> батыр тарактинец. Во время преследования торгоутов<sup>19</sup>, бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках курт с водой; словом завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой Джаныбек<sup>20</sup> батыр чакчаковец — аргын, известный по своей чрезвычайной гордости. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал: «Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!» Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколотил трубку о каблук своих красных сапогов, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников, первый вышел тот молодой человек, который просил трубку у Джаныбека. На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда<sup>\*10</sup>, тот же молодой киргиз отвечал: «Не много и не мало». Бой начался, калмыков

<sup>\*10</sup> Очевидно, пропущен сам вопрос: «Много ли врагов?»

было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говорил громко: «Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана<sup>\*11</sup>». Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в щелку (?) и пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: «Этот, кажется, был в шкуре самого аллаха». Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закурив трубку и подходя к Джаныбаю<sup>\*12</sup>-батыру, сказал: «Батыр, вот время, когда можно курить». Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

8. Балталинец Уразумбет<sup>21</sup>-батыр славился удивительной ловкостью и быстротою действия. Баенбай<sup>\*13</sup>-батыр [бага]налинец рассказывал, что ему однажды случилось быть вместе с Уразумбетом: ночью поехали они на аул калмыков из 8 юрт; они решились напасть — сказано и сделано; пока он, Баенбай, успел перебить калмыков в двух юртах, как явился Уразумбет-батыр, объявил, что он доканал всех. Он получил двойную добычу.

9. В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама<sup>22</sup> черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков, никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке сыргелинец Ильчибек<sup>23</sup>-батыр и отправляется на калмыка мелкой рысдой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль — осечка и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: «Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку». У киргиз вошло в пословицу — фитиль с нагаром курунова<sup>\*14</sup> черного ружья.

\*11 Правильно: *балуан* — сплач.

\*12 То есть к Джаныбеку.

\*13 Точнее: *Баянбай*.

\*14 *Коруи* (Корум) — имя меткого стрелка и легендарного изобретателя дальнобойного фитильного ружья.

10. Валихан в молодости был известен за большого чудака и «тентека»<sup>\*15</sup>. Он был причиной одной войны с калмыками, которые покорились Аблаю и пришли в степь, чтобы остаться при нем. Пospорив с молодым нойоном<sup>24</sup> за девушку, Валиханул его и изломал тяжелыми каблуками тогдашних античных сапогов ребра бедного калмыка.

11. Между башкирцами известен во время Аблая Исет-батыр; рассказывают, будто он имел однажды встречу с Аблаем, схватил его под мышку и понес с такою же легкостью, как бы свою шапку.

12. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргиз, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель преследовал их до реки Или. Казаки переправились вброд. Киргиз Темирджан-батыр, увлекшись, зашел с малым числом удалцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копьё под самую грудинку лошади с такою силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьём — манап повалился на землю. Томача-батыр, он был низкого роста, но с великою душой, он сел на него и распорол живот — это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея подобно белому сазану<sup>\*16</sup>. (Манапами называются родоначальники дикокаменных киргиз). Темирджан был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы увидели смерть любимого манапа, начали преследовать с ожесточением. Сергелинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади, чтобы стрелять, затем [были] взяты киргизы Усен-батыр и Алтай, Байгозы-батыр. Байгозы-батыр был выбран по жребню, как жертва за смерть манапа. Его спросили, кто убил батыра? Он отвечал твердо: я не хочу быть доказчиком ни на кого.

Его посадили, обратив лицом к востоку, отмерили 40 шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, что решительно ничего не думал и не боялся: «Завязав крепко на голове<sup>\*17</sup>, я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шант, я не хочу крови, ты, казак, свободен». «Я не мог подняться, кровь в жилах совершенно остановилась, и пот градом лил с лица». Он был выменен на од-

<sup>\*15</sup> Тентек — озорник.

<sup>\*16</sup> Белый жпр. (Примечание Валиханова).

<sup>\*17</sup> То есть обвязав крепко голову.

ного из братьев Темирджана, бывшего в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него жизнью поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

Вот плач сестры по Темирджану.

«В табуне сивая лошадь, у которой, если поворочу, будет болеть шея. Подобный ханскому сыну братец, если не потяну, будет болеть у него сердце; братец — что же я сделаю? Боже, как бояк\*<sup>18</sup> в бокше\*<sup>19</sup>, как саяк в табуне, как манат (китайская материя). Подобного ханскому сыну, брата не помяну — будет болеть сердце, ох, братец, что я сделаю, боже!»

31 13. Последнее преследование бежавших торгоутов в преданиях народа известно под именем «тыльного похода». В этом походе народу было более с а н (без счета), хан стоял на сборном месте, не двигаясь; он дождался храброго батыра Баяна, несмотря на ропот других батыров. || Наконец явился с 540 человеками и он предстал перед ханом: «Куда, что прикажешь, я исполню». Хан обратился к народу и сказал: «Вот зачем я так долго ждал Баяна». В это-то время кандигалинец Джанатай-батыр, державший передовой караул с отрядом в 500 человек в расстоянии суточной езды, был убит калмыками. Это случилось так: брат Джанатай Уйсунбай, делая разъезды, взял у калмыков 3 верблюдов; когда по возвращении у него брат же его Аркандар-батыр попросил должную саугу (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки — можешь сам взять: болезни у тебя нет». Аркандар, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы в свою очередь доказать брату свое удалство, с 7 товарищами, с знаменитым Ко на й е м, сыном Куян-Кузды (заячь глаза), напали на стадо калмык, взяли 9 верблюдов. Аркандар отправил добычу с 7 товарищами вперед, сам отстал, чтобы остановить или заманить в противную сторону направляющуюся погоню.

31 об. Сначала товарищи видели как Аркандар искусно умел заманить их в противную сторону, || потом видели, как будто батыр окружен. Взшедши на гору, увидели, наконец. Показалось — со всех сторон идут. Туй! Аркандар убит. Когда узнал Джанатай о смерти любимого своего брата, сделал проклятие и поклялся против убийц: «Или умру, или напьюсь вашей кровью!» Велел подать лошадей, с 500 человек отряда ворвался в ставку калмыков, их было 10 тысяч, и утонул в битве — битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсунбай с распоротым животом, держа внутренности в полах своего халата, дрался и спрашивал: «А что, Джанатай-батыр, с распоротым животом можно ли жить?» Все пали, остался Джанатай и 8 человек и

\*<sup>18</sup> Краска.

\*<sup>19</sup> Сума.

сын его Тоқыш. Джанатай слез с лошади, подал ее сыну, говоря: «Отправляйся домой, пробейся, ибо не будет человека, который при случае мог бы за меня отомстить»,— и пал. Когда Аблай узнал о смерти Джанатай, плакал неутешно, говоря: «Не дававший себя точить, черный булат мой!»

Все войско (ходом чабдул<sup>\*20</sup>) быстро устремилось на Или и до прихода калмык окружили все броды.

32

Калмыки остановились, послали семь человек послов, во главе которых || высокий черный калмык в огромной, как котел, лисьей шапке, сошед с лошади за несколько сажен, подошел к хану и приветствовал: «Алла джар (Бог помощник)! Уса и Серен-хан послали меня: калмыки и казаки были братья, будем же и теперь ими, примите белые юрты— дань и будем мирны!» «Пошел!»— сказал хан, собрал батыров и начал совещание, выразив свое мнение: «Белые юрты надо взять, обнадежить и потом уже разграбить».

Баян отвечал: «Нет! Не берите белых юрт, не старайтесь обманывать: Уса и Серен обманули верхний и нижний Китай, обманут и тебя».

Хан два раза повторял свое, он два раза отвечал свое. Хан остался на своем.

Калмыки стали в расстоянии коча<sup>\*21</sup> баранов (переход 8 и 9 верст). Два дня ждали, нет калмыков, нет белых юрт, после (?) узнали, что прошло два дня, как они снялись и ушли. Баян взялся преследовать с 1000 человек, догнал в то время, когда они вошли в Китай, и не успел захватить только 40 саженями; на возвратном [пути] от воды, испорченной трупами || калмыков, они заболели болезнью кара тышкак (черные испражнения) и погибли и погиб знаменитый Баян.

14. Галдан спрашивал у Аблая, когда тот был у него в плену: «Какие государи выше других?»— «Кондакер<sup>\*22</sup>, русский белый царь, Ижен<sup>\*23</sup>-хан, Галдан, после я сам». «Мен, мен!»— говорил Галдан. «Управляешь малым народом, но достоин большого народа»,— сказал Аблай.

<sup>\*20</sup> Говорят также: *шабуыл* — атака, нападение, налет.

<sup>\*21</sup> Точнее: *көша*, от слова *көш* — кочевка, кочевой караван; көш жер — расстояние в один привал.

<sup>\*22</sup> Под этим названием раньше у казахов были известны сельджуки, а в более позднее время Крымское ханство.

<sup>\*23</sup> Так называли казахи китайских императоров.

## [ОБ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХАМИ БОЛЬШОГО ЖУЗА]

Вокруг нас на окраине Империи народы пробуждаются от сна, и невежественный мрак, в котором они были погружены многие столетия, начинает исчезать\*<sup>1</sup>. Внутренние смуты в Китае, расшевелившие умы этого дремавшего донныне колосса<sup>1</sup>, должны по естественному ходу дел разрешиться каким-либо переворотом. С другой же стороны, в Бухаре, в магометанских ханствах Средней Азии уже появились поджигательные фирмы турецкого султана, которые эмир бухарский старается распространять через своих эмиссаров между мусульманами, появилось, как слышно, и английское золото и люди из Стамбула; нет сомнения, что в скором времени на среднеазиатских базарах, на коих поныне еще первенствуют без соперничества русские изделия, появятся английские товары, а вместе с тем и европейское усовершенствованное огнестрельное оружие. Все это ведет к необходимости принятия деятельных мер предосторожности. Для лучшей видимости считаем излишним сделать краткий обзор положения нашей среднеазиатской границы.

С занятием на Сыр-Дарье форта Перовский<sup>2</sup>, а в Заилийском крае укрепления Верного, Россия стала у самых ворот Средней Азии и положила краеугольные камни, или межевые столбы, границы, долженствующей отделить владения империи от ханств, лежащих на юг этих двух пунктов.

Граница эта вообще еще мало известна и до сих пор не определена. Она считается условно по реке Чу, но и это обозначение существует по одним преданиям между русскими, кайсаками и кокандцами.

Сопредельные со среднеазиатскими владениями земли кайсаков Сибирского ведомства занимают ныне всю южную часть Западной Сибири, заключая обширное пространство более 1 000 000 квадратных верст. Вся эта степь, не имеющая никакой

---

\*<sup>1</sup> На полях помета: Об упрочении влияния в кпр [гизской] степи Сибирского ведомства, и в особенности в Семипалатинской, и уселении войск Отд. сибир. корпуса. С картой кпр. степи Сиб. ведом. Собственно его величества рукою написано карандашом: «По военной части представить сообщения, а все касающееся гражданского управления сообщить на обсуждение Сибир. комитета» 23 окт. 1856 г. Генерал-адъютант *Сухозанет*.

определенной границы на юге, ограждается с сей стороны мало-проходимым, пустынным, бесплодным пространством, называемым Голодною степью, на протяжении от запада к востоку от границы оренбургских кайсаков до озера Балхаша на 700 верст и оттуда далее к востоку еще 600 верст — спм же озером, рекой Или и построенным в Заилийской долине укреплением Верным.

Впереди [южнее] степей Сибирского ведомства расположены Улутауская станица и Актауское укрепление. Одни только верблужьи караваны в сих пустынных, песчаных и бесплодных местах находят скудный корм и воду в редких, необильных и отстоящих на дальнем друг от друга расстоянии колодцах.

Левый фланг степи<sup>3</sup>, составляющий нынешнюю Семипалатинскую область и опоясанный с юга и востока высоким снеговым хребтом Алатауских гор, обращен фронтом против бывшей Джунгарии и Малой Бухары, завоеванных в прошедшем столетии китайцами в царствование императора Цянь-Луна. Собственно же южная оконечность сего фланга хотя и обращена и со-предельна с Кокандскими владениями, однако по утверждении России в Заилийской долине, на коей занят уже центральный пункт укреплением Верным, [расположенной] в узле главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, между судоходной рекой Или и хребтом дикокаменных гор, фланг этот будет иметь положительную опору, особенно если поступят в верноподданство России все племена дикокаменных киргизов, которые, быв поныне угнетаемы кокандцами, конечно, более для себя выгоды [будут иметь] в покровительстве России.

Оградить южную границу особою связною линиею, примкнув ее к Оренбургской Сыр-Дарье, не представляется возможности, ни вдоль по северной окраине Голодной степи, ни ниже по реке Чу, которая на всей нижней половине течения не представляет решительно ни одного пункта, пригодного для постоянного водворения, тем более что поддержание всякого на сей части р. Чу твердого пункта по малопроеходимости Голодной Степи, лишенной кормов и топлива и самой воды (кроме по реке Сары-Су). было бы невозможно. Одна только верхняя часть р. Чу, от самого выхода ее из дикокаменных гор до того места, где более приближается к озеру Балхашу, представляет все условия для оседлости, и [проживание здесь] может быть поддерживаемо подвозами не только с заилийского укрепления Верного и Копала, но со временем и по озеру Балхашу, расположенному южной своей оконечностью от р. Чу не более [чем на] 100 верст.

От верховьев р. Чу самым лучшим естественным направлением будущей линии могли бы служить вершины гор Кунгей Алатау и северного их отрога, параллельного с р. Чу до р. Сыр-Дарьи близ города Азрета, или Туркестана. Принимая в соображение, что половина дороги от верховья реки Чу к Ташкенту занята кочевьями кайсаков Большой орды родов джалаир и дулатовцев и что кокандцы этих кайсаков удерживают в повинно-



венн только некоторым числом укрепленных пунктов, из коих высылают вооруженные команды для сбора зякета (подати), можно сказать с утвердительною, что при удалении оттуда кокандцев мы более, чем они, можем надеяться на содействие тех кайсаков, не стесняя их в кочевьях и в образе жизни.

Учреждение в кайсацкой степи Сибирского ведомства правильного управления, которое бы соответствовало пользе, нуждам и кочевым обычаям народонаселения этих пространств степей, составляло всегда предмет особого внимания и заботы нашей верховной власти.

В 1854 году на основании высочайшего указа, данного правительствующему сенату 19 мая того года, кайсацкая степь разделена на две части — из коих в одной, составляющей правый фланг степи и состоящей из 5 внешних округов, оставлено прежнее управление с переименованием ее в Область сибирских киргизов<sup>4</sup>, а из другой, находящейся на левом фланге и состоящей из Кокбектинского и Аягузского округов, лежащего на правом берегу реки Иртыша, Внутреннего округа кайсаков<sup>5</sup>, Копальского военного округа, городов Семипалатинска и Усть-Каменогорска и Бухтарминского укрепления, образована особая область под наименованием Семипалатинской, на основании высочайше утвержденного о ней положения.

Причины, побудившие разделить кайсацкую степь Сибирского ведомства на две части и образовать из них на левом фланге особое управление, заключались главнейшие в том, во-первых, чтобы разъединить огромную массу кайсаков Сибирского ведомства, рассеяную на необъятном пространстве, и вести каждую из вышеупомянутых двух частей к гражданскому образованию особым путем, соответственно пользам и видам правительства и условиям самой местности, сохраняя на правом фланге преобладающим пастушеский быт кайсаков и усиливая на левом хлебопашество и оседлость, и, во-вторых, чтобы ускорить развитие гражданской ответственности и промышленности левого фланга, весьма важного в политическом, военном и финансовом отношениях. Восточная часть этого фланга, нынешняя Семипалатинская область, прилегает к китайским пределам, а южная — к Ташкенту и Коканду; такое важное политическое и торговое значение этого края, наделенного всеми дарами природы, требует ближайшего наблюдения и упорения оседлости.

По высочайшему повелению в 1853 году занята Заилийская долина [на] 400 верст далее от Копала на юг, а в 1854 году приступлено к возведению на оной укрепления Верного и к образованию казачьих поселений, как в Заилийской долине, так и в верховьях реки Лепсы и около Урджара, прилегающих к китайской границе. Места для этих поселений избраны и отведены, половина переселенцев прибыла в прошедшем 1855 году, а остальные в нынешнем 1856 году.

Заилийская долина составляет весьма важный уголок в Алатауском округе. Плодородная почва земли этой долины, прорезываемой судоходною рекою Или и опоясываемой с юго-восточной стороны хребтом снеговых гор, превосходная растительность и климат ее и изобилие здоровых пресных вод делают ее лучшею страню Западной Сибири<sup>6</sup>. В отношениях политическом, военном и торговом Заилийский край имеет чрезвычайно важное значение. Находясь в узле трех держав и главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, он служит опорю против вторжений со стороны кокандцев и китайцев, занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде, приобретает большое влияние на дела с Кокандом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дикокаменными киргизами представляются виды на открытие торгового пути с Кашгариею, Яркентом, Тибетом и прочими местами Средней Азии.

Присоединение Заилийской долины имело уже последствием [то], что один из значительных родов дикокаменных киргизов бугу в 1855 году поступил в русское подданство, и нет сомнения, что вслед за этим и прочие колена дикокаменных киргизов последуют примеру бугу. Но вместе с тем присоединение обратило на себя внимание соседственных государств: Коканда и Ташкента, особенно после занятия Ак-Мечети.

Кокандцы, понимая всю важность значения занятой за р. Или позиции, приступили со своей стороны к усилению обороны пограничных крепостей Пишпек, Мерке и Аулие-Ата и всемерно сияются подстрекать дикокаменных киргизов и кайсаков Большой орды, находящихся в подданстве России, действовать с ними заодно.

Кайсаки Большой орды состоят ныне в заведовании особого пристава из военных штаб-офицеров, который управляет ими на основании составленной Министерством иностранных дел и вышайше утвержденной 10 января 1848 года инструкции<sup>7</sup>. Инструкциею этою в случаях только экстренных, не терпящих отлагательства, к предупреждению измены или восстания, к изгнанию насильственного вторжения не подвластных России племен или преследованию шайки барантовщиков, предоставлялось приставу [право] употребления воинских команд, в Семиреченском крае водворенных.

С занятием Заилийской долины и поступлением в подданство России части дикокаменных киргизов значение пристава при кайсаках Большой орды получает большую важность и более шире [становится] круг [его] действий. Местопребывание его уже перенесено из Копала в укрепление Верное, откуда он в равной мере может иметь ближайшее наблюдение за ордынцами Большой и Дикокаменной орд и за всем происходящим на кокандской границе. При таких условиях необходимо, кроме одного заведования кайсаками, подчинить приставу непосредственно и все

войска, в Илийском крае находящиеся, и главное заведование этим краем, дабы, таким образом, сосредоточив в одних руках военное и гражданское управление, удобнее направлять все действия частных начальников к одной цели — разумно управлять обширным пространством земли (между реками Караталом и Чу), занимаемым кайсаками, племенами Большой орды. Соединение в руках пынешнего пристава всего управления войсками, краем и живущими в нем племенами [при]даст сему облеченному доверием правительства чиновнику в глазах ордынцев то значение, которое у восточных народов неразрывно с понятием о силе и власти. Разъединение при таких обстоятельствах в крае властей было бы неудобно и весьма вредно. Достаточно взглянуть на карту и сообразить соотносительное положение сей страны с сопредельными землями и племенами, достаточно удостовериться, что весь край за рекой Чу до самых вершин гор Кунгей Алатау, Боролдайских и Каратауских занимается кочевьями кайсаков, преимущественно дулатовцами и джалаирами, принадлежащими Большой орде и неохотно повинующимися кокандскому правительству, которое построило несколько крепостей по верхней части реки Чу более для удержания их в повиновении, нежели по видам безопасности против России.

По этим причинам мы полагаем бы приставу при кайсаках Большой орды переименовать в правители Илийского края<sup>8</sup>, подчинив ему, как выше сказано, кроме заведования кайсаками, также и войска Илийского края и, главное, заведование этим краем.

Относительно заведования кайсаками правитель Илийского края должен руководствоваться инструкцией, высочайше утвержденною для пристава Большой орды, состоя, как и поныне, в ведомстве Министерства иностранных дел и генерал-губернатора Западной Сибири, а по заведованию войсками и краем должен быть он снабжен особою инструкциею от генерал-губернатора Западной Сибири и командира Отдельного сибирского корпуса. Как с возложением на правителя новых обязанностей и расширением круга его действий занятия его увеличатся, то мы признаем нужным назначить ему собственно по заведованию кайсаками и гражданскими сношениями помощника из гражданских чиновников и постоянного депутата от кайсаков, с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их соглашению. Подробные по сему предмету предложения сообщены министру иностранных дел 16 сентября сего года.

## || глава первая, история فصل اول در تاريخ ||

Повесть: племя огуз разделилось на 24 колена, происшедших от известных его детей, от близких и других родственников, (от тех), которые с ним были вместе. Племена: уйгур<sup>1</sup>, кипчак, канглы, карлук<sup>2</sup> и килич<sup>\*2</sup>. Эти племена پیدا [بولدی]<sup>\*3</sup> были. Все это известно на основании мусульманской истории, а также по пятикнижии еврейского народа مسطور ترور Ной, да будет с ним мир! землю от северо-востока<sup>\*4</sup> до юга на три [части] разделил: во-первых, Хаму<sup>3</sup> (его собственные дети были отцами Судана<sup>4</sup> اوز اوغلانلاری سודان اتاسی ایردی или черных — зенги, его потомки в индустанском государстве; среднюю отдал Саму, он — отец арабов и фарсов; (персияне) или аджем и арабы — его потомки; третий, который (суть) Яфес — отец турков, иначе не книжные<sup>5</sup> народы, на северо-востоке его потомки. (Так) Яфеса на восток отправил. Термины могулы и турки стали употреблять впоследствии, ибо турки Яфеса Абульджа-ханом называют ابولجه خان совершенно не зная, что этот Абдульджа-хан собственный сын Ноя, да будет с ним мир!

<sup>\*1</sup> Джамии' ат-таварих. Сборник летописей (Жалапри). Библиотека восточных историков, Изд. проф. И. Н. Березина. т. II, ч. 1. Казань, 1854.

<sup>\*2</sup> У Рашид ад-дина: калач.

<sup>\*3</sup> В тюркском подлиннике بو خلق لار پیدا بولدی — эти народы появились.

<sup>\*4</sup> В книге «Сборник летописей». История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского с введением и примечаниями И. Н. Березина. ТВО РАО, 1858. ч. V. (в дальнейшем: изд. И. Н. Березина) написано: от юга до севера; в книге: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952 (в дальнейшем: акад. изд.): с севера на юг.

С того времени все могулы-иснаф<sup>\*5</sup> и тюрки в степях сядячие его потомки. Его пояснения в таком виде представляются تقرير قلميندى Абульджа-хан, сидящий в сахарё, был صحرا دا اولتوروشلى. Его летние кочевки Уртаг и Кортаг<sup>6</sup>, называемые горы, были, которые очень великие и высокие были. В тех местах город стоит [под именем] Анджа-Там<sup>7</sup> شهر دا اول ير لار دا تورور и зимовки его в том месте находятся<sup>\*6</sup> تورور; название мест: Юрсук<sup>8</sup>, Кактан и Коркурум يورسوق وقاققان, а называли Каракурум<sup>9</sup> впоследствии. Город Тала<sup>10</sup> и Карп-Кирм<sup>11</sup> قارى قارم улэрка юкрактрур<sup>\*7</sup>. Оный город древний и очень великий. Которые كيم видели, говорили, (что) у того города от начала до конца в окружности на целый день, имеет 40 ворот. В настоящее время то место полно мусульманами и мусульманам принадлежит. У этого Абульджа-хана был сын именем Диб-Якуй. Значение, смысл диб — высокое место престола, якуй — великое, сильное и счастливое племя قوم у этого сына (Абульджа-хана) воинские снаряды شوكت اسبابى и царствование, и все было выше. От сего отца 4 сына; их имена Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и Коз-хан كزخان, كرخان, اورخان, قراخان. || Вообще مجموع то племя было неверное, Кара-хан в былых местах отца жил اتاسى يورتوندا. В том месте родился сын Кара-хана.

Затем повторяется общая басня о рождении Огуза и о выборе им жен. Огуз женился на двух красавицах, но оставил в почетильном отдалении دا يراق за то, что они не хотели уверовать в единого бога неба, и полюбил, и женился на третьей сестре, кузине своей, предварительно поговорив с ней об условиях своей любви; она должна была поклоняться и верить в единого бога. Встретил эту баснословную принцессу на берегу реки, гулявшую со своими рабынями, которые мыли белье. Говорится о войне его с отцом, очень сходно вообще с повествованиями Абульгази и Шейбани-намэ. Война продолжалась 75 лет, наконец, Огуз اولوس لشكرنى تمام جاميش قىلدى لار. عاقبت الامر اوغوز انلارغه غالب بولدى، انلارننك ولايتلارين تاتلاش صيرم دين. بخاراغه دىكاچ الدى، بارچهسى اوغوزغه مسلم بولدى. все покорил от Татлаша<sup>\*8</sup> и Сайрама<sup>12</sup> до Бухары. «Те народы, которые с братьями и с детьми были отдельно, разны от Огуза

\*5 От اصناف (аснаф) — племена.

\*6 В рукописи опска: يورور — живут.

\*7 Поблизости находятся от того места.

\*8 В изд. И. Н. Березина: Телаш, в акад. изд.: Талас.

باشقه они северо-восток\*<sup>9</sup> сделали местопребыванием; все вообще могулы их потомки». В то время они (могулы) все были кяффиры\*<sup>10</sup>, впоследствии их роды большим племенем сделались. Когда Огуз народ себе подчинил и на царство вошел, в том месте поставил золочены й\*<sup>11</sup> [шатер]; сделал великий праздник (торжество) и своих родственников и почетных в места посадил, всем подарки и честь воздал, и все войска свои в свои места поставил, а со всем народом — племенем *بيلان خلق قومی* в правой стороне был; уйгуры название дал: Баят *بايات* — могущество и довольство; тамга у н к у н\*<sup>12</sup>.

31      *جامع التواريخ، غازان، 1851. داستان اوروس خان* || \*<sup>13</sup>

В те времена, о которых мы повествовали, Чингис-хан разделил войска между детьми своими, дав каждому по четыре тысячи. Этому Джучи<sup>14</sup> дал четыре тысячи войска. Он умер на Волге, и все его войско досталось второму сыну, его Бату<sup>15</sup>, этого Бату Саин-ханом называют. Он, Саин-хан, всеми западными странами, народами Ибиль — Сибирь, Буляр *بولار* (Булгар), башкирцы *باشغردنى*, русские, черкесы, немецкий курал *نمچ كورال* Крым, Дешт-Кипчак до Темур-капка<sup>16</sup> называемого управлял. Сам *اوزى* также на берегах Волги смерть нашел. После многих случаев улус достался Тохтагу-хану. Тохтагу тогда был не в ладу с Ногаем<sup>17</sup> (*توقتاغه نوقاي*); много раз с Ногаем сражение чинил, наконец, *بالاخر* сломал Ногаю. С семнадцатью некоторыми *ايرسا كيم* Ногай бежал к башкирам *كلار*, хотя и был болен. На дороге русские схватили: русским сказал — я Ногай; когда русские схватили и везли его к Тохтагу, в дороге вдруг он умер *اوروس توتب توقتايله*\*<sup>14</sup> *اليب كيلاتور ايردى*. Тохтагу несколько лет государем был на Волге, после чего *اندين سونك* Тохтагу умер. *اول توقتايله نچه ييل لار* *پادشاه لى قىلدى ايدىل بويونده، اندين سونك توقتايله اولدى*. Из его рода никто не остался. Бачкир-бек при Токбуге вели-

\*<sup>9</sup> В изд. И. Н. Березина и акад.: *они поселились на восток* [от Огуза].

\*<sup>10</sup> Неверные.

\*<sup>11</sup> В тюркском подлиннике за этим словом следует *خرگاه* — шатер.

\*<sup>12</sup> Далее Валлхановым опущен перевод текста тюркского оригинала (с. 25—70), содержащего историю тюркских племен. Автор сразу перешел к изложению событий, происшедших в XIV и XV вв.

\*<sup>13</sup> Сборник летописей. Казань, 1851, повествование об Урус-хане.

\*<sup>14</sup> *توقتاى* Токтай, (уменьшительная форма) от *توقتاغو* — Токтагу.

ким эмир-беком сделался باشقر توقبونغا بيكى اولوغ امرا<sup>15</sup> بيك; я читаю последнее слово بولدى словом بولدى; после Хуразми-беком был خوارزمى. М у с а<sup>18</sup> с Ямгурчой<sup>19</sup> от одной матери были. После сего сын Ямгурчи Агшиш<sup>20</sup> беком был и улусом он управлял اولوسنى اول بيلدى; я читаю اول بيلدى; после Хасан<sup>21</sup> был, но улусом управлял, Алчагир-мирза<sup>22</sup> الجفير مرزا, после Хасан-бека Шидак<sup>23</sup> сын Муса-бека был беком. После Шейх-Мамай<sup>24</sup> мирза улусом управлял, но беком не был. После этого беком [стал] сын Мусы-бека Юсуф-бек<sup>25</sup>. После (опять) сын Мусы Измаил<sup>26</sup> был беком, и после бекство не выходило из рода его до наших времен, но другие с почестей сошли все.

داستان حاجى محمد خان بن بيك فوندور اولان<sup>\*15</sup>

Было время, когда Кадырберды-хан<sup>28</sup> قادر بردى с Эдиге-беком сражение чинил; из Яика выходит речка Илек<sup>\*16</sup>, от него три ключа выходит<sup>\*17</sup> چيقار بورته. Из этих трех ключей на среднем Кадырберды-хан с Эдиге-беком страшную сечу чинил. В то [время] Хаджи-Мухаммед был еще уланом. Один народ другого начал побеждать بر ولايت بر ولايت قه اوتوب. Один народ другого начал побеждать بارور ايردى<sup>\*18</sup>. Узунбулак-баһадур был высокого роста (написано так سنليغ ايردى; я читаю: (سنليغ بويلوق ايردى).

31 6 ||Стрелы (его) были очень длинны; после Эдиге-беку сообщили: его Идиге перед себя позвал и спросил: «Откуда и куда идешь?» Он отвечал: «Я иду в народ куральский كورال ولايتى». Эдиге сказал: «Ты будь со мной, если бог поправит мое дело, я сделаю тебя ханом». Он согласился, и в этом походе Хаджи-Мухаммед-улана в войске مقدمه<sup>\*19</sup> сделал. Страшно бились. Кадырберды-хана из золотого лука косо подстрелил قادر بردى خان نى; я читаю التونلى خان نى قادر بردى; التونلى قوللوغين كسا اتتى; я читаю قول اوغيمن; после этого пал и Эр-Куша ير كوشه; его Нукас-Алтун-баһадур убил. Между потомками Узбека сказание следующее: говорят будто Идиге-бек тоже убит, Мансур<sup>29</sup> сделался беком и Хаджи Мухаммед-улана сделал ханом; один ханом, другой беком

<sup>\*15</sup> Сказание о Хаджи-Мухаммед-хане, сыне Бектопдор [Бектопды]-улана<sup>30</sup>.

<sup>\*16</sup> Так в тюркском подлиннике. Точнее: р. Илек впадает в Яик (Урал).

<sup>\*17</sup> Точнее: в него (Илек) впадает три ключа под названием Борте.

<sup>\*18</sup> Можно читать и так: *перемешались пределы вилаетов* [провинций].

<sup>\*19</sup> مقدمه — предводитель, главнокомандующий.

быв, жили, в повествованиях известны между узбеками (اصلی) (اوز بيك يا). Мансур-бека убил Барак-хан<sup>31</sup>, после того Хаджи-Мухаммед-хана в один день тоже Барак-хан убил (يراق خان; я читаю یراق خان); еще Хаджи-Мухаммед-хана сын Махмутек<sup>32</sup> ханом был, его сын Кулук قولوق хан, его сын Ивак<sup>33</sup> хан, его сын Муртаза<sup>34</sup> مرتضى хан, его дети: Джан-Кирай (احمد كراي), Акмет<sup>35</sup> اقممت كراي (читаю اکرامت كراي), Кирей-султан и Кучум-хан. Потомство Хаджи Мухаммед-хана кончается.

داستان بولخاير خان بن تولوشيق اولان<sup>\*20</sup>

Булхаир-хан<sup>36</sup> в государствах: Ташкенте и Туркестане государем был. Его гробница в городе Сигнаке سيغناقادا, его сын Шах бутақ-султан شاه بوتاق سلطان. Булхаир-хан был с сыном Нуреддин-мирзы<sup>37</sup> (написано نور ادين, нужно نور الدين) Укас-беком<sup>38</sup> в большой дружбе; говоря так, что из одной чашки пили<sup>\*21</sup> [меду], один из одного края, другой из другого, и говорят, что в одно время один хан [ом], другой беком был نيورلار (я читаю یتورلار); еще, сын Шахбутақ-султана Шибак-хан, его сын Тимур, его сын Кукбури كوك بوري от него Кучум; Союнджек и Габдулла-хан тоже Булхаира-хана потомок, его сын Борхан بهان хан, Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана; его сын Искандер-хан, его сын عبد اللطيف [Габдулла]-хан. Кучум-хановы дети عبد اللطيف [Габдуллатиф]-хан, его сын ذوالنون [Зуннун] султан, султан Сейт-хан, Джумарт-хан султан. Султан Мухаммед-хановы дети (в подлиннике: سلطان سيد خان جومارت خان سلطان محمد... محمد سلطانك اوغلانلرى ترور سلطان ترور... سلطان ترور قاجوردى شمال طرفيغه اچليق سوساليق بولوب يورور ايردى).

Эти строки нельзя иначе понять и перевести как султаны... бежали на запад قاجوب ايردى\*<sup>22</sup> в голоде и жажде будучи там находились; سونك تاپا قر اول صالدى يتم بهادورنى يتم بهادورنى اندين وغيرى после Тубол-бабадура توبال بهادور и после аргына Караходжу ارغون قرا خواجه. Сами же с несколькими нукерами\*<sup>23</sup> (беспечно) лежали\*<sup>24</sup>.

\*20 Сказание о Булхаир-хане сыне Тулушик-улана.

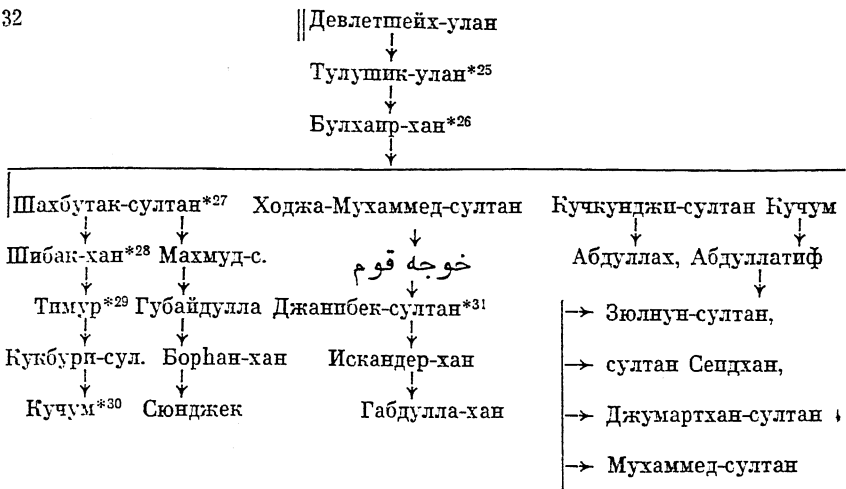
\*21 В тюркском подлиннике: برعسلنى — меду.

\*22 Описка, следует: на север.

\*23 *Нукер* — воин, дружина.

\*24 Повествование о нападении Едиге на султанов оставлено без перевода.





33 || Идиге Кучуков сын *ايدىگه كوجوك اوغلى* Нуреддина-мирзы войска был *مقدمه*; он, нашед врасплох караул Ятим-баһадур, и всех, всех (*برين برين* выговаривается барин) убил, хан сам в неведении был, так убили *كل شئ هالك الا وجهه له الحكم واليه ترجعون*\*32.

Известные и знаменитые дети хана Тохтамыша *توقتامش* суть: 1. Желалаледдин-султан, 2. Кучук-султан, 3. Джапар-берды *جفار بردى* султан, 4. Калимберды *كليم* султан, 5. Кадырберды-хан, а дочь называли Джанике *جانىگه*, ее Идигебий взял *ايدىگه بى الدى* (в супружество). Когда Идиге-Кучук (?) взял Джашку *الغاندا نى* *ايدىگه كوجوك جانگه نى*, Кадырберды-хану было 3 года. Джанике выпросила его у Идиге-бека и однажды с

\*25 Имя отца Тулушик-улана в *جامع التواريخ* (Примечание Валиханова).

\*26 Имени отца Абулхаира по Шейбани-намэ не значится и на генеалогической таблице потомков Шейбани-хана означено точками. (Примечание Валиханова). В Шейбани-намэ принято написание этого имени через а: Абулхаир-хан. (Примечание Валиханова).

\*27 Одинаково как в Шейбани-намэ и *جامع التواريخ* (Примечание Валиханова).

\*28 В Шейбани-намэ — Мухаммед Шибани-хан. (Примечание Валиханова).

\*29 В Шейбани-намэ — Мухаммед-Тимур-султан и сыном его назван Фулад-султан, а Кукбури-султан внуком. (Примечание Валиханова).

\*30 В Шейбани-намэ его нет. (Примечание Валиханова).

\*31 О предках Джанибек-султана в *جامع التواريخ* не говорится. Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана. (Примечание Валиханова).

\*32 Коран, XXVIII, 88: «Каждая вещь гибнет, кроме Его лица. У Него решение, и к нему вы будете возвращены» (перевод П. Ю. Крачковского).

одним или с двумя биле ١١ ڪراو секретно в Крым отпра-  
вила. И после 11 лет, будучи Кадырберды-хан с крымским войс-  
ком через Волгу-реку перешед (اوتالجيب) с Идиге-беком сражение  
учинил и в одной битве Идиге-бека убил. Крымского войска глав-  
ные вожди говорили: «Этот год: лето здесь прокочует, лошадей в  
тело приведем, тогда для битв силы и возможности будут более  
قریم لشکری امرای اولوغ لاری بوییل یازغی سین یایلامش قیلالیک)  
(.اتیمر سیمور نالنگ نا اوروشقه قوت شوکت پیدا بولغای).

Это очень не понятно и нет смыслу, я прочитал так: قریم  
قریم لشکری (نالنگ) امرای اولوغ لاری ایدی لاری بوییل یازغی سین  
это лето اتیمر лучше атмз; یاילו قیلалنگ и т. д.

ع ڪوѓа зимой قشقیسن пойдем, то и Волга замерзнет  
сказали. Эти слова не понравились [اول سوزنی یر اتمادی]  
Волга замерзнет — кто же не пройдет, Идиге умрет — кто не по-  
йдет; مصرع ترکی: [ایدیل تونکسه کیم کچمک\*<sup>34</sup> ایدیکه اولسه;  
\*<sup>33</sup> مصرع ترکی: [ایدیل تونکسه کیم کچمک\*<sup>34</sup> ایدیکه اولسه;  
[کیم بارماس]. Волга скоро не замерзнет, Идиге скоро не  
умрет. Подобные заклятия خروج совершив, страшное сражение  
начали, Идиге был ранен, хан тоже с раною был, два войска  
между собою сошлись (покончили) مصاف قیلشتی\*<sup>35</sup> Ичкилин сын  
Хасан\*<sup>39</sup> держал атин\*<sup>36</sup> Идигебия. Известив  
Кадырберды-хана, что Идиге здесь находится: пришел и убил.  
Кадырберды-хан тоже от той\*<sup>37</sup> [раны] вскоре после того,  
несколькими днями позже, умер.

تیمور - کутلук اولان نیمربیک خان بن قتلوق خان\*<sup>38</sup> داستان تیمر قتلوق خان بن نیمربیک اولان

На Идиле (Волге) есть государство Хаджи-Тархан (Астархан)  
حاجی ترخاندا о нем сказания в хрониках, в разных местах  
следуют. С Идиге-беком он, Тимур-Кутлук, один хан, другой бек  
были. [Спустя] несколько времени\*<sup>39</sup>, большое потомство оставив,  
отошли (в тот мир). У Тимур-Кутлук-хана сын Тимур-хан, его  
сын Пулад-хан, его сын Кичик-Мухаммед-хан, его сын Ахмед-  
хан. У Ахмед-хана от трех жен было 9 сыновей. Вот они: سلطان  
от сестры Сул-

\*<sup>33</sup> مصرع ترکی — тюркское двустишие.

\*<sup>34</sup> Описка, точнее: کچماس.

\*<sup>35</sup> Сражались.

\*<sup>36</sup> Мерца Едиге.

\*<sup>37</sup> В тюркском подлиннике: زخم دان — от ранения.

\*<sup>38</sup> Сказание о Тимур-Кутлук-хане, сыне Темирбек-улана.

\*<sup>39</sup> В тюркском подлиннике: نه وقت ده دیکاج

тап Хасан-мирзы [Бикей-бикем] родились: Муртаза-хан, Идиге-султан, Хусейн-хан, Даулет-султан; от Бер-бикема *بر بكم* — Шейх-Ахмед-хан, Кужак-султан; *فوجاق* Джапай-султан; от Уйшун-бикема *ايشون بكم* — Сеид-Махмуд-хан, Сеид-Ахмедхан и Баһадур-султан; Улуг-Мухаммед-хана дети: Махмутек-хан, в казанский народ отправился, его сын Ибрагим-хан, его сын Махмет-Амин-хан, Габдуллатиф-хан и Кауһаршад-ханым *كوهرشاد خانيم*;

33 об. || у Кичик-Мухаммед-хана [еще] были Махмуд-хан, Ахмед-хан, Якуб-султан, Бахтияр-султан. Тимур-Кутлуково потомство кончено.

О Хаджи-Гирей-хане<sup>40</sup> *خان كراى حاجى* сыне<sup>40</sup> Дулук-Кияс-улана *دلوك قياس*, Даулетходжа-улана, Таштемир-улана, Темирходжа-улана, Кара-Кияс-Кобеджек-улана *قوره قويس* *كوباجك اولان*. После убийства старшего брата Хаджи-Гирей-хана Джан-Гирей-султана<sup>41</sup> он в бегах будя, у Чақырганбая в услужении *جانرغان بايغه* находился; беки, между собою в несогласии идя<sup>42</sup>, нашед его, Хаджи-Гирей-султана, в ханы избрали року<sup>43</sup>, 906 (от гиджры) в месяце *جمادى الاخر*<sup>44</sup>. В роде султан сын султана Али-Кул-Чора башлык *قل چورا*; из рода оймас Балтадж-бай *بالتاج باى* с 10 человеками; рода качи Кошай мастер с 10 чел. *كاجى ايل ننگ قوچاي اوسته*; рода срда Кул-Алибай — 10 чел. *سردا ايلى ننگ قلى على باى*; рода чижик Ямгурчи с Кизил-Куртом *يمغورجى ننگ ننگ*; рода шабчи Джан-Чора-бек в 10 чел. *بيله قزىل قورت*; рода уанта с родом нурма [из] Кул-Урус[a] и Алика в 10 чел. *ننته ايلى بيلان نورمه ايلى ننگ قل*; *اوروسى داغى عليكه*; шейх-заде рода Колуш-мирза в 10 чел. *تورت قولوش*; еще 10 чел. из рода акчора; 4 дома кибак-черемыс *تورت قولوش*; еще 10 чел. из рода таклы Мухаммед-бек *تكللى* в 10 чел.; из Старого юрта Джадигер-бай, Касым-Сеид-бай в 10 чел. *جادكار*; из рода кара-даулет [Кунак-уста] *اوسته* в 10 чел. *قوناق*; *خيربى ايل ننگ بخشنده حافظ، بر اون كشى*<sup>45</sup>; от карагайши Ту-

<sup>40</sup> Сказание о Хаджи-Гирей-хане.

<sup>41</sup> В тюркском подлиннике: *قونكرات بيكلار [ى] اولتوركاندين سونك* после убийства конратскими беками.

<sup>42</sup> В тюркском подлиннике: *بيكلار اوز ارالاريندا برى برين اولاشا الماى* беки, между собою не имея согласия...

<sup>43</sup> То есть году.

<sup>44</sup> Название шестого месяца мусульманского лунного календаря.

<sup>45</sup> Из отделения хайрби Хафиз в 10 чел.







раны, в битве (с) Кадырберды-ханом... (Они) были знаменитые дети, во многие времена (великими) многочисленными быв, отошли.

Дастан Ураз-Мухаммед-хана, сына Ундан-султана<sup>41</sup> сына Шигай-хана, сына Ядек-хана, сына Джанибек-хана, сына Барак-хана, сына Куйручук-хана<sup>42</sup>, сына Урус-хана.

Время, которое объявлено\*<sup>52</sup> *ابا واجداد* [предки] Ураз-Мухаммед-хана со всеми род-родственниками *اوروغ فريند اش* в одну 34 об. приплыли, || *دا [كىلىدى]* \*<sup>53</sup> *داستاندا قلم*, ибо *نچوك كيم* от Урус-хана до Джанибек-хана четвертое колено *ان زمان بطن* В то время (т. е. впереди) было сказано, теперь также объявляем, [что] его [Джанибеков] дети до внуков многочисленной фамилии (родом) отошли; *تا [تا]* до настоящего времени много известны (и сильны) *معلوم مذکور* (смысл этих слов почти один — явны, известны). Они, каждый из них, несколькими родами будучи *برار* в своих владениях *ولايت* государями быв, в счастье отошли (вместо *پادشاه ليق قىلوب* я читаю: *قىلوب* объявлен и кончен. [Дети Джанибека] первый Касым-хан *قاسم خان*, родившийся от Джаганбикем *جغان بيگم*, изрядное время в улусе отцовском он царствовал, все окрестные народы себе обратил. Его деяния в разных местах *будут*\*<sup>55</sup> известны и многочисленны\*<sup>56</sup>. Конец концов в Сарайчике смерть нашел. И теперь его (*بوكون انينك*, я читаю *بوكوندا*) гробница в Сарайчике [находится]. Его сын Акназар-хан *خانق سلطان خانم* родился от Ханык-султан-ханши *حق نظر*; его деяния явны и многочисленны. Акназар-хан в междоусобиях смерть нашел, его потомство уже не царствует *اننك اوغلان* *لارىدين پادشاه ليق بوكون تايدى*.

Капбар-султан во всех случаях *هر حالدا* был с Касим-ханом вместе (за одно), был главнокомандующий войсками *مقدمه* *پادشاه ليق* Его отродью *گا نسلى* царствовать не пришлось *لشكر*. *تيكمادى*.

Усак-хан *اوساك خان*. Его сын Булат-султан; им царство не далось *پادشاه ليق تيكمادى*; конец концов, Булат-султан с детьми в драке ногайской *اوروشيندا* шахидом сделался.

\*<sup>52</sup> В тюркском подлиннике: *اين زمان كيم ياد قيلندى*.

\*<sup>53</sup> В одной повести изложены.

\*<sup>54</sup> *نام* — здесь в смысле славы.

\*<sup>55</sup> В тюркском подлиннике: *كىلور* — встречаются.

\*<sup>56</sup> В тюркском подлиннике: *معلوم مشهورترور* известны и прославлены.

Современник Касим-хана Джадек-хан خان جاديك в битве с Шагим-мирзой<sup>43</sup> на Змеиной горе بيلانلى توپادا с одним или двумя بربران اوغلى сыновьями сделался шахи́дом. Его гробница в Хиве, на Бақырганате стоит [تورور] بقيرغان اتادا, там погребли قلدیلار دفن.

У Джадек-хана жен и наложниц много было и детей было тоже много; более известные и славные дети نامدار مشهور суть следующие: Тугум-хан خان توغوم, Букей-султан بوكای, Шига́й-хан شىغای, Малик-султан. Мать этих двоих (последних) была Абайкан-ханша. Тугум-хан, дети его называются девять рыжих ساری ساری (в подлиннике: انينك اوغلانلاری توغوم خان, انينك اوغلانلاری توغوم خان, т. е. Тугум-хан, его дети девять рыжих называются); с сыном Малика Башикен<sup>57</sup>-султаном, с девятью рыжими сыновьями в пределах Джагата сделались шахи́дами جغات حديندا; Утузти султан известен и славен اوتوزتى سولتان. От Букея-султана не было потомства. Бауш-Буйдаш-хан Бауш-Буйдаш-хан بويداش-хан сын был Адик-султан ادیک, его сын Буйдаш-хан. Потомство Адик-султана известно под названием Бишугул — пять сыновей. Буйдаш-хан и все члены фамилии Бишугул — 24 султана в битве с сыном Барак-хана Дервишем сделали 35 шахи́дами. اما بويداش خان براق اوغلى درويش خان || توقوشيندا تمامى بيش اوغول نسلى يكرمى تورت سلطان اندا. Пяти сыновьям не пришлось царствовать, а в том народе اول ولايت да некоторые (из них) недолго ханами были, но не замечательны и не известны اول ولايت دا. اما برانجه اول ولايت دا. <sup>58</sup> Клите خانلار بولديلار, نام معلوم مشهور بولمادی بوروندوق, его род лишился сана, تورور, بوروندوق خان. Узбек, иначе Ахмед-ханом называемый, он тоже некоторое время ханом был, в битве с Шидак-беком шахи́дом сделался, Урак-мирза ميرزا اوراق شاهنوم сделал<sup>59</sup>.

Шига́й-хан, его شىغای خاننك деяния и всегдашнее богатство известны и замечательны. Конец концов بر بولوب<sup>60</sup> смерть нашел. Его гробница (и) теперь в Кмушкенте كموش على اتانينك под покровительство Али-Ата погребли قلدیلار دفن. У Шига́й-хана жен было много, известных

<sup>57</sup> В тюркском подлиннике: باشيک Башибек.

<sup>58</sup> Клите خانلار — ку́тые ханы.

<sup>59</sup> Далее в тюркском подлиннике следует рассказ о Тахир-хане. (Опушен Валихановым).

<sup>60</sup> По-видимому: پر بولوب — став святым уго́дником.



и замечательных было три о р д ы<sup>\*61</sup>, от них родившиеся дети следующие: Сеид кул-султан سيد قتل, Унда н-султан اوندان, от Алтун-ханым-баим-бикем التون خانم بايم بيكم [родились]; Тукай-хан توکای خان, Ишим-султан ايشيم, султан Сабирбек صابر بيك — ханша<sup>\*62</sup>, мать этих трех от Джагатовой Яхши-бикем (они) родились. Али-султан, Сулум-султан صولوم, Ибрагим-султан, Шаһим-султан شاهيم мать их<sup>\*63</sup> от дочери Бурундук-хана, от Дадам-ханым родилась بوروندوق خاننك قزى دادم خانمدين توغان ايردى Уна н<sup>\*64</sup>-султановы деяния в разных<sup>\*65</sup>, если желаете تيلاسا, будут; [он] чрезвычайно великий богатый اعظم بىهارى богатырь глубокий был<sup>\*66</sup>. (Всегда) во всех случаях и в натягивании (всякого) лука [он] чрезвычайный богатый был<sup>\*67</sup>. Во время Шигай-хана [он] начальником войска был. Его деяния حکايت известны и явны. Конец концов, (его) калмыки сделали шаһидом, [в] 30 лет смерть нашел. Его гробница [находится в Туркестане] под убежищем Ходжа-Ахмед-Есави, да будет милость божия! [там] его погребли<sup>\*68</sup>. У него жен и наложниц было много. Разные народы покорил и у меж себя тоже взял اوز ارالاريندان هم اليب ايردى. Известных и замечательных о р д <sup>\*69</sup> у него было две. От них родившиеся дети || следующие

<sup>\*61</sup> *Orda* означает кибитку ханскую. Почтенные жены имеют свою кибитку. Киргизы и теперь, желая спросить сколько у султана жен, спрашивают: сколько у султана *ord* (юрт). (Примечание Валиханова).

<sup>\*62</sup> Должно быть неправильно поставлено. Султан Сабирбек — ханша: нельзя понять. Следующие слова доказывают, что слово خانم не должно быть [т. е. лишнее], этих трех мать от Джагатовой Яхши-бикем родилась. Можно бы читать так: ханша, мать этих трех, родилась от Джагатовой Яхши-бикем توکای خان, ايشيم سلطان, سلطان صابريك خانم بو اوچوسى نينك, но это оборот, не свойственный татарскому языку. (Примечание Валиханова).

<sup>\*63</sup> Слово мать их اناسى совершенно лишнее и препятствует правильному чтению, как предвещающее خانم بو اوچوسى نينك اناسى. Если отбросить эти слова, то читается очень понятно. Слово اناسى и т. д. خانم بو придает мысль будто ханши — матери этих султанов — родились: 1-я от дочери Яхши-бикем и вторая от Дадам-ханым, дочери Бурундук-хана. (Примечание Валиханова).

<sup>\*64</sup> В тюркском подлиннике: اوندان — Ондан.

<sup>\*65</sup> В подлиннике: هر یردا — в разных местах.

<sup>\*66</sup> В подлиннике: تيرانداز بهادر ايردى — богатырем-стрелком был.

<sup>\*67</sup> Я читаю: گرکدا — глагол, употребляемый у киргиз, значит натягивать, растягивать. (Примечание Валиханова).

<sup>\*68</sup> اينك قبرى توکستاندا خواجه احمد يسوى [رحمت الله عليه نينك پناهندا] и т. д. [دفن قلدیلار] (Примечание Валиханова).

<sup>\*69</sup> См. выше об орде. (Примечание Валиханова).

щие: Алтун-ханым, Усяк-хана сына, Булат-султана дочь, от нее родились государь ислама [Тевекель-хан], Ураз-Мухаммед-хан, Татлы-ханым خانم تاتلی; Чююм-ханым خانم چویوم дочь Кимсен султана, сына Бурундук-ханова سلطان کیمسین, от нее родился Куджек-султан كوجك; он у государя ислама, Тевекель-хана, начальником войска был, он в том народе по сие время обретается\*70.

Ураз-Мухаммед-хан восьми лет лишился великого деда своего Шигай-хана в смятениях междуособных, еще تقى [в] 13 лет свой отец اوز باباسی Ундап-султан шахидом сделался и от него остался; еще\*71 через несколько времени несчастием перед Сейдбек-бнем بی سید بك переиен угнетения (унижение) گرفتارلیق چکتی. Шестнадцати (же) лет явился готовым к услугам государя всего крпстана\*72 Бориса Федоровича\*44 اون التی یاشیندا جمله الکرستان پادشاه باریص فیدر اویچ نینک اولدی. От того времени до сего был к службе государя Бориса Федоровича готовым; господин государь тысяча по тариху\*73, в конце года свиный помпловал раба (своего). Был год мыши\*45, звезды были под برج месяца великого рамазана, 15 дня, по воле Бориса Федоровича, всея России государя, направо, налево приближеные\*74, церемонные беки стояли — описывает представления Борису, который дал ему в удел Касимов\*46, сделал подарки и оказал внимание پادشاه حضر تلاری سهورغال لار انعام لار بخش قیلدی, کرمان شهرین سردی سهورغال قیلیب بردی. Подробно описывает приезд Ураз-Мухаммеда в Касимов, с толмачем-алпаутом\*47 и о избрании его в ханы тариху 1000, году мыши, счастливого месяцу зюлхадже, 10 дня, в четверг پنجشنبه, когда ему, Ураз-Мухаммеду, было 20 лет (см. стр. 166 и 167)\*75.

51 об. || В جامع التواریخ (стр. 170). Правая и левая рука (крыло) Урус-хана [изображена так]: میسره [левая], میمنه [правая].  
اولوغلاری алач-мены — 3 сана [большое число];  
اقوام قوم канглы — 2 сана.

У народа канглы между ними до сего времени знатные есть اولوغلاری معلوم ایرور. Но между алач-мены старшие с гре-

\*70 اول ولايتدا بوعهدده حيات ترور (Примечание Валиханова).

\*71 В тюркском подлиннике: — برنچه وقت — некоторое время.

\*72 [Написано] جمله الکرستان — [всех христиан]. (Примечание Валиханова).

\*73 В 1000 г. по летоисчислению хиджры.

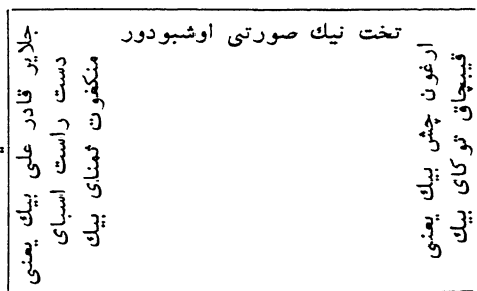
\*74 Карачи — приближенные у киргиз. (Примечание Валиханова).

\*75 جامع التواریخ.

бечатой тамгой джалаиры должны быть بولغای. Со времени Чингис-хана, через разные степени مرتبه مرتبه بیلان (старшинство) досталось [сначала] Тебре-беку, от него Шейх-Суфи-беку, от него Айтгули-беку, от него Итбака-беку, от него Карач-беку досталось, от него Конка-беку قونقه досталось. В этой алач-мены старшими были онц, [да] между узбеками известны и уважаемы بو الراج منكى نينك اغاسى بولا كىلگان بولار ترور، اوزبيك ياراسندا معلوم مشهور ترور.

35 об. || جامع التواريخ || стр. 168.

Изображение престола хана касимовского Ураз-Мухаммеда:



В средние надпись: «Вид престола этот»; на правой стороне надпись میمنه, на левой میسره, что значит, по объяснению самого автора: правая и левая рука<sup>\*77</sup>. (См. стр. 170 اونك يعنى میمنه). На правой стороне означено место джалаирца Кадырали-бека и Исбай мангута Саманай-бека<sup>\*48</sup>. Зачем тут دست راست يعنى и на стороне چب يعنى دست چب? На левой — имя аргынца Чип-бека и кипчака Тукай-бека. Затем (стр. 169) заключает в себе описание набожности и благоделительности Ураз-Мухаммед-хана и оканчивает его словами: بو سبدين كوندین كونكا پادشاه اسلام ناصر الدين ابو الفتح اوراز محمد خانغه دولت اقبال بیلان ایل اشاب یوز یشاب<sup>\*79</sup> تا ابد الابد كاجه دولت انك یار بولسون انشا الله تعالی مین یا رب العالمین سبب اولتورور کم، کم بو تواریخ قه اوراز محمد خان حضرتلاری نینك انا اناسیدین قوللوق قبله

\*76 У Валиханова میسره и میمنه написаны за чертой, тогда как в подлиннике они находятся внутри плана.

\*77 Правая, левая рука выражает почеть; два бека, как представители народа, садились всегда о правой и левой руке. (Примечание Валиханова).

\*78 دست چب و دست راست (перс.) — правая и левая рука.

\*79 Поговорка, до сих пор употребляемая киргиз [кайсака] ами. (Примечание Валиханова).

килкан جلاير تراق تمغالی ایردی. Эти слова замечательны: автор говорит о себе: «[пишущий] эту летопись<sup>\*80</sup> (بو تواریخ قه) что-нибудь недостает...) от отца и матери Ураз-Мухаммед-хана для службы (к нему) прпехавший был, имеющий гребенчатую тамгу, джалаирец». Далее: (см. стр. 170). «Из книги Чингис-наме с персидского на тюркский язык переложил, которое случилось после, из своих познаний, при божьей помощи اوز استنباطندین (скоро прошедшей (توز اوتماک) справедливости государя Бориса Федоровича... кончено». Затем говорит о содержании своей летописи. [Автор] прямо говорит родословную Кадырали-бека, означенного на правой руке ميمنه: Кадырали-бек, сын Хошум-бека, сына Тамджек баһадур, Иранджи-баһадур, сына Адамшак-мирзы, [брата] Карач-бека, сына Кубая, сына Канбара-мирзы, сына Айтули-бека, Итбака-бека. Во время Чингиса<sup>\*81</sup> был Сартак-ноян, его дети джалаир Сба سبا, его потомки джалаир Тебре-бек تبره بيك; его потомство Шейх-Суфи-бек, а его потомок Айтули-бек известен и почтен معروف مشهور دور; у потомков Урус-хана великим эмиром был اولوغ امر بزرگ.

\* \* \*

<sup>1</sup> || Язык التوارих совершенно джагатайский, очень близкий к нынешнему киргиз[-кайсацкому], имеет, впрочем, несколько слов и оборотов не совершенно ясных. По своему изложению она [книга] также замечательна. Здесь басен менее, нежели в Абульгази и Шейбани-наме. Начало, или слово Борису, написано языком очень понятным и довольно витиевато, во всяком случае это замечательный памятник татарской напетирки. Слова и обороты очень замечательны, многие речи до сих пор существуют у киргиз<sup>\*82</sup>. باب اول ديواجه — از مجلد اول از. <sup>\*83</sup> كتاب جامع التوارих دور. Довольно ново в татарских хрониках перечень племен и книжных, а сидящих в степях, причем говорит о их происхождении и местах кочевок и разделяет их на тюрков-монголов и монголо-тюрков<sup>\*84</sup> (см. стр. 16). فصل اول<sup>\*85</sup> здесь у него, вопреки тюркским историкам, Яфес делается

<sup>\*80</sup> Должно быть: يازغوجى نى — пишущий эту летопись.

<sup>\*81</sup> Одно слово не разобрано.

<sup>\*82</sup> [казахов].

<sup>\*83</sup> Глава первая, предисловие из первого тома книги «Сборник летописей».

<sup>\*84</sup> Здесь допущена неточность, нужно: монголо-татар, ибо в тюркском подлиннике сказано (с. 19): چوگ کم اکثر اتراکى مغول تيب ايتورلار انداغ کيم: موندین ایلکاری تاتار غالب ایردی. جمله نى تاتار تيب ايتور ایردی لار.

<sup>\*85</sup> Раздел первый.

младшим сыном Ноя и порядок старшинства детей этого патриарха совершенно библейский.

Абульджахан по *جامع التواريخ* есть имя Яфеса, отца тюрков, Диб-Бакуй и Бакут его сыны. Целый ряд имен от Диб-Бакуя до Огуза пропущен. Автор говорит только, что Ной Абульджахана отправил на северо-восток и ханы: Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и Коз-хан там от него произошли *بولدى پيدا بولدى*. Миф об Огузе удержан вполне: от колен, отделившихся от Огуза прежде и ушедших на восток, произошли монголы, а оставшиеся и ушедшие на запад — суть *تورک پ*. (См. стр. 13.) О происхождении племен *кипчак*, *канглы* и *клич*<sup>49</sup>.

Истории предков Чингис-хана и особенно его жизнь и походы рассказаны довольно точно и с хронологическими цифрами. Замечательно затем разделение войск при Чингис-хане на правое и левое крыло, туманы, тысячи и имена беков и ноянов, ими управлявших, и особенно извлечение из Ясака<sup>\*86</sup> Чингис-хана. Также замечательно толкование автора значения слова Чингис. *نچوک پادشاه لار بار ایردی بو اقلیم دا هر بر سی سین کور خان دیب ایتور ایدی؛ انلار سننک قولونکدا مقهور بولدی لار وسننک ایتنک بو معنی دین جنکیزی ایردی، یعنی پادشاه لار سننک پادشاهی بولدونک*<sup>\*87</sup> и т. д. (стр. 21).

1 об. || Слово Борису написано почти на чисто татарском языке, без арабских и персидских [слов], в остальных главах встречаются довольно часто, но вообще автор избегает их. Грамматически принятых форм и правил совершенно нет, одно и то же слово в разных местах встречается различно *دیب* — *تیب* [диб, тиб], стр. 20; *برلا* — *بیله* [бия, брла,] стр. 21; *بیلهن* [пиян], стр. 20 и *بیلان* [билян], стр. 24; на стр. 21 окончание *حق فه*, на стр. 22 *عجب فه*, *حق فه* [хақға], [ғажабқа]; *برجه* [барджа], *بیرچه* [бирча] стр. 22 и т. д. Особенно разнообразием письма отличается окончание родительного падежа *نینک* [нпц], *ننک* [нің] (стр. 23), *مونک* [мүң]; часто при окончании дательного падежа впереди слова стоит *تا* [та] и в конце *دیکاج* [дигач — то и другое означает до] *تا* же частица *تا* [та] заменяет иногда окончание *یافتنی کون توغوش تا یباردی* [ға] *غه*<sup>\*89</sup>. Попадают также и частицы *тапа* [тана] или *таба* [таба] (стр. 23). *اوغوز تا اطلاندی کون توغوش تا مقام ایتی لار*<sup>\*90</sup>. Есть также в

\*86 То есть Ясы — кодекс Чингис-хана.

\*87 В этом климате [крае] были разные царя, каждого из них называли гурханом, они были покорены тобою [Чингис]; поэтому твое имя стало Чингис, т. е. ты стал царем царей.

\*88 С юга до севера.

\*89 Яфеса отправил на восток.

\*90 Поехал к Огузу; обосновался на востоке.

книге много мест довольно темных, происшедших, нет сомнения, от ошибок переписчика<sup>50</sup>. Очень часто или почти [всегда] буквы **ي** [й] и **ب** [б] смешиваются: **براق خان** — **براق خان** [Барак-хан — Иарак-хан]; вместо **براق** [йырак] **يزاق** [йызак] (стр. 21); [вместо **باقوى** — **ديب باقوى** — **Диб-Бакуй**] — **ديب ياقوى** [Диб-Якуй] и проч.

Вместо прошедшего и настоящего употребляется будущее время (см. стр. 19) **قرقورم** [Каракорум]. Из слов и оборотов, встречающихся у киргиз, я укажу на некоторые (стр. 16); **زمانه دا** [заманада] вместо **زماندا** [заманда — в то время] и последующие: **انلارنىڭ قوت دولت لارى اونكىن ولايت لاردا اتى چاولى**<sup>91</sup> (стр. 17) произносится а т ы ч у у ы ч и к т ы — имя громким сделалось. Помнится, один стих плача жены по мужу **اتى چاولى اياولم**; **اتى چاولى اياولم**<sup>92</sup>; **ايچ اياولم** — **ايچ نايىز انىڭ تور تاياولى** ( [аяулым] происходит от глагола **اياماق** [аямақ] — жалеть).

Автор вместо татарского **اوزگا** [өзгә] или **باشقه** [башқа] другой употребляет **اونكىن** [онген]<sup>93</sup>. Киргизы употребляет все эти три слова для выражения [слова] другой (стр. 24). **نچوك بريسادی ايرسا بغايتارو صاحب جمال و خوب صور تليغ**<sup>94</sup> Слово **ارو** [ару] — чистый; хороший у киргиз не употребляется и совершенно им не известно<sup>95</sup>, у них есть только глагол **ارولماق** — омывать покойника<sup>96</sup>, но тем не менее в древних киргизских поэмах встречается; Урак, герой одной поэмы из времен Золотой орды, родом конрат, обиженный в разделе добычи, взятой от русских канглами, которых было много, || жалуется на свое одиночество и говорит:

سویرای سویرای کوچارگا،	قانکغلی دان التاو کیلدم دیب،
سویرو تاولار بولسا ایگه؛	اوراققه زورلیق قلمانکز؛
سویرو تاولار بولسادا،	قایراتنه منگان سونک،
اونان سویراب کوچارگا،	بورده لار کیتسا جات بولار،
سویرو اتان بولسا ایگه.	قلج چاپسا میرت قیلار؛

\*91 Их могущество и богатство известны в других владениях.

\*92 Прославленный мой, дорогой, белая пика твоя стоит подпертая.

\*93 Теперь произносится: **اونکه** [өнгө] — другой.

\*94 Распвел, сделался весьма красивым.

\*95 Неточно, слово **ару** — **ару** (чистый, непорочный) часто употребляют казахи. **Ару ана** (святая мать), **ару қыз** (непорочная девушка) — обычные эпитеты казахского эноса.

\*96 **ароламақ** — **аруламақ** (от того же корня **ару** — чистый) не *омывать*, а *чистить огнем* то место в юрте, где умер человек. Очищенное место (**арулаған-жер**), после того как уберут юрту, засыпается камнями или землей и образуется небольшая насыпь.

سونككولى اولدار تووسا ايگه ...  
الماتينك كوكانده يوق ايگه،  
جالغزدا توغان سوم باسم  
بارمنان يوغم كوب ايگه.<sup>97</sup>

سوירו اتان بولسادا،  
اوتينك باسين جينالار،  
قويان قولتوق كيرما قاس،  
ارو چيچاي بولسا ايگه.  
ارو چيچاي بولسادا،

кечмак [кечмак] — переправиться, җайлақ [яйлақ] — летние ко-  
чевые места и җишлақ [қышлақ] — зимние стойбища. Юрт —  
народ — эйл [эль,] но юрт имеет у нас еще одно значение: место  
кочевания и стоянки [тоже] называется юрт, в этом смысле  
употреблено и здесь, җорған җортонда аирди, җрахан атасы  
торған җортонда аирди<sup>98</sup> (стр. 20).

Некоторые слова и обороты мне не известны, по крайней мере  
в языке киргизском не существуют.

Значение слова мнкар [муцкар] мне не известно, есть у нас  
слова мнкрау [меңреу] — идлот, простақ (стр. 24); мннк (мнм),  
созомни тнкламادی мнкар болди. җобон байатннк җе  
ханони алан җоа атлиғ аирди<sup>99</sup>. Значение җе здесь я не могу  
понять. Слово табонмқ [поклоняться] употребляется здесь в смысле  
поклонения единому богу, но татары и киргизы слово это упо-  
требляют для выражения поклонения идолам, огню, луне и проч.,  
которое между ними до сих пор существует. Говорят, җобтқе табонмқ,  
мнжат алла [алла] едином боге<sup>100</sup>, но о боге едином, җолҗлқ,  
ситмақ, айтмақ<sup>101</sup> и проч.

Автор пишет и бек, и бий и дает бию переносное значение  
разумного, умного человека (стр. 20). О матери Огуза җанон  
би җши<sup>103</sup>, В этом смысле киргизы говорят би җши, от бий  
есть у нас глагол би җк [билік] — суд, удовлетворение,  
не отсюда ли билемек — управлять (стр. 20) җриа  
җрағи [дарья қырығы] в древнекиргизских поэмах җбағи —  
берег] и җағасы [яғасы — берег]. Слово җазы [язы], как вид-  
но из следующих примеров: җазығе анкғе җиғти<sup>104</sup> (стр. 22),

<sup>97</sup> См. перевод песни Урака в настоящем издании, с. 205.

<sup>98</sup> Кара-хан жил на родине твоего отца, там и родился сын Кара-хана.

<sup>99</sup> [Он] меня не послушал и стал [моим] противником. У Дубун-баяна  
была жена по имени Аланкуа. Мукэр (араб., правильно: мункир) означает  
противный в смысле враждебный, отрицающий.

<sup>100</sup> Поклоняться идолу, поклоняться огню.

<sup>101</sup> Поклоняться, молиться, покоряться.

<sup>102</sup> Эта женщина была властная и деятельная.

<sup>103</sup> Властный человек.

<sup>104</sup> Языға аяға чықты — выехал на охоту на равнину.

اول<sup>\*105</sup> يازيدا اولوغ لشكر يغلدى имеет значение: степь, поле; [вместо يازى] киргизы говорят يازيق поле, гладко — в переносном; слово يازى [язы] не знают.

قونك سو [қоңсы] у киргиз — бедные, живущие при людях достаточных и богатых; قونك سو قونماق [қоңсы қонмақ] значит соединиться или присесть к кому-нибудь (см. стр. 23) دريا || ارا<sup>\*107</sup>; (стр. 27—28) بر يكي قونك شو سى بار ايردى<sup>\*106</sup>. سيند ين قرچين لار قمش لار ييغيب سال بغلاب درياني كچتى.

2 об. Слово قرچين [қырчын] как название растения у нас не употребляется, хотя в той же поэме «Урак» и говорится قوم غه<sup>\*108</sup>, но на мой вопрос, что значит قوبرچين [қобырчын] самые почтенные староухи كارى قولاق не могли сказать ничего положительного. На озере Балхаше, в песках Аккум и по Чую, говорили они, растет болотное растение вроде тростника, но тонкое и очень легкое. Киргизы его называют ко па и употребляют на легкие плоты.

Собственно корджун есть название дорожных мешков. Можно бы тут допустить и это значение, но слова دريا اراسيندين<sup>\*109</sup> совершенно делают не уместным такое положение.

جبارليق، سپاهى ليق، بهادرليق، قوت شوكت ليق باي ليق<sup>\*110</sup> عيش و فراغت ليق قوى معظم اولوغ پادشاه تيماك بولور) (стр. 60). Слова, как видно из употребления<sup>\*111</sup> (стр. 30) برچه<sup>\*112</sup> حالدا قوى حال ايردى لار.

Слово مال [мал] никогда не встречается в сей книге без добавления توار قرا [туар қара], должно полагать, что توار слово древнее, заменявшее слово يلقى [илки, жылқы]. Нет сомнения, что все слова и термины кочевой жизни должны хорошо сохраняться у киргиз. Под словом مال киргизы разумеют вообще скот — в смысле богатства, который прежде составлял единственное богатство киргиза, теперь же это слово употребляется в смысле вообще богатства, а один скот — простой قرا [қара], а توار قرا есть название табунов конских; توار однозначное с يلقى.

\*105 Ол языда ұлуғ ләшкәр йығылды — па той равнине собралось большое войско.

\*106 Имел одного-двух консы (қоңсы).

\*107 Собрав на берегу реки камыш и связав плот, он перешел реку.

\*108 Срубив растущий на песке тростник, связал плот.

\*109 Срубив на берегу реки.

\*110 Великий царь — могущественный, искусный в ратном деле, благоденствующий в жизни.

\*111 Мысль автора не закончена.

\*112 Во всех обстоятельствах был сильным, могущественным.



Молодые киргизки, вышедшие замуж, не могут называть по имени всех своих родственников и киргиз, старших ее мужа, всего рода, к которому она принадлежит, почему и киргизки всегда дают им имя, составленное из других слов, но имеющее прежний смысл; место имени *اوروس* [Урус] говорят *كسچە* [кесче] или *چواس* [чуас] и вместо имени *يلقى باي* [Илкыбай, Жылкыбай] говорят *توارباي* [Туарбай] и проч.

Этот обычай у некоторых баб переходит в ужасные пределы. Есть такие ханымы, которые совершенно избегают всякого звука во всех словах, напоминающего сколько-нибудь запрещенное имя. Так, если заветное имя было, положим, Айбатыр, то для нее совершенно не существуют слова вроде *اي*, *ايغر*, *ايدا*, *ايماق*, *قامچى بويلوغ* *اير اوغولنى*. (стр. 33). *ايالمق*, *اينالمق* *قويمادى*<sup>\*114</sup> — сравнение камчи бойлуг и теперь в полном употреблении; вы часто услышите от киргиза *سول زماندا من قامچى بويلى بالا ايديم*<sup>\*115</sup>.

На стр. 33 в строке 10 по ошибке вместо *ي* стоит *б*: *باريب*. Эти три слова выражают бедствие кочующих племен, подвергнувшихся *ч а п у* [нападению] или *б а р а н т е*. Первое слово происходит от *اچ لى* — голод, второе выражает истощение от принужденной диеты — подготовка лошади через диету на байгу (в бег) — [и] называется у киргиз *جاراу ат*, *жаратмақ* — название подготовленной так [им образом], вообще не жирной, но [в] совершенно сухой степени [лошади].

## || СЛОВАРЬ

41 об. НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩИМ[СЯ] ТЕПЕРЬ ТАТАРАМИ СЛОВАМ,  
ПОПАДАЮЩИМ[СЯ] В *جامع التواريخ*

40 об. || тюркские и монгольские  
*اوروغ* — семейство, род, прозвище,  
название  
*قوم* — племя  
*اوکوس*, *بسيار اوکوس قوم*

арабские и персидские  
*مفصل معلوم ابرماس* — (под-  
робный)  
*تبعه* — [подданные, подвластные]  
*تفصيل دا معلوم ترور* — [в из-  
ложении становится ясным]

<sup>\*113</sup> ай — луна, айгыр — жеребец, айда — гоня, аймақ — округ, район, айналмақ — кружиться, аямақ — жалеть.

<sup>\*114</sup> Қамчы бойлұғ ер-ұғұлны қоймады — [Не пощадил никого из мужского пола, даже дитя ростом с рукоятку нагайки].

<sup>\*115</sup> Сол заманда мен қамшы бойлы бала едім — в то время я был мальчиком, ростом с рукоятку нагайки.

کثرتی — [многочисленность, мно-  
 жество]  
 اوتیک — пройти, в хрониках  
 употребляется в смысле прошед-  
 шего бытия, так говорится: بسیار  
 اولوغ بولوب اوتتی لار — чрезвы-  
 чайно сильным быв, отошли [в мвр  
 иной], т. е. были народом сильным;  
 то же значение имеет слово  
 کچمک — переправиться, отойти.  
 اصلی، اصل — происхождение,  
 корень  
 ایری — муж  
 ایر — мужчина, храбрый  
 نچه — сколько? много, как, насколько,  
 в смысле равно, также  
 مطلق — совершенно, полно, все  
 توغان — родственник. [родные]  
 توغان اغا، اینی — братья старшие  
 и младшие  
 تا — до, пока  
 40 تا کیم — [до тех пор пока] کیم ||  
 پیدا — [появление, возникновение]  
 نسل — род, потомство  
 سونکره، سونکرین — после, впо-  
 следствии  
 صحرا دا اولتورماق — сидеть в  
 степях  
 صحرا دا اولتوروشلوق قوم —  
 [племена, живущие в степи]  
 یایلاق — летние кочевые места  
 قیشلاق — зимовые места  
 اینالاسی — [окрест, вокруг]  
 قوت — счастье  
 قوتلی، قوتلیغ — счастливый, от  
 него  
 قوتلوغلامق — поздравлять  
 کوچلوک — сила, от него — کوچ  
 ار توق — лишний, больше, выше;  
 сравнительная степень —  
 ار توغراق — юрт, народ, равнозначное  
 38 об.с. یورتی || ایل — место кочева-  
 ния племени, место стоянки. В та-

قسم — [часть]  
 مغول ایرماس ایردی نه — نه  
 [не являлись монголами]  
 لفظ — [диалект, язык, слова]  
 بو لفظ سونک زماندا چیقتی  
 (это слово появилось в поздней-  
 шее время).  
 تاجیک — [таджик]  
 عنایت — [заботливость, благорас-  
 положение]  
 غالب — [побеждающий, победи-  
 тель].  
 هنوز — [теперь, еще]  
 اکثر — многие  
 مخصوص — [особый, присущий,  
 относящийся]  
 موجب — порядок, в виде  
 اشهل جسم — [снеговая плоть,  
 снеговой дух ангела]  
 منسوب — [родство, относящийся  
 к кому-либо, чему-либо]  
 حکایت — [рассказ, повествование]  
 نقل — [как рассказывают, пере-  
 дают]  
 مسطور تورور — [известно, под-  
 черкнуто]  
 جنوبی، جنوب — юг  
 شمال — страна северо-восточ[ная]  
 مملکت — [страна, государство]  
 محقق — [доискивающийся истины]  
 متفق — [согласный, единодушный  
 союзник]  
 اصناف — [род, сорт]  
 تقریر قیلندی — [изложено,  
 заявлено]  
 عظیم — [великий]  
 دروازہ — ворота  
 مقیم — [живущий, обитатель]  
 تابع — [подданный, подвластный]  
 منصب — [высокая должность]  
 شوکت — [могущество, величие]  
 شوکت اسبابی от него

ком значении употребляется и у киргиз, в таком же употреблении и здесь: *قراخان اناسى تورغان* *يور توندا ايردى*, *اول ير دا قرا خانينك اوغلى توغدى*. [Карахан находился в юрте (в местах), где жил его отец, там же родился и сын Кара-хана]. Слово *اول ير دا* совершенно доказывает предпол[агаемое] мною значение слова *يور ت* (с. *التوارىخ جامع* 20)

33

*ايماك* — сосать  
здесь свое правописание *ايماك*.  
*تابومتى* — поклоняться божеству, в настоящее время этот глагол употребляется у татар-мусульман для выражения поклонения идолам *بوئقا تايونماق*, но здесь стоит в смысле поклонения единому богу *بى* — то же, что *بك* и судья; в переносном смысле: всякий разумный человек. *بى كشى*, *بى خاتون*, от него *بيلك* — суд, удовлетворение и управлять *بى لامك*.

*ساقلانمق* — опасаться, принять осторожность; в *جامع التوارىخ* в том || же смысле поставлено слово *ساقلاندى* [остерегался] (с. 20)

38

*دوست توتماق* — [дружить]  
*قريغى*, *دريا قريغى* — берег реки

*كر يووماق* — мыть белье

*يراق* — даль, далеко

*يراق تورماق* — [находится вдали в переносном смысле:] быть холодным, не расположенным.

*نياز* — [нуждающийся];

*حق قه نيازلق ايردى* — *نيازلق* — [стал нуждаться в Боге]

*كيلين* — невеста, молодуха, [невестка, сноха]

*ايغاق* — [ясно, очевидно]

*ايغاق چى* — доказатель, свидетель

39 об. || (стр. 24)

*مجموع* — [собранный, соединенный, целый]

*تزريع* — стр. 21, пример:

*محب* — [любящий бога], (*محب*) [если с любовью отнесешься к богу]

*اشكارا* — явно, открыто

*بغايت* — [весьма, очень]

*صاحب جمال* — [красивый], господин красоты

*فرزند* — дитя, мальчик

|| стр. 20

*عجب* — удивительно

*بموجب سوزى رسیده بولدى*,

*عاقل غه كيردى اثر ارشاد حق*

*تعالى دين ايردى* — [смысл его слов дошел до нее; она осознала и последовала по наставлению Всевышнего Бога].

*غایت خوب* — [очень, чрезвычайно хорошо]

*نصيحت* — [наставление, назидание]

*التفات* — [внимание, расположение]

*محبت* — [любовь]

*كنيزك* — [девица, служанка], наложница

*صحبت قيلماق* — [беседовать, вести компанню]

*مطيع بولماق* — покориться кому-нибудь, согласиться с мнением

*موافقت* — [согласованность, пригодность]

*معركة* — [шайка, общество], стр. 22

*اويناسا، يورسا معركة دا اول*

*تيلنى ايتور ايرديلار* — [во время групповых игр. прогулок — пользовались этим языком (жаргоном)]

*غيرت لانمق* — [воспрянуть, возгордиться]

*فرصت* — [момент, удобный случай]

*عظيم مقبل* — [счастливым]

لشکر تارتماق — войска весті  
 مقام — местопребывание; вроде  
 39 об. киргизскогоمكن [местообитания]  
 فرينداشلار — родственники, с  
 этим окончанием اولوغلارين слово  
 великий اولوغ означает вельмож,  
 буквально: почетны х.  
 التون — золото  
 التونلى — золоченый, с золотом,  
 а не золотой, тогда должно быть:  
 التون  
 توى — пир, праздник, торжество:  
 وپادشاه ليق تيكدي ايرسا اول  
 يردا التونلى خرگاه تيكدي،  
 اولوغ توى قيلدى. جامع  
 التواريخ (стр. 24) — [Если бывали  
 торжества или возводили на престол  
 падишахства, то там ставили золо-  
 ченый шатер и устраивали большое  
 ширшество]  
 اورونليغ اورنيغه — место; Аурон-  
 39 39 اولورتدى (с. 30) [взошел на до-  
 стойные места]  
 قران كامكارليق — [почитание Ко-  
 рана]  
 حبارليق — [величие, слава]  
 سپاهى ليق — [военнослужащий]  
 بهادرليق — [отвага, героизм]  
 — (ياشлагانلار، ياشاغانلار)  
 39 39 نچه چاقلى — [прожили долгое  
 время]  
 اوينك تونكلوكى — [отверс-  
 гие вверху юрты]  
 اروپكزه — чистый  
 مال يعنى توار فرا — [богат-  
 ство, т. е. кони]  
 چايماق — у киргиз частн, рас-  
 стилать, развешать. В التواريخ  
 48 слово это встречается  
 يغار — по орфографической форме  
 ايردى مالين توار قراسين  
 كونكلى تتماق — быть довольным,  
 успокоиться

اتفاق قلماق — намереваться, на-  
 мерение иметь.  
 وظيف بولماق — подготовленным  
 быть, предуведомленным быть  
 فى الحال — тотчас, тогда же  
 مسخر قيلماق — покорять, достать  
 خرگاه — шатер  
 التونلى خرگاه — [золоченый  
 шатер]  
 ولايت — [вилаёт]  
 پادشاه ليق تيكدي — престол  
 дошел [достался]  
 خلعت — [пожалование, почетный  
 халат]  
 خلعت لار سهورغالار بردي —  
 [почетными халатами жаловал]  
 (с. 24)  
 نعمت دولت — [благоденствия, власть]  
 ابتدا — начало  
 مىسر — [способствующий, делаю-  
 щий доступным]  
 قوت شوكت — [величье]  
 عيش — [жизнь, радость]  
 فراغت ليق — [отдых, покой]  
 صدفى — [жемчужная раковина,  
 перламутр]  
 عواص — водолаз  
 حاصل بولماق — [получаться]  
 — بطن پاك — [чистый телом и душой; чистый помы-  
 слами]  
 مقدمات — [прежде, раньше]  
 تقرير — [рассказ устный; утверж-  
 дение]  
 موجود بولماق — [существовать,  
 быть, присутствовать]  
 ايشارت — [знак, намек, сигнал]  
 حامله كلتورمك — [чистый помы-  
 слами] — [многочуважаемый]  
 48 — [многочуважаемый]  
 معتبر بزرگ — [многочуважаемый]  
 تاريخ — [хроника]  
 مشايح بولماق — [наступать]  
 مناجات قلماق — [воззвание]  
 نازل بولماق — [с]низойти

نوڪال — полон, верен в числе  
يسير ايتماك — взять в рабство  
детей, жен разграбленного племени  
(у киргиз и др. татар)  
فساس قلماق — в кабалу взять  
[وطن قلماق] — сделать приста-  
нцем  
مقبول — лучший, превосходный  
قتل قلماق — [убивать]  
كونكول ليك — храбрость  
(с. 41)

بهادرليق بيلان وكونكول ليك  
بيلان مغول بيلان بسيار توفوس  
قلدي — [храбро и с отвагой мно-  
го раз сражался с монголами]  
يناش — возле, рядом

سيوركار<sup>\*116</sup> ايردي — оказывать  
почести, наделить

48 قارماق || — состариться

قاريب ايردي —

اگرچه — хотя

بويو سونلوغ — [подчинение, по-  
корность]

38 об. كينكеш || — беседа, совет

سيورغال — подарок или выраже-  
ние существенное любви или распо-  
ложения. Из слова بسيار  
انى بسيار и из слов T[e-  
мир] K[утлукова] ярлык [a]  
سيورغاب достоверно видно, что  
существ[ует] глагол سيورغامك, у  
киргиз سيوركامك и от него  
سيوركاب есть местное изменение  
глагола سيورغامك. Оно имеет зна-  
чение призреть, пожаловать, вообще  
покровительственную любовь и ми-  
лость высшего.

37 об. الاشا — низкий, меньший ростом;

у киргиз говорится الاسا

ياكزه — чистая, чистота. По свп-  
детельству автора جامع التواريخ

روايت — сказание

قوپماق — [трогаться, подниматься,  
отторгнуться]

اويقودين قوپماق — [соскочить  
со сна, вскочить с постели]

رويلا — повествователи

روي زمين — земное лицо

عهد قيلدي — завещал

جانب — страна, [сторона]

اعظم — величайший

معجزه — чудо

كيفيت — дело

معروف ومشهور — известно и  
ведомо

اكره — [более отвратительный,  
самый презренный]

مسخر و مسلم بولدي — вручено  
и отдано

\*116 Это то же, что سيورغال — лен, удел.

اوتجكين значит младший в семье, то же, что киргизское *كنجه*. Ему должно было принадлежать все имущество от отца и матери *اتا ناسيننك اوتى، يورتى، مالى توار قراسى، اوى تر ليكى كچيك* (стр. 44)<sup>\*117</sup> *اوغلى غه قالور* — перегнать  
*اوزماق* — седло  
*ايكار* — обзда, обижаться)  
*اوپكا — اوپكا لامك* — высокий, великий, слагный, превосходный  
*قوى* — прекрасное состояние  
*قو حال* —  
*سنكون يعنى اندين سونك* — [затем, после этого, впоследствии] (стр. 73)<sup>\*118</sup>

---

<sup>\*117</sup> Очаг родителей, места кочевок и стоянок (юрт), имущество, табуны коней (*توار قراسى*) и вся домашняя живность остаются (в наследство) младшему сыну.

<sup>\*118</sup> Переводы терминов, показанные в квадратных скобках, выполнены Н. Н. Мпнгуловым.

## ОБРАЗЕЦ [ПРИЧИТАНИИ]\*1

كوبچاك ساندى كورانكىدى  
تايهغه جراتقان،  
قرق سان قرا قلماقتى  
جارلغينه قراتقان.  
اييالتاسون التون منان يوولاتقان.  
الافاسون ارتتوروب  
ارپالاب اتتى قووناتقان.  
لاباچى دىكان بر ايلنى  
اتتى منان اولاتقان،  
ايرانچى منان سراندى  
توزغوندا توب چوولاتقان.  
برستاسون جورت اوستونان دوولاتقان.  
اينكساسى بيوك بوز اوردا  
سلتانن غه اورناتقان.  
بولاتدان چىكا سوقتوروب  
چنكاراغون تورلاتقان.  
اوشبو ىردان بك [دارون]  
جاسيل كول كا مصلحت [كا] كيلتوروب  
. . . . .  
مس تابق غه تولتورغان.  
قازغونى قلايى دان قاقتوروب  
توقباغن سوم التون نان سوقتوروب  
نقرا كموش چاپتوروب،  
بولغارى سبا پىچوروب  
چنى اياق مان ايچتوركمان.  
ئوردوغىن اويمشداپ  
او او نقش سالدورغان.  
ساندوغىن سارالتونغه مالدورغان.

\*1 Песни Бухар-жырау по умершему Аблау.

کوچسە قرقين ارتالماس،  
 قريق مينك اتان تارتالماس.  
 قزىل اياق مال جيب  
 قالىجەسىن الدورغان.  
 الغين چغين ارقالاب  
 بتينه بدير قامقا سالدورغان.  
 توورليغينك قرا كىس  
 تولولو بر تونكلو كين  
 اوشىغەدان اوستاتقان.  
 بايتاغينك بايب مال بريب  
 بايراقتى جر كا قىستاتقان.  
 عدل ليكين نثر اون عدلكا يتكوركان.  
 [جومارتليغين] حاتم تاي  
 جومارتدان اوتكاركان.  
 كونده مهمان كوزلاتيب  
 كيساكلاب ايت بركان،  
 ايماندينك! يسينه قاراب بيت بركان.  
 بر خدايدنك ديدارين  
 سن كورمسنك كم كورار.  
 تىبانداسقان دوشمن غە  
 كونيندا قيليج شاويب اوتكاركان.\*

\* \* \*

На<sup>\*2</sup> коновязи он тренировал  
 Одних мухортых коней с упругими бедрами.  
 Несметное число каракалмыков  
 Подчинил своей власти.  
 Покрыв позолотой свою секиру,  
 Окружил себя ореолом величия,  
 Услаждал он коней ячменем.  
 Племя, называемое лабачы,  
 Он привел к присяге.  
 Иранчи и Серена<sup>\*3</sup>  
 Разогнал, рассеял во все стороны.  
 Ангел счастья вознес его славу над народом  
 Высококупольную белую юрту-ставку  
 Поставил он для великолепия.  
 Булатными гвоздями  
 Прикрепил шанарак<sup>\*4</sup> ее.

\*2 Перевод песни А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.

\*3 Точнее: *Эренчи и Цэрэн* — имена калмыцких князей.

\*4 *Шанарак* (шацрак) — верхняя часть остова юрты.



Вызвав на совет беков своих,  
 На озере Жасылколь\*<sup>5</sup>  
 Наполнил медные чаши...  
 Приказал вбить колья оловянные;  
 Колотушку велел отлить из чистого золота.  
 Кумыс для него готовился  
 В кожаной сабе с серебряной оправой.  
 [Гостей] поил он [кумысом] из фарфоровых чашек.  
 Кресло свое отделал резным орнаментом,  
 Украсил еще большей росписью.  
 Покрыл позолотой свой сундук.  
 При перекочевках его имущество  
 Не под силу было выючить служанкам,  
 Сорок тысяч верблюдов  
 Не могли везти его.  
 Размножил стада красноногих\*<sup>6</sup> животных,  
 Наслаждался видом своего лысоголового стада.  
 Сборы и дары — целые возы.  
 Покрытие боковых стен юрты из черного соболя.  
 Широкое покрытие верха  
 Украшено разноцветным узором.  
 Разбогател народ твой многочисленный,  
 дал много добра;  
 Зимовать ты устроил их в обжитых местах.  
 В справедливости он не уступал Нуширвану  
 Справедливому\*<sup>7</sup>  
 В щедрости превзошел Атымтая Щедрого\*<sup>8</sup>  
 Каждый день он встречал гостей,  
 Угощал их свежим мясом;  
 К совестливым обращал свое лицо.  
 Кому же, как не тебе узреть божье лицо.  
 Не отступавших врагов  
 Рубил он саблей беспощадно.

\*<sup>5</sup> Старое название озера Иссык.

\*<sup>6</sup> То есть породистых.

\*<sup>7</sup> *Нуширван*, т. е. Хосров I Ануширван — персидский шах, правивший в 531—579 гг.

\*<sup>8</sup> Вернее: *Хатим ат-Та'и* (ум. в 605 г.) — полулегендарная личность у арабов, доисламский поэт, известный своей безграничной щедростью.

## ابلاي تودالي جر

|| من بر جرده<sup>1\*</sup> جرلاين،  
 جرلاسام ننه جرلاين؟  
 ايرتگه اوتکن ابلاي  
 خانيمده جرلاين.  
 اونى منان قويماين،  
 اوتنك اتسقان جاون جرلاين.  
 قوسقان مالن جرلاين.  
 منگگنده اتى كر ايده  
 ايسنغول من اير سادر  
 قرغزده دانگه بر چققان اير ايده  
 اناو ير سادر اتلاندى،  
 اتلانده ده بابلانده،  
 قزاق بر اويغه توسكانده  
 تنچ اويقتاب جاتماده،  
 اق سو منان كوك سوده  
 اتلانه كله سارتده الله.  
 قرادا قووس چنكقردان  
 سمز نايمان چابلمده،  
 سونك ايچنده  
 قونكراتنك جمان چابلمده.  
 سايقال ترك توبنده،  
 موزده بلاق باسنده  
 سواققان قوزه من لاق تابلمده  
 اون بش ياشار ياس بالا  
 جاوغاچ بر سونده جلايده:  
 سن سادر غه قلماسام،

<sup>1\*</sup> جردى، т. е. Валиханов (i, y) в конце слов большей частью передает буквой «-е»; ننه (neni) он пишет «-не» (деди) — «деде», (санды) — «сальды» и т. д.

کوتکنان سورگه سالماسام،  
 ارقاداغي ابلای خه نییمه بارماسام،  
 سویتب بر کگم الماسام.  
 تاغه بر مزگل بولغانده  
 جاوغاچ بر اتقه منگان کون،  
 بلته ساداق سالغان کون،  
 قاراقانده قولینه  
 اورتاغه الا قونغان کون.  
 انکر قوزنه الغانده،  
 توس اویقغه بارغانده،  
 چالبار سالدده بولغانده  
 تیب بر جلمقی الغان کون.  
 تورت کشنی باچشی الوب،  
 یس کشنی قوچشی الوب  
 ارقاداغه ابلای خانغه کیلگان کون،  
 الله یار [دیپ] یاس اورغان کون.  
 خان ایلای سورغان کون:  
 — جولدار بولسن جاوغاچ جان.  
 — خان ابلای تقسر خان،  
 تنکری برسه مول بولسن.  
 قرادا قووس چنکقردان  
 سمر نایمان چابلدده،  
 سونتک ایچنده مینم  
 قونکراتم جمان چابلدده.  
 اق سو منان کوك سوده  
 سایقال ترک توبنده،  
 موزده بلایق باسندده  
 سو قاققان قوزی اولایق تابلدده.  
 اویناپ بر جورگن قوربه سن  
 جاوغاچ نک جمان ساغندده.  
 — ای جاوغاچم، جاوغاچم،  
 سن باراتور، باراتور،  
 سمبله تووسن جلتیب،  
 ات سمرسن قنتیب.  
 من سادرغه قلاین،  
 پایاغه دای بولاین،  
 تانا<sup>2</sup>\* برکای خدایم.

\*2 Видимо, описка, должно быть пана (из перс. پنا) — защита, покровительство?

تاغه بر مزگل بولغانده  
 سمبله توده جلتیب،  
 ات سمرده قنتیب؛  
 یوز قویغه الغان قولچه ات  
 جوراكتای بولب سمرده،  
 جلاندای بولب جاراده.  
 خان ابلاي تقسرخان  
 اوله بر یوزدین قول جیدی،  
 کچه بر یوزدن قول جیده،  
 اسراسه [لوتنک] اچنده  
 اواق بن کریدن  
 رایایسز مول جیده.  
 کوك بوری دای جمله خان،  
 ایتلگه دای الده خان،  
 قارچغادای قاقته خان،  
 تورمتایدای قوندی خان،  
 توقال ترک توبنده  
 اتلانب کنکس سورده خان.  
 یاستتین اوله بارلوبای  
 اومراولاب سویله یده  
 کسی ارقینه کونبیده:  
 سسن کوك بوری دای جلدنک خان،  
 توقال ترک توبنده  
 اتلانب کنکس قلدنک خان.  
 یمانده قولغه توسمز،  
 کل قایتالقی، دیده خان.  
 سونده ابلاي جلایده،  
 ابلاي نیداب جلایده؟  
 سگری منان اوراق تنک  
 نایزا اوستاغان باتردنک  
 برده برنی جوق بولده.  
 من نیلمکتان بوق بولدوم،  
 جانه توسب چوق بولدوم.  
 سونده کیدایچیلک مندارینک  
 سول مزگلده بار ایکن.  
 کرایدنک اوله تورسونبای  
 کون ساداقته دمسنک،

— كويكه تيبيار سوزم بار<sup>\*3</sup>  
 كوك چولاق اتته دمسنك  
 اولجه ده الار جايم بار.  
 يمان قىلب الامز،  
 كل قايتالق، ديدە، خان.  
 || ابلاى خانم جروچنك  
 قازداى بولب قرقلداپ،  
 (بورادايىن) برقلداپ،  
 ساي سونداى سارقلداپ.  
 جاي تاسنداى جارقلداپ.  
 ياوره . . . . .  
 قولغادا تولده سولقلداپ.  
 چابندتنك ايچنده  
 قوس ايدارده اول كيته<sup>\*4</sup>  
 قوس تولمده قز كته.  
 سونك جمان ايه اوتته.  
 يمان قىلب الامز،  
 كيل چابالق، ديدە، خان.  
 سويگنده بار ابلاي  
 قارت بوراداي چابنده.  
 يوز قويغه القان قلاچه ات  
 تورت اياغن قاغنده،  
 جاو اتنداى سابلده.  
 سابلغانن بلكان سونك  
 ابلاي دا [ى] تقسرخان  
 ايل تورمان تاغنده.  
 ارغماغن اوزدرده،  
 باياو جاتقان قرغزده  
 ساري بلده توزده رده.  
 قلماقچه داي قلدرده،  
 قرغزدنك بلن سترده،  
 چابته ده قايتته ابلاي.  
 ابلاي چاوب قايتقان سونك  
 سادر بالا كلمده  
 ساي سونداى سارقراپ،  
 جاي تاسنداى جارقراپ.

<sup>\*3</sup> (Примечание Валиханова). كون ايتكته دمسنك كوبكا تير سوزم بار

<sup>\*4</sup> (кетти) كه تتى , т. е. , كته، كيته

ابلاى خاننىك قورقانه\*5  
 قورققانه ايمى نمه؟  
 توره ير قالدە تىز كىب، تىراپ.  
 ساي جاوغاچم، جاوغاچم!  
 اونك قولمده لاجن،  
 سول قولمده جاوغاچم.  
 ازدمده تابلماس  
 جاوغاچجان سنداى قباچه اول.  
 منگانده اتى كىرايده  
 ايسنغول من ار سادر  
 قرغزده دانكقه بر چققان ار ايده.  
 بار سادرغا بارا كور:  
 ايلدسين سادرمن.  
 تالاستنك بويى تار جايلاو  
 تالاسا بارب جايلايق،  
 كىنكستىنك بويى كىنك جايلاو  
 كىنكسه بارب جايلايق،  
 قازى منان قار تهنه  
 قيه كىسب چاينايق.  
 سادر باتر توراتور،  
 ارقاداغى ابلاى  
 خانم منم جبرده:  
 سبار سادرغا بارا كور.  
 منگنده اتى كىرايده  
 ايسنغول من ار سادر  
 قرغزده دانكقه بر چققان ار ايده.  
 جاولاسبايمن سادرمن،  
 ايلدسين سادرمن.  
 تالاستنك بويى تار جايلاو  
 تالاسه بارب جايلايق،  
 كىنكستىنك بويى كىنك جايلاو  
 كىنكسه بارب جايلايق.  
 قازە منان قارتانە  
 قيه كسوب چاينايق.

\* \* \*

سوقى! ايلدسبايمن اونى من،  
 حاولاسامن اول قولمن.

\*5 قورققانى, т. 6, қорыққаны

تالاستنك بويى تار جايلاو  
 تالاسا باروب جايلامان،  
 كىنكستىك بويى كىنك جايلاو  
 كىنكسە باروب جايلامان.  
 قازە منان قار تەنە  
 قىە كىسب چاينامان، قوقى!  
 ابلاى دىكان كارى قول  
 اوچ چاپتە منم اويىمده  
 اونه منان تورماده  
 ابلاى دىكان كارە قول  
 اراغن ايچوب ايسردە.  
 تاستاپ كىتسەن جىس [م] دە،  
 بر قىلمادە منك قىلدە، قوقى!  
 جاباغمدە جون قىلدە،  
 جاس قايسمدە اى قىلدە،  
 يوز بالامدە قول قىلدە،  
 اق اوتام كونك قىلدە.  
 اونى منان تىيادە، قوقى،  
 ابلاى دىكان كارى قول  
 ايندە مغاندا قراب قىلغندە، قوقى.  
 قان قىلماي چىشسەن كىيىمدە،  
 بولاك بولاك ايتەرمەن،  
 بوزداى جرتب اوتارمەن.  
 دودوغاسن كىيارمەن،  
 اينكەستە منارمەن،  
 كوودەستە سىيارمەن.  
 اىلمدە چاپقان سو قولدىك  
 سوياكىن [نك] اوستونە  
 منارا قىلب اويارمەن.

\* \* \*

— منكنده اتى كىرايدە  
 ايسنغول من ار سادر  
 قرغزدا دانكقە چققان ايرايىدى.  
 ايلچەگا بارغان جاوغاس جان،  
 سادر باتر نە دىدى؟  
 — اوى ابلاى دىكان تقسر خان،  
 سن نىسن، نىسن؟  
 اناوېر تورغان سادردىك  
 اولكنسگن سوزى بار،

خدايدنك بزرگه برار اييه بار،  
 سن كيلگنسن، كيلگنسن،  
 || كلب قرغز چايقان سن،  
 تنكده اولجه تايقان سن.  
 «قوقى! الدسبايمن سو قولمن،  
 اينده مغان قراپ قلمغنده».  
 (سوندا ابلای):  
 —يالانكاچ حجم سن بولسانك  
 اناو تورغان سادر ده تورپ اتسانه،  
 قارق اولجهغه باتسانه.  
 اول سادر ده اتباسنك،  
 سادر سنى الاده،  
 ات كوتنه سالاده،  
 تانكدينكدان تسیده،  
 جانغان اوتقا اوزنكده  
 چرقراتب باساده.  
 المهدان اوكم كلكان سونك  
 برچبنداي كوكه [جان]  
 او قاي جاقفه قاچاده.  
 قونكراتتنك كوب مرگن  
 كوينده بولغان سول بايفوس  
 اورمه قرا ملتقته  
 تزه گه الا اولتورده،  
 اوزن براوقفه تولتورده،  
 اتتان بر قورغان سوغسته،  
 او قچانتاين قاغسته،  
 الدلاي ابلای چانچقان كون،  
 قوقى لاپ قرغز قاچقان كون،  
 قزاقته دولت باسقان كون،  
 قرغزدان ارواق قاچقان كون.  
 (اتتم ده ب ايكه اوس توپراق تاستادى).  
 ارغماغن اوزدر ده.  
 باياو جاتقان قرغز ده  
 سارى بلده توزدر ده.  
 چاپته ده غه قايتته ابلای.

\* \* \*

(شول جلدده اتمه جرقنى اولتركان.  
 سونك قزىنك جرى).  
 مرکننك باشى ملوون.



داره ننگ جوله سروون.  
 منه بر قزاق كلوون،  
 اته كم ننگ اولوون.  
 سادر كرده قامشقه،  
 اته كم ننگ نايزه سي  
 قزل چكبن بور كنب.  
 قزدار من بو سادر  
 قارا چكبن بور كنب  
 خاتون من بو سادر.  
 ابلای خاننك نايزه سي  
 قولا بر بولب قايستی  
 اته كم ننگ نايزه سي  
 قاراغای بولب مايستی.  
 قرم توقم ابلای  
 قرداسنك من اته كم،  
 تهره توقوم ابلای  
 تنكداسنك من اتا كاو.  
 باسنكده قويده الككا  
 قاننكده الله چلككا  
 اوتنكده الله كر ككا.  
 ايچب قانغه تويماده  
 ابلای ديكان قاچ ايفر  
 اجلگه كاره كگن قويماده.

### ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ\*1

Спую-ка я песню удалую,  
 Но о чем же я вам спую?  
 Спую о жившем в давние времена,  
 О моем хане Аблае<sup>1</sup>  
 Не остановлюсь на этом,  
 Спую о его врагах,  
 С которыми он сражался,  
 О том, как он размножал свое богатство.  
 Всадники мухортых коней —  
 Есенгул и Ерсადыр<sup>2</sup>—  
 Славные киргизские богатыри.  
 Удалой Садыр раз поднялся,

\*1 Перевод А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.

Сел на коня и собрался в поход.  
Он заставил казахов задуматься  
Не спал спокойно,  
Со своей конницей примчался  
И захватил он сартов.  
На Каракуус-Чункуре  
Разгромил семиз-найманов\*2  
И наголову разбил кунгратов.  
На Аксу и Коксу,  
Под Сайкалтереком,  
У Муздыбулака  
Найдено множество ягнят и козлят,  
Унесенных бурным потоком.  
Пятнадцатилетний юноша —  
Жаугаш — тогда плачет:  
«Если не отомщу тебе, Садыр,  
Если не пошлю за тобой погоню,  
Если не сообщу моему хану Аблаю,  
Живущему на Арке,  
То никогда не возьму мою обиду!..»  
Так однажды наступил день,  
Жаугаш сел на коня,  
Привязал к поясу колчан,  
Зажал в ладони черную кровь.  
Когда день склонился к вечеру,  
В сумерках уложены ягнята,  
Когда снимали шаровары\*3  
Пригнал Жаугаш табун лошадей.  
Взяв четверых в вожак,  
Пятерых в сопроводители,  
Представился к Аблай-хану на Арке.  
— Аллах вам защитник,—  
Склонив голову, сказал Жаугаш.  
Хан Аблай осведомился:  
— Куда путь держишь, Жаугаш-жан?  
— Хан Аблай, государь ты мой,  
Да будет у тебя обилие всего.  
На Каракуус-Чункуре  
Семиз-найман разбит,  
В этом бою особенно  
Мой кунграт сильно побит.  
На Аксу и Коксу,  
Под Сайкалтереком,  
У Муздыбулака  
Найдено множество ягнят и козлят,

---

\*2 Подразделение казахского племени найман.

\*3 То есть укладывались спать.

Упесенных бурным потоком.  
Твой Жаугаш сильно тоскует  
О сверстниках, с которыми он играл.  
— Ай, мой Жаугаш, Жаугаш!  
Ты пока вернись домой,  
Пусть взойдет, сверкая, звезда Сумбуле\*<sup>4</sup>  
Пусть кони откормятся.  
Я задам тогда Садыру,  
Как бывало раньше;  
Да будет нам бог защитой.

\* \* \*

Вот пришло время,  
Взошла, сверкая, Сумбуле.  
Кони разжирели,  
А саврасый, купленный за сто баранов,  
Округлился, как сердце,  
Стал поджарый, как змея.  
Хан Аблай, государь,  
Собрал рать с Большого жуза,  
Собрал с Малого жуза,  
Особенно из уваков и кереев<sup>3</sup>  
Собрал несметное войско.  
И двинулся хан, как серый волк,  
Взмыл, как сокол-балабан,  
Взмахнул, как ястреб,  
Стал, как кобчик,  
Под Токалтереком,  
И, не слезая с коня,  
Устроил там совет.  
Сын басентиина\*<sup>5</sup> Барлыбай,  
Непокорный, говорит дерзко,  
Не подчиняясь никому:  
— Ты рыщешь, как серый волк,  
Не слезая с коня,  
Под Токалтереком устроил совет,  
Дело плохо, пропадем в окружении,  
Давай вернемся,— вымолвил он.  
Тогда Аблай плачет.  
О чем же он плачет?  
— Жаль, среди вас нет ни одного  
Из богатырей кереев и уваков,  
Храбрых копыеносцев.

\*<sup>4</sup> *Сумбуле* — а) самая яркая звезда неба — Сиргус, видная в наших широтах с начала августа до весны; б) название месяца августа.

\*<sup>5</sup> *Басентиин* — казахский род.

Отчего ж я опозорился,  
Погас, едва воспламенюсь?  
Тогда [он увидел среди воинов]  
Прославленного бедняка  
Сына керей Турсунбая<sup>4</sup>,  
Носящего кожаный колчан.  
— Я обращаюсь к народу, —  
Крикнул Турсунбай.  
— Не смотрите, что я на серой кляче,  
Не откажусь я от добычи.  
Если не пойдем в атаку,  
Может стать нам плохо.  
Идем в бой, о хан Аблай!

\* \* \*

О хан Аблай, ты ходил,  
Гогоча, как [гусь],  
Бушуя, как [бура]<sup>\*6</sup>,  
Бурля, как горный поток,  
Сверкая, как метеор,  
И печень [твоего врага]  
Досталась тебе в руки.  
Во время сечи  
Пали юноши с чубами на голове,  
Пали двукосые девицы.  
О, как тяжело перенести!  
Можем испортить все дело,  
Давай хан в атаку, — крикнул он.  
Аблай-хан еще в силе —  
Бушевал, как старый бура.  
Саврасый конь, равный сотне баранов,  
Встрепенулся на всех четырех ногах,  
Вспотел, как вражий конь.  
Увидев, как конь вспотел,  
Государь мой, хан Аблай  
Подтянул подпруги туго  
И пустил аргамака вперед.  
Мирно живших киргизов  
Рассеял на Сарыбеле<sup>5</sup>,  
Свое дело он сделал,  
Сломал хребет киргизам.  
Итак, совершив набег,  
Вернулся к себе Аблай.  
Наступило время затишья.  
И вот явился к нему Садыр,

---

<sup>\*6</sup> *Бура* — верблюд-производитель.

Бурля, как горный поток,  
Сверкая, как метеор.  
Вздрыгнул хан Аблай.  
Не признак ли это испуга?  
Задрожал он, растерялся.  
— О, мой Жаугаш, Жаугаш!  
На правой руке моей сокол,  
На левой руке мой Жаугаш,  
Сколько бы ни пскал,  
Не найду такого лучезарного сына, как ты.  
Есенгул и Ерсадыр —  
Славные киргизские богатыри,  
Ездят на мухортых конях.  
Иди, Жаугаш, к Садыру,  
Не стану враждовать с ним,  
Буду в союзе с Садыром.  
Тесны жайляу по Таласу,  
Но будем вместе летовать,  
Обширны жайляу по Кунгесу,  
В мире-согласии будем летовать  
И будем лакомиться казы и картой\*7,  
Раскрошивая на куски.  
Пошел Жаугаш к Садыру:  
— Садыр-батыр, ты постой,  
Хан-Аблай, живущий на Арке,  
Послал меня к тебе, сказав:  
— Иди, к Садыру, иди.  
Всадники мухортых коней —  
Есенгул и Ерсадыр,  
Славные богатыри киргизов.  
Не буду враждовать с Садыром,  
Пойду на мировую с Садыром.  
Жайляу по Таласу хоть тесны,  
Но будем вместе летовать,  
Жайляу по Кунгесу обширны,  
В мире-согласии будем летовать.  
Будем вкушать казы и карту,  
Раскрошивая на куски.

\* \* \*

— Коки!\*8 Не помирюсь я с ним,  
Буду враждовать с этим рабом!  
По Таласу джайляу тесны,

---

\*7 *Казы* — особо приготовленная конская колбаса с брюшным жиром;  
*карта* — толстая кишка лошади, считающаяся у казахов лакомым блюдом.

\*8 *Қоқи!* — восклицание у киргизов, выражающее удивление, досаду, гнев.

Не буду вместе летовать,  
По Кунгесу джайляу обширны,  
Не буду с ним вместе летовать.  
Не хочу лакомиться казы и картой,  
Раскрошивая на куски, коки!  
Старый раб этот Аблай  
Три раза разорил мой дом.  
На этом не остановился  
Старый раб Аблай,  
Напился водки и опьянел.  
Пусть вернет он наших пленных.  
Не одну, а тысячу бед  
Причинил он, коки!  
Мое жабагы\*<sup>9</sup> он растеребил,  
Сыромятный мой ремень  
Выделал в кожу,  
Юных сыновей мошх  
Сделал он рабамц,  
Белую юрту мою с молодоженами  
Он полонил, коки!  
И на этом не успокоился  
Старый раб Аблай,  
Теперь домогается моей жизни, коки!  
Пусть снимет одежду,  
Пока она не окровавлена;  
Разорву ее в клочья,  
Как простую бязь.  
Надену его шлем,  
Сяду ему на грудь,  
Помочусь на его тело.  
На труп этого раба,  
Разорившего мой народ,  
Башню навалю.

\* \* \*

— Всадники мухортых коней —  
Есенгул и Ерсადыр,  
Славные богатыри киргизов.  
Мой посланец Жаугаш,  
Что сказал Ерсадыр?  
— О, милостивый хан Аблай,  
Что ты будешь делать?  
Возгордился твой Садыр.  
Бог сулит ведь нам удачу.  
Ты пришел, разбил киргизов,

---

\*<sup>9</sup> *Жабагы* — зимняя грубая овечья шерсть.

Взял несметную добычу.  
Садыр-батыр сказал:  
— Коки, не помирюсь я с этим рабом!  
Теперь он домогается моей головы.  
Тогда Аблай [сказал]:  
— Ты мой голый витязь,  
Иди к тому Садыру,  
Застрели его,  
Обильную добычу возьми.  
Если не убьешь Садыра,  
Он поразит тебя самого,  
Привяжет к хвосту коня,  
Продолбит тебе нёбо  
И прожжет палящим огнем.  
О, повеление аллаха!  
Куда ты можешь убежать [душа],  
Ничтожная, как муха?  
(И, сказав: «Кидую!»,  
Бросил две горсти земли).  
Многочисленные кунгратские мергены\*<sup>10</sup>,  
Все они быстро и ловко  
Установили на коленях фитильные ружья,  
Зарядили их пулями,  
Устроили защиту из коней,  
Вытряхнули патронные сумки.  
И вот началась пальба.  
В день, когда сражался Аблай,  
Когда крича «Коки!», бежали киргизы,  
Когда казахи взяли верх,  
Когда киргизов покинули духи предков\*<sup>11</sup>,  
Скакун Аблая шел впереди.  
Беспечно живших киргизов  
Разбил на Сарыбеле,  
Разбил и вернулся Аблай.

\* \* \*

(В том году, когда в сражениях был убит Атеке-  
Жырык<sup>6</sup>, его дочь сложила такую песню):  
Тихо в верховьях Меркена,  
Дорога по прохладному ущелью приятна.  
Вот пришли эти казахи  
И не стало моего Атеке.  
Садыр скрылся в камышах,  
Мой Атеке вышел ради чести,

---

\*<sup>10</sup> *Мерген* — меткий стрелок

\*<sup>11</sup> То есть им изменило счастье

Накинув на себя красный чекмень;  
Садыр был вместе с девушками,  
Накинув черный чекмень,  
Он был вместе с женщинами.  
Копье хана Аблая  
Негнувшейся бронзовой стрелой взвилось,  
Копье моего Атеке  
Погнулось, как сосна.  
Под Аблаем хотя черный потник,  
Но он сверстник тебе, Атеке.  
Кожаный потник под Аблаем,  
Разве ты равен ему, мой Атеке.  
Вверг он голову твою в беду,  
Кровь твою слил в ведро,  
Желчь твою взял себе,  
Пил и не напился крови твоей.  
Аблай, бешеный жеребец,  
Не забыл старую месть.



## ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

1 || Киргизы Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсун<sup>1</sup>, родоначальником своим [считают] Майки<sup>2</sup>-бля, современника Чингис-хана<sup>3</sup>.

О происхождении же народа киргизского к а з а к и соединении своем в союз трех орд казачьих [они] имеют весьма темное понятие. Одни из них говорят, что киргизы произошли от ногайцев, заблудившихся в степях ишимских. [Другие] говорят, что предки их не имели ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себе жен от какого-то неверного народа чеген<sup>4</sup>, а так как ногайцы были мусульмане, а жены их неверные, то и народ киргизский, произошедши от их смешения... в себе и в своей религии смешение двух элементов. Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния и сами киргизы опираются на их сказания; так говорят узбеки, так мы слышали в Капале. Вот другое предание, очевидно, произошедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней орды был товарищ, с а х а б а\*<sup>1</sup> Мухаммеда<sup>5</sup> «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурни, отдыхать вечно и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из 1 об.них обиду. Все плакали и говорили: || «Ты друг аллаха, могли ты сделать обиду!» Только один сахаба, по имени Оксе<sup>6</sup>, объявил претензию, что пророк при осаде какого-то города безвинно ударил его в спину. Мухаммед действительно вспомнил свою ошибку и в возмездие предложил ему свою спину. Абубекр<sup>7</sup>, Омар<sup>8</sup>, Осман<sup>9</sup>, Али<sup>10</sup> и другие вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безрассудное свое намерение. Оксе ничего не хотел слушать и, при общем проклятии народа, подошел с плетью к священной спине любимца аллаха и просил его обнажить тело. Пророк снял свое верхнее платье. Оксе того и нужно было: он знал, что на спи-

\*<sup>1</sup> Сахаба (араб. صحبة или اصحاب, мн. ч. от صاحب друг. попутчик) — так называли сподвижников пророка Мухаммеда.

не «избранного» есть божия печать, приложившись к которой смертный делается недоступным адскому огню. Оксе вместо ожидаемого удара только наклонил голову, поцеловал и отошел прочь. Но за неудовольствие, причиненное им пророку, и по .... общественного проклятия бог обрек его и его потомков бродяжничеству, благословие, впрочем, вместе с тем на довольство и безбедность.



Казахи Старшего жуза. Акварель. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

От него [Оксе] происходит... родоначальник [уйсуней] и всего народа.

Родоначальником [киргизского] поколения Большой орды уйсунув считают они [еще] какого-то Тобей\*<sup>2</sup>, жившего еще задолго до [Майки]. Тобей имел, по преданию, четырех сыновей — Коёлдера<sup>11</sup>, Мекрена<sup>12</sup>, Майки и Когама. От Коёлдера произошли катгамы<sup>13</sup>, что впоследствии [XV—XVI вв.] вошли в состав нового народа узбеков ([катаганы] — главный род [узбеков]). От Мекрена произошли..., от Майки — собственно уйсуну. (Когам) был родоначальником канглов<sup>14</sup>, Абак, сын Майки, || от старшей жены имел сына Байдебека, от второй... и от рабыни..., у Байбека\*<sup>3</sup> старший сын был Сары..., второй же Джоркчи, был сын второй жены, по-киргизскому — аулие, святая. От Джоркчиевых трех детей произошли: от первого Албана — адбаны<sup>15</sup>, от второго Дулата — дулаты<sup>16</sup> и Сувана — суваны<sup>17</sup>. Меркес родоначальник .... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака<sup>18</sup>. Адбаг\*<sup>4</sup> имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Таубазар\*<sup>5</sup>; у Чебеля дети назывались..., а дети Майки носят соби-

\*<sup>2</sup> Тобей — сокращение от Тобе-бий.

\*<sup>3</sup> Искажение переписчика, точнее Байдебека.

\*<sup>4</sup> Искажение переписчика, правильно: Адбан или Албан.

\*<sup>5</sup> Правильно: Таубасар.



Казашка Старшего жуза. Рис. П. Кошарова.

рательное имя — Абак<sup>19</sup>. Название же [уйсун], даваемое всей орде, употребляется по большинству [и касается] собственно уйсун<sup>20</sup>, по потреблению в строгом смысле предание не допускает<sup>20</sup>. Сказания орды говорят, что они были отдельным народом до [монголов], что Майки-бий уйсун участвовал [в сейме] при избрании [Чингиса] на ханство.

Что же касается до соединения их [уйсунов] в состав народа [казахского], они говорят так: Золотая<sup>21</sup> и Джагатайская<sup>22</sup> [орды пали], внутренние беспокойства разъединили единство племен, некому было содержать властей и заботиться об обществе, каждый

род должен был думать о себе, тогда в степях ишимских собравшийся народ....

Старики говорят, что ногай было общее название [степных] кочевых татар, для отличия от полусоседных. Ногайли, узбекли\*<sup>6</sup>... их называли ногай.

Действительно ... не мудрено при этом делать гипотезу, что ногай — «собака», дано было кочевникам их же собратьями, которые, приняв в Золотой орде при Узбеке<sup>23</sup> и в [Джагатайской] при [Тарма-Ширин] хане<sup>24</sup> мусульманство, и .... называли улусников за их пристрастие к древнейшим повериям и старым обычаям — с о б а к а м и.

У киргизов, найманов и крымских ногайцев остатки магометанства\*<sup>7</sup> [были] все еще в [силе] и время не могло истребить их до нас. Что касается последующей исторической судьбы этого народа, как орды.... предание говорит так: до [Ишима]<sup>25</sup> храброго (1636) все орды были [объединены] и управлялись одним ханом. Уй[суны] .... за чуйских и находились в соседстве с резиденцией ханов\*<sup>8</sup> .... непосредственно [пребывая около] самого хана. При [катаганском] хане [Турсуне]<sup>26</sup> они брали с ним вместе Ташкент.

---

\*<sup>6</sup> *Ногайли, узбекли* — в смысле союза ногайцев или узбеков.

\*<sup>7</sup> Описка, следует: *язычества*.

\*<sup>8</sup> То есть с г. Туркестаном (Азретом).

## ПОГОВОРКИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ\*1

- 17 || Острый нож вреден ножнам, а ложь — душе.  
اوتكر پچاق قينغه قاس، اوتروك سوز جانغه قاس.  
جاوده قالغان بلبلدان، ايلكا قايتقان ايت اوزده.  
И собака, возвратившаяся на родину, опередила соловья, оставшегося у врага.  
اولكان ارستان دان، تری ایت یخشی\*2.  
Живая собака славнее мертвого льва.  
ساقلانغانده خدای ساقتار.  
Береженого бог бережет.  
ایرنی خدای ساقتایدی، ایتوکتی نال ساقتایدی.  
Мужа хранит бог, а сапог — гвоздь.  
اوزنک بلعه، بلکاننک تلمن المه.  
Сам не разумей и не слушайся знающего\*3.  
ماقتانغاننک کوتی چاق.  
Кто хвастается, тот глуп\*4.  
مورن یوق بولسه، ایکه کوز برین بری چوقویده.  
Если бы не было носа, глаза кололи бы друг друга.  
اتا کورکان اوق جونار، انا کورکان\*5 تون پیچار.  
Видевший отца (воспитателя) — будет точить стрелу, а видевшая мать (воспитательницу) — кроить шубу.  
پادشاه بولسام مای جیار ایدوم.  
Ах, если бы был я царь, все сало бы ел\*6.  
کوب سوز بوق سوز، از سوز راست سوز.  
Многословие — пустословие, мало слов — справедливо.  
اسقما قارغه، تومارسن\*7 تورغه.

\*1 В основу взят с исправлениями и уточнениями редакции перевод И. А. Бардашева<sup>1</sup>.

\*2 В собрании И. А. Бардашева: تری تچقان ارتوق — живая мышь славнее мертвого льва.

\*3 Иронический совет глупцу.

\*4 Этой поговорки у И. А. Бардашева нет.

\*5 У И. А. Бардашева вместо کورکان: انا کورکان.

\*6 Ирония на несбыточную мечту.

Не торопись, ворона, и ты попадешься в ловушку\*7.

ياخشى منان يولداس بولسانك يتارسن مرادغه،  
يمان منان يولداس بولسانك قالرسنك اوياتقه.

Дружба с добрым [человеком] принесет тебе пользу, а с худым — только срам.

بلكانتك قايد، بلماستكه كيچرماسانك.

Где твоя мудрость, когда не прощаешь незнание другим?

سوسز جرده قامس يوق، ازغان ايلده نامس يوق\*8.

В безводной местности камыш не растет, народ, пришедший в разлад, чести не имеет.

اوچكان يانبايده، اولكان ترلمايده.

Потухшее не возгорится, мертвый не воскреснет.

قامقا تونده، چوبراك بولار توزغان سونك\*9.

И камковый кафтан будет тряпкой, когда изнашивается.

تويه قاجب جوكتان قوتولمايدى.

Верблюду не избавится от своего вьюка.

زمان يمان بولسه قودانك كتار، مالتك كيتسه باستك بركا كتار.

Если будет худое время, и сват тебе покинет; а если уйдет твое состояние, уйдут вместе с ним и друзья твои.

تواتى قوش بوين كورپ سرلانادى، اياغن كوروب قورلانادى.

Павлин, увидев свой стан, любителю красотою своего оперения, увидев [свои] ноги — конфузится.

اويات كمده بولسا، ايمان سوندا.

В ком есть совесть, в том есть и человечность.

ياسنك قرققه كلكان سونك اياغنكا چدار توسار.

В сорок лет ноги окажутся уже спутанными.

كوب جييمن ديكان از جييدى، از جييمن ديكان كوب جييدى.

Кто зарится на большее, тому мало достанется.

Кто меньше думает о выгоде, тому больше достанется.

عقل داريه ايكان، كونكل دولدول ايكان.

Ум — безбрежный океан, желание — крылатый конь.

تويماسته برمه، تولماسته قويما.

Жадному не давай, в бездну не лей.

الپ انادان تووادى، ات بييه دان تووادى.

Герой рождается от матери, добрый конь — от [породистой] матки.

اق سونقار اتقه عاشق، كويكون تاي جيимكا عاشق.

\*7 У И. А. Бардашева вместо *تورغه*: *قولغه* и другой перевод: и ты попадешься в руки.

\*8 В собрании И. А. Бардашева вместо *ازغان ايلده*: *از كسى دان*; это неверная запись и неточный перевод: на безлюдьи — стыд.

\*9 *قامقا تون* — камковый кафтан. И. А. Бардашев перевел «ханская шуба», исходя лишь из того, что эту одежду носила только феодальная знать.

Белый кречет влюблен в коня, а мышелов — в поживу.

ایتگنک تار بولسه، دنیانک تنچلغنان نه فایده\*<sup>10</sup>.

Когда сапог тесен, то нет для тебя пользы от благоденствия мира.

ایقو جاننکک تینچی، ایمان جاننکک قوانچی.

Сон — покой души, совесть — радость души.

قوس ات منان قول کوبایادی، قوزی سی منان قوی کوب کورنادی.

Когда войны с запасными конями, войско увеличивается, а когда бараны с ягнятами — стадо увеличивается.

تویغاندان قورساتق جارلمایدی، قوانغاندان مانکدای جارلمایدی.

От пищи желудок не лопнет, от радости лоб не треснет.

باسقه بلا قایدان؟ — تلدان.

Голове откуда беда? — от языка.

مزکل سز تانک اتبایدی، وقت سز جان چیقبایدی.

Без времени не светает, без смерти душа не выходит.

Из собрания киргизских пословиц господина И. А. Бардашёва.

---

\*<sup>10</sup> Вместо *دونیانک تنچلغنان* у И. А. Бардашева *دونیانک تنچلق یوق* и перевод: нет спокойствия в мире.

## [О ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ]

Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась почевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону р. Сыра. Весть о прибытии невиданной и неслыханной гостьи разнеслась с быстротою стрелы во все стороны. Бесчисленное множество каракалпаков, собравшись в счастливом ауле, слушали дивную гостью с самого начала вечера и до самой утренней зари, пока наконец Песня устала и легла спать. Тысячи рассказов, повестей, песен и историй голосистой гостьи сохранили в памяти бесчисленные каракалпаки. Киргизы и трухменцы, стоявшие далеко вверх по р. Сыру на краю стойбища, — все родные племена тогда кочевали вместе, — прибыли поздно ночью и слышали только окончание чудных звуков. [...]

Джир собственно значит рапсодия. Глагол джирламак значит говорить речитативом. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя. При этом должно заметить, что события жизни витязя, его подвиги, словом все, что составляет собственно повествование, рассказывается прозой, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить.

Между киргизами мне известны еще два джира, один называется Эркокче-Эркосай<sup>\*1</sup>. В нем описываются подвиги витязя из рода уваков, Эркокче, и сына его Эркосая в войне против сильного кипчакского племени. Эта рапсодия не имеет исторического интереса, самые имена витязей, в ней действующих, совершенно нам не знакомы, между тем, стихи чрезвычайно сильны и звучны. Вся рапсодия заключает в себе непрерывный интерес, и еще тем более замечательна, что герой первой ее части проигрывает сражение и умирает покрытый ранами. Сын его Эркосай отомщает потом кипчакам. Эта рапсодия занимательна была бы только разве потому, что в ней подробно излагается вся тактика и стратегия древних степных воинов.

---

<sup>\*1</sup> Точнее: *Ер Кокше — Ер Косай*.



В мое время в степи помнил эту рапсодию один только человек: киргиз Кокчетавского округа, Койлы-Атыгаевской волости, Арсланбай. К несчастью, я не имел времени списать эту занимательную рапсодию.

Другой джир называется Урак-батыр<sup>1</sup>. В нем повествуется похождение Урак-батыра, родом караульца, который, отправившись в набег на Россию, был взят русскими в плен и содержался в тюрьме 10 лет, потом женился в России, прижил детей, но соскучился по родному аулу, опять уехал в степь и там остался.

Кажется, что у нас есть фамилия Ураковых. Джир Урака-батыра знают многие киргизы, но только отрывками, всю же поэму я слышал однажды в Малой орде от песенника Нурумбая<sup>2</sup>, он родом алчин, но почти постоянно живет в кочевьях кипчаков при султане Ахмете Джантюрине<sup>3</sup>.

Чтобы дать понятие о мере стихов, которые употребляются в джирах, я привожу здесь пример. Девять тохтамышевых богатырей догнали Идыге, и Кен-Джанбай говорит ему:

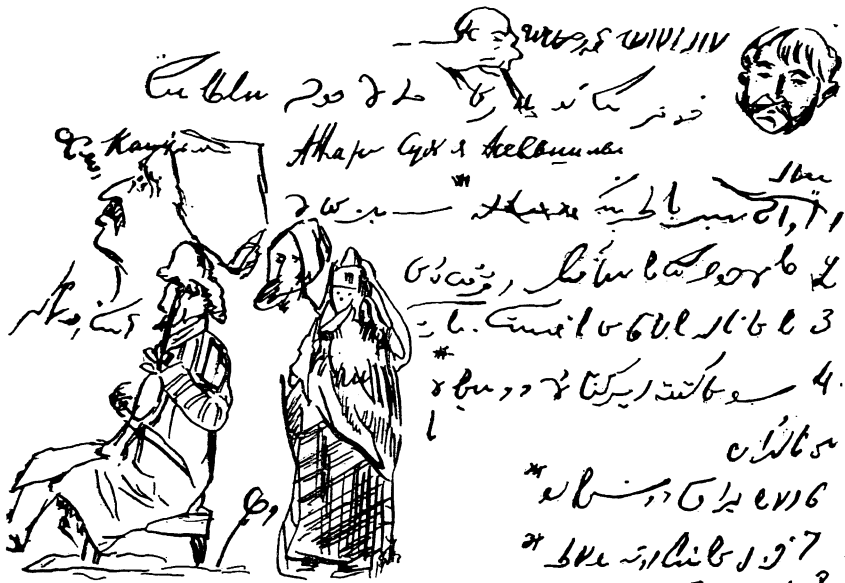
Ай Едіге сен енді қайт сана\*<sup>2</sup>  
Қайтып Еділ өт сана.  
Еңсесі биік боз орда  
Еңкейіп сәлем бер сана.  
Еріні жұқа сары аяқ  
Ер сарқытың іш сана;  
Жаурындары жақталы,  
Түйме бауы тартпалы,  
Ал қара кіс үстіне  
Тон береді ки сана.  
Көк ала жорға ат мініп,  
Кен дабылпаз байланып,  
Тұтам бауы сом алтын  
Ақ сұңқар құс береді,—  
Кел айнала чүй сана! и т. д.

Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, [но] должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре между простым народом, вошли в употребление слова из этих языков.

В последнее время моего пребывания в степи джиры почитались уже устарелой формой поэзии. Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы. Они только еще сохраняют эту форму стихов, употребляя ее при заклинании джинов. Можно утвердительно сказать, что форма джира и употребление кобыза вышли из моды со смертью знаменитого певца-им-

---

\*<sup>2</sup> Отрывок дан по правилам современного правописания казахского языка.



Handwritten text in Cyrillic script, possibly a title or introductory note.

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...

Handwritten signature or name in Cyrillic script, written in a large, flowing cursive style.

Заметки Ч. Валиханова о казахской народной музыке. 1862. (Автограф).

провизатора Джанака<sup>4</sup>, он был родом кара-кесек, отделения камбар, состоящего теперь в составе Каркаралинского округа.

Хотя существующие теперь певцы употребляют его напев и повторяют слово в слово его импровизации, но для аккомпанемента употребляют наиболее балалайку\*<sup>3</sup> о двух струнах.

Кобыз род двухструнного альта, струны делаются из конских волос и играют на них смычком. Кобыз имеет ту разницу против наших струнных инструментов, что у него нет верхней деки, корпус имеет фигуру круглую, ручка так вытянута, что струн нельзя к ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетом\*<sup>4</sup>. Вообще это очень трудный и приятный инструмент, хотя он не очень звучен.

Балалайка и новейшие песни выжили теперь совершенно джир и кобыз. В степи существуют теперь следующие формы поэзии:

1. Д ж и р, который достаточно объяснен мною.

2. Д ж и л а в — надгробная песнь. Она обыкновенно изобретается женщинами и очень часто импровизируется. Размер употребляется тот же, как и в джире. Между всеми известными джилавами самые трогательные и известнейшие в Средней орде суть: Плач матери, ханши Айханым Валиевой<sup>5</sup> о смерти старшего ее сына Мамеке, умершего от оспы в 1833 году, и джилав известной впоследствии певицы-импровизатрисы<sup>6</sup>, импровизированный ею на поминках мужа, когда ей было только 14 лет.

3. К а и м<sup>7</sup> — песни, употребляемые при свадьбах, состоящие в вопросах и ответах между молодыми людьми и девицами; они состоят из четырехстиший, в которых рифмуют первые два стиха с четвертым. Эти песни заключают иногда в себе загадки, эпиграммы и, наконец, шуточную брань, доходящую до самого отчаянно-го цинизма выражений.

4. К а р а - у л е н<sup>8</sup> — обыкновенная песня, она состоит из четырехстиший, заключающих в себе каждая отдельную идею. Эти песни поются более для голоса. Часто четырехстишие не имеет никакого смысла.

5. У л е н<sup>9</sup>. Эта форма употребляется теперь всеми новейшими поэтами как для импровизации, так и для поэм, а наиболее введена в употребление певцами Орунбай<sup>10</sup>, рода караул, отделения атеке-дживир, и слепым певцом Чодже<sup>11</sup>, рода атыгай, отделения джана-кыргыз, постоянно находящимися при султанине Абулхаире Габбасове. Предметом этих песен есть большею частью какое-нибудь религиозное повествование. Они поют теперь подвиги Сеит Батала<sup>12</sup> ходжи\*<sup>5</sup> и любовь Юсупа и Зюлейки, жизнь Ибрагима и

\*<sup>3</sup> Речь идет о казахской домбре.

\*<sup>4</sup> *Флажолет (франц.)* — здесь: музыкальный прием в игре на смычковых инструментах.

\*<sup>5</sup> Описка, должно быть: *гази* — воетель.

проч., все эти повести, по фанатизму идей и чудовищности изображения, чрезвычайно скучны.

Форму улена певцы употребляют также для импровизации, как самую удобную, и к которой они теперь как бы более привыкли. Известная поэма Кузу-Курпеч и Баян-Сулу пересказана мне была знаменитым Джанаком в форме улена.

22

|| Песня (улен) вошла в употребление в киргизской степи не более 50 лет назад, когда степь сделалась доступной тобольским и казанским татарам. Прежде беглецов и выходцев татарских киргизы продавали как баранов в Китае, Бухаре и Ташкенте, но по мере водворения магометанской религии татарские выходцы сделались в степи неприкосновенными мучениками мнений и религии. Формы татарской поэзии начали преобладать над первобытной формой кыргызского героического джира, полной [гар]монии звуков и мыслей.

Улен (песня) состоит из четырех стихов, два первые и четвертый суть силлабические, кончающиеся на одну рифму; третий не рифмуют. Я представляю для примера первое четырехстишие из Кузу-Курпеча для наших ориенталистов, чтобы доказать, что не по всем размерам восточной поэзии удобно применяема арабская мера.

میکن از داب جکتار کیل کیتالی  
اورتاسنده کوک توبه بیلکی ایتالی  
ازاماتتار ارینبای تنکلاسانکز  
قوزو کورپاچ بایاندی تیرباتالی.\*6

6

|| 1) Во всех наречиях, происходящих от татарского или, следуя ученым, от тюркского корня, существует слово «игит» — джигит *جگت*, но в разных странах оно имеет, кроме различного произношения, и разный смысл. На Кавказе, в Анатолии у курдов это слово значит лихач, молодец, наездник; в этом же смысле оно принято и в Константинополе — если говорят о военных маневрах и удалствах кавалеристов; в кочующих же татарских племенах Средней Азии слово джигит значит парень, молодец (парубок). Пета джигита не определены, потому что в степи до 80 лет можно быть даже ребенком (*بالا*). Слово джигит не употребляется у оседлых татар казанских и тобольских, оно заменилось словом малай (*مالای*) (малой), которое означает полуприказчика и полураба.

2) Слова азаматтар, чоралар (*ازاماتتار چورالار*) употребляются весьма часто в древних киргизских поэмах (джир). Азамат собою означает человека свободного, имеющего жену и независимое от родственников состояние, человека совершеннолетнего и выделенного из имущества [отца]. Чора — синоним азамат,

\*6 Джигиты, пойдем искать родину,  
Сделаем ориентиром Коктобе в центре [земли],  
А если, граждане, не левитесь слушать,  
То побаюкаю песню о Козы-Корпеше и прекрасной Баян.

но слово это делается несколько привольным, будучи употреблено само по себе без прибавления слова азамат. Чора азамат — слова чисто военные и по-русски их можно перевести: товарищ, дружина.

6 об. || 3) Сказка про Кузу-Курпеч и Баян прекрасную существует во всех татарских и монгольских племенах Средней Азии, разумеется, с разными изменениями мест и времени. Профессор Эрдманн<sup>13</sup> издал Кузу-Курпеч на персидском языке с комментариями, я не читал ее, потому что не знаю персидского языка. Потом Кузу-Курпеч была переведена кем-то в Оренбурге с башкирского языка и издана в небольшом количестве экземпляров<sup>14</sup>.

В Киргизской степи она существует в изустном предании между песенниками.

Формы, в которые облекается киргизская поэзия, суть следующие: улен — песня, вновь импровизированная или созданная прежде каким-нибудь знаменитым песенником (уленчи) и передаваемая сколь возможно ближе к подлинному при аккомпанементе балалайки, кобыза или жестов; уленчи, который поет песню (улен), вправе прибавить от себя вступление и заключение повести. В этом переводе<sup>15</sup> четыре первые куплета принадлежат песеннику Джанаку, происходящему из кара-кесеков, отделения камбар, остальное же — чистое предание, неизвестного поэта старых времен.

\* \* \*

21 || Самый замечательный исторический джир киргизский, это — Идиге ادكە, тот самый Идиге, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек-mangab\*<sup>7</sup> и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах. Урак, Ир-Кокче\*<sup>8</sup>, Ир-Косай\*<sup>9</sup> — герои других эпических поэм, также из времени первого ногайского народа, но джиры их замечательны только по любопытному описанию племенных волнений, ханских битв, батырских набегов в смутную после тохтамышевскую эпоху ордынскую. Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плачи\*<sup>10</sup> — так называется песня по умершем муже жены, по сыну — матери<sup>16</sup>; даже песни импровизаторов имеют рифму и размер и передаются изустно из

\*<sup>7</sup> То есть *манап* — феодал, аристократ.

\*<sup>8</sup> Никоновская летопись под 1423 г., говоря о нападении на одоевцаря Куйдадата, упоминает: «Тогда же убили и Кочгю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». (Примечание *Валиханова*).

\*<sup>9</sup> В «Сборнике летописей» на с. 156 говорится, что во время битвы Кадырберды-хана с Едыгеем был убит и Эр-Кусе. اندین یاریب یر گوشه  
اندی نوقای التائی [ی] بهادور یاریب اولتوردی. (Примечание *Валиханова*).

\*<sup>10</sup> В правописании этих стихов я старался по возможности передать так, как говорят сами киргизы. (Примечание *Валиханова*).

рода в род, из поколения в поколение особым сословием певцов ахунов<sup>17</sup>, как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти || пользуются особенным уважением народа и 21 об. похвальными словами богатым султаном и биям наживают себе известность и богатство. Хотя в настоящее время этих ахунов (иначе اولانچى) в степи и много, но они более импровизаторы<sup>18</sup>, и древние джиры по непонятности своей для нового поколения с году на год выходят из употребления, и самих знатоков их остается очень мало. Собрать их также трудно: при всем старании я успел достать полный список Кузу-Курпечя, небольшой отрывок из Едиге и Урака, но, впрочем, надеюсь в скором времени найти все древние джиры от одного знающего их ахуна, с которым познакомился недавно.

Древнетатарские предания и поэмы и особенно названия родов, из которых составляется союз трех орд киргизских, заставляют думать, что действительно казаки<sup>\*11</sup> как народ татарский не так древни, как утверждают; в древности слова казак и сословие казаклык...<sup>\*12</sup>.

---

<sup>\*11</sup> Киргизы себя называют казак. В древности слово казак встречается в смысле вольный и вольница; я не смею [в этом] сомневаться. Глагол казаклык очень часто попадает в Бабур-намэ — записках Бабура, в Шайбаниаде, что значение слова казак в смысле бродяги, скитальца было достаточно известно и употреблялось в древней Руси: «А... кове мере казаком кочует на поле, со многими людьми — то вашему царскому величеству ведомо»... В другом месте: «А тебе (Когуду) — будучи на поле и живучи казаком от наши царские рати и от вогнанного бою» и пр. (Собрание Государ. грамот и договоров, т. II, № 68). (Примечание Валиханова).

<sup>\*12</sup> Текст обрывается.

## [ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА]

|| 27 февраля

### Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п.<sup>1</sup> самим

Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я, да, я — твой муж, писал тоже романы. Но это было давно, в годы моей юности, когда я был и молод, и горяч и... увлекался подобно всем смертным катоптрическим\*<sup>1</sup> обманом неопытной юности. О юность, юность, что не заставишь ты делать... Действительно, господя, я писал романы, но писал не так, как нынче... у меня порок был наказан, выставлен в самом грязном и отвратительном виде, а добродетель, как звезда первой величины, ярко сияла на безоблачном горизонте келейной жизни, черные тучи, омрачавшие небосклон, расходились и добродетель торжествовала. Мне казалось, что я романист по призванию ех professo. Если за maximum — высшее мерило литературных способностей индивидуума — принять светлый взгляд, увлекательное изложение, естественность и натуральность в изображении фазисов общественной и частной жизни человека во всех ее обстановках и коллизиях, то все, конечно, мои труды вполне соответствовали этим требованиям и могли выдержать самую строгую критику.

Я ни [в] каком случае не апробую писателей нынешнего времени. Пресловутая Жорж Занд идеями в высшей степени утопическими, с желанием какого-то изолированного счастья, бесплотного совершенства и с желанием еще чего-то неопределенного кажется, на мой взгляд, не более, не менее как вздорной бабой, которую нужно высечь (его высокопревосходительство изволили смеяться). Все, что она ни писала — это пустая отвлеченность, риторические фигуры, грубая утилитарность. Только об. женщины с испорченным вкусом, не имеющие никакой женственности, могут кричать в восторге, читая эмансипированные химеры госпожи Дю Дефан, и, закатив свои белки, восклицать que c'est charmant!\*<sup>2</sup>. Совсем это не «charmant», а просто фантазмагория и неприличная exsulte.

Вот еще один идол — Гоголь. Ну, что, скажите на милость, господя, вы находите в его творениях — циничную вседневность грубой жизни, описание смачных блюд, || мир галушек и варе-

\*<sup>1</sup> То же, что оптическим.

\*<sup>2</sup> Как это очаровательно! (фр.)

ников и непристойные выражения, собранные в кабаке и на ярмарках. Как возьмешь книгу, так и пахнет салом, дегтем, «титунном»<sup>\*3</sup>. *Fi donc! machére*<sup>\*4</sup>, ты никогда не читай Гоголя. Эти его планы разве только для чумаков. Какая в самом деле приятность, вдруг перед Вами открывается совершенно новый мир, мир, как я уже сказал, галушек и жирных вареников, мир, в котором первую роль играют свиньи. Это мне нравится. В присутственном месте гуляют свиньи. Это значит не иметь никакого уважения к законам отечества и дерзко насмехаться над святыней зеркала. Его «Ревизор» — ложь, бесконечная, нескончаемая ложь! Где он видел этих молохов, которые сидят на кончикках стульев. Я, слава богу, изъездил матушку Россию повдоль и поперек, а, признаюсь, нигде не встречал Добчинских и Бобчинских, что ли? у нас даже в Сибири нет подобных образов. Вот судья в Канске<sup>2</sup> — урод! (Вы его И. В. пишете), ха, ха, ха, а исправник в Бердске<sup>3</sup> — этот цевный<sup>\*5</sup> род зверолова, да и тот молодец сравнительно с гоголевским городничим (пауза).

Ну, так о чем бишь я говорил? Да, о моих романах. Ну-с, господа, слушайте же, да мотайте себе на ус: уверяю вас, что все, что ни сказал, можете себе усвоить. Я говорю в назидание всех вас чающих и в особенности тебе, знаешь: жена, да убойтся мужа (смеется). Я писал романы только не тово..., чтобы сентиментальности какие. Жаль, что я не издал свои романы..., но мне тогда было не до них. Служебные занятия, военные эзерции и, наконец, главное мое призвание быть генералом давно уже покорили романтические наклонности, и я в тиши своего кабинета, окруженный военными авторами, погрузился в другую, более фундаментальную эрудицию — начал изучать военное искусство и математику как науку, тесно соединенную с главным предметом моих занятий.

Сюжет для одного романа был взят мною из библейского сказания о посольстве аравийской и абиссинской царицы к Соломону<sup>4</sup>. Я легким языком и увлекательным изложением хотел наглядным образом ознакомить большинство, массу публики с 41 историей, религией и нравами древних аравитян и абиссинцев|| и сделать популярными свои открытия в области наук и<sup>\*6</sup> искусстве.

Многие темные факты в истории тогдашнего времени были разъяснены мною до степени занимательной ясности. Факты изложены до возможной степени логично, аргументации сильны... Театром, местом действия я избрал пролив Баб-эль-Мандеб. Ночь. Стойбище арабов и уединен[ная] палатка царицы на песчаном холме. Стада верблюдов, пасущиеся на сытых пажитях счастли-

\*3 Т. е. тютюном — табаком.

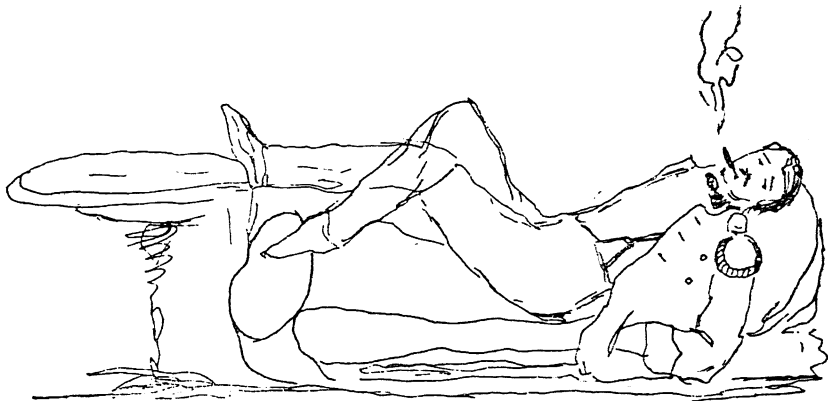
\*4 Фи! мялочка (*фр.*)

\*5 Цевный — настоящий, истинный.

\*6 Одно слово не разобрано.



вой Аравии (*Arabia felix*). Звездное небо и луна в ущербе. Светила ночи бросают дрожащий свет на всю эту картину. Грозные утесы пролива как-то страшно и грозно чернеют, море спокойно и луна отражается на багряных водах Нептуна. Там и сям горят костры и по временам ярко светят, мерцают, огни, и аравитянки перед походным костром своим сидят у дымного очага и готовят



Автопортрет Чокана Валиханова. *Перо. 1856 г.*

скудный ужин. Только в уединенной палатке царицы не видно огня. Она сидит задумчиво, облокотившись на [одну] руку, а другой перебирает коралловое ожерелье (ибо кораллы добывались в Черном [море], следовательно, у нее должно быть ожерелье). Она думает о Соломоне, о его мудрости, она любит его самой чистой, платонической любовью. Вдруг она с лихорадочной живостью поднимает глаза в глубь небесной тверди, на звездное небо и тихие слезы льются ручьем — она молится, ибо аравитяне были сабеисты (звездопочитатели).

Особенно любопытны были в ученом отношении V и VI главы. В V описывается в нескольких эскизах<sup>\*7</sup> способ добывания кораллов в Черном море. Я преимущественно развил индивидуальную мою мысль, что эта коралловая индустрия была причиной колонизации и миграции аравитян на африканский континент. Пунктом переселения был пролив Баб-эль-Мандеб, названный поэтому Вратами плача. У меня была страшная, парализующая сцена. Буря воеет, море вздымает огромные зеленые волны и с шумом разбивает о береговые скалы, покрывая мшистые камни белой пеною и рассыпаясь влажною пылью, туманит берег. В объятиях свирепой стихии чернеют челны отваж-

<sup>\*7</sup> Описка: *эскизал.*

ных мигрантов и как щепки скользят по его поверхности. Волны набегают, как бы желая проглотить утлые судна, вдруг покрывают их. На берегу раздается оглушительный вопль и крик отчаяния. Это их жены с распущенными волосами, как голова медузы — Аты\*<sup>8</sup>, верные супруги ломают свои руки и выпускают вопли. Ветер заглушает их крики и развеивает их волосы и легкую одежду. На черном утесе они кажутся ведьмам, собравшимся на шабаш.

### Трактация о романтизме вообще и о романах е. выс. п. в частности

|| Нравственно-философическо-назидательный роман 900-х годов до Р. Христа в умозрительно-наглядном тоне. Роман нравственно-поучительный в эстетическо-созерцательном духе. Цель — дидактически-беллетристическая.

Поводом или лучше канвой для развития сей трактации о романтизме послужило следующее обстоятельство: М. Г.,<sup>5</sup> не говоря дурного слова, наотрез объявила: романы врут, следовательно, все, что в них ни есть, — вздор и что все дамы, читающие романы, учатся врать и, следовательно, лгуны. Все это было сказано так твердо, решительно, как факт, как аксиома, не подлежащая сомнению, на что все мы присутствовавшие были вызваны, приглашены и наглядным действием и словесно изъявили полное и совершенное согласие. Тогда-то его высокопревосходительству благоугодно было изречь в назидание всех чающих и в особенности жены следующие правдивые словеса, или, выражаясь, как он, экспрессии.

Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я, да, я, некогда, это было очень давно, тоже писал романы. Действительно, господа, я писал романы и писал очень хорошо. Мне казалось, что я романист по призванию, что называется *ex professo*\*<sup>9</sup>. Но служебные занятия, военные экзерциции и, наконец, главное мое призвание быть генералом и тактиком испарило эту детскую склонность, и я пустился в другую, более глубокую, более фундаментальную эрудицию — начал изучать философию, историю и религиозные поверья всех живых и мертвых народов обоих полушарий.

Сюжет для одного романа был взят мною из библейского сказания о посольстве аравийской, или все равно абиссинской, царицы (это все равно, я это доказал первый и выразил все в своем романе), так, аравийской царицы к Соломону. Я легким языком и увлекательным изложением этого романа хотел наглядно познакомить большинство, массу с историей, религией и нравами древних абиссинцев и арабов и сделать популярными свои

\*<sup>8</sup> Ата (*греч.*) — богиня бедствия; несчастье, бедствие.

\*<sup>9</sup> Со знанием дела (*лат.*).

открытия в области наук, которые удовлетворительно объясняют многие темные факты как в истории тогдашнего времени, так и в истории развития человечественности вообще.

Все у меня было написано хорошо, аргументации сильны... Жаль, что я не издал их тогда, но увы, мне было тогда не до них. Местом действия (самодовольный смех) я выбрал берег пролива Баб-эль-Мандеб (таковой же смех). Вы знаете, где этот пролив? Вопрос прямо относился ко мне, я отвечал утвердительно и в качестве мусульманина дозволил себе дерзость сделать перевод названия — Врата вопля и плача. // Да, особенно любопытны были в ученом отношении V и VI главы. В V, описав в нескольких картинах способ добывания жемчуга, я преимущественно развивал самородную индивидуально, одному мне принадлежащую мысль, что жемчужная ловля была причиной колонизации и эмиграции аравитян на африканский материк (абиссинцев я почитаю за эмиграционную колонию аравитян). Переселение это... (долгое молчание) происходило, по всей вероятности, т. е. пунктом переселения был, по всей вероятности (смех, беспокойные порывистые жесты, обнаруживающие состояние человека, которого забирает смертельная охота остричь и который по известной ему, но неизвестной другим причине не может привести в исполнение свою забавную шутку), наконец, с силой ударив рукою по столу, он произнес — мыс Грардафуй\*<sup>10</sup>. По секрету мы можем поведать, что е. в. п. окончанию названия этого мыса дал другой звук в произношении, отчего все слово получило характер юмористическо-умозрительного каламбура, чрезвычайно забавного свойства, и заставило супругу его покраснеть до ушей, а нас привело в такое патетически трепетное состояние, что мы долго, долго, выражаясь словами его в. п., старались профундировать таинственный смысл их и, наконец, разом постигнув результаты и почувствовав в головах своих чрезвычайную пустоту, окунулись еще глубже в созерцание повествовательного таланта, глубокого критического ума, энциклопедических познаний е. в. п. и главное — в его неподдельный гоголевский юмор.

Другой роман имел чисто нравственно-психологическое значение. Я назвал его «Альфа и Вита» (выражение глубокого глубокомыслия). В нем, олицетворив царь-разум, свободную силу воли и судьбу, фатум, я доказал, что гетерономия (зависимость человеческой воли от внешних сил природы) не реальна и не существует. Изобразив сначала, так сказать, субстанцию (substantia) этих душевных двигателей, составляющих в некотором смысле интеллектуальность индивидуума, я определил вообще их аналогию, в другом смысле — реляцию воли и разума, взаимное соотношение, атрибут — свойство. И в частности обратил особенное внимание на реакцию разума с фатумом и реляцию (relation), разумея это слово в строгом смысле, на реляцию разума со

\*<sup>10</sup> Точнее: *Гвардафуй*; мыс, находящийся в Аденском заливе.

свободной волей и на разумность судьбы-мачехи. Для второй главы я выбрал латинский эпиграф: *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt* — хотящего идти судьба ведет, не хотящего — тащит. || Взгляд мой был несколько сходный с *congruism'* ом, но несколько антиномически. На судьбу я смотрел как на а н о м а н и ю и развил мнение, что Арима<sup>6</sup> древних персов выражал неумолимую и карательную силу фата-морганы<sup>7</sup>. Действительно, этот роман заключал в себе очень много новых идей, доказанных рационально а priori, и был основан на э к с п е р и м е н т а х, собственно происходивших со мною. Это в сущности была книга совершенно абстрактно-философская и написана в виде романа именно с целью явно назидательною — многие философские и богословские проблемы, не ясно рассмотренные, да и что можно рассмотреть через туман и мрак немецкой флегмы (улыбка), так, проблемы, не ясно [рассмотренные] германскими философами: превысшренным Кантом<sup>8</sup>, братьями Шлегелями<sup>9</sup>, Гердером<sup>10</sup> и проч., были мною до замечательной ясности определены в этом романе и в других диссертациях.

Я в свое время рассуждал и писал о *anthropomorphism'e* об учении, приписывающем богу человеческий образ, о «Человеческой сперме» — вопрос богословский. Читал много и на разных языках и с разными взглядами, читал сочинения трансцендентно-абстрактные, фундаментально-положительные, читал сочинения в религиозном духе, в духе индифферентизма, абскурантизма и все проверял экспериментально, на опыте, через фокус военного критеризма и дошел до весьма важных результатов, которые выразились осязательно-автономически (потенция, когда только разум служит законом разуму) в двух произведениях моих: теория о миссиях — богослов[ских] и в теории об идеализме. Женка моя (просім извинить, е. в. п. иногда в припадке эстетически-созерцательного умозрения возносится мысленно в область абсолютного, забывая грубую материальность и тленность нашей надзвездной планеты и нас — Земле-людинов, так е. в. п. называет нас, индивидуумов Европейского, Азиатского, Африканского, Американского и Австралийского континентов, для отличия от таковых индивидуумов, обитающих на луне и планетах, — они называются Луно-людины, Марсо-людины, Юпитеро-людины и т. д.), так воздушно легко, забавно и мило (неправда ли — женка, женочка — очень мило) нарицает свою супругу, respectableную генеральшу Гасфорд. Так будем продолжать. Женка моя устала, господа (легкий удар рукою по плечу оной женки и в ответ несколько поцелуев в оную ударившую руку), я заговорился слишком, || пора вставать.

— Да, матушка, муж твой был некогда романист, но занят крепко был, романист, да только, так сказать, н е т о в о (улыбка), не сентиментальный, н е т о в о, чтобы какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я... (ковыряет между клыков).

А сам я писал вроде Диккенса: в глубоко ипатетическом и вместе с тем забавно-юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, г-н В.,\*<sup>11</sup> что этих романов теперь у меня нет, я бы дал бы Вам их в полное и неотъемлемое право («т» с особенным ударением и скрипом), если бы Вы их издали под своим именем то, нет сомнения, Вы бы получили репутацию и авторитет лучшего писателя и смогли бы повторить стих древнего поэта: *Nostri non plena ix boris*\*<sup>12</sup>. (Конец концов).

*2 марта.* Некоторое остроумное умозаключение о действительных и страдательных качествах индивидуумов, посвятивших себя пользе близких и науке, нарицающихся от всех смертных медиками, но е. в. известных под именем эмпирических эгоистов.

Все лекари, или, так сказать, жрецы Ескулапа\*<sup>11</sup>, — хранители и друзья здравия общечеловеческого, если помотришь на них с точки воззрения философской — сущие и первые эгоисты. С этим положением согласится всякий человек сколько-нибудь консеквентный\*<sup>13</sup>, ибо самые эгоистичные индивидуумы те, которые живут в счет других, или, говоря фигурально, жизнью других, т. е., понимаете, я разумею здесь жизнь в смысле эмпирическом (смех).

Что есть жизнь человека? Или в чем состоит сущность жизни людей? — Разумеется, я говорю о массе, о толпе людской: в деньгах и удовольствиях. Источник последнего простирается из резервуара первого. Доктор берет, если не берет, то может взять — отнять по произволу от вас и то и другое.

Я не хочу развивать эту матеррию (с особенным ударением и скрипом буквы «ррр»), Вы, как доктор, должны знать лучше (обращение к г[осподину] доктору К. и открытая, широкая, масляная улыбка). Скажите, положи руку на сердце, как Вы смотрите на нас: как на субъекты, надлежащие изображать тово... понимаете... рубль побольше. Признайтесь. Так... что бишь я говорил...

— Да, да, о вашей братии докторов. Они, м[ягостивые] г[осударь], эгоисты, я это доказал уже сейчас индукциями. Следовательно, логический е г о: доктора — аподиктические\*<sup>14</sup> эгоисты, а эгоисты совсем не друзья рода человеческого, а ужасное зло общества, как местная болезнь члена, имеющая влияние на весь организм, как бельмо на глазу.

Итак, доктора должны отныне называться эмпирическими эгоистами, а не иначе. *Dit haut!*\*<sup>15</sup>.

*5 марта.* Притча об одной венгерской даме, долженствующая доказать, подтвердить и дополнить неоспоримую истину о странностях женской природы.

\*<sup>11</sup> Т. е. Ч. Валиханов.

\*<sup>12</sup> Вероятно, искаженная фраза.

\*<sup>13</sup> Т. е. последовательный.

\*<sup>14</sup> Т. е. безусловные, истинные.

\*<sup>15</sup> Громко сказано! (*фр.*).

## [ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ПЛЕМЕН]

8 || На пространстве юго-восточной части европейской России и по тундрам, лесам и степям всей Сибири живут оседло, кочуют и бродяжничают множество разноплеменных народов, известных у нас под именем инородцев. Народы эти принадлежат к финскому, тюркскому и монгольскому корню или же составляют любопытное соединение элементов от всех этих племен. Образ жизни, язык этих народов почти неизвестны, хотя Императорское Географическое Общество в своей полезной деятельности и старается собрать этнографические сведения о инородческих и иноверческих племенах России, но до сих пор мы не имеем ни одной капитальной статьи. Племена монголо-тюркские, живущие в юго-восточной Сибири, в стране по Алтаю и Енисею, — в стране, которая была колыбелью тюрков и монголов, — сохраняя до сих пор чистоту тюркского языка и обычаев, представляют обильную жатву наблюдательному филологу-монголисту. Академик Кастрен<sup>1</sup>, бывший в Сибири, многих из них относит к племени самоедскому о т ю р е ч и в ш е м у с я и Саянские горы считает колыбелью финнов. Нет сомнения, что племена: финское, тюркское и монгольское имеют нечто общее как в совокупном влиянии их на развитие человечества в разные эпохи его жизни, так и в... языке. Родство языков финского, тюркского и монгольского признано уже многими учеными, особенно же — двух последних. Сибирские номады и бродячие звероловы тюркского и монгольского племен, исповедывая свое шаманство — жреческую веру, имеют в характере, жизни и языке более самобытства, нежели тюрки — османь<sup>2</sup> и татары казанские. Мухаммеданская религия [гасит] в них всякую искру самобытства, всякую национальность: возьмите казанских татар, 8 об. они, как гласит нам история, потомки монголов батыевых || или смесь воинов Батия с тюркским [племенем] — половцами. Скажите, пожалуйста, есть ли что-нибудь в волжском монголе напоминающее его происхождение? — Ничего. Казанцы, османь, крымцы так вдалились в коран и ислам, что не имеют ни одной народной сказки и не сохранили ни одну древнюю песню. Единственное произведение казанской музы поэма Му[хаммедие] имеет содержание религиозное. В языке их вы встречаете на половину слов арабских и персидских. Что ни говорите, учение Мухаммеда

вполне достигает своего назначения: обратить всех последователей в арабов и заставить их ни о чем не думать, ничего не уважать, кроме корана и его, Мухаммеда. В тюрках-мусульманах вы видите одну только односторонность направления религиозно-схоластического; во всем же другом они до крайности тупы и не способны ни к какой иной деятельности, — между же тем их языческие собраты, находясь на гораздо низшей степени образованности, умственно стоят выше. Бродячий якут, калмык, монгол, не говоря о его народной характерности, имеет свою поэзию, следовательно, свою самобытную сферу, хотя и ограниченную, но свою сферу интеллектуальной, прогрессивной жизни. Прочтите поэмы якут, кроме достоинств поэтических, по свидетельству Щукина<sup>3</sup> («Поездка в Якутск»), имеют и значение историческое. Оногой-бай (герой поэмы того же названия) вышел, по преданию народа, из Алтая [с] 150 человеками. Миф этот имеет основание: между карагасскими<sup>4</sup> татарами (в Енисейской губернии) есть волость, называемая до сих пор Саха; якуты тоже называют [себя] саха. Таких поэм у якут много: Элляй-батыр, начальник эмиграции, последовавшей за Оногой-баем, Багани-батыр, Немей-бай-тойон. Каждая из них обессмертила для народа известные случаи разных эпох его истории. Поэмы, знакомящие с верой и религиозными обрядами народа, — это: Хорылан, Мохсогол, Еберен-Эмехсин, || романтическая, воспевающая любовь Кыланых-Кыс-батыр (Замечания о якутском языке Огородникова<sup>5</sup>. «Отечественные записки», 1846)<sup>\*1</sup>. Карагасы (Енисейской губернии, Минусинского уезда), телеуты, кергиты<sup>\*2</sup> (Томской губернии) и другие имеют также много преданий и сказок. Поговорки их заключают в себе много практических истин; например, пословица телеутов: «Раб знает иногда больше князя, да говорить ему не позволяют», «В бороде ума нет» и проч. Язык у всех енисейских и томских инородцев, сколько можно судить по словам, чисто тюркский, близкий, как справедливо заметил г. Чихачев<sup>6</sup>, к джагатайскому, который считается из исследованных диалектов более коренным, с небольшою примесью финских и общетюркско-монгольских слов. Это было бы особенно полезно для тех ученых, которые стараются определить родство финско-тюрко-монгольского языка. Все до сих пор помещаемые замечания в журналах и брошюрах о языках якутском (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», том XLVII, Смесь; Известия Географического Общества...) и карагасском (ibid<sup>\*3</sup>., князь Костров)<sup>7</sup> не дают никакого понятия. Выражение звуков

<sup>\*1</sup> Огородников. Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», 1846. т. XLVII, кн. 8. Смесь.

<sup>\*2</sup> Вероятно, описка, должно быть: *киргизы*. Абульгази говорит о последних, как об обитателях этих мест еще [до Чингиса]. Киргизы были в союзе ойратов. (Schmidt J. J. Geschichte der Ost-Mongolen). (Примечание Валиханова).

<sup>\*3</sup> Ibidem (лат.) — там же.

тюркских русской азбукой без особых фонетических знаков чрезвычайно их уродует; сравнения же автора некоторых слов с словами тюркскими или монгольскими по карикатурной... последних, заставляют заподозреть и точность первых. Для совершенной пользы науки желающие познакомиться нас с языком этих народов, при составлении словарей, что обещал относительно якутского языка г. Огородников, автор статьи «Замечания о якутском языке», еще в 1846 году, должны бы избрать или монгольский, или арабский алфавит, на которых утвердилось [правильное] этих языков: 1) для того, чтобы передача звуков была 9 об. бы правильна, 2) для того, чтобы можно было легко видеть уклонения и различия от подобных же слов, существующих в монгольском и татарском языках. Не считаю нужным говорить также, что для составления хорошего словаря или грамматики необходимо нужны фундаментальные знания монгольского или одного из диалектов тюркского языка. Без этого ничего не будет дельного.

Г. Огородников в своей статье делает следующие сравнения для подтверждения «весьма основательной догадки Шотта<sup>8</sup> о сходстве языка тюркского с якутским». Вот его доказки<sup>\*4</sup>.

Über die Jakutische Sprache (Archiv V. Erdmann)<sup>\*5</sup>

Турецкие	Якутские
от aq̄hul должно быть اوغل [огул] avquv [?] — не знаю kungis [?] — не знаю, что это за слово	ol киргизы говорят также öl ov kūmis — якутское, кажется, слово; нарицательное имя наитка из кобыльего молока.
ehder, ihder [?] — тоже бог знает, что за слово	eder
agal — должно быть ارال [арал] — остров	ary [ары]
mojun, bojun مويون [моюн] — шея	moi [mooj — мой]

Прикажете после этого судить о неизвестном языке якутском, когда нельзя узнать под французскими слов турецких. Это сравнение принадлежит еще ориенталисту Шотту.

Г. Огородников предлагает азбуку из 21 буквы и приводит примеры, но от этого не легче. Однако ж из всех примеров и

<sup>\*4</sup> Выражение заимствовано от г. Огородникова (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки»- 1846, т. 47, кн. 8, Смесь, с. 22—27). (Примечание Валиханова).

<sup>\*5</sup> W. Schott. Über die Jakutische Sprache. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III. S. 312—332.



выписок очевидно, что преобладающий элемент — тюркский; есть, впрочем, слова неизвестные, должно быть финские; формы грамматические общетюркские. Вот склонение: (смотри статью Огородникова).

Единственное  
число

Множественное  
число

Именительный — ого — мальчик

(у Шотта ol теперь же ого)

Родительный — огону, оголор

и т. д.

оголор и т. д.

Дательный — огого

Творительный — огонен

Что-то не так; кажется, автор перемешал падежи: его творительный более походит на родительный<sup>9</sup>, а родительный, кажется, вместо винительного.

Вот местоимения:

Личные я — мин у III [отга] (?)

ты — эн

он — кини (?)

Указательные сей — субу, бу; первое, кажется, происходит от [су]; киргизы говорят у су.

Притяжательные мой — мизн [миэнэ]

твой — мене [эйиэнэ]

|| свой — беэмгене [бэйэм киэнэ],

у киргиз есть слово собственное

мое.

Спряжение: Асыэкха — [есть]

Я ем — асабын [аһыбын]

Ты ешь — асагын [аһыгын]

Он ест — асыр [аһыр]

Мы едим — асабыт [аһыбыт]

Из этого запутанного изложения ничего нельзя извлечь. Подобное руководство ни к чему не ведет. Слова почти все тюркские, но обезображены ужасно. Вот одна якутская поговорка: Ким бар бу ола эрегия сох бары тылыунап кепетяр, — ой дарана<sup>10</sup>.

Можно разобрать, что бу есть указательное [местоимение], ола — не знаю, эрегия — тоже, сох — тоже, бары от [бар] (у киргиз также [бар]), слова кепетяр окончание турецкое третьего лица изъявительного наклонения, ой дарана, по уверению Огородникова, значит эхо; слово это, кажется, составное... ложбина, пещера, дупло и... крик. В сложности — крик ложбины, крик дупла. По автору, вся поговорка значит вот что: кто может (перевод не буквальный), не учась, (там, как можно полагать по частице указательной, бу этого нет) гово-

рить на всех языках?— Эхо. Бу ола эрегия—кажется, близко татарскому [йер]. Тогда смысл будет таков: кто (есть) в этих местах (разумея свою землю) все языки знает?— Эхо.

По всему видно, что автор сам не очень силен в языке и не изучал его, а писал по рассказам. Через подобные замечания мы никогда не узнаем языки инородческие; надо ждать и ждать, когда какой-нибудь ученый, знающий языки тюркские и монгольский, последует и укажет только на особенности, больше, кажется, не нужно. Посещение кочевьев инородческих Енисейской, Томской и Иркутской губерний принесло бы и историческую пользу. Географические сведения восточных историков достойны исследования. Открытие урочища Дулон-Булдак, по указанию Абульгази, дает им большую цену\*<sup>6</sup>. Многие названия рек — Барфучин (Баргузин), Керулан, Онон и другие — существуют и теперь. Может быть Икар-Мурун, о котором писали так много, название «10 рек» существует также в языке туземцев?

10 об. || К числу этих малоизвестных народов принадлежат киргизы, народ тюркский. По свидетельству Абульгази, они жили в Южной Сибири по рекам Селенге и Икар-Муруну (Ангаре)\*<sup>7</sup>. Он их называет керкезы или киргизы...<sup>\*8</sup> и говорит, что они происходили от внука Угузова-Киргиза\*<sup>9</sup>. Рашид-аддин относит их к числу лесных народов, обитавших в стране Бархуджин Тукум. При Чингис-хане и налом (так назывались, по уверению Абульгази, князя этого народа) киргизским был Урус. Он покорился Чингис-хану и с послом его Бору отправил белого сокола с красными глазами и ногами. В китайских летописях под 1207 г. нашей эры говорится, что Чингис-хан послал двух чиновников своих, Алтана и Бору, к поколению киргизис и что вследствие того Идирнэрэ и Алдар (должно быть, послы князей киргизских) привезли лучших соколов. После Чингиса киргизы достались в удел Тулую, следовательно, остались на прежних местах и не участвовали в военной эмиграции других монголо-тюркских поколений. Рубруквис, бывший в 1254 году у великого хана Мункэ, говорит, что киргизы живут на север от Каракорума.

Где бы ни был Каракорум — в истоках Селенги или на верхнем ли Орхоне — киргизы все-таки остаются обитателями южной части Сибири и могли [распространяться] до Байкала. Буряты до сих пор курганы в новой\*<sup>10</sup> Сибири называют киргиз-гер

\*<sup>6</sup> Вестник Русского географического общества. Банзаров. Продолжение. (Примечание Валиханова).

\*<sup>7</sup> Абульгази. «Журнал Министерства народного просвещения», 1843. Май. (Примечание Валиханова).

\*<sup>8</sup> Ibid (Примечание Валиханова).

\*<sup>9</sup> История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб., 1829. (Прим. Валиханова).

\*<sup>10</sup> Описка, следует: южной.

(киргизские дома). Фишер («Сибирская история») полагал, что Икар-Мурун есть Хуанхе, почему предполагал, что киргизы переселились в южную Сибирь гораздо позже Чингиса. Клапрот (*Mémoires relatifs à l'Asie*) опровергнул эту [гипотезу], приводя выписки из истории династии Юань (1280—1367) народа ки-ли-ки-шз (читай *kirkis*).

11 Последующая история этого народа не известна до появления в Сибири русских и до столкновения казаков с киргизами и урянхайцами. Зато в течение всего XVII столетия в сибирских летописях мы встречаем их беспрестанно. То нападают они на Томск, Кузнецк, то соединяются с телеутами, с урянхайским алтан-ханом || или с джунгарским тайшием\*<sup>11</sup>. [В] 1606 году Немча просил подданства и отправил для этих дипломатических переговоров [жену свою]. Матрона повела дела не совсем удачно. ее оскорбили, и киргизы в отмщение сделали набег на Тару и Томск. [В] 1607 году они были подданные русские, в 1642 г. — подданные зюнгарского владельца Батора, а в 1657 — [сына] алтан-хана урянхайского Лобзана. Кочевали они тогда по Белому и Черному Юсам, Абакану, на юге до Саянских гор, на запад до Томи и на восток до Енисея. (О киргизах смотри Фишера «Сибирская история»; Иакинфа «Историческое обозрение ойратов»).

В исходе XVII века вдруг совсем исчезают киргизы, и их имя более не встречается в сибирских летописях.

По свидетельству Фишера, они были переселены зюнгарским [хонтайдзином], но куда, — он не знал, однако ж предположил, основываясь на слухах, что новое их место переселения должно быть около Тибета и гор Гиндукуш. Левшин говорит, что шведские офицеры, бывшие в Сибири, первые внесли в историю это событие (Левшин «Описание киргиз-кайсацких орд и степей»). Клапрот подтверждает это известие, ясно указывая на новое их место (*Journal Asiatique*, 1823 г.).

11 об. Чрезвычайно трудно предположить, чтобы целое племя могло вдруг исчезнуть и обратиться в один калмыцкий оток (отделение), как уверяет отец Иакинф. Иакинф уверен, что киргизы — буруты, когда последние есть совершенно отдельный от сибирских киргизов народ тюркского корня, а имя их кэргыз есть тюрецкое\*<sup>12</sup>. «Сибирские казаки, — говорит автор, — имели дело с одним калмыцким отком, который назывался кыргыз». Подобные предположения ни к чему не ведут: в числе башкирских волостей есть род кирей, у ногайцев крымских и у кунду-ровских<sup>11</sup> татар Астраханской губернии также и у казаков (киргиз-кайсаков) — тоже. Неужели из этого следует, || что киргизы енисейские происходили от башкир, ногайцев или казаков, или обратно: башкиры, ногайцы и казаки происходят от киргиз.

\*<sup>11</sup> *Тайша* — то же, что тайджи, тайдзи — титул монгольских и калмыцких князей.

\*<sup>12</sup> То есть тюркское.

Ученый монах не обратил внимания ни на восточные, ни, даже, на свои китайские источники, откуда черпал так много. Киргизы под именем хакасы, как народ родственный с тюркским хой-ху, упоминаются у историков Поднебесной империи (Klaproth, *Mémoires relatifs à l'Asie*); в его истории Чингис-хана говорится о посольстве к народу кирцзис. Оток же киргиз между калмыками, мог образоваться из остатков киргиз после их переселения, или из военнопленных, как оно произошло у киргиз-казаков<sup>\*13</sup> и у кундуровских татар; Георги<sup>12</sup> в своем описании народов, изданном в 1779 г.<sup>\*14</sup>, говорит: «Между ними (кундуровскими татарами) находится несколько бурутов, или Большой орды киргизов (автор везде мешает благодаря соседству Большой орды кайсаков с киргизами), которые в 1758 г. с некоторым числом зюнгарцев соединились. У башкир и ногайцев [они] могли попасть по той же причине. Башкиры еще в 1780 году угоняли скот из [Наймановских] волостей Средней киргиз-кайсацкой орды с реки Аягуза, а ногайцы, как известно из истории, так и согласно преданиям, обитали в степях киргизских до 1680 года, до движения [Хо]-Урлука, главы торгоутов<sup>13</sup>, из Тарбагатая. Баранта существовала у кочевых степняков всегда и для набегов их не было препятствий (?) (о ногайцах см. ниже примечание).

Китайская география Дай-цин-И-тун-чжи говорит о каком-то народе тюркского племени полу или пулу, искони будто кочевавшем в местах нынешнего кочевья Черной орды<sup>\*15</sup>, и что они, китайцы, современники династии Танов, не имели с ними сношений. (*Tableaux historiques de l'Asie. Journal Asiatique, 1823; Mémoires relatifs à l'Asie*). Основываясь на существовании в Кашгаре пулу, китайский географ выражает следующее предположение: «Имя полу, очевидно, сходное с бору и, нет сомнения, что народ пулу есть буруты». Автору непременно хотелось объяснить имя бурут, и только китаец может из полу делать бурута («Описание киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина; «Отечественные записки»; Klaproth. *Magasin Asiatique*).

12 || Интересно знать, откуда происходит слово бурут; сами киргизы называют себя просто киргиз или кара-кергиз, а о полу, буру и о бурутах не знают, кажется, ничего. Название это, как видно из вышеприведенного, совсем не китайское, а видно, что китаец хочет непременно ученым, мудрым образом объяснить это слово. Если между киргизами есть род и отделение бурут, то, по нашему мнению, оно могло произойти только от выходцев из племени бурут, которые, по Рашид-аддину, так же как и киргизы, были лесные народы и принадлежали к ойротам. (Журнал Министерства народного просвещения 1845 г. Май).

<sup>\*13</sup> См. ниже о родовом разделении казаков. (*Примечание Валиханова*).

<sup>\*14</sup> Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Второе издание. СПб., 1779.

<sup>\*15</sup> Т. е. тьяншанских киргизов.

Сохранились ли у потомков сказания о прежнем кочевании их на Енисее и о движении на юг — мы не знаем. Известно нам одно то, что преданиями они очень богаты. По сведениям, собранным бывшим приставом от правительства при Большой киргизской орде майором Г. Франелом [в] 1849 г. по рассказам, видно, что они почитают себя потомками ногайцев, будто бы кочевавших тут до них. Киргизбай, родоначальник их, с двумя сыновьями, Атыгеном<sup>\*16</sup> и Тагаем, удалился от притеснения ногайских князей, Манаса и сына его Семетая, с берегов Или в горы, лежащие на юг. Старший сын Киргизбая стал кочевать по вершинам реки Аму и Сыра, в возвышенной долине Памир, что лежит между горами Бадахшана<sup>\*17</sup>, а младший засел в горные долины Кунгей и Терскей, образуемые: первая — южным склоном гор Кунгей-Алатау и северным берегом озера [Иссык-Куль], вторая — южным берегом озера и северным склоном Киргизын-Алатау вместе с течением озера. Нам известны только три рода собственно иссыкульских киргиз, а о родоначальниках их, живущих южнее, сведений не имеем; впрочем, по уверению китайцев, они состоят из 15 поколений.

Развалины древних городов и башен, разбросанные на берегу озера Иссыка<sup>\*18</sup>, также относятся народом ко временам ногайским. ||

Вообще же, сведения наши о Дикокаменной орде слишком ограничены; остается ожидать более новых сведений, собрать которые теперь, после вступления бугу в наше подданство, предстоит возможность.

Озеро Иссык-Куль... киргизских выбрасывает в бурную погоду разные принадлежности домашнего быта. Народ рассказывает или объясняет это явление так: в древние, ногайские времена было на берегу озера много цветущих городов и селений. Бог наказал жителей за распутство и безверие: восточная часть берега на значительное пространство оборвалась вместе с городами и селениями, и озеро проглотило весь этот безбожный смрад ногайский.

Предания эти о ногайцах замечательны тем более, что они почти общи для всех кочевых среднеазиатских племен. Киргизкайсаки тоже все развалины в южной и западной полосе своей земли приписывают также ногаям. Каракалпаки и башкиры также имеют приписания на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем более подробно<sup>14</sup> в

<sup>\*16</sup> Точнее: *адыгене* — племенное название киргизов, *тагай* — то же.

<sup>\*17</sup> Борнс, «Путешествие в Бухару», на стр. 297, т. III, говорит: «Возвышенная плоскость Памира лежит между Бадахшаном и Яркендом: на ней живет кочевое племя киргизов. Центром этой столовой земли служит озеро Сайрикул (Сарыкуль), из которого, как говорят, вытекают Яксарт, Окс и один источник Инда. Белого и черного хлеба в этой стране нет никакого; киргизы питаются одним молоком; далее: живут они в круглых хиргахгах подвижных. Они тюркского племени и перекочевывают с места на место». (Примечание Валиханова).

<sup>\*18</sup> То есть Иссык-Куля.

другом месте и при другом случае, теперь же обратимся к  
к а з а к а м.\*<sup>19</sup>

Киргиз-кайсаки принадлежат по языку к народам тюркским и почитаются многими и по происхождению тюрками. Народность киргизская не была никогда предметом серьезного ученого исследования, даже дельных этнографических и правоописательных статей мы не читали, исключая «Описания киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина [и «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды» Броневского] («Отечественные записки»), этого во многом достойного и замечательного труда, но в некоторых случаях стоящего ниже посредственности.

Многие труженики в области науки, говоря о гуннах, печенегах, узах, аварах, делали прямые заключения: киргиз-кайсаки и калмыки, обитающие в стране, откуда вышли гунны, суть потомки последних, возвратившиеся после падения монархии Аттилы<sup>15</sup> на Волгу и долго еще бывшие известными под именами кутигуров, арзи-гуров и проч. Действительно, трудно определить происхождение народа, подобного киргизам, народа кочевого, который не имеет письменности, следовательно, никаких памятников прошедшего. Не отрицаю, что такой предмет, как история и происхождение кочующих народов, не представляя никаких данных, фактов, может повести только к разным темным догадкам, не доказывающим ничего; но все-таки, изучая внимательно этнографию народа, мы можем открыть, если не истину, то, по крайней мере, слабое отражение || ее, сколько-нибудь раздражающее густой слой тьмы неизвестной. Если поэтические сказания Гомера<sup>16</sup> и предания, собранные по слухам Геродотом<sup>17</sup>, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое. Как... произведения чисто народного ума, обуславливающие чувства, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса.

Кочующие татары<sup>18</sup>, хотя и исповедуют ислам, но, подобно языческим собратам, составляют совершенный контраст с оседлыми одноплеменниками. Мусульманская религия, принятая ими хотя давно, не имела на них разрушающего влияния, как на татар и других. Кайсаки были за 20 лет перед сим, до введения русским правительством [окружных приказов], правоверные по имени. Они по-прежнему усердно продолжали свои шаманские обряды и заклинания и чтили ба к с у, служителя духам. Ни

\*<sup>19</sup> То есть казахам.

13 об. один батыр в степи не знал, что за птица Мухаммед. Рассказывают за факт, что знаменитый в Средней орде султан Барак (умер [в] 1749 г.), слыша беспрестанно от татар и бухарцев восклицания вроде: «О, Мухаммед! Нет бога, кроме бога, а Мухаммед — пророк его», так заинтересовался им, что полюбопытствовал спросить: «Все татары и сарты, говорят: Мухаммед, да Мухаммед, должно быть, был малый разбитной». Но теперь уже совсем не то: в короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе — школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пятивременный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей; словом, киргиз-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу\*<sup>20</sup>, кувыркателю ордена Мевлеви<sup>19</sup>... || Бог знает, лучше ли будет для благополучия будущего от нового религиозного направления в степи. Не лучше ли было бы оставить их при прежней терпимости? Киргиз, как подбоает живо увлекающемуся сыну степи, по уши погрузился в [ислам] и не терпит ничего, что не согласно с кораном. Песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие его в публичных увеселениях — все начинает выходить из употребления. Нашлось уже много ратоборцев гаремного заключения и бедные [жены] их, заключенные в юртах, украдкой вырезают войлок юрты, чтобы смотреть [на] белый свет и на проходящих. Такова натура женщины: они мучатся и страдают до тех пор, пока не вкусят запрещенный плод. Старикки жалуются на новизну; женщины симпатизируют тайно мнению стариков, молодежь большею частью колеблется — до женитьбы они вспоминают старину, а с женитьбою тотчас делают таубя (расскаяние) и исправно совершают требы; но заповеди и высокое подражание пророку (сунне) оставляют в стороне. Не лучше ли бы было оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты — устойчивость, их живой ум — в своей деятельности находят гранитный оплот в вере и разбиваются, и... прогресс массы их, хотя и делает большие шаги, но некоторые из них идут диаметрально противоположным ходом. В настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской. Так теперь. Подобное явление представляют и ногайцы, башкиры, так недавно барантовавшиеся с киргизами, в настоящее время совершенно отатарились. Знаменитые в степях музыканты башкирские чибизгичи\*<sup>21</sup> не поют и не исторгают более взгляды удивления и слезы умиленья от слушающих батыров. Не слышно больше «слача на падение Золотой орды» — свобода их кончилась. Пере-

\*<sup>20</sup> *Дервиш* — мусульманский странник.

\*<sup>21</sup> *Чибизги* — длинная деревянная или камышовая дудка. (Примечание *Валиханова*).

рождаются и киргизы, вымирает племя каракалпаков, и старина татарская грозит падением и совершенным стиранием с лица Вселенной. «Будь воля аллаха! Мы все от бога и к нему возвращаемся».

|| В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания — письменные или пзустные. К числу первых принадлежат монголы и зюнгарты, а к числу вторых — кочевые орды монголо-тюркского корня. Степной ордынец — киргиз стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина татарина или турка. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы. Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам. Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения. Влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных и зеленых степей были причиною к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников — нам нет нужды знать: решение этого вопроса представляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствия этого влияния. Мы же представим только факты и данные.

14 об. | Из всех народов татарских, относительно поэтических способностей, киргизы едва ли занимают не первое место. Об них можно сказать то же, что заметил наш заслуженный ориенталист Сеньковский о арабах: бедуин — || стихотворец от природы и по преимуществу поэт. Хотя в произведениях киргизских бардов нельзя заметить, в строгом смысле, той правильности стиха, как в поэзии арабов, но все-таки и они имеют известное правило и рифму. Язык киргизский, как выдающийся из диалектов тюркских, не имеет той обработанности и, так сказать, эластичности, как гиперболический и фигуральный язык араба; следовательно, и поэтические достоинства их должны быть различны. Как поэзия степей, она имеет отношение к поэзии Аравии, к жизни пустыни: однообразие сюжета картины кочевой жизни, описание раздоров племен и вражда их — еще более сближает это сходство. Во всяком случае поэзия киргиз, как верный очерк жизни, понятий и отношений своего общества, чрезвычайно любопытна и представляет множество занимательных сторон. Этим очерком ограничим дальнейшие толки о поэзии и импровизаторах киргизских.

Обратимся к нашей основной идее. В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспе-



вающие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятым для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой орды, сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками, и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверья, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению.

## ДНЕВНИК ПСЕЗДКИ НА ИССЫК-КУЛЬ

1856 г.

|| 18 апреля из Семипалатинска мы отправились на Аягуз<sup>1</sup>. Дорога через казачьи пикеты (они же и станции) лежала в солонцеватой безводной степи. Здесь мы впервые увидели зелень. День, в который мы выехали, был теплый; жаворонки пели свою обычную песню. В водянистых лугах встречались нам утки разных пород и особенно часто известная на Каспийском море порода, называемая турпан или атайка: она любит солонцеватую воду и в подобных степях встречается часто, живет не стадами, любит уединение — самец и самка. Из растений показывалась только обыкновенная кормовая трава, морковник (дикий укроп) и одуванчик. Таволожнику и карагану (дикая акация — *Caragana sibiricum*), довольно рослого, было много, но листья еще [только] распускались.

Все пикеты по аягузскому тракту пользуются водой из колодезев: до Аягуза их шесть.

Эта солонцеватая местность постепенно к Аягузу возвышается и образует пику (сопку) Аркат, оттоль начинает понижаться. Во всяком случае аягузский склон выше иртышского. Живописные зубчатые синевы Аркатские виднеются довольно далеко и разнообразят скучную и пустую дорогу. Горы Аркатские славятся кормом и потому в них сосредоточены зимовки найманских и уваковских волостей Аягузского округа. Здесь кочевали, и кочевали в мой проезд до ста и более юрт сартов. Они, как говорят сами, кочуют тут более 70 лет. Сначала их вызвала к бродяжничеству необходимость: торгуя через Семипалатинск азиатскими произведениями, для отправления караванов они должны были иметь своих лошадей и своих верблюдов — надо было их пасты, к тому же они любили кумыз — вот и наняли в аренду земли у киргиз [казахов] и переселились несколькими семействами в юрты. Кочевая, вольная жизнь, свойственная всей Азии, понравилась им, и в короткое время они увеличились пришельцами до 150 кибиток. Генерал-губернатор, подозревая их в укрывательстве беглых и по контрабандной части, приказал [им] оставить Аркат. Они должны [были] или записаться в мещане с вступлением в российское подданство, или же отправляться восвояси. Они, кажется, решились на последнее.

Ночью 20-го числа\*<sup>1</sup> я приехал в Аягуз. Аягуз — маленькая станция, в нем и окружной приказ для управления наймановских

родов. Основан он [в] 1824 г.<sup>2</sup> Из всех станиц киргизской степи Аягуз, кажется, самый невзрачный на вид, впрочем, говорят, Кокпекты не лучше. Маленькая крепость, фортштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в татарской слободке и землянки. По новому положению, с основанием Семипалатинской области, он называется городом, и несколько чалаказаров составляют его гражданство. Чалаказарам<sup>3</sup> — т. е. || полуказак (киргизы называют себя казак) — называются выходцы из среднеазиатских владений, вступившие в русское подданство с записанием в киргизские волости на общих с киргизами правах. Их очень много в округах восточной части степи: Аягузском, Кокпектинском и в Большой орде. Имя это может не раз встретиться в наших записках, а потому за малое отступление прошу простить.

P. S. О наймановских родах Аягузского округа.

Вечером мы оставили Аягуз и, переправившись через проток реки Аягузки, называемый Тумурза, по правому берегу реки через крутые, каменистые береговые холмы, к ночи приехали в первый пикет Капальского тракта — Старую Аягузку.

По Аягузке мы заметили более жизни в природе. Вся степь была покрыта светлым ковром зелени. Листья на карагане, таволге и тальнике были уже распущены, да и самое солнце грело более теплым, южным огнем. Морковник покрывал все лоцины между гор и был уже в росте. Берега реки, густо окаймленные кустами жимолости, черемухи, тальника, между которыми высоко возвышались тополи, производили чрезвычайно приятное чувство после трехдневной езды по солонцам<sup>4</sup>, где не было ничего, кроме белых кочек чья, местами в черноземных оазисах — карагана и таволги. Прибрежные луга были богаты кормовой и сенокосной травой, а береговые леса представляли хорошую защиту от зимних буранов и метелей. Недаром в преданиях киргиз воспевается благословенное течение Аягуза.

При пустынности и безводности окружающих его степей действительно Аягуз может казаться раем. Левый возвышенный берег его, покрытый лугами и лощинами с травой, был, нет сомнения, местом постоянной кочевки киргиз в оны дни, когда не было русских и их пикетов. Киргизы боятся соседства казаков. Не можем сказать, основательно ли это чувство, но вообще чувство самосохранения есть чувство похвальное. Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть, поэтическая легенда о любви прекрасной Баяны к золотоволосому Козу-Корпеч, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина.

Возвратимся к дальнейшему течению нашей дороги. На пикете № 2 мы переправлялись на правый берег. Это было ночью. В

<sup>\*1</sup> Апреля 1856 г.

10 верстах, не доехав до 4-го нумера, стоит знаменитая в киргизских поэмах могила<sup>5</sup> Козу-Корпеча. Мы хорошо изучили поэму и потому хотели непременно осмотреть и их могилу. По времени нашего выезда из [пикета] № 2 мы должны были проехать через Кизилькийский пикет ночью. Но нам хотелось встать\*<sup>2</sup> там в утро и на могиле выпить чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, на древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем. С этой целью ямщику приказано было ехать так, чтобы только утром при восходе солнца, когда жаворонок поет первую свою песнь, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой — с запада\*<sup>3</sup> восстает утреннее багровое солнце и свет || приятно освещает верхи деревьев, воду каким-то чудным светом, чтобы в этот поэтический час он был у могилы.

Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шагком. Только усиленное хлопанье бича и фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя.

Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну что, не разъяснело?» Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал: — «Нету», — и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! брр...» и стирал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика — если бы ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баяны.

Так мы ехали час.

— Ваше благородие, — отнесся ямщик, — вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за угрюмых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замылившись лошади едва тащились по грязному солончаку, налево\*<sup>4</sup> за рекой виднелся через верхи тополей остроконечный шпиль могилы: она казалась [сложенной] из красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика.

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие: не передеете, — заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

— Ну поезжай вперед, посмотрим в обратный путь, — сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок, и закрыл глаза, чтобы уснуть.

На Юз-Агачском пикете я пил чай. Левый берег реки образует степь, покрытую солонцами и разливной водой. По трактовой дороге, которая идет по берегу Аягуза, за разливом реки

\*<sup>2</sup> Чтение сомнительное.

\*<sup>3</sup> Описка, следует: с востока.

\*<sup>4</sup> Описка, следует: направо.

ехать было нельзя. Мы поехали объездом. Перед нами лежала ровная солонцевато-грязная степь. Белые кусты чья (род злака) росли отдельными кочками, и его было много. Там и сям росли колючие кусты ченгеля (род карагана), боялыша (из той же породы), облепихи, джигдовника и кокпека. Так мы ехали верст 25. Наконец доехали до вершин хребта Арганаты. Здесь растительная



Каменные изваяния у древней гробницы Козы-Корпеш и Баян-Сулу.  
Зарисовка пером Ч. Валиханова, 1856 г.

2 об. природа местности совершенно изменилась. Склон хребта с более прочным грунтом был обросшим сплошным зеленым ковром морковника и травы, совершенно на него похожей, называемой казаками дикая редька. В середине этих гор стоит пикет, получивший от него свое название. За пикетом сзади рос морковник и дикий тюльпан желтого цвета; туда к Лепсе, по склону хребта — дикая редька и таволожник, а далее по ровной глинистой степи, которая отсюда открывается, — дикая редька, во множестве || ревеня и лук, джусан и кокпек. Ревеню было так много, что вся степь издали казалась красной. В местах возвышенных (при приближении к станции) попадались таволга, караган мелкий и желтый тюльпан. Кормовой травы, как за Арганаты к Аягузу,

так и ст него к Лепсе, совершенно не было. В этих местах кочевники не могли жить и стоять, это совершенно доказывается отсутствием единственного памятника, [оставшегося] от номадов — могил<sup>6</sup>, обилие которых по Аягузу, по Лепсе и по другим рекам доказывает благоприятное значение их<sup>5</sup> относительно скота.

На половине станции<sup>6</sup>, впрочем, ближе к Лепсе, от шикета Арганатинского к Лепсинскому идет гряда холмов; за ними характер местности совершенно меняется. На южном склоне этой гряды лежит озеро, покрытое камышом. Летом оно высыхает, весной через разлив Лепсы, сообщаясь с ней, бывает довольно полно водой.

Мы приехали туда под вечер. Крик гусей, которых было там во множестве, и особой породы лягушек (колокольчики) так неприятно раздирал слух, что мы приуждены были заткнуть себе уши. По берегу реки, к горе, по направлению к устью Лепсы, виднелись киргизские могилы. Им не было счета. Следы зимовок видны были по дороге, и при нас тут были аулы. Места эти, видно из могил, были сборным кочевьем родов. В настоящее же время киргизы зимуют в камышах Балхаша, а [на] лето уходят в горы — здесь же останавливаются на отдых и непременно пребывают дней десять. За этим озером до самой Лепсы (это пространство верст десять) все лежат пески. Пески подвижные. Камыш, чий во множестве, копек, чингил, ак-тасты<sup>7</sup> местами — вот растительность. В песках этих очень много черепов и змей.

Тут открылось течение Лепсы. Лепса берет начало из склона Алатавских гор и впадает в Балхаш. Вода в ней глубока. По берегу ее растет довольно густой лес — тополи, осиновый тальник, джида, жимолость. Устье же покрыто густым и высоким камышом. В камышах этих бывает много разных птиц и попадаются тигры. Однажды тигр ночью искусал часового на шикете.

Климат его<sup>8</sup> значительно разнится: в конце февраля там не было снега, и в



Профили каменных  
изваяний на р. Аягуз.  
Рис. пером  
Ч. Валиханова.

<sup>5</sup> То есть долины рек Аягуза и Лепсы.

<sup>6</sup> То есть расстояния.

<sup>7</sup> Описка, следует: *акгаспа*.

<sup>8</sup> То есть долины р. Лепсы.

страстную неделю к рождеству\*<sup>9</sup> они\*<sup>10</sup> лакомились гусиными яйцами. Уверяют, что в его долине есть фаланги и скорпионы. Несколько лет тому назад река эта была границей русских владений на юге, и переход через нее под строгой ответственностью был воспрещен, но теперь... Теперь другое дело!

Ночью проехали через Баскан и только к утру приехали в Аксу. Через Аксу, как и через Лепсу, устроен перевоз.

|| Речка Аксу имеет течение довольно быстрое, берега ее покрыты местами топольником. Берега ее ровны; гладкая степь идет к Лепсе и такая же степь до гор Кийсыкауз.

С Аксу мы увидели снежные верхи Алатавских гор. Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч; восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Картина удивительная. Кийсыкауз сравнительно с Алатау казался травой, растущей под столетним дубом. Степь, по которой [мы] ехали, была ровна, как бы убита [ногами], и на ней, кроме юсану, ничего не было. Направо и налево от дороги виднелись могилы в виде крепостцы с бастионами или сфероидального вида, большей частью были первой формы. Попадались по дороге табуны лошадей, баранов и вдали белелись киргизские юрты. Увидевшие нас киргизы спешили скорее убраться, и когда мы остановили пастуха, чтобы узнать, где кочует султан, то бабы в ауле подняли шум. Аул зашумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы, звали кого-то по имени, должно быть, бия.

— Моего барана они взяли,— говорила одна крикливая марджа, должно быть, по предчувствию, — не моя ведь очередь, — визжала она.

Мы поехали дальше, и аул начал успокаиваться. Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас. — нет сомнения, она благодарила аллаха, что он спас своим всемогуществом ее барана от русских.

|| Мая 15. Ночлег на реке Чилике.

Река Чилик берет начало из центральной возвышенности Алатауских гор, которая дает тоже начало Талгару, и потом посреди гор течет на запад\*<sup>11</sup> до впадения речки Джиничке; потом течет на северо-восток\*<sup>12</sup> до впадения в Или. В него впадают, или лучше [сказать], его составляют, справа речки: Кугантёр, Деле-Карагайбулак, Суттебулак, Учбайсорн. Кудёрге, Курменте, два Сарыбулака (Кульды-Сарыбулак, Асу-Сарыбулак), Чатлэ (Сатлы) и Карабулак; слева: Учбулак, Текджол, Джиничке, Сарыбулак и Асу\*<sup>13</sup>. По течению Чилика проходят следующие проходы, или

\*<sup>9</sup> Описка, имеется в виду пасха.

\*<sup>10</sup> Очевидно, местные жители.

\*<sup>11</sup> Описка, нужно: на восток.

\*<sup>12</sup> Точнее: на север.

\*<sup>13</sup> Правильно: Асы.

асу<sup>7</sup>: по течению Кугантёра, Деле-Карагай и всех других речек, впадающих в Чилик справа, проходят верховые асу. Только через Курменту в июле и августе проходят верблюды.

Чилик имеет течение довольно быстрое, воды в нем во всякое время года довольно, и разливается [он] на довольно значительное пространство. Разливается он в конце июня от таяния горных снегов, и продолжается [разлив] до августа, как киргизы говорят, до сбора проса. Верхнее течение Чилика служит постоянным зимовьем для киргиз; в прежние времена от Карабулака до Учбайсорн занимали сарыбагыши, теперь же там зимует адбановский род кызлборк. Особенно в отношении к сохранению скота в зимнее время славится урочище Бакалы в горном плато между речкой Джиничке и Сарыбулаком. Бакалы — значит лягушечье место. Дикокаменный киргиз из рода сарыбагыш уверял меня, что когда манап их Умбет-Али зимовал там, то в одном роднике всю зиму квакали лягушки. Он говорил также, что те лягушки имеют белую кожу и величиной в ладонь. То же говорят и киргизы. Хотя по верховью Чилика, кроме кипеца<sup>8</sup>, не растет никакой другой травы, но тем не менее жестокой зимы, большого снега, падежа и буранов никогда не было, по крайней мере старики 80 лет не помнят.

Горы Алатауские по Чилику и его притокам покрыты еловым лесом в изобилии. В долине по берегам Чилика особенных кормовых трав нет, кроме юсану и дикого маку (кызгалдак), зато берег реки богат тальником, джигдой, таволожником, джингилом, барбарисом, жимолостью. Эти кустарники образуют по сторонам реки густую, зеленую аллею. По середине течения реки из окружающих ее тальников образуется высокий лес, называемый киргизами Бауагач<sup>9</sup>. При впадении в Или он покрывается камышом и саксаулом. Угол, образуемый Чиликом и Илой до Каратурука, поблиз берега имеет, как говорят туземцы, хорошие сенокосные места. В этом же пространстве к горам растет только чингил и чий.

На пути от Каратурука к Чилику на левой руке лежит водянистый лог, называемый киргизами по могиле одного батыра — Корам. Он проходит параллельно дороге. Конец его к Чилику образует болото и около имеет много сенокосной травы. На другом сухом конце его лежат развалины крепостцы, или лучше [сказать], остатки рва, около вырыт колодез. Предание киргиз гласит, что тут был калмыцкий пикет и что хан Аблай разрушил его и очистил долину Чилика от неверных. На самом Чилике, выше Бауагача, к верховью лежат остатки другого более обширного кургана<sup>10</sup>. Рассказывали мне сарыбагыши, что когда покойный Урман-батыр кочевал тут, то бабы и дети находили там жемчуг, кораллы, бусы и другие вещи. Что касается до меня, то я сам лично нашел в пер-  
4 об. вом кургане || черепицы от глиняных ваз и горшков.

От Чилика на озеро Иссык-Куль караванная дорога идет через Темирлик на Каркару, другая дорога, менее удобная для переез-



дов, идет через верх Чилика, по горам Соготы, через асу того же названия, через горы Торайгыр, оттуда через три Мерки на Каркару; по долине Чарына на Каркаре путь темирликский соединяется с меркинским и идет через единственный (в отношении больших караванов) проход Санташ.

Темирликская дорога более удобна, даже проходима колесными экипажами. Одно препятствие — лог, образуемый течением речки Темирлика. Через Сугульты<sup>11</sup> и Мерки путь, хотя и проходим для верблюдов, но труден для колес. Так как при нашем отряде была одна телега и одна маленькая горная пушка, то мы избрали проход Сугульты, как более кратчайший, навьючив на верблюда пушку и телегу.

Мая 16. Ночлег на горах Соготы при ключе Карабулак.

От Чилика параллельно его течению мы направились на проход Сугульты. Сугульты есть ущелье, разделяющее на западе гору Сугульты от горы Бугульты, что примыкает к восточной стороне его. Название Согульты, как объясняли мне киргизы, происходит от глагола сукмак — дуть. Там дуют постоянно спльные ветры. Бугульты происходит от слова буту — олень. Там много оленей.

Итак, мы шли прямо на юг, имея перед собой в центре гору Сугульты, направо ущелье, через которое протекает Чилик, проламывает горы, отделяя Сугульты от горы Асы и Саускандык. В этом же месте впадает в Чилик слева река Асы, отделяя собой гору Асы от горы Саускандык. Асы берет начало из западного склона одной из отраслей Алатавских гор, с северо-восточной стороны которого выходит Тургенъ. Верховья Асы по выходе из горного склона образуют небольшую горную долину, известную под названием «Летней кочевки Асинской», «Асы джайлау»<sup>14</sup> или Аралтубе. По долине Чилика, к горам, растет один только юсак на глинистой почве; несмотря на то, киргизы усердно вспахивали эту неблагоприятную почву.

Проход через ущелье был от сильных дождей взрыт и испорчен. Мы должны были поехать через другой путь на самую гору через ключ Карабулак и ключ Уйтас. Проход этот был крут и труден для колес, но отряд наш и верблюды не находили большого препятствия. На северном склоне его есть одно крутое место и одна тропинка параллельно косогору. Вообще при небольшой работе его можно бы сделать очень удобным для телеги. Мы ночевали на южном его склоне около вершин при ключе Карабулак. В горах было много ргаю, сары а гачу, были также и яблони. День был дождливый и холодный.

Мая 17. Сторона терсей<sup>\*15</sup> горы Торайгыр. Асу Аыр при ключе того же названия.

\*14 По-казахски: *Асының жайлауы*.

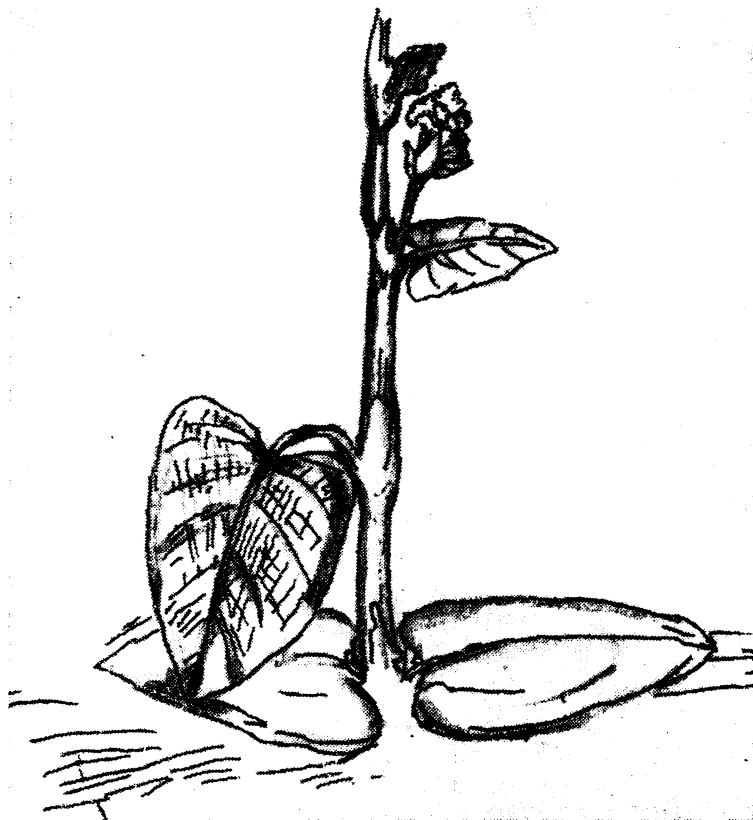
\*15 *Терсей* — северный склон.





18 мая. [Сторона] кунгей горы Торайгыр. Ключ на урочище Сулу-Карачоке.

Хотя асу (проход) Аир не так крут, как Соготы, но огромные камни, лежащие по дороге, делают его невозможным для всякого перехода телег и арбы. Камень, составляющий основу утесов этой горы, был песчаник, весьма хрупкий, тот, которым в Финляндии



Раваш. (ревень). *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856.*

убирают шоссе. Ргау, жимолости, вереску\*<sup>17</sup> и других горных кустов было много. Здесь я встретил в первый раз особый род щавеля, называемого киргизами раваш или рауаш. Растение это || имеет пустой сочный стебель, наполненный приятно кислым соком. Листья его имеют форму листьев обыкновенного щавеля, но гораздо большего размера. Вкус его напоминает гранат.

\*<sup>17</sup> Ч. Валиханов ошибочно называет вереском стелющуюся арчу — можжевельник.

По выходе из гор перед нами открылась возвышенная к юго-западу [и] к горам Куулук долина. Долина эта ограничивалась на севере горами Куулук, на СВ проходит Мерке, на ЮВ — горы Алатау, на юге — горы Алатау и ущелье реки Чилик в Джиничке, на SSW — хребет Учкумбель и на S — хребет Торайгыр<sup>15</sup>.

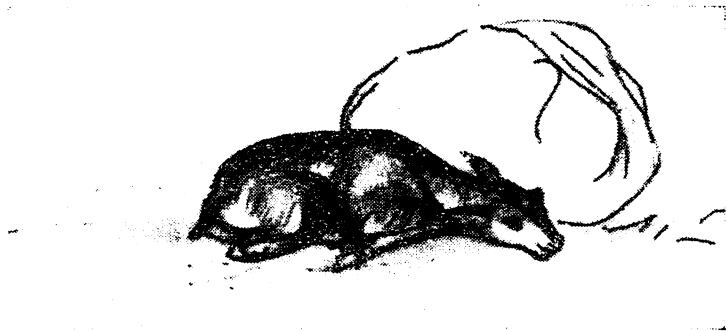


Джейраны. Зарисовка карандашом Ч. Валиганова. 1856.

По правой руке от нашего ночлега протекал Чилик. Ущелье его, которым он рассекает Алатау, и ущелье речки Джиничке, тут впадающей в Чилик, виднелись перед нами. На левой руке мы имели Чарын, собственно его [долину] Актогай, и от него впереди на юго-востоке возвышенный мыс, которым Куулук соединяется с коренным хребтом и по которому текут три Мерки, впадающие в Чарын. Мы шли на эту плоскость. Долина постепенно к Меркам возвышалась. Она вся была покрыта травой, называемой киргизами четвер. Трава эта двух видов: одна имеет желтый цвет крестом, продолговатые стручки с зарубками, как бы витые, и прямые листья, другая же — цвет белый, головчатый, стручки ровные

цилиндрические, но загнутые в виде бараньего рога, и зубчатые листья. Как первая, так и вторая порода идет в корм, и скот от нее полнеет, особенно бараны.

В долине этой водятся во множестве антилопы, известные под названием джирен. Киргизы называют это животное каракуйрук<sup>16</sup> (черный хвост). На Кавказе и в Даурши его называют дайран.



Козленок антилопы. Зарисовка карандашом Ч. Валиханова 1856 г.

Дикокаменные киргизы и илийские калмыки называют джирен. Они [антилопы] плодятся в мае.

Киргизы поймали несколько козлят, и мы за нашим походным столом имели котлеты из этой дичи.

19 мая. Река Первая Мерке.

Когда мы поднялись на возвышенный перешеек, соединяющий горы Алатау с хребтом Куулулук, перед нами открылась расщелина, высокий утесистый лог. По дну его в виде тонкой ленты извивалась довольно быстрая речка Мерке. С высоты течение реки было живописно: по зеленому и ровному логу синелась речка, берега ее были окаймлены с обеих сторон в виде аллеи ивampi. Мерки (их три) впадают в Чарын, берут начало свое из Алатауских гор и текут по всей длине перешейка, образуя глубочайшие ущелья, и впадают в Чарын, который, проламывая, только по ширине, этот же перешеек, огибает Куулулук и далее, повернув на север, впадает в Или.

|| Мы ночевали на Первой Мерке, близ впадения ее в Чарын.

На Мерке очень много архаров и диких коз. Я охотился за ними, но безуспешно. Архары плодятся рано, еще на Капале я видел маленького козленка.

Козы же, судя по козлятам, которых мы видели, бросают [их] в конце апреля. Вообще Алатавские горы славятся козами, архарами, маралами. Каракуйруки попадают только в долинах. Здесь я видел из птиц: галок, диких голубей, черных ворон, называемых

киргизами...<sup>\*18</sup>, рябчиков, называемых кекликками, дубоносов<sup>\*19</sup> горных скворцов<sup>\*20</sup> (с красными перьями) и сорокопутов. Из хищных птиц на месте нашего ночлега парили коршуны и особая порода из рода ягнятников, белая, как лунь, концы крыльев черные, ноги красные.

20 мая, ночлег на реке Черганак.



Ночлег русского отряда на реке Мерке. Зарисовка карандашом  
Ч. Валиханова. 1856 г.

На Первой Мерке мы должны были очищать снег, чтобы ставить юрту. К вечеру, хотя небо и очистилось от туч, но был резкий северо-восточный ветер и было холодно. Утром мы снялись. Снег покрывал все пространство. День был хороший и солнечный. Мы не могли смотреть: отражение солнечных лучей на белом, ярком снеге было ужасно нестерпимо для глаз. Как ни трудны были переходы через лощины трех Мерке, но, при усиленном и всеобщем содействии отряда, артиллерия была благополучно поднята на лямках.

Удивительный ландшафт представляет Чарын между утесистых берегов при впадении Второй Мерке. Крутые берега, обстав-

<sup>\*18</sup> Оставлено место, очевидно, для казахского слова *бүзгын*.

<sup>\*19</sup> Точнее: *арчевый дубонос*.

<sup>\*20</sup> Точнее: *розовые скворцы*.

ленные громадными утесами, пирамидальные ели растут под скалами и на скалах. Внизу с шумом, пенясь, струит свои зеленоватые волны Чарын.

6 об. || Вторая Мерке гораздо уже и течение имеет очень слабое. Переход через нее и подъем не так крут, как первый. На третьей Мерке мы дали отдых лошадям и обедали. Долина, образуемая



Караван в ущелье реки Чарын. Рис. в тексте дневника Ч. Валиханова. Перо. 1856 г.

течением Третьей Мерке, довольно широка и болотиста. Речка глубже даже Первой [Мерке], воды более. Ивы, растущие по берегу ее, гуще других. Здесь растет одно кустарниковое растение, по листьям своим похожее на тал, но с колючками, как боярышник, и кора его походит на боярышник, впрочем, несколько темнее. Киргизы его называют черганак<sup>17</sup>. Дерево имеет красноватый цвет, почему киргизы из него делают стволы<sup>\*21</sup> для ружей. Ягоды его очень походят на облепиху.

Подъем Третьей Мерке очень легок. На скалах между Первой и Третьей Мерке растут следующие кусты: ргай, сарыагач, роза с желтым цветом и мелкими листьями, караган довольно высокого роста, с очень мелкими листьями (киргизы называют его боркараган), вереск, жимолость, кизилча (вроде хвоща с толстоватым стеблем; пепел его туземцы кладут в нюхательный табак). В горах

<sup>\*21</sup> Имеются ввиду ложа.



около вершин Мерке, вплоть до Асы, впадающей в Чилик, растет под снежной линией ель, годная для построек. Во время прохода нашего через возвышенный, как мы выразились, перешеек, направо\*<sup>22</sup> лежит Куулук, налево\*<sup>23</sup> — основной хребет Алатау. Окончание Куулукка огибается Чарыном, который берет начало с восточной стороны его. Три Мерке впадают в Чарын на этом перешейке.

Проход, который образует Третья Мерке своим истоком с Алатау, называется Товолды-Асу. Это один из трех главных проходов, дефиле\*<sup>24</sup>, на озере Иссык-Куль. В наш проезд он остался в стороне, мы должны были быть на Каркаре, где кочевал род бугу. Тобулды-Асу, говорят, труден для колесной езды, дорога идет по густому словому бору, который, конечно, тогда был покрыт снежными сугробами. После подъема с Третьей Мерке дорога делается более удобной. Три незначительных спуска через лога и два ключа; последний спуск при камне Тиекташ открывает луговую ровную долину Чарына. Долина эта соединяется с долиной Каркары.

Тиекташ — ущелье, которым Чарын прорезывает северный нос Куулукка и отделяет его от перешейка Третьей Мерке. Долина Чарына налево ограничилась Куулукком, направо небольшим и невысоким продолжением подошвы столового<sup>18</sup> перешейка. С впадения в Чарын реки Черганакты, где мы почевали, открывается широкая круглая долина, называемая Каркара, по имени речки того же названия, которая протекает по самой ее середине и впадает в Чарын.

|| 21 мая, речка Каркара.

Река Чарын составляется из следующих речек. Собственно ее начало — Чон-Каркара из гор Каркара, при урочище Кукяртурук. В нее впадает Джель-Каркара, которая берет начало из сев.-зап. склона горы, которая дает начало речке Сарыджаз, почему и называется Сарыджазентау. Речка Кегень берет начало из солонцов, называемых Кегеннен-Кенсазы, и из солонцов Ильичен [ен]-Буйрек [сазы] по западной стороне гор Кушмурун (которые есть окончание хребта Темирлик), течет на гору Куулук, где, соединяясь с Каркарой, называется Чарыном. В Кегень со стороны Кушмуруна впадают ключи: Чибдженбулак, Курайлы. Из самого носа Кушмуруна вытекает теплый ключ. Кроме этих речек и ключей, независимо [от] системы Чарына из горы Каркара течет Чулак-Каркара, которая, не доходя до Чон-Каркара, теряется.

С Куулукка на Кегень течет речка Чибджоке, которая также, не доходя, теряется. От Кушмуруна на SSO лежит отдельная сопка или курган, называемый Манаснен-Бозтобе. Предание туземцев говорит, что богатырь их Манас (герой замечательного в народе

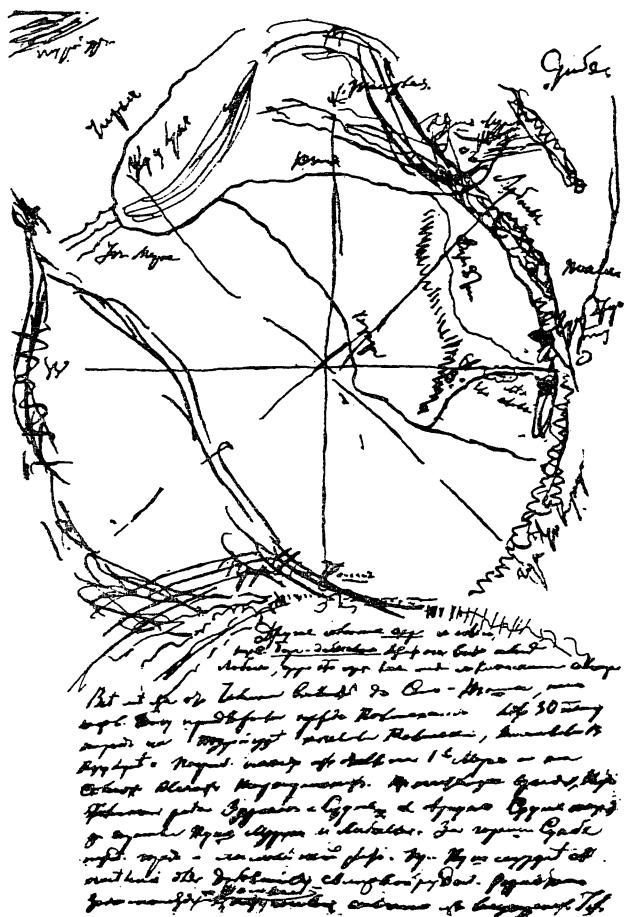
\*<sup>22</sup> Описка, следует: *налево*.

\*<sup>23</sup> Описка, следует: *направо*.

\*<sup>24</sup> *Дефиле* — теснина, ущелье, узкий проход.

эпического сказания) имел на ней свой лагерь во время войны с каугирасами<sup>19</sup> (калмыками).

Долина Каркары ограничивается на севере проходом через Темирлик. На NO<sup>\*25</sup> имеет проход трех Мерке, на SSW — проход Санташ в горах Киргизнен-Алатау, на NO — хребет Кушмурун, на ONO — горы Лабасы и от OSO на SO — горы Уч-Каркара. Между



Схематическая карта долины реки Каркара.  
Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника.  
1856 г.

Лабасы и Кушмуруном за китайскими караулами виднеются горы Сумбенентау и далее Кеушентау, пик Арткан с проходом того же названия. В самой долине от впадения речки Сарыяза в Кегень

<sup>\*25</sup> Описка, следует: NW, т. е. северо-запад.

идет холмистая гряда, называемая киргизами Тасмаджон, и оканчивается у речки Каркары. Направление она имеет с северо-востока на юго-запад. На восточной стороне этой гряды, в ложине, лежат соленые ключи, называемые Каркаранен-Кайнатма-Туз. При выходе своем ключи образуют резервуар, покрытый сплошной отвердевшей массой солонцеватой грязи. Посреди этой коры, у п о в а т е л ь н о, от действия подземного (говоря же в строгом смысле — под словом земля разумеется нами верхний солонцеватый дек<sup>\*26</sup>) родника образовалась правильная кубическая масса этой же материи. Высота ее 1,5 саж., длина — 3, ширина — 2,5 саж. За горами Лабасы на юге лежат горы Текес, из которых вытекает река того же названия, составляющая истоки Или.

7 об. || Другое соленое озеро, называемое Бора-Дабысын, лежит на восточном склоне Лабасы. Озеро это через лог соединяется с кегенскими солонцами. Все места от Чилика вплоть до Санташа, как сказывают бугу, принадлежали прежде калмыкам. Лет 30 тому назад на Торайгыре кочевали калмыки, зимовали в Куулуке. Пограничные пикеты их стояли на Первой Мерке и на соленых ключах Каркаринских. В настоящее время китайские калмыки рода зурган-суун и аргун-суун кочуют за горами Кушмурун и Лабасы. За горами Сумбе находится город и ламайский хит<sup>20</sup>. При Кушмуруне есть поселение для добывания свинцовой руды. Разработкой занимаются шампань — преступники, сосланные из внутренних губерний. Урочище Каркара есть летнее кочевье. Кочуют на нем адбаны и дикокаменный род бугу. Долина славится своим благоприятством скоту; здесь нет ни оводов, ни комаров. Вообще в долинах алатавских насекомых встречали мы мало. Воздух здесь холодный, особенно ночи.

8 || 22 [мая], 2-ой ночлег на реке Каркара.

С Черганакты мы шли [на] юго-восток и по течению Каркары; сделавши несколько верст, остановились при той точке, где холмистая гряда Тасма, оканчиваясь у берега реки, образует яр. Ниже этого места берег реки лесист, покрыт довольно густо тальником (ивой) и кара-черганаком. На берегу, на песках, попадает нередко саксаул. В реке водится мелкая порода рыбы, называемая туземцами чабак, русскими — османка.

23 [мая]. Там же ночлег. Джидели-Богу.

Носился слух, что пишпекский фарманчи (губернатор) с 1500 т<sup>\*27</sup> пришел на Кутималды. Манап сарыбагышей Умбет-Али взят в плен, скот его разграблен. Говорили некоторые болтливые бугинцы, что бии их распустили этот слух ложно, чтобы мы не шли на озеро, занятием которого свобода их может навсегда уничтожиться. Другие говорили, что четыре человека ташкентцев находятся теперь в ауле у Буранбая, влиятельного манапа всего рода бугу, и что они приглашают их к себе для решения [спора]

<sup>\*26</sup> Дек — в данном случае покров, верхний слой.

<sup>\*27</sup> Опшкя, следует: с 1500 человеками.

с сарыбагышами. Для бугу решение это, конечно, было бы выгодно. Они дали уже 30 лошадей зякету, между тем как Урман разрушил ташкентские курганы, а преемник его, Умбет-Али, не явился к ним по требованию. Понятно, что бугу хотели бы отделаться теперь от русских, от их подвод и могли бы победить через участие сартов сарыбагышей. Впрочем, все это слухи. Мы решили во что бы то ни было идти на озеро.

24 [мая].

Были у нас представители рода бугу: влиятельный старший манап подполковник Буранбай Бекмурадов, Муратали Берназаров (старший по летам), Газпбек Шпралин, Карач (чон) — бий отделения салмеге. Не были из влиятельных: представитель рода арык токсаба Олджабаев и Хакимбек, брат его. Из черной кости — бий Телекмет, происходит из рабов Мурат-Али, и Омарбатыр. Адбаны решились с бугу.

25 [мая]. Ночлег на реке Туп\*<sup>28</sup> при проходе Санташ<sup>21</sup>.

Все утро 25-го числа шли переговоры между дулатами и бугу. Отправлены 10 казаков в аулы рода арык для сбора подвод. После обеда отряд снялся и пошли на северо-восток\*<sup>29</sup> на Санташ. От верховьев Каркары местность ровна, корма обильны, вообще растительность здесь самая богатая: высокая трава, как говорят киргизы, достигающая осенью до стремян всадника, разные широколиственные растения росли густо как по лугам, так и по скату и вершинам гор. Особенно замечательны были растения: мята 8 об. (английская) и род || камыша с листьями, как на джигаре<sup>22</sup> (сахарном тростнике). Киргизы это растение называют ак-курташен, дикокаменные же — оленье ухо (марал-кулак). Уверяли, что сок этого растения ядовит и производит опухоль. Скот его не ест до августа, когда он делается желтым и теряет сок. Запах имеет коровьего кала. На горах, по левой руке, росли кусты тальника, рябины (особая порода, имеет гладкую и совершенно красного карминного, цвета кору). Судя по снегу, который лежал в лощинах и на горах (горы же Санташа очень низки), можно полагать, что долина Каркары чрезвычайно возвышена.

По выезде из ночлега направо [мы] имели небольшую возвышенность, продолжение гор Тобулды-Асу, направо\*<sup>30</sup> — продолжение гор Каркара. Горы эти, как мы уже заметили выше, низкие. Дорога идет по болотистому логу, из гор направо и налево идет множество ключей, которые, соединяясь, образуют реку...\*<sup>31</sup>, впадающую в Каркары ниже впадения Джеле-Каркары. Речка эта имеет направление с юго-запада на северо-восток<sup>23</sup>. За этими ключами в логу лежит озеро (верстах в 2), которое в жаркие лета

\*<sup>28</sup> Правильно: Туп.

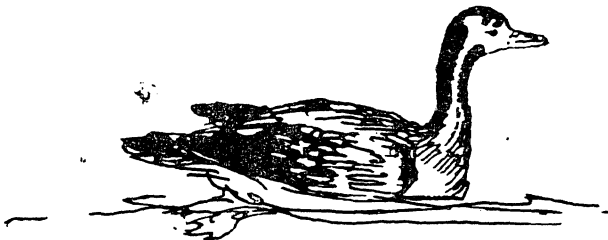
\*<sup>29</sup> Описка, следует: юго-запад.

\*<sup>30</sup> Описка, следует: налево.

\*<sup>31</sup> Оставлено место, очевидно, для названия реки: Ирсу.

высыхает. В озере видели мы гусей, называемых туземцами пртышскими. Эта порода имеет серо-пепельный цвет, на белой голове две поперечные черные линии, верх шеи и низ имеет темные по вдольные полосы, разделенные между собой белыми тонкими полосами по бокам; крылья этого гуся черны, ноги — желты, клюв — тоже. [Горный гусь] величиною меньше обыкновенных гусей и больше гаги.

*на Тасмаше, горный гусь имеет белую  
голову с черными линиями, черные  
полосы на шее и темные пятна на крыльях*



*Горный гусь. Он имеет белую голову  
с черными линиями, черные  
полосы на шее и темные пятна на крыльях.*

Горный гусь. Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника. 1856 г.

В двух верстах от озера лежит течение реки Тупа. Туп имеет течение [здесь] с юго-востока или (OSO на WNW) на сев.-запад. Речка Туп имеет течение довольно быстрое, дно каменистое, берега ее покрыты ивой, черганаком и балгыном (род саксаула). В реке || попадаются рыбы. Наши казаки брали в невод рыбу, похожую на маринку. Киргизы называют ее сазан. Говорят, что ближе к устью в Тупе много рыбы.

Туп впадает в озеро Иссык-Куль. Параллельно течению Тупа идет гряда низких гор, покрытых еловым лесом, называемая Тасма. За Тасмой течет речка Джиргалан, тоже впадающая в Иссык-Куль.

Санташ — счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана сажени в 3, окружность саженей 35. Предание гласит, что когда эмир Темир-Курген (эмир Темир-Куркан, так называют на Востоке Тамерлана) отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина (каан-чин есть титул императора китайского [по-тюркски, иначе] Хаканчин — император Китая, [титул], обращенный киргизами в собственное имя), то приказал

каждому из своих воинов положить в одно место по камню. По возвращении своем назад он велел всем солдатам взять по камню и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере. Место прежнего кургана лежит возле и теперь.

Исторические известия совершенно противоречат этой легенде. Тамерлан действительно шел на Китай но при самом выезде из Самарканда умер в городе Отраре<sup>24</sup>. Впрочем, во всех среднеазиатских легендах Тамерлан играет первую роль, как в средние века в рыцарских поэмах Карл Великий и в русских сказках Владимир Красное Солнышко. Все мечети, все древние водопроводы Туркестан приписывает своему завоевателю, эмиру Темиру Сахиб-Керан (победителю мира). Во всяком случае, для сооружения Санташского кургана нужно было много людей и много труда, и, конечно, он есть памятник, завещающий грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших [здесь] народов.

Кстати, другое предание о происхождении названия речки Каркара.

Киргизы в один из набегов на калмык захватили на этой реке двух молодых девушек, дочерей зайсана<sup>25</sup>. Аул их только что снялся на кочевку. Они остались на месте, чтобы заняться туалетом и явиться на коч — сборное место — в нарядном и праздничном виде. На головах своих они имели перышки, султаны. Киргизы перья эти называют каркара. Вот и начало названия Каркары и легенда о том.

9 об. || Р. С. Дикокаменные киргизы насыпь Санташа приписывают киргизскому хану Ишиму, как памятник его победы над калмыками-зюнгарами. Это имеет более вероятия. Ишим действительно был на этих местах и действительно одержал победу над хонтайдзем.

26—27 [мая] были там же.

28 [мая]. Ночлег на реке Тупе, на южном конце прохода Санташ, при урочище Кенсай.

Двумя верстами ниже нашего ночлега горы, направо [и] налево окаймляющие долину Санташа, начинают приближаться к самому берегу, почему и дорога становится трудной. Весь путь лежит по косогору. Впрочем, пушка наша была перевезена [на верблюде]. Верблюды идут легко. По берегу растет много деревьев. Кустарники окружают берега реки густо и покрывают склоны гор. Кустарники эти — черемуха, черная смородина, называемая казаками к и с л и ц а, барбарис, вереск, жимолость, тальник особенно обилен, на камнях ползет вереск и актасба. На левом берегу растет, как на горах, так и на берегу, ель. Трава здесь хоть не так роскошна, как при входе в проход, но корму много. Мята — преобладающий habitus<sup>\*32</sup>. На горах около ночле-

<sup>\*32</sup> Habitus (лат.) — вид.

га (25 числа<sup>\*33</sup>) было много пионов. Я ездил в горы с ружьем. Попадалось много серн (илек), но стрелять их очень трудно. Из птиц, видел: из семейства хищных коршуна, белоголового орла, мышеловку. Есть в горах голуби красновато-темного цвета, дикокаменные киргизы называют...

Уверяли киргизы нашего отряда, что они видели на вершинах медведей, оленей и кабанов. Говорят, что на Иссык-Куле и [в] его окрестностях тигр — не редкость. Далее в середине пути, направо от течения речки, проходит широкий лог, открытый на озеро, называемый Кенсу. Он вначале образуется впадением Тобулготы в Туп. Тобулготы выходит из южного склона той же горы, откуда течет Третья Мерке. Ущелье их образует проход Тобулготы, о котором уже нами было сказано.

26-го же числа [мая] был у меня певец, дикокаменный киргиз (рчи)<sup>\*34</sup>. Он знает поэму Манас. Язык поэмы гораздо понятливей разговорного. Манас, герой поэмы — боец, вот бесстрашный охотник до сбора жен. Вся его жизнь состоит в драках и в исцелении красавиц. Только нрав его не совсем восточный — он часто ругает своего отца, угоняет у него скот, обращается с ним очень и очень не деликатно. Это странно. || Вообще все кочевые народы уважают старость, и аксакалы (белобородые) пользуются [у них] большим почетом.

В этой поэме упоминаются на Чуе, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куле три народа: ногайцы, кайсаки и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее, как 70 лет. Дикокаменным ордынцам небезвестны ногайские предания: они знают Едигея<sup>26</sup> и рассказ [их] похож на киргизский. Они также говорят:

كچه كى اون سان نوغاي بلگاندا<sup>\*35</sup>  
اورمانبت بى اولگاندا  
اوردنك قرا جفاچى  
اسمانغه اوچوب كتكاندا<sup>\*36</sup>

Странно: ногайцы замешаны во все предания всех кочевников среднеазиатских. Ногайцы «ташкентские» упоминаются в Манасе. Джанбек<sup>27</sup>, Асан-Кайге<sup>28</sup> известны и здесь. Пестрый жеребенок (2 лет) — [ала] тай, наделавший столько бед, занимает и киргизов. Будет о ногаях.

С долины Тобулготы открылся нам так ожидаемый Иссык-Куль, предмет нашего риска.

<sup>\*33</sup> На полях рукой Валуханова приписано: 26 ч.

<sup>\*34</sup> Собственно: ырчы — певец, сказитель.

<sup>\*35</sup> بلگاندا (булгенде или булингенде, от булу, булуну) — быть в раздоре в распре, разоряться.

<sup>\*36</sup> Когда разорились вчерашние десятисанные [сан — неопределенно большое число] ногай, когда умер Урманбет-бий, когда взлетели на небо черные леса орские...

Вид с нашего ночлега 25-го числа на Тасму. В наш поход 28-го числа [мая] открылись в первый раз овод, комары. Дни с выходом нашим с Санташа на озеро делались заметно жаркими. С вступлением в горы мы не видали ни одного хорошего дня. Насекомых мы видели очень мало, почти не видели; в ночлег 28-го числа мы видели много куркурии. Здесь днем очень жарко, но

Согласно: Киргизы говорят, что в долине озера всегда стоит жарко. Киргизы говорят, что они всегда принуждены бывают «призывать» дождь. У них есть шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи». Это поверье, впрочем, древнетюркское; восточные историки говорят о каком-то камне-джуде\*<sup>37</sup>, имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был дан богом Яфесу, отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству.



Вид с нашего ночлега 25-го числа на Тасму. В наш поход 28-го числа [мая] открылись в первый раз овод, комары. Дни с выходом нашим с Санташа на озеро делались заметно жаркими. С вступлением в горы мы не видали ни одного хорошего дня. Насекомых мы видели очень мало, почти не видели; в ночлег 28-го числа мы видели много куркурии. Здесь днем очень жарко, но

Бивак у подножия горы Тасма. Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника. 1856 г.

ночи очень холодны. Говорят, что в долине озера всегда стоит жара. Киргизы говорят, что они всегда принуждены бывают «призывать» дождь.

У них есть шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи». Это поверье, впрочем, древнетюркское; восточные историки говорят о каком-то камне-джуде\*<sup>37</sup>, имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был дан богом Яфесу, отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству.

\*<sup>37</sup> Точнее: джада.



10 об. || 29 числа [мая]. Ночлег при урочище и речке Карабатпак (Черная грязь).

С Кенсу отряд наш снялся в 4 часа 5 минут и пришел в половине 10-го на ночлег. Мы шли по широкой долине, вдающейся клином с псыккульской равнины на Санташ. Начало этой долины, как уже было сказано, образуется впадением Тобулготы в Туп. Мы шли на SW, имея налево низкую гряду Та с мы, направо — южный склон Алатавских гор. Дорога идет все по самой подошве гор. Трава здесь бездельная<sup>\*38</sup>, но для скота, как корм, растительность превосходна. Мы проехали много речек, впадающих в Туп, которые истоками своими, прорезывая горы, образуют проходы — асу. Вот их названия: речка Кормыды — верховья ее выходят из южного склона одного и того же белка, из которого течет Третья Мерке. Она имеет асу, называемый Кормыды. Проход этот идет сначала по течению Мерке до урочища Бишкаратага (пяти сосен<sup>\*39</sup>), а оттуда на речку Кормыды. Через проход могут пройти только всадники. Речка Джиничкесу в соединении с течением Второй Мерке образует тоже проход для верховой езды. Проход называется Второй Меркинский. Речка Талдысу — она с противоположным течением Чон-Мерке имеет верховой асу. Речка Чаты (Саты). Она тотчас по выходе из гор разделяется и впадает в Туп несколькими рукавами, их пять. Чаты имеет асу, который выходит на верховья Чилика и через верховья Джиничке и Асы (впадающих в Чилик) соединяется с проходом Тургеня. Проход этот, хотя в общем и удобен для караванной езды, даже для колесной, но есть одно трудное место, саженой в 15, где дорога идет по узкой тропинке, проложенной на крутом косогоре. Внизу имеется бездонная пропасть. Деревянные перила ограждают пропасть. Проложение тропинки и постройку перил приписывают батыру Атеке (отцу Джантая). В междоусобной вражде сарыбагышских манапов Исенгула и Атеке последний должен был укрыться от внезапного нападения врага и прошел с кочем своим первый через Чаты. Но, впрочем, были примеры, что на хороших, сильных и молодых верблюдах в экстренных случаях проходили кочи и караваны.

11 На дороге мы видели в первый раз дикокаменные могилы. Между Талдыбулаком и Первым Чаты, ближе к первому, есть одно кладбище. Там есть следы двух валов в виде маленького квадрата (могилы киргиз строятся в виде курганов) — это, как говорили киргизы, могила Карабека, сына манала Атеке. Он был убит при нападении Аблай-хана на сарыбагышей, аул которых был на верховьях Чилика. Ближе к Чаты есть другое кладбище. || Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил.

<sup>\*38</sup> То есть не возделываемая.

<sup>\*39</sup> Здесь *карагай* означает ель.

По всей степи разбросаны остатки могил, сделанных прочно из выжженного и покрытого глазурью кирпича. Могилы эти заставляют думать по своей архитектурной замечательности, что в степях их был народ оседлый, знакомый в известном роде с искусством. Но, принимая в соображение страсть киргизов воздвигать молельни и строить курганы, более или менее затейливые и трудные, при их образе жизни и невежестве, можно полагать, что развалины зданий в степи есть тоже могилы или молельни. Вот примеры, подтверждающие это предположение.

Киргизы, киргизы<sup>\*40</sup> прошлого века непременно обязаны были место успокоения<sup>\*41</sup> какого-нибудь батыра озаменовать потомству или большой земляной насыпью, или стеною в виде крепости, или уступчатой башней. Все это они делали, смотря по средствам, из жженного или земляного кирпича. Громадность — эмблема могущества покойника. Подобные могилы попадаются повсюду в Большой орде. В наймановских родах делаются до сих пор.

Люди богатые выписывали из Туркестана мастеровых и платили им дорого за постройку монумента. Так строили Сюку (в Большой орде). Джантай, манап дикокаменных [киргиз], заплатил кашгарцу за постройку могилы четыре девятки<sup>29</sup> скота, сто баранов. Девятки состояли: 1-я — раб и 8 лошадей, 2-я — верблюд и 8 лошадей, 3-я — лошадь бегунец и 8 лошадей, 4-я — вол и 8 коров. Могила эта действительно сделана хорошо — имеет форму затейливую, вообще же напоминают развалины в степи. В степи развалин городов нигде не видно — отдельные кашены<sup>30</sup> (станы), находимые в степи, по форме своей не что иное, как могильный монумент. Знаменитый монумент Козу-Корпеч, по преданию, поставлен киргизами как могила.

|| На этом основании я имею повод думать, что развалины, лежащие в юго-восточной полосе степи<sup>31</sup>, суть только остатки могил — и от народа кочевого. Но не об этом здесь место говорить.

Могилы у дикокаменных [киргиз] вообще не так хороши, как у киргиз-[кайсаков]. Насыпи небольшие, несколько камней, просто палка, воткнутая в землю, показывает на место, как на последнее жилище человека. Могилы в виде стены по косоj ставке<sup>\*42</sup> кирпича скоро разрушаются и нет в них формы. Есть, впрочем, у дикокаменных киргиз несколько великолепных (в своем относительном роде) [могил]. Такова могила Нога я из рода салмеке в роде буту и сына Джантая из рода Атеке-сарыбагыша. Последний монумент лежит при устье Тупа (см. снимок). Она построена кашгарцем и потому дает понятие о кашгарской архитектуре могил. Могила эта выбелена очень складно, внутри имеет роспись разными цветами в восточном вкусе, кирпичи для здания нехорошо выжжены, без известки, почему оказались тре-

<sup>\*40</sup> Вероятно, следует читать: *киргизы* и *киргиз-кайсаки*.

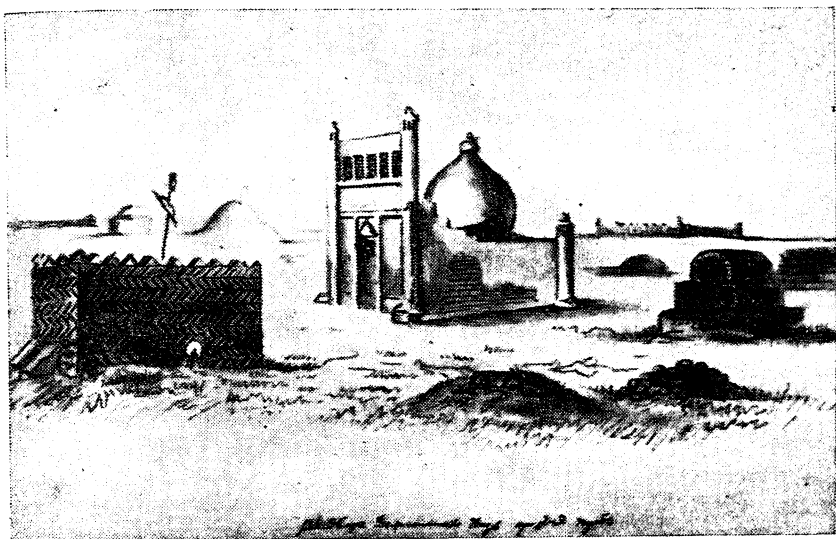
<sup>\*41</sup> То есть упокоения.

<sup>\*42</sup> То есть по фигурно-узорчатой кладке.

щины. На стене в [сооружении] № 1 сделаны воздушные окна [сетчатой] формы.

30 [мая.] Ночлег там же.

Мы ездили на устье Туупа и в заливах бросали невод. Взяли несколько штук мариинки, называемой киргизами карабалык, язей, называемых киргизами канылтер, подъязей и ча-



Киргизские кладбища на реке Тюп. Рис. Ч. Валиханова в тексте дневника. Карандаш и тушь. 1856 г.

баков (маленькая порода, попадающаяся в Иртыше). В заливах озера было так много рыбы, что дикокаменные киргизы [в] камышах рубили [ее] саблями и, в наших глазах карачевские<sup>\*43</sup> киргизы поймали таким способом несколько штук рыб. В этот день казаки делали новый большой невод. На берегу Туупа и самого озера было много мелкого черганака. Киргизы говорят, что несколько лет тому назад нельзя было проехать через эти леса. В озере водятся из птиц: утки, гуси, бакланы черные, маленькие и черная цапля-рыболов<sup>\*44</sup>. Бакланов киргизы называют караказ, а черную цаплю карабай. В моей юрте убили 3-х змей. Их много.

1 мая<sup>\*45</sup> я отправился в аул Буранбая с Казибекком. Аул его стоял, как говорили киргизы, на Джиргалане, верстах в 35 от нашего ночлега. Я проехал через брод Тууп почти при его устье и потом поднялся на возвышенную гряду Гасба, разделяющую

<sup>\*43</sup> От имени манана Чон-Карач.

<sup>\*44</sup> Ошибка. Имеется в виду черный аист.

<sup>\*45</sup> Описка, следует: июня.

долину Джиргалана от Тупа. Наконец, в полдень открылось перед нами течение речки и аулы в виде белых точек. Их было много. От киргиз, встреченных нами по дороге, [мы] узнали, что Буранбай уключивал дальше. || День был жаркий, солнце палило, как на экваторе, нужно было отдохнуть и при вечерней прохладе, как говорят казаки, по салкинчику отправиться далее. С этой целью



Рыбная ловля отряда на р. Тюп. Зарисовка карандашом  
Ч. Валиханова. 1856 г.

[мы] повернули в близкий аул. Хозяин аула, молодой человек, вышел ко мне навстречу и сказал, что он сын Буранбая, имя ему Килич (сабля). У Килича стояла палатка — мы поместились в ней. Нам, как почетным гостям, принесли чаю, заваренного с солью в кувшине, вроде калмыцкого затурану<sup>\*46</sup>. Потом подали кумыз. Мальчишки и киргизы со всего аула собрались около палатки в ожидании полакомиться бараньими костями, которые останутся после нашего обеда. Ожидания их были тщетны — я освободил хозяина от этой миссии, да и обедать было не вовремя. Надо сказать, что женщины вообще нас боялись и долго не выходили из своих юрт, только при отъезде нашем показалась молодая баба в полосатом бухарском халате и девка в белой рубахе (это заменяет платье) и в красной остроконечной шапке с кисточкой. Впрочем и они скоро скрылись. По свидетельству киргиз, у них, как известно всем бывшим [в] степи, взор быстрый и дальновидный (в буквальном смысле); баба была очень недурна собой, но

<sup>\*46</sup> *Затуран* — калмыцкий чай с мукой.

очень худа, а девка, говорили они, была вполне красавица — разумеется, в их вкусе. Красота женщины у киргиз состоит: в округленности и степени полноты тела, в лунообразном шаровидном овале лица и в красноте щек, которые поэты их сравнивают с кровью, упавшею на белый снег.

Поехали дальше: на дороге попадались беспрестанно аулы, но живого существа нельзя было видеть, все бросались в юрты с криком: Урус! Урус! (русские, русские). Чтобы отстранить подозрение и завлечь любопытство ирекрасного пола, я предложил нашим киргизам затянуть киргизскую песню и сам оделся киргизским с а л о м (франтом). Уловка эта, действительно, увенчалась полным успехом; все бабы посыпались из юрт, даже одна из них затеяла похоронный плач, адресуя нам, как к правверным.

У дикокаменных киргиз, как и у наших, жена должна в продолжение года оплакивать с криком смерть мужа. Когда проезжают мусульмане, словом свои, они должны петь. По расспросам мы узнали, что плакальщица липилась в сарыбагышском деле мужа; черный флаг, повешенный на юрте, указывал на это событие, указывая также на степень лет, возраст покойника. Если на юрте развевается какой бы ни было флаг, вы должны понять, что юрта эта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный — умерший был молод, черный — средних лет, белый — старик. У нашей аяч (дикокаменная женщина) муж был средних лет. || Мы остановились и слушали элегию дикокаменной матроны. Слов мы не могли расслышать, только по временам крики «ох!» и «коки!» доносились к нам ясно. Один киргиз, бывший прежде в этой орде, сообщил несколько стихов, слышанных им прежде, и по ним мы могли заключить о характере этих песен...<sup>\*47</sup>

Общий характер плача<sup>32</sup> — жалоба богу, что с ней будет, и обращение к покойнику с вопросом, кто будет исполнять ее обыденные и естественные нужды, кто будет шить сапоги, кто будет с ней разделять просяную кашу и так далее...<sup>\*48</sup> С окружавшими нас киргизами мы вступили в разговор. Узнавши, что я сам киргизский султан и потомок ханов, они сделались доверчивее, а пожилые аячи с участием смотрели на мое худое тело и безумяное лицо и выводили резонные заключения, что я, бедняжка, наверное, скучаю по матушке, и очень сожалели, что такого мальчишка, как я, в такой дальней стороне, кто может приголубить, кто может очищать его белье от докучных чужеядных насекомых. Последние наивные их слова меня рассмешили. «Что за добрые и простые люди!» — думал я. Одна старушка принесла мне в чашке кумысу. В взоре и в словах [ее] было так много

<sup>\*47</sup> Слова, неудобные для печати, опущены.

<sup>\*48</sup> В рукописи оставлено место, очевидно, для киргизского текста.

истинной доброты и участия, что я разом осушил чашу, чтобы только сделать ее довольной.

В следующем ауле уже нас ожидали. Несколько мужчин встретили меня с приветствием «аллаяр»<sup>\*49</sup>, как султана, и объявили просьбу, которая меня сначала поразила.

— У нас есть одна несчастная аяч,— говорили они,— одержимая джи нами (бесами), мы слышали, что белой кости человек может их выгнать.

— Как же я выгоню этих господ?— сказал я.

— Очень просто,— объявили киргизы,— надо бить плетью нещадно нечистую храмину (под этим именем разумели субьекты, тело больной) и все джины уйдут.

Как я ни старался уверить просителей, что все это вздор, никаких бесов нет, что она больна, ее надо лечить не побоями, а душевным спокойствием, но все это было попусту. Киргизы с неудовольствием отошли, как бы подозревая меня в жестокости: человек одним ударом может изгнать бесов и не хочет. Делать было нечего. Я рекомендовал им одного киргиза, как султана, своего брата. Рекомендованный батыр быстро помчался в аул с поднятой нагайкой, приняв марсовский вид. Несколько баб держали несчастную жертву. Киргиз с криком бросился на нее и с особенным удовольствием начал свое дело. Несчастная начала визжать и при большом усилии вырвалась и бросилась бежать в юрту. Ее опять схватили.— Бей, бей!— кричала мать.— Бей!— повторяла толпа. Я не мог вытерпеть, подъехал сам к бедной аяч и запретил киргизу его лечение. *Comme de raison*<sup>\*50</sup>, что родные больной || были недовольны моим вмешательством. Злобные взгляды всех устремились на меня. Только сумасшедшая, увидев во мне спасителя, бросилась на шею, называя меня разными нежными названиями:

قالقالاين اكاكاي، الدينكنان كيتاين اكاى\*<sup>51</sup>

Когда все успокоились, я стал рассматривать больную. Ей было, по-видимому, не более 15 лет, хотя двухрядная коса говорила, что она замужем. Она была очень и очень хороша. Большие черные глаза с особенной болезненной живостью блуждали во все стороны, как бы ища кого. Лицо было бледное и худое. При всем этом она была очень хороша. На ней не было вовсе платья, кроме дырявого халата в накидку и исподнего платья. Я пробовал с ней говорить, но на все мои вопросы она отвечала отрывисто — одними именами: «Джамбек! Чон-отец, Кара-джан» — и пр. и потом, боязливо указав на одного молодого

<sup>\*49</sup> *Аллаяр* — форма обращения простого люда к хану.

<sup>\*50</sup> Само собой разумеется (*франц.*).

<sup>\*51</sup> Да буду я сенью твоей, дяденька, да умереть мне раньше тебя, дяденька!

киргиза, прибавила: «Мое зеркало... он изломал... воротник разорвал...» и, сказав это, с особенной поспешностью спрятала свой головной платок, озираясь, чтобы никто не заметил. По дальнейшим расспросам [я] узнал, что имена, которые она говорила, суть имена ее родных. Замужем она год, и муж ее — молодой киргиз, тот, на которого она указывала пальцем. Тогда все стало ясно. Муж ее бил, разбил у нее зеркало, разорвал рубашку. В доме родителей она была единственная дочь, следовательно, любимица отца и полная госпожа своих прихотей. От жестокости мужа, от деспотического обращения она помешалась на прежней своей свободе. И вот причина, почему она все называла их имена.

Уверив ее и родных, что она теперь будет здорова, мы уехали дальше, наказав мужу не ломать более зеркал и не рвать рубашек, если он хочет видеть жену здоровую.

На месте, где указали нам аул Буранбая, мы [его] не нашли. Долго блуждали, сделали верст 40 лишних и только к вечеру попали на пастуха, который и привел нас в ущелье, где на самой высоте на снежной линии [мы] увидели вечерние огоньки киргиз. Нам поставили юрту, дали чай и в заключение закололи барана. Через несколько времени явился сам Буранбай и после обычного приветствия начал общий разговор о сарыбагышах — у кого что болит, тот о том и говорит.

|| 2 июня. Аул манапа из рода бугу Буранбая Бекмуратова при урочище Тулпарташ.

Юрта поставлена была для нас на возвышенном месте, почему и утром мы с высоты начали наблюдение. Внизу в долине были рассыпаны дикокаменные аулы. Обычного шума и лая собак и движения, как бывает в киргиз [кайсацких] аулах, не было — все было чинно и мертво. Низкие юрты стояли отдельно на определенной дистанции, образуя в совокупности круг. Внутри аула, и середине его, были привязаны жеребята<sup>52</sup> и доили кобыл, там же бродили коровы и бараны [...] Около юрт сидели несколько женщин и варили курт<sup>52</sup>. Я хотел видеть юрту самого манапа. Буранбай сначала отговаривался, говоря, что его юрта мала, что все его имущество разграблено сарыбагышами, но неотступная молитва<sup>53</sup> моя победила его упорство. Буранбай согласился и просил дать несколько минут на приготовление. Наконец нас позвали. С большою осторожностью я спустился на подгорье и счастливо добрался до буранбаевской орды.

При входе моем сидели в юрте несколько киргиз. «Удакоб!»<sup>54</sup>! اودا قوب! — крикнул хозяин, и сидевшие встали. Я прошел на почетное место юрты. Madame, пожилая женщина с длинными зубами (так что губы при всем с ее стороны успели не

<sup>52</sup> Курт — сыр.

<sup>53</sup> То есть мольба.

<sup>54</sup> Встань разом!



Семья кыргызского манана Буранбая. Акварель художника П. Кошарова.



могли их закрыть), в пестром халате сидела на бараньей шкуре, заменявшей ковер. Руки у ней были грязны и остатки только что подобранного волоса и шерсти свидетельствовали о предшествовавшем нам занятии этой почтенной жены — она плела аркан. Я сказал ей несколько приветственных слов, осведомился об ее драгоценном здоровье и о благополучии скота — на все это она отвечала киванием головы и при каждом кивке обнаруживала полный ряд длинных зубов. Зубы выказывались, очевидно, против воли почтенной аяч, она совсем не была расположена к скаланиям, ибо беспрестанно подносила рукав халата к губам, чтобы скрыть неизбежный показ зубов. Заметив, что вопросы мои причиняют много беспокойства, я оставил мамаше в покое и начал осматривать юрту. В юрте ни кровати, как у наших киргизов, ни сундуков, ни ковров, словом ничего, кроме груди кошмы, не примечалось. Направо от дверей была перегородка из чья. Около стены юрты не было правильно сложенных сундуков, покрытых ковром, как у киргизских султанов. Наместо их лежала грудa войлоку. Несколько подушек, покрытых китайкой, были брошены на них, как бы напоказ. Подо мной только был один ковер, впрочем очень недурной. Огонь теплился в юрте и около стоял очаг, два чугунных кувшина с водой. Между тем хозяйка достала из сумки вроде нашего sac-voilage\*<sup>55</sup>, сделанного из телячьей кожи, две китайские чашки[и] налила кумыз. Киргиз-прислужник принял напиток и, выпивши сам, поднес одну чашку ко мне,<sup>34</sup> другую — самому Буранбаю. Один из наших киргиз Большой орды вынул табак. Хозяйка, увидевши табак, оскалила десны и протянула руку, не говоря ни слова. Киргиз наш очень вежливо поднес ей рог и вытряхнул на ладонь порядочную горсть табаку.

По приходе в мою юрту я приказал оседлать лошадей, чтобы ехать назад: цель моей поездки — видеть дикокаменных киргиз — была достигнута.

Буранбай был особенно предупредителен при отъезде. Я его расспрашивал о родах, о манапах, и он заключил, что все это делается по повелению белого царя для дачи им наград. И, действуя под этим впечатлением, почтенный манап предложил мне, как подарок, лошадь и кусок шелковой материи, говоря, что отпустить гостя без о з н а м е н о в а н и я — дело нехорошее. Я его уверил, что и без подарка я уже достаточно ознаменован и что его гостеприимства никогда не забуду — буду хранить в сердце. Мы простились добрыми друзьями, хотя через два дня после возникли недоразумения, ненормальные в отношениях не только друзей, но вообще знакомых людей.

|| Я выехал от Буранбая в самом благоприятном расположении духа. Расположение это тем более поддерживалось, что обитатели попадавшихся аулов оказывали [нам] внимание, особенно

\*<sup>55</sup> Дорожный мешок, саквояж (франц.).

женщины — они были очень благосклонны. Ничего нет без исключения — истина справедливая. При всем том, что я уже сказал о дикокаменной аяч, был один случай, выходящий из общей колеи. Я, в припадке мании к прекрасному полу дикокаменной орды, имел неосторожность через верх юрты заглянуть в индерун<sup>\*56</sup>, откуда прежде смотрели на нас черные глаза, при-



Уч аяч (женщины псык-кульских киргизов). Рис. карандашом Ч. Валиханова 1856 г.

надлежавшие, по моим расчетам, непременно хорошенькой аяч. Я не обманулся. В юрте действительно сидели две молодые бабы, недурные собой, но одна из них, к великому ужасу, удивлению или радости моей, не знаю, была во всей натуральной красе. Comme de raison, что пойманная аяч устыдилась очень и очень, только не совсем. Не в порядке вещей было то, что она, оправившись от первого испуга, начала меня бранить и бранить страшно... Мне суждено было глотать камни, глазам предназначено искривиться, в довершение всех бедствий, долженствующих обрушиться прямо на мою голову, она назвала меня курносым казаком! (манка казак). С одной стороны, хотя я имел порядочную печаль, было горько, с другой — я был рад, что удалось разом познакомиться с изощренным словарем ругательств, и было стыдно, что все это слышал из прекрасных уст дикокаменной красавицы. Нечего говорить, что после таких комплиментов

<sup>\*56</sup> *Индерун* (эндерун) (перс.) — внутренняя, женская половина дома.

5 оставаться дальше не приходилось. Мы поехали дальше. Следы неприятностей от столкновения с крикливой марджой в следующем ауле совершенно изгладились, даже забылись. В ауле уже знали, что я киргизский султан. Дочь одной почтенной старушки была в замужестве за киргизским султаном наймановских родов. Так как здесь считают всех султанов почти за одно лицо, то и весь аул ожидал нас с нетерпением, чтобы узнать о судьбе своей родственницы. Я считал за нужное объявить себя не только знакомым этого султана, даже его родственником, и на вопросы их отвечал положительными фактами, выставляя их родную как любимую султаном ханшу. Говоря эту невинную и утешительную ложь, я имел в виду благое намерение сблизиться с народом и приобрести их родственную любовь. Ответы мои на некоторые чрезвычайно трудные вопросы, как-то: как зовут султаншу, сколько у нее детей, были так согласны с имеющимися у них сведениями, что я сам удивлялся своим надувательным способностям. Нечего говорить, что я сначала ловко выведал все им известное и дал уже ответы, сообразуясь с ними. Как бы то ни было, юрта, где я сидел, наполнилась молодыми и старыми бабами, и начался между нами доверительный разговор. Мы шутили с молодыми аяч и они, аячи, в ответах своих обнаружили неожиданную развязность и остроту. Вообще женщины дикокаменные смеют много прекрасных сердечных качеств и, проживши несколько дней, можно было бы с ними познакомиться коротко. Все рассказы о неприступности дикокаменных женщин были преувеличены: по крайней мере три наши молодые собеседницы были слишком добры, так добры, что отказов ни в чем ожидать от них было бы грех. Кроме того, я в виде испытания пробовал у Буранбая в ауле завести интригу и то через человека (как это делается у киргиз) и получил благоприятный ответ. Время не дозволило мне им воспользоваться.

Имея полную коллекцию разных женских костюмов, я начал их рассматривать. Дикокаменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы<sup>\*57</sup> без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат такого вида и покроя, как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего [цвета] (который есть траур). Разница костюма и туалета замужней женщины от девки состоит только в головном уборе и в уборке волос. Женщины наворачивают на голову два белых платка, один около щек, другой на голову в виде чалмы. Девицы же носят остроконечный белый фес с маленькой кистью. Волосы же женщины заплетают в две косы, концы их соединяют в одну тонкую прядь и убирают монетами, ключами, занкирами<sup>\*58</sup> и другими подручными веща-

---

<sup>\*57</sup> *Даба* — хлопчатобумажная ткань ручного производства разных расцветок.

<sup>\*58</sup> *Занкиры* — побрякушки.

ми. Девки расплетают волосы на множество тонких прядей, убирая их около ушей жемчугом, кораллом или бусами, смотря по средствам. Длина волос считается первой красотой, почему все женщины носят фальшивые косы. Натирания и другие косметические прикрасы в большом употреблении. Говорят, что в прежние годы девицы носили корсеты (затягивали [ими] груди),



Женщины исык-кульских киргизов. Рис. карандашом  
Ч. Валиханова. 1856 г.

называемые кокузбек *كوڭزبك*. Носили также нагрудники, убранные жемчугом, монетою. Называют их алатамак. Все это было в старину. || Молодые бабы в торжественные случаи носят саукалу<sup>\*59</sup> — белый головной убор.

Внимательность аячей по выходе из их аула вызвала от наших киргиз много анекдотов, уморительных по языку. Один господин рассказал, как бываюг застенчивы дикокаменные девицы на *tendes-vous*<sup>\*60</sup>, добровольно назначенных. На все ваши ласки они непременно должны отвечать с видом неудовольствия [...] <sup>\*61</sup>.

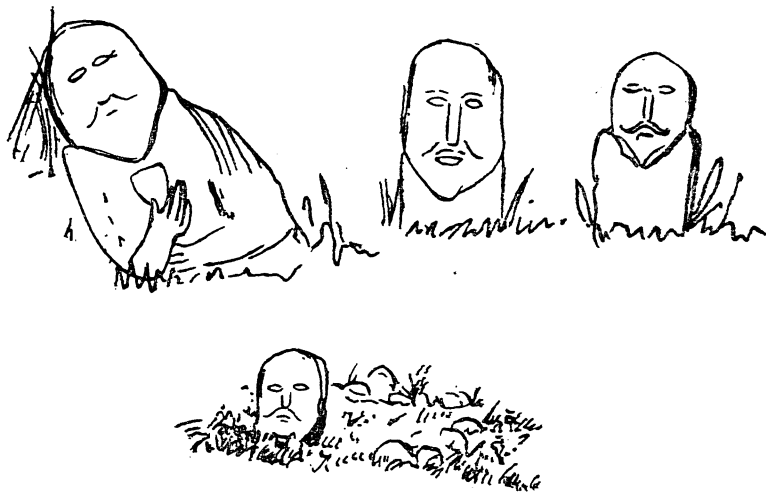
<sup>\*59</sup> Саукала (саукеле) — свадебный головной убор невесты, вышитый шелком, украшенный драгоценностями, серебряными и бронзовыми подвесками.

<sup>\*60</sup> Свиданье (франц.).

<sup>\*61</sup> Слова, неудобные для печати, опущены.

3-е июня ночевали в ауле дикокаменных киргиз рода джелден, у подножия Эмена. Случилось одно неприятное по последствиям происшествие.

Вечером 3-го числа я остановился на обед у старого знакомого Клыча. 4-го вечером приехали в отряд, расположенный на новом месте на реке Кудурге, проехав по прежней дороге через Тасму и Тул.



Каменные изваяния на северном побережье Иссык-Куля. Рис. карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.

Тасма — гряда гор, разделяющая долину Джиргалан от долины Тула. Речка эта берет начало из горы Сырт, из которой и Тул, только из южного склона. Течение имеет довольно быстрое, при исходе из гор не имеет даже брода. Берега ее покрыты ивой, жимолостью и другими кустарниками. В Джиргалан впадают справа из горы Санташа речка Кизлкия, слева с Алатавских гор — речка Турген-Аксу, другие мелкие ключи не имеют известного названия. В горах растительность богата, склоны их покрыты еловым лесом, всюду и по Терескею леса эти идут до речки Тычкан. По Тасме растет кипец, трилистник, четр и юсан. На Тасме видны следы древних арыков, валов и рвов. Киргизы говорили, что по всему протяжению Тасмы идет след арыка, по преданию, сделанного калмыцким ханом Бака-Манджу. Тасма мысом вдается в озеро. Мыс этот называется Коке-Холасун. По ту сторону Джиргалана, при его устье, стоят две сопки Буручучо. Из них в устье Джиргалана впадают три ключа, называемые Уч-Джергеч.

От нашей стоянки при последнем Чаты и Карабатпаке далее в недалеком от него расстоянии текут два ключа, называемые Сарыбулак; местность от Сарыбулака до речки Курметы камениста, повсюду лежат огромные куски камней. Тут я нашел вошедших вполтину в землю баб (камни с изображением человеческого лица). Удивительно было, что на месте их нахож-



Истоки реки Курметы. Рис. художника П. Кошарова.

дения не было кургана, как это попадает в Малороссии, Сибири. Не определено до сих [пор], что означали эти бабы и кем поставлены<sup>35</sup>. Виденные здесь мною изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип.

Растительность этих мест была очень слаба. Зато за Курметы к реке Ишаната (ایشان اتا) корма были очень богаты. Здесь я видел и белек. Ишаната есть собственно название основной рощи при устье реки. Так как на озере нигде нет осинового леса, то в роще этой видели сверхъестественное явление, называя святыней. Все ветки были убраны жертвами, доскутами от платья и конским волосом. В долине реки Курметы происходила знаменитая свалка сарыбагышей с бугу. Аул первых был под святой рощей, а бугинцев — на Сарыбулаке, посему причиной своего поражения бугу считают пристрастие святой рощи к своим соседям. На берегу Ишанаты много земляных насыпей, курганов. Заливы озера при устье Сарыбулака и Курметы, про-

токи, соединяясь, образуют полуостров, имеющий сообщение с долиной через малый перешеек. Остров этот называется Карабулун, он считается неприступным. Между Ишаната и Кудоргой лежит маленький ключ, называемый К а р ы н д ж а р д ы - б у л а к. Кудоргой называется тоже мыс, вдающийся в озеро по правому берегу речки. Здесь отряд имел ночлег.

2 июня. Дневка тут же. День троицы.

На пройденном нами пространстве лежали через горы следующие проходы — асу: первый — проход К у р м е т ы, образует река Курметы, впадающая в озеро Иссык-Куль. С северного склона этой же горы течет другая речка, называемая также Курметы. Она впадает в Чилик, и потом через проходы речки Джиничке на проход Кзлауз, на Асы, а там по Тургену на долину 16 об. Или. || Кудорге имеет также проход, но неспособный к другим переездам, только к проходу барантовщиков. Курметы же один из лучших проходов в Алатавских горах. Через него идут даже караваны.

4-го [июня]. Отряд двинулся далее через три ключа, называемые Урукты, и стал на Третьей. Дорога от Карабатнака через все речки удобна к езде всякого рода, даже колесной. Долина Кунгей от Сарыбулака постепенно заметно суживается и имеет ширину верст на 5. В верховьях этой Урукты, при самом выходе ее из гор, стоят остатки древнего кургана. Курган этот сохранился еще заметно. Он имеет в окружности [около] квадратной версты; окружен тремя стенами — внутренние выше внешних и имеют возвышения вроде бастиона; на углах ее<sup>\*62</sup>, обращенных на ЮВ, стоит большое возвышение вроде тех, какие ставят калмыки для караулов. Следы здания видны везде. Немного ниже лежат к у р г а н ы еще древнее по виду и имеют ширину на в е р с т у. В реке мы нашли чугунный котелок.

Ниже Третьей Урукты лесов хвойных вовсе нет. По всей долине до Кутимальдов лежат камни, затрудняющие не только колесную езду, но даже лишаящие ног лошадей. Чтобы поставить лодки, мы возвратились к 5-му июля на Первую Урукту, где жил я до 12 числа. Байсерке с сарыбагышами отправился с Третьей Урукты.

17 об. || Числа... июля я решился оставить Иссык-Куль. Все, что нужно было мне видеть и знать, уже было кончено. Дело же сарыбагышпей пошло в долгий ящик.

Простившись с добрыми сотоварищами по походу, я поехал обратно, имея в виду опасный и трудный проход Чаты. Через хребет Кунгей-Алатау, как вам должно быть известно по дневнику, существует много проходов. Самый важный и удобный для езды всякого рода — это Санташ. По нему проходят караваны. Все другие способны только к верховой езде. В проходах этого разряда, нет сомнения, Чаты занимает первое место; второе —

<sup>\*62</sup> То есть стены.

Курметы, Байсорн и Каскелен. Чаты открыт во все времена года, даже и тогда, когда в обильную снегом зиму и Санташ делается непроходимым. Курметы, Байсорн и прочие открываются только в августе, когда снега горных глетчеров начинают уменьшаться. Они тогда бывают гораздо удобнее Чаты. А потому я решил ехать через Чату, тем более решил, что он есть



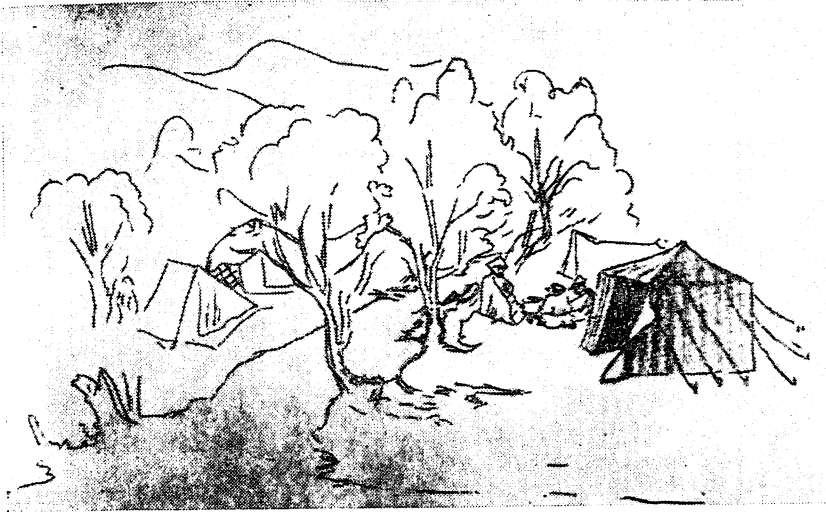
Стоянка отряда на Уч-Урукты. Зарисовка карандашом  
Ч. Валиханова. 1856 г.

самый опасный и трудный. В качестве туриста я искал приключений. Проехали обратно по пройденной прежде дороге до впадения Чаты в Туп без приключений, только убили змею на Кудорге и затравили кабанов при Курмете. Земляные курганы, о которых [я] уже говорил, лежат по левому берегу Ишаната, а бабы — как между Ишаната и Курметы, так и до Сарыбулака: места эти — самые обильные остатками прошедшего. На этих местах есть могилы или насыпи 4 родов<sup>63</sup>, по-видимому, разных времен: 1-я — это холмистые насыпи, затем были современные им, конечно, могилы в виде четырехугольника. Ряд камней торчит из земли в виде столпа в форме четырехугольника. Они уже совершенно заросли, но видны следы. К стороне, обращенной на восток, стоят большие камни, в некоторых же и к парадной стороне также. Затем следуют могилы, насыпанные из кусков гранита и других камней в беспорядке. Вход в ущелье Чаты сначала очень обширен, и подъем не крут. Мы шли вверх по Чаты в направлении на NS<sup>\*63</sup>, до впадения притока в Чату, потом повер-

\*63 Описка, следует: NO — северо-восток.



нули на N, сделав несколько подъемов, пошли на NS<sup>\*64</sup>, потом на N, и поднялись на снежный верх гор. При самой || подошве гор, на каменистом грунте, растет кипец, юсан (полынь). С подъемом вверх растительность делается разнообразней. Разные широколиственные растения, зонтичные, полузонтичные и мелтечатые стебли только начинают подниматься и цвести. Все

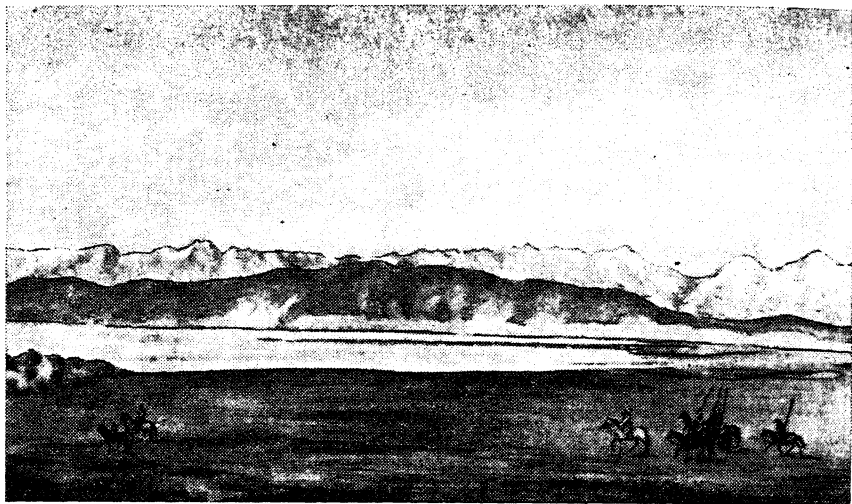


Стоянка отряда на р. Тюц, походная палатка Ч. Валиханова. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

это густо и передегупывает ноги лошадям. На нижних горах растут разные кусты шиповника, жимолости, сарыагача, но в незначительном количестве, только ель растет «изрядно». Постепенно же с подъемом выше растительность начинает редеть: только один вереск густо покрывает верхи, почти до снегов, распространяясь на северном склоне по преимуществу. На самом же верхе лежат снега, и в местах, обнаженных только что, начинают пробиваться листья и там же на северном — цветы вроде астры, лук и одуванчик. Когда по снегу, которой был еще так крепок, что поднимал нас с лошадьми, мы вышли на самый верх, воздух был здесь заметно холоден, ветер резок, так что я надел на себя шубу. С высоты открывался вид на озеро Иссык-Куль. Озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое зноепалющее солнце бросало на долину круглообразные от облаков тени. Мы же стояли на вершине, где было тепла не более как на 6 или 7 градусов.

\*64 Описка, следует: NO — северо-восток.

Обыкновенная дорога, вследствие бывшего перед нами в горах снега, была закрыта, и мы шли по крутому кряжу гор, рискуя изъязном шеп. Мокрая от снега земля была скользка, лошади наши катились по ним, скользили, бросая копытами в овраг камни, которые с шумом катились вниз, следуя по всем ложбинам и, не переставая катиться, терялись из наших глаз. Казаки должны были спешиться, между тем как привычные киргизы спокойно,



Западная оконечность озера Иссык-Куль. Рисунок топографа М. Сироткина.

бросив поводья, напевали песню. Несколько раз падали и скользили лошади... Казалось, вот покат[ятся] вниз, но благодаря алаху скоро оправлялись и шли далее. Круглые  $1\frac{1}{2}$  часа мы перебирались по этому кряжу, и, наконец, попали [на] прежнюю дорогу и стали спускаться. Спуск гораздо круче и более неудобен, нежели подъем. Если б не болотистый грунт земли, по которому мы, увязая, с трудом шли вверх, то даже колесный экипаж можно бы поднять вверх. Снег лежал более на северном склоне, но, несмотря на это, растительность здесь начинается в параллели выше, чем на южном. Спуск идет по течению всей Чаты, она здесь, соединяясь с притоком с левой стороны, делалась более обширною и, протекая по узкому проходу, была довольно быстра. Начались еловые леса, и растительность начала разнообразиться и густеть; только дорога, следуя по одной буквально тропинке, сделалась более неудобной. В некоторых местах крутые горные дефиле так близко сжимали речку, что мы должны были идти [по] руслу реки вниз по течению, имея до колен воду. На дороге всюду лежали наклоненно срубленные деревья, и под ними мы

18 об. проходили, как под яром, ложась на гриву ковы. Далее тропинка поднялась выше. || Внизу, саженях в 30, бурно катилась свои волны Чаты, вверху громоздились гранитные обнаженные скалы, местами покрытые елями. Кстати, основная порода Алатауских гор есть гранит: красный, серый и белый. На северном склоне по течению Чаты является порфир и аспет<sup>\*65</sup>. Мы приближались к самой трудной тропинке, которая должна была идти по самому краю отвесного обрыва саженей на 40 высоты. Еще не доходя до страшного места, случился со мной казус. На дороге лежала огромная еловая колода. Я пришпорил лошадь. Лошадь поднялась на дыбы, но задела копытом дерево и упала. Силою падения меня выбросило в сторону, и я стал на ноги. Лошадь же, потеряв равновесие, рухнула вниз по обрыву, я только мог услышать глухой рокот и только увидел свою лошадь в реке, где между камней торчала голова и седло. К счастью, обрыв был отлогий, и лошадь, покотившись на 30 саженей, осталась жива. Случай этот имел свою хорошую сторону — нет худа без добра, за мной он упрочил в мнении киргиз смелость и ловкость. И так лавируя по тропинке, [мы] дошли до знаменитого обрыва. По убеждению киргиз и по внушению рассудка, мы сошли с лошадей и прошли пешком. Это место — огромный гранитный утес, вдавшийся навесом в реку. Тропа лежит на самом обрыве, налево же поднимается другой утес. Несмотря на эту трудность. Чаты есть самый любимый проход. Со времени 1-го прохода Атеке тут не было несчастий. В переходе Атеке один мальчик с лошадью, говорят, упал в обрыв, но на полете платье его зацепилось за ель, и он благополучно висел до тех пор, пока не сняли его арканом. Зато много верблюдов и богатства погребено в пучине Чаты. По обрыву, не менее опасному, но несколько отлогому, шли мы долго, до полуверсты, пока не выбрались на склон его по Чилику, где гора, освободив реку из своих гранитных объятий, дает [ей] маленький простор. До этой долины, где берег речки уже покрывается ивовым лесом, мы все шли между еловым лесом. Урочище Тогайлы — мы тут ночевали — есть место зимовок кзылборкского отделения рода адбан. Далее дорога была безопасна и мы, вышедши из опасности, и после...<sup>\*66</sup> езды верст 80, с отсутствием прежде аппетитом, напились чаю и проспали таким сладким сном, что никогда его не забыть.

13 июня. Мы поднялись по направлению на СЗ через маленький<sup>\*67</sup> кряж и, прошедши верховье Чилика при самом его сгибе с запада на север, поднялись на плоскую, горную возвышенность Джаланач, которая составляет удобное летнее кочевье — джайлау. Подъем на эту гору невозможен для колес по своей крутости. В этом проходе есть сколочная [?] пещера, как

<sup>\*65</sup> Неточно, по-видимому: *аспид*.

<sup>\*66</sup> Слово не разобрать; возможно: *быстрой*.

<sup>\*67</sup> Можно прочесть также: *оголенный*.

[бы] сложенная рукой человека. Асу называется...<sup>\*68</sup> по имени одного охотника, который первый зимовал в числе трех путников при этом ущелье.

|| Оленей, архаров, серн и другой дичи здесь было, говорят, несметно и, действительно, валяющаяся здесь на каждом шагу пададь этих животных свидетельствует эти данные. В этих горах



Вершина Алатауских гор и Терской Алатау. *Акварель. Рисунок Ч. Валиханова. 1856 г.*

стояли адбанские роды айтбозум. С верха этих гор открывается вид на все окрестные взгорья. С запада на восток, и огибая там Джаланач и направляясь на север, течет Чилик. При Джаланачском асу впадают в Чилик Асы<sup>\*69</sup>, Кулдыбулак, Курметы и к западу другие известные реки. Горы же Джаланач, составляя отрасль Алатавских гор, разветвляются от высшей точки гор, откуда текут Чилик, Джиничке и Асы. Джаланач лежит между верхним течением Чилика и Джиничке. Северный склон его, имеющий маленькое разветвление, идущее параллельно и соединяющееся с Джаланачем, называется Аркалык. Между Джиничке и Асы идет хребет Первый Асы, восточный конец его при впадении Джиничке в Чилик называется Бакалы и есть лучшее теплое зимовье (см. Дневник, стр. первая, Чилик). От

<sup>\*68</sup> Оставлено место, очевидно, для названия.

<sup>\*69</sup> Описка: р. Асы впадает в Чилик слева при выходе его из гор в долину Или.

Джиничке к горам Асы местность возвышается и прорезывается ключами, которые, имея перпендикулярное течение, под прямым углом впадают в Джиничке. Они называются Учбулак. Асу через три Асы называется Кзылауз. При Кзылаузе и далее до реки Асы стояли аулы. Киргизы здешние не менее дикокаменных киргиз боятся русских. Дети и бабы поднимали вой при нашем приближении. Асу этот возможен для колес. После спуска с гор открылась маленькая, узкая, верст на 20 длины и 6 ширины долина. Вся она была покрыта аулами дулатов. По северной окраине долины Текасу, посредине дола стояли две сопки, почему и называется она А р а л т о б е.

В этот день, сделав опять около 80 верст, мы ночевали у с у л т а н а А л и, у мужа zelo глупого. На другой день, поднявшись на гору через асу Тургена, имея направо гору и асу, называемые Кумбель, потом по течению речки прошли на Иссык, где я и ночевал у киргиз-хлебопашцев.

Иссык имеет при выходе из гор водопад. С верховьев Тургена места делаются более теплыми и более растительными. На берегах Тургена начали попадаться осина, тал, яблони, крушина, урюк, смородина, тополь, клен, сарыгагач, даже наши зеленые березы. Когда же спустились на долину, то растительность была так густа, что препятствовала [ходу] лошадей, и трава доходила до колен.

В верховьях Талгара мы видели остатки кургана, называемого киргизами Рустемовским. Курган этот был в свое время очень крепко, даже в настоящее время в него есть только два входа. Он имеет три крутых и глубиною в 6 саженой рва. Пляц, на котором стоял курган, возвышен от земли на 8 саженой. Во рву и на пляце растут во множестве яблони, барбарис и другие кусты. Все пространство, по которому [мы] ехали, и до подошвы гор было [занято] аулами. Дулаты, чапраштинцы, как и дикокаменные киргизы, при нашем появлении бросались в горы — должно быть, казаки дали им хороший урок.

Около Талгара на долине много курганов, насыпей и киргизских пашен.

19 об. || 15 июня вечером приехал в укрепление Верное. Здесь [я] узнал, что от сарыбагышей сарты требуют за выкуп Умбет-Али его дочь, и с этим требованием 300 сипаев\*70 находятся там. Часть сарыбагышей уючевала поэтому на Козубаши, что от Верного на 2 дня езды.

16 числа [июня] выехали в обратный путь. К Заплийскому пикету растительность принимает совершенно степной характер. Юсан, ибелек, чий растет во множестве, дикая розь, я р и ц а. Мак был уже в отцвете. На дороге попался нам караван — около 100 верблюдов. В первый [раз] караваны идут по этой дороге. Причиной тому было беспокойство и боязнь от аргынов.

\*70 *Sinai* (перс.) — солдат, воин.

В долине Семиречья везде встречается известная пестрая порода соек [?]. На Иссык-Куле и в горах их вовсе нет.

На Илийский пикет приехали к утру и поехали на Тамгалыя р. День был жарок (как обыкновенно бывает здесь всегда). Проездив целый день, измучился донельзя; только к вечеру приехали назад. Ниже впадения Талгара, где стоит пикет, ниже Кас-



Водопад на реке Иссык. Рисунок топографа М. Сироткина.

келена берега Или возвышены, скалисты, места эти называются Кабчагай\*<sup>71</sup>.

По Или растительность бедная, всюду пески. Растет ибелек, ярица, бурьян, чертополох, кизилча, чий, местами кипец. Вода в Или иловата и неприятна. У китайцев существует предрассудок, что вода Или вредна и от нее будто бы худеют. Зато вода реки Дорджи (называемой киргизами Чучкалы) считается за целебную, и все чиновные китайцы города Кульджи пьют эту воду.

18 июня проехали под вечер через Чингельды, где [я] осмотрел водопровод и взял от него трубу. Проехали ночью пикет Карачокинский, не доехав 5 верст к которому находится един-

\*<sup>71</sup> *Кабчагай* (капчагай) — теснина, узкое место.

ственное месторождение известного здесь камня калыпташ<sup>\*72</sup>. Место имеет в окружности несколько сажен. Нынче открыли красный и серый калыпташ. Проехали Куянкуз и к утру приехали на Алтын-Емель. Алтын-Емель название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена: Цаган-Бугу (белый олень), Чольтепе<sup>\*73</sup>, Лабасы и проч.



Укрепление Верное. Рисунок художника П. Кошарова.

Рассказывали киргизы мне предание, желая объяснить происхождение [этих названий]. Хонтайдзи выехал на охоту и стал с беркутом на возвышенной точке Алатау, при верховьях Талгара, при Тавчоке. Беркут стал рваться, увидев барана (точку). Хан пустил [его] и на Тулпаре (баснословный по быстройоте конь) следовал за ним. Беркут на Цаган-Бугу взял белую лань, на Чольтепе — козла. В этот чабу лошадь хана перескочила через Или и задела копытом воду. Хан заметил это и изрек: «Этот ручей надо взять к сведению». || Рассказчик говорил мне, что на Тавчоке сохранились следы чародея хонтайдзи и громадные шахматы его валяются до сих пор.

Из Алтын-Эмеля, узнавши, что Тезек стоит аулом при Крунбеле, недалеко от пикета Терсаккан, поехал к нему.

<sup>\*72</sup> *Калыпташ* — камень, употребляемый при изготовлении форм для отливания пуль.

<sup>\*73</sup> *Чольтепе* — название тюркское.

В первый мой проезд от Алтын-Эмеля до Или вся степь была покрыта красным маком. Теперь же цвет этот был в отцвете, зато ярица, ковыль ибелек, чатыр были в росте. От Илийского пикета к Чингельдам дорога идет по берегу реки.

Берега Или в среднем ее течении почти повсеместно представляют ряд песчаных, но небольших возвышенностей, характеризующихся скудной степною растительностью. По обнаженному прибрежью видно, что основание его составляет гранит с крупными зернами полевого шпата. От впадения реки Каскелен вниз он изменяется: его образуют высокие крутые массы гранита, изредка переслоенные глинистым сланцем.

Берег Или справа имеет песчаные наносные бугры, основанием которых служат гранитные скалы. Около берега росли: джидда, тал, балгын (называемый казаками божье дерево), сарыгагач, жимолость, таволжник и кусты кызылчи. В Илийской степи много вредных насекомых, как-то фаланг, скорпионов, [а также] змей. Из животных в степях ее ходят стадами каракуйруки, сайги (ак-букен), попадают куланы. Волков много. Из птиц попадают весной гуси, утки; в скалах — голуби, грачи, рябки и в лесах — во множестве фазаны.

У Тезека я пробыл 5 дней. При мне были у него в ауле три байги и один туй.

23 июня в 9 часов выехал от Тезека. Пространство между [речками] Каргалы и Агныкатты называется у киргиз Чубар<sup>\*74</sup>. Эти речки впадают в Терсаккан множеством протоков. Пространство это усыпано камнями и чрезвычайно неприятно для езды. Торесазы — название солонцовой местности от Агныкатты к горам. Места от Коксу к Уйгенташу и по долине Крунбель составляют летнее кочевье адбанов и джалаиров.

На Торесазы косят казаки траву. Через Коксу имеется мост, и при нем полагается быть станице, в которой также предполагают [открыть] ярмарку. Долина Коксу холодна. Хлеб здесь часто вымерзает. Снег сходит здесь гораздо позднее, чем в других местах Семиречья. Зато на Теректы и Югенташе снегу и в зиму не бывает. Адбаны зимуют в местности от Уйгенташа до Кульджи, платя китайцам за пользование землей в год 60 лошадей. Все султаны их имеют китайские чины. Покойный Хакимбек был гун<sup>\*75</sup> с темнокрасным шаром, степень его наследовал сын султан... Тезек, имеет голубой шарик штаб-офицера.

20 об. || Выехавши из Коксу, почевал у султана Камбара Алапова. Дорога от Жангизагача на пикет Суковский гориста. Растительность здесь горная — широколиственная и зонтичные растения.

Приехавши на Капал, я был обрадован, узнав, что приятель мой Д. Е. проехал в Верное и скоро должен быть [здесь]. На

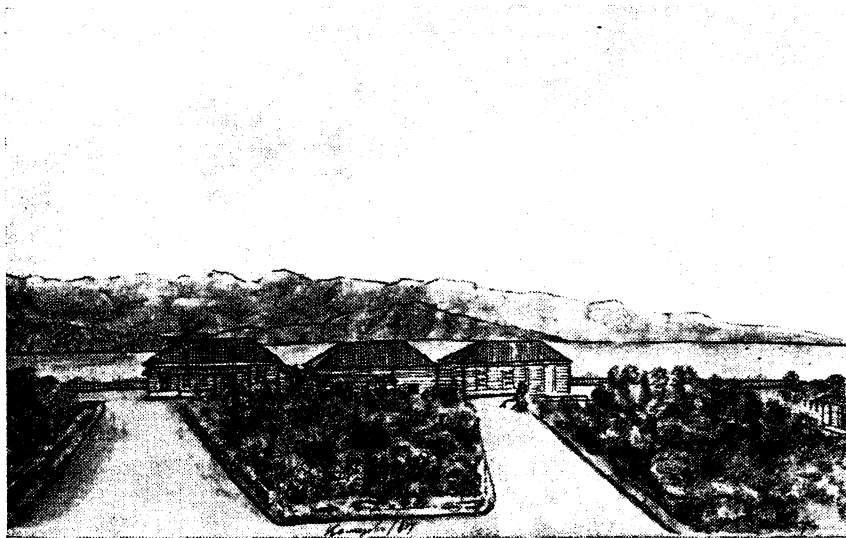
<sup>\*74</sup> Чубар — пестрая роща.

<sup>\*75</sup> Гун — китайский титул.





Долина реки Или. Рис. художника П. Кошарова.



Городская площадь в Капале. Акварель художника П. Кошарова.

Капале почти никого не было. А.\*76 уехал на Кысыкауз для взрыва скалы под новую дорогу — было страшно скучно. Через два дня приехал ожидаемый джентльмен — очень рад своим открытиям: 1-е, взорвал удачно скалу, употребив на то несколько фунтов пороху, и открыл отличную глину для черепиц. Я видел опыт, и [он был] очень удачен. Отлично хороша глина, может быть со временем очень и очень полезна. Приехал Д. Е. и Ковригин. Ковригин едет на местные прищипки, что на урочище Иргайлы около Тентека. Мне хотелось видеть Ойджайлеу, лучшее место в степи, как говорили многие, и, пользуясь случаем, [я] взялся сопутствовать господину Ковригину.

...июля выехал под вечер. Ночевали на Арасане. В этот день был у нас знаменитый в Семиречье батыр и барантач Тынеке\*77. Тынеке, несмотря на свои разбои, имеет большое влияние на свой род каптагай в матаевцах и был волостным управителем. Мужчина он среднего роста и плотный донельзя. Странно: он рыжеват, имеет большую бороду и замечательный по величине нос. При этом Augen\*78 — маленькие и плутоватые глаза делают его физиономию чрезвычайно неприятной. Он хотел с нами ехать, но напился так пьян, что четыре ушата воды не подействовали на него нисколько. При этом я заметил явление: у Тынеке все тело густо покрыто волосами, как у первобытного человека по Бюффону<sup>37</sup>. Товарищ его, султан Худайменде, наскупил нам донельзя своими глупыми ужимками. Он хочет казаться цивилизованным, потому то и дело делает глупости. Несносный господин, все просит водки.

21 || ...июля, проехав благополучно Кысыкауз, мы переменяли лошадей на Караузе и с конвоем из 6-ти казаков при уряднике на киргизских подводах поехали в горы по дороге на Чубарагач. День был несколько жарок, пить — нет кумызу. Одно утешение — купаться в холодных водах горных рек. Проехали Аксу, сделавши верст 30, к ночи добрались до Баскан. Аллах в милосердии своем не хотел, чтобы его грешные слуги лежали без пищи и крова: к ночи [с] гор спустились аулы и наткнулись на нас. Хотя они и рассчитывали на ночлег, но увидевши русских, дали тягу. Последний аул сделался жертвой. Все наши старания обласкать батырей и женщин были тщетны — они были до того запуганы, что не хотели брать наших подарков, боясь п о с л е д с т в и й.

Давши нам успокоиться, они под[ня]лись и остановились верстах в 3-х от нас. Пока ставили нам юрты и [мы] были в невольном соседстве, они очень беспокоились, кричали и из благоразумия удалили всех девок вперед, а которые из них не успели уехать, оделись в изорванные халаты и измарали лицо грязью,

\*76 Речь идет об Абакумове, приставе Алатавского округа.

\*77 Точнее: Танеке.

\*78 Чтение сомнительное.

чтобы быть хуже! Так запугали бедных кочевников казаки и заседатели.

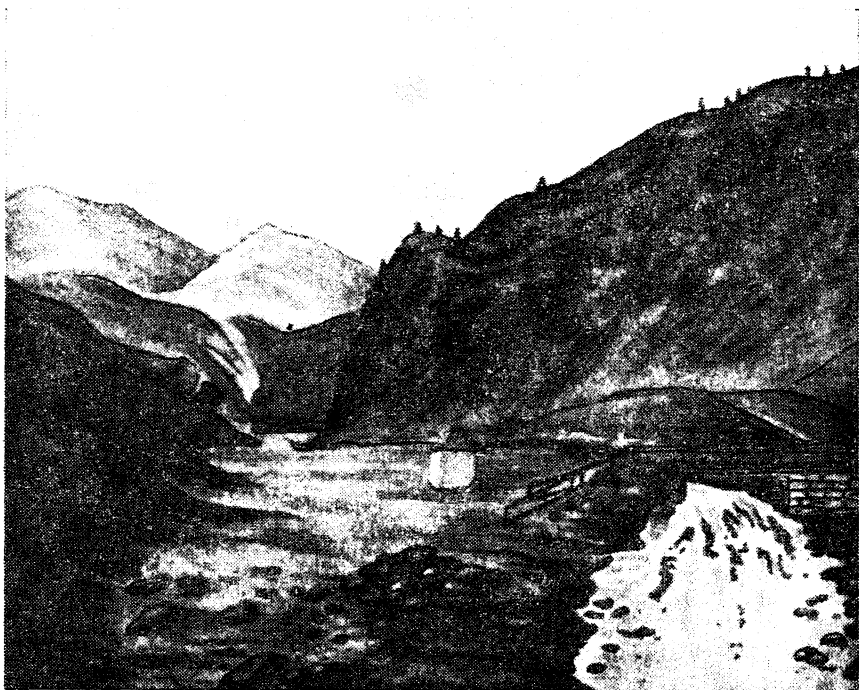
Теперь время снимать хлеб. Все эти аулы с этой целью с гор спускаются на долины, где их пашни, соберут [хлеб] и пойдут в конце августа на Балхаш, в пески на зимовку. Всю ночь шли мимо нас кочевки. Утром, когда мы встали, все еще шли вереницы



Султан старшего жуза Тезек. Акварель художника  
П. Кошарова. 1857 г.

верблюдов, ведомые нарядно одетыми женщинами и девками. Мужчины шли возле, гнали баранов или верблюдов. Найманы, как было видно из кочевков, гораздо беднее аргынцев. Большая

часть юрт была навьючена на быков, и степные амазонки имели под собою этих скакунов. На всех были дырявые халаты, сапоги и пр. Коч верблюдов, о котором я сказал прежде, принадлежал султану, который, узнавши, что тут русский чиновник, счел за обязанность явиться и, чтобы не прийти с голыми руками (таких 21 об. очень не любят заседатели), привез кумыз. || Султан объяснил,



Коксуйское ущелье. Рис. топографа М. Сироткина.

кто он, причем заметил, что приехать с пустыми руками он счел неприличным, а [так] как халаты навьючены, лошадей при нем нет, то и привез бурдук кумызу. Просил извинить.

После долгого и миролюбивого разговора султан, как неглубокий человек, смекнул, что мы чиновники так себе, выродки между чиновниками, возвысил голос и продал в тройной цене барана, которого прежде предлагал даром. Казаки, нас сопровождавшие, потешались между собой, косо поглядывая на нас, и один остряк заметил, кстати, капралу, что «смирного Миколу — телята лижут». Этим он намекал на нахальное поведение султана, который прежде, когда они ездили с заседателем, не смел даже при них дышать.

При нашей переправе начинаются горы Суукджайляу. Тут лежал проход Кия. От Караузского пикета до брода на Баскане

будет верст 50, по дороге переезжают реку Саркан, впадающую в Аксу. Все пространство по подошве гор на долину покрыто пашнями киргиз. Степь глиниста (от разрушения полевого шпата). Растет на ней юсан, мальва, ируец, ковыль и полевой мак во множестве. Множество киргизских могил доказывает, что места эти составляли хорошую кочевку илиптам<sup>38</sup> и были хороши для скота. С трудом переправившись через Баскан, мы шли по подошве горы верст 20, где через проход Бишбаны поднялись на горы, на ключ. Основание гор этих составляет глинистый сланец, кварц и гранит, на берегу реки заметно во многих [местах] влияние железной окиси. Перешедши через два маленьких ключа, мы остановились на Теректы в ауле.

От Баскана до ночлега верст 40.

22 На другой день перешел речку Теректы, впадающую в Лепсу. Берега этой реки покрыты тополем. Она быстра, и вода [в ней] чиста. С подъемом дорога делается трудной для всех проходов. Киргизские лошади, непривычные к упряжке, мучили нас страшно. На другой день с урочища Алмалы (так || называлось место нашей стоянки) пошли на Чубарагач. Места от Теректы начинаются превосходные во всех отношениях. Растительность превосходная. Луковичные цветы во множестве (калмыцкое мыло). Горы обильны еловым, березовым и топольным [лесом]. Чубарагач — едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи. Переправа через речку Агныкаты представляет много неудобств по чрезвычайной быстроте ее. Станица стоит в долине, окруженной со всех сторон горами. В середине долины я видел курган вроде Санташ. Станица основана в 1854 г., дома только строятся, там водворена была сотня 10 [-го] полка, теперь же пришлось до трехсот семейств крестьян из Тобольской губернии.



КОММЕНТАРИИ

## ВОСПОМИНАНИЯ О Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЕ

### Н. И. Веселовский и Метеор.

Печатается по тексту Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова в 5 томах (далее ССВ), т. 4. Алма-Ата, 1968, с. 500—503. Впервые текст был напечатан в сочинениях Ч. Валиханова, изданных под редакцией Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. I—III).

<sup>1</sup> *...статьи [Валиханова]... переписанными другою рукою...*— Рукописи Чокана были переписаны Г. Н. Потаниным, К. К. Гутковским, И. И. Ибрагимовым и разными писарями.

<sup>2</sup> *...Некоторые из них [трудов Валиханова] мне достать не удалось.*— Н. И. Веселовский не получил всех материалов, хранившихся в семье К. К. Гутковского. С ними познакомились только после передачи их в Архив Академии наук в Ленинграде (см. «Труды Архива АН СССР», вып. I, Л., 1933, с. 15—158).

<sup>3</sup> *Джедда (Джидда)*— город в Саудовской Аравии, порт на Красном море, через который ежегодно миллионы мусульман из разных стран мира прибывают в традиционный хаджж (паломничество).

### А. Н. Пыпин. О Чокане Чингисовиче Валиханове.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 618, основанном на извлечении из книги А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (т. IV, 1892, с. 397—400).

<sup>1</sup> *Гутковский... поручал ему [Чокану] составление записок по управлению киргизами.*— См. примечание к статье «Об управлении казахами Большого жуза».

<sup>2</sup> *...Революция, которую произвел повстанец Якуб-бек.*— Перепутано имя ходжи Валихан-тюре с Якуб-беком — правителем государства Йетишар в Восточном Туркестане. Ошибка не А. Н. Пыпина, а Г. Н. Потанина, подготавливавшего эту записку. Впрочем, ни Валихан-тюре, ни Якуб-бек не совершили революции в Восточном Туркестане, один был авантюристом, а другой представлял интересы компрадорской буржуазии, использовавшей восстание народа в своих корыстных целях.

<sup>3</sup> *...он [Чокан] умер... в 1864 г., на 31 году от роду.*— Общая ошибка ученых того времени.

<sup>4</sup> *Рукописи его бесследно пропали.*— Эту мысль высказали Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев после выхода из Омской тюрьмы, когда они узнали о смерти Чокана. Рукописи Чокана после его смерти были увезены К. К. Гутковским в Петербург и до революции хранились в его семье. В 1920 г. они были переданы дочерью Гутковского в Архив Академии наук СССР.

### П. И. Небольсин. [Ч. Валиханов в Петербурге].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 618—620, основанном на извлечениях из статьи П. И. Небольсина «Путешествующие киргизы», опубликованной в «Русском вестнике», 1860, т. XXIX, с. 42—43.

<sup>1</sup> Доклад Ч. Ч. Валиханова в Русском географическом обществе был прочитан 4 мая 1860 г. («Русский инвалид», 1860, № 95). Он вызвал ряд откликов в русской, немецкой и английской печати. См.: «Северная пчела», 1860, № 192; Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von Ermann. Bd. XIX. Berlin, 1860.

**И. В. Мушкетов.** [Чокан Валиханов и его геологическая коллекция].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 488—489, извлеченному из книги: И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, СПб., 1886, с. 171—172.

<sup>1</sup> *...Валиханов... прошел... через перевал Зауку, мимо оз. Чатыр-Куля в г. Кашгар.*—Эту неточность повторяют многие исследователи. Между тем маршрут Валиханова мимо Чатыр-Куля проходил только на обратном пути (см. его дневники в ССВ, т. 2).

<sup>2</sup> *Ему принадлежит несколько статей...*—Речь идет только о статьях, опубликованных в ЗРГО.

<sup>3</sup> *...эта редкая коллекция где-то затерялась.*—Судя по всему, коллекция горных пород, привезенная Валихановым из Кашгара, была отправлена в Германию для научного определения. (см. ССВ, т. I, с. 396).

**И. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. А. Достоевский.**  
[О значении путешествия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 480—482, извлеченному из книги «История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества. 1845—1895», т. I, СПб., 1896, с. 275—276.

<sup>1</sup> *...в 1860 г. прибыл в Петербург, где, избранный членом Географического общества...*—Неточно. Чокан избран членом РГО в 1857 г.

**Г. Н. Потанин.** Чокан Чингисович Валиханов.

Публикуется по тексту ССВ, т. 4, с. 567—573, извлеченному из газеты «Сибирская жизнь», 1903, № 133.

<sup>1</sup> *Чингис... был управителем одного из степных округов* — т. е. Аман-Карагайского, переименованного в Кушмурунский, а затем Кокчетавского.

<sup>2</sup> *Померанцев* — полковник, художник, преподаватель кадетского корпуса по рисованию.

<sup>3</sup> *Обе статьи были напечатаны на немецком языке в Archiv'e Эрмана в Берлине.*—Имеются в виду статьи: «Ost-Turkestan oder die chinesische Provinz Nan-Lu». Aus dem Reiseberichte der Stabskapitans Walichanow. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. XXI. Berlin, 1862, S. 605—636; «Zur Geschichte Ost-Turkestans. Der Aufstand in Kaschgar, im Jahre 1857. Aus dem Russischen von Walichanow». Archiv Ermanns, 1862, Bd. XXII, S. 71—82.

<sup>4</sup> *Жюльен Ноль Станислав (1799—1873)* — французский востоковед, профессор китайского языка в Коллеж де Франс, автор многочисленных работ по истории и культуре Китая.

**Н. М. Ядринцев.** Воспоминания о Чокане Валиханове.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 573—577, основанному на рукописи — ЦГАЛИ (ф. 159, д. 179, лл. 59—64). Впервые опубликовано в сочинениях Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (СПб., 1904, стр. XXXV—XXXIX).

<sup>1</sup> *...представился мне случай сделать ему небольшие одолжения.*—Н. М. Ядринцев ссужал Чокана деньгами (см. письма Чокана к отцу и А. Н. Бекетову).

<sup>2</sup> *Знакомство мое продолжалось с ним и в Сибири...*—т. е. после возвращения друзей из Петербурга (1862—1864).



<sup>3</sup> В том же Омске был старый генерал штатский...— Речь идет о генерал-лейтенанте Н. Волкове, служившем в то время в г. Омске.

<sup>4</sup> Это желание высказывал какой-то из генерал-губернаторов.— Инициаторами постройки памятника Чокану были К. П. Кауфман и Г. А. Колпаковский.

Д. и Р. Мичелл. Перевод предисловия к английскому изданию трудов Ч. Ч. Валиханова, М. П. Венюкова и других русских путешественников о Центральной Азии.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 597—599, являющемуся переводом из английского предисловия к этим трудам: *The Russians in Central Asia; Their Occupation of the Kirgiz Steppe and the of the Syr-Daria; their Political Relations of the Chinese Turkestan and Dzungaria. By Capt. Valikhanof, M. Veniukof, and other Russian Travellers. Translated from the Russian by John and Robert Michell. London, Edward Stanford, 6, Charing Cross, 1865.*

<sup>1</sup> ...в связи с недавними политическими событиями в Кокандском ханстве...— Речь идет о занятии генералом Черняевым Ташкента в 1865 г.

<sup>2</sup> Соединение линии Сыр-Дарьи с линией Восточной Сибири...— Фактически такой военной линии не существовало. В 1860—1866 гг. речь шла только о левом фланге, т. е. о соединении Оренбургской линии с линией Западной Сибири путем кольцевого окружения Казахстана с юга. Эта идея была осуществлена после занятия городов Аулие-Аты, Чимкента и Ташкента.

<sup>3</sup> ...миссия генерала Игнатьева в Хиву и Бухару состоялась в 1858 г., в год путешествия Чокана Валиханова в Капшар.—Обе экспедиции свидетельствовали об активности политики паризма в странах среднеазиатского Востока накануне присоединения его к России.

#### [Некролог]

Печатается впервые по русскому переводу текста (без указания автора), опубликованного в периодическом издании «Германского королевского Географического общества» *Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt... von Dr. A. Petermann*, 1867, S. 37. (Перевод некролога выполнен В. Н. Настичем).

### ТРУДЫ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

#### [ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ] ПРОФ. И. Н. БЕРЕЗИНА «ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ»

(Ярлык Тохтамыша хана к Ягайлу, Казань, 1850 г.)

Печатается по тексту ССВ, т. I, Алма-Ата, 1964, с. 131—141.

Черновое начало рецензии на книгу проф. И. Н. Березина, вышедшие в 1850—1851 гг. («Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам)». СПб., 1850: «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея», Казань, 1851). Рецензия включает тюркский текст ярлыка Тохтамыша к Ягайлу, данный в сравнительной транскрипции Казембека части текста ярлыка на польском языке, приведенные в книге «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, 1392—1393 гг.», Казань, 1850, и комментарии Валиханова. Сохранились в виде разрозненных листов среди бумаг в особой папке, посящей название «За-

писки Валиханова по востоковедению» (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 2—2 об., 3—3 об.). Валиханов не дал своего перевода ярлыка, ограничившись лишь приложением древнерусского его варианта, в котором имеется ряд разночтений и добавлений; этот вариант считается двойником дипломатического письма Тохтамыша к Ягайлу.

Листы 7, 8 об., 16 и 16 об. содержат примечания Валиханова к ярлыку Тимур-Куллука, к тарханному ярлыку Тохтамыша и к ярлыку Саадат-Гирея.

Рукопись дат не имеет, вероятнее всего, что она написана после того, как Березин через Костылецкого обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые архаические слова, встречающиеся в ханских ярлыках. Из переписки Березина с Костылецким видно, что с этой просьбой он обратился сначала к Костылецкому, но последний не мог дать ему положительный ответ. В письме от 7 августа 1852 г. Костылецкий пишет: «Два письма от Вас — первое с Лещевым и второе с И. И. Захаровым получил и доселе не ответил и я благодарил Вас за присылку «Путешествия по Дагестану и Закавказью» и «Ярлыка Тохтамыша»., что касается некоторых слов в «Ярлыке Тохтамыша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь Вашему горю, я не могу... Правда, я переписываюсь с некоторыми из моих учеников, разбросанных в степи по разным приказам\*1. Первым из учеников Костылецкого на его предложение откликнулся Ч. Валиханов.

<sup>1</sup> *Оболенский Михаил Андреевич* (1805—1873) — историк-архивист, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. Собратель и издатель письменных и вещественных источников. Список его трудов опубликован в журнале «Русская старина» (1873, № 2).

<sup>2</sup> *Нарушевич Адам Станислав* (1733—1796) — крупный польский историк, поэт, переводчик древних авторов. С 1755 г. профессор Виленской академии. Автор многолетней работы по истории польского народа и работы по истории Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.

<sup>3</sup> *Френ Христиан Мартин Йоахим* (в России — Христиан Давидович, 1782—1851) — академик, видный русский востоковед, с 1807 г. профессор восточных языков в Казанском университете; один из основателей, а с 1818 до 1842 г. — директор Азиатского музея Академии наук. После избрания академиком Френ вплотную занялся изучением восточных источников — древних рукописей, монет и надписей.

Х. Френ был выдающимся знатоком восточной нумизматики. Из многочисленных работ, посвященных этой проблеме, до сих пор не потеряли своего значения следующие его сочинения: «De Academiæ Imp. Scientiarum Petropolitanae Museo numario moslemico...» Petropoli (СПб.), 1818; «Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg», Spb., 1821; «Recensio numorum muhammedanorum Academiæ Imp. Scientiarum Petropolitanae...», Petropoli, 1826; «Монеты ханов Улуса Джучева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении...», СПб., 1832; и др. В историю русской тюркологии Х. М. Френ вошел как автор описаний тюркоязычных рукописей и издатель текста «Шаджара-и турк» Абулгази (XVII в.). О научной деятельности и трудах Х. М. Френа см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Spb., 1846; *Dorn B.* Академик Френ и его ученая деятельность. — УЗАН, т. 3, вып. 3, СПб., 1855, с. 429—465; *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. — Избр. соч., т. 5, М., 1958, с. 71—75.

<sup>4</sup> *Шлидт Яков* (Исаак) *Иванович* (1779—1847) — русский ориенталист, специалист по монгольскому и тибетскому языкам, адъюнкт-академик Петербургской академии наук. Его главные труды: «Грамматика монгольского языка» (СПб., 1831); «Монголо-немецко-русский лексикон» (СПб., 1835); «Тибетско-немецкий словарь» (СПб., 1841).

\*1 НБТУ, архив Г. Н. Потанина № 129/б, л. 534б.

<sup>5</sup> Ковалевский Осип Михайлович (1800—1870)—русский ученый-монговед. С 1833 по 1860 г.—профессор Казанского университета, а с 1862 г.—профессор Варшавской главной школы. Основные труды Ковалевского: «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (1835 г.), двухтомная «Монгольская хрестоматия» (1836—1837 гг.), трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844—1849 гг.), «История монголов», «История монгольской литературы», «История буддизма».

<sup>6</sup> Казембек Александр Касимович (Мирза Мухаммед-Али) (1802—1870)—видный русский востоковед; по происхождению азербайджанец, получил схоластическое мусульманское образование. С 1827 г.—профессор Казанского университета по персидской и турецко-татарской словесности, а с 1849—руководитель кафедры персидской словесности Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Написал труды по истории Кавказа, Персии, Средней Азии и Крыма, по истории ислама; им составлена общая грамматика турецко-татарского языка. Является автором ряда других работ на турецком, арабском и персидском языках.

<sup>7</sup> Гаммер (Хаммер-Пургшталь Йозеф) (1774—1856)—австрийский дипломат и историк-востоковед, крупный специалист по истории Золотой Орды. Важнейшие работы: *Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840; Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien. Bd I—II. Darmstadt, 1842—1843.*

<sup>8</sup> 8 раджаба 795 г. х. соответствует 20 мая 1393 г.

<sup>9</sup> Вершок — русская дOMETрическая мера длины, равная 4,45 см. 9 вершков составляют около 40 см,  $9\frac{1}{2}$  вершков — 42,3 см,  $4\frac{7}{8}$  вершка — 21,7 см.

<sup>10</sup> Банзаров Доржи (1823—1855)—бурятский ученый, этнограф и востоковед. Важнейшие работы Банзарова — его диссертация «Черная вера или шаманство у монголов» (1846 г.)—первая научная работа о шаманизме; «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов» (ЗАНО, т. II, 1850).

<sup>11</sup> Григорьев Василий Васильевич (1816—1881)—русский востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук, исследователь истории, географии и древностей народов Средней Азии и Казахстана. Наиболее значительные его работы: «О скифском народе саках. Историческая монография». (СПб., 1871); «О достоверности ярьлюков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству», М., 1842; «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» (ЗРГО, 1861, № 2, с. 105—138); «О куваческих монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории (ЗООИД, т. I, Одесса, 1842, с. 115—166). Издал перевод двух томов «Землеведения» Риттера с комментариями и дополнениями; «Восточный или Китайский Туркестан». Вып. II (СПб., 1873). Главнейшие статьи Григорьева вошли в сборник «Россия и Азия» (1876 г.). Будучи управляющим областью оренбургских казахов, Григорьев посвятил ряд работ освещению истории культуры казахского народа. Он был лично знаком с Валихановым, и большая часть важнейших рукописей Валиханова хранится в архиве Григорьева (ЦГАЛИ, ф. 159. № 179).

<sup>12</sup> Полевой Николай Алексеевич (1796—1846)—русский журналист, писатель, историк. С 1817 г. сотрудничал в петербургских и московских журналах. В 1825—1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф».

<sup>13</sup> Валиханов ошибся в перечислении даты (см. прим. 8).

<sup>14</sup> Асан — имя не идентифицировано; Котлубуга (Кутлук-Бука)—джучидский эмир, сын Урус-хана, правившего Белой Ордой в 1361—1375 гг. (*Лэн-Пуль Ст. Мусульманские династии. Пер. с англ. В. В. Бартольда. СПб., 1899, с. 192; МИКХ, с. 42*). О посольствах Тохтамыша к литовскому королю Ягайло в 1381 и 1392—1393 гг. см.: *Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Leipzig, 1965, S. 131—132; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. с. 324; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, М., 1975, с. 152, 211; Султанов*

Т. И. Письма золотоордынских ханов. Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

<sup>15</sup> *Троки* — наследственное владение литовского князя Витовта, захваченное Ягайлом, но затем возвращенное им в 1432 г. в числе других наследственных владений, при назначении Витовта пожизненным правителем княжества Литовского в качестве своего наместника. Город Троки (совр. Тракай) находится примерно в 20 км к западу от Вильнюса.

<sup>16</sup> *Бекбулат*, *Хожя Медин* (точнее — Ходжам-дин), *Бекгич* (в тексте: Бекеш или Бикеш), *Турдучак* и т. д. — имена не идентифицированы. См. также: В. В. Бартольд. Отец Едигея. — Сочинения, т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 801—802.

<sup>17</sup> *Тикля* — в тюркском оригинале письма это имя не упоминается. По-видимому, это князь Тегин Ширинский, современник Тохтамыша.

<sup>18</sup> *Идикгий* (иначе — Идигу, Эдигю, Едыге) — бек, эмир племени мангыт, при Тохтамыше занимавший пост «управителя двorca», а после его смерти — фактический правитель Золотой Орды; умер в 1419 г. *Аксак* (букв. «хромой»), *Железная Нога* — прозвища эмира Тимура (1370—1405).

<sup>19</sup> *Чорный Песок* — пустыня Каракум.

<sup>20</sup> *Тулу-Очжя* (Тулу-ходжа) — имя не идентифицировано.

<sup>21</sup> «...курачьего лета а месяца иричена». Год курицы по тюрко-монгольскому животному циклу начался около 6 февраля 1393 г. *Иричен* — искаж. араб. رجب 'раджаб' (7-й месяц по мусульманскому лунному календарю); см. также прим. 8.

<sup>22</sup> 6<sup>3</sup>/<sub>4</sub> вершка составляют 30 см.

<sup>23</sup> *Темир-Кутлук* (Темюр-Кутлуг, Тимур-Кутлуг) — золотоордынский хан (1395—1401), ставленник Тимура, номинально правивший после смерти Тохтамыша.

<sup>24</sup> Деление на «правое» и «левое» крыло (здесь: *оң қол* и *сол қол* — правая и левая рука) среди степных племен Евразии известно с глубокой древности.

<sup>25</sup> *Маша'их* и *аулийд* — оба слова представляют собой первоначально формы мн. ч. от араб. شيخ *шейх* и ولي *вали*; в Средней Азии и Казахстане употреблялись в ином значении и воспринимались как ед. ч. (ср. араб. *сахаба* — см. прим. к «Предания и легенды...»).

<sup>26</sup> *Букаул* — точнее, распорядитель ханского обеда (см. также: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. I, М., 1963, с. 447).

<sup>27</sup> *قوشچی* (*кушчи*). Это слово Валиханов объясняет не как «сокольник», а как «прислужник во время похода», и производит его от слова *قوش* лагерь и *قوشچی* (кошчи) — служитель лагеря.

<sup>28</sup> *ساليق، ساليغ* (салик, салыг). Валиханов дает только одно значение этого термина — лагерь, стан. *Салық* еще означает 'подать, налог, повинность, взимаемая ежегодно' (в поздних источниках и актовых документах обычно упоминается в паре с *اليق* *алық* или *اليغ* *алығ*, иначе *الفوت وصالفوت* *алғут ва салғут*, и т. п.). *Салық салмақ* — обложить податью, налогом.

<sup>29</sup> *ييل سانى* — неверное чтение, правильно прочитано Валихановым: *ييل ساين* (*йил саин*) — ежегодно. В ярлыке речь идет о неослабном взимании ежегодного налога.

<sup>30</sup> *اوسال، اوسال* — слабый, непрочный, распатанный; отсутствие дисциплины. *اوسال قيلماينچا* — не допуская расхлябанности (разгильдяйства, беспорядочности). Речь идет о дисциплине, покорности, о безоговорочном платеже ежегодного налога. В древнекыпчакских документах это слово встречается довольно часто. Например, *اوسال قيلدى* — сделал непрочно, с промахом; *اوسال سز قيلور* — сделал основательно, без упущения (МСМА, ч. I—III. Изд-во АН СССР М.—Л., 1938, с. 271).

<sup>31</sup> *Сеадат* (Са'адат)-Гирей [I] — крымский хан, сын Менгли Гирея, правил в 1524—1532 гг.

<sup>32</sup> *Ван-хан* — правитель Восточной Монголии (конец XII в.) из племени кераит, при котором выдвинулся предводитель монгольской аристократии Темучин (Чингисхан).

<sup>33</sup> *Рашид-эддин* (Фазлаллах Рашид ад-дин б. 'Имад ад-даула Абу-л-Хаїр б. \*Али Рашид Хамадани, 1247—1318) — государственный деятель, врач и историк при дворе хулагуидских ханов Ирана, в 710/1311 г. составил «Собрание летописей» и многолетний труд по всеобщей истории, первый том которого заключал в себе подробную историю монголов. Этот труд, наряду с «Историей завоевателя мира» Ата-Маллика Джувейни (ум. в 1283 г.) является основным источником по истории Центральной Азии XIII в.

<sup>34</sup> *Гулаиды* — искаженное наименование династии Хулагуидов (Ильханов), монгольских правителей Ирана XIII—XIV вв. *Джагатай* (Чагатай) — сын Чингисхана, улусный хан Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана (1227—1241), основатель династии Чагатаидов.

<sup>35</sup> *Алган-хан* (Золотой хан) — прозвище урянхайских князей, владевших землями в Южной Сибир. После XVIII в. их владения частью вошли в Россию и частью — в Китай.

<sup>36</sup> Ярлык Давлет-Гирей-хана сохранился в виде двух рукописных копий — черновика, написанного рукой Валиханова, и белого экземпляра с черновым же русским переводом, сделанным Валихановым. В черновике между строками намечен русский перевод восточных терминов. Публикуется по авторизованной копии — Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, № 11, лл. 55—57 об.

<sup>37</sup> *Давлет-Гирей* — хан крымский (1551—1577), внук Менгли-Гирея, племянник свергнутого казанского хана Сахиб-Гирея. Многократно ходил войной на Москву, но во всех походах терпел поражение. Постоянно требовал от царя Ивана IV отдачи Казани и Астрахани, предлагая взамен свою дружбу. При последнем походе в битве под Москвой (1572 г.) крымцы были полностью разгромлены. (См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского, тт. VIII—IX, СПб., 1892).

<sup>38</sup> *Уланы* (угланы, огланы) — сыновья господствующей феодальной аристократии (ханов и султанов), члены царствующей династии, занимавшие высшие военные и административные должности в Золотой Орде, в феодальных ханствах Крыма, Астрахани, в улусе Чагатая и Белой Орде. Они играли главную роль при обсуждении военных и политических вопросов, поставленных на курултаях и при выборе ханов.

<sup>39</sup> *Би* — влиятельные родоначальники, пользовавшиеся наследственными правами; в феодальной иерархии стояли на втором месте по рангу после султанов.

<sup>40</sup> *Даругабек* (даруга, в древнерусских документах: *дорога*) — губернатор, наместник золотоордынского хана, главный надзиратель над взиманием повинностей в пользу казны.

<sup>41</sup> «...ведателям мертик» — так переведен термин *мухтасибларинга*; араб. *Мухтасиб* означает должность базарного надзирателя, следившего за точностью соблюдения мер и весов, в сословном отношении стоит рядом с *кази* (или *кади*) — мировым судьей.

<sup>42</sup> *Муэззин* (араб. مؤذن *му'аззин*; в русском языке обычно в искаженной форме — *муэдзин*, низший служитель мусульманского религиозного культа, созывающий пять раз верующих на молитву. В Средней Азии и Южном Казахстане обычно назывался азанчи (от араб. اذان 'призыв к молитве' + перс. چی — суффикс деятеля); казах. *азаншы*).

<sup>43</sup> *Букаул* (бакаул) — начальник пограничной заставы, служитель кордона. Происходит от *баймак* — 'охранять, стоять на страже'. Возможно и другое объяснение: от *букмак* — 'скрадываться, замаскироваться, устроить засаду'. Однако и в этом случае речь идет о кордонной (пограничной)

службе. Этот термин нельзя путать с *بوکاول* — *букаул* (см. прим. 26)—  
распорядитель ханского обеда, церемониймейстер.

<sup>44</sup> *Абу-Салым-бия* — имя искажено, в тексте 'Абд ас-Салам бия.

<sup>45</sup> Мухаррам 977 г. х. соответствует 16 июня — 15 июля 1569 г. н. э.

<sup>46</sup> *Карасу* (Карасубазар) — город в степном Крыму, одна из резиденций крымских ханов. С 1944 г. — Белогорск.

## КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, Алма-Ата, 1964, с. 53—100, основанно-  
му на публикации в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина (ч. III, Ка-  
зань, 1876, с. 70—162). Текст записан в Кушмурунской степи Чоканом  
вместе с отцом в 1851 г. и передан тогда же учителем Омского кадетско-  
го корпуса Н. Ф. Костылецким И. Н. Березину. Вместе с казахским спис-  
ком И. Н. Березин получил и его русское переложение, а также перело-  
жение другой поэмы «Идиге», оба переложения были сделаны  
Н. Ф. Костылецким при участии Чокана (И. Н. Березин, Н. Ф. Костылец-  
кий. — НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, д. 149, лл. 2—5; ИРАО, т. 8, вып.  
1—5, с. 137—148; Архив востоковедов ЛОИНА, ф. 5, оп. 1, д. 16, лл. 2—16).  
В фонде И. Н. Березина (ф. 5, оп. 1, д. 12, лл. 14—15 об.) хранится также  
казахско-русский словарь, составленный в Омском кадетском корпусе по  
тексту кушмурунского списка поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

Кушмурунский список поэмы прежде хранился в рукописном отделе  
бывшего Азиатского музея Академии наук (шифр 321: Березин, 15 (K1rg).  
*قوزو كورپش*). К сожалению, в новом инвентарном списке, составлен-  
ном после реорганизации Музея в Институт, его уже нет и неизвестно,  
где он находится.

Русское переложение поэмы «Идиге» полностью совпадает с казах-  
ским текстом той же поэмы, записанной и переведенной Чоканом и  
опубликованной впоследствии П. М. Мелиоранским в виде приложения к  
сочинениям Ч. Ч. Валиханова, вышедшим в свет в 1904 г. под ред.  
Н. И. Веселовского.

Русские варианты обеих поэм были известны еще Г. Р. Державину и  
А. С. Пушкину. В документах А. С. Пушкина в 1837 г. был обнаружен  
краткий перевод поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» на русский язык,  
помеченный 1833 г. В архивных фондах сохранился также русский перевод  
чиновника Данышшина (ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 453, лл. 67—68). Из-  
вестен также перевод поэмы, выполненный самостоятельно Н. Ф. Костылец-  
ким, хорошо знавшим казахский язык (см. «Известия Русского археологи-  
ческого общества», т. 8, вып. 1—5, СПб., 1877, с. 137—148).

Ч. Валиханов, как и многие русские ученые, придавал большое зна-  
чение древней поэме «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и записал ряд ее вер-  
сий, одной из которых является кушмурунская. Он писал: «Известная  
поэма «Козу-Корпеш и Баян-Сулу» пересказана мне была знаменитым  
Джанакком». Этот акын был уроженцем Каркаралинских степей и мог  
передать версию, бытовавшую только в степях между Аягузом и Карка-  
ралинскими горами. Эта запись Ч. Валиханова еще не отыскана. Третий  
полный список поэмы «Козы-Корпеш» был записан от знаменитого акына  
Шоже в 1864 году в Омске, на квартире Чокана, как раз перед отъездом  
в экспедицию генерала М. Г. Черныяева. На обложке списка имеются  
пометы, сделанные рукой Ч. Валиханова. Этот вариант также хранится в  
архиве проф. И. Н. Березина и частично опубликован в его «Турецкой  
хрестоматии» (с. 163—168), К сожалению, публикация И. Н. Березина  
весьма неудовлетворительная, в ней много ошибок и искажений. Возмо-  
жно, они объясняются уровнем науки того времени или просто упущением  
типографии.

Кушмурунский список опубликован в наше время литературоведом И. Дюсембаевым в своде поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (Алма-Ата, 1959). При всем старании преодолеть и исправить трудный и исковерканный текст поэмы в хрестоматии И. Н. Березина он не сумел полностью восстановить первоначальный текст кушмурунского списка и допустил ряд нежелательных ошибок. Это касается прежде всего историко-этнографической, этнической и географической терминологии, которая либо опущена с пометой («не разобрано», либо искажена... Например, вместо *ат тұлдау* (резать хвост коня после смерти его хозяина)—*ат талдау* (гладить коня); вместо *саур етік* (сапоги из крупа—толстой кожи)—*соры етік* (помета: непонятно); вместо *газ-җара* (стервятник)—*таҗара* (помета: непонятно); вместо *зау-заман* или *зауда* (если, а вдруг)—*зай-заман* и т. д. Но И. Дюсембаев проделал большую работу, расшифровав сложный и хаотический текст по хрестоматии И. Н. Березина. Изучив материалы, он также пришел к выводу, что список «Козы-Корпеша», опубликованный в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина, принадлежит Чокану Валиханову.

### ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И. Н. БЕРЕЗИНУ

Черновой отрывок, не имеющий заглавия, сохранился среди бумаг, позднее назван «Черновые записки Валиханова по востоковедению». Отрывок написан в виде ответа на письмо востоковеда И. Н. Березина к Н. Ф. Костылецкому (1852), через которого он обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые историко-этнографические термины, встречающиеся в ханских ярлыках. Дата ответа Валиханова неизвестна. Но из содержания ответа видно, что он написан под свежим впечатлением после выхода в свет книги И. Н. Березина «Ханские ярлыки» (Казань, 1850). В ответе дано толкование ряда архаических слов из ярлыка Тохтамыша. Для подкрепления своих аргументов Валиханов привлек сведения из «Сборника летописей» Жалапри<sup>\*1</sup>.

Печатается впервые по тексту ССВ, т. I, с. 121—130; черновой отрывок хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 10—14.

<sup>1</sup> *Березин Иван Николаевич* (1818—1896)—русский востоковед; с 1846 г. профессор Казанского, а с 1858 г.—Петербургского университета. Автор многочисленных трудов по истории и филологии народов Востока, преимущественно тюрко-монгольских. В 1848—1853 гг. он опубликовал серию изданий под общим названием «Библиотека восточных историков», куда вошли историческое сочинение «Шейбани-наме», «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей») Жалапри и сочинение Абулгази «Родословная тюрков». Большой заслугой Березина является издание труда «Сборник летописей» известного историка монгольской эпохи Рашид ад-дина, осуществленное в 1853—1888 гг.

Из других публикаций Березина очень важна «Турецкая хрестоматия» (тт. 1—3, 1857—1876 гг.), в которую вошли классические образцы народного эпоса казахов, узбеков, туркмен и других народов Средней Азии.

Березин поддерживал связь с многочисленными корреспондентами, учеными, через которых собирал памятники народной литературы тюркоязычных народов. Особенно тесную связь он имел с преподавателем Сибирского кадетского корпуса Н. Ф. Костылецким, своим старым другом по Казанскому университету, через которого он получал образцы казах-

<sup>\*1</sup> *جامع التواريخ* Джамп' ат-таварих («Сборник летописей») — см. комментарий к «Извлечениям» из *جامع التواريخ*. В дальнейшем это издание везде именуется «Сборник летописей» Жалапри или *جامع التواريخ*.

своей литературы. Костылецкий помог Березину установить деловые связи с Ч. Ч. Валихановым. (О Березине см.: В. В. Бартольд, И. Н. Березин как историк. Соч., М., 1977, т. 9, с. 737—756; А. Н. Самойлович, И. Н. Березин как тюрколог. ЗКВ, т. 1, 1925, с. 161—172; С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 3, СПб., 1892 (автобиография); Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904 гг.) под ред. Н. П. Загоскина, ч. 1. Казань, 1904).

<sup>2</sup> *Костылецкий Николай Федорович* (1818—1869) — один из наиболее передовых преподавателей кадетского корпуса. был горячим сторонником идей русских революционеров-демократов. друг и наставник Ч. Ч. Валиханова. Костылецкий получил образование сначала в Омском войсковом училище, затем учился на восточном факультете Казанского университета, который он окончил со степенью магистра восточной филологии. Кроме казахского он в совершенстве знал и другие тюркские, арабский и персидский языки. Костылецкий являлся наставником большой группы казахской молодежи, обучавшейся в Сибирском кадетском корпусе. В 1865 г., обвиненный по делу «сибирских сепаратистов», он был уволен из кадетского корпуса.

<sup>3</sup> *Тохтамыш* (Токтамыш) (ум. в 1406 г.) — потомок Чингисхана, во время феодальных междоусобиц (70-е годы XIV в.) бежал от преследования Урус-хана, нашел убежище в Самарканде у Тимура, который был соперником Урус-хана.

В 1381 г. Тохтамыш совершил переворот в Золотой Орде, и, разбив ее временщика Мамаю, стал ханом Дашт-и Кыпчака. Стремясь возродить прежнее могущество Золотой Орды, ослабленное после битвы на Куликском поле (1380 г.), Тохтамыш совершил несколько походов на запад; великий князь литовский Ягайло вновь стал его вассалом. Укрепив свою власть, Тохтамыш отрекся от своего покровителя, стал вести самостоятельную политику, часто идущую против интересов Тимура.

О годах правления Тохтамыша ясное представление дают ярлыки, приводимые в данной работе Валиханова, и монеты, чеканенные Тохтамышем в золотоордынских городах.

«Ярлык Тохтамыша к Ягайлу» написан после его сражения с Тимуром на р. Кундузчи (1391 г.) и представляет собой одну из древнейших дипломатических грамот на кыпчакском языке. (См.: И. Н. Березин. Ханские ярлыки, т. II; Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея. Казань, 1851; В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темір-Кутлуга. ЗВРАО, т. III, вып. 1, с. 1—40; Ярлыки Тохтамыш-хана и Саадат-Гирея, пер. Я. Ярцева, с примеч. В. В. Григорьева. Одесса, 1844; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 103—105, 112—113).

<sup>4</sup> *Ягайло Ольгердович* (ум. в 1434 г.) — великий князь литовский, с 1386 г. — король польский.

<sup>5</sup> *Тимур-Кутлуг* (Темір-Кутлуг) (ум. в 1400 г.) — сын Темір-Малика, внук Урус-хана, племянник Едиге; один из сильных соперников Тохтамыша, впоследствии хан Золотой Орды (1395—1400 гг.). До 1395 г. Темір-Кутлуг — малозвестный царевич (оглан) Белой Орды, затем, примкнув к эмиру Тимуру, старому врагу его деда, он стал возвышаться. В 1395 г., после разгрома Тохтамыша, Тимур сделал его ханом Дашт-и Кыпчака. Темір-Кутлуг правил номинально, фактически управлял государством его дядя Едиге. До нас дошли также монеты, чеканенные от имени Темір-Кутлуга в Сарай ал-Джадиде, Орду ал-Джадиде, Сарай, Хаджи-Тархане, Старом Крыме, т. е. на всей территории Золотой Орды, в 1397—1400 гг. (см.: И. Н. Березин. Ханские ярлыки, т. II; В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темір-Кутлуга, с. 1—40; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 103—109).

<sup>6</sup> *Саадат-Гирей* — хан крымский (1523—1527 гг.), сын Менгли-Гирея, внук Хаджи-Гирея — основателя феодальной династии крымских Гиреев. После неудачного похода на Москву был свергнут князьями и бежал в



Турцию. (См.: *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, с. 123—151). Ярлык его, опубликованный П. Н. Березиным, писан в 1523 г. (ЗОИИД, 1849).

<sup>7</sup> Не казахи почитают себя потомками «татар Золотой Орды», а лишь социальная группа чингизидов, относящих себя к «белой кости» (ақ сүйек).

<sup>8</sup> *Идигей* (правильно: Едиге; в литературе также: Едигуй, Идигу, Идиге, Идике и т. д. 1340—1419) — сын Кутлук-Каба, владельца Каратауского города Кумкента, убийцы Урус-ханом; один из влиятельных эмиров (бек) Белой Орды из племени мангыт. На исторической арене появился одновременно с Тохтамышем в период феодальных междоусобиц, когда Белая Орда фактически отделилась от улуса Джучиева (Золотой Орды).

Во время этих междоусобиц Едиге примкнул к оппозиции Тохтамыша, одного из претендентов на престол Золотой Орды. Покинув Урус-хана и порвав связи с отцом, Едиге установил тесный контакт с Тохтамышем и вместе с ним ушел к Тимуру. Когда власть в Золотой Орде перешла в руки Тохтамыша, он изменил своему соратнику и вместе со своим племянником Тимур-Кутлуком бежал от него и стал служить Тимуру, помогая ему в борьбе с Тохтамышем. После победы над Тохтамышем (1391 г.) Едиге покинул и Тимура; захватив власть в Золотой Орде, он стал фактически ее правителем, хотя номинально управлял ею от имени хана Тимур-Кутлука и других своих племянников.

В 1399 г. Едиге разбил литовское войско на р. Ворскле; в 1409 г. совершил поход на Русь, разорил много городов, осадил Москву, но взять ее не смог. В 1410—1412 гг. власть в Орде вновь перешла в руки сыновей Тохтамыша, а Едиге, отвергнутый, спасся в Хорезме, но не надолго. Он вскоре был убит близ Сарайчика сыном Тохтамыша Кадырберды. (См.: *Ч. Ч. Валиханов*. Сочинения. СПб., 1904, с. 224; *В. В. Бартольд*. Отец Едигея. ИТОИАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927, с. 18—23; Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 797—804; *Жирмунский В. М.* Сказание об Идиге.— Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 351—386).

<sup>9</sup> *Тамерлан* (Аксак-Тимер\*<sup>1</sup>, Тимур) (1336—1405) — эмир — правитель Мавераннахра и смежных территорий Средней Азии, знаменитый завоеватель и полководец; сын бека Тарагая из племени барлас. В молодости принимал участие в феодальных междоусобных войнах. В 1370 г. Тамерлан принял титул великого эмира и стал единолично управлять страной от имени подставного хана-чингизида. Он опирался на кочевую знать оседлых феодалов и духовенство. В 1388 г. взял Хорезм; после трех больших походов (1389, 1391 и 1394—1395 гг.) разгромил Золотую Орду.

Свою государственную деятельность, направленную на объединение Средней Азии, Тимур сочетал с военными походами в соседние страны. В последние годы жизни государство Тамерлана включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Персию и Пенджаб.

<sup>10</sup> *Урак-Мирза* — по-видимому, это ногайский мурза Урак, племянник Мамайя, внук Муса-Мирзы.

<sup>11</sup> *Ир-Кокше* и *Ир-Кушай* (правильнее: Еркокче и Еркосай; в литературе также: Ир-Гоше, Ир-Кусай (Кушай), Ир-Госай (Гошай) — знаменитые богатыри — отец и сын — происходят из рода уак (VIII в.), позднее вошедшего в состав Среднего жуза. Замечание Валиханова, что самые имена влиятельней нам неизвестны, не отражает фактическую действительность. Напротив, Еркокче и Еркосай — самые популярные богатыри, воспеты в казахском народном эпосе. Казахи рода уак, населяющие Ишимскую степь, до сих пор считают Еркокче своим родоначальником. О нем и его сыне Еркосае существует героическая поэма с многочисленными вариантами. В эпосе «Манас» Ир-Кушай — старший богатырь, «отец народа», населяющего

\*1 «Хромой Тимур» — прозвище, данное современниками Тимуру за его хромоту.

горы Улутая. (См.: *Ж. Копеев*. Еркокше. РОБАН КазССР, № 929; *Г. Н. Потанин*. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. ЖС, 1917, II—III, с. 80—85).

<sup>12</sup> *Бердибек* (ум. в 1359 г.) — сын Джанибека I, внук Узбека, золотоордынский хан из династии джучидов. Со времени его правления (1357—1359 гг.) начинаются многолетние феодальные смуты, впоследствии кончившиеся падением Золотой Орды. Зачинателем смут был сам Бердибек, который умертвил своего отца Джанибека и воссел на ханский престол. Это событие отражено в народных преданиях в виде поговорки, гласящей «Нар мойны Бердибекте кесилди» — «Шея драмадера отсечена при Бердибеке», т. е. династия батуханцов пресеклась при Бердибеке. (См.: *Абулгази*. Шеджере-и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871).

<sup>13</sup> Новейшие историко-филологические исследования сочинения «Шахнаме» персидского эпоса Фирдоуси (932—1020 гг.) подтвердили вывод о том, что у данного автора не содержится этнического термина «казак».

<sup>14</sup> «*Шейбани-наме*» — историческое сочинение начала XVI в. Автор — Камал ад-дин Али Мухаммед ал-Харави, более известный по прозвищу Бинад (ум. в 1512 г.), служил при дворе Тимуридов.

В сочинении прославляется деятельность основателя узбекского ханства Мухаммеда Шейбани. Оно содержит также ряд интересных сведений по истории народов Средней Азии и, в частности, Казахстана (в период отделения казахов от узбеков в XV—XVI вв.). Впервые издано И. Н. Березиным в 1851 г. в серии «Библиотека восточных историков» (ч. I, Казань, 1851).

<sup>15</sup> *Тамга* — знак собственности в родовом обществе кочевников Центральной Азии, им отмечали скот и различные предметы, принадлежавшие роду (племени) или изготовленные его членами — оружие, посуда, ковры и т. п.; позднее — знак семейной и личной собственности. Личные тамги ханов служили своеобразными феодальными гербами, они изображались на ярлыках (указах), официальных документах, государственных печатях и на денежных знаках, т. е. являлись и знаками власти.

<sup>16</sup> *Ураз-Мухаммед* (ум. в 1610 г.) — сын султана Опдана, племянник хана Тевекеля; в русских летописях именуется «царевичем Казачьей орды»; в 1588 г. в городе Сибири (см. ниже) был взят воеводой Данилой Чулковым в плен вместе с князем г. Сибири Сеид-Ахмедом Бекбулатовым и Карач-мурзой (впоследствии автором сочинения «Сборник летописей» Жалаири). В том же году они были отправлены в Москву. В 90-х годах XVI в. Ураз-Мухаммед неоднократно упоминается в военных и дворцовых разрядах, как участник походов и дворцовых торжеств (в 1590 г. он участвовал в походе против шведов, в 1593 г. — против крымских татар). В 1600 г. Борис Годунов назначил его «царем» в г. Касимов (на Оке).

Царское правительство тогда охотно использовало отпрысков бывших восточных династий, выдвигая их в качестве вассальных владетелей для окраин. Некоторые из этих вассалов, например, Ураз-Мухаммед, были пожалованы владениями в пограничной полосе за службу по обороне окраин. В 1603 г. Ураз-Мухаммед примкнул к Лжедмитрию II, но в ставке Лжедмитрия, заподозренный в измене, был предательски убит. (См.: *В. В. Вельяминов-Зернов*. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, ч. II, с. 398; *И. Н. Березин*. Библиотека восточных историков, т. II, ч. I. Казань, 1854; *Г. Ф. Миллер*. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, с. 274—276. 495—496; *Б. Д. Греков*, *А. Ю. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение, с. 416, 417).

<sup>17</sup> *Левшин Алексей Ираклиевич* (1799—1879) — русский ученый и государственный деятель, один из основателей Русского географического общества; известен своими исследованиями по истории и этнографии казахов; ему принадлежит капитальная трехтомная работа «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832).

<sup>18</sup> *Небольсин Павел Иванович* (1817—1893) — русский историк, этнограф, исследователь истории Сибири, торговых отношений Сибири со Средней Азией, член Русского географического общества. Из многочисленных

работ, богатых фактическим материалом, наиболее интересные: «Очерки волжского низовья» (ЖМВД, 1852, ч. 39); «Очерки торговли России со Средней Азии» (ЗРГО, 1855, т. X, с. 1—442); «Покорение Сибири» (СПб., 1849).

<sup>19</sup> *Сейдяк* (Сейд-Ахмет) — князь сибирский, сын Бекбулата, племянник Едигера (Ядигера). В 80-х годах XVI в. он возглавляет борьбу за наследственное владение и выступает против Кучумхана из династии чингизидов. В 1588 г. Сейдяк вместе с Ураз-Мухаммедом и Карач-мурзой был взят в плен и привезен в Москву. Дальнейшая его судьба не известна. (См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 189—197, 274—276, 474—475).

<sup>20</sup> *Сибирь* (Искер, Кашлык) — город на Иртыше, выше впадения р. Тобола в р. Иртыш; в XVI в. культурный и политический центр Сибирского ханства, столица Кучум-хана. В окрестностях Сибири находились и другие города — Сузгун-тура, Бичик-тура. Название «Сибирь» дано русскими воеводами по имени всей страны, о которой первые сведения они получили от местных жителей. Город был взят Ермаком 26 октября 1581 г. и разрушен им дотла. Сведения о городище Искере, по результатам раскопок на нем, см.: Б. Я. Пигнаги. Искер-Кучумово городище. ЕТГМ, 1915, вып. 25; А. А. Дмитриев. Кучумов Искер на Иртыше. ИОАИЭКУ, т. XVI, вып. 3.

<sup>21</sup> *Паревич Казачья орды Салтан* — см. Ураз-Мухаммед (коммент. 16).

<sup>22</sup> *Кучум* (правильно: Кучум, ум. в 1598 г.) — сын Муртазы из династии золотоордынских шейбанидов, последний хан Сибирского Юрта. Завладел ханством около 1556 г., свергнув прежнего владельца Едигера из династии Тайбуги. Владения Кучума простирались на юге до нынешней Северо-Казхастанской области, на западе до устья р. Туры (Тарханский городок), на юго-востоке до Барабинской степи, на севере граничили с Обско-Иртышским низовьем. Кучум обложил данью все народы, населявшие обширную Западно-Сибирскую равнину, ввел впервые мусульманскую религию. Однако местное население оказало сильное противодействие принуждению к принятию новой веры. Центром культурной и политической жизни ханства был город Искер (Кашлык, Сибирь). В 1581 г. был разбит Ермаком и отступил вверх по Иртышу. Выше Омска он основал новую резиденцию под названием Черный городок. На многократные предложения московских царей сдаться он неизменно отвечал отказом. Потерпев окончательный разгром в 1598 г., Кучум переселился в Ишимскую степь, затем к ногаям, где и умер. (См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 197—201, 299).

<sup>23</sup> *Карача* (вернее, *карачи*) — не имя, а титул советника Кучума, потом Сейдяка; настоящее его имя — Кадыргали Жалапри.

Звание карачи в средние века давалось высшим сановником, служащим при ханских дворах. На казахском языке существует специальная поговорка: «Хан қасында қарачи» — «Хан всегда с карачой». Карачи значит советник хана, его «думный». (См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 274—275, 487).

<sup>24</sup> *Есипов Савва* — летописец, дьяк архиепископа Тобольского. Его летопись написана в 1636 г. и сохранилась в двух редакциях: основной и пространной. Основная редакция состоит из 35 глав, начинается с повествования о завоевании Сибири и заканчивается сообщением о смерти Кучума. В пространной редакции более подробно изложена деятельность Ермака и история завоевания Сибири. Летопись Есипова впервые широко использована историком Миллером, издана Г. И. Спасским, затем П. И. Небольсиным.

<sup>25</sup> *Улус* — первоначально племенной союз, образованный в пределах определенной (племенной) территории. В феодальную эпоху — удельные владения (улус Джучи, улус Чагатая и т. д.). В более широком значении под этим словом понимается государство, народ, нация. Всенародные праздники казахи раньше называли «Ұлыстаң ұлы күні» — «Великий день улуса», т. е. праздник всего народа, нации.

<sup>26</sup> *Акназар* (Хакназар) (1538—1580) — сын Касыма, внук Аз-Джанбека, один из могущественных ханов XVI в. При нем происходит усиление и

централизация феодальной ханской власти, объединение сил казахов, киргизов и ногайцев против захватнических устремлений бухарского хана. Погиб в междоусобной феодальной войне.

<sup>27</sup> *Шигаи* (ум. в 1582 г.) — сын Ядика (Джадика), внук Касым-хана, казахский хан второй половины XVI в. Находясь во вражде с ташкентским правителем Баба-султаном, он заключил дружественный союз с бухарским ханом Абдуллой и помогал ему в борьбе с Баба-султаном. Последний, преследуемый войсками союзников, бежал в Улутауские горы и там погиб. До конца своей жизни Шигаи оставался единомышленником Абдуллы. За это бухарский хан пожаловал ему Кумишкент, где он умер в глубокой старости.

<sup>28</sup> *Касым-хан* (ум. в 1523 г.) — казахский хан, сын Джанибека, внук последнего владетеля орды Барак-хана. Наследовал ханство от отца. Касым-хан стремился возродить былое значение восточной части улуса Джучи (Орды). Он объединил под своей властью не только казахов, но и часть ногайцев, каракалпаков и киргизов. Касым-хан стремился укрепить систему удельного владения; богатейшие земледельческие области юга (бассейн Нижней Сыр-Дарьи, Каратау, районы Сайрама, Таласа и Чу) он раздавал своим родственникам и приближенным — сыновьям, братьям и крупным бекам, а сам обосновался в Каратале, расположенном недалеко от города Сыгнака.

В народных преданиях с племенем Касым-хана связывается создание феодального кодекса законов — «Қасым ханның қасқа жолы» («Проторенный путь Касым-хана»). Текст свода до нас не дошел, народная легенда не передает полного его содержания, но из нее видно, что этот кодекс был направлен на укрепление феодальной собственности.

<sup>29</sup> *Джадек* (Джадик, Ядик) (XVI в.) — сын Джанибека, брат Касым-хана, родоначальник феодальной династии казахских ханов. Избран ханом еще при жизни Касым-хана, когда последний находился в преклонном возрасте. Погиб в междоусобной войне с ногайским мурзой Шигимом (Шах-Мамаем), погребен в Ургенче, возле мавзолея поэта Бақырған-Ата (Сулеймена).

<sup>30</sup> *Джанибек* (Аз-Джанибек, в литературе Абу Са'ид) (ум. в 1477 г.) — сын последнего владетеля орды Барак-хана, правнук Урус-хана, сумевший объединить древнеказахские племена, основатель Казахского ханства и один из его первых ханов. Объединение казахских племен произошло в середине XV в., после распада Золотой Орды (в Дашт-и Кыпчаке) и улуса Чагатая (в Средней Азии). Как основателю ханства, объединившему значительную часть казахского народа, ему было дано почетное прозвище Аз-Джанибек (Мудрый Джанибек).

<sup>31</sup> *Дженкинсон Антони* (XVI в.) — английский купец, дипломат, неоднократно посещал Москву и Московское государство, дважды ездил в Персию и Среднюю Азию. В 1558 г. через Астрахань и Мангышлак проезжал в Хорезм, был в Бухаре как представитель московской и английской торговой компании и как официальный посол Ивана Грозного. Сохранился дневник его путешествия по Северному Прикаспию и Средней Азии, в котором он описывает бедственное положение ногайцев, пострадавших от джута и войны, а также победу казахского хана Акназара над Бухарой. (См.: Известия англичан о России. ЧОИДР, кн. IV, М., 1884, с. 1—105 и др.).

<sup>32</sup> *Бурундук* — сын Гирея, внук Джанибека, казахский хан, предшественник Касым-хана, управлял (конец XV в.) номинально, фактическая власть находилась в руках его двоюродного брата, сильного хана Касыма. Лишенный авторитета и власти, Бурундук оставил Дашт-и Кыпчак, переехал в Самарканд и там умер.

<sup>33</sup> *Шейбани-хан* (Мухаммед-Шейбани) (1451—1510) — сын Шахбодак, внук Абулхаира; основатель узбекского ханства и династии ханов-шейбанидов. Возглавил междоусобную борьбу против казахского Касым-хана, организовал зимний поход (1509 г.) в Сузак и Улутуа, но потерпел поражение. Погиб во время сражения с иранскими войсками под Мервом.

По Абулгази, Шейбани-хан был не только государственным деятелем и полководцем, но и незаурядным стихотворцем.

<sup>34</sup> *مینه маймана, میسه майсара* — арабские термины для обозначения правого и левого крыла (флангов войскового строя), соответствуют тюркским *оң* и *сол*, монгольским *барунгар* и *джувангар*.

<sup>35</sup> *Кадыргалибек* (правильнее: Кадыргалибек) — советник Кучума, затем Сейдяка. Кадыргалибек — сын Хошумбека, внук Темчик-бахадур, происходил из гребне-тамгового рода казахского племени жалаир. Перейдя в оппозицию к Кучум-хану, он вместе с Ураз-Мухаммедом примкнул к Сейдяку, усилив тем самым престиж последнего. Русские летописи сообщают, что Сейдяк «стал сильнее после того, как к нему пришли некий царевич Казахской Орды (Ураз-Мухаммед) и Карач-мурза, незадолго до того присоединившийся к нему». В 1588 г. во время «завабления ястребиной охотой на берегу реки Иртыша», Кадыргалибек вместе с Ураз-Мухаммедом и Сейдяком были взяты воеводой Чулковым в плен и отправлены в Москву. Здесь он составил известное сочинение *جامع التواريخ* «Сборник летописей» (см. ниже, комментарий 48 к «Извлечениям из *جامع التواريخ*»).

<sup>36</sup> *Джалаир* (казах. *жалайыр*) — представитель племени жалаирав — одного из древних и основных племен, входящих в состав Старшего жуза. По казахским генеалогическим преданиям, жалаиры — главнейшая ветвь племени уйсун. По исторической генеалогии основную линию жалаирав составляют чуманаки (чуйские племена), отождествляемые некоторыми учеными с древними чумгуны и сырманаками (сырдарьинские племена или огузы). Из других жалаирских родов интересно отметить имена киргиз, огуз, ак-марка, кара-марка\*<sup>1</sup> (у древних огузов ак-коюнлу и кара-коюнлу\*<sup>2</sup>), ельтезер и т. д. Наличие в составе жалаирав указанных племен достаточно убедительно говорит об их тюркском происхождении.

В раннем средневековье жалаиры, как одно из крупных племен, играли активную роль в истории Средней Азии, принимали деятельное участие в образовании династии в Средней Азии и Иране. После монгольского завоевания часть жалаирав переселилась в Зеравшанскую долину и слилась с узбеками. Казахи племени жалаир в основном расселились в Семиречье, в долине р. Каратала, занимая территорию к югу от оз. Балхаша до Джунгарского Алатау (см.: *Н. Аристов*. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. ЖС, 1894, III—IV, с. 407—408, С. *Аманжолов*. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 43—46).

<sup>37</sup> *Огуз-хан* — легендарный родоначальник тюркских народов, в частности огузских племен, живущих в низовьях Сырдарьи (VIII—XI вв.). С его именем связана большая полулегендарная эпопея «Огуз-наме», объясняющая родословную Огуз-хана, происхождение и развитие древнетюркских племен. Поэма переведена с тюркского на все основные языки мира.

<sup>38</sup> *Кунраты* (кунграты, правильнее — конграты) — древнее племя, известное с VIII—IX вв. Сыграло значительную роль в истории Средней Азии XII—XVI вв. В улусах кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака конграты, объединившие многочисленные тюркские роды, явились значительной политической силой.

Основная часть конгратов вошла в состав казахского народа, другая, незначительная часть, присоединилась к каракалпакам и узбекам.

Конграты входили в состав Среднего жуза, но в конце XVIII в., в связи с неблагоприятной политической ситуацией, отделились от него и присоединились к Старшему жузу. (См.: *А. И. Левшин*. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. I. СПб., 1832, с. 160—165; *Н. И. Гродеков*. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинский области.

\*1 Ак-марка — белый ягненок, кара-марка — черный ягненок.

\*2 Ак-коюн — белый баран, кара-коюн — черный баран.

Ташкент, 1889, с. 11; А. Нурекин. Аристократическая каста в кунградском роде. «Туркестанские ведомости», 1873, № 43; Н. Наушабаев. Манзумат Казакия. Казань, 1903, с. 27, на каз. яз.; М. С. Муханов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 58—65.

<sup>39</sup> *Найманы* — одно из древних, как считает большинство исследователей, тюркоязычных племен, игравшее активную роль в истории в период XII—XV вв. По Рашид ад-дину и Плано Карпини, найманы жили в горах Большого Алтая и на Иртыше, распространяясь на востоке до Каракорума, на западе до Чингисского хребта, который в то время назывался Найман-күх (Найманский хребет). Во время монгольского нашествия (начало XIII в.) часть найманов (балталы и баганалы) была оттеснена войсками Чингисхана и отошла к горам Улугтау (Центр. Казахстан). В XIII—XV вв. найманы один из основных компонентов, составивших основу казахского народа. Небольшая их часть растворилась среди народов Средней Азии.

Основная масса казахских найманов живет на территории своих предков, занимая верхний Иртыш и местности от Западного Алтая до Тарбагатай. (См.: J. Klaproth. *Magasin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie Centrale et Septentrionale*, publié par J. Klaproth, t. II. Paris, 1826, p. 326—328; H. H. Howorth. *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*. V. I. London, 1876, p. 693; Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, III—IV. СПб., 1896, с. 361; К. Халилов. Тауарих Хамса. Казань, 1911, с. 226—227; Н. Наушабаев. Манзумат Казакия...; С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка..., с. 52—61; P. Poucha, *Trináct tisíc kilometrů Mogolském*. Praha, 1957, p. 128, 159).

<sup>40</sup> *Кыпчаки*. В XIII—XV вв. они составили основное ядро казахского народа, в который впоследствии влились и другие племена. В поздние средневековые часть кыпчаков переселилась на территорию, составляющую ныне Ферганскую область Узбекской ССР; небольшая часть кыпчаков вошла в состав киргизов, каракалпачков и башкир.

Основной регион проживания казахов из кыпчакского племени — Тургайская и Кустанайская степи и районы, примыкающие к Южному Уралу. Значительная часть их живет на Сырдарье, в Акмолинской, Павлодарской, Омской и Карагандинской областях. (См.: Махмуд ал-Кашгари. *Диван лугат ат-турк*, тарих та'лифи 466 сана-и хиджрийа. Мусаххих Келисли Му'аллим Риф'ат. Т. I, Стамбул, 1333/1915, с. 32; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884; т. II, М.—Л., 1941).

Область кочевания кыпчакских племен достигала на западе до Причерноморских степей. Вся степная обширная территория от Иртыша вплоть до южнорусских степей была известна как Дашт-и Кыпчак («Степь кыпчаков») в XIII—XV вв. В. В. Бартольд. *Сочинения*, тт. 1, 5. М., 1963, 1968; История Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата, 1979.

<sup>41</sup> *الاج منكى* (*алач мыңы* — тысяча алачей) — согласно «Сборнику летописей» Жалаири, союз крупнейших племен, наряду с кашглами, жалаирами и катаганами, игравшими главную роль в Белой орде во время правления Урус-хана. Видимо, это первый союз казахских племен, так как в XV—XVI вв. указанный термин становится одним из этнонимов казахского народа. В Сборнике говорится: *اورس خان نينك ميمنه ميسره بو تروور: يعنى ميمنه اونك قول، ميسره سول قول ايرور. اقوام قنقى ايرور ايكي سان نفر، اقوام الچ منكى ايرور اوچ سان نفر قوم قنغن.* Далее отмечается, что «среди алач мыны главнейшие гребне-тамговые жалаиры» — *الچ منكى اراسندا اولوغى تراق تمغالى جلاير بولغاي*.

Приведя родословную главных беков из жалаири, автор пишет: «Из алач мыны они [жалаириские беки] были главные» *الچ منكى نينك اغاسى بولا كيمكان بولار تروور*

<sup>42</sup> **قىغان یدا** — этот перевод неточен, такого слова нет; Валиханов его не нашел ни в одном из тюркских языков. Правильно должно быть **ايل قريغينا** — ‘к границе государства’. Вся фраза читается: **الارنيك الا كونكول ... ييلا تيل يايب ايل قريغينا يتا كيكاندا** ... [‘Мы знали]: когда они с злым умыслом, распространяя слухи, подошли к границе нашего государства...]. Слово **ايل قريغى** — граница государства часто встречается и в средневековых памятниках; **تيل يايماق**, ‘распространять слухи’. (См.: МСМА, ч. I—II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, с. 198).

<sup>43</sup> **تيراماك** — качать, шевелить, трогать — форма метатезы; точнее: **تيراماك** — шевелить, волновать, возмущать. Речь идет о восстании, происшедшем в Золотой Орде. Правильно вся фраза читается так: **اول يمان كشي لار بورون** — «...от того, что эти дурные люди возмущались (тйираб) и народ восстал». Слово **تيراماك**, ‘тйиранди’, также зафиксировано в древнекыпчакских документах (См.: МСМА, с. 296).

<sup>44</sup> От арабского слова **يتيم** — ‘сирота, одинокий’.

<sup>45</sup> **مونغانالى** — неточно, такого слова нет. В подлиннике написано: **مونغانلتدى** (*мунгалтды*) — ‘огорчил, обидел, опечалил’, в переносном значении — ‘наказал’. Слово **مونك** — ‘забота, печаль, горькая доля, участь’, отсюда **مونكسر** — ‘беззаботный’. Слово тоже зафиксировано в древних актах. (См. МСМА, с. 241).

<sup>46</sup> **بازاركان** — ‘купец, торговец, гость’; в древнекыпчакских памятниках записано: **بازاركان ليق قيلدى** — ‘[он] занимался торговлей’ или **زيان قيلدى** — ‘торговец потерпел убыток’. (См. МСМА, с. 271, 302).

<sup>47</sup> **اورتاق** — ‘компаньон, товарищ’; **بيلا** — ‘заключил с ним товарищество’; или **اورتاقلاشتيلار** (اورتاقلاشتى **اينيك بيرله**) — ‘стали компаньонами’. (См. МСМА, с. 271).

В ярлыке сказано ясно, что речь идет именно о негоциантах Ягайла; **اورتاقларينك** — ‘твоя купцы’. Если бы имелись в виду купцы обеих стран, то стояло бы: **اورتاقларيميز** — ‘наши купцы’. Следовательно, частицу притяжательного местоимения надо расшифровать как **اورتاقларينك** а не **اورتاقларن** (их купцов), так как ярлык обращен ко второму лицу (к Ягайлу), а не к третьему.

<sup>48</sup> **Кутлубуга** (Кутлу-бука, XIV в.) — золотоордынский бек, служивший при Тохтамыше в качестве посланника (эльчи) в восточноевропейских государствах.

<sup>49</sup> **اولوس بىكى**, **ايل بىكى** — По турецкому словарю Вефик-паши улус делится на или, иль — на уймаки, уймак — на боц, бой — на уруки (роды). *Бартольд В. В.* Сочинения, т. II, ч. 2, с. 394.

<sup>50</sup> **نفر** — букв. «группа, люди» (араб.), счетное слово для людей — «[столько-то] человек».

<sup>51</sup> **ياسаул** **يساول** (монг.) — лицо, ведавшее расстановкой войск в бою и на парадах и вообще делами воинов (отсюда русское ‘есаул’). Ясаулы занимались также подсчетом военной добычи и брали из нее часть, принадлежащую хану. **قاراول** (или **قراول**) **караул**, из монг. харул — первоначально обозначало обязанности загонщика или наездного в облавной охоте; в военной терминологии у кочевников — передовой отряд, кото-

рый начинает сражение или сообщает о появлении неприятеля, а также сторожевая (караульная) служба, часовые и т. п.

<sup>52</sup> О времени появления и значении термина «казах» см.: *Самойлович А.* О слове казах.— Антропологические очерки. Л., 1927; *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах».— Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960.

<sup>53</sup> *Казаклык* (казачество)— образ жизни казака, т. е. человека, по какой-либо причине ушедшего от своего племени, рода или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием.

<sup>54</sup> *Абулгази* (1603—1663)— хивинский хан и писатель XVII в. Знаток истории тюркских народов Средней Азии и Казахстана, автор известных сочинений «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») и «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен»). Подлинник «Родословной тюрков» впервые найден в Тобольске в 30-х годах XVIII в. и после выдержал ряд изданий на русском и европейских языках. Одним из наиболее ранних изданий является перевод Треднаковского с французского перевода в 1770 г. Первое издание книги в России осуществлено в 1825 г. по заданию министра иностранных дел Н. П. Румянцева, отчего оно прежде называлось «румянцевским». Лучший перевод сочинения Абулгази, сделанный проф. Казанского университета Г. Саблуковым, впервые напечатан в III части «Библиотеки восточных историков», издававшейся И. Н. Березиным (СПб., 1850), затем в 1904 г. вышел отдельным изданием.

<sup>55</sup> Новейшие исследования о времени образования казахской народности подтверждают мнение Ч. Валиханова. Совокупность исторических, археолого-этнографических, антропологических и лингвистических источников позволяет утверждать, что процесс образования казахской народности в XIV—XV вв. в основном завершился. (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 255).

<sup>56</sup> *Кятиб* (Катиб) *Челеби* (Хаджи Хальфе Мустаф, 1608—1657)— турецкий ученый, историк и географ, автор сочинения «Зерцало мира» (1732 г.)— کتاب جهان نما لکاتب چلبی. استانبول، ۱۱۴۰. На основании данных этой книги Валиханов составил схематическую карту Средней Азии XVI—XVII вв. Карта эта хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, ед. хр. 17, л. 49).

<sup>57</sup> *Клапрот Генрих Юлий* (1783—1835)— известный ориенталист, путешественник, автор многочисленных работ по истории тюркских и монгольских племен. С 1802 по 1811 г. провел в России. В 1806 г. был избран членом Российской академии наук. Участвуя в посольстве графа Головина в Китай, изучал язык и быт сибирских народов, а также монголов, маньчжуров и китайцев. Его труды широко использовались русскими ориенталистами в своих исследованиях по Центральной Азии. Многие из них поддерживали с Г. Ю. Клапротом тесные научные контакты. Ч. Валиханов, подобно многим своим предшественникам, в своих трудах неоднократно ссылается на его работу «Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours; accompagnées de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde. Paris — Londres — Stuttgart — Gotha, 1826.

<sup>58</sup> *Дай-цин-И-тун-чи* — «Общее обозрение Дайцинской (Маньчжурской) империи». Историко-географическое описание Китая и подвластных земель при маньчжурской династии в XVIII в. По изданию 1774 г. и по следующим изданиям состоит из 24 томов и 356 глав. Монголии и Синцзяну посвящены главы 344—356.

<sup>59</sup> *Сенковский Осип* (Юлиан) *Иванович* (1800—1858)— русский ориенталист, критик и журналист. С 1819 г. состоял при русском посольстве в Стамбуле, позже совершил ряд путешествий по Сирии и Египту, где изучал арабский язык. В 1822 г. Сенковский заведывал кафедрой восточных языков в Петербургском университете. Издал ряд работ по истории, этнографии и филологии мусульманского Востока, написанных на фран-



пузском и польском языках. С 1833 г. Сенковский известен как беллетрист, сотрудничавший под псевдонимом «Барон Брамбеус» в юмористических журналах.

<sup>60</sup> *Бабер* (правильно: Бабур) Захир ад-дин Мухаммед (1483—1530) — потомок Тимура, сын правителя Ферганы Омар-Шейха. Двенадцати лет унаследовал от отца его владения, но в результате междоусобных войн был оттуда изгнан. В 1525 г., после тщательной подготовки, вторгся в Индию, в 1526 г. захватил Дели и Агру, в дальнейшем, распространив свою власть на большую часть Индии, основал государство великих моголов. Бабур оставил свои мемуары в виде историко-художественного произведения — «Записки Бабура» (Бабур-наме), написанные на староузбекском (чагатайском) языке. Текст его мемуаров впервые издан в 1867 г. Н. И. Ильминским в Казани. Перевод на русский язык (М. Салье) издан в 1948 г. в Ташкенте. Кроме «Записок», Бабуру принадлежит сборник лирических стихотворений «Диван» (издан факультетом восточных языков Петроградского университета в 1917 г.; перевод на русский язык (Л. Пеньковского) издан в 1943 г. в Ташкенте).

### ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАИЛИЙСКОГО КРАЯ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 9—17. Беловая копия рукописи хранится в архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 1—15). Две другие копии (черновая и беловая) хранятся в архиве Ч. Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, лл. 1—8 об.; д. 22/3, лл. 22 об., 35 об.).

Беловые копии идентичны, они отличаются от черновой более четким построением и важными разночтениями. Видимо, это одна из первоначальных редакций. В беловике ААН немало ошибок, допущенных переписчиком.

Черновая копия ААН переписана в отдельную тетрадку школьного формата небрежно и со множеством ошибок. В конце тетрадки имеются заметки без заголовков, не связанные с «Очерком Заилийского края». Черновая копия, видимо, снята с разрозненных листов, а потому местами нарушена первоначальная авторская пагинация. Но кое-где встречаются интересные разночтения с беловиком.

Авторство Ч. Валиханова устанавливается, во-первых, его ссылкой на эту работу и, во-вторых, повторением мыслей, высказанных в «Очерке Заилийского края», в других работах. Например, в «Очерке Заилийского края» он писал: «Зима 1853 года — первая зима, проведенная русскими за Или, была самая жестокая, какой не припомним киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее за собой». (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, л. 4). Эта же мысль высказана и в «Кульджинском дневнике»: «Зима 1853 г. памятна в этом крае... киргизы говорят, что такой зимы они не помнят, и уверяют, что русские возят с собой холод». (См. Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. II. Алма-Ата. 1962, с. 96).

Самым веским доказательством авторства Ч. Валиханова является то, что в своей обзорной работе «Географический очерк Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль», в которой дано описание всех рек, берущих начало в Тянь-Шане, Ч. Валиханов нарочито опускает бассейн Или, приводя только ссылку на свои прежние работы «О Большой киргизской орде» и «Заилийском крае» (см.: Собр. соч., т. 1... с. 316). Эти две работы дошли до нас в виде копий в одной тетради (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4—9 и лл. 22 об.—35 об.).

Работа написана не позднее 1855 года.

<sup>1</sup> ...длинную полосу земли, лежащую между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау.— В начале пятидесятых годов географического термина «Заилийский Алатау» еще не было, вместо этого во всех географических сочинениях, в том числе в трудах П. П. Семенова, А. Ф. Голубева, И. И. Захарова, Ч. Ч. Валиханова и других, употреблялось «Кунгей-

Алатау». Исследователи были убеждены, что Алма-Атинский хребет и Кунгей-Алатау одно и то же. Дифференциация на Запильский и Кунгей-Алатау произошла позднее. Запильский хребет казахи раньше называли Алматы-тауы (Алма-Атинский хребет).

<sup>2</sup> *Камау* — дельтовая часть реки Илч, непосредственно примыкающая к южному берегу Балхаша.

<sup>3</sup> *...Большим Алатау*. — Имеется ввиду весь массив Северного Тянь-Шаня в противоположность Джунгарскому, или Малому Алатау.

<sup>4</sup> *...выше Малого Алатау* (Кичи-Алатау) — одно из исторических названий Джунгарского Алатау.

<sup>5</sup> *...Зайссыккульскому Кыргызнын-Алатау*. — Речь идет о Терской-Алатау, огибающем озеро Иссык-Куль с южной стороны.

<sup>6</sup> *...лесками Каракум*... — не совсем точное определение. От западной оконечности Каратау до Приаральских Каракумов лежит еще огромная пустыня и низменность, заключающая в себе долины рр. Чу, Сарысу и озеро Тели-Куль. Каратау оканчивается в районе Нижней Сырдарьи, недалеко от ее правого берега.

<sup>7</sup> *...озеро Джасылкуль*. — Настоящее название горного озера, которому впоследствии было присвоено неточное имя «Иссык», его часто путают с названием озера Иссык-Куль. *Иссык* (собственно: Esik) — название не озера, а речки, берущей начало из озера Джасылкуль.

<sup>8</sup> *По стоде снегов у подножия Алатау волости кайсацкие выступают на эти урочища*... — т. е. занимают урочища, расположенные вдоль северного подножья Запильского Алатау с востока на запад (Кеген, Турген, Талгар, Каскелен, Курдай).

<sup>9</sup> *...называется Курган-тубе*. — Речь идет об одном из Талгарских городищ, расположенном при выходе р. Талгар из гор на равнину. Городище сейчас сгнило и развалилось.

<sup>10</sup> *При самом истоке из гор Талгара есть еще развалины древнего укрепления*. — Имеется в виду Верхнеталгарское городище, теперь находящееся в черте города Талгара.

## О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ БОЛЬШОЙ ОРДЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 9—17. Рукопись хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4—9). Существует беловая копия в Архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14), восходящая к другой, ныне отсутствующей. Публикуемая копия датируется 1854—1855 гг., т. е. временем занятия Запильского края и основания укрепления Верного. В составлении этой серии, видимо, принимал участие и Г. Н. Потанин, который также интересовался вопросами истории, географии, этнографии и культуры Казахстана. Возможность совместного написания подтверждается словами Г. Н. Потанина. Он пишет, что при беседе с Чоканом «все что меня заинтересовало, я начал записывать для памяти; сначала я носил эти записки в кармане... Впоследствии... завел большую тетрадь. В это время география и этнография Киргизской степи сделались для меня любимым занятием и Чокан помогал мне наполнять тетрадь своими рассказами. Таким образом, мы занесли в нее обстоятельное описание соколиной охоты у киргизов... Он рассказывал, я записывал». (См.: Сочинения Ч. Ч. Валиханова, СПб., 1904, с. XVI). Вполне вероятно, что статьи, входившие в тетрадь Г. Н. Потанина («Составные части киргизского пороха», «О хлебопашестве», «Юрта», «О киргиз-кайсацких могилах»), записаны им под диктовку Ч. Ч. Валиханова, и в них проявилась индивидуальная манера письма Г. Н. Потанина. В некоторых рукописях имеются абзацы, написанные позднее рукой Г. Н. Потанина. Название дается на основании ссылки Ч. Валиханова на эти работы (см. ССВ, т. 1, с. 316).

<sup>1</sup> *...об этих разделениях будет подробнее объяснено в своем месте*. — Это обещание автора, к сожалению, не нашло отражения ни в черновом, ни в беловом варианте.

<sup>2</sup> *Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое*. —

Уйгуров и джунгар нельзя считать основными аборигенами Семпречья. Коренными жителями его с древнейших времен были племена, входившие в усуньскую конфедерацию, восходящие в свою очередь к своим предкам — семпреченским сакам. С VI—VIII вв. в числе основных жителей Семпречья были известны чигили, тюргеши, карлуки, ягма и некоторые другие, которые, как и их предшественники, оставили курганы, городища, надписи на камнях и т. д. Джунгарское завоевание Семпречья было кратковременным (первая половина XVIII в.).

<sup>3</sup> ...*Последний народ был завоеван китайцами в 1755 г.*...— Ч. Ч. Валиханов допускает фактическую ошибку в отношении времени разгрома Джунгарского ханства. В начале 50-х гг. ойратские войска во главе со своим предводителем Амурсаной продолжали ожесточенное сопротивление Цинской армии и только в 1758 г. после ряда серьезных поражений Джунгарское ханство было окончательно уничтожено и вошло в состав империи Цинов (см.: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. 1635—1750 гг. Изд. 2-ое. М., 1983, с. 279—304).

<sup>4</sup> ...*султан Рустем* — современник героя поэмы Джамбула Супатай. Они боролись за свободу и независимость казахов Большой орды от Китая и Кокандского ханства. Из архивных документов явствует, что впоследствии Супатай занял несколько иную позицию.

<sup>5</sup> ...*Тойчубеково укрепление* — военная крепость, построенная Тойчубеком на берегу Аксая у подножья Запильского Алатау. Тойчубек — крупный казахский феодал, управлявший казахами племен чапрашты и дулат, ставленник Кокандского ханства. Укрепление разрушено отрядом Карбышева в 1861 г.

## СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 21. Рукопись, переписанная ранним почерком Г. Н. Потанина, хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 1—4). Входит в серию статей о «Запильском крае и Большой орде» и датируется по аналогии 1855 г. (см. легенды к статьям «Географический очерк Запильского края» и «О киргиз-кайсацкой Большой орде»).

Работа дошла до нас в трех копиях, из которых две хранятся в архиве Ч. Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 1—4 и д. 3, л. 26—26 об. и третья беловая — в архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 33—35).

<sup>1</sup> ...*«калмыцких курганов»*. — Условный термин, которым казахи называли памятники языческого периода. Он возник в период распространения ислама, который прививал отвращение ко всему домусульманскому.

<sup>2</sup> ...*заключается ли в ней селитренное начало*... — Речь идет о калийной селитре, отчасти фосфоре желтого и коричневатого цветов, который казахи добывали на развалинах старых зимовок и кладбищ, где в результате большого скопления костей образовались селитренные корки с вкраплениями фосфора.

## О ХЛЕБОПАШЕСТВЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 22—26, основанием для которого была рукописная копия — Архив ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 42—49). Другая копия хранится в архиве Ч. Ч. Валиханова — ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 9—15). Публикуемая копия имеет важные разночтения, в частности о сельскохозяйственных орудиях у казахов и способе хранения зерна, которых нет в другой. Очевидно, она скопирована с третьей первоначальной редакции, и поэтому мы взяли ее за основу.

Эта статья входит в серию работ о «Запильском крае и Большой орде», написанных, по-видимому, вместе с Г. Н. Потаниным, она датируется также 1855 г.

<sup>1</sup> ...*находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не перенять у них хлебопашества*... — Вслед за многими русскими учеными Ч. Валиханов традиционно объяснил начало распространения земледелия у каза-

хов влиянием внешних факторов, в том числе заимствованием у соседей. В советской историографии в связи с введением в научный оборот широкого круга разнообразных источников наряду с этой точкой зрения существуют и иные взгляды, согласно которым развитие земледелия в Казахстане имеет местную основу (см. Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Алма-Ата, 1980, с. 137—249).

<sup>2</sup> *В Большой орде сеют преимущественно просо...*— Просо (тары) казахи употребляли преимущественно зимой. Из него они делали талканы, тары-коже (квашеный напиток на просяном отваре), ботку (кашу на молоке).

<sup>3</sup> *...посев пшеницы китайской недавно введен...*— Ч. Валиханов, по-видимому, не располагал более ранними источниками о казахском земледелии в Среднем и Старшем жузах. В частности, в материалах сотрудников академических экспедиций 1768—1774 гг. (И. П. Фальк, Х. Барданес) имеются сведения о сравнительно широком использовании китайской пшеницы в хозяйстве казахов указанных районов еще в середине XVIII в. (см. ААН СССР, ф. 3, оп. 35, д. 25а, лл. 451—452; д. 29).

<sup>4</sup> *Чалаказаки (чала-казахи)*— в этническом отношении— это потомки казахов, имеющие смешанное происхождение, для них характерен полуседлый образ жизни.

## ЮРТА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 26—28. Рукопись, переписанная ранним почерком Г. Н. Потанина, хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 15 об.—20 об.). Имеются еще две копии: одна—ААН (ф. 23, оп. 1, д. 8, лл. 27—28) и другая—архив ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 50—55). Публикуемая рукопись относится к группе статей о «Заилийском крае и Большой орде», датируется 1854—1855 годами.

<sup>1</sup> *Окружность юрты состоит от двух до восьми решеток...*— Допущена неточность. Юрты обычно состоят минимум из четырех, максимум из девяти или двенадцати решеток.

<sup>2</sup> *...тюдюк... изнутри... подымается против ветра, чтобы заградить его.*— Здесь вкралась неточность. Для защиты от ветра надо опустить тюдюк. Вероятно, речь идет о том, как осветить юрту во время проливного дождя, чтобы в нее не попал дождь.

<sup>3</sup> *...с фигурными клапанами, пришиваемыми за оба конца к кошме.*— Речь идет об украшении узуга, называемого додеге.

<sup>4</sup> *Басгур*— ковровая полоска, с помощью которой укрепляется не узук, а остов юрты; им опоясывается верхняя часть кереге. Более подробные сведения о внутреннем убранстве юрты, о истории ее возникновения см.: М. С. Муканов. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.

## О КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ МОГИЛАХ (МОЛАХ) И ДРЕВНОСТЯХ ВООБЩЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 29—38, основанному на рукописной копии—ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 36—47). Имеется еще беловая копия архива ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 17—32). Она является одной из статей, входящих в серию работ о «Заилийском крае и Большой орде». Датируется 1855 годом. См. Г. Н. Потанин. Киргизские могилы. XXII иллюстр. приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903, № 211 (Томск); Р. Р. Semenov. Die Gräber bei den Kirgisen.— Mittheil. d. geograph. Gesellschaft. Wien. 1871, S. 199.

<sup>1</sup> Молой казахи называют памятники, построенные из неровного камня или кирпича-сырца и относящиеся к позднему средневековью. Памятники, сооруженные из жженого кирпича, они называют кумбез, кешен кесене, там. Подобные типы памятников бытовали на протяжении столетий (X—XX вв.).

<sup>2</sup> *Кулан-хан*— султан Кулан Адилев, внук Аблая, умер в 1831 г., считается родоначальником албановских и сувановских казахов.

<sup>3</sup> *Сюк* (точнее: Суюк)— сын Аблай-хана, в конце XVIII и в первой четверти XIX в. управлял казахами Большой орды, в начале 20-х годов изъяз-

вил желание добровольно вступить в российское подданство. Развалины его мавзолея находятся севернее г. Талды-Кургана, против изгиба р. Каратал.

<sup>4</sup> *могила Абулхаир-хана* (точнее: мавзолей Абулхаира).— Мавзолей неоднократно был описан русскими путешественниками, построен в традиционной форме древних мавзолеев с квадратным основанием, на котором покоится конический свод.

<sup>5</sup> *...выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими)*.— Речь идет о ташкентских казаках, потомки которых живут в Сары-Агачском, Келе-ском, Бостандыкском и Пахта-Аральском районах. Из их среды действительно вышло много хороших строителей.

<sup>6</sup> *Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразную*.— Имеются в виду одиночные и групповые кладбищенского типа могильные сооружения. Казахское кладбище состоит из наружной ограды, своей формой напоминающей крепостную стену (курган) с угловыми башнями.

<sup>7</sup> *...укрепленными наружным траверсом (траверсом)*.— Наружная стена, служащая защитой чего-либо, в данном случае внутренних строений—могильных насыпей, саркофагов, склепов, купольных мавзолеев и т. д.

<sup>8</sup> *...Улугавских вершин*.— Речь идет об одной из вершин гор Улугтау, которая называется Едыге.

<sup>9</sup> *...в Каракоруме*.— Первоначально (VII—IX вв.)— резиденция уйгурских каганов, в XIII—XIV вв.— столица монголов.

<sup>10</sup> *Булган-Ана... небольшое здание с куполом*.— Сейчас купола нет, сохранились только четыре стены с аркой.

<sup>11</sup> *Кашана* (Кешене, Кесене, Кешен).— Речь идет об известном сооружении в Кустанайской области, исследованном проф. Петри.

<sup>12</sup> *Урдабай*.— Древнее сооружение Урдабай очень заинтересовало Чокана Валиханова своим сходством с известным надгробием на р. Аягуз—мавзолеем Козы-Корпеш и Баян-Сулу. В дневнике он записал: «Нужно осмотреть Урдабай—древнюю могилу с истуканом. [Она находится] на дороге от Аксу к Карасуйскому пикету». Это был первый из семи объектов, которые он хотел осмотреть. (См.: ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 31).

<sup>13</sup> *...есаула, зодившего в Коканд*.— Подразумевается хорунжий Н. И. Потанин, сопровождавший в 1829 г. кокандское посольство.

<sup>14</sup> *...косвенно поставленные плиты с отверстиями*.— Имеются в виду большие бегазинские ограды эпохи бронзы, сложенные из огромных гранитных плит. Исследованы в 1947—1950 гг.

<sup>15</sup> *На пути из Каркаралов в Актае встречается множество гробниц, составленных из...*— Памятники этого типа относятся к ранним периодам эпохи бронзы (XVI—VIII вв. до н. э.). Большая часть из них теперь исследована Центрально-Казахстанской экспедицией Академии наук Казахской ССР.

<sup>16</sup> *Ров... длиною верст на 900: ...вероятно, ...это граница темучиновыи улусов*.— Вопреки народным преданиям, такое толкование логично. Создание огромного искусственного рва протяженностью от Тарбагатайских гор до р. Или в казахских народных преданиях связывают с облавной охотой. Подтверждение этому можно найти в записках среднеазиатских авторов XIII—XVI вв. Ясно, что перегораживать рвом такую огромную территорию не имело никакого политического и экономического значения для Темучина. По народным преданиям, рытье этого грандиозного рва длилось на протяжении нескольких поколений, т. е. в течение ряда столетий. Основным сюжетом этой легенды является умерщвление Джучи стай кулаков во время охоты и обет отца-властина истребить за это их всех.

## ЗАМЕЧАНИЯ НА ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ ОРД (А. И. ЛЕВШИНА)

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 39—41. Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ (ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 229—232) и находится в группе материалов, принадлежащих Ч. Ч. Валиханову. Она хранится в архиве проф.

В. В. Григорьева (ф. 159) (см. легенду к заметке «Зимние кочевки волос-тей Каркаралинского внешнего округа»).

По-видимому, это одна из первых рецензий Ч. Валиханова, написанная еще на последнем курсе кадетского корпуса (1853 г.), когда Ч. Валиханов и Г. Потанин зачитывались Палласом, Левшиным и другими известными авторами.

В рецензии отмечены лишь фактические промахи А. И. Левшина. Малоопытный юноша только вскользь говорил об ошибочности некоторых взглядов и суждений почтенного историка, труды которого уже в XIX в. стали библиографической редкостью.

## ПЕСНИ УРАКА

Казахский текст представляет собой автограф Валиханова с его же поправками и дополнениями. Впервые был опубликован в 1961 г. по черновой автографу — ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 27—28. Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 188—195. Русский перевод песен Урака сохранился в двух списках — черновой автограф (лл. 25—26) и авторизованная копия (лл. 23—24). Точная дата работы неизвестна, приблизительно она относится к 1854—1855 гг.

<sup>1</sup> *Урак* — ногайский батыр. По толкованию Валиханова, батыр Среднего жуза, рода караул (см.: Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. Под ред. Н. И. Веселовского; ЗРГО, ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 225).

<sup>2</sup> *Каракула* — в казахском тексте имя богатырского коня Кара-Кула (темно-саврасый), в переводе Кара-Кулан — не совсем точно. В русском переводе имя это дается нами так, как написано оно в казахском тексте.

<sup>3</sup> *Азраил* — ангел смерти, по библейской легенде.

<sup>4</sup> *Саркесан, Тельсары* — названия богатырских коней.

<sup>5</sup> *...лучше, когда нет плода, нежели зелень.* — «Лучше, когда яблоки (плоды) зеленые, нежели белые (т. е. спелые)».

<sup>6</sup> *О! Лучше б едиnorodная моя, злостная голова не была бы вовсе на свете.* — В казахском оригинале: «(О, родная), лучше бы не родиться, чем быть одиноким, злостным».

<sup>7</sup> *Карабатыр говорит.* — В казахском оригинале: Исповедь Кара-батыра.

<sup>8</sup> *Дикововорящих чурчутал...* — В казахском тексте: «Непонятно говорящих чурчутал». Под чурчуталами обычно понимаются маньчжуры.

<sup>9</sup> *...я одному себе обратил.* — Т. е. заставил слушать, подчинив себе.

## ТЕНКРИ (БОГ)

Черновые наброски, написанные Валихановым в начальный период его деятельности, вероятно, в 1854—1855 гг. после путешествия по Центральному Казахстану, Семипречью и Тарбагатаю. В связи с проектом Гасфорта «О введении переходной религии» для казахов в 1854—1855 гг. Валиханов усиленно изучал древние верования казахов и записывал все обряды и легенды, связанные с ними.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 188—195, основанием для которого был черновой автограф — ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, № 179, лл. 199—204, имеется позднейшая копия, отредактированная проф. Н. И. Веселовским (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 491, лл. 1—7). Текст черного автографа сложный, испещрен многочисленными пометками автора. Впервые наброски опубликованы в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова (ЗРГО, ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 274—282).

<sup>1</sup> *Для того, чтобы дать джан (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек.* — Форма клятвы, сохранившаяся с доисламских времен. Освящение огнем описывается у Менаандра при посещении византийским послом Земаром ставки тюркского кагана Дизабула (VI в.).

В древности, разумеется, клятва произносилась не на ружье, а на сабле, мече — обычай, сохранившийся до наших дней у многих народов. Особое значение, которое придавалось предметам, связанным с убийством

врага, засвидетельствовано также с глубокой древности в сакской кочевой среде. Данью исламу, который существовал у казахов только в компромиссе с языческими верованиями, была клятва на Коране, который в этом случае воспринимался как «священный предмет» наряду с предметами доисламского культа.

<sup>2</sup> При выносе покойника... обводят около него домашнюю утварь...— До принятия ислама казахи погребали вместе с покойником некоторые предметы домашней утвари и пищу. Обычай сохранился с доисламского времени до конца XIX в.

<sup>3</sup> ...колочь копыями и рубить дерево юрты...— Юрта без хозяина считалась символом несчастья. В древнее время ее предавали огню.

<sup>4</sup> Джаурунчи — гадалцы на овечьей лопатке, прокаленной на огне. Гадалец предсказывает будущее по форме трещин, которые образуются на лопатке в процессе ее сожжения. Гаданье по бараньим лопаткам широко распространено среди монгольских и тюркских народностей Центральной Азии и Сибири.

<sup>5</sup> Кумалакчи — гадалцы на кумалаках (шариках). Это был наиболее распространенный способ гадания у казахов. Он заключался в следующем: кумалаки, или круглые камешки, последовательно раскладывались определенным образом в три параллельные линии. Кумалакчи говорит о результатах гадания, основываясь на сочетании шариков в этих трех линиях. Общее количество шариков — обычно 41 (число, ставшее традиционным).

<sup>6</sup> Даниил — один из четырех библейских пророков. Согласно библейской легенде, был уведен вавилонянами в плен, где прославился верностью своему народу и приобрел репутацию прорицателя.

<sup>7</sup> ...или [употребляет] целый рот табаку.— Имеется в виду распространенный у казахов и других тюркских народов способ употребления особо изготовляемого табака (насыбай), который закладывается за губу или под язык.

<sup>8</sup> ...одноглазым царем албастыев.— Казахские легенды об одноглазом великане (циклопе) представляют собой особый вариант мирового сюжета о Полифеме, происхождение которого относится к глубокой древности. Н. Остроумов приводит о циклопах два рассказа, которые будучи оригинальными произведениями устного творчества казахов, вместе с тем своими подробностями напоминают повествование Гомера о встрече Одиссея с циклопом Полифемом. (См.: Н. П. Остроумов. Новые варианты сюжета о Полифеме (Одноглазе). Киргизские рассказы. ЭО, 1891, № 9, с. 202—207; его же: Одиссеев Полифем в киргизских сказках. СА, 1910, III, с. 61—64; Л. С. Берг. Киргизское сказание о циклопе. ЭО, 1915, № 3—4, с. 62—67).

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII в.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 220—227. Автограф не сохранился. Текст был напечатан по отрывочной рукописной копии — ЦГАЛИ. ф. 118, оп. 1, д. 491, лл. 1—32, и опубликованному ранее тексту в ЗРГО (СПб., 1904, т. XXIX).

Мысль о собирании казахских исторических преданий зародилась у Валиханова еще в 1832 г. во время учебы в Сибирском кадетском корпусе. По словам Г. Н. Потанина, над этим вопросом Валиханов не раз размышлял. «Он мечтал сделать открытия в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки киргизской старины». Вероятно, работа написана в 1855—1856 гг. С некоторыми искажениями она впервые опубликована в Сочинениях Ч. Валиханова (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, изд. под ред. Н. И. Веселовского).

<sup>1</sup> Аблай-хан (1711—1781 гг.) — казахский хан Среднего жуза, один из наиболее авторитетных государственных деятелей в Центральной Азии нового времени. В первой половине XVIII в. приобрел большое влияние среди казахов благодаря своим умственным и организаторским способностям, особо проявившимся в борьбе с джунгарамп. В 1740 г. принял российское подданство. Источники характеризуют Аблая как дальновидного

политика, деятельность которого была объективно направлена на создание централизованного и самостоятельного казахского государства. В 1771 г. он был избран ханом Среднего жуза и в 1778 г. официально утвержден в этом звании Российским правительством (см.: *Н. Г. Аполлова*. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в., М., 1960; *В. Я. Васин*. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *В. С. Кузнецов*. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, вторая пол. XVIII—первая пол. XIX в. Новосибирск, 1983).

<sup>2</sup> *Джунгары* (ойраты) — под этим названием были известны западно-монгольские племена; соседние тюркоязычные народы называли их калмыками. В первой половине XVII в. эти племена составили сильный союз — Джунгарское или Ойратское государство, оттеснившее на второй план восточных монголов. Ойратское государство достигло наивысшего могущества в конце XVII в. и в первой половине XVIII в. — в период правления ханов Батура, Цеван-Рафтана и Галдан-Цэрэна.

<sup>3</sup> *Джанатай* (точнее Жантай) — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (XVIII в.). В ряде исторических и поэтических преданий и спевах устного народного творчества казахов фигурирует как герой борьбы с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., Алматы, 1948, 307—308 б.).

<sup>4</sup> *Богенбай* — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (его прозвище Канжигалы карт Богенбай). Один из организаторов и руководителей казахского народного ополчения в борьбе с джунгарами (20—30-е годы XVIII в.) О нем сложено в устном народном поэтическом творчестве казахов много легенд и преданий. Широко известна историческая поэма «Богенбай», возникшая на основе преданий и исторических спесов о нем.

Восхваление подвигов Богенбая, а также других известных героев борьбы с джунгарами — Кабанбая, Казбека и др. — в исторических преданиях XVIII в. сопровождается большой идеализацией этих образов в соответствии с традициями героического эпоса. В этих идеализированных образах Богенбая, Кабанбая и других батыров, лишенных каких-либо отрицательных черт, которыми в той или иной степени обладали их прототипы — реальные исторические личности, отразились чаяния народа, мечтавшего об идеальном герое, защитнике простых людей от чужеземных завоевателей. (См.: *С. Аманжолов*. Богенбай-батыр. Алматы, 1946).

<sup>5</sup> *Бухар-джирау* (правильнее, жырау) Калкаманов (1693—1787) — известный казахский певец-импровизатор, автор многих песен дидактического характера, получивших большую известность.

Несмотря на классовую ограниченность творчества Бухар-жырау, выражавшего интересы патриархально-феодалной верхушки казахского общества, в его произведениях нашли верное отражение отдельные исторические события того времени. Он воспевал освободительную борьбу казахского народа против джунгар и народных героев этой борьбы — Богенбая, Кабанбая, Джаныбека и др. Будучи тесно связанным с ханом Аблаем, Бухар-жырау поддерживал и одобрял его политику лавирования между Россией и Китаем. Лишь в конце своей жизни он подошел к пониманию необходимости союза с Россией.

В творчестве Бухар-жырау появляются элементы, ставшие потом собственными казахской письменной литературе. (См.: «История казахской литературы», т. 2, Алма-Ата, 1979, с. 33—51).

<sup>6</sup> *Талкын* (Талкан, Талкы) — военная крепость около Хоргоса, недалеко от Кульджи.

<sup>7</sup> *Пройти Кульджаном* — т. е. вырваться из рук врага, искусно ведя бой, проявляя ловкость и отвагу (от имени древнего богатыря Кульджана, бесстрашного воина и замечательного тактика).

<sup>8</sup> *Хан-Баба* (XVIII в.) — сын знаменитого Барака, соперника хана Абулхайра. В исторических преданиях символизирует тип малодушного, бесславного воина. (См.: *А. И. Левшин*. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, СПб., 1832, с. 63)

<sup>9</sup> *Татикара-джирау* (жырау) — крупнейший казахский певец-импровизатор и сказитель первой половины XVIII в. В его песнях и поэмах



наряду с сохранением основных традиций устного народного творчества уже появляются элементы, ставшие позже характерными для письменной литературы.

<sup>10</sup> *Серымбет* (Сырымбет) (XVIII в.) — один из знаменитых батыров рода басенгины, отличившийся в борьбе с джунгарами.

<sup>11</sup> *Баян* (первая половина XVIII в.) — батыр Среднего жуза, рода уак-кирей, герой освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей. В исторических преданиях XVIII в. и в устном народном творчестве казахов широко известен исторический спев «Баян-Батыр», содержащий описание его героических подвигов и гибели в бою. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308—309 б.).

<sup>12</sup> *Абулмамет* (правильно Абулмамет; в литературе неточно: Абулмагамет, Абулмахамет и т. д., ум. в 1771 г.) — хан Среднего жуза, был провозглашен ханом в 1739 г., после победы над джунгарами.

<sup>13</sup> *Галдан-Черен* (Цэрэн) — джунгарский хунтайджи (1671—1745 гг.). Вел войны с Китаем и казахами. В 1741—1742 гг. явился организатором опустошительных набегов джунгаров на земли казахов Среднего жуза. В результате этих вторжений часть казахских кочевий в Семипалатинске временно оккупирована джунгарскими войсками. После смерти Галдан-Цэрэна в Джунгарии усилились центробежные тенденции, начались феодальные междоусобицы. Это способствовало распаду феодального ханства и в 1758 г. оно было разгромлено маньчжурскими войсками.

<sup>14</sup> *Галдан*, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы *Аблая*, отпустил его... — Вопреки народным преданиям, источники убедительно показывают, что *Аблай* был освобожден из джунгарского плена благодаря настоятельным требованиям российской пограничной администрации, которые были предъявлены джунгарскому поюну *Мандже* в Семипалатинске российским послом *К. Миллером*. (См. ЦГАДА, ф. 248, кн. 28/149, д. 190. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961, с. 258—262; *Б. П. Гуревич*. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в., М., 1979, с. 77).

<sup>15</sup> *Сары-казак* — двусоставной этноним; термин *сары* часто употребляется в составе этнонима *сары-кыпшак*, *сары-аргын*, *сары-уйгур* и др. в географической номенклатуре, а в области космогонии имел значение «западный». (См.: *А. Н. Кононов*. Семантика цветообозначений в тюркских языках. Тюркологический сборник 1975. М., 1978). Вместе с тем известно также употребление слова *сары* в значении «большой», «широкий», «сильный».

<sup>16</sup> *Казыбек* — известный бий Среднего жуза, один из главных биев казахского ханства первой четверти XVIII в. По народным преданиям, *Казыбек* — один из авторов «Свода законов Тауке-хана», известного под названием «*Жеты жаргы*» («Семь истин»), фрагменты которого дошли до нас в записях *Я. П. Гавердовского*, *Г. И. Спасского* и *А. И. Левшина* (см.: РОЛОИИ, коллекция 115 № 495; *Г. И. Спасский*. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. — Сибирский Вестник. СПб., 1820, ч. IX—XI; *А. И. Левшин*. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. т. III, с. 169—177).

*Казыбек* пользовался большим влиянием среди казахов Среднего жуза. По данным русских источников, *Казыбек* «почитался в орде за главного судью, с которым советовались даже *Абулмамет-хан* и *Аблай* и без его согласия ничего знатного не предпринимали».

В исторических преданиях и народной поэзии *Казыбек* изображается как организатор общей борьбы завоевателей-джунгар.

Сохранилось много изречений, афоризмов, образов ораторского искусства, авторство которых приписывается *Казыбеку*. Значительная часть их опубликована в советское время.

Краткую характеристику *Казыбека*, как правителя Среднего жуза при *Тауке*, дает татарский ученый *Марджани* (у него *Козыбек*) в своем сочинении на татарском языке «*Мустафад ул-ахбар фи ахвал Қазан ва Булгар*» (Казань, 1885, стр. 155). См. также: *А. И. Левшин*. Описание киргиз-

казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, с. 63; «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., б. 271—272, 275, 308; К. Байболов. Төлебидің тарихы. РОБАН КазССР, № 763. лл. 22—26; его же: Есім ханшңң жыры. РОБАН. КазССР, № 513, л. 398).

<sup>17</sup> *Малайсары* (Малай-Сары)—батыр Среднего жуза, рода басентпін, один из героев освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей (XVIII в.). Его имя увековечено в географических названиях местностей, в частности, в долине р. Или, недалеко от Алтын-Эмельского хребта, т. е. там, где в XVIII в. происходила историческая битва казахских батыров во главе с Малай-Сары с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

<sup>18</sup> *Байгозы* (XVIII в.)—батыр Среднего жуза, рода таракты (Акмолинская степь), один из героев борьбы с джунгарами.

<sup>19</sup> ...во время преследования торгоутов...—Имеется в виду переход калмыков из междуречья Янка и Волги в 1771 г. через территорию Казахской степи на места их старых родовых кочевий—в район современного Спнцдана (бывшей территории Джунгарского ханства).

<sup>20</sup> *Джаныбек*—батыр Среднего жуза, рода сары-жетым шакшак, сподвижник Аблай-хана; стоял во главе одного из ополченческих отрядов во время борьбы с джунгарами.

В устном народном творчестве казахов Джаныбек выступает также как один из популярных судебных ораторов, отличавшийся большим красноречием, в частности, своими речами на межродовых судебных разбирательствах. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308—309 б.; «Жанпбек-батыр», РОБАН КазССР, № 955).

<sup>21</sup> *Уразумбет* (XVIII в.)—известный батыр Среднего жуза, рода баганалы (из улутауских найманов), один из героев борьбы с джунгарами.

<sup>22</sup> *Корама*—легендарное дальнобойное ружье казахского султана Ондана, погибшего во время войны с джунгарами (XV в.). В поэтических преданиях султан назывался «ұзын оқты Ондан»—длиннострелый Ондан.

<sup>23</sup> *Ильчибек* (XVIII в.)—батыр Старшего жуза, рода сыргелы, населявшего долину Чирчика и Келеса; один из героев борьбы с джунгарскими завоевателями, вторгшимися в Южной Казахстан. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

<sup>24</sup> *Найон* (нойон)—монгольский княжеский титул.

## [ОБ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХАМИ БОЛЬШОГО ЖУЗА]

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 17—22. Рукопись хранится в ЦГВИА (ф. 400, оп. 263/916—а, д. 8, лл. 1—24). На эту тему имеется статья «Положение об управлении Алатавским округом», опубликованная в газете «Северная почта» (1863, № 68).

Работа написана в 1856 г. как официальная записка от имени генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, адъютантом у которого был Валиханов после посещения им Семиреченского края. Другой список записки хранится в ЦГА КазССР: в нем имеются вставки, сделанные рукой Гасфорта, по содержанию отличающиеся от мыслей, высказанных Валихановым. В работе впервые ставится вопрос о необходимости и целесообразности присоединения Южного Казахстана и Киргизии к России, эта идея была осуществлена лишь через десять лет (1865 г.). Записка позволяет судить о глубоком знании Ч. Валихановым географии и истории Казахстана и Средней Азии, а также территориального расселения казахских племен в середине XIX в. По свидетельству Г. Н. Потанина, подобных записок было немало составлено Чоканом во время службы его в Западной Сибири. Г. Н. Потанин отмечает, что в архивах Омской канцелярии, вероятно, найдется немало трактатов и записок о казахском хозяйстве или о казахских судебных порядках и т. п. или составленных Чоканом по собранным им лично данным, или написанных под диктовку Мусы. (См.: «Русское богатство», 1896, № 8, с. 78).

В записке проводится мысль о разумном управлении казахами Большого жуза, только что присоединенного к России, управления на основе демократии с участием представителей казахского народа. Все это рекомендуется делать с учетом нужд и обычаев местного населения; настоятельно говорится о необходимости слияния военной и гражданской власти. С этим Гасфорт связывал поднятие авторитета Алатауского округа, находящегося в пограничной полосе, а Валиханов — ослабление произвола военной власти, подчинение ее гражданскому управлению.

<sup>1</sup> *...расширившие умы этого дремавшего доныне колосса...* — Эту же мысль Ч. Валиханов высказывает и в других работах, более подробно в Кульджинском дневнике. (См.: ССВ, т. II, Алма-Ата, 1962, с. 68; Ч. Ч. Валиханов. Западный край Китайской империи и город Кульджа. — «Дружба народов», 1958, № 12, с. 176).

<sup>2</sup> *Форт Перовский* — до 1853 г. Акмечеть, город-крепость на южной Сырдарье, ныне Кызыл-Орда.

<sup>3</sup> *Левый фланг* — военно-географический термин, употреблявшийся при подготовке присоединения Семиречья и Южного Казахстана к России (1850—1865 гг.). Под ним первоначально подразумевалась территория Семипалатинской области, включая Семиреченский край, а с основанием Верхней области до Семипалатинска до Ташкента, включая юг и юго-восток Казахстана (Тарбагатайские горы, Джунгарский и Заилийский Алатау, Семиречье, долину р. Или и т. д.). Правый фланг состоял из степных округов: Кушмурунского, Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского и Каркаралинского. Правый и левый фланги были определены с позиций управляющего этим краем генерал-губернатора, находящегося в Омске, т. е. обращенные лицом на юго-запад, юг и юго-восток.

<sup>4</sup> *...Область сибирских киргизов и Семипалатинская область* — образованы законом от 22 июня 1854 г. после упразднения бывшего до этого Пограничного управления сибирских киргизов. Центр находился в г. Омске. Область состояла из округов Кушмурунского, Кокчетавского, Каркаралинского, Баян-Аульского, Акмолинского и Атбасарского. В Семипалатинскую область входили Внутренний, Кокпектинский, Аягузский и Капальский округа, а также города Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Бухтарминское и Заилийское укрепления.

<sup>5</sup> *Внутренний округ* (центр в Бельгаече) состоял из земель правобережного Иртыша, начиная от Бухтармы до Кулундинских степей. Эта земля до 1854 г. входила в Томскую губернию.

<sup>6</sup> *...изобилие здоровых пресных вод делает ее* (т. е. Заилийскую долину) *лучшею страню Западной Сибири.* — Устарелое и неточное определение, имевшее значение только в административно-управленческом отношении, но не географическом. Поскольку центр края находился в Западной Сибири (в г. Омске), то часто вместо Казахская степь говорили Западная Сибирь.

<sup>7</sup> *...Высочайше утвержденная 10 января 1848 года инструкция* — Принята в период присоединения казахов Семиреченского края и Старшего жуза к России. В ней изложена политика царизма по отношению к казахскому населению края. По этой инструкции местной власти было представлено неограниченное право, в случае восстания она могла применить жестокие карательные меры. Инструкция до сих пор не опубликована, находится среди материалов о казахах Старшего жуза. (См.: «Инструкция пристава при киргизах Большой орды и дополнения к ней» (1848—1852 гг.) «Архив» МИД, ф. IV—3, д. 347, оп. 1, д. 120).

<sup>8</sup> *...в правителе Илийского края...* — термин, предложенный генералом Гасфортом вместо пристава Большой орды и Алатауского округа. Однако правительством он не был принят. Ч. Валиханов и Г. А. Колпаковский считали более правильным назвать новый край Алатауским округом, а главу его именовали правителем по аналогии с султанами-правителями в западных областях Казахстана. Однако в связи с ликвидацией должности султанов-правителей это предложение отпало. По новому положению 1868 г. Алатауский округ стал называться Семиреченской областью.

Это «Сборник летописей» — историческое сочинение, излагающее события, происшедшие в Казахстане и Средней Азии в период XIII—XV вв. Написано на смешанном казахско-чагатайском языке с широким применением народных пословиц и поговорок, употребляемых и поныне в казахском языке. Текст без перевода издан граф. И. Н. Березиным в серии «Библиотека историков», т. II, ч. 1 (Казань, 1854). В тюркском подлиннике этого названия нет, оно дано издателем И. Н. Березиным.

Автор сочинения Кадыргали Жалаири (см. прим. к с. 124) — уроженец Казахстана, из племени жалаир. поколения тарак-тамгалы (гребне-тамгового). Автор о себе сообщает: *اتما محمد خان حضرتلاری نینگ ايردی* — «Сочинитель этой летописи был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана».

Сочинение Жалаири написано в Москве в конце XVI в. и посвящено царю Борису Годунову. По замечанию И. Н. Березина, Жалаири писал эту книгу уже в зрелом возрасте. Это был человек сведущий, умудренный опытом, хорошо знавший жизнь русского общества того времени. Однако «автор умер прежде наступления в русской земле смутного времени, — говорит Березин, — в котором принял участие Ураз-Мухаммед. Иначе он не оставил бы дополнить свою летопись последними событиями».

Работа Жалаири дошла до нас в двух списках рукописной копии, которые теперь хранятся в ИВАН и в ИВ ЛГУ. В предисловии к своей работе автор пишет: *يو توارىخ قا ... جنككز نامه كتابيدىن فارسى تيلينين*

*ترك تيلیکا اوکوردی. قا یوسین سونک زماندا بولغانلارنى اوز استنباطیندىن ...* «Эту историю по книге «Чингис-нам» перевел с персидского на тюркский язык, а другие события, происшедшие в последующее время [XIV—XVI вв.], описал по собственному исследованию».

Несмотря на эту оговорку, многие ученые считают сочинение Жалаири целиком переводом рукописи Рашид ад-дина. Между тем известно, что Рашид ад-дин умер в первой четверти XIV в. и не мог писать о событиях, происшедших после него. В сочинении же Жалаири, помимо сведений, взятых им из «Сборника летописей» Рашид ад-дина, освещены события, происходившие в XIV, XV и XVI вв., в частности, он касается истории распада Золотой Орды и улуса Чагатай, образования ряда ханств — Казанского, Астраханского, Казахского и других.

Относительно первого раздела сочинения Жалаири можно сказать, что местами — это перевод Рашид ад-дина, не буквальный, а сокращенное переложение на тюркском языке, с некоторыми добавлениями автора-переводчика. Причем из текста видно, что автор стремился исправить некоторые грубые ошибки в восточной терминологии, личных и географических именах, встречающихся в рукописных списках Рашид ад-дина.

Следует сказать, что сходство названий этих двух исторических сочинений создало большую путаницу в науке и помешало по достоинству оценить содержание труда Жалаири, повествующего о событиях XIV—XVI вв. По оценке Валиханова, работа Жалаири — один из важных источников по истории Казахстана, и в отношении полноты сведений о казах она занимает одно из первых мест.

Автограф Жалаири не сохранился. При копировке его рукописи копист не разобрал ряд терминов и фраз, допустил ошибки и искажения. К ошибкам кописта прибавились промахи и опечатки издателей и корректоров. Все это отрицательно сказалось и на качестве перевода Валиханова.

В извлечениях дан выборочный перевод, сохранившийся в виде черновой тетради. Валиханов стремился сделать дословный перевод, по местами излагал текст своими словами. Из целой книги в 117 страниц Валиханов перевел только ту часть, которая имеет отношение к истории Казахстана.

Из первой части он перевел повествование о расселении древнетюркских племен и извлечения из уложения Чингисхана. Эта часть нами опущена. Перевод снабжен комментариями Валиханова, словарем тюркских и персидских слов, часть которых оставлена им без объяснения. Точная дата перевода неизвестна. Предположительно, он был осуществлен в 1853—1854 гг. и находится в тесной связи с рецензированием других изданий П. Н. Березина.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 142—168. Автограф хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, № 17, лл. 29, 31, 38—41, 48, 51; № 10, лл. 1—2).

<sup>1</sup> *Уйгуры* — один из древних народов Центральной Азии. Впервые собственно этноним *уйгур* появляется в древнетюркской надписи (VIII в.). Древнейшие и ближайшие предки уйгуров входили в племенное объединение хуннов (IV в. до н. э.—III в. н. э.) в состав Жужанского, а затем Тюркского каганатов. В середине VIII в. в Монголии с центром на р. Орхоне образовался Уйгурский каганат. Власть уйгурского кагана распространялась от Алтая до Маньчжурии на востоке и до Гоби на юге, в его состав входили десять племен уйгуров и девять племен огузов, а с 758 г. и земли енисейских кыргызов. В 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами кыргызов. Основная масса уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и западную часть Ганьсу, где создали независимое государство с центрами в Турфане (847—1369) и Ганьсу (847—1036). В обществе уйгуров высокого уровня достигли земледелие, городская культура, ремесла, они имели свою письменность. После завоевания Цинской империей Восточного Туркестана в 50-е годы XVIII в. несколько десятков тысяч уйгуров было переселено в Илийский край Синьцзяна. На территории Казахстана (Семиречье) уйгурское население появилось в результате переселения их из Илийского края после подавления Цинами народно-освободительного движения неханьских народов. (*Д. И. Тихонов*. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X—XIV вв.). М.—Л., 1966; *История Казахской ССР*, т. 3, Алма-Ата, 1979; *А. Г. Малаевкин*. Уйгурское государство IX—XIV вв. Новосибирск, 1981).

<sup>2</sup> *Карлуки* — один из древних тюркоязычных этносов. Первые сведения о них, как обитателях склонов Алтая, в письменных источниках относятся к середине V в. В VI—VII вв. карлуки входили в состав Тюркских каганатов. В 766 г. карлуки захватили власть у тюркшей в Семиречье, где произошло формирование их политического объединения. В 766—775 гг. одна ветвь карлуков захватила Кашгарию, а в конце XIII в. другая их ветвь распространила свое влияние на Фергану. Таким образом территории от Семиречья и Кашгарии до среднего течения Сырдарьи и Ферганы находилась под властью карлукского джабгу. В середине X в. карлуки вошли в состав Караханидского государства. Вплоть до монгольского периода сохранились небольшие владения карлуков с центрами в Каялыке, Алмалыке и Узгенде. Значительная часть карлуков, переселившаяся в Среднюю Азию, составила основное ядро и процессе сложения узбекского народа. (*К. Шаниязов*. Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964; *В. В. Бартольд*. Сочинения, т. V, М., 1968).

<sup>3</sup> *Хам*, *Сам* (Спм), *Яфес* (Иафет) — по библейской легенде, три сына патриарха Ноя, пережившие всемирный потоп и ставшие родоначальниками: первый — африканских, второй — семитских, третий — тюркских народов.

<sup>4</sup> *Судан* (араб., «Страна черных») — обширная область в Северной Африке, к югу от Сахары; на западе омывается Атлантическим океаном, на востоке граничит с Абиссинским нагорьем.

<sup>5</sup> *Некнижные народы* — термин, употребленный автором «Сборника летописей» Жалаири. По его трактовке, некоторые народы лишены священных книг, таких, как Тора (библия) и Коран, якобы посланных с неба. Эти народы он называет некнижными.

<sup>6</sup> *Уртаг* (Ортаг) и *Кортаг* (Кертаг) — горы, расположенные к северу от

пустыни Бетпак-Дала, в Центральном Казахстане. По древним преданиям, зафиксированным Рашид ад-дином (начало XIV в.), эти горы служили летними пастбищами легендарного Абулджа-хана, родоначальника некоторых тюркоязычных племен. По Абулгази, они были летними яйлаками Кара-хана, внука Аладджи-хана, улус которого, проводя лето в тучных пастбищах северных степей, на зиму возвращался к берегам Сырдарьи. (См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, с. 40).

Абулгази отождествляет Уртаг и Кортаг с Улуг-Тагом и Кчпк-Тагом, известными горами, которые носят эти названия поныне (по казахскому прозвищению: Улутаяу и Кипшпятау) и расположены в 60—90 км к северу от джезказганского рудника. А. А. Семенов в примечаниях к «Сборнику летописей» Рашид ад-дина (М.—Л., 1952, т. I, с. 80) предполагал, что эти горы, «возможно, относятся к современной горной цепи Каратау». Эта догадка не имеет никакой реальной основы. Уртаг и Кортаг находятся в 80 км южнее от железнодорожной станции Жана-Арка близ р. Сарысу.

Названия гор Уртаг и Кортаг искажены переписчиками Рашид ад-дина и осложнены при транслитерации с арабских их начертаний в русский алфавит. Чтение *кър*, *кур* и тем более *каз* не может быть принято. Правильные начертания этих названий даны в «Сборнике летописей» Жалаири в сочинении Абулгази اورتاغ — Ортаг, کرتاغ — Кертаг. (См.: И. Н. Березин. Библиотека восточных историков, т. II, ч. 1. Казань, 1854, с. 19; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 14).

<sup>7</sup> *Анджа-там* — انجاتام (у Рашид ад-дина: *Инандж* (Иванч) اينانچ) — легендарный город, находившийся в пределах гор Ортаг и Кертаг (Центральный Казахстан) в период раннего средневековья, по-видимому, тождественен с Болган-Ана, развалины которого находятся на р. Кенгир, при ее впадении в р. Сарысу. Ближе к Ортагу на р. Сарысу находятся руины древнего мавзолея Жубан-Ана (там же — небольшой холм — остатки древнего замка), которые трудно отождествить с легендарным городом Анджа-там (Инандж).

<sup>8</sup> *Юрсук* — يورسوق (искаженная форма исторического топонима *Борсук* — بورسوق) — название известных барханных песков, расположенных между железнодорожной станцией Челкар и Аральским морем. Переписчики Рашид ад-дина, механически копируя его труды, превращали топоним Борсук то в Юрсук (يورسوق) то в Борсул (بورسون), так как малейшее отклонение или отсутствие диакритических знаков арабского письма всегда приводит к весьма грубым ошибкам. У Рашид ад-дина, и Абулгази сказано, что низовье Сырдарьи с прилегающими к Аральскому морю барханными песками (Борсук Каракум, Какиян) служило зимними пастбищами для скотоводческих племен. Приаральские барханы и ныне являются прекрасными пастбищами, дающими защиту скоту зимой и во время гололедицы.

<sup>9</sup> *Каркорум* — قارقورم (Каркум, Каркурум) — искаженные формы исторического топонима Каракум (черные пески, название приаральских барханных массивов, расположенных между низовьями Сырдарьи и Тургайской степью; теперь отгонные участки ряда районов Кустанайской и Карагандинской областей). Каркорум не нужно путать с Каракорумом — каменным осыпям, часто встречающимся в горах Алтая, Тарбагатая и Джунгарского Алатау или с Каракорумом — столицей монгольской империи. Правильное начертание слова Каракум дано в сочинении Абулгази, который пишет: قراخان اورتاغی کرتاغی نی یایلار ایردی... قیش بولغاندا سیر

قراخان летовал в горах Уртаг и Кертаг... Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыра, в Каракумах и в Борсуке». (См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 12).

<sup>10</sup> *Талас* (طلاس, в трудах арабских географов — в форме *Тараз*) — древний город в долине одноименной реки, берущей начало с Таласского Алатау; в монгольское время назывался Янги, позднее — Аулие-Ата, современный Джамбул. Известен с VI в. как одна из резиденций Тюркского каганата и в этом значении упоминается в орхонских надписях и в записке византийского посланника Земарха. Особенно большого расцвета город достиг в период правления караханидов (X—XII вв.), когда стал крупным торговым и политическим центром и сильной крепостью. В XIII—XIV вв. Талас был резиденцией монгольских вассальных ханов, а богатая долина р. Талас, с окружавшими ее садами и горными пастбищами, была определена заповедной зоной (*корук*,) находившейся в личном пользовании феодальных владетелей. Город пришел в упадок в XVI в., в период феодальной междоусобицы, и возродился только XVIII в.

<sup>11</sup> *Кари-Кырма* — قارى قىرم (Кари-Кырма — Старый Кырма) — очевидно, имеется в виду давно исчезнувший город, носивший это название, расположенный в районе Каратау или в долине Таласа. К Старому Кырму или Солхату в Кырму не имеет отношения.

У Рашид ад-Дина это название читается как два самостоятельных слова: قارى وسيرام *Кари* и *Сайрам*, т. е. название двух отдельных городов. Поэтому чтение Кари-Сайрам (через дефис) неверно.

<sup>12</sup> *Сайрам* — у арабских географов *Испиджаб* — в раннее средневековье крупный торговый город и культурный центр, расположенный в плодородной равнине между обширными областями Шапа (Ташкента) и Таласа, на перекрестке больших караванных путей, шедших с запада на восток и с юга на север. Сайрам развивался одновременно с городами низовий рек Сырдарьи, Таласа и предгорий Каратау. На его месте теперь находится большое селение в 12 км от города Чимкента. (См.: П. П. Иванов. Сайрам. — СТВИ. Ташкент, 1923, с. 46—56).

<sup>13</sup> *Урус-хан* اوروس خان (XIV в.) — потомок Джучи, прадед первых казахских ханов Джанибека и Гирея, один из влиятельных владетелей Ак-Орды или Восточного Кыпчака. Ак-Орда в качестве полувассального феодального владения стала выделяться еще в середине XIII в., тогда же она была отдана старшему сыну Джучи Орда-Ежегу (Ичев), родоначальнику ханов Восточного Кыпчака, а затем владетелей Казахского улуса. Территория Ак-Орды на западе граничила с землей улуса Шейбана (другого сына Джучи), на востоке простиралась до Иртыша, на юге примыкала к Сырдарье, на севере доходила до западносибирской и зауральской лесостепей. Центр улуса первоначально находился в Семиречье, затем переместился на Сырдарью (Сыгнак).

Урус-хан известен как строитель столицы Ак-Орды города Сыгнака. Вел борьбу (нередко успешную) на два фронта — против Тимура и против золотоордынского хана Тохтамыша. На некоторое время ему удалось объединить под своей властью Золотую Орду и Восточный Кыпчак. Борьба, начатая Урус-ханом, была продолжена его потомками, в результате чего образовался политический союз казахских племен, объединившихся затем в Казахское ханство. (См.: А. А. Семенов. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинобад, 1954; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 306—315).

<sup>14</sup> *Джучи* (1187—1227) — старший сын Чингисхана, глава династии джучидов в Золотой Орде, или Дашт-и Кыпчаке. Принимал активное участие во всех важнейших военных предприятиях своего отца. После победы над главными соперниками монголов и уничтожения ханств сильнейших племен — найманов и керейтов, он возглавил ряд завоевательных походов, в ходе которых покорило много племен, обитавших в Южной Сибири, на Алтае, в Джунгарской степи и Восточном Туркестане.

В 1219—1221 годах Джучи во главе основных военных сил Чингисхана вторгся на территорию Казахстана и Средней Азии; начав военные действия в районе Джунгарских ворот, монгольские войска опустошили

все города Семиречья, долины рек Чу, Таласа и Сырдарьи, захватили и разграбили крупнейшие культурные и политические центры Средней Азии. После завершения завоевания Средней Азии и Казахстана Джучи получили в качестве улуса Дашт-и Кыпчак, территория которого тогда простиралась от Иртыша до Яика и далее на запад. Ставка его находилась к западу от Иртыша, в горах Улутау. Мавзолеем Джучи находится в Улутауском районе, на левом берегу р. Кенгир, в 45 км к северо-востоку от г. Джекказгана. (См.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Каспийских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, с. 307—308; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 86. Соч., т. 2. ч. 1. М., 1963, с. 258—259; Г. Г. Герасимов. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 23—28, рис. 32—36).

<sup>15</sup> *Бату* (Батый, в восточных источниках Саип-хан, ум. в. 1255 г.) — второй сын Джучи, внук Чингисхана. В 1236 г. во главе большого войска вторгся в пределы Восточной Европы и в течение нескольких лет завоевал Поволжье, Кавказ (до Дербенда), Крым и северо-восточные русские княжества. В 1240 г. провел опустошительные походы по территории Польши, Венгрии и Далмации. Героическим сопротивлением русского народа войска Батыя были сильно ослаблены и в 1243 г. он возвратился в Дашт и-Кыпчак, где основал феодальное государство, известное в литературе под именем Золотой Орды, или улуса Джучиева. (См.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, с. 68—75).

<sup>16</sup> *Тимур-Калка* (Железные врата. Каспийские врата, Дербендский проход) — узкий горный проход в Юго-Восточном Дагестане, между восточным отрогом Большого Кавказского хребта и Каспийским морем в районе города Дербенд.

<sup>17</sup> *Ногай* (ум. в 1300 г.) — главный военачальник улуса Джучиева при Берке-хане (1256—1266 гг.) и его преемниках. Выдвинулся благодаря близким родственным связям с ханским домом, способностям в военной тактике. Ногай был всемогущим временщиком, сменив одного из ханов. В борьбе за власть он жестоко расправлялся со своими противниками. Его политика привела к феодальным распрям в Золотой Орде. Самодержавная власть Ногай вызвала протест со стороны других беков, особенно среди приверженцев хана Тохту (1290—1312 гг.). Ногай был убит во время междоусобной войны.

<sup>18</sup> *Муса* — сын Ваккаса, правнук Едиге, ногайский мурза, правивший Большими ногаями в конце XV и в первой четверти XVI вв.

<sup>19</sup> *Ямгурчи* (XVI в.) — брат Мусы, правнук Едиге, один из феодальных владельцев ногайского улуса.

<sup>20</sup> *Агиш* (Тел-Агиш) — сын Ямгурчи, ногайский мурза (XVI в.), двоюродный брат Ших-Мамай.

<sup>21</sup> *Хасан* (XVI в.) — ногайский князь, брат Мусы и Ямгурчи, правнук Едиге.

<sup>22</sup> *Алчагир* (точнее, Алачгир) — один из сыновей Мусы, брат Юсуфа и Ших-Мамай.

<sup>23</sup> *Шидак* (Сейдяк) Сеид-Ахмед — сын Мусы, ногайский князь, правитель города Сарайчика и земель, прилегающих к реке Яик.

<sup>24</sup> *Шейх* (Ших)-*Мамай* (XVI в.) — ногайский князь, сын Мусы, брат Юсуфа. Известен своей приверженностью к Московской Руси и торговлей с ней.

<sup>25</sup> *Юсуф* (XVI в.) — ногайский князь, брат Ших-Мамай, отец знаменитой Суум-бике, родоначальник князей Юсуфовых.

<sup>26</sup> *Измаил* — ногайский князь, владетель астраханских ногайцев, сторонник Московского государства; в 1555—1557 гг. добровольно признал себя вассалом Ивана IV.

<sup>27</sup> *Бекконды улан* (ум. в 1280 г.) — джучид, сын золотоордынского хана Менгу-Тимура.

<sup>28</sup> *Кадырберды* — сын Тохтамыш, один из эфемерных ханов Золотой Орды на ее исходе, ярый враг Едиге, которого Кадырберды убил в 1419 г.



<sup>29</sup> *Мансур* (XV в.) — второй сын Едиге.

<sup>30</sup> *Беккондор* [Бекконды]-улан — см. выше, прим. 27.

<sup>31</sup> *Барак-хан* (ум. в 1428 г.) — сын Кююрчука, внук Урус-хана, владетель Ак-Орды, один из строителей ее столицы города Сыгнака, родоначальник казахских ханов. Известен своей длительной борьбой с Улугбеком, внуком Тимура, которую он вел из-за городов, расположенных в низовьях Сырдарьи. Борьба кончилась поражением Улугбека в районе Сыгнака в 1427 г.

<sup>32</sup> *Махмутек* (Маметек) — джучид (1437—1445 гг.), сын Улуг-Мухаммеда, основателя Казахского ханства.

<sup>33</sup> *Ибак* (Ибак) — джучид, дед сибирского хана Кучума (XV в.), известен тем, что способствовал установлению связей Сибирского ханства с Русским государством. Убит в 1495 г.

<sup>34</sup> *Муртаза* (XVI в.) — отец сибирского хана Кучума.

<sup>35</sup> *Ахмет* (Ахмад, ум. 1481 г.) — джучид, сын Кичик-Мухаммеда, последний хан Золотой Орды. Безуспешно совершил несколько походов на Москву. Известен тем, что отправил посольство в ярлыкмо к великому Московскому князю Ивану III. Иван III отверг притязания Ахмада, а пайцзу (металлическую бляху, приложенную к ярлыку) бросил и распотал. Ахмад погиб в сражении с крымскими войсками.

<sup>36</sup> *Булхаир* (правильно: Абулхаир, 1412—1469) — сын Давлет-Шейха из джучидов; в 17 лет был избран ханом при участии и поддержке господствующей верхушки местных племен (найманов, кунгратов, карлуков, уйсунгов, кенегесов и др.); местом избрания являлся г. Тура (в Сибири). Он сумел подчинить своей власти население на территории от низовьев Сырдарьи и Аральского моря до Яика и на северо-восток до Иртыша, создать феодальное государство. В 40-х годах он завоевал города Сыгнак, Сузак, Уггенд и прилегающую к ним местность в низовьях р. Сырдарьи. Он вмешивался в феодальные распри тимуридов. В середине XV в. от государства Абулхаира отделилась большая часть населения и образовался особый союз племен, объединившихся затем в Казахское ханство, во главе с ханами Джанибеком и Гиреем.

<sup>37</sup> *Нуреддин* (Нур ад-дин, ум. в 1440 г.) — сын Едиге.

<sup>38</sup> *Укас* (Укаас — правильное, Ваккас) — сын Нур ад-дина, внук Едиге, глава сильного в то время племени мангытов, вокруг которого стал формироваться Ногайский улус. Важную роль играл Укас при возведении Абулхаира на престол, а затем во всех его внешних мероприятиях. Укас искал поддержки у Абулхаира в борьбе со своими противниками как в Ногайском улусе, так и в Золотой Орде.

<sup>39</sup> *Ичкили Хасан-оглан* — один из сыновей Тохтамыша, хана Золотой Орды.

<sup>40</sup> *Хаджи-Гирей* (ум. в 1466 г.) — основатель династии крымских ханов Гиреев. В качестве претендента на ханский престол впервые заявил о себе в 1427 г. одержав победу над своими братьями, он утвердился на престоле в 1433 г. Свою власть в Крыму Хаджи-Гирей укрепил, опираясь на местных татарских феодалов. Большую поддержку ему оказала и Литва, заинтересованная в ослаблении Золотой Орды.

Во внешних связях Хаджи-Гирей придерживался польско-литовской ориентации. В 1465 г. он нанес удар золотоордынскому хану Ахмету, чем способствовал падению Золотой Орды.

<sup>41</sup> *Ундан* (Ондан) — казахский султан, сын Шигая, брат Тевеккель-хана, отец Уразмухаммеда (см.: комментарий 16 к статье «Письмо профессору И. Н. Березину», служившего в Московском государстве при Борисе Годунове (конец XVI в.))

<sup>42</sup> *Куйручук* (правильно: Кююрчук) (XV в.) — джучид, сын Урус-хана, дед казахских ханов Джанибека и Гирея, правитель Ак-Орды. После разгрома Тохтамыша (1395 г.) Тимур поставил Кююрчука ханом Золотой Орды, но не надолго.

<sup>43</sup> *Шагим-мирза* — ногайский князь, правитель Сарайчика до Сейдяна (Сейд-Ахмета).

<sup>44</sup> *Борис Федорович Годунов* (ок. 1551—1605 г.) — русский царь, правивший накануне смутного времени.

<sup>45</sup> *Был год мыши...* — В датах пожалования Ураз-Мухаммеду города Касимова, а также воцарения в нем вкралась неточность. По исследованию В. В. Вельяминова-Зернова, Ураз-Мухаммед получил г. Касимов 15 рамазана 1008 г. гиджры, что соответствует 20 марта 1600 г., а день его воцарения в Касимове — четверг, 12 июня того же года. (См.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, с. 450, 451).

<sup>46</sup> *Касимов* (по-татарски: *Кермень-Шахар*) — городок на берегу р. Оки, ныне город областного подчинения в Рязанской области, известен с 1152 г. В 1376 г. был разрушен татарами, впоследствии восстановлен на новом месте в километре выше прежнего его расположения по течению Оки. До 1471 г. он назывался Мещерским городком, впоследствии был переименован в Касимов. Свое новое название город получил от имени Касыма, брата казанского хана Махмутека, сына Улуг-Мухаммеда, внука Тохтамыша. В 1446 г. Касым, изгнанный братом, перешел на службу к московскому великому князю Василию Темному. За долгое и полезное служение Василий Темный передал Касыму в 1452 г. Мещерский городок на р. Оке. Касимов являлся центром княжества вплоть до 1681 г.

<sup>47</sup> *Толмач-алпаут* (الباغوت تيلمач) албагут-гильмач) — крупный феодал-землевладелец, занимавшийся государственными делами в качестве переводчика и парламентаря. В. В. Вельяминов-Зернов считал, что «это боярский сын в качестве толмача» (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, с. 402).

<sup>48</sup> *Кадырали* (Кадыргали)-бек, *Саманай-бек* — беки и карачи (см.: коммент. 35 к ст. «Письмо профессору И. Н. Березину»), помогавшие Ураз-Мухаммеду воцариться в Касимовском княжестве, вассальном Москве.

<sup>49</sup> Вместо *ключ* должно быть *калач*.

<sup>50</sup> ...от ошибок *переписчика*. — Главнейшие дефекты и пробелы рукописной копии И. Н. Березина также относит к вине копииста, который, переписывая копию с автографа Жалаири, не смог разобраться в специфике терминов и допустил ряд ошибок и искажений.

## ОБРАЗЕЦ ПРИЧИТАНИЙ

Среди бумаг Ч. Валиханова имеются тексты на казахском и киргизском языках, написанные арабским алфавитом. Это — записи устных преданий, песен и пословиц казахского и киргизского народов, сделанные Ч. Валихановым во время путешествий. Запись представляет собой черновой автограф на казахском языке без перевода, озаглавленный «Для образца (причитаний)». Полный заголовок не сохранился, край листа оторван. Автор песни — известный казахский певец Бухар-Жырау (XVIII в.), он сочинил ее на смерть хана Аблая.

Один из рукописных вариантов песни хранится в Ленинграде, в ЛОИВ АН СССР, в архиве И. Н. Березина (ф. 5. № 1, л. 7). Этот вариант записан в 1880 г. Имантаем Сатпаевым для Г. Н. Потанина из уст известного баянаульского певца Куреке, потомка Бухар-Жырау. К песням Бухар-Жырау приложено анонимное письмо, написанное на казахском языке и имеющее вид небольшой программы по сбору песен Бухар-Жырау. Судя по всему, оно составлено под диктовку самого Г. Н. Потанина и адресовано Имантаю Сатпаеву. Вот содержание этого письма в русском переводе:

«Привет г. Имантаю. Прошу записать от Куреке (внука певца) отдельные эпизоды и повествования Бухар-Жырау об Аблае, в частности: осуждение Аблая, восхваление его коня, эпизод об отправлении сына своего Аделя вместе с Жарыгеном в Китай; на какую тему его посланцы вели разговоры с императором Китая? Рассказы о войне с калмыками — сколько раз воевали? Как именовали калмыцких ханов?

Для записи этих рассказов (песни Бухар-Жырау) приехал товарищ Чокана Г. Н. Потанин с супругой».

Запись Имантая датируется 1880 г., когда Г. Н. Потанин, возвращаясь из монгольского путешествия, вместе с женой заехал в Баянаульский район.

Г. Н. Потанин пишет: «Возвращаясь из поездки 1880 г., я заехал в Баян-Аульский округ Семипалатинской области, где провел неделю в ауле Мусы Чормановича. Г. Чорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова». (См.: *Очерки Северо-Западной Монголии*, ч. IV, СПб., 1881, с. 13—14).

Запись Ч. Валиханова датируется 1855 г.—временем, когда Валиханов проявлял усиленный интерес к собиранию образцов казахской народной поэзии.

Вариант Имантая, хотя и записан спустя 25 лет после Чокана, но между их записями нет особых расхождений, язык и основной текст обеих записей совершенно сходен, они лишь некоторыми куплетами и отдельными строками взаимно дополняют друг друга, с точки зрения четкости правописания казахских слов, вариант И. Сатпаева лучше и является верным ключом для расшифровки некоторых неточностей, встречающихся в записи Ч. Валиханова.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 169—171. Черновой автограф хранится в ЦГАЛИ (ф. 118, оп. 1, д. 469, л. 29).

### ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ

Черновая запись на смешанном казахском и киргизском языках арабским алфавитом. Датируется 1855 г. Печатается по ССВ, т. I, с. 172—187. Рукопись находится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 4—5.

<sup>1</sup> *Аблай* (1711—1781)— казахский султан, а с 1771 г.— хан Среднего жуза, выдвинулся в борьбе с джунгарами.

Объединив под своей властью казахов Среднего жуза, Аблай распространил свою власть и на Старший жуз и некоторую часть Северной Киргизии (см.: комментарий 1 к ст. «Исторические предания о батырах XVIII в.»).

В своей внешней политике Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, стремясь создать прочное централизованное государство на основе удельной системы. С этой целью он передавал управление отдельными областями своим сыновьям (например, Сюк Аблайханов управлял казахами Старшего жуза, Адиль — Южным Казахстаном, Касым — племенами Центрального Казахстана и т. д.). Но Аблаю не удалось осуществить идею образования централизованного государства, тем не менее при нем политическое положение и экономика Среднего жуза значительно укрепились, расширились торговые и культурные связи с Россией.

<sup>2</sup> *Есенгул* и *Ерсадыр* — предводители киргизского племени сарыбагыш, оказавшие героическое сопротивление вторжению Аблая в пределы Киргизии.

<sup>3</sup> *Увак* (Уак-керей)— родоплеменной союз Среднего жуза, в XVI—XVII вв., играл значительную роль в составе казахского союза в борьбе с джунгарами. (См.: *Г. Н. Потанин*. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, с. 56; *С. Аманжолов*. Вопросы диалектологии и истории казахского языка... с. 16).

<sup>4</sup> *Турсунбай* (XVIII в.)— знаменитый батыр Среднего жуза, племени керей; особенно отличился в период борьбы казахов с джунгарами. В исторических преданиях он известен под кличкой Балта-Керей Турсунбай.

<sup>5</sup> *Сарыбель* — горный проход в Киргизском Алатау, против Карабалты и Сокулука. По историческим преданиям Аблай с войском хотел пройти через этот перевал на тучные джайляу Сусамыр, но киргизы преградили ему путь.

<sup>6</sup> *Атеке-Жырык* (XVIII в.)— знаменитый киргизский батыр из племени сарыбагыш. Известен своей мужественной борьбой против завоевательных походов Аблая и среднеазиатских ханов.

## ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

Незаконченный набросок, первая запись казахских исторических народных преданий, интерес к которым, по свидетельству Г. Н. Потанина, пробудился у Ч. Валиханова еще в кадетском корпусе. Запись отражает творческий процесс работы Валиханова первых лет его научной деятельности и относится к началу 1855 г.—времени первых его путешествий по Казахстану. Запись дошла до нас в виде двух рукописных копий (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, № 49, лл. 48—49; ф. 159, оп. 1, № 179, лл. 1—2), содержащих много пропусков и искажений. Впервые опубликована в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904). Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 107—111.

<sup>1</sup> *Усуни* — одно из древнейших племен на территории современного Казахстана. Первые известия о них появляются в конце II в. до н. э. В это время они обитали в Семиречье. В I в. до н. э. согласно письменных сведений количество усуней превышало 600 тыс. Это было могущественное объединение, с зачатками государственной власти, проводившее самостоятельную внешнюю политику. В древнеусунском обществе складывались классовые отношения. Отдельные представители знати имели по 4—5 тыс. лошадей. Они занимались не только скотоводством, им было известно ремесло и земледелие. К середине V в. н. э. в результате внешнеполитических перипетий усуня потеряли свою политическую независимость. Вопрос о языке усуней спорен, существуют предположения об их тюркоязычности и ираноязычности. Имеются достаточные основания констатировать об этнической преемственной связи древних усуней с уйсунями, вошедшими позднее в состав казахского народа. В составе населения Старшего жуза уйсуня представляли одно из наиболее крупных племенных объединений. По данным генеалогических преданий, уйсуня отождествляли себя со Старшим жузом (см.: Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов.— ЖС, 1894, III—IV; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; История Казахской ССР. тт. 1—2, Алма-Ата, 1977—1979).

<sup>2</sup> *Майки* (в литературе также: Байки, Байку) — легендарный родоначальник казахских биев Старшего жуза. О нем сохранилась народная поговорка: *Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би* — «Все истинные слова (изречения) восходят к одному источнику, основоположником их был Майки-бий». По данным исторических источников, Майки (Байку) — современник Чингисхана, жил в первой четверти XIII в. По Рашид ад-дину, Майки происходит из племени уйшин (уйсун), был тысячником в улусе Джучи и руководил войском правого крыла. (*Рашид ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952. с. 274).

Казахские предания о Майки (Байки) приведены в работе Г. Н. Потанина «Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II—III, с. 51, 54—55, 59).

<sup>3</sup> *Чингисхан* («Великий хан», первоначально — Темучин) (1155—1227) — монгольский хан, основатель огромной Монгольской империи. В 1203 г. овладел всей Монголией. С 1209 г. начались завоевательные походы Чингисхана. В 1215 г. он вторгся в Китай, в 1218—1220 гг. завоевал Туркестан, в 1225 г. возвратился в Монголию. Умер во время китайского похода.

<sup>4</sup> *Чеген* — древнее племя, обитавшее на территории Казахстана еще до арабского завоевания. В состав казахского народа вошло племя чегендык, которое расселялось по р. Ишим в Атбасарской степи.

<sup>5</sup> *Мухаммед* (Мухаммад, ок. 570—632) — основатель ислама, по представлениям мусульман — пророк, посланник Аллаха.

<sup>6</sup> *Оксе* (искаженное от арабского имени Уккаша) — исторически неверная легенда о происхождении казахов от Акаше и Анеса, приведена у Г. Н. Потанина (см.: ЖС, 1917, вып. II—III, с. 54, 57).

<sup>7</sup> *Абубекр* (Абу Бакр) — первый арабский халиф (632—634 гг.), избранный после смерти Мухаммеда.

<sup>8</sup> *Омар* — второй арабский халиф (634—644 гг.).

<sup>9</sup> Осман — третий арабский халиф (644—656 гг.).

<sup>10</sup> Али — четвертый арабский халиф (656—661 гг.).

<sup>11</sup> Коелдер (Калдар, Келар) — родоначальник катаганов и чанышклы — племен, входивших в конфедерацию уйсунгов, или Старшего жуза казахов.

<sup>12</sup> Мекрен (в литературе: бекрен, бекрин, по Рашид ад-Дину также — мекрин) — древнее племя (названное по имени своего родоначальника), входившее в конфедерацию уйсунгов. Стойбище его находилось в области расселения уйгуров, в труднодоступных горах. Племя, родственное уйсунгам, жило в горах Восточного Тянь-Шаня (Сарыяз).

<sup>13</sup> Катгамы (правильно: катаганы) — древнее племя, обитавшее на территории современного Южного Казахстана и Средней Азии. В начале XVII в. катаганы составляли основную силу ташкентского владетеля Турсун-хана. С середины XVII в. часть их вошла в состав узбекского народа, а часть слилась с казахским племенем чанышклы.

<sup>14</sup> Канглы — одно из древнейших племен, известное с III в. до н. э. История его хорошо отражена в древних и средневековых письменных источниках, написанных на восточных языках. Согласно данным этих источников, канглы занимали обширную территорию от р. Таласа до низовьев Сырдарьи и предгорий Каратау. В XIII—XIV вв. часть их распространилась до гор Улутая и Тургайской степи, к зиме они возвращались на Сырдарью. В древние времена канглы входили в конфедерацию племен, позднее составивших Старший жуз казахов. После распада Золотой Орды и Чагатайского улуса, канглы составили один из основных компонентов казахского союза. В истории казахского народа канглы и уйсуны считаются самыми старшими племенами казахских жузов, установителями древнего правопорядка, поэтому они занимают почетное место в народных преданиях (см.: Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава... с. 424; С. Аманжолов. Вопросы диалектологии..., с. 67—72; История Казахской ССР. тт. 1—2, Алма-Ата, 1977—1979 гг.).

<sup>15</sup> Адбаны (правильнее — албаны) — основное подразделение казахского племени уйсун.

<sup>16</sup> Дулаты — одно из древних племен, генетически связанное с племенной группировкой западных тюрок «дулу», имевших в Семиречье в VII—VIII вв. свое объединение, затем входивших в каганат карлуков и Караханидов. После распада Чагатайского государства на территории Семиречья и Восточного Туркестана в сер. XIV в. на местной субстратной основе образовалось государственно-политическое объединение Могулистан (Джете). Ведущую роль в государстве Могулистан играли вожди племени дулат (дуглат). Дулаты в это время обитали в долине рек Чу, Или, Талас, к югу от Иссык-Куля, а также в Южном Казахстане. В XV в. дулаты наряду с другими племенами Семиречья вошли в состав Казахского ханства. В Старшем жузе дулаты являлись одним из наиболее крупных племен (см.: В. В. Бартольд. Очерки Семиречья.— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964; К. А. Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI веков. Алма-Ата, 1977).

<sup>17</sup> Суваны — подразделение племен уйсун.

<sup>18</sup> Сваманак (точнее, сырманак) — по казахской народной легенде, в древности существовало два родственных племени: сырманаки — на Сырдарье, и чуманаки — в долине Таласа и Чу. Основное племенное название «манак» впервые встречается в анонимном сочинении X в. «Худуд ал-'Алам» (см.: «Худуд ал-Алем». С введением и указателями, изд. В. В. Бартольда (рукопись Туманского), Л., 1930).

<sup>19</sup> Абак — собственно родоначальник племени керевов (керептов). Казахи — абак-керевы теперь живут на Черном Иртыше и соседних с ним районах Северо-Западного Китая и Монголии.

<sup>20</sup> Название же (уйсун)... в строгом смысле предание не допускает. — Т. е. название уйсун в преданиях подразумевается.

Эти предания также записаны и опубликованы Г. Н. Потаниным в его работе «Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II—III, с. 61).

<sup>21</sup> *Золотая Орда* (Улус Джучи) — феодальное государство, возникшее в результате монгольского завоевания в 40-х годах XIII в. В Золотую Орду входили кыпчакские степи, т. е. основная территория современного Казахстана, исключая Семиречье, Северный Хорезм с г. Ургенчем, Волжское низовье, Северный Кавказ и Крым. Золотая Орда прекратила свое существование в конце XV в.

<sup>22</sup> *Джагатайский улус* — феодальное государство в Средней Азии, составившее с 1224 г. удел Джагатая (Чагатая), второго сына Чингис-хана.

<sup>23</sup> *Узбек* (1282—1341) — хан Золотой Орды, в период его правления (1312—1341 гг.) Золотая Орда достигла наивысшего могущества. При Узбеке столица Золотой Орды была перенесена в г. Сарай-Берке (на монетах — *سرای جدید* «Новый Сарай») — превратившийся в крупный для того времени культурный и ремесленный центр. Узбек способствовал распространению ислама; с его именем связано строительство ряда мечетей и медресе в Крыму и Поволжье. (См.: *В. Д. Греков, А. Ю. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 64, 67—69, 90—93).

<sup>24</sup> *Тарла-Ширин* — чагатаец, сын Дува-хана, распространитель ислама в Средней Азии в XIV в. (См.: *Абулгази*. Шеджере-и тюрк. Изд. Демезопа. СПб., 1874, с. 150—151). Правитель улуса Чагатая в 1326—1334 гг.

<sup>25</sup> *Ишим-хан* (ум. в 1645 г.) — сын Шигая, брат Тевеккеля; глава династии казахских ханов XVII—XVIII вв. Последними его отпрысками были Аблай (1771—1781 гг.) и Вали (1781—1819 гг.)\*<sup>1</sup> — ханы Среднего жуза. Ишим-хан вел борьбу против ойратов. Во внутренней политике стремился к созданию централизованного государства на удельной основе. С его именем связано регламентирование казахских юридических обычаев и упорядочение феодальных кодексов, применявшихся в Белой орде в VIII—XV вв. (Есімханның ескі жолы — древний путь Ишим-хана). Ряд установленных Ишим-хана впоследствии отражен в законах его внука Тауке-хана. Несколько памятных строк посвятил Ишим-хану известный историк писатель Абулгази, который будучи в изгнании, нашел приют и гостеприимство в г. Туркестане. (См.: *Абулгази*. Шеджере-и тюрк, с. 306). Отдельные факты о деятельности хана Ишима встречаются и в русских источниках XVIII в. (См.: Архив ВГО, разр. 64, оп. 1, д. 14).

<sup>26</sup> *Турсун* — казахский хан, правивший Ташкентом в тридцатых годах XVII в. Погиб в 1628 г. в междоусобной войне с Ишим-ханом, правившим в г. Туркестане (См.: *Абулгази*. Шеджере-и тюрк, с. 306).

## ПОГОВОРКИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ

Впервые текст был опубликован по автографу — ААН (ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 17). Печатается по ССВ т. I, с. 50—52). Основная часть поговорок взята, как говорит об этом сам Ч. Валиханов, из собрания И. А. Бардашева. Однако записи Ч. Валиханова отличаются от бардашевских правильной передачей транскрипции казахского текста, очень близкой к чагатайскому письму. Из нее видно, что Ч. Валиханов хотел приблизить транскрипцию слов к казахскому произношению. Например, у Валиханова: арыстан, сақлағанды. У Бардашева: арсылан, сәқлағаны и т. д.

У И. А. Бардашева иное заглавие: «Пословицы и поговорки киргизов Большой орды». Он собрал этот и другой материал казахского фольклора в 1855 году для Н. Ф. Костылецкого и в начале 1856 года отправил ему в Омск вместе с письмом, в котором писал: «Душевно радуюсь, что наконец я имею случай и удовольствие доставить Вам несколько киргизских пословиц с переводом, которые прошу Вас принять, — как слабый и первый неопытный и ничтожный труд мой, который я решился послать Вам». Собрание И. А. Бардашева и письмо хранятся в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, № 151).

\*<sup>1</sup> Указаны годы правления Средним жузом с момента официального избрания.

Запись Ч. Валиханова датируется 1856 г., так как была найдена в Исыккульском дневнике.

<sup>1</sup> *Бардашев Иван Андреевич* (1831—1868) — переводчик при начальнике Алатауского округа и казахов Большой Орды (1848—1865 гг.). Учился при Сибирском кадетском корпусе в школе по подготовке переводчиков и толмачей. Окончив ее, он получил назначение в Капал — только что созданный центр Алатауского округа. Еще в школе состоялось его знакомство с Ч. Ч. Валихановым и Г. Н. Потаниным. В 1856 г. И. А. Бардашев вместе с Ч. Валихановым принимал участие в Исык-Кульской экспедиции и дипломатической комиссии в г. Кульджу. Он был секретарем этой комиссии.

## [О ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ]

Отрывок из нескольких разрозненных листов среди бумаг Ч. Валиханова, представляющий собой записи о происхождении казахской народной поэзии. В рукописи отрывка заглавия нет; не полностью и под другим заголовком опубликован в Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 223—231). Автограф обнаружен в 1857 г. Датируется предположительно 1855—1856 гг. По автографу — ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 6, 21—22. Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 196—202.

<sup>1</sup> *Урак-батыр* — о нем см. т. I настоящего издания, «Песни Урака».

<sup>2</sup> *Нурумбай* (XIX в.) — народный акын из северных областей Казахстана.

<sup>3</sup> *Ахмет Джантюрин* (XIX в.) — султан-правитель тургайских и актюбинских казахов.

<sup>4</sup> *Джанап* (первая половина XIX в.) — знаменитый певец-импровизатор, сказитель и хранитель древней эпической поэзии, музыкант-кобызист; происходил из рода каракесек Каркаралинского округа. Валиханов неоднократно встречался с Джанапом и по его спеву записал известную поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

<sup>5</sup> *Айханым* (Айганым) (1785—1856) — вдова хана Валля, бабушка Чокана Валиханова.

<sup>6</sup> *...известной впоследствии певицы...* — Очевидно, имеется в виду певица Ажар, вступавшая в поэтическое состязание (айтыс) со многими популярными акынами того времени.

<sup>7</sup> *Каим* — то же, что айтыс в наше время. Каимдасу — вступить в словесное или поэтическое состязание.

<sup>8</sup> *Кара-улен* (точнее: олен) — поэтический жанр в форме кратких повествований о различных исторических эпизодах или других сюжетах.

<sup>9</sup> *Улен* (олен) — буквально: песня, в широком смысле — всякие песни лирического или прозаического склада.

<sup>10</sup> *Орунбай* — известный акын-импровизатор, из кокчетавских казахов рода караул. Долго находился под влиянием старшего султана, потом советника сибирских казахов Турлубека Коченова, являясь его придворным певцом. Часто бывал в ауле Валиханова, был на встрече Чокана по возвращении его из Петербурга и пел перед ним, посвятив ему длинную импровизацию. Однако песни Орунбая мало интересовали Чокана, он критически относился к импровизации акына, считая, что его творчество пропитано духом мусульманского фанатизма.

<sup>11</sup> *Чодже* (правильно: Шоже) (1807—1895) — знаменитый акын-импровизатор, автор многочисленных поээм и айтысов, происходил из кокчетавских казахов рода атыгай. В поэзии Шоже получили отражение народные думы и чаяния, и потому Чокан относился к нему с большим уважением и ценит его поэтический талант. Лучшие варианты народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» были записаны в 60-х годах XIX в. из уст Шоже и один из них 5 марта 1864 г. в Омске, на квартире Ч. Валиханова. Затем эти записи попали к И. Н. Березину. Ныне хранятся в ЛОИВ АН КазССР (Ленинград), ф. 5, оп. 2 (267).

<sup>12</sup> *Сейт Баттал* (*Баттал-гази*)—герой турецкого феодального эпоса, пропитанного духом религиозного фанатизма и войны против немусульманских народов.

<sup>13</sup> *Эрдманн Франц* (Феодор Иванович, 1793—1863)—востоковед. С 1818 г.— профессор Казанского университета по кафедре арабского и персидского языков. С 1824 г. заведовал нумизматическим кабинетом, изучал историю народов Средней Азии и Монголии. Ему принадлежат многочисленные статьи на русском, немецком, французском и латинском языках по вопросам истории, филологии, нумизматики и языков восточных народов. (См.: *Н. П. Загоскин*. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета 1804—1904 гг. Ч. 1. Казань, 1904. с. 240—242).

<sup>14</sup> *Потом Кузу-Корпеш была переведена кем-то в Оренбурге...*— Один из первых переводов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» с башкирского на русский язык сделан Н. Беляевым и издан в 1812 г. в Казани под названием «Куз-Курячъ». Башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним курайчием и переведенная на российский язык в долинах гор Рифейских».

<sup>15</sup> *В этом переводе четыре первых куплета принадлежат песеннику Джанаку...*— К сожалению, перевод «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», сделанный Валихановым со слова Джанака, еще не отыскан и, вероятно, хранится в одном из многочисленных архивов Г. Н. Потанина. Через Г. Н. Потанина этот перевод попал к Парафоновой, которая просила своего племянника, поэта Г. Н. Тверитина, сделать русский поэтический перевод.

<sup>16</sup> *...песня по умершем муже жены, по сыну — матери...*— Речь идет о песнях-причитаниях, по-казахски — жоктау, образец которых записан Валихановым и публикуется в настоящем издании (с. 255).

<sup>17</sup> *Ахун* — титул указанного мурлы, узаконенный царским правительством по Уставу о сибирских киргизах. Этот термин нельзя смешивать с акыном, почетным названием народных певцов.

<sup>18</sup> *Хотя в настоящее время этих ахунов... в степи и много, но они более импровизаторы...*— Здесь Валиханов объясняет разницу между сказителем (жырши), поющим древние эпические поэмы, и певцом-импровизатором (акын), который сочиняет экспромтом свои произведения.

## ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 42—49. Автограф хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 8, лл. 40—41, 42—43 об.)

В этой записи Ч. Валиханов с тонким юмором раскрывает характер генерала Г. Х. Гасфорта — управляющего Казахстаном и Западной Сибирью в 1851—1861 гг., который «при всяком удобном случае старался блеснуть своей памятью и порисоваться универсальностью своих познаний» и при этом «сам, может быть, того не замечая, поддавался увлечениям, нередко переходящим в область фантазии» (см.: *И. Ф. Бабков*. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875, СПб., 1912).

Запись, датированная 27 февраля, имеет два варианта: первый на лл. 40—41, второй на лл. 42—43. Ее можно датировать 1856 годом.

По всей вероятности, автограф Ч. Валиханова написан под впечатлением бесед генерала Гасфорта на домашних вечерах, на которых постоянно бывал Ч. Валиханов. Гасфорт видел в нем не только своего адъютанта, но и талантливого молодого исследователя.

<sup>1</sup> В тексте *е. п.*—его превосходительство, в других случаях *е. в. п.*—его высокопревосходительство, т. е. генерал Г. Х. Гасфорт.

<sup>2</sup> *Канск* — в то время был небольшим уездным городом. Ныне город краевого подчинения в Красноярском крае РСФСР. Расположен на р. Кан, притоке Енисея.

<sup>3</sup> *Бердск* — основан в начале XVIII века как крепость, острог. В середине XIX в.—небольшой город. Ныне город областного подчинения в Новосибирской области РСФСР. Расположен на р. Оби, при впадении в нее р. Бердь.



<sup>4</sup> *Соломон* — царь объединенного Израильско-Иудейского государства (960—935 гг. до н. э.).

<sup>5</sup> *М. Г.* — мадам Гасфорт, жена Г. К. Гасфорта.

<sup>6</sup> *Ариман* (др.-иран. \*Angra.Manu-) — в авестийской мифологии сын бога Зрвана, брат и противник Ахура Мазды, владыка тьмы, олицетворяющий злое начало в дуалистической концепции зороастризма.

<sup>7</sup> *Фата-моргана* — вид миража, причудливо искаженное изображение предметов, наблюдающееся при образовании многочисленных слоев воздуха различной плотности.

<sup>8</sup> *Кант Иммануил* (1724—1804) — основоположник немецкой идеалистической философии конца XVIII — нач. XIX в.

<sup>9</sup> *...братья Шлегель* — Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) и Шлегель Фридрих (1772—1829). — немецкие писатели и критики, представители реакционного романтизма.

<sup>10</sup> *Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий мыслитель и теоретик литературы, представитель эпохи Просвещения XVIII века.

<sup>11</sup> *Эскулап* — латинское название древнегреческого бога врачебного искусства Асклепия. В данном контексте употреблено в проницательном смысле — врач, медик.

## ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ПЛЕМЕН

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 380—391. Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, № 179, лл. 8—14. Работа написана приблизительно в 1836 г., когда Ч. Валиханов занимался изучением истории и этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

Впервые опубликована в ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904.

<sup>1</sup> *Кастрен Матвей Александрович* (1813—1852) — финский языковед и этнограф. По поручению Российской Академии наук осуществил ряд экспедиций с целью исследования почти неизвестных языков народов севера Европейской России и Сибири. Им написаны грамматики финского, зырянского (коми), марийского языков и ряд работ по эстонскому и лопарскому языкам. М. А. Кастрен является также составителем словарей и грамматик пяти самодийских языков — остяцкого, тунгусского, бурятского, карагасского и др. Несколько исследований ученого было посвящено языку «Калевала»; ему же принадлежит перевод его на шведский язык. М. А. Кастрен считается основоположником сравнительного изучения урало-алтайских языков.

<sup>2</sup> *Османь* (по-турецки — османлы) — название всех турецких малоазийских племен, покоренных преемниками султана Османа I (1268—1324), основателя Османской династии турецких султанов, от имени которого и происходит общее название этих племен.

<sup>3</sup> *Щукин Н.* — русский писатель, публицист, автор ряда повестей, рассказов и научных статей, посвященных Сибири («Ангарские пороги», «Поселятник», «Письмо из Иркутска», «Поездка в Якутск». СПб., 1844 и др.). В 60-х годах XIX в. Щукин примыкал к группе «сибирских сепаратистов», которую возглавляли Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Арестованный в 1865 г. вместе с другими членами этой группы, Щукин был посажен в Омский острог, затем сослан в Архангельскую губернию, где умер на каторге. Ч. Валиханов имеет в виду работу Щукина «О происхождении якутов и их самоназвании от племени качинцев, называющих себя саха» (ЖМВД, 1847, июль, с. 257).

<sup>4</sup> *Карагасские татары* (карагасы) — под этим именем были известны в дореволюционной литературе тофалары, небольшая тюркоязычная этнографическая группа, кочевавшая по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рек Уда, Бирюса, Кац, Гутар и других правых притоков Енисея.

<sup>5</sup> *Огородников Евлахий Кириллович* (1816—1889) — русский этнограф, автор ряда трудов, содержащих ценные статистические и этнографические

сведения, касающиеся пореформенной России 60—70-годов XIX в. Ему принадлежат крупные статистико-этнографические работы: «Городские поселения в Российской империи» (1860—1865 гг.), «Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого чертежа» (ЗРГО, СЭ, СПб., 1877, т. VII, с. 1—265). Е. К. Огородников является одним из авторов многотомного издания «Списки населенных мест Российской империи». Ряд трудов Е. К. Огородникова был посвящен языку и этнографии народов Сибири. Ч. Валиханов ссылается на статью Е. К. Огородникова «Замечания о якутском языке» (ОЗ. 1846, т. 47, кн. 8, с. 22—27).

<sup>6</sup> *Чихачев Петр Александрович* (1808—1890) — русский географ, путешественник и геолог. Им составлена геологическая карта Апеннинского полуострова, предпринят ряд экспедиций по Малой Азии (1847—1863 гг.), дано геологическое и географическое описание Северо-Западного Китая (1845 г.). П. А. Чихачеву принадлежит большая заслуга в исследовании Сибири и Казахстана, он составил географическое и геологическое описание Алтая, в том числе Кузнецкого угольного бассейна. Именем Чихачева назван горный хребет в юго-восточной части Алтая. П. А. Чихачев обследовал верховья Иртыша, дал описание Калбинского хребта. Много внимания русский путешественник уделял зарисовкам примечательных мест и исторических памятников Алтая и Верхнего Иртыша. Им зарисованы развалины тибето-монгольского буддийского храма Аблайкита на территории Алтая, дается описание жизни сибирских киргизов, ставится вопрос об их происхождении.

<sup>7</sup> *Костров Николай Александрович* (1823—1882) — русский историк, этнограф Сибири. Получил юридическое образование в Московском университете. Основные труды Н. А. Кострова: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (1876 г.), «Очерки юридического быта якутов» (1878), «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» (1879 г.), «Очерки быта минусинских татар» (Труды IV археологического съезда 1877 г. в Казани, т. I, 1884 г.), «Чулымские инородцы». Целый ряд других статей Н. А. Кострова по этнографии народов Сибири был опубликован в «Записках Сибирского отделения РГО», а также в журнале «Москвитянин» («Юраки», «Енисейские тунгусы»), в «Енисейских губернских ведомостях» и других изданиях.

<sup>8</sup> *Шотт Вильгельм* (1802—1880) — немецкий востоковед, выдающийся исследователь языков народов севера Европы и Восточной Азии, от финских и самоедских до китайского и японского. Совместно с М. А. Кастреном В. Шотт является основателем сравнительного урало-алтайского языкознания. Наиболее известные его труды: «Altische Studien» (1860—1872), «Über das altaische oder Finnisch-Watarische Sprachen-geschlecht» (1849), «Über die jakutische Sprache» (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III, S. 312—332), «Über die ächt Kirg» (1865).

<sup>9</sup> ...его творительный более походит на родительный... — В якутском языке нет родительного падежа и склоняемое Е. К. Огородниковым слово «ого» — мальчик — правильно дано для творительного падежа в форме *огонен*, хотя и с нарушением закона гармонии гласных (следует: *огонон*). Ч. Валиханов далее правильно указывает, что названный Е. К. Огородниковым родительный падеж фактически представляет собой винительный падеж якутского языка.

<sup>10</sup> *Ким бар... ойдарана*. — Судя по переводу: «Кто есть на этой земле, кто, не учась может на всех языках говорить? — Эхо», якутский текст (в современном написании) должен быть следующим: «Ким баарый бу сирэ (или алыба) уэрэгэ суох бары тылынан кэпсэтэр? — Ой дуорана».

<sup>11</sup> *Кундровские (кундровские) татары* — астраханские ногайцы, жившие к востоку от низовьев Волги в ее дельтовой части.

<sup>12</sup> *Георги Иоганн Готлиб* (1729—1802) — известный европейский этнограф, натуралист и путешественник. С 1783 г. действительный член Петербургской Академии наук. В составе Оренбургского отряда академической экспедиции 1768—1774 гг. посетил юго-восток России, Поволжье, Урал, Северный Казахстан, Алтай, Байкал, Забайкалье. И. Г. Георги является

автором первого обобщающего историко-этнографического исследования о народах России («Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». СПб., 1776), в котором казахам уделено значительное место. Этот труд до сих пор не потерял своего значения в качестве ценного историко-этнографического источника. (См.: РБС, т. Гааг — Гербель, СПб., 1914; С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, с. 103—110; Э. А. Масапов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, с. 65—75).

<sup>13</sup> *Торгоуты* — одно из крупных монголоязычных племен, входивших в состав западных монголов (ойратов) и калмыков. В прошлом обитали в северо-западной части Монголии и в Джунгарии. В настоящее время торгоуты населяют западные районы Монгольской Народной Республики (Обдосский округ), часть их живет в низовьях Волги и составляет основное население Калмыцкой автономной области.

<sup>14</sup> ...я намерен говорить о нем более подробно... — Намерение посвятить отдельную работу вопросам о взаимоотношениях ногайцев с казахами и каракалпаками выполнено Ч. Валихановым частично (см.: «Киргизское родословие» в настоящем издании).

<sup>15</sup> *Аттила* (ум. в 453 г.) — вождь племени гуннов. При нем западногуннский племенной союз достиг наивысшего могущества. Совершив ряд опустошительных походов на территорию Восточной Римской империи и Ирана, Аттила двинулся на запад и разорил ряд городов Северной Галлии. После поражения, понесенного полчищами Аттилы в битве на Каталаунских полях от объединенных сил римлян, франков, вестготов и бургундцев, они были вытеснены из Галлии. После смерти Аттилы военный союз гуннских племен распался.

<sup>16</sup> *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт, жил между XII и VIII вв. до н. э. Ему приписывается создание великих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи».

<sup>17</sup> *Геродот* (ок. 484—425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Труд Геродота «История» ценен тем, что наряду с историей греков и персов автор дает широкое описание многих народов, с которыми греки соприкасались. В частности, Геродот сообщает важные сведения о народах южнорусских степей, а также Средней Азии и Казахстана. Труд Геродота до сих пор остается ценным источником для изучения древней истории многих народов. (См.: *Геродот. История*. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972; С. Я. Лурье. Геродот, М.—Л., 1947; А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, Н. А. Шишова. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982).

<sup>18</sup> *Кочующие татары* — именовались в виду астраханские ногайцы — карагаши, а также казахи приволжских степей.

<sup>19</sup> *Мевлеви* — орден турецких дервишей, прозванных европейцами вертящимися или танцующими. Название ордена происходит от слова *мавлана*, что означает «наш господин». Так называли когда-то Джалал ад-дина ар-Руми (1207—1273), одного из основателей этого ордена. Орден мевлеви был основан в XIII в. и просуществовал до 1925 г., когда декретом от 4 сентября 1925 г. все религиозные секты в Турции были упразднены.

## ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ НА ИССЫК-КУЛЬ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 228—288. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, № 2, лл. 1—22. Автограф написан чернилами с поправками и дополнениями рукой Ч. Валиханова; в тексте имеются рисунки автора, сделанные пером. Датруется апрелем-июлем 1856 г. Впервые опубликовано в кн.: Ч. Валиханов. Избранные произведения (Алма-Ата, 1959).

<sup>1</sup> *Аягуз* — город, через который в прошлом шла оживленная караванная торговля с Чугучаком, Кульджой и другими городами Восточного Туркестана. Расположен в долине одноименной реки, впадающей в оз. Балхаш. Основан в 1831 г. Переименован в Сергиополь в 1860 г. После Октябрьской революции первоначальное название было восстановлено. Ныне Аягуз — районный центр Семипалатинской области.

В рукописи оставлено место в скобках для перечисления названий пикетов от Семипалатинска до Аягуза. Автор говорит, что их было шесть, имея в виду следующие: Улугуз, Аркалык, Аркат, Узувбулак, Енгрекей, Алтынколат. Однако П. П. Семенов-Тянь-Шанский, проезжавший по этому тракту несколько позднее Валиханова, добавляет к этим пикетам еще четыре: Ащикуль, Джарташ, Кызылмола и Альджан-Адыр. Таким образом, по Семенову-Тянь-Шанскому, их было десять, из которых пять — между Семипалатинском и Аркатом, и пять — в степи от Арката до Аягуза. Эти пикеты и показаны на всех дореволюционных картах (см.: «Россия», т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903). Очевидно, Ч. Валиханов говорит только о наиболее значительных пикетах.

<sup>2</sup> *Основан он в 1824 г.* Ошибка. Аягузский округ был открыт в 1831 году (см.: Н. И. Красовский. Область Сибирских киргизов, т. I, СПб., 1868, с. 103—105).

<sup>3</sup> *Чалаказак* — см. коммент. 4 к ст. «О хлебопашестве», коммент. 5 к ст. «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древности вообще».

<sup>4</sup> *...после трехдневной езды по солонцам...* — против этих строк на полях рукой Валиханова написано: «к операции I» и поставлен знак NB. Очевидно, автор имел намерение расширить абзац дополнительными данными, что, однако, им сделано не было.

<sup>5</sup> *...могила Козу-Корпеш* — имеется в виду надгробный памятник Козы-Корпеш и Баян-Сулу, который находится на правом возвышенном берегу р. Аягуз, против железнодорожной станции Тансык. Памятник построен из сланцевых плит на глиняном растворе. Внешний вид сооружения представляет композицию, квадратную в плане, увенчанную высоким коническим куполом. Общая высота сооружения — 14 м. Переход от квадрата к конусу совершен напуском или ступенчатой кладкой — характерный прием в виде ложного свода, существовавший в строительном искусстве древнего Казахстана доисламского периода (V—X вв.).

Ч. Валиханов, придавая большое значение этому редкому памятнику древней архитектуры, имел сильное желание запечатлеть его на бумаге. Однако непогода и разлив р. Аягуз помешали ему осуществить это намерение. Не имея средств для того, чтобы перебраться на правый берег Аягуза, он проехал дальше, отложив близкий осмотр памятника до следующего раза.\*<sup>1</sup>

Судя по всему, Ч. Валиханов вернулся к памятнику осенью того же 1856 года, после завершения своей поездки на Иссык-Куль и в Кульджу. Об этом говорит его зарисовка каменных изваяний, сделанная в 1856 г.

Памятник Козы-Корпеш и Баян-Сулу описан сотрудниками академических экспедиций 1768—1774 гг. X. Барданесом и академиком И. П. Фальком, генерал-майором С. Б. Броневским, академиком А. И. Шрейнком, П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Г. Н. Потаниным. Специальные статьи этому памятнику посвятили ученые: академик В. В. Радлов, Н. Абрамов, Е. Баранов, Н. Н. Пантусов, Бройдо и др. Особенно ценна запись С. Б. Броневского, воспроизводящая древнее историческое предание казахского народа о памятнике Козы-Корпеш и Баян-Сулу.

С. Б. Броневский приводит подробную легенду о любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу, о возведении в их память надгробия и каменных статуй и говорит, что об этих памятниках существуют песни, сложенные казахскими акынами, которые поются под аккомпанемент кобыза. (См.: С. Б. Бро-

\*<sup>1</sup> В дневнике от 1856 г. Ч. Валиханов записал: «Спать и осмотреть могилу Козу-Корпеш». (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 31).

невский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды — ОЗ, СПб., 1830, ч. 43, с. 252—256).

Однако в записках С. Б. Броневского закралась одна неточность. У гробницы стояли не две женские статуи, как свидетельствует автор, а три, из которых одна, по народной легенде, изображала Баян-Сулу, другая — ее сестру Аягыз, третья — ее тетку, женге (по Броневскому, няньку). Мужская статуя, по казахской народной легенде, изображала самого Козы-Корпеша. Так они описаны во всех вариантах поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», в частности, в ее лучшей версии, изданной И. Н. Березиным («Турецкая хрестоматия», ч. III, с. 162).

Каменные изваяния стояли у гробницы (ее восточной наружной стены) еще во время Ч. Валиханова, который успел их зарисовать в указанной группе. Но мужское изваяние он зарисовал уже без головы (см. его зарисовку в настоящем издании).

В 50-х годах XIX в. А. С. Уваров хотел перевести их в Московский исторический музей, но не нашел поддержки со стороны властей в перевозке изваяний в Москву. Зато царское правительство охотно помогло увезти часть изваяний в Германию. (См.: И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. 22, с. 253).

По поручению Г. Н. Потанина памятник последний раз был обследован А. Н. Белослюдовым во время его экспедиции в районе оз. Балхаш (1917 г.). Белослюдов пишет: «У памятника Козу-Корпеш были два раза. Каменных баб уже нет... две бабы от памятника увезены в Германию» (Письмо № 36 А. Н. Белослюдова к Г. Н. Потанину. 9 января 1918 г. НБТГУ, Архив Г. Н. Потанина).

Из этого видно, какое огромное значение придавали ученые монументу Козы-Корпеш и Баян-Сулу, считая его одним из редких архитектурных памятников, созданных древнеказахскими племенами.

Поскольку указанная серия памятников отражает историю Казахстана доисламского периода, но неверна датировка В. В. Радлова, приурочившего памятник Козы-Корпеш к XVII в. (См.: «Записки путешествия академика Фалька». ПСУП, т. VII, СПб., 1825, с. 58; Н. Абрамов. Каменная пирамида Кузу-Курпеша и Баян-Сулу в Киргизской степи. ЗВРАО, 1858, ч. 1, вып. 2, с. 58—60; Е. Баранов. Кузу-Курпеш и Баян-Сулу (киргизское народное предание). «Нива», 1899, литер. приложение, кн. 2, с. 307—347; И. Н. Пантусов. Киргизское народное предание о могиле Козу-Корпеш и Баян-Сулу, КСГ, 1899, № 9—10; его же. Древности Средней Азии. Памятник Козу-Курпеш и Баян-Сулу. Казань, 1902; И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. 22, с. 252—253, 274—292).

<sup>6</sup> ...памятника, [оставшегося] от номадов — могил...— Имеются в виду курганы древних скотоводов и надгробные сооружения более позднего времени, отсутствующие в песчаной пустыне Арғанаты, но встречающиеся в огромной массе в речных долинах Семпречья и предгорьях Джунгарского Алатау.

<sup>7</sup> Асу — перевал. В своих статьях Ч. Валиханов вместо термина *перевал*, который в то время еще не утвердился в географической литературе, употреблял применявшееся в то время слово *проход*; в данной же работе он часто употребляет казахский термин *асу* — более точный по значению, чем *проход*. В последующих работах, в частности, по Кашгарии, Валиханов, наряду со словом *проход*, иногда употребляет и слово *перевал*.

<sup>8</sup> *Килец* (типец, типчак, по-казахски: *бетеге*) — лучшее пастбищное растение, распространенное на большей части территории Казахстана.

<sup>9</sup> *Бауагач* — бау-агач (букв. садовый лес, сад) — название местности в долине р. Чилик.

<sup>10</sup> ...более обширного кургана. Курган — в современной литературе — погребальный холм, оставленный древними племенами. У Ч. Валиханова речь идет о городище или развалинах древних укреплений, встреченных автором в долинах рек Чилик и Чарын (см.: А. Н. Бернштам. Памятники

старинны Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. I, 1948, с. 81, карта). Термин «курган» в тюркских языках означает крепостное сооружение, оборонительную стену или укрепление (Чулак-Курган, Яны-Курган и т. д.). Ч. Валиханов употреблял этот термин в историческом его значении.

<sup>11</sup> *Сугульгы* — название гор, написание которых в рукописи встречается в нескольких вариантах: *Согульгы*, *Сугульгы*, *Суготы*, *Соготы* (наиболее правильная форма по-казахски: Согет). По-видимому, оно происходит от слова согет (согет, сегет) — верба. Происхождение названия Согеты от слова согу (сокмак), как это предполагает Валиханов, невозможно исходя из грамматики тюркских языков.

<sup>12</sup> *Баргугай* — урочище, расширенная часть долины р. Чилик в западном конце возвышенной Согетинской долины, между прорезаемыми рекою поперек горами Торайгыр и Сериктас. Дно долины здесь покрыто сплошными зарослями кустарников с редким лесом. Чилик по выходе из гор Торайгыр, где он протекает в узкой теснине, делает поворот на восток, затем на север и, подходя к Согетинским горам, поворачивает на запад и уходит в теснину.

<sup>13</sup> *Сарытогай* — расширенный отрезок долины реки Чарын в пределах Жаланагшской долины. Протяженность урочища более 20 км, ширина 2—2,5 км. Урочище интересно сохранившимся здесь с третичного периода ясеневым лесом, занимающим дно долины почти сплошной полосой. Кроме ясеневых леса, имеются заросли кустарника, чия; ближе к склонам — полупустынная растительность. В северной части, на засоленных почвах, редкий саксаул.

<sup>14</sup> *Актогай* — расширенный участок долины р. Чарын, протяженность около 16 км, расположенный выше Сарытогая. Ширина урочища 0,5—1 км. Растительность — кустарники (джидра, тальник), тополь, чий; имеются луга и пашни.

<sup>15</sup> *По выходе из гор перед нами открылась... и на хребет Торайгыр.* — Определение сторон света и географических направлений, данных в этом отрывке Ч. Валихановым, является недоразумением, возникшим на основании рисунка, сопровождающего этот абзац. Зарисовка дана в перспективе по движению, т. е. с севера на юг, причем юг (S) оказался в перспективе, т. е. наверху, а север (N) — внизу. Получилась карта с расположением стран света, обратным общепринятому в науке. Однако, комментируя рисунок, Ч. Валиханов дал в тексте привычные для него научные обозначения, что привело к ряду описок. Данный отрывок следует читать: «открылась долина, возвышенная к юго-западу к горам Куулулук. Долина эта ограничивалась на юго-востоке горами Куулулук, на юге проходит Мерке, (далее) на юге — горы Алатау, на юго-западе — ущелья Чилик и Джиничке, на западе — хребет Торайгыр».

<sup>16</sup> *Каракуйрук* — то же, что джейран.

<sup>17</sup> *Черганак* (облепиха — *Nipporphae rhamnoides*) — кустарник из семейства лоховых со съедобными плодами; широко распространен по нижнему поясу гор в южной части Казахстана и в Сибири. Свое русское название получил от многочисленных золотисто-желтых, чаще продолговатых плодов, которые как бы облепляют ветки.

<sup>18</sup> *...продолжение подошвы столового перешейка.* — Имеются в виду столовые горы — горы с пологими платообразными вершинами и крутыми обрывистыми склонами.

<sup>19</sup> *Каугирасы* (кангирасы) — древнее племя, жившее в Семиречье. Оно дало свое имя названию города Кангарыс (по китайским источникам — Хынлос).

<sup>20</sup> *Ламайский хит* — монастырь тибето-монгольских буддистов.

<sup>21</sup> *Санташ* (Сынташ) — название перевала в восточной окопечности хребта Кунгей Алатау; здесь с южной стороны, к седловине вплотную подходит один из северо-восточных отрогов хребта Терскей Алатау.

<sup>22</sup> *Джигара* (правильно: Джугара) — автором определяется как сахарный тростник. Джугарой казахи и киргизы называют кукурузу, а также сорго (на юге).

<sup>23</sup> *Речка эта имеет направление с юго-запада на северо-восток.* — Направление течения реки Ирсу верно только относительно ее среднего течения.

<sup>24</sup> *Отрар* — один из древнейших торговых и ремесленных центров в бассейне нижней Сырдарьи. Широкою известность приобрел в связи с завоевательными походами Чингисхана. События 1218—1219 гг., связанные с героической обороной города и истреблением его жителей, получили в истории название «Отрарская катастрофа». Тем не менее, как важный узел, расположенный на перекрестке караванных путей, Отрар быстро оправился и вступил в полосу экономического подъема. В XIII—XV вв. он оставался важным экономическим и военно-политическим центром в регионе. Однако неоднократно осада города, междоусобные войны и грабежи подорвали экономику Отрара. К концу XVIII в. жизнь здесь прекратилась и на месте города остались лишь развалины, известные под именем Отрар-тобе. Городище находится неподалеку от впадения р. Арысы в Сырдарью, в 15 км западнее железнодорожной станции Тимур. С начала 70-х гг. в Отрарском оазисе ведутся раскопки Южно-Казахстанской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Результаты комплексного исследования материалов раскопок городища Отрар-тобе отражены в фундаментальных научных трудах (см.: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; они же. Позднесредневековый Отрар. (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; К. А. Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977).

<sup>25</sup> *Зайсан* (зайсанг, жайсанг, яйсанг) — наследственный представитель феодальной знати у калмыков и у казахов (каска-кайсан).

<sup>26</sup> *Едигей*, точнее Едыге (1352—1419) — основатель Ногайской (Мангытской) Орды. (См. коммент. 8 к ст. «Письмо профессору И. Н. Березину»).

<sup>27</sup> *Джанибек* — правильно Джанибек (даты жизни неизвестны) — один из основателей Казахского ханства, образованного в середине 60-х годов XV века в долинах рр. Чу и Таласа, на западной окраине Могулистана. Султаны джучиды Джанибек и его родственник Гирей потерпели поражение в борьбе за ханскую власть от Абулхаир-хана — правителя кочевого государства. Восточного Дашт-и Кыпчака. Объединив зависимые от них племенные группы кочевого и полукочевого населения, они откочевали на рубеже 50—60 гг. XV в. в пределы Семиречья. Хан Могулистана Есепбуга встретил Джанибека и Гирея радушно и отвел им пастбищные угодья в долинах рр. Чу и Таласа, куда и стекались в последующие годы притесняемые Абулхаир-ханом казахи. В середине 60-х годов XV в. Джанибек и Гирей основали Казахское ханство, объединив также в его состав казахов Семиречья. Имя Джанибека в исторических источниках прослеживается лишь до 1473 г., а в последующих источниках фигурирует имя только Гирей-хана. Видимо, Джанибек-хан погиб в одной из междоусобных стычек в 70-х годах XV в. В исторических источниках он известен и под именем Абу Саида, а в народных легендах и сказаниях как «Әз-Жәнібек» — уважаемый, любимый, справедливый и т. д. (см.: КСЭ, 4-т. Алматы, 1974, 350 б. и др.: К. А. Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977; Т. И. Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982).

<sup>28</sup> *Асан-Кайге*, точнее Асан-Кайгы (даты жизни неизвестны) — поэт, философ, герой различных легенд и сказаний. Жил в XV в. во время распада Золотой Орды, сначала в Сарае, а затем в Казани, был одним из влиятельных биев при различных ханах. В преклонном возрасте вернулся в пределы Восточного Дашт-и Кыпчака. Опечаленный судьбой своего народа, его бедностью, решил отыскать обетованную землю (жер уйык),

где «жаворонки мирно вьют гнезда на спине овец», где народ не будет знать нищеты и лишений. Он уговаривал казахских ханов Джанибека и Гирея объединить казахские земли Семиречья и Восточного Дашт-и Кыпчака, призвал свой народ к дружбе и согласию. На быстрой верблюдице (жел мая) он объехал все казахские степи, горы и леса, но обетованной земли не нашел и умер, не осуществив своей мечты. (См.: История Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата. 1979, с. 370; КСЭ, 1-т., Алматы, 1972, 501 б. и др.; К. А. Пищулина. Указ. работа).

<sup>29</sup> *Девятка* — подарок или награда, состоящая из девяти ценных предметов. Число 9, по древним народным верованиям, считалось священным у многих народов и символизировало полное возмездие или дара.

<sup>30</sup> *Кашен* (кешен, кесене) — надгробное сооружение, построенное из обожженного кирпича. Термин этот встречается в языке древних кыпчаков, ногайцев и казахов.

<sup>31</sup> *...развалины, лежащие в юго-восточной полосе степи...* — Имеются в виду погребальные сооружения древних скотоводов, большими комплексами встречающиеся в предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау и в горах Тарбагатай.

<sup>32</sup> *Плач* — оплакивание покойника его родными с причитаниями. Обычно произносится женщинами и нередко профессиональными плакальщицами, которые экспромтом сочиняют хвалебные песни в адрес покойника, воспевают его достоинство и доблести.

<sup>33</sup> *Внутри аула... были привязаны жеребята...* — В обычное время так не бывает. Если автор наблюдал подобную картину, то это, видимо, связано с тем, что аул Бурамбая в дни пребывания там Валиханова находился в окружении врага. В мирной обстановке привязи для жеребят располагаются непременно вдали от аула.

<sup>34</sup> *...выпивши сам, поднес одну чашку ко мне...* — Обычай выпивать напиток раньше гостей был одной из церемоний, соблюдаемых феодальными ханами во время торжественных приемов. Этим подчеркивалось уважение хозяина к гостям и свидетельствовалось отсутствие у него злого умысла по отношению к ним (что к наптку не примешан яд).

<sup>35</sup> *Не определено до сих [пор], что означали эти бабы и кем они поставлены.* — Современная Валиханову наука еще не объясняла значение многих историко-археологических памятников, в том числе и каменных изваяний, сплошь и рядом встречающихся в Монголии, Южной Сибири, Казахстане и в южнорусских степях, которым тогда было присвоено неточное название «каменные бабы». Научное объяснение значения каменных изваяний стало возможным после открытия и расшифровки в 90-х годах XIX в. орхонских надписей на древнетюркском языке. В них четко зафиксированы цель и назначение каменных изваяний: они были возведены древнетюркскими народами в память умерших их каганов, воинов и членов их семей. Поэтому группы каменных изваяний в науке сейчас называются тюркскими. Время сооружения тюркских изваяний VI—IX вв. Они распространены на обширном степном пространстве, начиная от Северной Монголии до Кустанайской области. Большими группами они встречаются на Алтае, в Семиречье и Центральном Казахстане.

Характерную особенность тюркских каменных изваяний составляет то, что они, как правило, стоят около поминальных оградок, сооруженных из плоских каменных плит, поставленных на ребро. От оградок на восток тянутся веренища врытых в землю каменных столбиков, которые в орхонских надписях называются балбалами.

В VIII—XIII вв. историческую традицию возведения каменных изваяний продолжили кыпчаки-половцы, огузы, карлуки и др. Каменные изваяния этого периода уже испытывают влияние ислама и отличаются от древнетюркских рядом особенностей. Они установлены не у оградок, а у погребальных холмов (курганов), и от них не тянется веренища камней.

В описании и зарисовках Валиханова отражены в основном каменные изваяния тюркского времени. Это вполне понятно, если иметь в виду,



что в VI—VIII вв. Семиречье, и в частности местность близ Исык-Куля, были центральными районами Западнотюркского каганата. (См.: *В. В. Радлов*. Атлас древностей Монголии, вып. I—III. СПб., 1892—1896; *V. Thomsen*. Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Énéissei. Notice préliminaire.—«Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark» pour l'année 1893. Copenhagen, 1894; *В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский*. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.—СТОЭ, вып. IV, СПб., 1897; *П. М. Мелиоранский*. Памятник в честь Кюль-Тегина.—ЗВОРАО, т. XII, 1899; *С. Е. Малов*. Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951; *Л. А. Евтюхова*. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.—МИА, № 24, М., 1952; *Я. А. Шер*. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966).

<sup>36</sup> ...могилы или насыпи 4 родов...— Из четырех типов археологических памятников, описанных Ч. Валихановым, первый составляют остатки городских поселений древнего Семиречья, выступающие на поверхности земли в виде обширных холмов; второй — каменные ограды разных эпох; третий — курганы древних скотоводов в виде земляных и каменных насыпей; четвертый комплекс — это каменные ограды с изваяниями тюркского времени.

<sup>37</sup> *Бюффон Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами по описательному естествознанию.

<sup>38</sup> *Иллыгы* (плататы, от слова *илет*, *елет* — племя, народ).— В прошлом кочевые племена, управляемые из городского центра.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
Архив МИД	— Архив Министерства иностранных дел
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВРГО	— Вестник русского географического общества
ВУА	— Военно-учебный архив
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГПБ	— Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (рукописный отдел)
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖС	— Живая старина
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов при Институте востоковедения АН СССР
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗРГООЭ	— Записки Русского географического общества по отделению этнографии
ИОАИЭКУ	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
ИРГО	— Известия Русского географического общества
ИРЛИ	— Институт Русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград)

- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- КСГ — Киргизская степная газета
- КСЭ — Казахская советская энциклопедия
- ЛОИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения
- ЛОИНА — Ленинградское отделение института народов Азии
- МСМА — Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб
- НВКУ — Научная библиотека Казанского университета
- НВЛГУ — Научная библиотека Ленинградского государственного университета
- НВТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета
- ОЗ — Отечественные записки
- ПСУП — Полное собрание ученых путешествий по России
- РБС — Русский биографический словарь
- РОБАН СССР — Рукописный отдел библиотеки Академии наук СССР
- РОБАН КазССР — Рукописный отдел библиотеки Академии наук Казахской ССР
- РОГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- РОЛОИИ — Рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории СССР
- СА — Средняя Азия (альманах)
- СВР — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР
- ССВ — Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. — Алма-Ата, 1961—1978.
- СТВИ — Сборник Туркестанского восточного института (Ташкент)
- СТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции
- ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
- УЗАН — Ученые записки Академии наук
- ЦГАВМФ — Центральный Государственный архив Военно-морского флота (Ленинград)
- ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва)
- ЦГА КазССР — Центральный Государственный архив Казахской ССР
- ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)
- ЦГА УзССР — Центральный Государственный архив Узбекской ССР
- ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив
- ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив (Ленинград)
- ЧИОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете
- ЭО — Этнографическое обозрение
- ЭС — Энциклопедический словарь, русскими учеными и литераторами составленный

## УКАЗАТЕЛИ

### ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абайкан-ханша 240  
Абак 274, 275, 397  
Абакумов С. 354  
Абас 238  
Абель-Ремюза Ж. П. 93  
Абдуллах 233  
Абдуллатиф-хан 232, 233, 235  
Аблай-хан 9, 70, 82, 181, 192, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 255, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 312, 329, 380, 383, 384, 385, 394, 395  
Аблайханов Сюз 190—192, 380, 395  
Аблайханов Тезек, султан 65, 90, 92, 351, 352, 355  
Абрамов Н., краевед 404, 405  
Абубекр, халиф 273, 396  
Абулай, см. Аблай  
Абулгази, (Абульгази), хивинский хан, историк 69, 170, 171, 172, 229, 244, 295, 297, 298, 362, 367, 373, 378, 390  
Абулмамбет (Абдулманбет, Абулмамет), хан 217, 385, 386  
Абулхайр-хан 190, 192, 232, 233, 407  
Абулхайр (Абул-хайр), хан Младшего жуза 192, 372, 393  
Абулхайр, см.: Габбасов Абулхайр  
Абульджа, хан 228, 229, 245, 390  
Абумуслим Марузи 50  
Абу-Салям, бий 114, 366  
Агши 231, 392  
Адамшак-мирза 244  
Адбаг, см.: Албан  
Адик-султан 240  
Адилев Кулан-хан 380  
Ажар-кыз, поэтесса 61  
Аз-Джанибек, султан 165, 371  
Азраил 205  
Айганым, см.: Балнева Айганым  
Айсары, жена Ч. Ч. Валиханова 65  
Айтули-бек 243, 244  
Акмет 232, 393  
Акназар-хан 165, 239, 371  
Аксак-Темпр (Аксак-Темпирь), см.: Тимур  
Аланов Камбар, султан 352  
Алача, см.: Ахмет-хан  
Албан 274  
Алдар, старейшина 298  
Алеко 98  
Александр I 11  
Александр II 52, 60  
Али (отец Урака) 206  
Алем-Муртаза-Сеид 238  
Али, султан 241  
Али, халиф 273, 397  
Али-Ата 240  
Али-Кул-Чора 235  
Алик 235  
Алим 83, 91, 92  
Алимбай 46, 83  
Али-Паша-улаи 114  
Алтай 220  
Алтан 298  
Алтун-ханым-бапм-бикем 241, 242  
Алтын-хан 365  
Алчагир-Мирза 231, 392  
Альджанов Гоке 61  
Амурсана 378  
Анненский Н. Ф. 23  
Апия, брат Ч. Ч. Валиханова 13  
Аримаи 292, 401  
Аристов Н. А. 71  
Аркандар-батыр 221  
Арслан, хан 172  
Арсланбай 281  
Арыстанбай, акын 61  
Асан, визирь при Тохтамыше 106, 107, 170, 363  
Асан-Кайгы, Асан Горемычный 327, 407  
Ата, богиня 290  
Атач-батыр 192

- Атеке, Атеке Джирый (Жырык),  
батыр 271, 272, 329, 330, 347, 395  
Аттила, предводитель гуннов 302,  
403  
Атыгеп 301  
Атымтай (Хатантай) 257  
Ахмет-бий 114  
Ахмет, хан 194, 195, 234, 235, 240  
Ахан-Серэ 16  
Аягыз 405
- Бабаджанов М.-С. 57  
Бабков И. Ф. 50  
Баба-Туклас 238  
Баба-султан 372,  
Бабур (Бабер) 172, 286, 377  
Багач, батыр 295  
Байгозы, Байгузы батыр 192, 218,  
219, 220, 386  
Байбек, см.: Байдебек  
Байдебек 274  
Байкабыл 185  
Байрон Джон Гордон 93  
Бака-Манджу, калмыцкий хан 341  
Бакут 245  
Балгадж-бай 235  
Балакай-баксы 213  
Банзаров Доржи 104, 298, 363  
Барак, султан, сын Сюка Аблайхано-  
ва 192, 303, 384  
Барак-хан 165, 232, 239, 240, 246, 372,  
393  
Баранов Е. 404, 405  
Барданес Х. 380, 404  
Бардашев И. А. 277, 278, 279, 398,  
399  
Барлыбай 267  
Басаргин Н. В., декабрист 20  
Баскаков В. Г. 59  
Батур, султан 172  
Батый (Бату) 164, 230, 294, 392  
Батыр Касым 165  
Батыр-хан 211  
Батор, Батур, Батур-хан, хунтайд-  
жи 299, 383  
Бауш-Буйдаш-хан 240  
Бахадур-султан 235  
Бахтияр-султан 235  
Бачкир-бек 230  
Башибек 240  
Башикен-султан 240  
Баян (Баянбай, Баенбай), батыр  
216, 218, 219, 221, 222, 385  
Баян-Сулу, Баян-Слу 115, 284, 285,  
307, 381  
Бекбулат 106, 107, 364, 371  
Бекбулатов Сеид Ахмед 370  
Бекгич 106
- Бекетов А. Н. 59, 68, 360  
Беккондор (Бекконды), улан 231,  
392, 393  
Бекмурадов Буранбай, манап 46,  
323, 331, 332, 335, 337, 339, 408  
Белинский В. Г. 22, 29, 30, 31  
Белослюдов А. Н. 405  
Бер-бикем 235  
Берке-хан 392  
Бердибек 164, 370  
Берди Турдучак 106  
Березин И. Н. 15, 29, 69, 104, 105, 108,  
111, 112, 163, 228, 238, 361, 362,  
366, 367, 368, 369, 370, 376, 388,  
389, 394, 405, 407  
Берназаров Мурат-Алп, манап 324  
Бикей-бикем 235  
Биноп 370  
Бичурин Н. Я. 299  
Бипшугул 240  
Блудов Д. Н., граф 50  
Бобчинский 288  
Богембай (Богенбай), см.: Букенбай  
Борис Федорович, см.: Годунов  
Борнс А. 301  
Бору 298  
Борхан-хан 232, 233  
Ботагай 195  
Броневский С. Б. 302, 404, 405  
Бройдо 404  
Букаш, кашгарский сарт 91, 92  
Букаш, семипалатинский купец 51  
Букбулаг, см.: Бекбулат  
Букенбай, батыр 216, 383, 384  
Буйдаш-хан 240  
Букей, султан 165, 240  
Булай 206  
Булат, султан 239, 242  
Булган-Ана 195, 196  
Булхаир хан, см.: Абулхаир  
Бурамбай, см.: Бекмурадов Буран-  
бай  
Бурундук-хан 166, 240, 241, 242, 372  
Бухар-джипрау (Бухар жирау), акын  
216, 217, 255, 383, 394  
Бюффон Жорж Луи-Леклерк 354,  
409
- Вагин В. И. 23  
Вали-хан, Валихан, дед Ч. Ч. Вали-  
ханова 9, 10, 11, 15, 82, 85, 87, 90,  
220  
Валшев Чингис, отец Ч. Ч. Валиха-  
нова 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17,  
20, 21, 61, 90, 360  
Валпева Айганым, бабка Ч. Ч. Вали-  
ханова 9, 10, 11, 19, 90, 249, 283,  
399

Валихан-гюре 44, 49, 83, 88, 89, 92, 359, 398  
Ван-Хан 111, 365  
Васильев В. П. 59  
Василий Темный 394  
Вельяминов-Зернов В. В. 59, 91, 394  
Венюков М. И. 60, 71, 100, 361  
Веселовский Н. И. 67, 71, 79, 81, 359, 360, 366, 381, 382, 396  
Вефик-паша 375  
Витовт Н. И., литовский князь 285, 364  
Владимир Красное Солнышко, киевский князь 325  
Волков Т., генерал 93, 360  
Врангель А. Е. 54, 55, 56  
  
Габбасов Абулхапр, султан 283  
Габдулла-хан 232, 233  
Габдул-Рахман-ходжа 238  
Габдуллатиф-хан, см.: Абдуллатиф-хан  
Гавердовский Я. П. 385  
Гавриил-архангел 273  
Гаккаша 273, 274  
Галдан, Галдан Цэрэн (Галдан Церен), Галдан Черен, Галдан Чирин), хунтайджи 217, 218, 222, 383, 385  
Гаммер, см.: Хаммер-Пургшталь Й.  
Гасфорд Г. Х., генерал-губернатор Западной Сибири 33, 34, 35, 39, 41, 45, 59, 79, 82, 87, 292, 386, 387, 400  
Гейне Генрих 93, 94  
Гейнс А. К. 13, 14, 34, 41  
Георги И. Г. 300, 402, 403  
Гердер 292, 401  
Геродот 164, 302, 403  
Герпен А. И. 22, 29, 30, 31, 60  
Гирей 372, 393, 407  
Гоголь Н. В. 22, 30, 287, 288, 292  
Годунов Борис Федорович 242, 244, 245, 370, 388, 394  
Гоес, пезуит 100  
Головин, граф 376  
Голубев А. Ф. 60, 71, 376, 377  
Гомер 286, 302, 403  
Гонсевский П. В., преподаватель истории 28, 30, 91  
Горчаков А. М., министр иностранных дел 45, 52  
Григорьев В. В. 15, 59, 79, 105, 363, 382  
Гринфильд Хьюм 102  
Губайдулла, султан 10, 233  
Гумбольдт Александр фон 44  
Гутковская К. К., дочь К. К. Гутковского 80

Гутковский К. К. 30, 35, 45, 51, 53, 54, 69, 79, 80, 82, 87, 91, 93, 359  
  
Давлет-Гирей-хан 112, 113, 365  
Дадам-ханым 241  
Давлетбай, см.: Давлетшейх-улан  
Дашр-ходжа-улан 165,  
Даниил, пророк 212, 383  
Давышинин 366  
Даруга-бек 365  
Даулет, бай 217  
Даулет, султан 235  
Даулет-ходжа-улан 235  
Д. Е. 352, 354  
Давлетшейх-улан 233  
Дервиш 240  
Державин Г. Р. 366  
Дерсали, батыр 218  
Джабай 165  
Джагам 241  
Джаган-бикем 239  
Джагатай, см.: Чагатай  
Джадек (Джадик), хан 165, 240, 372  
Джадигер-бай 235  
Джанай-султан 235  
Джамбек 334  
Джамбул 378  
Джанак, акын 283, 284, 285, 366, 399  
Джанган-бикем, см.: Джаган-бикем  
Джангир, хан 165  
Джан-Гирей, султан 235  
Джанибек, султан 232, 233, 370, 383, 386, 393  
Джанибек-хан, джучид 239, 327, 391, 407  
Джанике 233  
Джан-Кирай 232  
Джантай, батыр 216, 221, 222, 329, 330, 383, 384  
Джантай, манап 329, 330  
Джан-Чора-бек 235  
Джаптурин Ахмет 281, 399  
Джаныбай, см.: Джаныбек  
Джаныбек (Абусалд), казахский хан 239, 271, 272, 391, 407  
Джаныбек, батыр 218, 219, 386  
Джапарберды, султан 233  
Джапак (Джапек), батыр 217, 218  
Джаулубай, батыр 220, 221  
Джелаледдин-султан 233  
Дженкинсон Антони 165, 372  
Джолой, батыр 206  
Джоркчи 274  
Джумартхан-султан 232, 233  
Джучи-хан 170, 230, 381, 391, 393  
Диб-Бакуй, Диб-Якуй 229, 245, 246  
Дизабур, турецкий посол 382  
Диккенс Чарльз 30, 95, 293

Добролюбов Н. А. 30, 59, 72  
Добчинский 288  
Домбаул 195, 196  
Достоевская А. Г., жена писателя 57  
Достоевский А. А. 87  
Достоевский М. М., брат писателя 59  
Достоевский Ф. М. 17, 34, 50, 53, 54,  
55, 56, 57, 59, 61  
Дулат 274  
Дулук-Кияс-улан 235  
Дуров С. Ф., поэт 32, 53, 54, 93  
Дюгамель А. О. 64  
Дю Девац, см.: Санд Жорж  
Дюсембаев И. 367

Еберен-Эмехсин 295  
Едиге (Едиге-бек, Едгу, Едыгей,  
Идиге, Идигей, Идикгий), правитель  
Золотой Орды 79, 107, 169, 170,  
231, 233, 234, 235, 238, 281, 285, 286,  
327, 364, 368, 369, 392, 407

Едиге, султан 235  
Едигер 371  
Еркакче, батыр 163, 280, 285, 369  
Еркосай, батыр 163, 231, 280, 285,  
369

Ермак 371  
Ерсадыр 265, 269, 270  
Есен 206  
Есенбуга 407  
Есенгул 265, 267, 269, 270  
Есипов Савва 164, 371

Жалаирри Кадыргали Хошум 69, 367,  
370, 371, 373, 388, 394  
Жаугаш 266, 267, 269, 270  
Ждан-Пушкин И. В. 26  
Жылыбай 249  
Жюльен Сташслав 93, 360

Завалишин И. 22  
Захаров И. И. 59, 362, 377  
Земарх, византийский посол 382  
Зенков П. 65  
Зулейка (Зюлейка) 283  
Зуннун-султан (Зюлнун-султан) 232,  
233

Иакинф, см.: Бпчурин Н. Я.  
Ибрагим-султан 241  
Ибрагим-хан 235, 283  
Ибрагимов И. И. 14, 60, 61, 65, 66,  
81, 359

Ивак, хан 232, 393  
Иван Грозный 372  
Иванов А. 54, 55  
Игнатьев, генерал 102, 361  
Идиге, см.: Едиге  
Идир-нэрэ 298  
Измаил, бек 231, 392  
Илжыбай 249  
Ильчибек, батыр 219, 386  
Инак-хан-Эке 111  
Иоани, царь Иван IV 165  
Иранджи (Иранчи, Эренчи), баха-  
дур 244, 256  
Ир-Кокше, см.: Еркакче  
Ир-Кушай, см.: Еркосай  
Ир-Чойлан 213, 214  
Исбай 243  
Исенгул, мапап 329  
Исет, батыр 220  
Искандер, хан 232, 233  
Ислам-Кия 238  
Итбак-бек 243, 244  
Ичкилин 234, 393  
Ишпм, хан 165, 276, 326, 398  
Ишпм, сын султана Юлбарса (Стар-  
ший жуз) 241

Иарак-хан 246

Кабанбай 383, 384  
Кабул, хан 112  
Кадыргалибек 166, 373, 394  
Кадырберды, хан 231, 233, 234, 239,  
285, 369, 393  
Кадырли-бек 243, 244  
Кадыр-Кия 138  
Казем-бек, Мирза Мухамед (Мамед)  
Али (Александр Касимович) 104,  
105, 361, 363  
Казыбек, батыр 218, 331, 385  
Каш 165  
Кайнар-Кучук, султан 165  
Калимберды, султан 233  
Камбарсюк 165  
Камыр, хан 194, 195  
Канбар-султан 239  
Кангожи, кобызист 61  
Кангожин Курумбай 61  
Канбар-мирза 244  
Кант Иммануил 292, 401  
Капал, батыр 191  
Капустин С. Я. 30, 54, 81, 82, 93, 96  
Карабай 115  
Карабатыр 206, 382  
Карабек 329  
Кара-Кюяс-Кобеджек-улан 235  
Караходжа 232, 292

Карач-бек 243, 244, 324  
Карач, мурза 370, 371, 373  
Кара-хан 229, 245, 247, 251, 390  
379  
Карбышев, казачий полковник 182,  
Карл Великий 325  
Карлейль Томас 30  
Карпини Плаино 195, 374  
Карьке, сказитель 61  
Касим-хан, см.: Касым  
Кастрен М. А. 294, 401  
Касым, хан 239, 240, 371, 372, 394  
Касым-Сейд-бай 235  
Касымов Кенесары 71  
Каухаршад-ханым 235  
Кауфман К. П., генерал 65, 66, 361  
Кашан 195  
Кен-Джанбай 281  
Кзиджи 238  
Кизил-Курт 235  
Кимсен-султан 242  
Кплич, сын манана Буранбая 332  
Киргизбай 301  
Кирей-султан 232  
Кпчик-Мухаммед-хан 234, 235  
Клапрот Генрих Юлий 44, 93, 172,  
299, 376  
Клыч 341  
Ковалевский Е. П. 45, 50, 52, 59, 60,  
104, 106  
Ковалевский О. М. 104, 106, 363  
Ковригин Н. 354  
Когам 274  
Когул 286  
Когчу 285  
Кодар 197  
Коелдер 274  
Коз-хан 229, 245  
Козы-Корпеш, Козу-Курпеч 115, 191,  
195, 284, 285, 286, 307, 308, 330, 366,  
381, 400, 404, 405  
Козхан 229  
Койлубай-баксы 213, 214, 215  
Койручук (Кююрчук, Кужорчук), сул-  
тан 165, 239, 393  
Кокаман 213, 214  
Кокча, см.: Еркокче  
Колшаковский Г. А. 65, 66, 80, 361,  
387  
Колуш-мирза 235  
Конай, батыр 221  
Конка-бек 243  
Коркут (Коркыг) 212  
Кор-хан 229, 245  
Корум (Корун) 219  
Костомаров Н. И. 96  
Костров Н. А. 295, 402  
Костылецкий Н. Ф. 14, 15, 20, 28, 29,  
30, 96, 163, 362, 366, 367, 368  
Кочум, см.: Кучум

Койлутбуга, см.: Кутлубуга  
Кошай-батыр 235  
Крестовский В., поэт 96  
Крохалев А. К. 14  
Кройерус, чиновник 34  
Куйдадат, царь 285  
Кубай 244  
Кужак, Куджек, султан 235, 242  
Куйручук, см.: Койручук  
Кукбури, султан 232, 233  
Кукотай, хан 70  
Кулан-хан 190, 191, 380  
Кул-Алибай 235  
Кулук-хан 232  
Кул-Урус 235  
Кунаев Д. А. 66, 77  
Кунак-Уста 235  
Курц, чиновник 34  
Куреке 394  
Курочкин В. С. 59, 60  
Кутлубуга, золотоордынский бек  
106, 170, 363, 375  
Кутлу-Каба 369  
Кутлук 232  
Кутлу-Кия 238  
Кучкунджи-султан 233  
Кучун, султан 165, 233  
Кучум-хан 111, 164, 282, 233, 371,  
373, 393  
Кушпек, наместник Ташкента 182  
Куян-Кузды батыр 221  
Кыланых-Кыс-батыр 295  
Кюль-Тегин 409  
Кятиб-Челеби 171, 376

Ладыженский М. В. 14, 20  
Ламанский В. И. 44  
Левшин А. И. 91, 164, 171, 172, 198,  
200, 299, 300, 302, 370, 382, 385, 386  
Лермонтов М. Ю. 30, 35, 93, 94  
Лерх А. И. 60  
Лещев 362  
Лжедмитрий II 370  
Литвин, посол 106, 107  
Лобзан 299  
Лободовский В. П. 22, 28  
Лэн-Пуль Ст. 363

Мавлеви-Джамп (Мевлеви) 303, 403  
Магомет, см.: Мухаммед 273, 274,  
275, 294, 295  
Майки, бпй 273, 274, 275, 396  
Майков А. Н. 56, 59, 60, 63  
Мақы (Макажан), брат Ч. Валиха-  
нова 16, 17, 57  
Малайсары, батыр 218, 386

- Малик-султан 240  
 Мамеке, брат Ч. Валиханова 283  
 Мамай, хан 368, 369  
 Манас 42, 301, 321, 327  
 Матрушка, раб 207  
 Мансур, бек 231, 232, 393  
 Марджани 386  
 Макажан, см.: Мақы  
 Массон М. Е., профессор 65  
 Махмед-Амин-хан 235  
 Махмуд, брат Ч. Валиханова 17, 57  
 Махмуд, мулла 114  
 Махмуд, султан 233  
 Махмуд, хан 235  
 Маулана Махмуд 114,  
 Махмутек, хан 232, 235, 393, 394  
 Мекрен (бекрен) 274,  
 Меллоранский П. М. 79, 366, 409  
 Менаандр 382  
 Менгли-Гирей, хан крымский 365,  
 368  
 Менгу Тимур 392  
 Меркес 274  
 Миллер К. 385  
 Миллер Г. Ф. 370, 371  
 Милютин Д. А. 64, 84  
 Монгобай 112  
 Мохаммед (Мохаммет), см.: Мухам-  
 мед  
 Мохсогол 295  
 Мунал-бай 114  
 Мунке, хан 298  
 Мурат-Али 324  
 Муртаза, хан 232, 235, 393  
 Мусабай, купец 46, 51  
 Муса-бек 231, 392  
 Муса, Мирза 369, 392  
 Мухаммед, пророк 198, 273, 294, 295,  
 303, 396  
 Мухаммед-бек 235  
 Мухаммед-султан 233  
 Мухаммед-Тимур-султан 233  
 Мухаммед-Ханафия 82  
 Мухаммед Шейбанц, хан 166, 172,  
 229, 233, 370, 372, 373, 374  
 Мушкетов И. В. 71, 86, 360
- Надыр-Чулак (Надыр) 213, 214, 215**  
 Нарик 111  
 Нарушевич Адам Станислав 104, 362  
 Насреддин, резидент кокандского  
 шаха в Кашгаре 48  
 Небольсин П. И. 57, 164, 370, 371  
 Немей-бай, нойон 295  
 Немча, хан 299  
 Нешгун 289  
 Николай I, 53  
 Ногай (золотоордынский време-  
 щик) 230, 238, 330, 392
- Ной 228, 245  
 Номча, см.: Немча  
 Нукас-Алтун-бахадур 231  
 Нуреддин-мирза 232, 233, 393  
 Нурмагамет-датга, кокандский рези-  
 дент в Кашгаре 48  
 Нурмухаммед (Ноқыш), брат Ч. Ва-  
 лиханова 13  
 Нурумбай, акын 281, 399  
 Нушпрван (Хосров-Анушпрван),  
 шах 257
- Оболенский М. А., князь 104, 362  
 Обручев В. А., академик 58  
 Огарев Н. П. 60  
 Огородников Е. К. 295, 296, 297, 401,  
 402  
 Огуз-хан 166, 167, 193, 229, 230, 245,  
 247, 298, 373  
 Оксе, см.: Гаккаша  
 Олджабаев Токсаба 324  
 Омар-батыр 324  
 Омар-халиф 273, 393  
 Омар-шейх 377  
 Ондан (Оннан), султан 164, 165, 239,  
 241, 242, 370, 393  
 Оногой-бай 295  
 Орунбай (Орылбай), акын 61, 283,  
 399  
 Осман, халиф 273  
 Остен-Сакен Ф. Р., барон 59, 60, 70,  
 89  
 Оу Невонст 106
- Павлова Н. 17  
 Паллас П. С. 32, 91, 195, 382  
 Паитусов Н. М. 404, 405  
 Перемышльский М. Д. (Перемы-  
 шельский) 35, 39  
 Плотников Л. Н. 57  
 Полевой Н. А. 106, 363  
 Полифем, циклоп 383  
 Поло Марко 83, 100, 102  
 Полонский Я. П., поэт 59  
 Померанцев, офицер ген. штаба 30,  
 91, 93  
 Попов 55  
 Потанин Г. Н. 9, 13—15, 17, 20, 21,  
 23, 26, 30, 32, 35, 54, 58, 62, 65, 70,  
 80, 81, 84, 90, 95, 97, 98, 359, 366,  
 378, 379, 382, 383, 386, 394, 395,  
 399, 404, 405  
 Потанин Н. И. 366, 370, 381  
 Пулад-хан 234  
 Пушкин А. С. 30, 98, 366  
 Пыпин А. Н. 82, 84, 359



- Радлов В. В. 404, 405, 408, 409  
 Рашид ад-Дин (Рашиддин, Рашид-эддин), Фазл Аллах, историк 111, 112, 228, 300, 365, 367, 374, 388, 391  
 Реомюр 345  
 Риттер Карл 44, 58, 363  
 Романовский Д. И. 60  
 Ростовцев Я. И. 25, 26  
 Рубрук (Рубруквис) Вильгельм 298  
 Румянцев М. И. 376  
 Рустем, султан 172, 182, 378  
 Рустемов Момыр-хан, султан 282  
 Руссо Жан-Жак 30  
 Рычков Н. П. 91, 192  
  
 Саадат-Гпрей, хан 111, 163, 361, 362, 365, 368  
 Сабирбек-султан 241  
 Саблуков 376  
 Садыр-батыр 265, 266, 267, 269, 270, 271, 272  
 Сапн-хан, см.: Батый  
 Сайман, жена хана Аблая 9  
 Сам 228, 230, 389  
 Саманай бек 166, 243  
 Санд Жорж 287, 292  
 Сартак-ноян 244  
 Сары 216, 274  
 Сары-Баян 216  
 Сары-казак 218  
 Сарыбай 115  
 Сарыбаш (Сарыбас) 46  
 Сатпаев И. 394  
 Сахиб-Гпрей, хан казанский 365  
 Сахиб-керей (Козьке), брат Ч. Валиханова 13, 16  
 Сба 244  
 Сваманак 274  
 Сеадат-Гпрей, см.: Саадат-Гпрей  
 Сеид-Ахмед-хан 235  
 Сеидбек-бий 242  
 Сеидкул-султан 241  
 Сеид-Махмуд, хан 235  
 Сеид-Накиб 238  
 Сеидхан, см.: Сейтхан-султан  
 Сент-Багтал 283, 400  
 Сейтхац, султан 232, 233  
 Сейдяк, сибирский царевич 164, 371, 373, 392, 394  
 Семенов А. А. 390  
 Семенов-Тян-Шанский П. П. (Семенов П. П.) 11, 32, 44, 52, 58, 59, 60, 68, 70, 71, 82, 86, 87, 89, 91, 182, 377, 404  
 Семенов С. М., декабрист 20  
 Семетей 301  
 Сенковский О. Ю. 172, 304, 376  
 Серен (Цэрэн), хан 222, 256  
  
 Серимбет 216, 385  
 Сейтфуллин Т. 20  
 Сироткин М. 346, 350, 356  
 Смирнов Я. И. 81  
 Сокрыр Жырау 61  
 Соломон, царь 288, 289, 290, 401  
 Солтан 164  
 Сотников С. 14, 20, 30, 91  
 Союнджек 232, 385  
 Спасский Г. И. 371, 385  
 Спатай (Супатай, Сыпатай) 379  
 Страхов, критик 59  
 Струве Эдуард 97, 98  
 Суван 274  
 Суворов А. В., полководец 94  
 Судан 228  
 Суеркул 274  
 Султан-Мухаммед-хан 232  
 Султан Хасан мирза, см.: Хасан  
 Сулум-султан 241  
 Сунтай, см.: Чагатай  
 Сутак Бутра-хан 50  
 Сюз, см.: Аблайханов Сюз  
 Сухозанет, генерал-адъютант 223  
  
 Тагай 301  
 Тагаят 238  
 Тайган-Ахмет-бий 114  
 Тамерлан, см.: Тимур  
 Тамджек-бахадур 244  
 Тан, династия 300  
 Тарагай, бек 369  
 Тарма-Шприн, хан 276  
 Татаринов А. А. 60  
 Татикара-джирау (Тати-кара-жы-рау), акын 216, 384  
 Татлы-ханым 242  
 Таубазар (Таубасар) 274  
 Тауке-хан 165, 385  
 Тахир-хан 240  
 Таштемпр-улан 235  
 Тебре-бек 243, 244  
 Тевеккель-хан 165, 242, 370, 393, 398  
 Тезек, см.: Аблайханов Тезек  
 Теккереу Уильям 30, 95, 96  
 Телекмет, бий 324  
 Темирджан, батыр 220, 221  
 Темур-Кожка 230, 392  
 Темир Котлуг (Темир-Котлук), см.: Тимур-Кутлук  
 Темир-Курген, см.: Тимур  
 Темир-Малик, внук Урус-хана 368  
 Темир Сахиб-Керан, см.: Тимур  
 Темирходжа-улан 235  
 Темирджан батыр 220, 221  
 Теуекель, см.: Тевеккель, хан  
 Терекей, хан 241

- Терме 238  
 Тикня 106, 364  
 Тимур, эмир 107, 167, 172, 232, 233, 325, 326, 364, 368, 369, 377, 393, 407  
 Тимур-Кутлук, хан 106, 107, 163, 168, 169, 170, 234, 235, 361, 362, 364, 368, 369  
 Тимур Туглук, см.: Туглук Тимур  
 Тимур-хан 106, 234, 364, 368, 369  
 Тобей, Тобе-бий 274  
 Тогжан, акын 61  
 Тогжанов Абе, акробат 61  
 Тоглук-Тимур, см.: Туглук Тимур  
 Тогтагу, хан 170, 230  
 Тойчубек, казахский феодал, ставленник кокандского ханства 379  
 Токарев С. А. 403  
 Токбуга 230  
 Токыш 221  
 Толепберген, кобызист 61  
 Томача-батыр 220  
 Торма-Ширин, распространитель ислама 398  
 Торсун 165  
 Тоучубек 34  
 Тохтакучук 165  
 Тохтак 230  
 Тохтамыш (Токтамыш), хан 29, 104—106, 107, 108, 163, 166, 168, 169, 170, 180, 233, 128, 285, 361, 362, 363, 364, 367, 368, 369, 393, 394  
 Треднаковский В. К. 376  
 Туарбай 249  
 Тубол-бахадур 232  
 Туглук-тимур 50  
 Тугум-хан 165, 240  
 Тукай, бек 243  
 Тукай, хан 241  
 Туку, хан 111  
 Тулак, кобызист 61  
 Тулуй, хан 298  
 Тулу-Очже 107, 364  
 Тулушик-улан 232, 233  
 Турсун, хан 165, 276, 398  
 Турсунбай, батыр 268, 395  
 Тушанак 235  
 Тынеке (Танике), батыр 354  
 Тяукни Мухамед-Гали 57  
 Уваров А. С. 405  
 Угуз-Киргиз 298  
 Узак-чора 238  
 Узбек, хан 231, 238, 240, 275, 276, 370, 398  
 Узумбулак-бахадур 231  
 Уйгурбай 112  
 Уйсунбай, батыр 221  
 Уйшун-бикем 235  
 Укас-бек 232, 393  
 Уку-Шрак 238  
 Улуг-Мухаммед-хан 235  
 Улчубек 393,  
 Умбет-Али, манап 312, 323, 349  
 Унан, см.: Ондан-султан  
 Ундан-султан, см.: Ондан-султан  
 Урман-батыр 312  
 Ур-хан 229, 245  
 Ураз 217  
 Ураз-Мухаммед-хан 164, 165, 166, 168, 239, 242, 243, 244, 370, 371, 373, 388, 393, 394  
 Уразумбет 219, 386  
 Урак, батыр 205—207, 246—248, 281, 285, 286, 382, 399  
 Уракирза, батыр 163, 240, 369  
 Ураковы 281  
 Урдабай 195  
 Урман, батыр 312, 324  
 Урманбет бий 327  
 Урус-хан 165, 168, 238, 239, 242, 244, 248, 249, 298, 363, 368, 369, 372, 391, 393  
 Урхан 229, 245  
 Усак-хан, Уса, Усяк 222, 239, 242  
 Усен-батыр 220, 221  
 Усов Ф. Н. 15, 65  
 Утузги-султан 240  
 Ухарлык, см.: Хо-Урлык  
 Фальк Иоганн Петр 380, 404  
 Фирдоуси Абуль Касим 164, 172, 370  
 Фишер Ф. Б. 299  
 Фрацель Г., майор 301  
 Френ Христиан 104, 362  
 Фридрихс Д. 34, 53  
 Фрунзе М. В. 77  
 Фулад-султан 233  
 Хаджи-Грей-хан 253, 238, 393  
 Хаджи-Мухаммед, хан 231, 232  
 Хаканчин 325  
 Хакимбек, Хаким-бек 324, 352  
 Хам 228, 389  
 Хаммер-Пургшталь Йозеф 104, 105, 363  
 Ханбаба, Хан-Баба 216, 384  
 Ханык-султан, ханша 239  
 Хасан, бек 231, 234, 235, 392  
 Хасан-мирза, султан 235  
 Хатим-аг-Та'и 257  
 Хафиз  
 Ходжа-Ахмед Ясави 241  
 Ходжа-Мухаммед-султан 233

Хожа Медия 106  
Хоментовский М. М. 35, 37, 38, 39,  
41, 55  
Хорылан 295  
Хо-Урлык (Хо-Урлук), хан 300  
Хошум-бек 244, 373  
Худайберды батыр 217  
Худайменде, султан 165, 354  
Хуразм-бек 231  
Хусайн Фаизхан, татарский просве-  
титель 60  
Хусейн-хан 235

Цеван-Рабтан 384  
Циммерман, полковник 92  
Цянь-Лун, китайский император  
223  
Цэрэн 256

Чагатай (Джагатай), хан 112, 365  
Чакырганбай 235  
Чарчу, Чарча, сын Галдан-Цэрэна  
217, 218  
Чебель 274  
Челым 165  
Черняев М. Г., генерал 63, 64, 83, 92,  
95, 98, 361, 366  
Чернышевский Н. Г. 22, 28, 30, 59, 72  
Чибек 166  
Чингис-хан, Чингисхан 82, 111, 166,  
170, 172, 230, 243, 245, 273, 275, 295,  
298, 299, 300, 365, 368, 374, 391,  
392, 396, 407  
Чихачев П. А. 295, 402  
Чишбек 166, 243  
Чодже, акын 283, 399  
Чойлан 214  
Чоп-Карач 331  
Чора, батыр 111, 284  
Чорманов Муса, султан 99, 386  
Чорманова Зейнеп 11  
Чулков Д. 370, 373  
Чуманак 274  
Чумен-баксы 213  
Чуриков А. Н. 55  
Чуюм-ханым 242

Шагым-мирза 240, 394  
Шакен, акын 61  
Шал, акын 61  
Шахбутақ-султан 232, 233, 372  
Шахым-султан 241  
Шейбани, см.: Мухаммед Шейбани  
Шейх-Ахмед-хан 235

Шейх-Мамай-мирза 231, 392  
Шейх-Суффи-бек 243, 244  
Шибак-хан 232, 233  
Шигай, хан 165, 239, 240, 241, 242,  
372, 393, 398  
Шиядак-бек 231, 240  
Ширали Казибек 324  
Шлагинтвейт Адольф 44, 48, 50, 83,  
88, 92, 100, 102  
Шлегель Август Вильгельм 292, 401  
Шмидт Я. И. 104, 362  
Шоже, акын 61, 399  
Шотт Вильгельм 44, 296, 297, 402  
Шренк А. И. 20, 404  
Штейнгель В. И., декабрист 20

Щукин Н. 295 401

Эдиге, Эдиге-бек, Эдигей, Эдигу, см.:  
Едиге  
Эке-Бисур 111  
Эллий-батыр 295  
Эмир Тимур Сахиб Керан, см.: Тимур  
Эмир Тимур, см.: Тимур  
Эрдене-батыр, бий 217  
Эрдманн Франц, профессор 285, 298,  
400  
Эрманн 92, 285, 360  
Эсеке 206  
Эскулап 293, 401  
Эркосай, см.: Еркосай  
Эр-Куша, см.: Еркосай  
Эр-Кокче, см.: Еркокче

Юань, дин. 299  
Юсуп 283, 392  
Юсуф-бек, Юсуп-бек 231

Ягайло, польский король 104, 163,  
168, 169, 361—364, 368, 375  
Ядек-хан 239, 272  
Ядринцев Н. М. 15, 20, 23, 32, 58, 65,  
73, 81, 84, 95, 97, 359, 361, 362, 363, 401,  
Якуб-султан 235, 359  
Якуб-бек, см.: Валихан-гюре  
Ямурчи, Ямурча, 235, 392  
Ятым-бахадур, Ятин-бахадур 232, 233  
Яхши-бикем 241  
Яфес 228, 244, 245, 328, 389

## ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абиссинцы 288, 290, 291  
Адбаны, см.: албаны  
Адгене (адыгене) 301  
Актачи 111  
Актора 235  
Алач-мепы 242, 243  
Албаны 65, 166, 180, 181, 247, 312, 323, 324, 347, 397  
Алчин 281  
Англичане 165  
Арабы 228, 288, 290, 304  
Аравитяне 288, 289, 291  
Аргун-суун 323  
Аргын 166, 218, 243  
Арзи-гуры, см.: гунны  
Арк, см.: арык  
Арык 324  
Атеке-дживир 283  
Атыгай 11, 217, 283  
Атыгене, см.: адгене
- Баганалы 212, 374  
Балталы 219, 374  
Басентийн 216, 218, 267  
Башкирцы, см.: башкиры  
Башкиры 111, 165, 193, 197, 203, 220, 230, 299, 300, 301, 374  
Бедуины 304  
Болгары 193  
Бугинцы, см.: бугу  
Бугу 35, 39, 46, 167, 180, 226, 301, 321, 323, 324, 330, 342  
Буруты, см.: киргизы 300  
Буряты 298  
Бухарцы 303
- Грузины 206  
Гунны 302
- Джалапры 69, 164, 166, 168, 170, 181, 224, 227, 243, 373  
Джана-кыргыз 283  
Джаныс 185  
Джунгары 181, 216, 217, 300, 304, 378, 383, 384  
Дзюнгары, см.: джунгары  
Дуглаты, см.: дулаты  
Дулаты 166, 180, 181, 182, 224, 227, 274, 379, 397  
Дунгане 45, 65
- Естек (пстяк), см.: башкиры
- Жалаир, см.: джалапры
- Зургаң-суун 323  
Зюнгары, см.: джунгары  
Зюнгарцы, см.: джунгары
- Илияты 357  
Истеки, см.: башкиры  
Итальянцы 195
- Казакы (казачество) 94, 299, 307, 309, 325, 332, 346, 356  
Казакы, киргизы (казахп) 65, 69, 70, 75, 77, 85, 90, 94, 96, 98, 108, 111, 163, 164, 166, 168, 169, 171, 172, 174, 175, 182, 183—191, 197, 198, 199, 200, 210, 214, 216, 218, 219, 220, 223,

225, 226, 227, 238, 243, 244, 246, 247,  
249, 273—275, 281, 285, 286, 299—  
307, 311, 327, 330, 376, 379, 380, 383,  
385  
Казакы сибирские 185, 223, 299  
Казанцы, см.: татары казанские  
Кайсаки, казаки (казахи) 34, 35, 36,  
57  
Кайсаки западные 181  
Кайсаки оренбургские 224  
Калодж, см.: калодж  
Калач, см.: килч  
Калмыки 42, 166, 169, 174, 181, 185,  
190, 206, 216, 217, 318, 219, 220, 221,  
222, 241, 295—300, 302, 323, 326, 343  
Калмыки илийские 318  
Калмыки китайские 323  
Калодж 193  
Камбар, калча, см.: галча 283, 285  
Канглы (камлы) 168, 193, 206, 228,  
242, 245, 246, 274, 397  
Канджигалы 216, 220, 221  
Канклы, см.: канглы  
Кабтагай 354  
Карагайши 235  
Кара-даулет 235  
Каракалмыки 256  
Каракалпаки 280, 301, 304, 373, 374  
Қаракесек 218, 283, 285  
Кара-киргизы, см.: киргизы  
Караул 11, 163, 217, 281, 283  
Карлук 193, 228, 389, 393, 408  
Карлык, см.: карлук  
Каскарау 182  
Катаган (катган) 274, 276, 397  
Катгамы, см.: катаган  
Каугирасы 322, 406  
Качи 235  
Кашгарцы 88  
Кергиты 295  
Керепты, см.: керей 299  
Керей 11, 259, 267, 268, 391, 397  
Керезы, см.: киргизы  
Керезы, см.: киргизы  
Кибак-черемыс 235  
Килч 228  
Кипчак 11, 166, 167, 182, 228, 243, 245,  
281, 374  
Киргиз-буруты, см.: киргизы  
Киргиз-кайсаки, см.: киргизы (каза-  
хи)  
Киргиз-казаки, см.: киргизы (каза-  
хи)  
Киргизы (кыргизы) 35, 39, 42, 43, 45,  
49, 107, 181, 182, 268, 270, 276, 280,  
295, 296—298, 299, 300, 304, 312, 315,  
317, 318, 320, 323, 324, 325, 326—  
335, 337, 340, 343, 346, 349, 351, 352,  
357, 374

Киргизы алатауские 41, 181  
Киргизы горные 183  
Киргизы дикокаменные 37, 41, 42,  
167, 180, 185, 220, 224, 226, 312, 318,  
326, 330, 331, 333, 349, 374  
Киргизы енисейские 299  
Киргизы иссыккульские 34, 301  
Киргизы сибирские 299  
Киргизы татарские 284  
Киргизы тяньшанские 300  
Кирей, см.: керей  
Кир-пис, см.: киргизы  
Китайцы 42, 89, 92, 95, 181, 216, 226,  
301, 350  
Килч 245  
Кокандцы 181, 223, 224, 225, 226  
Конград, см.: конрад  
Конрад (конрат) 166, 167, 170, 246,  
266, 271, 373, 393  
Крымцы 294, 365  
Кунград, см.: конрад  
Кунрад, см.: конрад  
Курды 284  
Кызылборк (кызлборк) 312  
Кызыл-бурк, см.: кызылборк  
Кыпчак, см.: кипчак  
Кыргыз, см.: киргизы

Мадьяры 193  
Мангит (мангыт, манкут) 166, 243,  
364, 369  
Мангут, см.: мангит  
Манкит, см.: мангит  
Матаевцы 354  
Мекрен 397  
Могулы (моголы) 230  
Монголо-татары 244, 294  
Монголо-тюрки, см.: монголо-татары  
Монголы 112, 193, 228, 245, 250, 253,  
275, 285, 294, 295, 304  
Монголы волжские 294

Найманы 166, 167, 307, 330, 355, 374,  
391, 393  
Ногаи, см.: ногайцы  
Ногайцы 111, 163, 165, 197, 273, 276,  
285, 299, 300, 301, 303, 327  
Ногайцы астраханские 403  
Ногайцы крымские 176, 299  
Нурм 235

Огуз 228, 408  
Одоп 285  
Оймас 235

Ойраты (ойроты) 295, 300  
Ордынцы 181, 226  
Османы 294

Персияне (персы) 228, 292  
Половцы 294, 408  
Полу (пулу) 300

Русские 11, 93, 94, 111, 183, 206, 222,  
223, 230, 246, 299, 303, 349, 354

Салмеке 324, 330  
Сарыбагыш 35, 39, 180, 312, 323, 324,  
330, 342, 343, 349, 395  
Сарты 91, 92, 182, 206, 266, 303  
Сваманак 397  
Сельджуки 222  
Семпз-найманы 266  
Спбо 42  
Сиргелл 220  
Солоны 42  
Солту (солты, солто) 35, 39, 167, 180  
Срда 235  
Суваны 274, 397  
Сул-киргиз, см.: солту  
Султан 235  
Султы, см.: солту  
Сунит 112  
Сыргеллныц 219

Тагай 301  
Таджики 203, 206, 250  
Тайган 114  
Таклы 235  
Тампыцы 111  
Тарақты 218  
Татары 183, 247, 249, 251, 276, 285,  
303, 304  
Татары казанские 284, 294  
Татары карагасские 168, 295, 401  
Татары кундуrowsкие 299, 300, 402  
Татары тобольские 284  
Ташкентцы 166, 180, 184, 186, 191  
Телеуты 295, 299  
Темпр, см.: черик  
Тпай, см.: атеке  
Трухменцы, см.: туркмены  
Торгоуты 221, 300, 403  
Турки 304  
Туркмены 206, 280

Туркмены, см.: туркмены  
Тюрки 193, 228, 229, 245, 294

Уак 11, 216, 218, 369  
Уак-керей 166, 267  
Увак, см.: уак  
Уант 235  
Узбеки 164, 232, 243, 274, 276, 373  
Уйгуры 45, 111, 112, 181, 193, 228, 230,  
378, 389  
Уйсунн 41, 166, 181, 217, 273, 274,  
275, 276, 378, 396  
Уйсунны, см.: уйсунн  
Уланы 231  
Урус, см.: русские  
Урянхайцы, урянхай 299

Фпнны 294  
Французы 94

Хагас, см.: хакасы  
Хазары 193  
Хапрби 238  
Ха-кадзы, см.: хакасы  
Ха-ка-дзы, см.: хакасы  
Хакасы 300  
Хойху 300  
Хой-ху, см.: хойху 300  
Хорлас 111  
Хтай, см.: кытай  
Хунну, см.: гунны  
Хунны, см.: гунны  
Хякасы, см.: хакасы

Чакчак 218  
Чалаказаки 186, 190, 192, 307  
Чапрашты 166, 180, 181, 379  
Чеген 273, 396  
Черкесы 230  
Чжжк 235  
Чурчут 206

Шабчи 235  
Шейбаны, шейбаннды 164, 193

Якуты 295  
Якшылык 217

## ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакан, р. 299  
 Авлие-Ата, см.: Аулие-Ата  
 Австралийский континент 292  
 Агныкатор (Агыныкаты), р. 352, 357  
 Азиатский континент 292  
 Азия 24, 38, 306  
 Азрет-султан, местн. 192  
 Апр, перевал 314, 316  
 Аитбулат 69  
 Аккум, пески 248  
 Ак-мечеть, Кокандская крепость 226, 387  
 Акмолинский округ 387  
 Акмолинск, г. 13  
 Ак-Орда, см.: Белая Орда  
 Аксай, р. 174, 379  
 Аксайская дорога 47  
 Аксу, р. 39, 195, 311, 354, 357  
 Аксу, г. 41, 48  
 Актау (Актав), местн. 197, 381  
 Актауское укрепление 224  
 Актогай, уроч. 314, 406  
 Алакуль (Алаколь, Ала-Куль), оз. 35, 38  
 Алатавские горы (Алатаевские), см.: Алатау  
 Алатау, горы 57, 173, 180, 191, 217, 224, 310—312, 313, 315, 317, 318, 321, 329, 341, 343, 347, 348, 351, 378, 406  
 Алатауский (Алатавский) округ 226, 354, 386, 387, 399  
 Алмалы, уроч. 357  
 Алмалык, г. 38, 39, 69, 389  
 Алматы, р. 174, 175, 176, 186  
 Алматы (Алмату, Верный, Алма-Ата), пос., г. 38, 69  
 Алматы, ущелье 197  
 Алтай, горы, 43, 44, 294, 295, 374, 389, 391, 402, 403, 408  
 Алтынэмель, Алтын-Эмель, горы 35, 46, 65, 66, 178, 184, 351, 352, 386  
 Алтышар (Шестиградье), провинция 44, 45, 48, 51, 70, 81, 84, 87, 89, 92  
 Аман-Карагайский округ 11, 12, 13, 360  
 Амеркканский континент 292  
 Амударья (Аму, Аму-Дарья), р. 175, 301  
 Амур, р. 101  
 Анатолия, провинц. 284  
 Ангара, р. 298  
 Англия 100, 101  
 Анджа-Там, г. 229  
 Анджианские горы 43  
 Аравия 24, 289, 304  
 Аралтобе (Аралтюбе), долина 313, 349  
 Аральское море (Арал) 101, 390, 393  
 Арасан, р. 354  
 Арганатинский пикет 310  
 Арганаты, горный хребет 309  
 Арка 266, 269  
 Аркалы (Аркалык), гора 178, 348  
 Аркат, сопка 306, 404  
 Аркатские горы 55, 306  
 Арткан, пик 322  
 Арпа, р. 49  
 Астраханская губ. 299  
 Астраханское ханство (Астрахань) 234, 388  
 Астрахань, г. 365, 372  
 Асу-Сарыбулак, р. 311  
 Асы, горы 313, 343, 348, 349  
 Асы (Асу), р. 174, 311, 321, 329, 348  
 Атбашн, р. 49  
 Атбашн-Арпа (Атбаш-Арпа), уроч. 47  
 Атбасар, г. 13  
 Атеке, перевал 347  
 Аулие-Ата (Тараз, Джамбул), г. 64, 226, 361, 391  
 Афганистан 24, 101  
 Африканский континент 292

- Аягуз, (г., укрепл.) 35, 195, 307, 366, 404  
 Аягуз, р. 70, 162, 195, 306, 307, 309, 310, 381, 404  
 Атбасарский округ 387  
 Аягузский округ 225, 306, 307, 387
- Баб-эль-Мандеб, пролив 288, 289, 291  
 Бадахшан (Бадакшан), влад. 301  
 Байкал, оз. 298, 403  
 Байсорн, проход 343, 344  
 Бакалы, уроч. 312  
 Бакалы, хребет 348  
 Бакырганат, местн. 240  
 Балхаш, оз. 57, 173—175, 179, 224, 248, 310, 355, 373, 378, 404, 405  
 Барабинская степь 371  
 Баргузин (Барфучин), р. 298  
 Барнаул, г. 55  
 Бартугай, уроч. 314, 406  
 Бархуджин-Тукум, пески 298  
 Баскан, р. 195, 311, 354, 356, 357  
 Баян-Аул, горы 19, 20  
 Баянаульский (Баян-Аульский) округ 387, 395  
 Белая орда 107, 363—365, 369, 374, 391, 393, 398  
 Бельгаач 387  
 Белый Юс, р. 299  
 Бердск, г. 288, 400  
 Берлин, г. 92  
 Бетпак-Дала, пустыня 175, 179, 390  
 Биень, р. 197  
 Бишбаны, проход 357  
 Бишкарагай, уроч. 329  
 Бичик-Тура 371  
 Болгары (Булгар), столица болгар вблизи Казани 230  
 Болорский хребет (Болор) 86  
 Большая Алматы, р. 174  
 Большая Киргизская Орда, см.: Большая Орда  
 Большая Орда (Старший жуз) 24, 34, 35, 39, 65, 69, 164, 166, 180, 181, 184—186, 191, 192, 197, 224, 226, 227, 267, 273, 274, 300, 301, 307, 330, 373, 379, 380, 387, 395, 396, 397, 398, 399  
 Большой Алатау, см.: Кунгей-Алатау  
 Большой жуз, см.: Большая Орда (Старший жуз)  
 Бомбей, г. 88  
 Бора-Дабысыныч, оз. 323  
 Боровое, оз. 9  
 Боролдайские горы 227  
 Борохузир (Борохужир), р. 174  
 Борте, ключ 231  
 Британская Индия, см.: Индия  
 Бутагай 69
- Бугуты (Бугульты, Бугуту), горы 313, 314  
 Булгар, см.: Болгары  
 Букеевская Орда 24  
 Буляр, см.: Болгары  
 Бураной, гора 192  
 Бурлю, рукав. оз. Балхаш 173  
 Бурулдай, гора 179  
 Бурулук 60  
 Буручуко, сошка 341  
 Бухара, г. 76, 101, 102, 166, 167, 223, 229, 284, 301, 361, 372  
 Бухарское ханство 24  
 Бухтарминское укрепление 225, 387
- Верный (Алма-Ата), г. 34, 35, 39, 50, 64, 65, 83, 86, 89, 92, 101, 102, 223, 224, 226, 349, 351, 352, 378  
 Вильнюс, г. 364  
 Внутренний округ, см.: Семипалатинская обл.  
 Волга, р. 167, 230, 234, 238, 302, 386, 403  
 Волжская орда, см.: Золотая Орда  
 Ворскла, р. 285, 369  
 Восточная Сибирь 101, 361,  
 Восточный Туркестан 44—46, 50—52, 57, 58, 70, 71, 81, 82, 87, 88, 92, 100, 359, 365, 389, 391, 397, 404
- Гамбург, г. 15  
 Гвардафуй, мыс 291  
 Германия 360, 405  
 Гиндукуш, горы 299  
 Голодная степь, см.: Бетпак-Дала  
 Грардафуй, см.: Гвардафуй  
 Греция 286  
 Гурьев 167
- Даурья, обл. 318  
 Дашт-и Кыпчак (Дешти-Кипчак, Дешт-Кипчак) 230, 368, 372—374, 391, 392, 407  
 Деле-Карагайбулак (Деле-Карагай), р. 311, 312  
 Джагатайская орда 275, 276  
 Джаик, см.: Урал  
 Жаланац (Жаланац), уроч., возв. 347, 348  
 Жангизагач (Жангызагач), уроч. 352  
 Джанай-Джол, караванный путь 174  
 Джасылкуль, см.: Иссык



Джедда. (Джидда), г. 81, 359  
Джезды-Кепгир, местн. 197  
Джел-Баргара, р. 321, 324  
Джержалан, см.: Джиргалан  
Джетым-Чоку 50  
Джетысу 65  
Джиничке, (Джиничке, Джаничке.  
Джинчесу), р. 311, 312, 317, 329,  
343, 348, 349, 406  
Джиргалан, р. 38, 325, 331, 332, 341  
Джубан-Ана 69  
Джуку, см.: Зауку  
Джунгария (Дзюнгария) 38, 39, 42,  
43, 70, 81, 84, 89, 92, 99, 100, 102,  
224, 379, 384—386  
Джунгарская степь, см.: Джунгария  
Джунгарские ворота 69, 70, 392  
Джунгарский Алатау (Малый Ала-  
тау) 174, 175, 177, 178, 181, 184,  
197, 373, 378, 387, 405, 408  
Джунгарское ханство (Джунгарское  
государство) 379, 384, 386  
Джучиев улус 170, 171, 362, 372  
Дикокаменная орда 41, 301  
Дон, р. 106, 107, 166  
Дорджи, см.: Чункалы (Шашкалы)  
Дулон-Булдак, уроч. 298

Евразия 364  
Европа 23, 44, 304, 402  
Европейский континент 292  
Едиль, см.: Волга  
Екатеринбург, г. 66  
Енсей, р. 42, 43, 294, 299, 301, 400,  
401  
Енсейская губерния 169, 295, 298

Жасылколь, см.: Иссык

Заилыйская долина 224—226, 387  
Заилыйский Алатау 35, 38, 175, 314,  
377—379, 387, 408  
Заилыйский край 34, 38, 57, 173, 175,  
179—182, 223, 226, 377, 378  
Заилыйский шкет (укрепл.) 349, 387  
Закавказье 369  
Западная Сибирь 13, 33, 41, 54, 65, 79,  
82, 102, 223, 226, 227, 361, 386, 387,  
400  
Западный Китай 41, 51, 65, 186  
Зауку, р. 47  
Зауклинская долина 47  
Зауклинский проход (Зауку) 50, 86,  
360

Земная гора 240  
Золотая Орда 163, 166—168, 193, 275,  
276, 303, 305, 362—364, 368—370,  
372, 391, 393, 397, 398, 407

Ибиль, см.: Сибирь  
Идиль-Джаик (Волга-Урал), обл. 238  
Идиль, см.: Волга  
Икар-Мурун, см.: Ангара  
Илек, р. 231, 285  
Илл, р. 46, 69, 173—176, 178—181, 183,  
186, 220, 222, 224, 226, 311, 312, 318,  
323, 327, 343, 350—353, 377, 378, 381,  
386, 387, 397  
Илийская долина 180  
Илийский край 27, 387, 389  
Илийский шкет 350, 352  
Ильчен-Буйрек, солонцы 321  
Инд, р. 301  
Индия 24, 50, 101, 377  
Иран 365, 373  
Иргайлы, уроч. 354  
Иркутск, г. 84  
Иркутская губерния 298  
Ирсу, р. 407  
Иртыш, р. 91, 219, 225, 331, 371, 373,  
374, 287, 391, 392, 393, 397, 402  
Искер (Кашлык) 371  
Иссык, оз. 177—179, 257, 378  
Иссык, р. 174, 175, 177, 349, 378  
Иссык-Куль, оз. 37—39, 44, 47, 57, 70,  
86, 175, 180, 182, 301, 321, 325, 327,  
341, 343, 345, 346, 350, 378, 397, 403,  
404, 408  
Иссыккульская долина 50  
Ишаната, р. 342—344  
Ишым, р. 13, 396  
Ишымская степь 371

Кавказ (Северный Кавказ) 284, 318,  
363, 392, 398  
Казанский район 14  
Казанское ханство 164, 388, 393  
Казань 104, 111, 193, 228, 230, 365,  
377, 400, 407  
Казачья Орда, см.: Киргиз-Казачья  
Орда  
Казахстан, Казахская степь 9, 13, 14,  
15, 17, 20, 22, 23, 24, 33, 34, 42, 44,  
51, 58, 60, 66, 69, 70—73, 77, 361,  
363, 364, 370, 376, 378, 382, 386, 387,  
388  
Кайнак, г. 38  
Калмакколь, джайлуу 13  
Камау 180, 378  
Кактан, местн. 229

- Канск, г. 288, 400  
 Капал укрепл., г. 34, 35, 39, 46, 69, 177, 179, 195, 197, 224—226, 273, 352—354  
 Капальский (Копальский) округ 225, 387  
 Капал, местн. 318  
 Капальский тракт 307  
 Капчыгай (Кабчагай) ,уроч. 173, 350  
 Караагач 114  
 Карабатпак, р. 341—343  
 Карабулак, ключ 313  
 Карабулак, р. 312  
 Карабулуң, о-в 343  
 Карагасы 295  
 Кара-Джар, горы 195  
 Каракаш (Кара-Каш), р. 48, 86  
 Кара-Кенгир, р. 195, 392  
 Каракорум, горы 374  
 Каракорум, ставка 195, 229, 246, 298, 389, 390  
 Каракум, пески 167, 175, 364, 378, 390  
 Каракуус-Чункур, местн. 266  
 Карамул, хр. 46  
 Карасу, г. 366  
 Карасу, пикет 114, 195  
 Каратал, р. 192, 227, 372, 373, 380  
 Каратау, горы 175, 227, 372, 378, 390, 391, 397  
 Каратегин, влад. 86  
 Каратурук, р. 312  
 Караузский пикет 354  
 Карачокинский пикет 350  
 Каргалы, р. 178, 352  
 Кари-Кирм, г. 229, 391  
 Каркара, долина 321, 322, 323  
 Каркара, гора 321, 324  
 Каркара, р. 46, 47, 174, 313, 321, 323—326  
 Каркаралинский округ 283, 387, 399  
 Каркаралинская степь 366  
 Каркаралы (Каркаралинск), г. 35, 197  
 Каркаралы, горы 381  
 Каркаранен-Кайнатма-Туз (Каркаранын-Кайнатма-Туз), ключи 323  
 Карынджарды-булак, ключ 343  
 Касимов, г. 168, 242, 370, 394  
 Каскелен, перевал 343, 378  
 Каскелен, р. 173, 174, 182, 350, 352  
 Каспийское море 101, 306, 392  
 Кашана 381  
 Кашгар, г. 45, 46—52, 70, 79, 80, 82—89, 91, 92, 95, 100, 102, 183, 185, 360, 361  
 Кашгария 44, 45, 175, 224, 226, 300, 389, 405  
 Кашгарский округ 186  
 Кзыл-Кия (Кизлкия), перевал 47  
 Кеген, Кегень, р. 174, 322, 378  
 Кенгес, см.: Кунгес  
 Кенгир, см.: Кара-Кенгир  
 Кенсай, уроч. 326  
 Кенсу, р. 329  
 Керия, р. 86  
 Керия, с. 86  
 Кергаг, горы 390  
 Керулен, р. 298  
 Кеушентау, горы 322  
 Кзылауз, местн. 349  
 Кизилькийский пикет 308  
 Кипчак, местн. 233  
 Киргизия 49  
 Киргиз-казачья (Киргиз-кайсацкая, Киргизская, Казачья) орда 164, 180  
 Киргиз-кайсацкая степь (Киргизская степь) 24, 44, 87, 89, 96, 101, 167, 173, 174, 225, 285, 378  
 Киргизнен-Алатау, Киргизнын-Алатау (Терской Алатау), горы 38, 175, 301, 322  
 Кисыкауз (Кийсыкауз) 311, 354  
 Китай 24, 38, 39, 41, 47, 57, 86, 91, 181, 185, 187, 222, 223, 284, 300, 325, 326, 360, 365, 376, 379, 385, 394, 396, 397, 402  
 Китайская империя, см.: Китай  
 Китайский Туркестан 45  
 Кмушкент, г. 240  
 Кияжий луг 164  
 Козубаши, уроч. 349  
 Койлы-Атагаевская волость 281  
 Койлык, г. 69  
 Коканд (Кокан, Хокан), г. 49, 89, 101, 175, 197, 225, 226  
 Кокандское ханство 24, 34, 100, 361, 379  
 Кокжар, р. 46  
 Коке-Холасун, мыс 341  
 Кокпектинский (Кокбектинский округ) 225, 307, 387  
 Кокпекты, станица 307  
 Коксу, р. 266, 352  
 Коксуйское ущелье 356  
 Коктюбе (Коктобе, Коктубе) 285  
 Кокчетав, г. 9, 17, 35, 65  
 Кокчетавская область 60  
 Кокчетавский округ 13, 53, 83, 213, 281, 360, 387  
 Константинополь, г. 284  
 Капал, см.: Капал  
 Кора, р. 197  
 Коркурум, см.: Каракорум  
 Коргаг, горы 229, 389, 390  
 Коринды-Асу 329  
 Корымды, р. 329  
 Кочен-Тоган, ур. 65  
 Красное море 359  
 Крунбель, долина 351, 352

Крым 230, 234, 238, 362, 363, 365, 391  
393, 398  
Крымское ханство 164, 222  
Кугантёр, р. 311, 312  
Кудорге, р. 311, 341, 343, 344  
Кузнец, г. 298  
Куйгенколь, уроч. 14  
Кук-Дениз 167  
Кукдер-Турук 321  
Кукунор, оз. 91  
Кулайгыр, джайляу 13  
Кулук, см.: Куулук  
Кульджа, г. 38, 39, 41, 42, 49, 57, 59,  
70, 173, 174, 183, 216, 224, 226, 350,  
352, 399, 404  
Кульджинский край 83  
Кульджинский округ 186  
Кульдыбулак 348  
Кульды-Сарыбулак, р. 311  
Кумбель, горы 349  
Кумишкент 372  
Кумкент, г. 238, 369  
Кум-Кечу 179  
Кунгей, долина 343  
Кунгей Алатау (Кунгей, Большой  
Алатау), горный хребет 38, 173—  
175, 184, 186, 224, 227, 301, 343, 377,  
378, 406  
Кунгесу, р. 173, 269, 270  
Кунгу-Алатав, см.: Кунгей Алатау  
Кундуз, ханство 24  
Кура, р. 174  
Курайлы, ключ 321  
Курган-Тюбе 180, 378  
Курдай, перевал 378  
Курдай, уроч. 378  
Курменте, см.: Курметы  
Курметы, перевал 343, 344  
Курметы, р. 312, 342, 343, 348  
Куртка, укрепление 49  
Кургу, р. 174, 178  
Кутималды (Кутемалды), р. 323,  
343  
Куулук, горы 317, 318, 321, 323  
Кушмурун, горы 321—323  
Кушмурун, крепость 17, 19  
Кушмурун, мыс 175  
Кушмурун, оз. 11, 12  
Кушмурун, уроч. 31, 82, 90  
Кушмурунская степь 366  
Кушмурунский округ 12, 13, 360, 387  
Куэи-Луньский (Куэнь-Лунь, Куэп-  
Лун), хребет 48  
Куялкуз 351  
Кычк-Тар, г. 390  
Кыз-Кечу (Кыз-Уткель), брод 174  
Кызыл-Кия, Кизилкия 341  
Кызыл-Рай, гора 197  
Кыргызын-Алатау, см.: Запщийский  
Алатау

Лабасы (Лобасы), горы 322, 323  
Ленинград 15  
Лепса, р. 309—311, 357  
Лепсинский шкет 310  
Литовское княжество 364

Мавераннахр (Мавераннагр, Ма-  
врельнагр) 76, 170, 365, 369  
Малай-Сары, гора 178  
Малая Алмата, р. 174  
Малая Бухара (Малая Бухария) 50,  
70, 81, 84, 224  
Малая Орда (Младшая Орда, Млад-  
ший жуз) 190, 192, 267, 281  
Малороссия 195, 342  
Малый Алатау (Малый Алатав), см.:  
Джунгарский Алатау  
Манаснен-Бозтобе, курган 321  
Мангытская орда, см.: Ногайская ор-  
да  
Мангышлак 372  
Машакр, г. 206  
Меньшая орда, см.: Малая орда  
Мерв, г. 372  
Мерке, р. 313, 315, 317—319, 321, 322,  
329, 406  
Мерке первая 314, 318, 319, 323  
вторая 319, 320, 329  
третья 320, 321, 327, 329  
Мерке, крепость, г. 226  
Меркен, р. 271  
Меркинский (второй) проход 329  
Минусинский уезд 295  
Мирджай, горы 48, 86  
Монголия, 23, 376, 389, 396, 397, 400,  
403, 408  
Москва 15, 54, 206, 365, 368, 369, 370,  
371, 372, 373, 388, 393, 394, 405  
Муздыбулак, ключ 266  
Мустаг (Музтаг), хребет 173  
Муюн-кум, пески 178

Наи-Лу (Малая Бухария), провинц.  
51  
Наи-Шань, горы 91  
Нарын, р. 49  
Ногайская орда 193  
Нура, р. 69, 195

Область спибрских кпрговов 53, 225,  
387  
Огуз-уткель, брод 174  
Одесса, г. 54  
Ой-Джайлеу (Ойджайляу), местн. 354

- Омск, г. 17, 20, 21, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 41, 46, 50, 54, 55, 63, 65, 66, 79, 83, 87, 90, 92, 93, 95—98, 102, 360, 371, 387, 399
- Онон, р. 298
- Оренбург, г. 101, 167, 285
- Оренбургская линия 195, 361
- Орхон, р. 298, 389
- Ост-Индия 24
- Отрар, г. 326, 407
- Пампр 46, 86, 301
- Пампро-Алай 42
- Пенджаб 369
- Перовский форт 223
- Персия 24, 372
- Петербург, г. 15—17, 29, 39, 44, 46, 49—51, 53, 54, 56—60, 65, 79, 80, 83, 85, 87, 89, 92, 95, 96, 98, 100, 102, 360, 363
- Петропавловск, г. 53, 82
- Пишпек, укрепл. 92, 181, 226
- Поднебесная империя, см.: Китай
- Россия (Россійская империя) 9, 22—25, 39, 45, 51, 52, 56, 64, 71—73, 83, 84, 94, 100, 174, 181, 184, 218, 223, 224, 226, 227, 242, 281, 286, 288, 294, 321, 362, 365, 369, 376, 384, 386, 387, 392, 395, 402, 403
- Русь, см.: Россия
- Сайкалтерек 266
- Сайрам, г. 229, 372, 391
- Салкынколь, джайляу 13
- Самарканд, г. 76, 326, 368, 372
- Санкт-Петербург, см.: Петербург
- Санташ (Сантас, Сынтас), перевал 47, 175, 322—326, 328, 329, 341, 343, 344, 357, 406
- Сарайчик, г. 239, 369, 392, 394
- Саратов, г. 91
- Саркан, р. 357
- Сарколь, см.: Сары-Куль
- Сарыбель, перевал 268, 271, 395
- Сарыбулак, р. 311, 312, 342, 343, 344
- Сарыджаз (Сарыяз), р. (приток р: Кегень) 321, 322
- Сарыджазентау, горы 321
- Сары-Куль (Сайрикуль) 301
- Сарысу (Сары-Су), р. 69, 167, 224, 377, 390
- Сары-Тугай, р. 314, 406
- Саты, см.: Чаты
- Саудовская Аравия 359
- Саумалколь (Айртау), уроч. 14
- Саускандык, горы 313
- Саянские горы (Восточные Саяны) 42, 294, 299, 401
- Северный Казахстан 11, 14, 19
- Сейхун 193
- Селенга, р. 298
- Семипалатинск, г. 17, 35, 46, 49, 50, 54, 55, 66, 83, 91, 92, 174, 191, 223, 225, 306, 387, 404
- Семипалатинская обл. 223—225, 307, 387, 395
- Семпречье, Семпреченский край 34, 35, 38, 42, 69, 70, 71, 186, 226, 350, 352, 354, 365, 373, 378, 379, 382, 385—387, 389, 391, 392, 396—398, 405—409
- Сенташ, см.: Санташ
- Сериктас, гора 406
- Сибирь 21—23, 54, 81, 87, 95, 98, 101, 164, 185, 230, 288, 294, 298, 299, 342, 360, 370, 383, 386, 393, 402, 406, 408
- Сибирское ханство 371, 393
- Сибирское ведомство 225
- Синьцзян, см.: Восточный Туркестан
- Синяя Орда 167, 193
- Соготы (Согоульты, Сюгеты), горы 313, 314, 316
- Сор (Сыр), р. 108
- Сорколь, см.: Сарколь
- Средний жуз, см.: Средняя Орда
- Средняя Азия 35, 44, 51, 52, 57, 58, 59, 60, 66, 69, 70, 71, 76, 77, 83, 84, 91, 98, 100, 108, 167, 223, 226, 284, 285, 363—365, 367, 369, 370, 372—374, 376, 380, 382—386, 388, 389, 392, 395, 397, 398, 400, 401, 403
- Средняя Алматы, р. 174
- Средняя Орда (Средняя Киргизская орда, Средний жуз) 9, 82, 87, 90, 102, 163, 166, 220, 273, 283, 300, 303, 369, 373, 382
- Стамбул, г. 223, 376, 386
- Старая Аягузка, пикет 307
- Старший жуз, см.: Большая Орда
- Старый юрт 235
- Сугульты (Согоульты), гора 314
- Сугульты, перевал 313, 406
- Сугульты, ущелье 313
- Сузак 372, 393
- Сузгун-тура 371
- Сукковский пикет 352
- Сузак 372, 393
- Сулук-Карачок, уроч. 315, 316
- Сумбе, горы 323
- Сумбенентау, горы 322
- Суттебулак, р. 311
- Суукджайляу, горы 356
- Сыгнак (Сигнак), г. 232, 372, 391, 393

- Сырдарья (Сыр) 101, 108, 167, 171, 175, 223, 224, 280, 287, 301, 361, 372, 373, 389—393, 407  
 Сыр-Куван 167  
 Сырт, нагорье 47, 49, 341  
 Сырымбет уроч. 9, 10, 13, 14, 17, 31, 61, 65, 90
- Тавчоке 351  
 Талас, р. 181, 269, 372, 397, 407  
 Талас, см.: Тараз  
 Тараз (Аулие-Ата, Джамбул), г. 229, 391  
 Талгар, г. 378  
 Талгар, р. 173—175, 180, 185, 191, 311, 349—351, 378  
 Талгарский пик (Талгарнын-Талчоку, Талгарнын Тау-Чоку) 175  
 Талдыбулак, р. 329  
 Талдысу, р. 329  
 Талкын, крепость. 216, 384  
 Тамгалы-Уткель, брод 174  
 Тамгалы-Тас, уроч. 69, 174  
 Тамгалыяр 350  
 Тара, г. 299  
 Тарбагатай, хребет 35, 55, 300, 374, 381, 382, 387, 408,  
 Тасма (Тасмаджон, Тасба), горы 323, 325, 328, 329, 331, 341  
 Татлаш, см.: Тараз  
 Ташкения 95  
 Ташкент (Ташкенд), г. 76, 83, 87, 92, 98, 174, 180—182, 185—187, 191, 224—226, 232, 276, 284, 360, 361, 377, 387, 391, 398  
 Тверь, г. 50, 56  
 Текасу, долина 349  
 Текджол, р. 311  
 Текес, р., исток Или 46, 47, 173  
 Текес, горы 323  
 Телаш, см.: Тараз  
 Темпрлик, р. 174  
 Темпрлик, горы 312, 313, 321, 322  
 Темур-Кашка 230, 392  
 Тентек (Тенеке), р. 354  
 Теректы, р. 352, 357  
 Теректы-Даван (Теректы), перевал 47, 49  
 Терсаккан, р. 352  
 Терсаккан, пикет 351  
 Терсбутаг, р. 11  
 Терскей, долина 341  
 Терскей Алатау, хребет 38, 301, 348, 406  
 Тибет, горы 91, 226, 299  
 Тикташ, гора и ущелье 321  
 Тиреп-Узек 181  
 Тобол, р. 371
- Тобольск, г. 53, 376  
 Тобольская губерния 82, 357  
 Тобулды-Асу, горы 324  
 Тобулготы, р. 327  
 Тобулготы, перевал 327, 329  
 Товолды-асу, р. 321  
 Тогайлы, уроч. 347  
 Тойчубеково укрепление 182, 379  
 Токалтерек, местн. 267  
 Токты, джайляу 13  
 Томск, г. 299  
 Томская губерния 295, 298, 387  
 Томь, р. 299  
 Торайгыр, горы 313—316, 406  
 Горесазы, местн. 352  
 Тракай (Троки), г. 106, 364  
 Третье Урукты, см.: Уч-Урукты  
 Троицк, г. 167  
 Тугызак, р. 195  
 Тулпарташ, уроч. 335  
 Тумурза, р. 307  
 Туп (Тюп), р. 325—327, 329—332, 341, 344, 345  
 Тура, р. 371  
 Туран, страна 24  
 Турангуль, оз. 61  
 Тургай, р. 192  
 Тургарт, перевал 49  
 Турге-Аксу, р. 341  
 Турген, асу 349  
 Тургенъ (Турген), р. 174, 175, 187, 313, 329, 343  
 Туркестан, г. 101, 217, 224, 241, 276, 398  
 Туркестан, провинц. 95, 101, 232, 330, 396  
 Туркестанский край 81  
 Турыйгур, см.: Торайгыр  
 Тычкан, р. 341  
 Тюменская Орда 193  
 Тюндюгур (Тюндюгюр), уроч. 197  
 Тянь-Шань, горы 34, 38, 39, 41—43, 45—48, 52, 57, 59, 70, 71, 86, 87, 91
- Убаган, р. 11, 13  
 Убаганская степь 29  
 Уйгентас (Уйгенташ), перевал 352  
 Уй, р. 195  
 Уйтас, ключ 313  
 Узген, р. 49  
 Улжояк, р., приток Тургая 192  
 Улугтаг, гора 390  
 Улугтау, Улугтауские горы 163, 193, 195, 372, 374, 381, 390, 392, 397  
 Улутавская вершина 193  
 Улутавская станция 224  
 Урал, р. 167, 231, 386, 392, 393  
 Уральские горы 193, 403

Урджар, с. 225  
Ургенч, г. 372, 398  
Уртаг, горы 229, 389, 390  
Урукты, см.: Уч-Урукты  
Урумчи, г. 44  
Усек, р. 174  
Усть-Каменогорск, г. 225, 387  
Уч-Арал, брод 174  
Учбайсорн, р. 311, 312  
Учбулак, р. 311  
Учбулак, ключи 349  
Уч-Джергеч, ключи 341  
Уч-Каркара, горы 322  
Уч-Кумбель (Уч-Кембель), хребет 406  
Уч-Куянды, горы 174  
Уч-Турфан, г. 47, 48  
Уч-Урукты (Третья Урукты), р. 343, 344  
Уч-Утлук, гора 238

Фергана, г. 76, 377, 389  
Ферганский хребет 49  
Финляндия 316

Хаджи-Тархан (Астрахан), см.: Астраханское ханство  
Ханакай, г. 38  
Хангай, горный хребет 44  
Хашгол, р. 173  
Хива, г. 76, 101, 102, 240, 361  
Хивинское ханство 24  
Хиджаз (Хиджас) 66  
Хокан, см.: Коканд  
Хоросан, г. 369  
Хорезм, г. 369, 372, 398  
Хотац, г. 48, 86  
Хотон, см.: Хотан  
Хуанхе, р. 299

Цагап-Бугу, местн. 351  
Центральная Азия 23, 89, 100, 102, 361, 365, 370, 376, 382, 383, 385, 389  
Центральный Казахстан 11, 35, 69, 382, 390, 395, 408  
Цун-Лун (Цун-Лин), см.: Куэнь-Лунь

Чабдар, р. 174  
Чарын, р. 174, 313—315, 317—321, 405, 406

Чатлэ (Сатлы), р. 311  
Чаты (Саты), р. 329, 342, 346, 347  
Чаты, перевал, 343, 344, 347  
Чаты, ущелье 344  
Чатыр-Куль, оз. 49, 86, 360  
Чемолган, р. 174  
Черганак, р. 319  
Черганакты, р. 321, 323  
Черное море 289  
Черный Иртыш, р. 44  
Черный Юс, р. 299  
Чибдженбулак, ключ 321  
Чибджоке, р. 321  
Чигу, г. 38  
Чилык, р. 174, 179, 311—314, 317, 321, 323, 329, 343, 347, 348, 405, 406  
Чимкент, г. 101, 361, 391  
Чингизские горы (Чингисский хребет) 55, 374  
Чингильды (Чингельды), горы 174, 350, 352  
Чингильды, р. 174  
Чолак, хребет 178  
Чольтепе, местн. 351  
Чон-Каркара, р. 321  
Чон-Мерке, р. 329  
Чорайгаковская орда 164  
Чу, р. 175, 178, 181, 182, 191, 197, 223, 224, 227, 248, 327, 372, 378, 392, 397, 407  
Чубарагац, местн. 176, 354, 357  
Чугучак, г. 39, 41, 404  
Чуй, см.: Чу  
Чуйская долина 34  
Чулак-Каркара, р. 321  
Чулактау, г. 69  
Чучкалы, р. 350

Югенташ, см.: Уйгентас  
Юз-Агачский пикет 308  
Южная Сибирь 42, 298, 365, 391, 401  
Южный Казахстан 52, 63, 64, 365, 386, 387, 395, 397  
Южный Урал 374  
Юрсук, местн. 229, 390

Яик, см.: Урал  
Яксарт, р. 301  
Якутск, г. 295  
Япысар, г. 48  
Яркенд, г. 48, 86, 187, 226, 301  
Яркент, см.: Яркенд

## СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии . . . . . 5

### Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова

Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова . . . . . 9

#### Воспоминания о Ч. Ч. Валиханове

Н. П. Веселовский. Метеор . . . . .	79
А. Н. Пыпин. О Чокане Чингисовиче Валиханове . . . . .	82
П. И. Небольсин. [Ч. Валиханов в Петербурге]	85
П. В. Мухометов. [Чокан Валиханов и его геологическая коллекция]	86
П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. А. Достоевский. [О значении путеше- ствия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар]	87
Г. Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов . . . . .	90
Н. М. Ядринцев. Воспоминания о Чокане Валиханове . . . . .	95
Д. и Р. Мичелл. Перевод предисловия к английскому изданию трудов Ч. Ч. Валиханова. М. И. Венюкова и других русских путешественников о Центральной Азии . . . . .	100
Некролог (дополнение к некрологам за 1865 год) . . . . .	102

#### Труды Ч. Ч. Валиханова

[Заметки при чтении книги] проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки» . . . . .	104
Козы Корпеш — Баян Сулу [Кушмурунский список] . . . . .	115
Письмо профессору И. Н. Березину . . . . .	163
Географический очерк Заплайского края . . . . .	173
О киргиз-кайсацкой Большой орде . . . . .	180
Составные части киргиз-кайсацкого пороха . . . . .	183
О хлебопашестве . . . . .	184
О Киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще . . . . .	190
Замечания на третью часть описания киргиз-казацких орд [А. И. Левшина] . . . . .	198
Песни Урака . . . . .	201
Тенгри (бог) . . . . .	208
Исторические предания о батырах XVIII в. [Об управлении казаками Большого жуза]	216
Извлечения из جامع التواريخ . . . . .	228
Образец [причитаний] . . . . .	255
Песня об Аблае . . . . .	258
Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды . . . . .	273
Поговорки Большой орды . . . . .	277
[О формах казахской народной поэзии] . . . . .	280
[Отрывок из дневника] . . . . .	287
[Заметки по истории южносибирских племен]	294
Дневник поездки на Иссык-Куль . . . . .	306

#### Комментарии

Комментарии . . . . .	359
Список сокращений . . . . .	409

#### Указатели

Именной указатель . . . . .	411
Этический указатель . . . . .	420
Географический указатель . . . . .	423

Ответственный за выпуск  
старший научный редактор  
*А. Г. Поздеев.*  
Научный редактор *С. У. Дилизо.*  
Художественный редактор *М. М. Кисамидинов.*  
Технический редактор *Г. Ж. Жаманбаева.*  
Корректор *К. Касенова.*

ИБ 16

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ I.  
(На русском языке).

Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984.

480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Сдано в набор 17.08.84. Подписано к печати 19.11.84. Высокая печать. Гарнитура  
обыкновенная новая. Формат 60×90<sup>1/16</sup>. Усл. печ. л. 27+1 вклеек. Уч.-изд. л.  
28,505. Тираж 15 000 экз. Цена 1 р. 80 к. (в суперобложке). Заказ 2376.

Алма-Атинский полиграфкомбинат производственного объединения полиграфиче-  
ских предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по де-  
лам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пас-  
тера, 41.